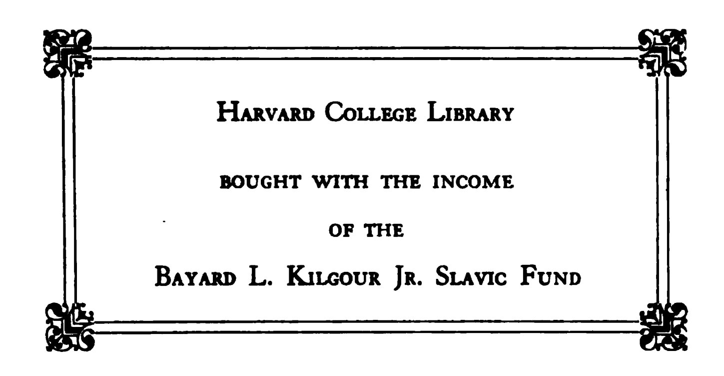
Obstoi︠a︡telʹnoe bibliograficheskoe opisanīe ...

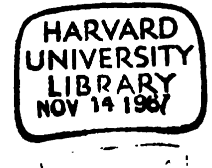
Aleksandr Evgenīevich Burt︠s︡ev


Harvard College Library
bought with the income
of the
Bayard L. Kilgour Jr. Slavic Fund

Напечатано 150 нумерован. экз.

Напечатано 150 нумерован. экз.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 7 Августа 1900 г.



Типографія „Акц. Общ. Брокгаузъ—Ефронъ“. Прачешный пер. № 6.

Обстоятельное

Библіографическое

ОПИСАНІЕ.

146

Предисловіе.

Выпуская въ свѣтъ свой новый трудъ подъ заглавіемъ «Обстоятельное библіографическое описаніе», я, какъ и ранѣе, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ любителей и собирателей книжныхъ рѣдкостей, а также и всѣхъ тѣхъ, кто интересуется успѣхами нашей отечественной библіографіи.

Не преслѣдуя никакихъ практическихъ цѣлей и не предназначая даже свое изданіе для продажи, я стремился исключительно къ тому, чтобы по мѣрѣ силъ и возможности принести свою, хотя малую, долю пользы для успѣха и процвѣтанія русской библіографіи. Насколько достигъ я своей цѣли—судить не мнѣ: это опредѣлятъ сами любители,—но съ своей стороны я употребилъ все зависящее отъ меня къ тому, чтобы новый трудъ мой былъ какъ можно полнѣе и обстоятельнѣе составленъ и вполнѣ могъ бы соотвѣтствовать своему назначенію: то есть, удовлетворять любопытству и служить пособіемъ любителей книжныхъ рѣдкостей, а въ особенности для тѣхъ, кто только-что начинаетъ составлять библіотеку русскихъ рѣдкихъ книгъ.

Въ настоящее изданіе, подобно предыдущимъ, мною внесены только тѣ изъ книгъ, которыя въ дѣйствительности являются рѣдкими и замѣчательными, и почти о каждой изъ нихъ помѣщены указанія и разъясненія, почему онѣ таковыми считаются, а также о большинствѣ изъ нихъ сообщены и цѣны, по которымъ пріобрѣтались мною эти книги, или-же та цѣна, по которой данная книга цѣнится любителями или книготорговцами.

Въ «Обстоятельное библіографическое описаніе» вошли частью тѣ изъ книгъ, которыя ранѣе были помѣщены мною въ предыдущихъ изданіяхъ; но большинство изъ описанныхъ здѣсь книгъ—помѣщены впервые, а нѣкоторыя изъ нихъ—даже нигдѣ до сего ни описаны, ни указаны не были. Тѣ книги, ко-

торыя описаны были въ моихъ прежнихъ изданіяхъ, снова помѣщены мною здѣсь потому, что самыя описанія ихъ значительно дополнены и кромѣ того—изъ многихъ сдѣланы перепечатки, которыхъ въ прежнихъ изданіяхъ не было.

Независимо отъ частичныхъ перепечатокъ, въ настоящемъ изданіи помѣщены перепечатки многихъ болѣе рѣдкихъ и интересныхъ книгъ полностью, и потому эти книги могутъ вполнѣ замѣнить собою подлинники.

Какъ и прежнія мои «Описанія»—настоящее также составлено мною въ алфавитномъ порядкѣ, по первой буквѣ въ названіи книги.

Александръ Бурцевъ.

На страницахъ предлагаемаго мною «Обстоятельнаго библіографическаго описанія рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ», въ виду чрезвычайной рѣдкости и исключительно ради библіографическаго интереса, мною перепечатаны также изъ слова въ слово и съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника слѣдующія рѣдкія книги и статьи.

Александръ Бурцевъ.

А.

1. **Абевега русскихъ суевѣрій, идолопоклонничества, жертвоприношеній, свадебныхъ простонародныхъ обрядовъ, колдовства, шеманства и проч. — Сочиненіе М. Z. иждивеніемъ Ф. Гиппіуса; печатано въ Москвѣ, въ типографіи содержателя Ф. Гиппіуса. 1786 года.—Въ 8 д. л., 326 стр.**

Чулковъ, М. Д.

Поэтъ, прозаикъ и историкъ; написалъ „Исторію русской торговли" въ 21 томѣ въ 4 д. л. М. 1781—1788.

Этотъ трудолюбивый писатель скончался въ 1793 г. въ Москвѣ.—Изъ собранія портретовъ Д. Ровинскаго.

Весьма рѣдкая въ настоящее время книга «Абевега русскихъ суевѣрій», въ хорошо сохранившихся экземплярахъ,—почти ненаходима. Издатель этой книги былъ одинъ изъ извѣстныхъ писателей XVIII столѣтія Михаилъ Дмитріевичъ Чулковъ. Первое изданіе этой книги напечатано въ Москвѣ, въ 1782 году, подъ заглавіемъ «Словарь русскихъ суевѣрій», и второе изданіе напечатано тоже въ Москвѣ, въ 1786 году, но здѣсь значительно увеличенное; между прочимъ, довольно обширная глава посвящается браку, въ которой обозрѣваются любопытные свадебные обряды многихъ народовъ Россіи. Это изданіе считается въ настоящее время рѣдкимъ. См. «Опытъ россійской библографіи» В. Сопикова за № 1743.

Купленъ мною экземпляръ за 7 руб. (хорошо сохранившійся.

«Михаилъ Дмитріевичъ Чулковъ, надворный совѣтникъ и сенатскій секретарь, обучался однимъ только началамъ русской словесности въ Московскомъ университетѣ, но вскорѣ изъ онаго поступилъ въ статскую службу, въ которой и находился до самой своей смерти. Не смотря на занятія свои по должности и малое ученіе, онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ чувствовалъ въ себѣ непреодолимую склонность къ чтенію и упражненію въ россійскомъ слогѣ, и писалъ почти безпрестанно сочиненія всякаго рода. Около 20 лѣтъ возраста своего, отмѣчалъ онъ уже себя многими изрядными стихотвореніями и романами, и склоненъ былъ къ критическимъ и сатирическимъ сочиненіямъ, но въ созрѣлыхъ лѣтахъ обратилъ все свое вниманіе къ законовѣдѣнію, и трудился надъ сочиненіемъ сего рода нужныхъ книгъ. И вообще-же, изданныя имъ книги слѣдующія:

1) Краткій миѳологическій словарь. 1767 г. Спб.

2) Еженедѣльное сочиненіе — «И то, и се», 1769 г. Спб.

3) Плачевное паденіе стихотворца. Сатирическая поэма, припечатанная къ вышеупомянутому еженедѣльному сочиненію, и потомъ изд. особо, въ Спб., 1775 г., съ приложеніемъ стиховъ—«На качели, на семикъ, и на маслянницу».

4) Ежемѣсячное сочиненіе — «Парнаскій щипитильникъ».

5) Пригожая повариха, или похожденія развратной женщины. Напеч. 1770 г. Спб.

6) Похожденіе Ахиллево, подъ именемъ Пирры, до Троянской осады. 1788 г.

7) Собраніе разныхъ пѣсенъ. 4 части. 1780 г. Москва.

8) Сказки русскія народныя о богатыряхъ и проч. 10 частей. 1780 г. Москва.

9) Историческое описаніе россійской торговли. Книга въ 7 частяхъ, въ 21 томахъ въ 4 д. листа. Состав. изъ коммерческихъ указовъ, уставовъ, тарифовъ. 1788.

10) Абевега, или словарь русскихъ суевѣрій.

11) Славянскихъ сказокъ, или пересмѣшекъ,— 5 частей. Напечат. 1789 г. Москва.

12) Древнія сказки славянъ древлянскихъ, или вечерніе часы, въ 6 частяхъ. 1787 г. Москва.

13) Краткая россійская исторія коммерціи. 1788 г. Москва.

14) Экономическія записки для всегдашняго исполненія въ деревняхъ прикащику. 1778 г. Москва.

15) Словарь учрежденныхъ въ Россіи ярмарокъ, взятый изъ историч. описаній россійской торговли. Напечат. 1788 г. Москва.

16) Наставленіе, необходимо-нужное для купцовъ, а особливо для молодыхъ людей. Напечат. 1788 г. Москва.

17) Сельскій лечебникъ, или словарь врачеванія болѣзней, бывающихъ въ родѣ человѣческомъ, расположенный по азбукѣ, 4 части напечатаны въ Москвѣ съ 1789—1790 г.; пятая часть отъ буквы Л—М—издана уже по смерти его, тамъ-же, 1804 г. Всѣ въ 4 д. л. — Но книга осталась неоконченная.

Онъ предпринялъ было съ Михаиломъ Поповымъ сочинить и Россійскій лексиконъ, но только началъ оный.

Сей трудолюбивый писатель скончался въ 1793 г. въ Москвѣ.

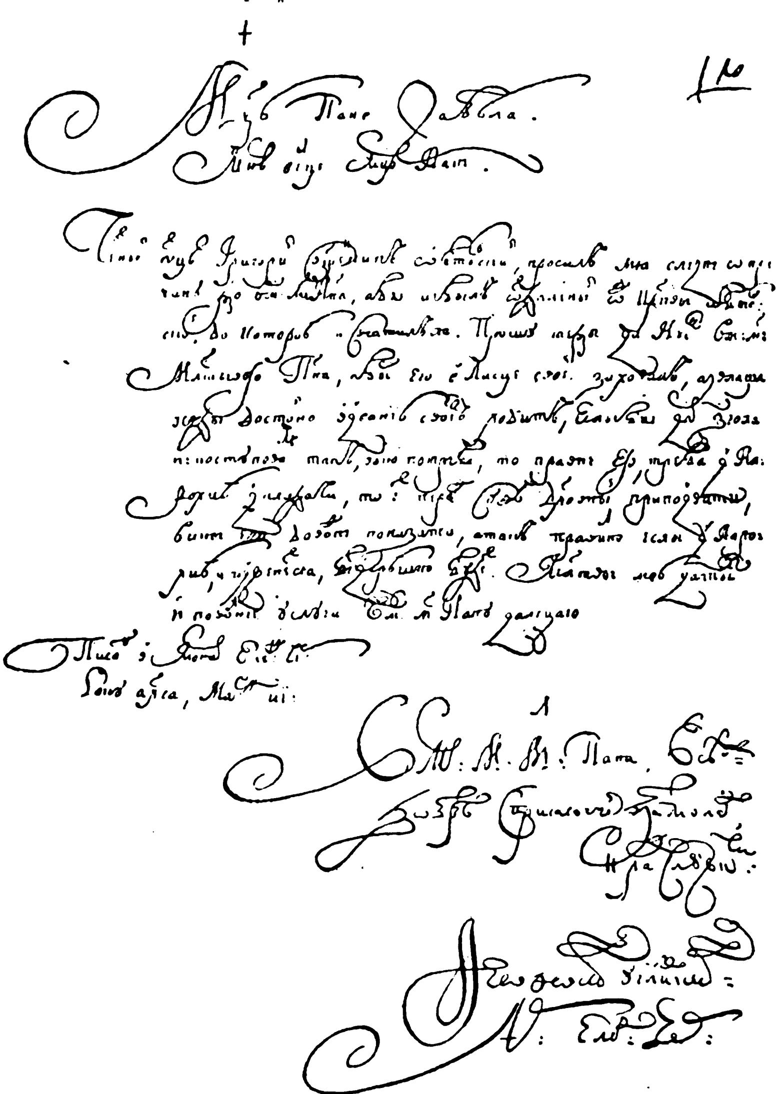
См. «Словарь свѣтскихъ писателей» митр. Евгенія, стр. 24-я.

2. Аврора. Ежемѣсячное изданіе. Москва, въ типографіи Хр. Шимбаха, 1805—1806 г.г.—Въ 12 д. л., 3 части. (6 №№). Часть 1-я 293, часть 2-я 285 и часть 3-я 107—206 стр.

Издателями «Авроры» были профессора Московскаго университета Рейхардтъ и де-Санглепъ; о сотрудникахъ-же нѣтъ указаній.

Этотъ чрезвычайно рѣдкостный ежемѣсячный журналъ началъ выходить въ концѣ 1805 года. Первая книжка «Авроры» была выпущена 2-го октября; вторая 4-го ноября; третья 6-го декабря; четвертая 5-го января 1806 г.: пятая 25-го февраля и шестая книжка—21 мая. Подписная цѣна журнала была объявлена въ Москвѣ по 10 руб., а съ пересылкою въ другіе города по 12 руб. Въ журналѣ были помѣщены слѣдующія весьма любопытныя статьи. Въ 1-мъ №: 1) Къ читателямъ. О древней и новой поэзіи. 2) О предметахъ, относящихся къ археологіи, а особливо о Соркофагѣ Александра великаго. 4) Фридрихъ Шиллеръ, эстетическая и философическая характеристика его твореній. Во 2-мъ № 1) Фридрихъ Шиллеръ (продолженіе). 2) Эгоизмъ. 3) Тихія минуты. 4) Кремль. 5) Новое открытіе о желѣзной маскѣ. Въ 3-мъ №: 1) Эгоизмъ (продолженіе). 2) Паралель между Вольтеромъ и Руссо. 3) Чувство россіянина при извѣстіи о побѣдѣ, одержанной надъ французами при Кремлѣ и 4) Взглядъ на нынѣшнюю войну. Въ 4-мъ №: 1) Мысли при наступленіи новаго года. 2) Эгоизмъ (продолженіе). 3) Почему миѳологическіе вымыслы для насъ столько занимательны. 4) Психологія. 5) Стихи къ... Въ 5-мъ №: 1) Эгоизмъ (окончаніе). 2) Сонъ Галилеевъ. 3) Русскій анекдотъ. 4) О сказкахъ и романахъ (продолженіе). 5) Умирающій лебедь (изъ Гердера). 6) Восточная литература. 7) Нѣчто о воинскомъ искусствѣ древнихъ и новыхъ временъ, съ прибавленіемъ характеристики французскихъ, австрійскихъ и русскихъ солдатъ. 8) Ночь (статья присланная). Въ 6-мъ №: 1) Невольники (продолженіе). 2) Храмой журавль. 3) О храмахъ въ древнемъ Римѣ. 4) Восточная притча. 5) Походъ кн. П. Д. Циціанова въ Карабасскую область противъ Бабакона Сардаря (окончаніе). 6) О новой рейнской конференціи и 7) Слово русскаго крестьянамъ при случаѣ рекрутскихъ наборовъ. 1806 году.

2. Автографъ Св. Ѳеодосія Углицкаго.



3. Автобіографическія записки Дмитрія Борисовича Мертваго; 1760 — 1824 годъ. Москва, типографія Т. Рисъ. 1867 года.—Въ 8 д. л., XIII+335 стр.

Записки Дмитрія Борисовича Мертваго отпечатаны были въ количествѣ 200 экземпляровъ, изъ тетрадей—8-й и 9-й «Русскаго Архива» 1867 г. Записки Д. Б. Мертваго сообщены были въ «Русскій Архивъ» академикомъ В. П. Безобразовымъ, которому и принадлежитъ самая рукопись.

Начало записокъ—именно, разсказъ о Пугачевщинѣ—было уже напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1857 г. № 1 и тамъ-же сообщено слѣдующее біографическое свѣдѣніе объ авторѣ записокъ, составленное братомъ его С. Б. Мертваго.—«Дмитрій Петровичъ Мертваго родился 1760 года августа 5-го. Въ службу вступилъ въ 1775 году. Съ 1787 по 1797 годъ былъ совѣтникомъ уфимскаго намѣстническаго правленія. Дѣятельность и справедливость его надолго сохранились въ памяти всѣхъ сословій губерніи. Съ 1797 по 1802 годъ былъ членомъ провіантской экспедиціи, гдѣ своими достоинствами и способностями обратилъ на себя вниманіе общества и сталъ извѣстенъ императору

Павлу. Въ 1802 году опредѣленъ начальникомъ поступившихъ въ казенное управленіе Крымскихъ соляныхъ промысловъ, въ 1803 году Таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ. Въ 1807 г. генералъ-провіантмейстеромъ. Въ 1810 г. уволенъ по прошенію отъ службы. Въ 1817 года назначенъ сенаторомъ въ Москву, гдѣ и скончался 23-го іюня 1824 г.».

4. **Аглая. Москва. Въ университетской типографіи, у Редигера и Клаудія, 1791 года. Изданіе 2-е, въ 8 д. л. Книжка 1-я 145, книжка 2-я 192 стр.**

Карамзинъ Н. М.

Знаменитый русскій историкъ. Р. 1 декабря 1766 г., ум. 22 мая 1826 г.—Съ грав. Уткина.

Литературный сборникъ «Аглая» издавался знаменитымъ исторіографомъ Николаемъ Михайловичемъ Карамзинымъ, который помѣщалъ въ немъ свои сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Этого сборника, сдѣлавшагося теперь библіографическою рѣдкостью, издано было только 2 книжки, и нѣкоторыя статьи изъ оной переведены на нѣмецкій языкъ, и напечатаны въ Митавѣ въ 1805 году. По рѣдкости этой замѣчательной книги, прилагаю изъ оной выписку. См. 143 стр. XIV: «Разлука».

Видъ прелестной, милы взоры,
Вы скрываетесь отъ глазъ:
Рѣки и лѣса и горы
Разлучатъ на долго насъ.

Сладко было спознаваться
Мнѣ любезная съ тобой;
Горько, горько,—разставаться,
Горько,—будто-бы съ душой!

Сердце ноетъ, духъ томится;
Кровь то стынетъ, то кипитъ;
За слезой—слеза катится;
Стонъ за стономъ вслѣдъ летитъ.
О, несносное мученье!
Что любезно, то терять.
Медли, медли разлученье,
Медли душу отнимать!

Нѣтъ отрады! Все теряю;
Часъ разлуки настаетъ;
Стражду, мучусь, рвусь, рыдаю!
Ахъ! прости.... прости мой свѣтъ!...
Во слезахъ, въ тоскѣ и скукѣ
Продолжится жизнь моя.
Будь спокойна ты въ разлукѣ,
Пусть одинъ терзаюсь я!

См. «Опытъ россійской библіографіи, или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 3771. Есть у Як. Березина-Ширяева, 1873 года, стр. 291, сказано, что: «сборникъ «Аглая» въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость». Мною купленъ экземпляръ за 3 рубля.

5. **Агатонъ или картина философическая нравовъ и обычаевъ греческихъ. Сочиненіе Виланда. Переводъ съ нѣмецкаго языка. Москва, въ университетской типографіи Новикова, 1783—1784 г.г. 4 части въ 12 д. л., часть I-я 364 стр., часть II-я 4+484 стр., часть III-я 4+399 стр., часть IV-я 4+361 стр.**

Эта книга переведена на русскій языкъ и посвящена Өедоромъ Сапожниковымъ графу Александру Романовичу Воронцову. Въ ней очень подробно описываются похожденія и разныя приключенія Агатона въ Аѳинахъ, и вообще предъ читателемъ развертывается современная картина нравовъ и обычаевъ древнихъ грековъ.

Книга эта была напечатана у Новикова, и по выходѣ въ свѣтъ—скоро была распродана; въ настоящее время она принадлежитъ къ числу книжныхъ рѣдкостей.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, сказано—рѣдка. — У Якова Березина-Ширяева— «Послѣдніе матеріалы для библіографіи или описаніе книгъ, находящихся въ библіотекѣ любителя NN», стр. 235-я, сказано:—«Книга рѣдкая».

6. Аделаида, первая Императрица Германская. Хроника X столѣтія, написанная игуменомъ Одиллiономъ. Переведена съ французскаго ***. Москва, въ типографіи А. Семена, при медико-хирургической академіи. 1838 года.—12°, 50 стр.

Въ словарѣ русскихъ писательницъ князя Н. Голицына (М. 1865) переводчицею этой книжки, напечатанной въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, показана графиня Манковская.

Означенная брошюрка въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость. См. въ каталогѣ Черткова, 1845 г., стр. 379.—Геннади— «Книжныя рѣдкости», стр. 108, № 172.—Князь Голицынъ—№ 2.

7. Адская почта, или переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ.—Ежемѣсячное изданіе 1769 года, мѣсяцъ іюль—декабрь. Издалъ въ свѣтъ, Я, напечаталъ здѣсь, 8 д. л., 385 стр.

Издавалъ Ѳедоръ Александровичъ Эминъ, служившій переводчикомъ въ кабинетѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и знавшій четырнадцать европейскихъ и азіатскихъ языковъ. — Замѣчательно то, что Эминъ, прибывшій въ Россію, — вовсе не зналъ русскаго языка, и чрезъ два года уже говорилъ и писалъ на немъ свободно. Эминъ, спустя три мѣсяца по прекращеніи этого журнала — умеръ.

«Адской Почты» вышло шесть книжекъ: первая въ іюлѣ, а послѣдняя—шестая въ декабрѣ 1769 года. Къ концу каждой книжки, какъ добавленіе, слѣдовали «Адскія Вѣдомости»; особаго счета страницъ для нихъ не было: цифра страницъ шла общая, послѣдовательная. Первая книжка «Адской Почты», въ то же время, была перепечатана вновь.— О выходѣ этого журнала въ «Спб. Вѣд.» № 53 Іюля 3 дня 1769 г., было помѣщено такое объявленіе: «Въ луговой Миліонной, въ домѣ директора Савы Яковлева, у переплетчика Веге продается ежемѣсячное сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Адская почта или переписка хромоногова бѣса съ кривымъ, каждаго мѣсяца экземпляръ по 20 коп.». По составленію и изданію «Адской Почты» сотрудниковъ у Эмина, какъ видно, не было. Въ началѣ первой вышедшей книжки Эминымъ помѣщено полемическое обращеніе ко «Всякой Всячинѣ» — тоже періодическому изданію, издававшемуся Казицкимъ; полемика эта была повторена и во второй книжкѣ. Предувѣдомленіе отъ издателя помѣщено въ четвертой книжкѣ, м. октябрь, на стр. 201 — 215. Въ первой же книжкѣ находится довольно пространное обращеніе къ читателю:

«Имѣя голову, отягощенную жестокою печалію, остался я ночевать въ трактирѣ, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою двухъ господъ, одного Хромоногова, а другаго Криваго. Я въ замѣшательствѣ спросилъ ихъ, что они мнѣ прикажутъ, и въ чемъ я имъ могу служить? Кривой господинъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: что я имъ весьма нуженъ; что они вѣрно служа долгое время республикѣ адской, наконецъ отправлены въ посольство въ свѣтъ; что каждый изъ нихъ будетъ жить въ особливомъ мѣстѣ, и будутъ увѣдомлять другъ друга о всемъ ими видѣнномъ, и что они оба очень честные бѣсы. Мы знаемъ, продолжалъ г. Кривой, что ты съ типографіями довольное имѣешь знакомство; почему просимъ тебя, чтобы наши письма напечатавъ издалъ въ свѣтъ. Теперь пошла мода на сочинителей: всѣ пишутъ; такъ для чего жъ и нашему брату не стараться о пріобрѣтеніи почтеннаго имени авторства? Я, будучи весьма набоженъ и нѣсколько суевѣръ, не смѣлъ вступить въ договоръ съ такими господами; что примѣтя г. Кривой, усмѣхнувшись, сказалъ: конечно и ты такъ, какъ многіе иные неблагородныхъ мыслей люди, думаешь о бѣсахъ не весьма почтенно? Такъ, милостивый государь, отвѣчалъ я ему. Въ нашемъ городѣ о господахъ чертяхъ не очень хорошо говорятъ. Чортъ и бѣсъ, сказалъ мой гость, не все одно; это такія разныя вещи, какъ человѣкъ и господинъ. Сіи послѣднія слова г. Криваго привели меня въ ужасъ; ибо до тѣхъ поръ въ моемъ домѣ ни господъ, ни чертей не бывало, и я вельможъ обоихъ сихъ родовъ боялся; однако зная изъ наслышки, какъ опасны господа тѣмъ, кои дерзнутъ сдѣлаться имъ ослушными, и изъ уравненія г. Криваго то же думая и о бѣсахъ, согласился на ихъ требованіе,

и обѣщалъ всѣ ихъ переписки, которыхъ копіи мнѣ пришлютъ, напечатавъ, сообщить публикѣ. Но какъ они мнѣ денегъ на типографію не оставили, насказавъ, что свѣтъ, которому они много благодѣяній дѣлаютъ, за нихъ заплатитъ, то экземпляръ ежемѣсячнаго изданія, кто полюбопытствуетъ читать оное, будетъ продаваться за 20 копѣекъ у Переплетчика Веге, живущаго въ малой Миліонной. Я думаю, что не будетъ то публикѣ удивительно, что при мнѣ въ трактирѣ сошлися два адскіе господа. Гора съ горою не сходится, а бѣсъ съ бѣсомъ легко вездѣ сойтися и содружиться можетъ».

Въ 1788 году «Адская Почта» была издана Петромъ Богдановичемъ вторымъ изданіемъ въ одно и то же время подъ двумя различными названіями: 1) Курьеръ изъ Ада съ письмами, 2) Адская почта при Курьерѣ изъ Ада съ письмами. Но изданіе это не даетъ понятія о первоначальномъ видѣ «Адской Почты»: оно съ большими пропусками; писемъ очень многихъ недостаетъ, а помѣщенныя письма большею частью переиначены. Выброшены придисловія, составляющія самую существенную часть журнала, изъ которыхъ легко познаются цѣль и характеръ изданія.

8. Азбука гражданская, съ нравоученіями отъ священнаго писанія, по алфавиту ізбранная. — Слыші сыне и вразумляіся. — Безъ означенія года и мѣста печати. На толстой сѣрой бумагѣ 17 стр.

Факсимиле собственноручной подписи Петра I на оборотѣ переплета „Гражданской Азбуки“.

Азбука эта, надо полагать, была напечатана Иліей Копіевскимъ въ 1700 году, въ Амстердамѣ, въ своей собственной типографіи, новымъ русскимъ шрифтомъ, который былъ вылитъ по заказу императора Петра Великаго, и былъ привезенъ въ Россію въ 1708 году; но этотъ шрифтъ признанъ былъ не вполнѣ удобнымъ. Въ 1710 году 29 января эта азбука была правлена собственною рукою императора Петра Великаго. Поэтому «Гражданская азбука съ нравоученіями» составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость, слѣдовательно для большинства любителей—недоступна. Но между тѣмъ въ ней помѣщено весьма любопытное нравоученіе, почему, я считаю не лишнимъ привести его здѣсь.

А.

Аще хощеті работаті Господеві, уготові душу твою во сміреніе.

Аще премудръ будеші, себѣ премудръ будеші і іскреннымъ твоімъ. Аще золъ будеші—единъ почерпнеші злая.

Аще узріші разуміва утренюі къ нему, і степені стезь его да третъ нога твоя.

Б.

Боіся Бога і царя і ніедіному же іхъ протівіся. Безъ совѣта нічтоже творі.

Буі въ смѣху вознесетъ гласъ свої мужь же мудръ едва мало осклабітся.

В.

Возлюбіші Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоімъ і всею душею твоею і всею мыслію твоею. Въ вінѣ не мужаіся, въ пірѣ не облічаі іскренняго. Все твореніе пріведетъ Богъ на судъ.

Г.

Господа чті отъ праведныхъ трудовъ твоіхъ.

Гортань сладокъ умножітъ другі своя.

Горе глаголющымъ свѣтъ тму і тму свѣтъ.

Д.

До смерті подвігаіся по істінѣ і Господь поможетъ ті.

Душа лукава погубітъ стяжавшаго ю.—Друга заступаті не срамляіся.

Е.

Еліко высокъ есі, толіко сміряі себе.

Единъ есть входь всѣмъ въ житіе нодобенъ же іісходъ.

Есть молчаі, не імать бо отвѣта і есть молчаі—вѣдыі время.

Ж.

Жертвы нечестівыхъ, мерзості Господеві.

Жестоко слово, воздвізаетъ брань.

Житіе наше, яко сѣнь преходітъ.

З.

Злословяі отца ілі матерь, смертію да умретъ.

Завість не вѣсть почітаті полезнаго.

Завістію діаволею смерть вніде въ міръ.

Знаі себе.

Заступі въ старості отца твоего, і не опечалі его. — Заступі глаголющу молчітъ всякое слово, вѣсть бо увѣщаті, аще і не можетъ вѣщаті.

И.

Иже хранітъ своя уста, соблюдаетъ отъ печалі свою душу.

Иже отвѣщаетъ прежде слышанія, студъ ему есть.

Имже нѣсть совѣта, падутъ акі ліствіе.

І.

Іереі почітаі старшіхъ благовѣі.

Іконамъ покланяяся, не боготворі, но мысль къ первообразному возводі.

Ідолу подобно сребролюбія несытство.

К.

Кратко ступаніе, кратко сѣданіе, кротокъ взорь, кротко слово тебѣ да будетъ.

Конь уготовляется въ день бpaні, а отъ Господи помощь.

Конь неученъ свірѣпъ, і сынъ самоволенъ блуднікъ будетъ.

Л.

Любяі своего сына, участитъ ему раны.

Левъ ловитъ ловь, а грѣсі дѣлающихъ неправду.

Лучше хлѣбъ со сластью въ мірѣ, нежелі домъ іісполненъ благо со своромъ.

М.

Мзда і дарове ослѣпляютъ очі премудровыхъ.

Мужъ двоязыченъ открыетъ совѣты въ сонміщі.

Мужъ яръ прітворяетъ свары.

Н.

Небо высоко, земля шірока, сердце же царево не облічно.

Не оправдаі себѣ передъ Богомъ, і паче царя не мудріся.

Не буді скоръ языкомъ твоімъ, і лѣнивъ і слабъ въ дѣлахъ твоіхъ.

О.

Очі Господні тмамі свѣтлѣіші солнца есть, прозірающе вся пути человѣчі.

Огнь палящъ угасітъ вода, і мілостыня очістітъ грѣхі.

Обыкло покараті не хотящіхъ насілство давітъ бо сіе і споліны многі.

П.

Предъ человѣкомъ жівотъ і смерть і еже ізволитъ дастся ему премудрость смиреннаго, вознесетъ главу его і посредѣ велможъ посадітъ его.—Помні судъ, чаі отвѣта, і воздаянія по дѣламъ.

Р.

Разумѣі яко о всѣхъ сіхъ пріведетъ Богъ на судъ.—Раба разуміева да любітъ душа твоя і не ліші его свободы.

Рвеніе і ярость умаляють дни.

С.

Слава царева, чтіті повелѣнія его.

Студь отцу ненаказанъ сынъ.

Согрѣшилъ лі есі, не пріложь ктому іо прежніхъ ті помоліся.

Т.

Таіну цареву добро храніті.

Терпѣлівъ мужъ лучше імущаго наукі.

Тіха дателя любітъ Богъ.

У.

Уста царя сохрані, іо словесахъ клятвы Божія не тшіся.

Убога горда, богата лжіва і стара прелюбодѣя возненавідѣхъ.

Удерживаі мзду отъ наемнікъ, яко проліваѧ кровь.

Ф.

Філософіа істіна есть, еже помніті смерть.

Фарісеіскаго тщеславія огребаіся.

Фараонітская жестокость отбѣгаі.

Х.

Хранітъ законъ сынъ разумныі, а іже хранитъ несытость, досождаетъ.

Храніся буяго, да не пріиметі труда.

Храні себя, паденію же братню не смѣіся.

Ѿ.

Ѿ зрака познанъ будетъ мужъ, і срѣтеніемъ лица познанъ будетъ умныі.

Ѿ крываі таіну, погубляетъ вѣрность, і не іматъ обрѣсті друга.

Ѿ ніщихъ другомъ таятся богатыхъ дверi, свѣтлы же дворы богатымъ любезны.

Ц.

Царь премудръ утвержденіе есть людямъ.

Цареві ложно нічтоже да глаголется.

Царю слово во множѣ языцѣ, во оскуденії же людеі, подениe сілному.

Ч.

Чтыі отца, возвеселітся о чадѣхъ.

Человѣкъ премудръ молчітъ до времене.

Чада прелюбодѣевъ не совершена будетъ, і отъ законопрестунна ложа сѣмя ізчезаетъ.

Ш.

Широкъ путь вводяі въ пагубу, і мнозі суть входящії въ него.

Шумъ морскіі—безумнаго слово: тяготітъ брегі, не тучнітъ луга.

Шепотніка и двоязычника подобаетъ клясті.

Щ.

Щедръ і мілостівъ Господь, но и правосуденъ.

Щедраго рука не оскудѣетъ.

Щадітся праведнымъ богатство нечестівыхъ.

Ю.

Юзнікі въ темницѣ посѣщаті тщійся.

Юродомъ ближняго наріцаті блюдіся.

Юдолітъ і камня, часто каплющая капля; юрода же не научитъ і вся мудрыхъ кнігі.

Ѻ.

Ѻ смерте, яко горька ті есть память человѣку мірну во імѣнії его жівущу.

Ѻ коль лжівъ міръ, коль слѣпъ человѣкъ, коль кратко время, коль долга вѣчность.

Ѻ коль страшенъ адъ, коль любезенъ раі.

Я.

Якоже стремленіе водное, тако і сердце царево въ руцѣ Божіе.

Ярость царева посолъ смертенъ.

Яждь яко человѣкъ і не разгребаі, да не возненавидѣнъ будеші.

Ѡ.

Ѡ блічаі премудра, і возлюбитъ тя.

Ѡ бліченіе нечестівому — раны ему.

Ѡ вещі, яже ті нѣсть на потребу, не тяжіся.

Я.

Языкъ неправедна, люта окончанія.

Язычень мужъ не ісправится на землі.

Языкъ мудрыхъ добрая свѣсть, въ сердце же іхъ почіетъ премудрость.

КОНЕЦЪ.

Ѿ кто сохранітъ сія і спасется.

9. **Азбука столповыхъ, безлинейныхъ знаковъ знаменнаго распѣва въ Россіи.— Опытъ историко-техническаго изложенія. Дим. Разумовскаго. Москва, въ типографіи Ж. Рисъ. 1867 года.—Въ 8 д. л. (Изъ книги „Церковное пѣніе въ Россіи").**

Каждая страница азбуки состоитъ изъ трехъ отдѣленій. Въ первомъ (лѣвомъ) отдѣленіи помѣщено названіе безлинейныхъ знаковъ, присвоенное имъ пѣвцами русскими. Во второмъ (среднемъ) отдѣленіи находится начертаніе, или изображеніе безлинейныхъ знаковъ знаменнаго распѣва. Въ третьемъ (правомъ) отдѣленіи показано пѣвческое значеніе безлинейныхъ знаковъ нотами квадратными. При семъ должно имѣть въ виду значеніе квадратныхъ нотъ въ богослужебномъ пѣніи православной греко-россійской церкви. Отношеніе квадратныхъ нотъ къ общепринятымъ музыкальнымъ знакамъ указано на стр. 85 и 86.

10. **Азбука Василія Бурцова. Напечатана въ Супраслѣ. 1781 года.—Въ 8 д. л. 120 стр. Счетъ ихъ и помѣта по тетрадямъ (коихъ $7^1/_2$), внизу; въ концѣ—выходъ.**

«Сія богодухновенная книга, глаголемая азбука, имѣя въ себѣ начальныя словенскія статиквы, такожде и правоучительные слоги отъ священнаго писанія, и похвала святому Константину философу, нарицаемому въ минишескомъ чинѣ Кириллу: тиномъ издана въ типографіи Супрясльской въ лѣто отъ мірозданія 7289».

11. **Аксель. Повѣсть Исаіи Тегнера въ русскомъ переводѣ Д. Ознобишина. Санктпетербургъ, въ типографіи коммиссіонера Императорской Академіи Художествъ Гогенфельдена. 1861 года.—Въ 8 д. л., 73 стр.**

За заглавнымъ листомъ слѣдуетъ посвященіе отъ переводчика. «Милому другу, сестрѣ моей Варварѣ Петровнѣ Базилевской».

Повѣсть Аксель—одно изъ трехъ замѣчательныхъ поэтическихъ созданій народнаго шведскаго поэта Исаіи Тегнера (род. 13 ноября 1782 года, а умеръ 2 ноября 1846 года). Въ этомъ разсказѣ, говоритъ Леузонъ-Ледюкъ, изображена поэтомъ земная драма, исполненная глубокаго человѣческаго чувства, въ противоположность другому стихотворенію Тегнера, извѣстному подъ заглавіемъ: «Первое пріобщеніе св. тайнъ», гдѣ, какъ въ драмѣ небесной, все дышетъ высокимъ религіознымъ настроеніемъ.

Наконецъ третье произведеніе Тегнера, великолѣпный памятникъ народности, гдѣ геній поэта является во всей своей дивной красотѣ и чудномъ величіи — это его поэма Фритіофъ, переведенная почти на всѣ европейскіе языки.

Означенная книжка (въ переводѣ Ознобишина) въ настоящее время рѣдка.

Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля.

12. **Аллегорическіе барельефы въ память событій войны 1812, 1813 и 1814 годовъ, сочиненные и рисованные въ очеркахъ графомъ Толстымъ, гравированные Уткинымъ, 19 рисунковъ, съ русскими подписями и съ французскимъ объяснительнымъ текстомъ. Напечатаны въ 1818 году въ 4 д. л.**

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры сего изданія чрезвычайно рѣдки.

См. у Якова Березина-Ширяева, стр. 62-я, гдѣ сказано, что по изданію—очень рѣдки.

13. **Аллегорическое философическое и критическое сочиненіе г. Волтера. Переведены съ французскаго языка И.... Р.... Печатано съ дозволенія Управы Благочинія, въ вольной типографіи у Г. Галченкова. Въ Санктпетербургѣ. 1784 года.—Въ 8 д. л., 303 стр.**

Волтеръ Франсуа-Мари-Аруэ.

Знаменитѣйшій литературный дѣятель XVIII вѣка.—Съ фот. Везенберга.

Въ этой чрезвычайно любопытной книгѣ помѣщены слѣдующіе, весьма оригинальные, разсказы Волтера:

1) Бабабекъ и факиры или письмо одного турка. 2) Царь Бутанскій или до какой степени должно обманывать народъ. 3) Повѣсть о добромъ браминѣ. 4) Сколь опасно имѣть разумъ. 5) Другое время, другія и мысли. 6) Тимонъ или доказательство, что науки повредили нравы. 7) Философъ индѣйской и Бостанжи или украшеніе города Кашемиры. 8) Мемнонъ или человѣческое умствованіе. 9) О славѣ или разговоръ съ китайцемъ. 10) О арабскихъ и индѣйскихъ басняхъ. 11) Слѣпые, судящіе о цвѣтахъ. 12) Двое утѣшенныхъ. 13) Микромегосъ, философическая повѣсть. 14) Храмъ вкуса. 15) Голосъ приходскаго попа въ судѣ за невольниковъ манчжурскихъ, притѣсненныхъ монахами. 16) Путешествія Скормендатовы. 17) Путешествіе въ небо. 18) Сова и другія птицы. 19) Смѣсь. 20) Королевскій набатъ для потревоженія Европейскихъ Государей. 21) О самоубійствѣ. 22) Челобитная ко всѣмъ судіямъ французскаго королевства. 23) Вопль народный. 24) Ода о суевѣріи. 25) Ода на миръ.

14. Алфавитъ собраный, риѳмами сложенный отъ святыхъ писаній, изъ древнихъ реченій; на пользу всѣмъ чтущимъ въ правой вѣрѣ сущимъ. Сочиненіе архіепископа Іоанна Максимовича, напечатанное въ Черниговѣ, 1705 года, въ листъ.

Въ началѣ этой чрезвычайно рѣдкой книги слѣдуетъ краткое посвященіе царевичу Алексѣю Петровичу.

См. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки, за 1852 годъ, стран. 72-я, № 20-й.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этого изданія рѣдки.

Куплена мною книга за 5 рублей.

15. Алфавитно-справочный перечень государей русскихъ и замѣчательнѣйшихъ особъ ихъ крови. Составленъ М. Д. Хмыровымъ. Санктпетербургъ. 1870 года.—Въ 8 д. л., 88 стр.

На оборотѣ заглавнаго листа сказано: Въ перечень этотъ, извлеченный сжато изъ большаго, еще продолжаемаго, труда «Энциклопедіи русскаго отечествовѣдѣнія» вошли отдѣльными статьями справки о времени рожденія и смерти, фактахъ жизни и вмѣстѣ погребенія тѣла: а) всѣхъ едино-и-главнодержавствовавшихъ въ Россіи особъ; б) ихъ женъ; в) ихъ родичей наиболѣе замѣчательныхъ. Полное перечисленіе именъ и другія подробности въ «Перечнѣ» не помѣщены, увеличили бы объемъ его несоотвѣтственно объему настоящаго изданія.

Порядокъ изложенія «Перечня», для удобства справляющихся, принятъ алфавитный.

Мой экземпляръ съ дополненіями Н. Л. Ширяева.

16. Альбомъ изображеній святыхъ иконъ, изданіе хромолитографіи Е. И. Фесенко. Одесса. 202 картины, въ 4 д. л.

Это великолѣпное изданіе Е. И. Фесенко съ цѣлыми сотнями прекрасныхъ хромолитографій, изображеній святыхъ иконъ, даетъ массу матеріала для изученія разныхъ проявленій русскаго искусства со стороны художественной формы св. иконъ.

Купленъ мною экземпляръ хорошо сохранившійся, за 8 р., къ книжной торговлѣ Семенова (въ С.-Петербургѣ).

17. Альбомъ литографированныхъ рисунковъ П. М. Боклевскаго. Къ сочиненіямъ Островскаго. Изданіе графа Кушелева-Безбородко съ оригиналовъ П. М. Боклевскаго, рисованы на камнѣ П. Викторовымъ. Москва. Отпечатаны въ литографіи Боклевской; въ большой листъ.

30 литографированныхъ рисунковъ П. М. Боклевскаго къ пяти комедіямъ Островскаго: 1) Не такъ живи какъ хочется. 2) Бѣдная невѣста. 3) Не въ свои сани не садись. 4) Бѣдность не порокъ. 5) Свои люди сочтемся и 6) Къ сценамъ изъ купеческаго быта.

Изданіе выходило по выпускамъ, въ печатныхъ обложкахъ. Всѣхъ выпусковъ было шесть.

П. М. Боклевскій былъ очень даровитый художникъ, но къ сожалѣнію участвовалъ весьма въ немногихъ изданіяхъ, и потому всѣ имъ изданные рисунки въ настоящее время считаются рѣдкими.

Купленъ мною экземпляръ хорошо сохранившійся за 12 р.

18. Альбомъ геліогравюръ съ картинъ русскихъ художниковъ. 24 листа геліогравюръ съ пояснительнымъ къ нимъ текстомъ, составленнымъ профессоромъ Шварцемъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Въ листъ. Изданіе Кано, въ Москвѣ, 1886 года.

Евгеній Сю.

Самый народный изъ французскихъ писателей. Родился въ Парижѣ 10 декабря 1804 г.

Это роскошное изданіе было предпринято въ Москвѣ въ 1886 году и издавалось выпусками; каждый выпускъ состоялъ изъ 2 геліогравюръ, съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ. Альбомъ состоитъ изъ 12 выпусковъ, содержащихъ въ себѣ 24 геліогравюры и 12 листовъ объяснительнаго текста.

Всѣ геліогравюры въ этомъ роскошномъ изданіи превосходно исполнены извѣстнымъ артистическимъ заведеніемъ въ Вѣнѣ г. Ангерера.

Это изданіе въ хорошо сохранившихся экземплярахъ довольно рѣдка. Купленъ мною экз. за 18 руб.

Кромѣ этого въ моей библіотекѣ имѣются еще слѣдующія рѣдкія художеств. изданія:

19—34. [1]) Альбомъ Литографированныхъ рисунковъ П. М. Боклевскаго къ сочиненіямъ Островскаго: 5—къ ком. «Бѣдность не порокъ», 5—къ ком. «Свои люди—сочтемся», 5—къ ком. «Не въ свои сани не садись», 5—къ «Сценамъ изъ купеческаго быта», 5—къ ком. «Бѣдная невѣста» и 5—къ драмѣ «Не такъ живи какъ хочется». Всего 30 литографій, въ листъ.

Изданіе рѣдкое.

Купленъ мною экземпляръ за 15 рублей.

[2]) Альбомъ Московской Пушкинской выставки 1880 года. Изданіе общества любителей россійской словесности, подъ ред. Льва Поливанова. Москва. 1887 года. Съ 62-мя фотогравюрами и тремя политипажами.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

[3]) Виды старообрядческихъ храмовъ въ Москвѣ. Альбомъ фотографій gr. in folio, въ шагреневомъ футлярѣ.

Купленъ мною экземпляръ за 30 рублей.

[4]) Альбомъ Городскихъ рядовъ въ Москвѣ, изд. Найденова. Въ листъ 32 фотогравюры. Москва. 1890 года. Въ печ. обложкѣ.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

[5]) Виды нѣкоторыхъ городскихъ мѣстныхъ храмовъ, примѣчательныхъ зданій и другихъ сооруженій города Москвы. Съ двумя прибавленіями. Изд. Н. Найденовымъ. Москва, 1884 года. Въ листъ.

Изданіе рѣдкое.

Купленъ мною экземпляръ съ приложеніями за 40 рублей.

[6]) Виды соборовъ, монастырей и церквей города Москвы. Изд. Н. Найденовымъ. Москва. 1883 года.—Въ больш. листъ 4 тома, съ 247 фотогравюрами.

Хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся до 20 руб.

[7]) Снимки съ видовъ г. Москвы — 4 части и панорама Москвы. Изд. Н. Найденовымъ. Москва.

1866 года.—Въ больш. листъ, съ 208 фотогравюрами, представляющими снимки со старинныхъ рѣдкихъ гравюръ.

Это рѣдкое изданіе цѣнится до 30 рублей.

[8]) Рисунки къ путешествію по Россіи римско-императорскаго посланника барона Мейерберга въ 1661 и 1662 годахъ, представляющіе виды, народные обычаи, одѣянія, портреты и т. п. Изд. Ѳ. Аделунгъ. С.-Петербургъ. 1827 года.—Въ продолговатый листъ. Особое гравированное заглавіе, литографиров. портретъ графа Румянцова и 64 листа литографированныхъ видовъ, плановъ, портретовъ и проч.

Это рѣдкое изданіе цѣнится въ настоящее время, смотря по степени сохранности, до 35 руб.

[9]) Альбомъ видовъ г. Вологды: храмовъ, монастырей, нѣкоторыхъ городскихъ мѣстностей, примѣчат. зданій и другихъ сооруженій.—Въ 4 д. л. 30 фотогравюръ. Вологда. 1884 года.

Купленъ мною экземпляръ за 20 рублей.

[10]) Альбомъ видовъ г. Тотьмы (Вологодской губерніи): храмовъ, монастырей и нѣкоторыхъ примѣчательныхъ зданій.—Въ 4 д. л. Вологда. 1884 года.

Купленъ мною экземпляръ, въ г. Вологдѣ, за 10 рублей.

[11]) Альбомъ видовъ г. Сольвычегодска (Вологодск. губ.): храмовъ, монастырей и казенныхъ зданій.—Вологда. 1884 года.—Въ 4 д. л.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей, въ г. Вологдѣ.

[12]) Альбомъ видовъ Діонисіево-Глушицкаго монастыря Вологодской епархіи Кадниковскаго уѣзда. Состоитъ изъ 10 фотогравюръ.—Въ 8 д. л.

Купленъ мною экземпляръ за 8 рублей.

[13]) Альбомъ видовъ и сценъ изъ русской жизни. Автографы московскихъ художниковъ. Москва. 1867 года.—Въ листъ. Иллюстрированная обложка и 24 рисунка.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

[14]) Альбомъ изображеній святыхъ иконъ; изданіе хромолитографіи Е. И. Фесенко. Одесса. 202 картины.—Въ 4 д. л.—Изданіе прекрасно выполненное.

Купленъ мною экземпляръ за 8 рублей.

[15]) Альбомъ—Федору Николаевичу Бергу. Память искренней девятилѣтней дружбы. Товарищу сотрудники. «Нива» 9 лѣтъ.

Альбомъ состоитъ изъ 30 фотографическихъ карточекъ русскихъ писателей и ученыхъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: К. Леонтьевъ, П. Гнѣдичъ, В. Соловьевъ, Маркевичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, А. Милюковъ, Крестовскій, Данилевскій, Костомаровъ, Н. Соловьевъ, генералъ Черняевъ, Фетъ (Шеншинъ), Плещеевъ, Д. Страховъ, Н. Соболевскій и многіе др.

[16]) Вечера на хуторѣ близь Диканьки. Посвящается Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Александру Александровичу, 4 вып. Иллюстрированное изданіе А. Н. Голяшкина. Москва. 1874 года.—Въ больш. листъ.

Въ 1-мъ выпускѣ помѣщена «Пропавшая грамота», содержитъ въ себѣ 6 листовъ рисунковъ, слѣдующихъ художниковъ: заглавный листъ — М. Н. Чичагова, академика К. А. Трутовскаго; II и III—академика К. А. Маковскаго; IV, V и VI—художника Прянишникова.

2 выпускъ: «Страшная месть». Заглавный листъ—Чичагова; рисун. I и II — академика К. Трутовскаго.—2, 5, 6 и 8—академика В. Е. Маковскаго. 3 и 4—художника Н. М. Прянишникова; 7 и 10—академика Н. И. Крамскаго.

3 выпускъ: «Сорочинская ярмарка». Заглавный листъ Чичагова; рисун. 1, 4 и 5—академика К. Трутовскаго; 2, 3, 6, 7, и 8 — академика В. Е. Маковскаго.

Село Домнино на рѣкѣ Шанчѣ.

Изъ альбома къ оперѣ „Жизнь за Царя". Изд. А. Бредовымъ. С.-Петербургъ, 1865 г.

Кремль.

Изъ альбома къ оперѣ „Жизнь за Царя". Изд. А. Бредовымъ. С.-Петербургъ, 1865 г.

По рѣдкому экз. изъ собранія А. Бурцева.

4 выпускъ: „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“. Заглавный листъ М. Чичагова; рисун. 1, 2, 6 и 7—академика К. Трутовскаго; 3 и 4—академика В. Е. Маковскаго; 5—М. И. Чичагова.

Это роскошное изданіе куплено мною за 12 рублей.

35. Альбомъ къ оперѣ „Жизнь за Царя“, изданный А. Бредовымъ. Печатанъ въ хромолитографіи К. Штремера.— С.-Петербургъ, 1865 года. — Въ продолговатый листъ.

Альбомъ состоитъ изъ семи картинъ къ оперѣ «Жизнь за Царя», посвященъ Государю Императору; всѣ рисунки оригинальные, сочинены и исполнены акварелью въ разныхъ краскахъ, на камнѣ, декораторомъ С.-Петербургскихъ театровъ А. Бредовымъ.

Сей альбомъ, во всякомъ родѣ, для распространенія воспрещенъ.—Изданіе рѣдкое.

Купленъ мною экземпляръ хорошо сохранившійся, за 10 руб., у букиниста Герасимова, въ С.-Петербургѣ.

36. Альманахъ на 1838 годъ, составленный изъ литературныхъ трудовъ 24 литераторовъ. С.-Петербургъ. Печатано въ военной типографіи. 1838 года.—Въ 12 д. л.

Въ этомъ чрезвычайно рѣдкомъ альманахѣ помѣщено внѣ текста пять слѣдующихъ превосходныхъ гравюръ на стали: 1) портретъ В. К. Маріи Николаевны, пис. В. Гау, грав. Н. Уткинымъ; 2) Наводненіе 7-го ноября 1824 г., рис. В. Шебуевымъ, грав. С. Галактіоновымъ; 3) Сивилла Тибуртинская, пис. О. Кипренскимъ, грав. Ѳ. Райтомъ; 4) Одалиска, пис. Е. Плюшаромъ, грав. К. Афанасьевымъ; 5) Мать, учащая дѣтей своихъ молиться, пис. А. Венеціановымъ, грав. Ѳ. Ратомъ.

Это изданіе, въ хорошо сохранившихся экземплярахъ, цѣнится до 12 рублей.

Вальтеръ Скоттъ.

Родился въ 1771 году, 15 августа, скончался въ 1832 году, 21 сентября.—Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ „Сборникъ для свѣтскихъ людей“.

37. Альманахъ для дѣтей на 1845 годъ. С.-Петербургъ. 1845 года.—Въ 16 д. л.

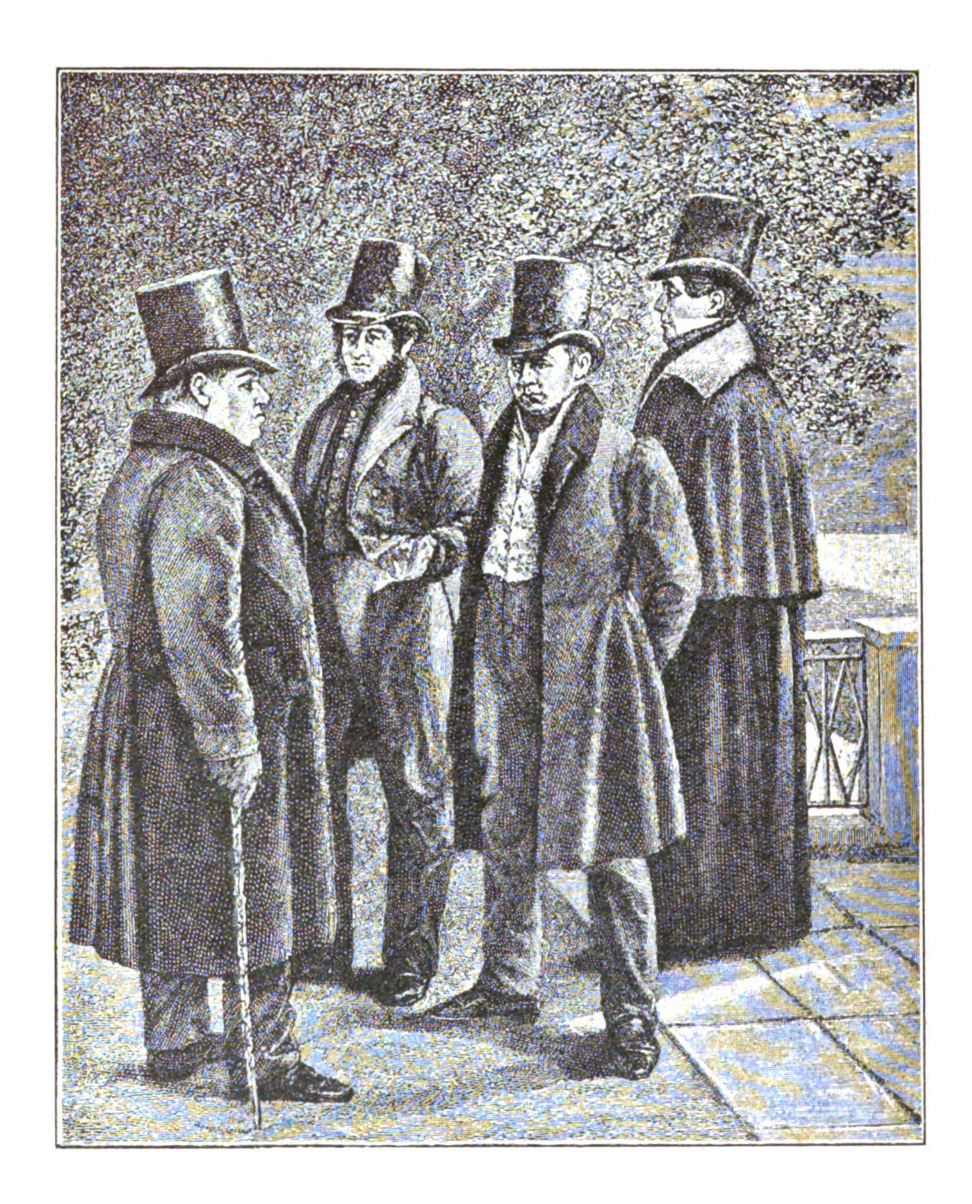
Это любопытное изданіе украшено рисунками и виньетками В. Ковригина, гравированными на деревѣ барономъ Неттельгорстомъ.

Всѣ рисунки «Альманаха» помѣщены внѣ текста, на девяти листахъ и изображають различные русскіе типы и сцены изъ народнаго быта. Отпечатаны рисунки Бистромъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этого изданія очень рѣдки.

Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей.

38. Альоша Поповичъ и Чурила Пленковичъ. Богатырская повѣсть въ стихахъ. Пѣснотвореніе Г. Н... Р....а. Москва. 1801 года. Въ университетской типографіи, у Х. Клаудія. — Въ 8. д., въ 2-хъ частяхъ. Часть 1-я 108 стр., часть 2-я 200 стр.



Крыловъ, Пушкинъ, Жуковскій, Гнѣдичъ.

Картина академика Г. Г. Чернецова. Гравировалъ Герике.

Это рѣдкое изданіе, содержащее въ себѣ старинную повѣсть изъ древняго русскаго быта временъ князя Владиміра, написанную извѣстнымъ Н. Радищевымъ, въ двухъ частяхъ. — Въ настоящее время книга эта принадлежитъ къ числу рѣдкихъ.

Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей.

39. Альцеста опера. Стихотворство г. Сумарокова. Музыка Раупаха. Въ С.-Петербургѣ. Печатано въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1759 года, 30 нум. стр. (счетъ съ загл. листа).

Эта весьма рѣдкая опера, написанная для музыки Раупаха, въ свое время была разыграна придворными пѣвчими.

«Альцеста» перепечатана въ IV части «Полнаго собранія сочиненій Сумарокова», стр. 217.

См. «Опытъ словаря» Новикова, стр. 208 и «Драматическій Словарь» стр. 17—18.

40. Амфіонъ. Ежемѣсячное изданіе на 1815 годъ. Москва. Въ университетской типографіи, 1815 года.—Въ 8. д. л., 12 книжекъ (январь—декабрь).

Паскаль (Блэзъ).

Одинъ изъ величайшихъ мыслителей Франціи (1623—1662).—Съ фотографіи Вэзенберга.

Литературный сборникъ «Амфіонъ» издавался знаменитымъ нашимъ поэтомъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Мерзляковымъ, вмѣстѣ съ Ѳ. Ѳ. Ивановымъ и С. В. Смирновымъ. Въ немъ помѣщались разнаго рода статьи: критики, повѣсти съ сантиментально-патріотическимъ характеромъ, разсужденія, въ родѣ такихъ, напримѣръ: «Каковъ долженъ быть писатель», басни, эпиграмы, переводныя и оригинальныя оды, описаніе нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи, напримѣръ: Херсона—Ильинскаго, и т. п. Много статей и притомъ довольно обширныхъ, напримѣръ: «Пространный разборъ Россіады — Хераскова» и стиховъ принадлежитъ самому Мерзлякову.

Этотъ рѣдкій въ настоящее время журналъ издавался только въ продолженіе 1815 года, въ которомъ появилось 12 книжекъ, составляющихъ четыре тома.

Это рѣдкое изданіе куплено мною за 10 руб.

По рѣдкости этой замѣчательной книги, считаю не лишнимъ привести здѣсь изъ нея выписку. См. № 5, стр. 69—«На день рожденія Хлои».

Въ ризѣ зеленой,
Миртомъ вѣнчанна,
Радость вселенной,
Гостья желанна,
Цвѣтуща, красна,
Дочь неба, весна,
Сходитъ на землю.

—

Вьюги, мятели,
Хладныя бури
Прочь отлетѣли.—
Съ горней лазури
Лучъ солнце ліетъ;
Жизнь новую даетъ
Спящей природѣ.

—

Се! надъ безснѣжной
Горной главою
Жавронокъ нѣжной
Рѣетъ стрѣлою,
Любовью разженъ,
И ею блаженъ,
Страстно стонаетъ.

—

Щастливъ, довольный,
Съ звѣзднаго круга,
Смотритъ въ міръ дольній,
Видитъ:—подруга
Уныла сидитъ:
Къ ней быстро летитъ,
Съ новой любовью.

—

Вторитъ лѣсъ дальній,
Въ звукахъ стогласныхъ
Пѣсни начальны
Милыхъ, прекрасныхъ,
Пастушекъ сихъ мѣстъ.—
Какъ солнце межъ звѣздъ
Хлоя межъ ими.

—

Прелестны Хлои
Прихоть натуры!—
Будто пчелъ рои,
Милы Амуры
За ней по пятамъ
Во всемъ пополамъ
Граціи съ нею.

—

Кипра царицы
Груди лилейны;
Длинны рѣсницы
Огнь чародѣйный
Смиряютъ въ очахъ,
Что въ черныхъ зрачкахъ
Кроютъ плѣнъ вѣчный.

—

Рѣзвы, игривы,
Хлои подруги,
Ею счастливы,
Въ стройные круги
Руками сплетясь,
Къ ней дружбой живясь,
Славятъ прелестну.

—

Хлоя!—съ весною
Въ свѣтъ ты рождена,
Равной красою
Съ ней надѣлена,
Видъ Хлои—какъ Май;
Въ ней сердце, какъ рай:
Радость—улыбка.

—

Въ нѣгѣ безпечной
Сладка покоя,
Щастлива вѣчно
Будь наша Хлоя!
Природы краса!
Тебѣ небеса
Къ щастью создали!

—

Щастливъ стократно
Юноша страстной,
Взоръ благодатной
Хлоя прекрасна,
Къ кому обратитъ:—
Онъ небо узритъ
Въ сей бѣдъ юдоли!»

Ѳ. Кокошкинъ.

41. Анакреонтическія пѣсни. Сочиненіе Державина. Въ Петроградѣ. 1804 года.— Въ 8 д. л., 157 стр.

Книга съ гравированнымъ заглавнымъ листомъ работы г. Сандера.

«Многіе подражали и переводили древнихъ; не знаю успѣлъ ли я въ томъ,—говоритъ авторъ,—симъ опытомъ; но то истина, что не искалъ я не только преимущества, но ниже сравненія съ ними. Для забавы въ молодости, въ праздное время, и наконецъ, въ угожденіе моимъ домашнимъ писалъ я сіи пѣсни. По любви къ отечественному слову,—продолжаетъ авторъ,—желалъ я показать его изобиліе, гибкость, легкость и вообще способность къ выраженію самыхъ нѣжнѣйшихъ чувствованій, каковыя въ другихъ языкахъ едва ли находятся. Между прочимъ, для любопытныхъ, въ доказательство его изобилія и мягкости, послужатъ пѣсни подъ номерами—XXX. XXXVI. XLI. XLIX. LX. LXXXIII. LXXXVI. LXXXVII. LXXXVIII и XCIII, въ которыхъ буквы «р» совсѣмъ не употреблено. По неважности своей достойны бы были онѣ забвенія: но какъ многія изъ нихъ письменныя ходятъ по рукамъ, а нѣкоторыя и напечатанныя безъ моего позволенія — перепорчены, то, чтобъ показать истинное, собралъ я ихъ и исправилъ.

Писалъ пѣсни Соломонъ, видно сіе изъ Священнаго Писанія. Писалъ сего-же рода—Платонъ: объясняется сіе № XX.—Въ Аѳинахъ запрещалось упражняться въ издѣвочныхъ сочиненіяхъ и какъ я теперь уже свободенъ отъ должности, то и осмѣлился предать ихъ тисненію; наконецъ долженъ предувѣдомить, что индѣ упомянуты мною въ нихъ славянскія божества, вмѣсто иностранныхъ для примѣчанія, что можетъ и своею миѳологіею украшать нашу поэзію.—Лель (богъ любви), Зимстера (весна), Знічь (май), Лада (богиня красоты), Усладъ (богъ роскоши) и прочее объясненіе аллегорическихъ, на какой случай они относятся, помѣщены при концѣ сей книжки, подъ ихъ заглавіемъ».

См. «Опытъ россійск. библіографіи» Василія Сопикова № 105. «Библіографическія записки» 1858 г. т. I, стр. 182, сказано, что «Анакреонтическія пѣсни» Державина въ настоящее время составляютъ библіографическую рѣдкость.

Чтобы дать понятіе объ этой библіографической рѣдкости, прилагаю изъ таковой выписку.

I. Приношеніе къ красавицѣ.

Вамъ, красавицы младыя,
И супругѣ въ даръ моей,
Пѣсни Леля золотыя
Подношу я въ книжкѣ сей.
Нравиться ужъ я безсиленъ:
И копьемъ и сайдакомъ
Дуренъ, старъ и не умиленъ.
Бью стихами, вамъ челомъ.
Бью челомъ;—и по морозамъ
Коль вы ѣздите въ саняхъ,
Лѣтомъ ходите по розамъ,
По лугамъ и муравамъ,
То и праха не лобзаю
Я прелестныхъ вашихъ ногъ:
Чувствы тѣ лишь посвящаю,
Что любви всесильный Богъ
Съ жизнью самой въ кровь мнѣ пламень
Въ душу силу влилъ огня;
Сыплютъ искры, снѣгъ и камень
Подъ стопами у меня.

42. А. Н. Радищевъ. Авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“. М. И. Сухомлина. Санктпетербургъ, въ типографіи Академіи Наукъ. 1883 года.—Въ 8 д. л., 143 стр.

Въ книгѣ содержатся любопытныя свѣдѣнія о А. Н. Радищевѣ, авторѣ знаменитаго «Путешествія изъ Петербурга въ Москву».

Въ началѣ говорится объ юношескихъ годахъ Радищева, далѣе слѣдуютъ:—Литературная исторія «Путешествія». — «Появленіе его въ печати». — «Впечатлѣніе, произведенное книгою Радищева».— «Арестъ автора и предварительное слѣдствіе». — «Литературныя занятія Радищева въ крѣпости».— «Мнѣнія, представленныя Радищевымъ въ Коммисію о составленіи законовъ».—«Отношеніе послѣдующей литературы къ Радищеву».

43. Анекдоты древнихъ пошехонцевъ. Сочиненіе Василья Березайскаго. Въ Санктпетербургѣ, въ типографіи Государственной Медицинской Коллегіи. 1798 г.— Въ 8 д. л., XII+220 стр.

Эта книжка юмористическаго содержанія. Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры рѣдки. Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля.

См. у Якова Березина-Ширяева—стр. 41, гдѣ сказано:—«Книжка рѣдка по изданію».

44. Анекдоты русскіе, или великія достопамятныя дѣянія и добродѣтельные примѣры славныхъ мужей Россіи съ пріобщеніемъ анекдотовъ остроумныхъ, нравственныхъ, забавныхъ, также писемъ, изрѣченій и мыслей. Съ дозволенія СПБ. цензуры. Въ Санктпетербургѣ, при Академіи Наукъ, 1809 года.—Въ 8 д. л., 2 части. Часть 1-я—313+VIII. Часть 2-я—323+XVI стр. съ гравированной виньеткой.

Эта рѣдкая книга съ приложеніемъ гравюры «Пожарскій и Мининъ» (работа гравера В. Иванова).

«Анекдоты русскіе» заключаютъ въ себѣ—«великія достопамятныя дѣянія и добродѣтельныя примѣры славныхъ мужей Россіи. Знаменитыхъ государей, полководцевъ, гражданскихъ чиновниковъ, купечества и другихъ особъ всякаго званія, отличившихся героическою твердостію, неустрашимостію духа, усердіемъ, благотворительностію, истинной правдою дѣлъ своихъ и другими многими примѣрами непоколебимой приверженности къ вѣрѣ, государю и любви къ отечеству.

Въ отечествѣ другомъ, въ родимой сторонѣ,
Какъ мило сердцу все, какъ все любезно мнѣ!
(Пожарской.—Трагедія).

Въ книгѣ помѣщено 568 русскихъ историческихъ анекдотовъ.—Книга очень рѣдкая.—Хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 6 до 10 рублей, смотря по степени сохранности.

См. «Вѣстникъ Европы», кн. 22, 1809 года.

45. Анибалъ на развалинахъ Карфагена.—Драматическая поэма. Сочиненіе В. Струйскаго. С.-Петербургъ, въ типографіи В. Греча. 1827 года.—Въ 8 д. л., 2+42 стр.

Означенная поэма—«Анибалъ на развалинахъ Карфагена» соч. В. Струйскаго — составляетъ библіографическую рѣдкость, какъ и всѣ остальныя сочиненія В. Струйскаго, вообще считающіяся рѣдкими.

2

46. **Антидотъ или возраженіе на книгу „Апологія“, написанную іеромонахомъ Милентіемъ Смоприцкимъ. Сочиненіе слуцкаго протопопа Андрея Мужилавскаго въ 1729 году.—Въ листъ.**

Въ «Опытѣ россійской библіографіи» Василія Сопикова, сказано за № 53:—«книга очень рѣдкая».— Въ настоящее время совсѣмъ не находима въ книжной торговлѣ и хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 15 до 25 рублей.

47. **Анти-Махіавель или опытъ возраженія на Махіавелеву науку, о образѣ государственнаго правленія. Сочиненъ нынѣ славно-владѣющимъ королемъ прусскимъ Фредерикомъ II; переведенный на русскій языкъ титулярнымъ совѣтникомъ Яковомъ Хорошковичемъ въ Санктпетербургѣ, 1779 года.—Въ 8 д. л., XXVI+256 стр.**

Климентъ VIII, какъ наслѣдникъ папы Иннокентія IX, по повелѣнію его, какъ вредную сію книгу Анти-Махіавелеву науку о образѣ государственнаго правленія, такъ и всѣ его сочиненія и самого Махіавеля 1592 года предалъ проклятію за его зловредное ученіе, то сіе ясно видѣть можно изъ нижеслѣдующаго сочинительскаго предисловія.— Эта книга имѣла громадный успѣхъ въ русскомъ переводѣ, и давно сдѣлалась библіографическою рѣдкостью. Есть у Геннади № 49. Березинъ-Ширяевъ 1876—294. А. Бурцевъ № 15. — Чтобы дать нѣкоторое понятіе о сей рѣдкой книгѣ, прилагаю выписку изъ предисловія.

«Предисловіе отъ сочинителя.—Сочиненіе Махіавеля, касающееся до науки о образѣ государственнаго правленія, въ разсужденіи нравоученія, есть тѣхъ-же самыхъ свойствъ, какъ и сочиненіе Спинозы *) въ разсужденіе исповѣданія вѣры: желалъ и самое упразднить исповѣданіе. Напротивъ сего, Махіавель приведши въ нестроеніе науки правленія, такое предпріялъ ученіе, кое здравое нравоученіе превратило въ ничто. Заблужденія перваго были токмо заблужденіями его разума; но заблужденія послѣдняго относились даже и до самого исполненія; между тѣмъ возбудивъ богословы Спинозу на брань и, воспріявъ противу его оружіе, опровергнули ученіе его самымъ основательнымъ образомъ, оградя ученіе о Божествѣ отъ его нападеній. Напротивъ сего Махіавель не взирая на то, что онъ вредному поучалъ нравоученію, хотя и былъ частію опроверженъ нѣкоторыми нравоучителями, однакоже при всемъ томъ пребылъ онъ, даже до нашихъ временъ учителемъ правленія науки.

Сего ради предпріялъ я защитить человѣчество отъ таковаго супостата, который оное упразднить стремится, я противополагая разсудилъ: и правосудіе обману, и порокамъ вознамѣрился сочиненіе Махіавеля отъ главы до главы своими разсужденіями опровергнуть такъ, чтобы противоположенный ядъ безпосредственно послѣдовалъ за заразою. Я завсегда почиталъ Михіавелеву науку о образѣ государственнаго правленія за одну изъ числа самыхъ опаснѣйшихъ и до сего времени вышедшихъ на свѣтъ сочиненій. Оная есть такая книга, которая безъ сомнѣнія дойти должна до рукъ любящихъ просвѣщенія науку. Однако при томъ, никто столь удобнѣе посредствомъ правилъ въ оной изображенныхъ, и его слабостямъ ласкающихъ, притти не можетъ въ развращеніе, какъ молодый, честолюбивый человѣкъ, коего духъ и разумъ, довольно еще не изощрены, чтобъ правильно различить добро отъ зла. И такъ естьли почитается уже то за зло, чтобъ развращать невинность частнаго лица, мало входящаго въ дѣла сего свѣта, то по сему гораздо уже будетъ вредительнѣе, ежели развращать государей, кои управляютъ народами, производятъ правосудіе, даютъ собою примѣръ своимъ подданнымъ и кои чрезъ свое благотвореніе, великодушіе и милосердіе, быть должны живымъ Божество подобіемъ. Наводненіе, земли опускающее; молоніи, города въ пепелъ обращающія, и моровое повѣтріе, областями народа истребляющее,—не могутъ на свѣтѣ толико быть вредительны какъ опасное нравоученіе и необузданныя, государей, страсти. Гроза небесная, продолжаясь чрезъ нѣсколько времяни, опустошаетъ нѣкоторыя токмо области, который убытокъ хотя и чувствителенъ бываетъ, однако оный, паки, воз-

*) Венедиктъ Спинова, португальскій еврей, жилъ въ Амстердамѣ и былъ весьма свѣдущъ, какъ въ латинскомъ и греческомъ языкахъ, такъ въ философіи и математикѣ. Онъ оставя Еврейскій законъ, и не прилѣпляясь ни къ которой изъ христіанскихъ вѣръ жилъ въ уединеніи, который своими сочиненіями доказалъ наконецъ то, что онъ былъ весьма сильный безбожникъ, дѣлающій весь свѣтъ Богомъ и подтверждающій одно только существо вещей.

становить можно; но что принадлежить до пороковъ государей, вредятъ долѣе даже и всѣму народу. Когда государи имѣютъ мужество дѣлать добро, ежели они сего токмо пожелаютъ, то равнымъ образомъ имѣютъ они также власть и силу, по опредѣленію своему дѣлать зло, и тогда сожалѣнія достойно есть, то подданныхъ состояніе ежели они по причинѣ злоупотребленія высочайшей власти всего ужасаться принуждены бываютъ: ежели имѣніе ихъ ненасытимости государя, ихъ вольность его своенравію, ихъ спокойствіе честолюбію, ихъ его безопасность его недовѣрчивости и ихъ жизни его безчеловѣчію, подвержено бываетъ,—сіе есть печальное того государства изображеніе, въ которомъ бы, какій-либо государь по предписаніямъ Махіавеля царствовать хотѣлъ. Въ протчемъ я не прежде приступаю къ заключенію сего моего предувѣдомленія, пока еще не упомяну тѣхъ кои думаютъ, что будто-бы Махіавель болѣе описывалъ то, что дѣйствительно дѣлаютъ сами государи, но не то, что имъ дѣлать принадлежитъ. Сія мысль многимъ понравилась для того, поелику есть оная сатирическая. Всѣ тѣ, кои противъ государей сіе произнесли изрѣченіе, безъ сомнѣнія суть изъ числа злыхъ государей, жившихъ въ одно съ Махіавелемъ время, коими онъ руководствовалъ, или кои жизнію нѣкоторыхъ тирановъ, бывшихъ поноснымъ человѣчества пятномъ, суть обольщены. Я прошу сихъ безразсудныхъ судей, чтобъ они приняли во уваженіе то, что естьли потрясеніе престола есть весьма сильно, тогда, чтобъ устоять противъ онаго, болѣе, нежели общая добродѣтель, потребно бываетъ. По сему не должно тому удивляться, ежели съ толь великаго государей числа нѣсколько злыхъ. Между добрыми найти можно изъ числа римскихъ императоровъ, выключивъ Нерона, Калигулу и Тиверія и о тѣхъ, кои добродѣтелію священное имя Тита, Траяна и Антонія, пріобрѣли. Такимъ образомъ почеться-бы могло то за великую несправедливость,—ежели-бы все это время на всѣхъ государей возложить, кое принадлежитъ нѣкоторымъ, токмо изъ оныхъ; и по сему слѣдовало-бы въ бытіяхъ одни токмо сохранить изрядныхъ государей имена; напротивъ, имена другихъ купно съ небреженіемъ, неправостями и ихъ пороками,—вѣчно предать забвенію. Правда, что хотя-бы отъ сего и уменшилось число историческихъ книгъ, однако-бы чрезъ сіе возвысилось-бы человѣчество, и чѣмъ быть включену въ исторіяхъ и имя свое даже до будущихъ сохранить временъ, или лучше сказать: предать себя вѣчному воспоминанію,—было-бы мздовоздаяніемъ за добродѣтель; тогда Махіавелево сочиненіе не заражало-бы болѣе политическихъ государей, кабинетовъ; тогда-бы каждый гнушался его противорѣчи, въ которыя онъ впадаетъ безпрестанно; и свѣтъ согласился-бы истинную, и единствено на правосудіи, остроуміи и милосердіи основанную, правленія государей, науку, всякими образы предпочитать несправедливому и гнусному тому ученію, которое Махіавель дерзнулъ предложить свѣту».

48. Антона Солиса. Исторія о покореніи Мексики. Переведена съ нѣмецкаго языка Академіи Наукъ переводчикомъ Васильемъ Лебедевымъ. Изданіе 2-е. Спб., при Имп Акад. Наукъ. 1789 г. 2 части, 1-я—543, 2-я—560 стр.—Въ 8 д. л.

Въ книгѣ содержится историческое повѣствованіе о покореніи Мексики, переводъ съ нѣмецкаго языка Василія Лебедева.

Хорошо сохранившіеся экземпляры въ настоящее время рѣдки.

49. Анѳологіонъ, изданный въ Новгородѣ Сѣверскомъ. 1678 года.—Въ листъ.

На оборотѣ заглавнаго листа помѣщенъ рисун. «Преображеніе Господне», рѣзан. на деревѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ предисловіе «Къ благочестивому читателю» отъ архіеп. Лазаря Барановича.

Изданіе это весьма рѣдкое.

См. «Опытъ россійск. библіографіи» Вас. Сопикова, № 61.

50. Аониды или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній. Москва, въ унив. типографіи у Ридигера и Клаудія. Книжка 1-я 1796 г. Книжка 2-я 1797 г., XVIII + 570 стр. Книжка 3-я 1798—1799 г. 6 и 358 стр.—Въ 12 д. л.

Этотъ рѣдкій сборникъ, изданный въ видѣ альманаха Н. М. Карамзинымъ, содержитъ въ себѣ стихотворенія извѣстныхъ стихотворцевъ. Аониды имѣли большой успѣхъ въ публикѣ и давно уже сдѣлались библіографическою рѣдкостью и теперь почти не находимы въ продажѣ.

Много лѣтъ ревностно собирая всѣ рѣдкія изданія, я только теперь могъ, съ большимъ трудомъ, достать для своей библіотеки полный экземпляръ этой рѣдкой книги.

См. у Як. Березина-Ширяева—стр. 403.

51. Аполладора, грамматіи Афинейскаго, библіотека о языческихъ богахъ, переведенная съ греческаго, московской типографіи справщикомъ Алексѣемъ Барсовымъ, съ приложеніемъ при концѣ разсужденія архіепископа Ѳеофана Прокоповича. Знатные слѣды священныхъ исторій въ еллинскихъ басняхъ, обрѣтающихся. Москва, 1725 года.—Въ 8 д. л. въ т. К.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 1998—сказано:—«книга рѣдка».

52. Апологія во утоленіе печали человѣка сущаго въ бѣдѣ, въ гоненіи и озлобленіи; вкратцѣ сложенная. Могилевъ. 1716 года.—Въ 4 д л.

Чистые и хорошо сбереженные экземпляры сего изданія составляютъ библіографическую рѣдкость. Въ концѣ книги сказано:—«Христіанинъ пришлецъ земный».

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ», Василія Сопикова, за № 71,—сказано:—«книга рѣдкая».

53. Апологи въ четверостишіяхъ. Москва. Въ типографіи Августа Семена. 1826 года.—Въ 16 д. л. 121 стр. односторонняго текста; съ гравированной виньеткой.

Предлагаемые «Апологи» почти всѣ выбраны И. И. Дмитріевымъ изъ четверостишныхъ басенъ Мольво, извѣстнаго французскаго поэта.

Въ предисловіи своемъ авторъ говоритъ:—«Я не забочусь о томъ, признаютъ-ли ихъ баснями или апологами. Соглашаюсь даже и самъ назвать ихъ просто нравоучительными четверостишіями. Желаю только, чтобъ они достигли цѣли своей и сохранили достоинство поэзіи».

Книжка раздѣлена на 2 части, и каждое четверостишіе напечатано на одной сторонѣ листа.

Экземпляры съ гравированной виньеткой довольно рѣдки.

Куплена мною книжка въ С.-Петербургѣ у Клочкова за 3 рубля.

54. Апокризисъ, альбо отповѣдь, по книжки о соборѣ берестенскомъ, именемъ людей старожитной религіи греческой, чрезъ Христофора Филалета. Въ Вильнѣ, въ 1597 году.—Въ 4 д. л.

Сочинитель сей книги Милетій Смотрицкій, который скрываетъ себя подъ именемъ Христофора Филалета.—У Сопикова сказано, что это рѣдчайшая книга; цѣнится отъ 100 до 300 рублей.

55. Апологія или защищеніе ордена вольныхъ каменьщиковъ, писанная братомъ **** членомъ шотландской ложи въ П**. Переводъ съ нѣмецкаго языка. Печатано въ Москвѣ, въ вольной типографіи И. Лопухина, съ указаннаго дозволенія 1784 года.—Въ 16 д. л., 2+224 стр.

Апологія сочинена извѣстнымъ масономъ Штаркомъ и переведена на русскій языкъ И. П. Тургеневымъ и по распоряженію правительства была сожжена. Книжка начинается съ краткаго предисловія отъ издателя, въ которомъ онъ говоритъ, что «никогда и никакая довѣренность для меня не была лестнѣе, сколько изданіе классическаго сочиненія для вольныхъ каменьщиковъ. Кто-бы защищеніе сіе могъ лучше, основательнѣе и яснѣе написать, какъ не тотъ, который самъ въ орденѣ занимаетъ знатное мѣсто и притомъ ученый человѣкъ первой степени. Защищеніе или «апологія», вышла въ первый разъ въ 1769 году, а потомъ вторымъ изданіемъ 1772 года. Кассельская ложа вырučаемыя за сію книгу деньги опредѣлила въ пользу бѣдныхъ.

Никто изъ читателей, какъ принадлежащихъ ордену, такъ и внѣ онаго находящихся, чаятельно недоволенъ будетъ симъ настоящимъ изданіемъ, дополненнымъ и умноженнымъ многими новыми матеріалами, касающимися до таинствъ древнихъ и низлагающими всякое противное ордену сомнѣніе. Такъ что съ достовѣрностію можно надѣяться, что по прочтеніи сея книжки, никакое въ сердцѣ посторонняго вкоренное предразсужденіе не останется безъ того, чтобы оно въ основаніи своемъ,

симъ защищеніемъ не было поколеблемо». Эта рѣдкая книжка раздѣляется на 12 отдѣленій. См.: «реэстръ книгамъ, которыя были признаны Архіепископомъ Платономъ въ 1786 году: «сумнительными и могущими служить къ разнымъ вольнымъ мудрованіямъ, а потому къ заблужденіямъ и разгоряченію умовъ»; Лонгиновъ: 224; Сопиковъ за № 1994,—сказано: «очень рѣдкая»; Березинъ-Ширяевъ: VIII, стр. 27; П. И. Бартеновъ: 3592; Губерти: 11—64 стр.

Купленъ мною экземпляръ у Мелина за 5 руб.

56. Апологія или защитительное разсужденіе о родѣ человѣческомъ. Переведено съ французскаго изъ сочиненія господина Шеталье д'Аркъ, иждивеніемъ Н. Новикова и компаніи; въ Москвѣ, въ университетской типографіи у Н. Новикова. 1789 года.—Въ 16 д. л., 44 стр.

Эта книга составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость.—По всей вѣроятности все изданіе «апологіи» было истреблено вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ. Этимъ только и можно объяснить ея рѣдкость.

Въ началѣ этой рѣдкой книги слѣдуетъ посвященіе отъ автора — д'Арка. — «Его Превосходительству М. М. Хераскову».

Чтобы дать понятіе о сей рѣдкой книжкѣ, прилагаю содержаніе «апологіи» изъ слова въ слово.

АПОЛОГІЯ
или
ЗАЩИТИТЕЛЬНОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ
О РОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ.

Имѣть худое мнѣніе о всѣхъ людяхъ вообще, есть столь же безразсудно, какъ и имѣть хорошее о каждомъ порознь. Такое презрѣніе къ роду человѣческому дѣлаетъ поношеніе самому Создателю, и несправедливость противу наиміятнѣйшей ему твари. Не гораздо ли напротивъ того пріятнѣе и разумнѣе признавать, что люди рождаются съ понятіемъ, вкусомъ и намѣреніемъ добродѣтели? Самая ихъ собственная польза непрестанно къ тому приводитъ. Ничто нечистое не долженствовало произойти изъ рукъ создавшаго ихъ Творца; и есть-ли нѣкоторые и противятся склонности къ добру, какое Онъ въ сердца ихъ влагаетъ, то и тогда—пристрастія, заблужденія и нѣкоторыя случайныя обстоятельства бываютъ главнымъ источникомъ, отъ истиннаго пути ихъ удаляющимъ. Для чего-же полагать все сіе въ нѣдра самой природы?... Когда бы люди почерпнули изъ оной побужденіе, приводящее ихъ ко злу, тогда бы не имѣли они законодавцовъ; законодавцы не подавали бы никакихъ законовъ, и никакой народъ принять бы оныхъ не согласился. Напослѣдокъ, и самое названіе справедливости было-бы не извѣстно, если бы захотѣли употреблять одно только превосходство силы. Сверьхъ того, повиновеніе, какое каждое государство имѣетъ къ своимъ законамъ, и почтеніе, какое хранятъ къ издателямъ оныхъ, есть доказательство всеобщаго къ благоучрежденію желанія.

Но поступимъ далѣ: Премудрые, которые раздавали сіи законы, пріобрѣли себѣ безсмертіе, и заслужили оное безъ сомнѣнія; они много сдѣлали для другихъ, и казалось, что ничего не сдѣлали для себя; между тѣмъ сіи законы, какъ знаки высокой ихъ славы, были-ль во всемъ собственнаго ихъ сочиненія, или они только выбрали, привели въ порядокъ, и представили въ способнѣйшемъ видѣ такія мнѣнія, которыя имъ показались всеобщими? Потому что естьли-бы сіи мнѣнія принадлежали единственно самимъ законодавцамъ, то никогда бы не уговорили они общество принять оныя въ законъ, и само общество никогда бы имъ не повиновалось. И такъ законодатель только что собралъ въ одно мѣсто все то, что ежедневно согражданамъ его говаривали, и положилъ правила сходныя съ поклоненіемъ Божеству, съ общею безопасностію, и свойствомъ своего народа.

Трудно теперь разобрать, кто былъ самой перьвой законодатель; но видно, что сія честь никому особо не принадлежала, и что каждой изъ перьвыхъ народовъ имѣлъ одного или многихъ мудрыхъ, коихъ между собой избрали они для учрежденія и исправленія пользы общества.

Естьли бы мы теперь имѣли тѣ самые законы, которые издали сіи перьвые правители, то бы мы нашли ихъ въ весьма маломъ числѣ; притомъ нашли бы въ оныхъ и тѣхъ основаніе, которые уже послѣ издали законодавцы ихъ преемники. Поистинѣ, каждой изъ нихъ присовокупилъ къ онымъ нѣчто новое. Но по мѣрѣ, какъ умножались познанія, прибытокъ приросталъ по той-же причинѣ,

по какой и надобности, а пороки по той же, по какой и прибытокъ. Но для сего не должно признавать пороки за усиливающіеся для небольшаго числа законовъ; для того, что естьли бы они таковы были, то бы люди никогда не согласились быть наказаны; но они сильны по своимъ дѣйствіямъ, по тому что небольшое число злыхъ людей дѣлаетъ болѣе зла нежели толикоежъ число людей добродѣтельныхъ могутъ сдѣлать добра; и такъ разсудили, что надлежитъ прервать стремленіе вновь зарождающихся пороковъ. Чтобъ задержать вредительной ихъ успѣхъ, сдѣлали на то законы, и согласились лучше чрезъ жестокость наказанія потерять меньшую часть общества, чтобы избавить остальную большую часть отъ бѣдствій, какими та ей угрожала. Подобно тому, какъ соглашаются потерять одинъ тѣла своего членъ, чтобъ сохранить всю свою жизнь. Но новые законодавцы не были всегда единодушны для законовъ новыхъ, такъ какъ ихъ предки были въ разсужденіи своихъ древнихъ.

Ликургъ путешествовалъ по многимъ странамъ прежде нежели положить основаніе законамъ, кои издалъ въ Спартѣ. Онъ избралъ у всѣхъ народовъ только тѣ, которые казались ему наиболѣе сходны съ свойствомъ Лакедемонянъ. По возвращеніи своемъ собралъ онъ главнѣйшихъ гражданъ, которые были душею народа; онъ совѣтовалъ съ ними о учрежденіи, какое хотѣлъ предложить, и не иначе, какъ съ ихъ согласія, пошелъ спрашивать Оракула или требовалъ отвѣта, которой долженствовалъ повелѣть, такъ какъ прежде, множеству всегда несмысленному, слѣдовательно и суевѣрному. Почему сіи законы не были собственное его сочиненіе, но собранные имъ въ его путешествіяхъ: одинъ только выборъ и приложеніе принадлежатъ ему.

Прежде Ликурга, скажутъ, въ Спартѣ были законы, которымъ надлежало быть мудрымъ, но и тѣ безъ сомнѣнія были оставлены. Но сіи законы, писанные, какъ утверждаютъ — Делексомъ, или Гераклидами, въ то время, какъ оные согнали съ престола поколѣніе Пелопса: сіи законы, говорю я, тогда мудрые, престали уже быть такими, или пришли въ упадокъ чрезъ отмѣненіе царства, потому что премѣненіе царствъ снѣдаетъ законы, такъ какъ пила снѣдаетъ желѣзо, и уничтоженной законъ не имѣетъ болѣе силы. Сверьхъ того робкое нерадѣніе царей Спартанскихъ и дерзновеніе народа, какое бываетъ обыкновеннымъ изъ того слѣдствіемъ, дѣлали необходимымъ перемѣну въ правленіи, и древніе законы не были болѣе способны для новаго виду правленія, какое ввести надлежало: для того должно было избрать такіе, какіе были сходны.

Сіи Ликурговы законы вошли потомъ нѣкоторою частію въ составленіе Римскихъ: сіи Римскіе вошли болѣе и того въ составленіе нашихъ; такимъ же образомъ и къ другимъ народамъ, соотвѣтствуя основанію ихъ жилища. Но повсюду видно, что перьвые законы произходятъ отъ перьвыхъ согласій людей, что сіи согласія долженствовали быть общія, безъ чего бы они и учреждены не были. Кромѣ того, что законы запрещаютъ дѣлать зло, и наказываютъ тѣхъ, кто хочетъ избѣжать ихъ повелѣніе будучи притомъ съ общаго согласія, слѣдуетъ, что люди въ общемъ понятіи не терпятъ зла, и не дѣлаютъ зла; но того еще не довольно сказано, для того, что добродѣтель состоитъ не только въ томъ, чтобъ не дѣлать зла, но также, чтобъ дѣлать и добро; и я хочу доказать, что люди вообще суть добродѣтельны.

Доказательство тому нахожу я въ самыхъ законахъ. Сіи законы опредѣляютъ мученія злодѣямъ и противникамъ закону, и не полагаютъ никакого награжденія тѣмъ, которые оному повинуются. Одно наказаніе зла довольно показываетъ преимущество добродѣтели; для того, что естьли бы отъ какого ни есть государства надлежало отдѣлить три четверти для наказанія ихъ пороковъ, сіи три четверти тому бы воспротивились, учинились бы сильнѣйшими, и было бы уже совсѣмъ невозможно ихъ наказать, но остальная четверть, положимъ, что была бы равныхъ силъ, или, естьли надобно, и превосходныхъ, конечно бы не одинъ разъ на то покусилась для собственной своей выгоды, и прежде нежели опустошить государство до такой крайности. Въ противномъ же случаѣ порокъ остался бы безъ наказанія, и законы сами собою низпали. Можно заключить, что вездѣ, гдѣ только хранятся законы, которые наказываютъ, а не награждаютъ, тамъ порокъ гораздо слабѣе добродѣтели: потому, что наградить добродѣтель, есть тоже самое, какъ бы показать, что мало есть такихъ подданныхъ, которые оную въ себѣ имѣютъ. Афиняне сослали въ ссылку Аристида въ перьвыя времена Республики, а въ послѣднія наградили они Альцибіада.

Во Франціи награждаютъ дарованія пріятныя, мало награждаютъ полезныя, но храбрость никогда: она всегда оставлена. Въ другомъ случаѣ награжденіе есть доказательство недостатка своего предмета. Слѣдовательно, порокъ, наказанной законами и добродѣтелію, которыя всегда безъ всякой другой цѣны, кромѣ почтенія, доказываетъ ясно, что люди въ общемъ понятіи суть добродѣтельны.

Но выступимъ изъ законовъ письменныхъ, которые не простираютъ свою власть надъ всѣми пороками, и войдемъ въ обычаи, какіе замѣняютъ ихъ въ простомъ обществѣ и занимаютъ ихъ мѣсто. Я вижу въ оныхъ такія наказанія, кои хотя и не тѣлесныя, однакожъ не менѣе тѣхъ ужасны. Презрѣніе и забвеніе отъ всѣхъ, какое потомъ слѣдуетъ, суть отмстители за добродѣтель, пренебреженную въ обществѣ; и сіе презрѣніе простирается съ большею справедливостію, смотря по чрезвычайности преступленія.

Естли же самые обычаи общества наказываютъ пороки и невключенные въ законы, которые не могли простереться до нѣкоторыхъ околичностей, или не долженствовали отнять у людей полную волю, какую они имѣютъ отъ Вышняго Существа; то видно, что по зрѣломъ изслѣдованіи законовъ и обычаевъ, люди суть добродѣтельны вообще, а порокъ есть особенной: слѣдовательно, что имѣть худое мнѣніе о родѣ человѣческомъ, разсмотрѣнномъ вообще, будетъ разсужденіе неправое.

Естьли скажутъ мнѣ, что видѣли цѣлыхъ народовъ, такъ какъ Сибаритовъ, погруженныхъ во всѣ роды пороковъ: я отвѣчаю, что сіе противоположеніе ни мало не опровергаетъ моего мнѣнія. Одинъ народъ, какой бы то ни былъ, есть въ разсужденіи всего человѣчества вообще, такъ какъ одинъ человѣкъ есть въ цѣломъ обществѣ; потому, что хотя бы сей человѣкъ былъ добродѣтеленъ, или золъ, со всѣмъ тѣмъ не можно еще по немъ ничего заключить о совершенствахъ или недостаткахъ сего общества. Равномѣрно и одинъ цѣлой народъ не можетъ довольно подать причины заключить, что ни есть противу рода человѣческаго. Я знаю все то, что мнѣ человѣконенавидѣніе и всегдашней опытъ въ семъ случаѣ противупоставить могутъ. Но первому можно отказать, какъ судьѣ предупрежденному, а другому— какъ судьѣ не смысленному, и можетъ быть столько же къ неправильному предупрежденію способному.

Какъ опытъ опровергаютъ и даютъ названіе несмысленнаго судьи, въ случаѣ когда что касается до познанія человѣчества: сіе гораздо походитъ на противное всеобщему мнѣнію (paradoxe), а однакожъ не столько въ самомъ дѣлѣ, какъ объ немъ заключаютъ

Я признаюсь, что опытъ научаетъ насъ познавать людей каждаго порознь. Помощію онаго намъ извѣстно, что два любовника обязываются вѣчно вѣрностію, и наблюдая возможную непоколебимость, обыкновенно болѣе ни о чемъ не помышляютъ, но что въ то самое время, когда взаимно наикрѣпчайшими клятвами соединяются, часто или тотъ, или другой, а иногда оба вмѣстѣ, ищутъ пристойнаго случая нарушить свою клятву. Опытъ научаетъ насъ, что наисильнѣйшія увѣренія дружбы и оказаніе важнѣйшихъ услугъ произходящихъ единственно отъ обыкновенныхъ учтивостей, впрочемъ сами въ себѣ ничего не имѣютъ. Что сіи вѣрные друзья не только не сдѣлаютъ тебѣ помощи ни своимъ имѣніемъ, ни своимъ случаемъ, естьли бъ когда сдѣлалась тебѣ въ томъ надобность, но напротивъ того пойдутъ оклеветать тебя у перьваго министра, естьли имѣетъ одинакое съ ними отъ него требованіе. Что по благопріятству увѣдомить тебя о твоихъ дѣлахъ, которыя всѣ въ безпорядкѣ, и одинъ учтивой и богатой человѣкъ (какіе есть еще и нынѣ) согласенъ отдать за тебя въ супружество дочь свою, дабы чрезъ то избавить тебя отъ напасти, въ какую ты впалъ нечаяннымъ случаемъ. Что изыскиваютъ всѣми силами наималѣйшій способъ привлечь тебя ко взаимному обѣщанію. Что подлымъ коварствомъ, которое имѣетъ названіе веселаго и замысловатаго разума, коварствомъ, какимъ обыкновенно уменьшаютъ или прибавляютъ нѣкоторыя обстоятельства въ Исторіи, а иногда для составленія и всей, но всегда, чтобъ сдѣлать оную пріятною, стараются обезобразить тебя или въ сердце достойной женщины, которую ты любишь, но которая еще недовольно тебя знаетъ, или, лучше, которая тебя любитъ чрезвычайно, чтобъ самимъ остаться безъ всякаго смятенія; или въ мысляхъ такого человѣка, которой тебѣ готовъ быть другомъ, но которому впрочемъ, велятъ тебѣ остерегаться; или какого родственника, которому ты наслѣдникъ; или какого покровителя, и самого Монарха. А все сіе чаще

бываетъ для одного своего увеселенія, для увеселенія другихъ, и для полученія въ свѣтѣ славы такой, какая за то быть можетъ.

Опытъ научаетъ насъ, что на сохраненіе отданныя вещи, или какая тайна, которая должна быть столько же свята, рѣдко бываютъ въ безопасности, естьли только тотъ, кому оныя повѣрены, можетъ присвоить себѣ первыя, и взять участіе въ другой.

Опытъ научаетъ насъ, что повредить славу женщины такой, которая совсѣмъ тому не подала причины, обѣщать ни мало не думая, обѣщенное исполнить, хвалиться достоинствомъ и вовсе его не имѣть, присвоить себѣ чужія дѣла, чтобъ получить за нихъ честь и награжденіе, суть такія вещи, какія завсегда мы видимъ въ обществѣ. Наконецъ (я бы никогда не окончилъ, естьли бы хотѣлъ представить всѣ подробности), оной научаетъ насъ, что мѣсто честности занимаетъ предательство подъ именемъ способности или проницанія, мѣсто добросердечія занимаетъ злоба подъ именемъ забавы; мѣсто крѣпости разума и нравовъ занимаетъ легкомысліе; а мѣсто кротости гордость, иногда смѣшная, часто неспорная, а всегда невмѣстная. Что уже именъ сихъ древнихъ добродѣтелей сдѣлались одни только слова, которыя ничего болѣе не значатъ въ пользу тѣхъ, которыя ихъ употребляютъ; но что сіи имена служатъ еще маскою нѣкоторымъ людямъ, кои не могутъ показаться открытымъ лицомъ. Я знаю, говорю я, что опытъ показываетъ намъ великое число людей, живущихъ съ нами подъ симъ непріятномъ видомъ; но чтожъ изъ сего можно заключить противу рода человѣческаго вообще? Совсѣмъ ничего.

Велики-ли въ разсужденіи всего сообщества человѣческаго тысяча обществъ частныхъ? Такъ велики, какъ въ миніатурѣ самой нечувствительной пунктикъ, какой только кисть положить можетъ. Можно-ли же судить искуство живописца по одному только пункту, и обвинять его незнаніемъ за то, что сей пунктъ положенъ не столь исправно? Нѣтъ, безъ сомнѣнія, потому, что такая малая неисправность дѣлаетъ можетъ быть украшеніе въ цѣломъ: и равно какъ въ художнической работѣ есть и надобныя погрѣшности, такъ и въ родѣ человѣческомъ есть пороки для самаго мѣста, гдѣ они включены, по справедливости вредительные для цѣлаго сообщества.

Сверьхъ того сіи частныя общества состоятъ не изъ однихъ только злыхъ людей, но есть въ нихъ таковые. Изъ чего видно, что опытъ, которой только познаетъ людей каждаго порознь недостаточенъ, что касается до всѣхъ людей вообще; для того, что одинъ человѣкъ не можетъ самымъ опытомъ узнать всѣхъ, ниже большей изъ нихъ части. То правда, скажутъ мнѣ; но многіе люди живучи въ разныхъ обществахъ, разсказываютъ объ оныхъ каждой разное, но почти одинакими словами изображаютъ оныя, почти одинакими-же и красками: изъ чего заключается, что люди повсюду впрочемъ таковы какими опытъ намъ ихъ показуетъ. Сіе новое противоположеніе весьма способно опровергнуть, потому, что то было бы разсуждать о неизвѣстной вещи, смотря на людей, кои не болѣе же того сами извѣстны. Разсмотримъ же теперь тѣхъ, коихъ мнѣнія подаютъ намъ право имѣть таковое разсужденіе.

Мы не можемъ иначе имѣть познанія обо всѣхъ людяхъ, отъ насъ отдаленныхъ, какъ чрезъ писателей каждаго народа. Писатели, отъ которыхъ мы узнаемъ о народахъ, о коихъ бы мы безъ нихъ ничего, кромѣ одного названія, не знали, бываютъ трехъ родовъ: Историки, Нравоучители и Стихотворцы. Историки, кажутся, что болѣе прочихъ заслуживаютъ повѣренность, полагаютъ, что человѣкъ, которой взялся описать все что случилося, употребилъ возможныя предосторожности, чтобъ извѣдать лучше объ истинѣ приключеній прежде нежели оныя представить; но сіе только одинъ видъ, подъ коимъ способно прикрывать неправду, ежели хотя не много захочетъ подлинно разсмотрѣть исторію. Сравнивая многихъ Историковъ въ одномъ приключеніи, найдетъ ихъ столь пристрасно подражающими, либо противорѣчущими другъ другу, что въ великое придешь сомнѣніе, которому изъ нихъ вѣрить, и о которомъ сомнѣваться. Естьли же Историки столько невѣрны, что заставляютъ сомнѣваться о такихъ дѣлахъ, кои случились такъ сказать, въ собственныхъ ихъ глазахъ, то какъ можно отважиться повѣрить имъ въ такомъ способѣ, кимъ они видѣли своихъ согражданъ, тѣмъ болѣе, что сей способъ видѣть есть, можетъ быть и вовсе выдуманный, и зависящей отъ сложенія органовъ зрителя.

Я не буду болѣе продолжать о неизвѣстности Исторіи, и о самой довѣренности, какую можно

имѣть къ историкамъ. Можно довольно видѣть о томъ изъ сочиненія, названнаго: les mensonges imprimes, коего славной авторъ почитаетъ Исторію за баспю, и весьма ясно доказываетъ о томъ въ небольшомъ своемъ изданіи.

Нравоучители, кажутся, что не ровное съ историками мѣсто занимаютъ въ нашихъ мысляхъ, и заслуживаютъ, чтобъ имъ вѣрить. Они пишутъ Исторію нравовъ, такъ какъ Историки великихъ дѣлъ; то есть, что они представляютъ причины дѣлъ, о какихъ тѣ повѣствуютъ, и разсуждаютъ о началѣ и правилахъ, какія всѣ люди вообще возпріяли. Такая должность достойнѣе и превосходнѣе Историковъ; но не знаю, лучше ли оную исполняютъ?

Произвесть отвращеніе къ пороку, и показать добродѣтель пріятною, должно быть предметомъ нравоучителей. Но подаютъ ли они намъ правильное понятіе о томъ и о другомъ, вотъ что разсматривать должно?

Каждой изображаетъ себя въ своихъ сочиненіяхъ; правило сіе не безъ исключенія, между тѣмъ, оно довольно общее. Не должноли же остерегаться, чтобъ Историкъ разума не изобразилъ себя въ видѣ человѣка злаго, такъ какъ Историкъ дѣлъ представляетъ себя часто среди героевъ? Почти обыкновенно, нравоучитель находитъ самъ въ себѣ большую часть погрѣшностей, которые опорочиваетъ. Всегда стараются видѣть въ другомъ пороки, какіе находятъ сами въ себѣ. Сіе есть такое извиненіе, коимъ гордость добродѣтельно питается, а сіе самое и заставляетъ уже довольно сомнѣваться объ общихъ всѣмъ погрѣшностяхъ. Между тѣмъ было бы весьма безчеловѣчно и несправедливо, естьли порицать нравоучителей всѣми пороками, какіе они осуждаютъ. Но кого же они избираютъ образцомъ, дабы изобразить пороки, какихъ они сами въ себѣ не имѣютъ? Людей по большей части обществомъ отверженныхъ, какъ не способныхъ составлять одно съ нимъ тѣло, или которыхъ оно хранитъ въ нѣдрахъ своихъ сходно съ выгодами, какія изъ того получить можетъ; выгоды полезныя или пріятныя, и всегда случайныя симъ членамъ недостойнымъ быть въ началѣ порядка человѣковъ. Но сіи ужасные образцы находятся въ великомъ ли числѣ? Вѣрно нѣтъ, потому, что они достойны только, чтобъ ихъ убѣгать, а въ обществѣ есть гораздо болѣе такихъ людей, которыхъ изыскиваютъ, нежели тѣхъ, какихъ убѣгаютъ. Когда-же изъ сихъ двадцать, тридцать, сорокъ, сто простыхъ въ государствѣ заражены такимъ, а пятьдесятъ другимъ порокомъ, то можно-ли думать, что люди сего государства порочны отъ большей части?

На примѣръ: кто разсмотритъ вѣкъ Людовика XIV, сравнивая оной много разъ съ Августовымъ, не упуская ни малаго подобія, сей вѣкъ великихъ мужей, о коихъ нынѣ столько бы пролито было слезъ, естьли бъ не былъ возобновленъ Людовикомъ XV, кто разсмотритъ, говорю я, сей вѣкъ съ такимъ понятіемъ, какое славной авторъ нравоучительныхъ мыслей подаетъ намъ, людямъ его времени, заключитъ объ ономъ не столь изрядно, какъ онъ заслуживаетъ. Сей авторъ, впрочемъ весьма просвѣщенной, весьма худаго мнѣнія о родѣ человѣческомъ. Чѣмъ онъ обманулся, происходитъ отъ того, что онъ заключаетъ о всеобщемъ по нѣкоторому числу придворныхъ, которыхъ безпрестанно имѣлъ предъ глазами. Но дворъ Людовика XIV, сколь многочисленъ и сколь блистающъ ни былъ, былъ однакожъ много не сходенъ со всѣми добродѣтелями, какія проницаніе великаго сего Государя каждой день рождало. Я повѣрю еще и тому, что сія земля, жители которой всегда неблагодарны противу добродѣтелей, была такое мѣсто, гдѣ оныя мало умножались, не взирая на попеченіе Монарха, правила и примѣръ собою подающаго.

Лицемѣрство, которое рѣдко отлучается отъ человѣка придворнаго, почти всегда затворяетъ сердце его отъ добродѣтелей чистыхъ, добродѣтелей искреннихъ. Авторъ же нравоучительныхъ мыслей разсуждалъ о всѣхъ людяхъ вообще, смотря по людямъ придворнымъ.

Онъ разсуждалъ объ нихъ, не имѣя точнаго познанія; потому, что въ разсужденіи цѣлаго, зналъ только весьма малое, и притомъ такое, которое бываетъ обыкновенно развращенное.

Что я сказалъ объ авторѣ нравоучительныхъ мыслей, можетъ касаться и до авторовъ, описывающихъ свойства, а слѣдовательно и до всѣхъ нравоучителей, которыхъ можно почесть за столько жъ предупрежденныхъ, какъ и Историковъ, и по крайней мѣрѣ столь же подозрительныхъ въ пристрастіи.

Стихотворцы, которые кажутся, что лучше знаютъ людей, суть двухъ рододъ: сатирическіе и драматическіе, но сіи Стихотворцы новые и

древніе, будучи подозрительны не менѣе Историковъ и Нравоучителей, ничего противу рода человѣческаго не объявляютъ. Обладать искусно пороками, погрѣшностями и насмѣшками, кои введены у просвѣщенныхъ народовъ, представить оныя замысловато для ихъ наставленія и увеселенія, не показываетъ еще всѣхъ людей вообще равно развращенными; и изображеніе нѣкоторыхъ не можетъ быть для потомства точнымъ описаніемъ всего. Можно ли имѣть истинное понятіе о французѣ, естьли кисти Моліеровой вѣрить, что владычествующая страсть и свойство сего народа суть: скупость и человѣконенавидѣніе? Таково же во всей вселенной и во всѣ времена.

Нѣкоторые простолюдины, привлеченные слѣпою корыстію, весьма часто измѣняли добродѣтели, презирая угрызеніе совѣсти, уничтожали законы, и приводили въ смятеніе общественной порядокъ; но самое большее число имѣютъ, безъ сомнѣнія, тихія страсти и чистые нравы; для того, что имѣютъ отвращеніе къ злымъ и законы кои тѣхъ наказываютъ.

КОНЕЦЪ.

57. Апологія къ потомству отъ Николая Струйскаго или начертаніе о свойствѣ права Александра Петровича Сумарокова и о нравоучительныхъ его поученіяхъ, писанныхъ 1784 года въ Рузаевкѣ, 12°, 49 стр. Изданіе третіе, печатано съ указнаго дозволенія, въ типографіи у автора 1793 года.

Это одна изъ рѣдкихъ, но пустыхъ книгъ,— произведеніе типографа-помѣщика инсарскаго уѣзда Николая Д. Еремѣевича-Струйскаго, печатавшаго книги въ селѣ своемъ Рузаевкѣ. — См. Геннади: «Книжныя рѣдкости» за № 157.—Означенное изданіе въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость.—Цѣнится отъ 10 до 15 руб.

58. Апологія Савватія Старообрядческаго Архіепископа Московскаго. В. М. К. (Карловича). Изданіе второе. Черновцы. Типографія Черновецкаго товарищества. 1895 года.—Въ 8 д. л., 34 стр. съ портретомъ.

Въ этой книжкѣ авторъ откровенную истину снабдилъ своимъ личнымъ добавленіемъ, полагая такимъ путемъ пріобрѣсти популярность и прослыть за компетентнаго защитника древняго-благочестія, или попросту русскаго раскола.

Изданіе это скорѣе безполезное, чѣмъ вредное, и не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія со стороны читателя.

59. Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Изслѣдованіе И. Порфирьева. Казань. Въ университетской типографіи. 1873 года.—Въ 8 д. л. 309 стр.

Извѣстно, что въ древнемъ и новомъ мірѣ строгой и точной исторіи всегда предшествовала и сопутствовала своеобразная народная легенда. Великія лица и событія во всѣ времена, какъ доисторическія такъ и историческія, служили центромъ самыхъ разнообразныхъ народныхъ сказаній. Этой общей участи подверглись и великія лица и событія Ветхозавѣтной и Новозавѣтной Церкви. Извѣстно, что и объ этихъ лицахъ и событіяхъ, кромѣ сказаній священной исторіи, сложено въ разныя времена много еще другихъ сказаній, которыя частію разсѣяны въ разныхъ сочиненіяхъ іудейской и христіанской письменности, частію составили предметъ особыхъ сочиненій, которыя извѣстны подъ именемъ апокрифическихъ или апокрифовъ. Какъ часто ни удаляются эти сказанія отъ истины, и какъ иногда ни извращаютъ они историческія лица и событія, ими однакоже не пренебрегаютъ ни исторія вообще, ни исторія литературы. Въ своеобразныхъ и часто запутанныхъ сказаніяхъ апокрифическихъ исторія отличаетъ отголоски древнѣйшихъ истинныхъ преданій о событіяхъ; въ извращенномъ представленіи событія она видитъ доказательство, по крайней мѣрѣ, истинности событія, т. е. того, что событіе несомнѣнно существовало. Но для исторіи имѣетъ значеніе не одна истинность событій, но и то, какъ событія въ разныя времена были понимаемы народными массами, какъ они настраивали ихъ воображеніе, какъ воспитывали въ нихъ чувства и стремленія. Въ этомъ отношеніи апокрифическія сказанія, въ которыхъ отразились духъ, воззрѣнія и характеръ древнихъ временъ, имѣютъ неоспоримую важность. Съ литературной точки зрѣнія апокрифическія сказанія составляютъ обширную область богатаго религіознаго эпоса, въ которомъ, посреди заблужденій, анахронизмовъ и противорѣчій исторіи, встрѣчается много замѣча-

тельныхъ идей, смѣлыхъ и оригинальныхъ мотивовъ, много въ высшей степени трогательныхъ и поэтическихъ картинъ. Потому, эти сказанія и были всегда любимыми сказаніями, переходили отъ одного народа къ другому, проникли въ искусство и литературу, доставляли, особенно въ древніе и средніе вѣка, сюжеты для духовной поэзіи, живописи и скульптуры и вообще имѣли огромное вліяніе на складъ тѣхъ религіозныхъ народныхъ понятій, которыя еще до сихъ поръ существуютъ въ народныхъ массахъ. Въ настоящемъ изслѣдованіи мы намѣрены представить обзоръ апокрифическихъ сказаній о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ.

Всѣ апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ имѣютъ одинъ общій характеръ; въ нихъ священныя истины смѣшаны съ разными заблужденіями и вымыслами фантазіи. Основная мысль, предметъ или событіе, составляющія сюжетъ сказанія, заимствованы изъ книгъ свящ. Писанія, но они распространены и украшены такими вымышленными разсказами и подробностями, о которыхъ ничего не говорится въ священныхъ книгахъ. Такому украшенію, естественно, должны были подвергнуться преимущественно тѣ священныя лица и событія, о которыхъ въ Библіи сказано весьма кратко, но которыя, по своему, чрезвычайно важному, положенію въ исторіи, обращали на себя особенное вниманіе и возбуждали много важныхъ и любопытныхъ вопросовъ. Въ книгѣ Бытія ничего не сказано ни о сотвореніи, ни о паденіи ангеловъ; Между тѣмъ послѣдствія этого событія обнаруживаются на первыхъ же страницахъ этой первой исторіи міра и рода человѣческаго; паденіе первыхъ людей произошло вслѣдствіе искушенія уже прежде падшаго ангела; въ послѣдующей библейской исторіи ангелы являются вѣстниками и исполнителями воли Божіей о спасеніи людей (Быт. глав. 18. 19 28. 12; 32,1. 2. Втор. 33, 2.) Очень понятно, что нѣкоторые апокрифы, и особенно книга Эноха, пытаются проникнуть въ міръ ангельскій, объяснить паденіе ангеловъ и вообще показать отношеніе ангеловъ къ природѣ и людямъ. Самыя важныя и любопытныя событія, какъ напримѣръ сотвореніе праотцевъ Адама и Евы, паденіе ихъ и изгнаніе изъ рая, ихъ жизнь по изгнаніи, всеобщій потопъ при праведномъ Ноѣ, столпотвореніе Вавилонское, раздѣленіе языковъ и разсѣяніе народовъ разсказаны въ Библіи весьма кратко. Судьба многихъ знаменитыхъ лицъ въ исторіи, напримѣръ Эноха, взятаго на небо, Мелхиседека, бывшаго прообразомъ Спасителя, извѣстна только въ общихъ чертахъ. Жизнь отца вѣрующихъ Авраама, бытописателя, законодателя и освободителя Еврейскаго народа Моисея, знаменитыхъ царей, Давида и Соломона, при которыхъ такъ возвысилось и прославилось царство Израильское, хотя описана въ священныхъ книгахъ сравнительно подробнѣе, но все же еще много возбуждала въ читателяхъ любопытныхъ вопросовъ; самое величіе и слава этихъ лицъ вызывали народную фантазію къ составленію разныхъ разсказовъ о нихъ въ дополненіе къ библейскому разсказу. Отсюда весьма естественно могли возникнуть разныя сказанія объ Адамѣ и Евѣ, Каинѣ, Авелѣ, Сиѳѣ, Энохѣ, Ноѣ, Авраамѣ, Мелхиседекѣ, Моисеѣ, Давидѣ и Соломонѣ. Желая представить главнымъ образомъ исторію вѣры и религіозной жизни, священный бытописатель мало обращалъ вниманія на внѣшнюю жизнь людей; онъ весьма мало говоритъ о томъ, какъ первые люди устроили свою жизнь, какъ дошли до разныхъ изобрѣтеній, необходимыхъ для улучшенія жизни, кому принадлежитъ начало разныхъ знаній, ремеслъ и искусствъ, какъ развились разные обычаи и проч. Вопросы обо всемъ этомъ неизбѣжно возникали въ умѣ человѣка, и онъ пытался разрѣшить ихъ; такія попытки мы встрѣчаемъ, между прочимъ, въ Маломъ Бытіи и Книгѣ Адама. Но если любопытно было для человѣка узнать что-нибудь о первыхъ временахъ міра, то еще болѣе и сильнѣе всегда занимала его мысль о будущемъ. Для іудеевъ предметомъ всѣхъ чаяній, въ будущемъ было пришествіе Мессіи, о которомъ было предсказано пророками; воображеніе христіанъ, естественно, устремлялось къ послѣднимъ днямъ міра, когда снова пріидетъ Спаситель и произведетъ послѣдній судъ, на которомъ каждому будетъ воздано по дѣламъ его. Апокрифы часто обращаются и ко временамъ Мессіи, и къ послѣднимъ временамъ міра, и при этомъ рисуютъ картины будущей жизни, блаженства праведныхъ и наказанія грѣшныхъ; таковы преимущественно Книга Эноха, Откровеніе Авраама и Восхожденіе Исаіи, которыя имѣютъ апокалиптическій характеръ; нѣкоторые апокрифы и называются апокалипсисами.

Такимъ образомъ, апокрифическія сказанія естественно возникли изъ стремленія дополнить нѣ-

которые пробѣлы или пропуски въ библейскомъ разсказѣ, объяснить нѣкоторыя, не довольно понятныя или неясныя въ священныхъ книгахъ мѣста, разрѣшить возникавшіе при чтеніи ихъ разные вопросы. Мы увидимъ, что большая часть апокрифовъ имѣютъ названіе и форму библейскихъ книгъ и составлены по образцу этихъ книгъ; по подражанію книгѣ Бытія составлено Малое Бытіе или Книга Юбилеевъ, по подражанію Псалмамъ Давида составлены Псалмы Соломона, по подражанію книгамъ пророческимъ — Пророчества или Откровенія Эноха, Иліи, Исаіи, Іереміи. То, о чемъ достаточно сказано въ священныхъ книгахъ, апокрифы или совсѣмъ оставляютъ или передаютъ весьма кратко, но то, о чемъ сказано кратко и недостаточно, или что совсѣмъ опущено, они распространяютъ разными украшеніями и подробностями и дополняютъ вымышленными разсказами. Эти украшенія, добавленія и подробности и составляютъ новое, отличное отъ священныхъ книгъ, содержаніе и существенный элементъ въ апокрифическихъ сказаніяхъ. Какимъ путемъ они образовались? Составляютъ ли они чистый вымыслъ фантазіи, или же основа ихъ заключается въ древней исторіи? — Сами апокрифы объявляютъ притязаніе на подлинное, древне-библейское происхожденіе. Въ большой части изъ нихъ разсказъ ведется отъ имени тѣхъ лицъ, о временахъ коихъ разсказывается; многіе изъ нихъ и называются именами этихъ лицъ: Завѣтъ Адама, Книга Эноха, Завѣты 12-ти патріарховъ. Само собою разумѣется, что они не могутъ принадлежать этимъ лицамъ; но съ другой стороны нельзя утверждать и того, что всѣ заключающіяся въ нихъ сказанія составляютъ личный вымыселъ ихъ составителей; многія изъ этихъ сказаній гораздо древнѣе апокрифовъ. Составители апокрифовъ жили въ позднѣйшія времена. Мы увидимъ, что самый древній изъ дошедшихъ до насъ апокрифовъ, книга Эноха, не восходитъ своею древностію дальше конца 2-го вѣка предъ Р. Х., слѣдующіе за нимъ по древности апокрифы принадлежатъ—Малое Бытіе 1-му вѣку до Р. Х., а Завѣты 12-ти патріарховъ уже 1-му или даже началу 2-го вѣка послѣ Р. Х. Между тѣмъ, хотя въ каждомъ апокрифѣ есть черты, по которымъ можно пріурочить его къ тому или другому времени; но также въ каждомъ почти есть и несомнѣнные слѣды древнѣйшихъ преданій. Это показываетъ, что содержаніе апокрифовъ большею частію древнѣе самихъ апокрифовъ, что апокрифы сложились не вдругъ, что опредѣленному времени принадлежитъ только та или другая ихъ редакція, что первыя начала ихъ коренятся въ древнихъ преданіяхъ. Въ началѣ это были, вѣроятно, небольшіе разсказы, основа которыхъ заключалась съ одной стороны въ устныхъ преданіяхъ, а съ другой — въ происходившихъ подъ вліяніемъ этихъ преданій толкованіяхъ священныхъ книгъ. Переходя отъ одного поколѣнія къ другому, они, естественно, наростали; переходя отъ одного народа къ другому, они соприкасались съ миѳическими преданіями народовъ и еще болѣе осложнялись; но особенно они должны были измѣниться, когда стали подвергаться литературной обработкѣ, подъ вліяніемъ разныхъ книжныхъ толкованій, когда, наконецъ, ихъ начали передѣлывать іудейскіе и христіанскіе сектанты...

Въ предлагаемомъ обзорѣ мы намѣрены: I) показать происхожденіе и развитіе вообще апокрифическихъ сказаній о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ; II) объяснить начало индекса, или статьи, въ которой перечисляются апокрифическія книги и III) представить разборъ главныхъ и болѣе замѣчательныхъ дошедшихъ до насъ апокрифическихъ книгъ.

60. Апостолъ напечатанный въ Угровлахіи, въ четверку, 269 лист. 538 стр. 1547 г.

жамнѣ пасхы • нна възнесеніе гнѣ • гла а҃
Прьвоѐ оубо слово сътворихъ ѡ всѣ
хъ ѡ деѡфиле • ѡнихже на
чатъ іс творити же и оучити •
до негоже дне заповѣдавъ апл҃ѡ

Первый листъ Угровлахійскаго „Апостола“ 1547 г.

Въ началѣ перваго выходнаго листа помѣщена узловатая квадратная заставка съ угровлахійскимъ гербомъ, съ слѣдующими словами вокругъ: «Господини въ Христа Бога благовѣрни и Богомъ храниміи Самодержавни земли Угровлахійскія I Ѡ Мирча воеводѣ».

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этого изданія, составляютъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость.

См. обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ Павла Строева, стр. 24, № 14.

61. Апостолъ или дѣянія и посланія апостольскія, переведены съ латинскаго перевода, именуемаго „Вулгата“, докторомъ Франциском Скориною изъ Полоцка. Вильна 1525 года.—Въ 8 д. л.

У Сопикова въ «Опытѣ россійской библіографіи»

за № 72, сказано:—«прерѣдкая книга; въ Россіи мнѣ извѣстно только два экземпляра сего весьма рѣдкаго изданія: одинъ находится въ библіотекѣ, бывшаго г. профессора московскаго университета—Баузе, а другой—въ библіотекѣ П. Я. Чадаева».

Означенная книга составляетъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость и цѣнится любителями отъ 100 до 200 рублей (смотря по степени сохранности).

62. Апостолъ, съ толкованіемъ различныхъ Св. Отецъ; переводъ съ греческаго (напечатанный старообрядцами съ древняго рукописнаго). Въ Почаевѣ. 1784 года.—Въ листъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этого изданія чрезвычайно рѣдки. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 17, гдѣ сказано:—«книга очень рѣдкая».

63. Аптека домашняя и дорожная лѣкарями пересмотрѣнная вмѣстѣ съ полнымъ спискомъ бѣлья для хозяйствъ и путешествующихъ, также и съ таблицею доходовъ и расходовъ и съ всегдашнимъ календаремъ. Изданіе оригинальное для воровскаго перепечатанія съ печатью моего имени замѣченное. Лейпцигъ, у К. Г. Е. Арндта; во время ярмонокъ на площади въ лавкѣ близко верхняго фонаря на среднемъ главномъ ряду.—Въ 16 д. л., 12+8 стр.

Эта рѣдчайшая брошюрка съ печатью и вензелемъ на заглавномъ листѣ и послѣ двѣнадцати страницъ есть другой заглавный листъ, — совершенный реэстръ для бѣлья по букварному порядку, съ общею таблицею расхода во время цѣлаго года, что можно примѣтить аспиднымъ грифелемъ на аспидномъ въ сторонѣ находящемся пергаментѣ. Новое прибавляемое изданіе. Лейпцигъ, у К. Г. Е. Арндта. 1816 г.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры составляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость и цѣнятся отъ 12 до 20 руб., смотря по степени сохранности. — См. у Геннади «Русскія книжныя рѣдкости» № 223. Есть у Остроглазова въ «Книж. Рѣдк.», см. «Русскій Архивъ» за 1891 г. № 8 и Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1889 годъ, стр. 70, гдѣ сказано, что книжка эта рѣдка.

Въ виду того, что эта книжка, какъ библіографическая рѣдкость, не всегда бываетъ доступна для большинства любителей, я для интересующихся этимъ весьма любопытнымъ и оригинальнымъ изданіемъ, счелъ не лишнимъ привести здѣсь ее полностію съ сохраненіемъ orѳографіи подлинника.

Оглавленіе на аптеку домашнюю и дорожную.

1) Желудочныя капли.

2) Лѣкарство отъ разслабленія и кривленія членовъ у дѣтей и для дѣтей слабаго сложенія тѣла.

3) Лѣкарство отъ заразительныхъ горячекъ.

4) Лѣкарство отъ глазныхъ болѣзней.

5) Отъ укушенія бѣшенныхъ собакъ.

6) Отъ вѣтровъ въ брюхѣ.

7) Напитокъ, вычищающій кровь.

8) Лѣкарство отъ поноса.

9) Отъ запора мочи.

10) Отъ мозолей.

11) Отъ кашля.

12) Отъ колики.

13) Отъ головной боли.

14) Отъ сыпи.

15) Отъ вшей.

16) Слабительное.

17) Отъ теченія крови изъ носа.

18) Отъ запора.

19) Отъ бородавокъ.

20) Отъ клоновъ.

21) Отъ глистъ.

22) Отъ зубной боли.

23) Отъ веснушекъ.

24) Отъ досадованія и страха.

25) Отъ моли.

26) Отъ блохъ.

27) Отъ ранъ отъ ожоги.

28) Отъ ознобленія.

29) Вывесть изъ сукна сальное пятно и масленную краску.

30) Вывесть сальныя пятна изъ полотна, изъ бумажныхъ или шелковыхъ матерій.

31) Вывесть изъ полотна и скатертей или салфетокъ пятна отъ овоща, отъ вина, отъ желѣза, отъ чернилъ или отъ другихъ вещей.

32) Выбѣлить опять полотно или бумажную матерію, когда дѣлались темными у печи или отъ утоженія, когда еще не все испортились отъ жара.

№ 1. Желудочныя капли.

Возьми горсти двѣ концовъ и листьевъ полыни, также и листьевъ перечной мяты (по лат. mentha piperita), суши ихъ на тѣнистомъ мѣстѣ, раздробь ихъ въ маленькіе куски и налей хорошую чистую водку, которая бы покрывала все то вышиною съ 2 вершка, поставь эту бутылку хорошо заткнутую или на солнце или близко печи не очень затопленной, и оставь все то приготовленное на томъ же мѣстѣ на 24 часа.

Потомъ процѣди сквозь полотно или пропускную бумагу эту водку, которая уже горькою сдѣлается и, приложивъ еще въ бутылку свѣжія листья отъ полыни и перечной мяты, оставь сію водку еще на нѣсколько времени у печи не такъ много затопленной, и иногда можешь употреблять рюмку для желудка.

Это лѣкарство полезно для холоднаго желудка и для слабыхъ особъ; но молодымъ и горячимъ надобно употреблять его маленькими только порціями.

№ 2. Лѣкарство отъ разслабленія и кривленія членовъ у дѣтей (по латински: rhachitis) и для дѣтей слабаго сложенія тѣла.

Надобно мыть и купать всякій день дѣтей, коимъ шесть мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ отъ роду, а по мытіи употребить слѣдующія травы, положенныя въ бутылку вина или водки на втираніе въ члены.

R. Radic. Calam. arom. unc. j.
Flor. Chamom. vulg.
» Lavendul.
Herb. Majoran.
Herb. menthae piper. ā.ā semiunc.

№ 3. Средство отъ заразительныхъ горячекъ.

Очень полезно часто брать въ ротъ и жевать кусочекъ ревенева кореня, особливо по утрамъ.

Также и пить нѣсколько хорошаго виннаго уксуса или взять въ ротъ и часто мыть имъ руки и лицо, особливо по утрамъ.

Кардамонъ также, когда возьмешь въ ротъ и жуешь, хорошее есть лѣкарстно отъ зараженія. Наипаче при такихъ болѣзняхъ, какъ чахоткѣ, сыпи и пр. надобно не приближаться къ больному на тощакъ или не ѣвши прежде того лѣкарства, ежели возможно убѣгать такихъ посѣщеній.

№ 4. Лѣкарство отъ глазныхъ болѣзней.

При воспаленіи и боли въ глазахъ, надобно взять 2 лота воды отъ липоваго цвѣта, въ которой распущено $^1/_8$ лота бѣлаго купороса, и часто омачивать глаза этою водою.

Когда глаза разгоренны, то и слѣдующее средство хорошимъ будетъ. Разрѣзавши и намочивши черствую булку въ свѣжей водѣ, положи ночью половину ея на каждый глазъ, обвязавши платкомъ.

Еще лучше будетъ употребить свѣжія сливы, когда ихъ находить можно. Такая слива раздѣлена на двѣ части и, вынувши косточку, полагается на каждый глазъ прежде нежели ложиться спать, и обвязывается платокъ, это самое лучшее лѣкарство для больныхъ глазъ.

№ 5. Лѣкарство отъ укушенія бѣшенныхъ собакъ.

Вымывши рану какъ скорѣе тепловатой водою, посыпавши ее порошкомъ шпанскихъ мухъ или кантаридъ, и положивши на нее полотно, намазанное базиличной мазью (по лат. unguentum basilic.), надобно призвать скоро лѣкаря.

№ 6. Лѣкарство отъ вѣтровъ въ брюхѣ.

Варивши въ 4-хъ чашкахъ воды ромашку и меллису, отъ каждой равныя части, сколько можно схватить концами пальцевъ, выпей эту воду вмѣсто чая, и согрѣвайся сколь можно. Также хорошо будетъ согрѣвши кирпичъ или черепицу положить на мѣсто желудка.

№ 7. Напитокъ, вычищающій кровь.

Варивши вмѣстѣ species lignorum, radix graminis, отъ каждаго по 1 лоту, выпивай почаще какъ чай.

№ 8. Лѣкарство отъ поноса.

Когда притомъ и тошнится больному, то надобно взять рвотное отъ radix ipecacuanhae отъ 35 до 40 грановъ въ водѣ и пить потомъ нѣсколько чашекъ кофею безъ сливокъ. Когда поносъ есть безъ тошноты, то легко вылѣчается взявши $^1/_4$ лота ревеннаго порошка въ водѣ.

Также и перестанетъ поносъ отъ напитка довольно крѣпкаго изъ варенныхъ можевельныхъ

листьевъ. Чай изъ шелковичныхъ листьевъ по совѣту врачей хорошее дѣйствіе производилъ. Но всегда лучше спрашивать у доктора прежде нежели употреблять лѣкарство отъ поноса, ибо часто умреть больной отъ неосторожнаго употребленія онаго. Такъ не торопиться!

№ 9. Лѣкарство отъ запора мочи.

Варивши льняное сѣмя, ромашку и бузиновый цвѣтъ, отъ каждаго по горсти, наполни этимъ взваромъ бычачій пузырь, и положи его сколь ни теплымъ можетъ вытерпѣть на нижнее мѣсто брюха, выпивши притомъ и нѣсколько чашекъ чаю отъ бузиноваго цвѣту и мелиссы.

№ 10. Лѣкарство отъ мозолей.

1) Пластырь отъ зеленаго воску смѣшаннаго съ нѣсколькой уготованной мертвой голови полагается на мозоль на 3 дня.

2) Простый свинцовый пластырь находится во всякой антекѣ, отъ котораго намазывается кусокъ полотна величиною съ полтинникъ, и полагается на мозоль на 5 или 6 дней, а потомъ снова полагается такой пластырь. Боль тотчасъ перестаетъ и по вареніи ногъ съ мыломъ или съ отрубями всю мозоль легко вывесть можно и безъ помощи лѣкаря.

№ 11. Лѣкарство отъ кашля.

При кашлѣ надобно мало ѣсть, а только нѣсколько плодовъ, зелени и хлѣба. Но мясо, яйцы, супъ отъ бульона, вино и водка вредны. Species pectoralis, которое можно находить во всякой антекѣ, ежели часто его пьешь, совсѣмъ вылѣчитъ кашель.

№ 12. Лѣкарство отъ колики.

Положивши согрѣтый камень на желудокъ, выпить чай отъ римской ромашки и мяты, облегчаетъ боль.

№ 13. Лѣкарство отъ головной боли.

1) Припалка изъ можжевелинъ, тмину, крошечекъ хлѣба и порошка изъ мяты толченныхъ вмѣстѣ въ иготкѣ съ виннымъ уксусомъ, пока все сдѣлается густымъ какъ каша, когда положится на лобъ, облегчаетъ боль.

2) Ежели помазать голову колонскою водою (Eau de Cologne) или водою отъ ландыша, тоже дѣйствіе сдѣлаетъ.

№ 14. Лѣкарство отъ сыпи.

Шесть лотовъ большаго репейника на полчаса варятся съ $^1/_3$ лота селитры въ 2 фунта воды; все то перецѣдить надобно и пить часто этотъ напитокъ. По осьмидневномъ употребленіи намазать слѣдующей мазью, какъ: 2 лота растолченной сѣры, $^1/_3$ лота нашатыря, 4 лота свиньяго сала, все хорошо смѣшанное—по утрамъ и по вечерамъ величиною съ горохъ—составы такимъ образомъ, при томъ почаще перемѣняя бѣлье, вылѣчится сыпь.

№ 15. Лѣкарство отъ вшей.

Хотя опрятность есть лучшимъ способомъ отъ вшей, но и самому опрятному человѣку тоже случается не рѣдко.—Нѣсколько мази такъ называемой рейтарской, когда намазывается на мѣста гдѣ вши находятся, скоро ихъ истребляетъ.

Платье, въ которомъ вши находятся, надобно класть на печь очень растопленную, а потомъ, когда холоднымъ становится, вытресать его хорошо, и такъ сіи мучители отгоняются.

№ 16. Слабительное.

2 лота Глауберской соли (по лат. Sal. glauberi), разведенные въ чашкѣ теплой воды пить по утрамъ натощакъ.

Или: 1 лотъ сенни (или Александрійскихъ листьевъ) и 1 лотъ Глауберской соли вмѣстѣ варятся въ 3-хъ чашкахъ воды и процѣживаются; одну половину пьешь въ вечеру, а другую слѣдующаго утра.

№ 17. Лѣкарство отъ теченія крови изъ носа.

Нюхать воды съ виннымъ уксусомъ, мыть онымъ лобъ и грудь очень полезно будетъ, и теченіе крови, особливо въ покойномъ положеніи, скоро перестанетъ.—Однако всякому надобно быть осторожнымъ въ такомъ случаѣ, чтобы не навлечь на себя какую нибудь болѣзнь неудобнымъ употребленіемъ этого предмета.

№ 18. Лѣкарство отъ запора.

Тѣ-же лѣкарства подъ № 16, какъ и клистиры отъ льнянаго сѣмени, соли и деревяннаго масла очень будутъ полезны.

№ 19. Лѣкарство отъ бородавокъ.

Намазывай часто бородавочки сокомъ чистотѣла (ясколки) или молока волчьяго, или адскимъ каменемъ (по лат. lapis infernalis).

№ 20. Средство отъ клоповъ.

Легко и безъ великаго иждевенія можно истребить клоповъ вареніемъ 2-хъ или 3-хъ фунтовъ самаго простаго табаку въ 16 или 20 фунтахъ воды, которымъ, когда оно еще очень горячо, надобно обварить кровати. Также и для тѣхъ, которые выходятъ изъ стѣнъ, такой табакъ не будетъ весьма пріятнымъ.

№ 21. Лѣкарство отъ глистъ.

Возьми порошку отъ ялапа $^1/_4$ лота, цытварнаго сѣмяни $^1/_2$ лота, все раздѣленное на 2 ровныя части, вмѣшай все то въ меду или сиропѣ. Потомъ употреби одну половину въ вечеру а другую слѣдующаго утра.

№ 22. Лѣкарство отъ зубной боли.

Разведи немножко сахару въ жестянной ложкѣ надъ свѣчею, вмѣшай нѣсколько перечнаго порошку, сдѣлай изъ этой смѣси пилюльки и вложи ихъ въ пустый зубъ. Также и агатное масло облегчаетъ зубную боль, когда кусокъ хлопчатой бумаги съ нѣсколько капель того масла положишь за уши и привяжешь, это нарываетъ пузырочку, которая легко вылѣчится.—Притомъ и почаще и покрѣпче нюхать каустическій (жгучій) духъ отъ нашатыря (по лат. Spirita Salis ammoniaci causticus), утишитъ зубную боль.

№ 23. Средство отъ веснушекъ.

Рѣдко возможно будетъ всѣ истребить веснушки, однако мало по малу это сдѣлается, ежели первое время весны не пойдешь на солнце открытымъ лицемъ; для того и очень полезно какъ дѣтямъ, и такъ рослымъ людямъ, носить шляпу съ широкимъ краемъ. Также и когда весною предъ восхожденіемъ солнца моешься клекомъ лягушечимъ, непримѣтно исчезнутъ веснушки, ежели не раздражаешь кожу или пьешь по разгоряченіи. Кожа украшается, когда моешься иногда колонской водой (eau de Cologne).

№ 24. Средство отъ досадованія и страха.

Возьми кофейную ложечку винокаменной сметаны (по лат. креморъ-тартори) или въ не имѣніи того, ложку холодной воды съ кухонной солью.

№ 25. Средство отъ моли.

Чтобы выгнать моль изъ шубы или изъ суконнаго платья, надобно ихъ вытрясать хорошо весною, и обвивать ихъ двойнымъ полотномъ. Также и хорошо будетъ вложить маленькіе кусочки тучныхъ сосновыхъ или смолистыхъ дровъ, или размариновыя вѣтви, или лаванду, или маленькіе кусочки юфты, также и канфору, обвитую бумагой.

№ 26. Средство отъ блохъ.

Въ домахъ и комнатахъ чищеніе полу пескомъ самымъ лучшимъ средствомъ будетъ. Но кто самъ отъ блохъ безпокоится, тотъ лучше сдѣластъ вытрясать все свое платье въ окошко на право и налѣво, такъ убѣжитъ труда ловить ихъ и убить.

№ 27. Средство отъ ранъ и отъ ожоги.

Припарка изъ сырыхъ истертыхъ картофелей на льняномъ платкѣ выведетъ ожогу и вощаная мазь вылечить её.

№ 28. Средство отъ ознобленія.

Ежели членъ (рука, нога и пр.) озноблeнъ, то вложи его въ снѣгъ (когда снѣгъ есть), что отниметъ все.

Ежели члены трескаются отъ стужи, надо употреблять вощаную мазь, что можно находить всегда въ аптекахъ, или также въ нуждѣ поскорѣе уготовлять изъ хорошихъ бѣлилъ мѣшанныхъ съ деревяннымъ масломъ пока сдѣлается густой мазью. Чѣмъ старѣе масло и зеленѣе, тѣмъ лучше подѣйствуетъ. Можно его хорошо сохранить въ горшечкѣ.

Вощаная мазь также хорошее домашнее лѣкарство отъ всякой раны, ибо черезъ 5 или 6 часовъ по употребленіи оной мази уже можно примѣчать бѣлый край на ранѣ, и скоро почувствуешь облегченіе боли.

№ 29. Вывесть изъ сукна сальное пятно и масленную краску.

Наливши на пятно много терпентиннаго масла (скипидара) или лавандпаго и хорошо протерши, дай ему высушиться, и повторяй тоже опять. Сало выведется, а непріятный запахъ пройдетъ по воздуху.

№ 30. Вывесть сальное пятно изъ полотна, бумажной и шелковой матеріи.

Положивши въ огонь телячьи или бараньи кости и хорошо сожегши, натолки ихъ мелкимъ порошкомъ. Того порошку положи что нибудь на пропускную бумагу, а на ту бумагу положи замаранную матерію, ни которую опять надобно по-

ложить порошокъ, а потомъ и еще пропускную бумагу. На этой бумагѣ двигай взадъ и впередъ утюгъ довольно раскаленный, однако остерегаясь, чтобы не опалилась матерія, и все то повторяется, ежели потребно.

Потомъ все то натирается мягкою щеткою, а порошокъ оттирается.

Тоже и можно дѣлать венеціянскимъ мѣломъ.

№ 31. Вывесть изъ полотна, изъ скатертей, салфетокъ и пр. пятна отъ овоща, вина, желѣза, чернилъ и другихъ вещей.

Обмочи его какъ скорѣе чистою водою и постарайся вывесть пятно мывши мыломъ и сушивши на солнцѣ и на воздухѣ. Ежели въ томъ не успѣешь, употреби кислоту, однако съ осторожностью.

Возьми большой горшокъ или деревянный сосудъ, влей столько воды, сколько потребно, чтобы намочить пятно или матерію, однако у маленькаго не бери меньше одного фунта воды, иначе не довольно будетъ жидкости. Потомъ налей столько купороснаго масла дымящагося, сколько потребно, чтобы производить крѣпкій кислый вкусъ на языкѣ, ежели немножко намочивши палецъ отвѣдаешь эту воду. Потомъ вымывай въ ней матерію или пятно, пока оное не выведется. Ежели не тотчасъ сдѣлается, надобно прилить еще больше такого масла. Какъ скоро пятно выведется, выжми матерію и вымой ее на полчаса въ рѣкѣ или ручейкѣ, ежели возможно, однако никакъ не должно дать ей сохнуть вмѣстѣ съ такимъ масломъ.

№ 32. Выбѣлить опять полотно и бумажную матерію, когда у печи или при утюженіи темной сдѣлается, однако еще не все испортится отъ ожоги.

Вымывши его прежде хорошо въ водѣ намочи пятно, когда еще не все сухо, въ оксидованную соляную кислоту (по латински: acidum salis oxydatum), отъ чего пятно тотчасъ исчезнетъ. Какъ скоро это сдѣлается, надобно вымыть опять кислоту въ чистой водѣ, иначе испортишь матерію.

ВСЕГДАШНІЙ КАЛЕНДАРЬ.

Генварь имѣетъ	31	дни
Февраль »	28	»
Мартъ »	31	»
Апрѣль »	30	»
Май »	31	»
Іюнь »	30	»
Іюль имѣетъ	31	дни
Августъ »	31	»
Сентябрь »	30	»
Октябрь »	31	»
Ноябрь »	30	»
Декабрь »	31	»

МѢСЯЦЪ.

Имѣетъ:

Въ первое число каждаго мѣсяца надобно приписать буквы, значущія дни недѣли.

	1	8	15	22	29
	2	9	16	23	30
	3	10	17	24	31
	4	11	18	25	
	5	12	19	26	
	6	13	20	27	
	7	14	21	28	

СПИСОКЪ БѢЛЬЯ.

Мужеское бѣлье.

число.

Галстуки. . . . .
Жасо. . . . .
Жилеты (камзолчики). . . . . . .
Камзолы. . . . .
» спальные. . . . .
Карпетки . . . .
Колпаки спальные. . . . .
Перчатки пары . . . .
Платки носовые бѣлые . . . . . .
» разноцвѣтные. . . . . . .
» шейные, сѣрые . . . . . .
» » разноцвѣтные . . . .
Полусорочки . . . .
Рубашки. . . . .
Сорочки. . . . .
Фуфайки . . . .
Чулки пары . . . .
Шлафроки. . . . .
Штаны . . . .
Панталоны. . . . .

Женское бѣлье.

число.

Воротнички . . . .
Епанчи. . . . .
Исподницы. . . . .
Камзолы. . . . .

Камзолы спальные	число.
Карманы	
Косынки бѣлыя	
» разноцвѣтныя	
» шелковыя	
Передники	
Перчатки	
Платки носовые	
Платья	
Рубашки	
Фуфайки	
Чепчики	
Чулки, пары	
Шапки	
» ночныя	

Дѣтское бѣлье.

	число.
Галстуки	
Исподницы	
Камзолки	
Камзолы	
» спальные	
Наволочки	
» на подушки	
Обвязки	
Пеленки	
Передники	
Платки на покрываніе	
Платки носовые	
Простынки	
Рубашки	
Фуфайки	
» маленькія	
Чепчики	
Чулки	
Шапки	
Юпки (длинные кафтаны)	
Юпочки	

Домашнее бѣлье.

	число.
Завовѣски на окошки	
Завовѣсы	
» постельные	
» подъемные (катки)	
Наволочки	
» на канапеи	
Наволочки на одну особу	
» на оконнишныя подушки	
» на подушки	
» на стулья	
Одѣялы	
Полотенцы	
» кухонныя	
Простыни	
» на одну особу	
Салфетки	
Скатерти	
» большія	

Общая таблица расхода.

	руб.	коп.
Мѣсяцъ		
Воскресенье		
Понедѣльникъ		
Вторникъ		
Середа		
Четвергъ		
Пятница		
Суббота		
Недѣля первая		
» вторая		
» третья		
» четвертая		
Прочіе дни		
Генварь		
Февраль		
Мартъ		
Апрѣль		
Май		
Іюнь		
Іюль		
Августъ		
Сентябрь		
Октябрь		
Ноябрь		
Декабрь		
Сумма цѣлаго года		

Общая таблица прихода.

	руб.	коп.
Мѣсяцъ		
Воскресенье		
Понедѣльникъ		
Вторникъ		

Середа	руб.	коп.
Четвергъ		
Пятница		
Суббота		
Недѣля первая		
» вторая		
» третья		
» четвертая		
Прочіе дни		
Генварь		
Февраль		
Мартъ		
Апрѣль		
Май		
Іюнь		
Іюль		
Августъ		
Сентябрь		
Октябрь		
Ноябрь		
Декабрь		
Сумма цѣлаго года		

---

64. Ариѳметика сирѣчь наука числительная. Сочиненіе А. Магницкаго. Москва. 1703 года.—Въ листъ, въ совр. кож. пер. съ гравированнымъ заглавнымъ листомъ.

Означенная ариѳметика Магницкаго весьма замѣчательна, во первыхъ тѣмъ, что была первою печатною ариѳметикою въ Россіи, и во вторыхъ, что онъ употреблялъ въ ней арабскія цифры, но не азбучныя, которыя до ней употребляли въ ариѳметикѣ. Книга эта какъ по содержанію, такъ и по времени изданія принадлежитъ къ очень рѣдкимъ книгамъ.

См. Берез.-Ширяевъ въ матер. кн. 1-я, стр. 26, у него сказано, что книга очень рѣдка.

Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

65. Ариѳметическія табели о всѣхъ пробахъ золота и серебра, которыя вычислены противъ россійскаго по вѣсу на пудъ, фунтъ и золотникъ, при томъ имѣются табели о цѣнѣ чистаго золота и серебра, такожде сколько изъ оныхъ обоихъ металловъ по передѣлу надлежитъ быть указано числа монетъ, по употребленію Минцъ Вардейнамъ и Минцъ Мейстерамъ и прочими золотомъ и серебромъ торгующими. Сочиненіе монетной канцеляріи асессоромъ Иваномъ Шлаттеромъ въ Москвѣ 1736 года.—8 д. л. С.-Петербургъ. 1830 года, 4°.

Въ «Опытѣ россійской библіографіи» Василія Сопикова, сказано за № 2047: «рѣдкая».—Вся книга состоитъ изъ таблицъ, употребленіе коихъ объяснено въ краткихъ предисловіяхъ.—См. «Книж. рѣдкости» Геннади № 9.—У Остроглазова—«Книжн. рѣд.»—№ 10.—У Губерти—часть 1-я—№ 32.—См. «Рос. Библіогр.» за 1880 г. № 13.—Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры сего изданія рѣдки и цѣнятся отъ 10 до 15 рублей.

66. Артели древней и нынѣшней Россіи. Сочиненіе Калачева. Санктпетербургъ. 1864 года.—8 д. л.

Это замѣчательное изслѣдованіе г. Калачева о старыхъ русскихъ артеляхъ содержитъ въ себѣ весьма интересное описаніе нѣкоторыхъ изъ современныхъ артелей (биржевыхъ). Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія. Рѣдка. Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля, въ хорошемъ видѣ.

67. Арфаксадъ. Халдейская вымышленная повѣсть. Сочиненіе Козловскаго однодворца Петра Захарьина. 6 частей. Москва у в. типографіи 1793—1796 года.—8 д. л.

Эта интересная Арфаксадъ или халдейская вымышленная повѣсть, содержащая въ себѣ образъ жизни и нравовъ древнихъ восточныхъ народовъ, новыя возстановленія чиноначалія, ниспровержевіе вредной независимости, соединеніе обществъ, царствъ, воздвиженіе городовъ, первоначальныя причины военныхъ дѣйствій. См. Опытъ россійской библіографіи Василія Сопикова за № 2062, сказано: «книга рѣдка».

Заглавный листъ изъ

„Ариѳметики Магницкаго“.

По рѣдкому экземпляру, изъ собранія А. Бурцева.

68. Атласъ гравюръ къ сочиненію Ровинскаго:—„Русскія граверы и ихъ произведенія“.—67 листовъ различной величины.

Ланской А. Д. (1754–84).

Былъ генералъ-адъютантомъ и пользовался большимъ расположеніемъ Императрицы Екатерины II. Грав. черн. манерой (изъ собранія Д. Ровинскаго).

Этотъ атласъ изданъ графомъ А. С. Уваровымъ и напечатанъ только въ количествѣ 23 экземпляровъ, которые не появлялись на продажу въ Петербургѣ, а были распроданы въ Москвѣ въ самое короткое время до 40 рублей за экземпляръ.

Атласъ состоитъ изъ 67 гравюръ, отпечатанныхъ съ подлинныхъ старинныхъ досокъ, сохранившихся въ Академіи наукъ, Академіи художествъ и въ Главномъ Штабѣ, и этотъ атласъ составляетъ въ настоящее время художественную рѣдкость, почему считаю необходимымъ поименовать всѣ помѣщенныя въ немъ гравюры.

Листъ I-й, рамка для заглавнаго листа съ изображеніемъ рождества Богородицы, работы ученика Трухменскаго, Василія Андреева.

II и III, два листа работы Тепчигорскаго въ книгѣ Бринка.

IV. Взятіе Нотебурга, гравюра Андріона Шхонебека.

V. Побѣда при рѣкѣ Амовжѣ, его же.

VI. Полтавская баталія, его же.

VII. Свадьба шута Шанскаго, его же.

VIII. Свадьба Екатерины I-й, его же.

IX. Баталія при урочищѣ Рилаксъ Фіоль, гравюра Алексѣя Зубова.

X. Баталія при городѣ Вазѣ, его же.

XI. Баталія при Грейгамѣ, его же.

XII. Ботикъ Петра Великаго, на 2-хъ листахъ, гравюра Ивана Зубова.

XIII. Ботикъ то же, въ маломъ размѣрѣ, его же.

XIV. Торжественный въѣздъ послѣ Полтавской баталіи, гравюра Петра Пикара.

XV. Заглавный листъ съ аллегорическими изображеніями побѣдъ Петра Великаго, гравюра Петра Пикара.

XVI. Акція графа Апраксина съ Ватрангомъ, гравюра Петра Пикара.

XVII. Заглавный листъ къ «Овидіевымъ превращеніямъ», его же.

XVIII—XXIX. 11 картинокъ къ «Овидіевымъ превращеніямъ», работы Любецкаго, Матвѣева, Мякишева и Ростовцева.

XXX. Планъ и укрѣпленія, гравюра Матвѣева.

XXXI. «Предвѣдѣніе Божіе», гравюра Мякишева.

XXXII. Видъ Петербурга, гравюра Алексѣя Зубова.

XXXIII. Видъ Константинополя, его же.

XXXIV. Торжественный ввозъ въ Петербургъ Шведской эскадры, взятой въ плѣнъ, гравюра Девита.

XXXV. Видъ Головинскаго дворца на рѣкѣ Яузѣ, гравюра Девита.

XXXVI. Видъ Москвы, на 4-хъ листахъ гравированныхъ Блкландтомъ.

XXXVII—LX. Изображеніе баталіи, гравюры Симонна, Бокау, Илармессена.

XL—LII. Гравюры къ описанію палатъ Академіи наукъ. 12 листовъ, гравированныхъ Вартманомъ, Соколовымъ, Качаловымъ, Матарнови и Поляковымъ.

LIII. Планъ Петербурга, гравированный Унферцагтомъ.

LIV. Портретъ Кн. А. Кантемира, гравюра Виноградова.

LV—LVI. Портреты Императрицы Елизаветы Петровны, гравюра Чемесова.

LVII. Портртеъ Фельдма.

LVIII—LIX. Портретъ графа Г. Г. Орлова, гравюра Чемесова.

LX. Портретъ актера Ѳ. Волкова, гравюра Чемесова.

LXI. Портретъ кн. Салтыкова, гравюра Герасимова.

LXII. Бюстъ Екатерины II, гравера Колпашникова.

LXIII. Портретъ Парроселя, гравюра Колпашникова.

LXIV. Портретъ гр. Н. И. Панина, гравюра Радигъ.

LXV. Портретъ Ив. Бецкаго, гравюра Хенрикезъ.

LXVI. Портретъ Ейлера, гравюра Штенглина.

LXVII. Антиминсъ, гравюра Кондратьева.

Это рѣдчайшее изданіе куплено мною за 60 рублей въ роскошномъ переплетѣ.

69. Археологическія письма А. Н. Оленина къ Н. И. Гнѣдичу. Санктпетербургъ, въ типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1872 года.—Въ 8 д. л., 50 стр., 4 таблицы рисунковъ.

Археологическому Обществу выпало на долю завидная честь помѣстить въ своихъ изданіяхъ нѣсколько нигдѣ не напечатанныхъ статей нашего знаменитаго археолога А. Н. Оленина.

Книга съ приложеніемъ 4 листовъ рисунковъ древностей.

70. Архітектура воінская: Гіпотетіческая і еклектіческая, то есть вѣрное наставленіе какъ разнымі немецкімі, французкими і італіанскімі манірамі съ добры прібыткомъ, такъ въ регулярноі, какъ въ іррегулярноі фортіфікаціи пользоваться возможно изъ семдмідесяті і болѣе разныхъ маніръ, которые отъ лутчихъ нынѣшныхъ інженеровъ выбраны, отъ часті же самимъ авторомъ іsданы. Въ разговорѣ съ нѣкоторою высокою особою ізъявлено отъ публичнаго профессора Штурма, і нынѣ повелѣніемъ царскаго пресвѣтлаго велічества напечатано въ Москвѣ, лѣта 1709, Марта 13 день.—Въ 12 д. л., 235 стр., съ фигурами.

Книга съ приложеніемъ многихъ фигуръ на отдѣльныхъ листахъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры сего изданія чрезвычайно рѣдки.

Купленъ мною экземпляръ въ СПБ. у В. И. Клочкова за 10 рублей (хорошо сохранившійся).

71. Атласъ калужскаго намѣстничества, состоящаго изъ двѣнадцати городовъ и уѣздовъ, обмежеваннаго въ благополучное царствованіе всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія, великія государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійскія, учрежденнымъ отъ Ея Имп. Вел. къ пользѣ и спокойствію вѣрноподданнымъ Ея Государственныхъ земель размежеваніемъ. — Санктпетербургъ, 1782 года.—Въ большой листъ, въ современномъ кожанномъ переплетѣ.

Къ атласу принадлежитъ 40 гравированныхъ и раскрашенныхъ картъ и плановъ и алфавитное описаніе намѣстничества, состоящаго изъ двѣнадцати городовъ и уѣздовъ. 2 тома въ листъ. Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія. Хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 20 до 40 рублей.

72. Атласъ рисунковъ съ старинныхъ пряничныхъ досокъ Вязниковскаго уѣзда Владимірской губерніи села Мстера. Изданіе Голышева. 1874 года.—Въ 4 д. л., въ картонажѣ.

См. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» 1877 г., сказано:—«принадлежитъ къ числу рѣдкостей русской печати, потому, что его напечатано всего лишь 50 экземпляровъ».

Рисунки-же представляютъ едва-ли не единственный до сихъ поръ у насъ опытъ вѣрнаго изображенія русскихъ народныхъ пряниковъ, принадлежащихъ къ числу любопытнѣйшихъ произведеній нашего бытоваго творчества.—Купленъ мною экземпляръ за 20 рублей.

73. Атласъ Россійскій, состоящій изъ 19-ти спеціальныхъ картъ, представляющихъ Всероссійскую Имперію съ пограничными землями, съ приложенною при томъ генеральною картою великія сея имперіи сочиненной стараніемъ и трудами Императорской академіи наукъ. С.-Петербургъ, 1745 года.—Боль. л., 10+1 стр. текста и 20 раскрашенныхъ картъ, съ гравированными виньетками.

Этотъ весьма любопытный атласъ представляетъ собою новый опытъ такого изданія на русскомъ языкѣ.—См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, № 2047, сказано—«рѣдкая».—У Губерти—«Матеріалы для русской библіографіи» № 54. Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры рѣдки и цѣнятся на книжномъ рынкѣ отъ 8 до 15 рублей (смотря по степени сохранности).

74. Афиша торжественнаго спектакля. Отпечатана въ количествѣ 4150 экземпляровъ на веленевой бумагѣ высшаго качества. Москва, въ типографіи Левенсона и К°.—24 стр. и 15 рисунковъ.

Съ приложеніемъ слѣдующихъ 15 рисунковъ: 1. Аллегорическая виньетка работы художника Самокишъ-Судковской. 2. Фронтисписъ. 3. Заглавная виньетка къ оперѣ «Жизнь за Царя», исполненная въ русскомъ стилѣ, съ помѣщеннымъ въ ней съ Высочайшаго разрѣшенія, миніатюрнымъ портретомъ Царя Михаила Ѳеодоровича; рисунокъ виньетки и портретъ исполненъ былъ художникомъ Ропетомъ (хромолитографія). 4. Сцена изъ 1-го акта оперы «Жизнь за Царя» въ древне-русскомъ стилѣ, въ орнаментѣ изъ цвѣтовъ, исполненная художникомъ Рябушкинымъ (хромолитографія). 5. Перечисленіе дѣйствующихъ въ первомъ актѣ упомянутой оперы лицъ—въ орнаментѣ русскаго стиля (хромолитографія). 6. Сцена эпилога той же оперы, исполненная художникомъ Рябушкинымъ (хромолитографія). 7. Аллегорическая виньетка. 8. Заглавная виньетка къ балету «Прелестная жемчужинка», работы академика фонъ-Гогена (хромолитографія). 9. Часть текста программы балета въ рисункѣ, изображающемъ жемчужинку, спящую въ раковинѣ, и спускающагося къ ней въ солнечномъ лучѣ генія земли; рисунокъ работы художника Первухина (хромолитографія). 10. Часть текста программа балета въ рисункѣ изображающемъ царя кораллов и генія земли (хромолитографія). 11. Часть текста программы балета въ рисункѣ, изображающемъ битву царя кораллов и генія земли (хромолитографія). 12. Часть текста въ виньеткѣ (хромолитографія). 13. Окончаніе текста въ рисункѣ, изображающемъ апофеозъ—торжество Амфитриты (хромолитографія). 14. Перечисленіе дѣйствующихъ лицъ балета въ орнаментѣ. 15. Рисунокъ художника Первухина, изображающій разъѣздъ изъ иллюминованнаго Большого театра въ Москвѣ (хромолитографія). — Программа вложена въ изящный переплетъ желтаго цвѣта. На верху крышки переплета помѣщенъ малый государственный гербъ. Внутреннія стороны переплета—темно-бирюзоваго цвѣта, съ тисненными золотомъ грифонами герба Царствующаго Дома Романовыхъ, окаймленныя золотомъ (dentelle). На обѣихъ внутреннихъ сторонахъ помѣщены въ центрѣ тисненные золотомъ иниціалы Ихъ Императорскихъ Величествъ въ орнаментѣ.

Типографскія и литографскія работы по изданію программы торжественнаго спектакля были исполнены у А. Левенсона (въ Москвѣ).

75. Ахука-Макхана талымъ-наби или книга богословія Магометова, во увеселеніе меланхоликовъ, переведена съ французскаго Ѳедоромъ Каржавинымъ. Изданіе Новикова и К°. Москва, въ университетской типографіи у Новикова, 1783 года.—Въ 8 д. л., 38 стр.

Это сочиненіе заимствовано изъ книги Халкондила «о Турецкомъ государствѣ», напечатанной въ Парижѣ въ 1632 году. См. Березинъ-Ширяевъ: «Матеріалы для библіографіи», № 288. Означенная брошюрка въ настоящее время очень рѣдка,—цѣнится отъ 5 до 8 рублей.

76. Ацисъ и Галатея. Балетъ съ пантоминою, представленный двора Ея Импе-

раторскаго Величества нѣкоторыми знатными обоего пола особами, на большомъ театрѣ въ новомъ зимнемъ дворцѣ въ Санктпетербургѣ Февраля 6 дня 1764 года Печатана въ С.-Петербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ.—Въ 4 д. л., 11 стр.

Этотъ рѣдчайшій балетъ состоитъ изъ 16 явленій, въ которыхъ исполняли роли великій князь Павелъ Петровичъ, наслѣдный принцъ курляндскій и многія знатныя придворныя особы, фамиліи которыхъ всѣ поименованы.

Балетъ сочиненъ Францискомъ Гильфердингомъ придворнымъ директоромъ балетовъ, а музыка къ нему написана Штарцемъ, придворнымъ капельмейстеромъ и директоромъ концертовъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры сего изданія въ настоящее время составляютъ библіографическую рѣдкость, и совсѣмъ не находимы въ книжной торговлѣ.

Б.

77. Бабушкины сказки. Издалъ Сергѣй Друковцовъ. Москва, въ университетской типографіи, 1778 года.—Въ 8 д. л.

Въ 1778 году г. Друковцовъ издалъ «Бабушкины сказки». Авторомъ посвящены П. А. Демидову. Въ посвященіи своемъ авторъ говоритъ: «разбирая стародавнія свои бумаги, нашелъ «Бабушкины сказки», которыя тебѣ, благодѣтелю моему вручаю, а я съ почтеніемъ моимъ прибуду». Всѣхъ «Бабушкиныхъ сказокъ» въ изданіи Друковцова было 31 сказка, и по рѣдкости этой книжки прилагаю выписку (см. 22 сказку).

«Къ трезвому хозяину по утру рано пріѣхалъ пьяный гость. Просилъ водки, вина, пива, меду, квасу, воды. Хозяинъ сказалъ: ничего нѣтъ. Гость ворчалъ, кричалъ,—хозяинъ все молчалъ. Спроситъ гость: отъ чего жена твоя такъ худа? хозяинъ отвѣчаетъ: отъ того, что ты много пьешь. Гость отвѣчаетъ: я по смерть пить не перестану. Хозяинъ сказалъ: вы съ моею женою равны: а ей умершаго брата, по смерть свою не забыть. Гость разсердясь сказалъ: я по смерть къ тебѣ въ домъ не пойду! Хозяинъ отвѣчалъ: а я по смерть мою и просить не стану».

Г-нъ Н. Сахаровъ въ своихъ сказкахъ говоритъ, что это изданіе было выдаваемо за русскія сказки; было повторено въ 1781 году. Мы теперь не въ состояніи передать, почему эти сказки прежде считались важными; почему наши старики дорожили ими. М. И. Макаровъ такъ отзывался о семъ издателѣ: въ 1778 г., нѣкто Друковцовъ, замѣчательный сатирическій прозаикъ своего періода, и большой проказникъ, издалъ съ нѣкоторыми измѣненіями собраніе сказокъ подъ именемъ «бабушкиныхъ».

Означенная книжка въ настоящее время рѣдка.

78. Багаутъ-Гета или бесѣды Кришны съ Артуномъ, съ примѣчаніями, переведенныя съ подлинника, писаннаго на древнемъ браминскомъ языкѣ, называемомъ—Санкритти на англійской, а съ сего на Россіи языкъ. Москва. 1788 года.—Въ 8 д. л. (въ совр. кож. переп.).

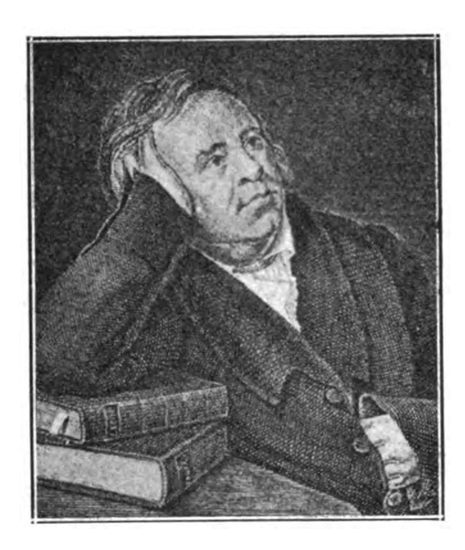
Книга эта, заключающая въ себѣ эпизодъ изъ Магаба-раты, съ англійскаго переведена на русскій языкъ А. А. Петровымъ и пользовалась большимъ уваженіемъ среди масоновъ.

См. у Губерти—№ 124.

79. Барона Бильфельда политическія наставленія, переведены съ французскаго княземъ Шаховскимъ и Ангономъ Барсовымъ. 2 части. Москва 1768—1775 г.—Въ 4 д. л.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 2233, сказано:—«Книга очень рѣдка»; есть у Геннади. См. книжныя рѣдкости за № 24.

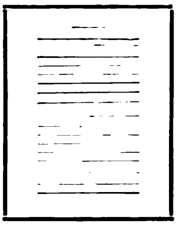
80. Басни Крылова. Миніатюрное изданіе 1855 г., 256 д. л., 86 стр.



И. А. Крыловъ.

Знаменитый баснописецъ.—Съ гравированнаго портрета Ив. Фридрицъ.

Вотъ величина книжки и обозначенія числа строкъ.



Означенное изданіе, «Басни Крылова», миніатюрное изданіе съ литографированнымъ бюстомъ Ивана Андреевича Крылова; всѣхъ помѣщено въ этомъ изданіи 25 басенъ. На парижской выставкѣ между примѣчательностями типографскаго искусства была выставлена самая маленькая книжка, «Божественная комедія» Данта, изданная въ Миланѣ, но описываемая здѣсь—«Басни Крылова»—по объему еще меньше комедіи Данта, что на пространствѣ одной страницы басенъ помѣщено 20 строкъ, тогда какъ на такомъ же пространствѣ въ комедіи Данта помѣщено 17 строкъ; въ настоящее время означенное изданіе представляетъ большую библіографическую рѣдкость. См. «Книжныя рѣдкости Геннади» за № 197, «Извѣстія Арх. общества» т. III стр. 461, см. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1856 годъ; книга цѣнится отъ 50 до 80 рублей.

81. Басни нравоучительныя съ изъясненіями барона Голберга. Перевелъ Денисъ-фонъ-Визинъ, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 1761 г.—8°, 190 нум. (считая загл. листъ) и 1 нен. стр. (погрѣшности).

Эта рѣдкая книга содержитъ въ себѣ 82 басни и въ концѣ каждой изъ нихъ находится «изъясненіе». См. «Опытъ россійской библіографіи» В. Сопикова—№ 2146.

82. Басни русскія, извлеченныя изъ собранія И. А. Крылова, съ подраженіемъ на французскомъ и итальянскомъ языкахъ разными авторами. 2 части. Парижъ, 1825 года. 1-я часть—245 стр., 2-я часть 378 стр.

Съ двумя предисловіями: на французскомъ—Лемонтея, на итальянскомъ—Салфія, съ гравированнымъ портретомъ Крылова и пятью гравюрами. Означенное изданіе въ Россіи—рѣдкое; цѣнится отъ 20 до 25 рублей.

83. Басни Талмудовы отъ самихъ жидовъ узнанныя и чрезъ новую ересь сяпвециціуховъ, или противу талмудистовъ, открытыя прежде въ Краковѣ; за изволеніемъ власти на Польскомъ языкѣ, въ лѣто 1758 года, напечатанныя, нынѣже на русскомъ языкѣ.—Киръ—1 т. б. д. л. п. с. ц. д.—переведенная; напечатаны въ типографіи Почаевской, 1772 года, 8 д. л.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова—за № 2158, сказано: «весьма рѣдка».—Цѣнится до 50 рублей.

84. Басни Федра, изданныя Кошанскимъ, профессоромъ лицея. Санктпетербургъ. Въ медицинской типографіи, 1814 года.—Въ 8 д. л., 200+1 стр.

Книга посвящена авторомъ Кошанскимъ—«Всепресвѣтлѣйшему Державнѣйшему Великому Государю Александру Павловичу».—За посвященіемъ слѣдуетъ увѣдомленіе, въ которомъ говорится, что всѣмъ извѣстно, сколько древніе языки необходимы для образованія новѣйшихъ. Лучшій способъ учиться онымъ есть чтеніе самыхъ писателей, но древніе

писали не для дѣтей. Думалъ-ли Федръ, что басни его, гдѣ часто пороки римлянъ являются какъ въ зеркалѣ, будутъ служить въ потомствѣ руководствомъ для юношества, но они достойны чтенія дѣтей: ибо слогъ ихъ легокъ, пріятенъ и забавенъ, а языкъ такъ чистъ, какъ былъ во время Августа.

Это изданіе въ настоящее время считается рѣдкимъ.

Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей.

85. Балтазара Граціана, придворный человѣкъ. Переведенъ съ гишпанскаго языка на французскій Амелотомъ де-ла Уссей, а съ французскаго на россійскій— Сергѣемъ Волчковымъ. Въ Санктпетербургѣ, 1760 года (безъ означенія мѣста печати), 382+21 стр.

Сія книга посвящена переводчикомъ Сергѣемъ Волчковымъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Но есть экземпляръ съ новымъ заглавіемъ 1740 года и съ посвященіемъ принцу Ивану Антоновичу; но эти экземпляры, съ новымъ посвященіемъ, составляютъ большую библіографическую рѣдкость; по вступленіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны послѣдовалъ указъ о перепечатаніи заглавій и мѣстъ, напечатанныхъ въ церковныхъ и гражданскихъ книгахъ съ именемъ правительницы Анны Ульрихъ и принца Ивана Антоновича.

Чтобы дать понятіе о семъ рѣдкомъ указѣ, таковой для любителей и прилагаю.

По вступленіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, послѣдовалъ указъ о перепечатаніи заглавій и мѣстъ, напечатанныхъ въ церковныхъ и гражданскихъ книгахъ съ именемъ правительницы, Анны Ульрихъ и принца Ивана Антоновича, который для любопытныхъ здѣсь прилагается.

«Въ прошломъ 1743 году, во исполненіе имяннаго Ея Императорскаго Величества указа, о собраніи всѣхъ церковныхъ книгъ печатанныхъ въ 1740-мъ и 1741-мъ годѣхъ, для извѣстнаго въ нихъ тогдашнихъ титуловъ переправленія въ одно мѣсто, изъ Правительствующаго Сената въ народъ Ноября 12 дня печатными указами публиковано, дабы всякъ кто имѣетъ церковныя или гражданскія книги печатныя въ вышеписанныхъ годѣхъ, для надлежащаго въ тогдашнихъ титулахъ переправленія объявили: синодальныя въ Московскую и Санктпетербургскую, а Кіевскія и Черниговскія въ тамошнія типографіи гдѣ оныя печатаны, а печатанныя жъ въ Десіансъ академіи, во оной академіи, которыя по переправленіи паки тѣмъ же людямъ отданы будутъ безъ удержанія; ежели же кому за дальностію или иныхъ ради какихъ либо невозможностей самому, или чрезъ кого другова переслать въ тѣ типографіи будетъ невозможно, то въ губерніяхъ въ губернскія, а въ провинціяхъ и городѣхъ въ воеводскія канцеляріи при доношеніяхъ подавать, а тѣмъ мѣстамъ собирая при первыхъ оказіяхъ отправлять куда надлежитъ и по томужъ обратно возвращенія требовать, а понеже тѣхъ церковныхъ разныхъ печатныхъ книгъ, изъ которыхъ показанные листы перемѣнить надлежало, не малаго числа не прислано, и для того въ Святѣйшемъ Сунодѣ опредѣлено: во Святыхъ церквахъ и въ архіерейскихъ домѣхъ въ библіотекахъ, и въ другихъ мѣстахъ, какъ духовнымъ персонамъ, такъ и священно и церковно-служителямъ, и служителямъ же домовъ архіерейскихъ и монастырскихъ у себя прилѣжно осмотрѣть, и буде гдѣ у кого найдутся съ помянутымъ извѣстнымъ титуломъ какія печатныя церковныя книги, оныя собирать въ духовныя команды куда по близости способнѣе, и вынувъ изъ нихъ только слѣдующіе для исправленія одни листы отослать въ типографіи гдѣ что печатано, какъ наискорѣе безъ всякаго задержанія и медленія, чтобъ въ провозахъ цѣлыхъ всѣхъ книгъ (изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ только начальной одинъ листъ слѣдуетъ перемѣнить) излишней убытокъ и трудъ произойти не могъ; въ протчемъ же какъ въ отсылкахъ въ типографіи однихъ листовъ, такъ и вмѣсто оныхъ исправленными листами изъ тѣхъ типографій возвращеніе чинить во всѣмъ по преждепосланнымъ Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода и изъ Правительствующаго Сената указамъ непремѣнно. Того ради по указу Ея Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ Приказали: кто свѣтскія персоны у себя церковныя книги съ бывшими въ два правленія титулами имѣя по нынѣ еще гдѣ надлежитъ не объявили, тобъ они оные изъ книгъ листы объявляли съ публикованія въ каждомъ мѣстѣ сихъ указовъ конечно въ мѣсяцъ, а кто въ тотъ срокъ не объявитъ, съ такими учинено будетъ какъ Ея Императорскаго Величества указы повелѣваютъ безъ всякаго упущенія; также которыя гражданскія книги, манифесты, присяги, и протчее какогобъ званія что

о чемъ ни было печатаны на Россійскомъ и иностранныхъ языкахъ, а во оныхъ упоминаются въ бывшія два правленія извѣстные титулы, а кто какъ духовныя такъ и гражданскаго чина люди, Русскія и иноземцы оныя въ рукахъ своихъ имѣя но прежде публикованнымъ о томъ указамъ по нынѣ не объявили тобъ все то, а именно: манифесты, присяги и протчее какогобъ званія оныя ни были объявляли въ Санктпетербургѣ въ Сенатѣ, въ Москвѣ Сенатской конторѣ, а книги въ Санктпетербургѣ-жъ въ Десіансъ академіи, а въ Москвѣ опредѣленнымъ отъ той канцеляріи, въ губерніяхъ, провинціяхъ и городѣхъ все то въ губернскія и воеводскія канцеляріи съ публикованіяжъ въ каждомъ мѣстѣ указовъ конечножъ въ мѣсяцъ, а буде кто въ тотъ срокъ не объявитъ, съ такими учиненожъ будетъ какъ указыжъ повелѣваютъ безъ всякаго упущенія, и изъ губерней и провинцей и городовъ вышеписанныя манифесты присяги и протчее присылать въ Сенатъ и въ Сенатскую контору куда по близости способнѣе, а книги въ Десіансъ академію, и по присылкѣ учинить какъ объ нихъ прежними опредѣленіями учинено». Печатанъ въ Спб. и Москвѣ 1748 года. См. у Сопикова II ч. стр. 273.

86. Безъ заглавія и ложное счастіе. Повѣсти съ приложеніемъ раскольничьихъ стиховъ. Вѣдисловчка. Петербургъ, типографія Неклюдова. 1872 г.—Въ 8 д. л., 207 стр.

Въ концѣ книги помѣщено приложеніе раскольничьихъ стиховъ и пѣсенъ и на 158 страницѣ помѣщенъ «Сонъ Богородицы», а затѣмъ нѣсколько заговоровъ и заклинаній на разные случаи, и кромѣ того «сказаніе о двѣнадцати пятницахъ». На страницѣ 178, въ заключеніе, помѣщенъ—«Скопческій паспортъ».—Изданіе это въ настоящее время рѣдко.

Купленъ мною экземпляръ за 2 рубля.

87. Безъ ярлыка. (Внѣ колеи). Романъ въ 4 частяхъ Соч. А. Коренева. С.-Петербургъ, 1872 года.—Въ 8 д. л.

Романъ А. Коренева. «Безъ ярлыка» отличается замѣчательной логической стройностію и литературнымъ блескомъ въ изложеніи.

Книга въ настоящее время почти не находима въ продажѣ и принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 10 р.

88. Бесѣдованіе Максима Грека о пользѣ грамматики. Печатано въ Москвѣ. 1782 года.—Въ 16 д. л. 79 стр. (Безъ означенія типографіи).

Эта весьма рѣдкая книжка содержитъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

1) Сословія именъ по Азъ, Вѣди; съ толкованіемъ славянскимъ. 2) Толкованія грамматическаго двумъ молитвамъ: Царю Небесный и Отче Нашъ.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 3 руб.

89 Бесѣды о молитвѣ. Переводъ. С.-Петербургъ, въ морской типографіи, 1818 года.—Въ 12 д. л., 72 стр.

Въ началѣ этой довольно рѣдкой книжки слѣдуетъ краткое предисловіе отъ переводчика, въ которомъ онъ говоритъ, что:

«Ежели когда-либо можно благоспѣшнѣе молить Господа Вседержителя, дабы великомилосердіе Его отъ зла предохраняло насъ, то конечно въ нынѣшнее время безмятежное, когда мы чудно защищенные отъ воцарявшагося почти во всѣхъ Европейскихъ земляхъ духа адскаго, и, силами сея защиты возстановившіе отъ наглостей и хитростей его опровергенныя племена человѣческія, должны благодарить и прославлять Творца, своимъ благочестіемъ и возсыланіемъ молитвы. Время же казни есть время во всемъ безропотно терпѣть по грѣхамъ содѣланнымъ, чтобы истребились ихъ скрѣпляющіеся корни. И такъ я безъ суетности могу предложить сей малый трудъ мой вѣдающимъ только Россійской языкъ любезнымъ моимъ соотчичамъ. Вторженіе врага въ нѣдро Отечества нашего—злодѣя вооруженнаго всѣмъ къ злобѣ принадлежнымъ, сильнаго и алчнаго и дерзкаго — есть воспослѣдованіе вѣчно достопамятное намъ, попущенное Божіимъ судомъ завсегда праведнымъ, слѣдственно нудящимъ образумиться человѣка неправеднаго, дабы раскаявшись онъ спасался отъ нескончаемыхъ мукъ, наступающихъ для нечестивыхъ».

90. Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души, тогда токмо утѣшительномъ, когда истина онаго утверждается

на точномъ ученіи вѣры и церкви. Сочиненіе Евстафія Станевича; второе изданіе. Санктпетербургъ, въ типографіи Императорской россійской академіи, 1825 года.— Въ 8 д. л., 316 стр.

«Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души» издана по Высочайшему повелѣнію. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о сей книгѣ, прилагается выписка изъ оной: см. стр. 1. «Горестное ваше письмо, я получилъ. Я не могъ не раздѣлить съ вами, скорби вашей. Слезы, сія послѣдняя дань, потекли на могилу вашей дочери. Мысленно обнялъ гробъ ея, и сердце мое воздало ей печальное цѣлованіе. Рано увялъ цвѣтъ жизни ея; не объемлетъ она болѣе своей матери, не увеселитъ ее своею улыбкою; однако осиротѣло воспоминаніе, какъ легкое облако, плавающее въ освѣщеніи лунномъ и уединенно носящееся надъ безмолвною пустынею, нѣкогда процвѣтавшею, осталось намъ. Но ужели жизнь ея на всегда погасла, ужели все окончилось съ ея смертію, ужели какъ безсловесное животное и человѣкъ умираетъ?!..—Мысль столько-жъ ужасная, сколько и тягостная. Мысль, паче увеселяющая злодѣя, всякаго-же добраго, въ отчаяніе привесть могущая; мысль съ принятіемъ коей всякому общественному благостроенію должно низвратиться, всякому изящному, о добрѣ понятію погибнуть; какъ напротивъ съ отверженіемъ оной, благолѣпіе порядка возникаетъ; цвѣтутъ добродѣтели; благіе нравы украшаютъ человѣчество; крѣпятъ союзы гражданъ; утверждаютъ общество и становятся твердынею царства, дрожайшимъ возглавіемъ взаимнаго довѣрія, вожделѣннымъ союзомъ дружества и сладчайшимъ залогомъ супружней вѣрности. Кратко, на уничтоженіи мысли оной, заря безсмертія возгорается на гробахъ тлѣнія и денница вѣчности возсіяваетъ въ сердцахъ нашихъ; небо преклоняется къ землѣ и сопрягается съ нею любовію».—Это сочиненіеЕ. Станевича въ настоящее время рѣдко попадается въ книжной торговлѣ. Книга рѣдка; цѣнится отъ 2 до 3 рублей.

91. Бесѣды, сирѣчь Св. Іоанна Златоустаго, толкованіе на 14 посланій святаго Павла апостола. Изданіе 2-е. Москва, 1765 года.—Въ листъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этого изданія въ настоящее время принадлежать къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

См. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1875 годъ, стр.—61.

92. Бесѣды, сирѣчь толкованіе на четыренадесять посланій святаго апостола Павла, исполненное богословскихъ догматическихъ, таинственныхъ православныхъ рѣшеній, философскихъ же и нравоучительныхъ изряднѣйшихъ сказаній и поученій душеспасительныхъ; переложены съ греческаго, исправлены и изданы іеромонахомъ Захаріемъ Копистенскимъ. 2 части. Кіевъ, 1823 года.—Въ листъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этого изданія въ настоящее время составляютъ библіографическую рѣдкость.

См. «Опытъ русской библіографіи» Вас. Сопикова—№ 457, гдѣ сказано: «очень рѣдка».

93. Библіографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей. Д. В. Полѣнова. С.-Петербургъ. 1850 года, въ типографіи Академіи Наукъ. (8), 148 стр.

Означенная книга была оттиснута въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ.

Содержаніе ея взято изъ «Журнала Мин. Нар. Просв.» ч. 64 (1849 г.), отд. II.

Въ предисловіи сказано: «Статья сія составляетъ отрывокъ труда, предметомъ котораго будетъ подробное разсмотрѣніе книгъ, относящихся къ русской исторіи».

Здѣсь описаны 18 книгъ, заключающихъ въ себѣ разныя лѣтописи, указаны разныя изданія ихъ, подлинники, съ которыхъ они печатаны, содержаніе, разнорѣчія вставки и проч.

Изданіе рѣдкое.

94. Библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ въ Москвѣ, С.-Петербургѣ и другихъ городахъ въ 1846 г., издаваемыя книгопродавцемъ Н. Н. Улитинымъ. Москва. Въ типографіи А. Семена.—Въ 4. д. л.

Всего, какъ извѣстно, вышло только пять листовъ названнаго изданія. Въ началѣ помѣщено извѣстіе о журналахъ 1846 года. Книги исчислены безъ всякаго порядка, по мѣрѣ ихъ появленія въ свѣтъ. Листы эти принадлежать къ числу библіо-

графическихъ рѣдкостей и почти не находимы въ продажѣ.

95. Библіографія и дѣятельность Роберта Овена. Соч. Артура Бутъ. Переводъ съ англійскаго. С.-Петербургъ, 1870 года.

Довольно любопытная книжка, содержащая въ себѣ весьма подробную библіографію и дѣятельность извѣстнаго Роберта Овена.

Книжка въ настоящее время принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей, такъ какъ въ самый-же годъ выпуска, т. е. 1870 г., всѣ экземпляры этого изданія распоряженіемъ цензуры велѣно уничтожить.

96. Библіографическія записки. Періодическое изданіе. Три тома. 1 т. 1858 года, VII+770 ст., съ портретомъ Н. И. Новикова. 2. т. 1858 года, VII+672 ст., съ портретомъ Д. И. фонъ-Визина и 3. т. 1861 года, VI+702 стр., съ портретомъ А. Н. Радищева. Санктпетербургъ.—Въ 4 д. л.

«Библіографическія Записки» издавались Н. М. Щепкинымъ, подъ редакціею А. Н. Афонасьева и М. П. Полуденскаго; въ запискахъ принимали дѣятельное участіе Галаховъ, Геннади, Гротъ, Забѣлинъ, Кобеко, Лонгиновъ, Тихонравовъ и мн. другіе; онѣ выходили два раза въ мѣсяцъ. Въ 1859 г. вышло 24 номера, которые и составили первый томъ; въ 1859 г. записки выходили также два раза въ мѣсяцъ, кромѣ іюля и августа. Всего въ 1859 г. вышло 20 номеровъ, которые и составили второй томъ. Въ концѣ оглавленія этого тома была помѣщена отъ редакціи слѣдующая публикація: «редакція «Библіографическихъ Записокъ», отвлекаемая другими учеными работами, вынуждена пріостановить свое изданіе на годъ или на два, смотря по обстоятельствамъ». Въ 1861 году изданіе «Записокъ» было возобновлено. Въ этомъ году также было издано 20 номеровъ, которые составили третій томъ «Записокъ».

Въ настоящее-же время «Библіографическія Записки» въ полномъ видѣ — считаются рѣдкостью.—См. у Остроглазова «Кн. рѣдкости» № 16.—Березинъ-Ширяевъ—VIII, 82. «Русская Старина» за 1889 г. № 2.

Купленъ мною экземпляръ за 25 рублей.

97. Beshreibung und Gebrauch einer Universal. Sonnen - Uhr verfertiget von Isaac Bruckner Mechanico bei der Kayserl. Academie der Wissenschaften in St. Petersbourg 1735. Gedruckt bei der K. Ac. der Wiss.—Описаніе и употребленіе универсальныхъ солнечныхъ часовъ, сдѣланныхъ отъ Ісаака Брукнера Механіка при Імператорской Академіи Наукъ въ Санктпетербургѣ, 1735 Печ. при Імп. Акад. Наукъ.—4°, 27 стр. Съ грав. изображеніемъ часовъ и таблицею; на нѣм. и русск. язнкахъ.

Эта брошюра была напечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и теперь составляетъ замѣчательную библіографическую рѣдкость.

98. Berichte über die Zeistungen im Bereiche der Mineralogie, Geognosie, Palaeontologie und mineralogischen Chemie in Russland, für die Jahre 1846—50, von S. Kutorga. (Aus den Verhandlungen der Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersbourg, Jahrg. 1850—51, besonders abgedruckt.)—St.-Petersburg. Gedruckt bei Karl Kray. 1851. (8) 50 стр.

Въ этой брошюрѣ помѣщено пять годичныхъ отчетовъ о геологическихъ трудахъ въ Россіи. Они читаны были въ годичныхъ засѣданіяхъ минералогическаго общества. Здѣсь изложено и содержаніе записокъ, издаваемыхъ обществомъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры рѣдки.

99. Библіографическіе матеріалы. Опись книгъ, брошюръ и статей библіотеки сенатора Н. П. Смирнова. С.-Петербургъ, въ типографіи А. Пороховщикова. 1898 года.—Въ 8 д. л., XVI+687 стр.

Эти чрезвычайно любопытные библіографическіе матеріалы распредѣлены слѣдующимъ порядкомъ:

1. Палеографія. 2. Книгопечатаніе и законы о цензурѣ и печати. 3. Библіографія. 4. Библіотеки. 5. Музеи и Архивы. 6. Книжная торговля.

Всего въ изданіи подробно описано Н. П. Смирновымъ 2905 нумеровъ, изъ которыхъ есть нѣкоторыя весьма рѣдкія и цѣнныя изданія.

Первоначальная цѣна каталогу была 15 рублей.

100. Библіографическій Сборникъ. Изданіе П. А. Ефремова (въ количествѣ ста экземпляровъ). Приключеніе Густава III, короля шведскаго. 1788 года іюля 6-го дня,—сатирическое стихотвореніе В. П. Петрова. С.-Петербургъ. Типографія И. И. Глазунова. 1867 года.—Въ 16 д. л., 30 стр.

Въ 1867 году П. А. Ефремовъ издалъ небольшую брошюрку подъ заглавіемъ «Библіографическій Сборникъ», въ которомъ описывается приключеніе Густава III, короля шведскаго, 1788 г. іюля 6-го дня—сатирическое стихотвореніе В. П. Петрова.

Въ своемъ вступленіи издатель говоритъ, что— «въ дополненіе къ издаваемымъ мною «матеріаламъ для исторіи русской литературы», я намѣренъ время отъ времени, печатать тѣ изъ произведеній (въ стихахъ и прозѣ) нашихъ писателей XVIII столѣтія, которыя, или вовсе не были напечатанными, или составляютъ особенную библіографическую рѣдкость, но при этомъ не имѣютъ важнаго значенія для изслѣдователя русской литературы, а болѣе интересны для библіографа и составляютъ предметъ его исканій. Эта исключительная цѣль обусловливаетъ и печатаніе настоящаго сборника въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, на первый 100, а если и это окажется много, то не болѣе 50.— Печатаемое въ нынѣшнемъ выпускѣ сатирическое стихотвореніе В. А. Петрова—«Приключеніе Густава III короля шведскаго» по словамъ мит. Евгенія (словарь Св. пис. п., 118) было напечатано въ 1788 г. только въ 50 экземплярахъ; оно уже давно сдѣлалось величайшею библіографической рѣдкостью. Не извѣстно ни одному изъ библіографовъ нашего времени; только начало стихотворенія до словъ:— «клади всю Русь подъ саблю» сохранилось въ корректурныхъ листахъ въ библіотекѣ М. П. Полуденскаго и было перепечатано А. Н. Афонасьевымъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1859 года (№ 19, ст. 605—608). Нынѣ благодаря обязательной благосклонности А. Ѳ. Бычкова, оно печатается по рукописи, хранящейся въ его обширномъ собраніи». Далѣе авторъ книги говоритъ, что— «напомню я вкратцѣ читателямъ о Густавѣ III и его «приключеніи», послужившемъ основою стихотворенія. Густавъ III, король шведскій, сынъ и преемникъ слабаго Фридриха-Адольфа, царствовалъ съ 1771 г. по 1792 г. Онъ былъ человѣкъ образованный, умный, отважный и рѣшительный, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне тщеславный и расточительный и имѣлъ несчастную слабость выказываться полководцемъ и доблестнымъ рыцаремъ давно минувшихъ временъ, въ чемъ доходилъ не рѣдко до донкихотства.

Почти во все время своего царствованія онъ пользовался любовью народа и ненавистью аристократіи, у которой при самомъ вступленіи на престолъ отнялъ власть, находившуюся въ ея рукахъ со смерти Карла XII. Съ Россіей Густавъ III сначала былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и дважды пріѣзжалъ на свиданіе съ императрицею Екатериною II: одинъ разъ въ Петербургъ (въ 1777 году), и другой разъ въ Фридрихсгамъ (въ 1783 г.) Императрица при этомъ хорошо узнала его слабыя стороны и впослѣдствіи превосходно умѣла пользоваться ими для своихъ политическихъ цѣлей.

Получивъ отъ нея 250 т. рублей, въ видѣ вознагражденія издержекъ за поѣздку въ Фридрихсгамъ, Густавъ III отправился путешествовать по Европѣ и этимъ путешествіемъ, сопряженнымъ съ разными выходками и крайней расточительностью, много потерялъ въ мнѣніи своего народа, а Россіи доставилъ случай на свободѣ управиться съ его союзниками турками.

Въ 1788 г. Англія и Пруссія начали подстрекать его къ войнѣ съ Россіею, чтобы пользуясь войной ея съ турками, онъ возвратилъ всѣ прежнія утраты земель шведскаго королевства. Густавъ III легко поддался къ искушенію и предлогъ къ войнѣ нашелъ въ незначительной схваткѣ шведскаго отряда съ русскимъ, при ссорѣ за мостъ на пограничной рѣчкѣ Кюмени. Утверждаютъ даже, что онъ велѣлъ перерядить часть шведовъ въ русскіе мундиры и напасть имъ на другихъ шведовъ. Эта, неожиданная для Россіи война, началась лѣтомъ 1788 г., при самыхъ неблагопріятныхъ для нея обстоятельствахъ; ибо всѣ военныя силы были на югѣ и даже Петербургъ былъ безъ защиты. Тѣмъ не менѣе, императрица отвергла непомѣрныя условія Густава III для мира, и наскоро были собраны всѣ средства къ оборонѣ. Самъ великій князь Павелъ Петровичъ отправился въ походъ, но однако вскорѣ былъ отозванъ императрицею. Сухопутнымъ войскомъ въ Финляндіи начальствовалъ король Густавъ, а флотомъ—его братъ, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій. Послѣдній однако пропустилъ удобное

время для нападенія и далъ срокъ собраться всему русскому флоту, такъ что въ морскомъ сраженіи при о. Гохландѣ, 6 іюля 1788 г., шведы были разбиты и принуждены уйдти къ Свеаборгу. На сухомъ пути самъ Густавъ предприняль осаду Фридрихсгама, но представители аристократической партіи въ войскѣ успѣли въ это время составить заговоръ, извѣстный подъ именемъ «Аньяльскаго Союза». Въ началѣ августа военные начальники объявили королю, что они не могутъ принимать участія въ наступательной войнѣ, начатой безъ согласія государственныхъ чиновъ, а солдаты отказались идти на штурмъ. Не смотря на всѣ убѣжденія короля, онъ не могъ ничего сдѣлать, а между тѣмъ было получено извѣстіе о вторженіи датчанъ въ Швецію и Густавъ III поспѣшилъ въ Стокгольмъ, куда и прибылъ въ сентябрѣ. «Аньяльскій Союзъ» (т. назв. отъ Аньяльской мызы, куда собирались заговорщики) вступилъ, между тѣмъ, въ переговоры съ русскими и заключилъ перемиріе. До этого момента войны, В. Петровъ довольно подробно передаетъ всѣ обстоятельства похода, о пророчествѣ Карла XII Густаву III. Изъ чего и можно заключить, что стихотвореніе написано въ послѣдней четверти 1788 г. Сама императрица также не оставила безъ насмѣшки неудачную попытку Густава III и написала по этому поводу комическую оперу «Горе-богатырь». Добавлю еще, что Густавъ III, при помощи угрозъ Англіи, съумѣлъ удачно раздѣлаться съ датчанами и этимъ возвратилъ себѣ часть потеряннаго уваженія и любви городскаго и сельскаго населенія, а опираясь на него и на духовенство, онъ еще разъ успѣлъ сломать на сеймѣ 1783 г. враждебную себѣ аристократію и еще болѣе расширилъ королевскую власть и поднялъ значеніе средняго сословія, предоставивъ ему доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ, прежде исключительно принадлежавшимъ аристократамъ. Войну съ Россіею онъ продолжалъ съ неровнымъ успѣхомъ до половины августа 1790 г. Шведскій флотъ неоднократно терпѣлъ пораженія отъ русскаго, но и русскій флотъ былъ разбитъ въ іюнѣ 1790 г. Густавъ III однако не извлекъ выгоды изъ этой побѣды: онъ уже задумалъ въ это время воевать съ Франціей, за освобожденіе Людовика XVII. Миръ съ Россіею былъ заключенъ 14 августа и все было оставлено по прежнему, какъ и до начала войны.— Послѣ этого Густавъ началъ дѣятельно готовиться къ войнѣ съ Франціей, въ союзѣ съ Россіею и нѣмецкими государями, для чего и предпринималъ поѣздку въ Германію, но по возвращеніи его оттуда, аристократическая партія, опасаясь новыхъ стѣсненій, рѣшилась прибѣгнуть къ убійству. Въ ночь на 17-е марта 1792 г., во время маскарада, Густавъ былъ раненъ выстрѣломъ изъ пистолета отставнымъ гвардейскимъ маіоромъ Анкарестремомъ и умеръ черезъ 12 дней».

См. «Библіограф. Сборникъ» П. А. Ефремова, IV стр. Чтобы дать понятіе о сей рѣдкой книжкѣ, прилагаю при семъ сатирическое стихотвореніе В. П. Петрова.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ

ГУСТАВА III, КОРОЛЯ ШВЕДСКАГО,

1788 г., іюля 6 дня.

Густавъ,
Въ покоѣ жить уставъ,
Войной на Русь воздвигся;
По Карлову остригся.
Въ страхъ русскихъ городовъ и селъ,
И чтобъ избыть въ здоровьѣ траты,
Одѣлся въ латы,
Какъ въ кожу льва оселъ:
Богатырина страшной,
Коль рокъ послужитъ вертопрашной!
Обставя пушками Нейшлотъ,
Онъ вывелъ въ море сильный флотъ.
Была велика ошибка!
И въ томъ Густавова не малая ошибка,
Что флотъ пустилъ безъ латъ.
Желая драться споро,
Онъ скоро
Потребовалъ заплатъ;
Въ немъ часты сдѣлались прорѣхи.
Летали ядра какъ орѣхи,
Картечи какъ горохъ;
Нѣтъ времени промолвить: охъ!
Затеръ Густавъ густую брагу:
Такъ надобно имѣть распить ее отвагу
Поитъ тихъ,
Рокъ лихъ,
Стрѣльба не умолкаетъ
Суда не движны смерть толкаетъ

Со всѣхъ сторонъ
Безъ милосердья ихъ рѣшетить,
И въ шведовъ безъ ошибки мѣтить;
Великъ уронъ!
Лишась отваги
Неволей преклоняютъ флаги.
Густавъ велитъ налечь
И не жалѣть картечь;
Усталымъ снова жаръ вдыхаетъ,
И силой въ бой увѣчныхъ пхаетъ.
Но тщетны всѣ труды.
Густаву въ дракѣ носъ разбили до руды.
Кровавыхъ каплей видя росу
И трату кораблей
Въ несчастну ночь
Дырявый флотъ онъ тянетъ прочь,
Для поправленія мачтъ, палубъ и рулей,
И для починки носу.
Лишь выступилъ на брегъ,
Искалъ уединиться,
И вздумалъ въ ближнюю долину уклониться,
Оставя всѣхъ.
Тамъ всталъ какъ вкопанный и голову повѣсилъ,
Воображая, что сегодня начудесилъ.
Тогда надъ нимъ полна
Свѣтила блѣдная луна,
Нигдѣ вокругъ не слышно было шуму;
Тѣмъ больше онъ погрузнулъ въ думу:
Не разъ свои полки въ умѣ пересчиталъ,
И средства разныя томясь изобрѣталъ,
Съ котораго зайти-бы боку
Чтобъ рану дать Руси глубоку.
Среди задумчивости таковой,
Тѣнь Карлова къ нему подходитъ,
И обоймя его, какъ человѣкъ живой,
Съ нимъ рѣчь сію заводитъ:
«Какой на морѣ звукъ
Надѣлалъ ты, мой внукъ?
Ажно я въ гробѣ пробудился.
За что на Русь ты такъ жестоко разсердился?
Я съ ней поставилъ вѣчный миръ;
Что значитъ сей кровавый пиръ?»

* * *

«Одѣвшись въ латы,
Густавъ ему въ отвѣтъ,
Я тщуся возвратить утраты,
Что мой надѣлалъ дѣдъ».

КАРЛЪ.

О! это, другъ мой, поздно,
Минувше ты забудь
Коль было таково сужденье неба грозно,
Покоренъ року будь;
Ты прешь противъ рожна напрасно;
Кто вредной далъ тебѣ совѣтъ?
Съ соперникомъ своимъ согласно
Твой дѣдъ на свѣтѣ томъ живетъ;
Ему на здѣшнемъ подражая,
Съ Россіей дружно ты живи,
И никого не обижая,
Отцомъ народа прослыви.

ГУСТАВЪ.

Однако, дѣдъ, вѣдь то не худо,
Чтобъ былъ умаленъ Россъ?

КАРЛЪ.

Но произвесть такое чудо
Мой внукъ, мнѣ мнится, недоросъ.

ГУСТАВЪ.

Какъ! нѣтъ такого силъ достатку
Во сродникѣ твоемъ,
Чтобъ горду Русь нагнуть къ упадку?
Я льщусь успѣть со славой въ семъ,
Льщусь русскихъ разметать какъ чурокъ;
Тѣмъ занятъ весь, на то иду;
Мѣшками золота отъ турокъ
На ихъ подкупленъ я бѣду:
Ты знаешь-ли межъ ихъ идетъ ужасна ломка,
И туркамъ плохъ въ сраженьяхъ прокъ;
Такъ твоего они потомка
Просили облегчить ихъ рокъ.
И я, вообразя о ихъ къ тебѣ заслугѣ,
Беру ихъ къ сердцу честь,
И въ брань вступаю на досугѣ;
Палю за тѣмъ, что порохъ есть.

КАРЛЪ.

Такъ ты воюешь, внукъ, за взятки
И ставишь подданныхъ подъ пушки на подрядъ!
Коль слабъ твой умъ и мысли шатки!
Ну, что когда грѣхомъ съ тобой такой же лядъ
Послѣдуетъ, какой съ султаномъ?
Доселѣ, внукъ мой, жилъ ты паномъ;
Теперь военному вдаваяся труду,
Самъ кличишь на себя бѣду.

ГУСТАВЪ.

Такъ развѣ опускать мнѣ пользы очевидны
И лучшихъ случаевъ къ наживѣ тщетно ждать?
Твои мнѣ рѣчи, дѣдъ, обидны!
Ты долженъ по себѣ о внукѣ разсуждать.
Открыться на-прямки: я ту-жъ ко славѣ жажду
Питаю, какъ и ты.
Я мучился минуту кажду;
Мнѣ мало трона суеты.
Мнѣ сфера надобна пошире,
Повыше почестей амвонъ,
Чтобъ виденъ былъ я въ цѣломъ мірѣ,
И всѣ-бъ, уставя перстъ, кричали: вонъ онъ! вонъ!
Какъ я къ тебѣ приближенъ,
Великій дѣдъ, родствомъ:
Хочу быть близокъ удальствомъ;
За тѣмъ то я, взгляни, по твоему остриженъ!

* * *

Сколь ни былъ Карлъ угрюмъ
Неволей усмѣхнулся,
Подумавши, никакъ ума Густавъ рехнулся
Но что-бъ возобновить въ немъ прежнихъ здравость думъ
За сумасшествіе его не обличаетъ,
Но кротко отвѣчаетъ:
«Я вижу, ты себя по дѣдовски остригъ
Да волосовъ въ царѣ важна-ли, внучекъ, стрижка?
Когда чрезъ то добротъ въ душѣ твоей нѣтъ лишка,
Все въ мѣру твоего ты дѣда не достигъ».

* * *

«Какъ! я не дѣдъ? Густавъ тутъ крикнулъ велегласно:
Я дѣдомъ быть искалъ всечасно,
Да имъ я сдѣлался, всю мочь употребя:
Всмотрись въ Густава—ты увидишь въ немъ себя!»
То молвя какъ солдатъ предъ тѣнью выступаетъ,
Бросаетъ ноги вверхъ, бьетъ крѣпко въ земь пятой.
Движеній разнотой
Почтеніе себѣ у дѣда покупаетъ.
Вдругъ мечъ изъявъ кричитъ: «во фрунтъ! ступай! рази!
Клади всю Русь подъ саблю!
Не значитъ-ли сіе течь въ дѣдовски стези,
Я Карлъ и Карлова въ жизнь духа не оставлю!
О, жаръ какой въ груди моей скопленъ!
Мнѣ нужно было расходиться,
А то пойдетъ бѣда плодиться.
И русскихъ неизбѣженъ плѣнъ».

* * *

Качая головой, тутъ Карлъ ему вѣщаетъ:
Твой жаръ и похвальба,
Страхъ, ужасъ и пальба
Мнѣ, милый внукъ, отнюдь добра не обѣщаетъ.
Одумайся, смирись,
Моимъ примѣромъ умудрись.
Ты лучше-бы прегрѣшности исправилъ,
Когда-бы мирно правилъ.
Теперь шумя, бурля, взнимая гордо бровь,
Боюсь, надѣлаешь ты тратъ ужасныхъ вновь;
Отвага безъ ума—больша въ войнѣ помѣха
И гнѣвъ безъ силъ достоинъ смѣха.
Ты въ сердцѣ разбуди къ отечеству любовь
И некрещенному престань дружить невѣждѣ;
Арабска золота дороже шведска кровь.
Не вѣрь прельщающей надеждѣ:
Обрушиться тотъ можетъ въ мигъ,
Кто силъ не мѣряетъ своихъ.
Межъ нами молвить, внукъ, хоть и мнишься ты
Быть страшенъ
На здѣшнемъ берегу;
Но льзя-ли утаить, что носъ тебѣ раскващенъ
На первый въ бой шагу,
Что шведскій флотъ разбитъ, растраченъ, измочаленъ,
Что чернь и весь сенатъ тѣмъ сильно опечаленъ,
И въ гробѣ принужденъ и я вздыхать: охъ, охъ!
Вотъ твой зачинъ! сколь выѣздъ въ море плохъ!»

* * *

«Великій предокъ!—
Густавъ прервалъ съ сердцовъ:
Между героевъ ты сколь храбростью не рѣдокъ,
Дозволь тебѣ сказать правдивы пять-шесть словъ:
Ты весь перемѣнился нравомъ,
Мнѣ кажется на томъ ты свѣтѣ поглупѣлъ;
Живя межъ смертными и бывъ въ разсудкѣ здравомъ,
Ты то-ли пѣлъ?
Любилъ подъ лаврами корону,
Ни людямъ не давалъ, ни пушкамъ угомону,
Ходилъ съ ружьемъ вблизи, вдали,
Всегда кричалъ: пали! пали!
Теперь меня склоняешь къ миру,
Чтобъ я бездушному подобенъ былъ кумиру,
Сидѣлъ
Безъ дѣла,
Поджавши руки,
И умиралъ со скуки.
Нѣтъ,
Милый дѣдъ!

И я хочу искать побѣдъ!
Коль тысячи людей послушны моей волѣ,
За чѣмъ не посадить съ разбѣгу на рога
Стариннаго врага?
Что жарко встрѣченъ я, въ томъ нѣтъ большой потери,
Отворены и впередъ къ побѣдамъ двери;
Премѣнно счастье на войнѣ—
Сегодня имъ; а завтра мнѣ.
А ты журишь меня,
Какъ глупаго молокососа;
Напоминаешь мнѣ расквашеніе носа,
Некстати надо мной труня.
Ты счастья на войнѣ превратность самъ извѣдалъ!
Я чаю—если ты не все забвенью предалъ
Что съиграно съ тобой
Насмѣшницей судьбой,—
Ты помнишь тотъ разгромъ, ту вяху подъ Полтавой
Когда на вѣкъ разставшись съ славой,
Изъ боевой стѣны
Ты первый на утекъ всѣмъ махомъ побѣжалъ
И чуть штаны
На мѣстѣ, гдѣ сидѣть имъ должно, удержалъ.
И послѣ будучи и слабъ и хромъ отъ раны,
Не преставалъ ты бить тревогу въ барабаны,
Пока тебя ядро, ударивши въ високъ,
Повергло мертва на песокъ *).

* * *

Тутъ Карлъ, чело нахмуря,
И двигаясь какъ буря,
Весь гнѣвомъ запылалъ,
И изъ подъ руки пыхъ за пыхомъ посылалъ;
Ври раза кулакомъ на внука замахнулся;
Три раза отъ него внукъ съ нуждой увернулся;
Впослѣдокъ, разъярясь, онъ возопилъ: «Щенокъ!
Тебѣ-ли получать побѣдами вѣнокъ?
Шишимора, не воинъ!
Не лавра, смѣха ты, иль больше, слезъ достоинъ!
Для безопасности отъ пуль
Запрятавшись ты въ латы,
Какъ въ крѣпкостѣнныя палаты,
Заранье всѣмъ далъ знать, что ты въ герояхъ нуль.
О, черепъ на хребтѣ носящая улитка!
Смѣшна на брань попытка;
Смѣшонъ порывъ
Россіи сопротивъ!
Ты злостью на нее пылая,
Не смѣлъ съ нею явно рукъ смѣсить;
Но какъ лукавый песъ, не лая,
Хотѣлъ, подкравшись, укусить,
Пятой ее ударить въ зубы.
Оплакивай теперь свои проступки грубы.
Сумбуръ взысканій и угрозъ
И, плача, утирай кровоточивый носъ.
Измѣнникъ отчества, свободы общей хищникъ,
Что подданныхъ кровьми торгуешь какъ барышникъ,
На кучу ты даровъ Абдуловыхъ взгляни
И кучу съ оною тѣхъ мертвыхъ тѣлъ сравни,
Безвинно коихъ ты подвелъ подъ русски пушки.
Иль жизни ихъ, злодѣй, не стоятъ ни полушки?
Кто выучилъ тебя такъ мыслить басурманъ,
Что, если королю угодно,
Премногихъ съ тратой душъ онъ можетъ благородно
Свой златомъ набивать карманъ?
Ты конча, въ-тай пріялъ магометанску вѣру,
Что преданъ туркамъ такъ въ надмѣру.
Надѣнь, надѣнь чалму
Поклонникъ Магометовъ,
И свѣту покажи всему,
Что первый ты для мзды обрѣзался изъ шведовъ.
Между даровъ тебя въ честь присланъ алкоранъ,
Абдулъ и ты—души не слышите другъ въ другѣ:
Великомочный онъ на югѣ,
Ты въ Нордѣ маленькій тиранъ;
Софы султанскія подпора,
Для боли сердца моего,
Въ бѣду отечества всего
И христіанству для позора.
Но, о второй визирь! Магомедовъ богатырь
Когда ты такъ упоренъ
И, здравымъ мыслямъ не покоренъ,
Рѣшился Швецію преобратить въ пустырь,
Такъ слушай-же тебѣ грозящія впредь бѣдства:
Мнѣ всѣ войны открыты слѣдства;
Изъ устъ моихъ теперь
Внимай число твоихъ потерь.
Ты, много тысячъ пудъ утративъ солонины,
Солдатамъ хлѣбъ твоимъ представишь изъ мякины;
Они, его ѣдя не всласть,
Колькратно будетъ онъ въ ихъ горлѣ становиться—
Тебя за симъ столомъ согласно будутъ клясть,

*) Карлъ подъ Полтавой не убитъ; наканунѣ сраженія раненъ опасно въ ногу; въ сраженіяхъ качалка его пушечною картечью разбита, а онъ цѣлъ остался и бѣжалъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ Бендеры.

Желая тѣмъ тебѣ всѣхъ прежде подавиться.
Ты будешь казанье въ церквахъ читать, какъ попъ,
И ленты раздавать съ амвона,
Чтобъ твоего въ защиту трона
Охотнѣй тотъ, кто глупъ, на смерть свой ставилъ лобъ.
Вельможи, видя то, въ-тай сердца будутъ плакать;
А чернь разиня рты
Дивиться, смѣючись, что ты
Снисходишь безъ чиновъ, такъ въ публикѣ калякать.
Что-бы во твой предѣлъ не допустить врага,
Ты каменны мосты, смыкающи брега,
Велишь ломать отъ страху,
И то испортить съ маху,
Что прежде бранныхъ бѣдъ
Стояло много лѣтъ.
Которой (?), что тебѣ далъ за охоту
Губить безъ жалости рукъ собственныхъ работу?
Въ сильнѣйшемъ твоего неистовства жару,
Въ самомъ на бой яру,
Оружники твои, къ отечеству равнодушны,
Окажутся тебѣ презрительно-ослушны.
Ты скажешь имъ: во фрунтъ! о други, полетимъ!
Они тебѣ—король, мы драться не хотимъ!
Вложи въ ножны свой клинокъ
Иль, ежели ты смѣлъ,
Такъ выйдь противъ Руси одинъ на поединокъ.
Намъ ребры надобны и свѣтъ не надоѣлъ!
А какъ тебя тутъ взбѣситъ,
Ты радъ-бы всѣхъ ихъ съѣсть,
Но страхъ въ душѣ твоей всю лютость перевѣситъ.
Ты долженъ не хотя досаду горьку снесть.
Вскричишь съ ума сойдя:
Казните дерзкихъ скоро!
Но смекнешь разсудя,
Что ты—одинъ, ихъ—много,
Не найдешь палача,
Самъ развѣ ихъ накажешь:
Кого нибудь по шеѣ смажешь
Рукой державной съ горяча,
И тѣмъ явишь въ себѣ кулачника исправна.
Комедія забавна:
Царь будетъ гнѣваться, браниться, топотать,
А подданны надъ нимъ внутрь сердца хохотать.
Отъ одного державы края
Походъ къ другому простирая,
Чрезъ горы, долы, рѣкъ струи,
Чрезъ лѣсъ, потоки и ручьи,
То на конѣ то пѣшій,
Шататься будешь ты, какъ лѣшій,
Туда
Сюда,
Голодныхъ воиновъ таская,
И ихъ до подлости лаская
Съ тобою вмѣстѣ жить, съ тобою умереть;
А самъ назадъ всякъ часъ смотрѣть,
Всѣ-ль идутъ за тобою слѣдомъ;
Чтобъ вмѣсто предлагаема врага,
Склоненьемъ въ сторону шага,
Не погнались куда невѣжи за обѣдомъ.
Рушенье видя стѣнъ,
Людей твоихъ постыдный плѣнъ,
Какъ нищій будешь ты просить о перемирьи,
Чтобъ датчане тебя не трогали, какъ чирьи:
Ты съ ними не дрался,
Ты съ этой стороны къ войнѣ не собрался.
Тутъ сдѣлаешься ты вдругъ кротокъ какъ овечка,
И снявъ чалму, или шеломъ,
Постыдно будешь бить предъ стряпчими челомъ:
Замолвить за тебя противнымъ полсловечка;
Съ турецкимъ золотомъ развяжешь кошельки,
Самъ будешь ужъ дарить всей членностью руки,
Войны не перервать и продолжать не смѣя,
И что начать недоумѣвая,
Замучишься тоской, свой видя близкій матъ,
Абдулу, и дарамъ, и животу не радъ.
Въ погибели людей и флота
Потребуютъ съ тебя отчета;
Ты станешь совѣсти на судъ
И будешь обличенъ, какъ скверный ты сосудъ,
Буянъ отъ хмѣля не покойный,
Монарша сана недостойный.
Представь, что будешь ты тогда,
Когда
Златая вольность вновь возникнетъ
И весь народъ ура! ей въ радости воскликнетъ,
Кляня тиранскихъ въ слухъ насиліе когтей;
Когда мечтамъ твоимъ поставятся предѣлы,
И перевязи бѣлы
У всѣхъ спадутъ съ локтей.
И такъ ты былъ великъ не слишкомъ—
Военныхъ послѣ бѣдъ
Презрѣннымъ будешь ты въ Европѣ королишкомъ,
Иль какъ ненадобный для царства кормоѣдъ.

Нельзя уже тогда задрать тебѣ сосѣдей,
А развѣ на волковъ возстанешь и медвѣдей
Или на кабановъ средь блатныхъ камышей,
И крысъ дворцовыхъ и мышей.
Не нужно тутъ ужъ войскъ, ни ядръ, ни пуль
свинцовыхъ:
Наступливай, драчунъ!
Одною головою,
Съ предлинной булавою,
Какъ Геркулесъ имъ дашь ты скоро карачунъ;
Всѣ твари мечъ твой, трясучись, почуютъ!
Тогда-то ужъ мой другъ,
Большой тебѣ досугъ—
Пріобрѣтать вѣнки, трофей, пирамиды.
Послушай-же, Густавъ, какъ можно не робѣй,
Всѣхъ гадинъ перебей,
Безъ панцыря и пушекъ
Давя лягушекъ
И что ни попадетъ все, вышедъ изъ земли;
Корыстями твоими обвѣшай вереи:
Чтобъ лапы ихъ, хвосты и мѣръ различныхъ
морды
Казали издали твои побѣды горды.
Вотъ храбрости твоей столь много будетъ пробъ!».
Рѣчь кончилъ Карлъ и скрылся въ гробъ.

---

101. Библіографическій указатель книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій, вышедшихъ въ Россіи въ теченіи 1858 г. и поступившихъ въ Императорскую публичную библіотеку. Составленъ В. Межовымъ. Санктпетербургъ, въ типографіи мин вн. дѣл.—Изъ журнала Минист. вн. дѣлъ 40 и 41.

Это обстоятельно составленный указатель, хотя и можно замѣтить кое-гдѣ неточности; въ размѣщеніи книгъ по отдѣламъ не достаетъ алфавита или ключа къ этому списку, чѣмъ затрудняются справки. Г. Межовъ къ прежнимъ своимъ годичнымъ библіографіямъ, изданнымъ при «Отеч. Запискахъ» 1856 и 1857 г.г., прилагалъ алфавитные указатели. Жаль также, что указатель не поступалъ въ продажу.—Годичные указатели выходящихъ въ Россіи книгъ, послѣ нѣсколькихъ опытовъ прежняго времени, постоянно завелись съ 1854 г., когда изданъ былъ редакціей «Отечественныхъ Записокъ» такой указатель за 1854 г. За 1855 г. изданы указатели редакціей «Русской Бесѣды» и 2-мъ отдѣленіемъ академіи наукъ. Въ 1856 и 1857 г.г. выходили библіографическіе листки при «Отеч. Запискахъ» и «Русская библіографія» А. Смирдина. Книги 1858 года исчислены теперь г. Межовымъ, который и предлагаетъ свою работу. Къ этому присоединяются—составленный имъ же списокъ журнальныхъ статей прошлаго года и полные указатели книгъ и статей, относящихся до Россіи, изготовленные академіею наукъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ лѣтопись нашей книжной производительности за послѣдніе годы, въ которые она значительно усилилась. Не лишне было бы сдѣлать изъ этого матеріала числовые выводы для статистики просвѣщенія.

См. «Библіографическія записки» за 1862 годъ, стр. 676-я.

102. Библіографическія черты изъ жизни Архіепископа Московскаго Августина, почетнаго члена общества любителей россійской словесности въ Москвѣ. 1824 года. —8 д. л., 144 стр.

Жизнеописаніе Архіепископа Августина составлено извѣстнымъ И. М. Снегиревымъ и помѣщено было въ V части сочиненія общества любителей россійской словесности, въ чрезвычайномъ собраніи котораго было читано. А отдѣльнымъ изданіемъ было издано въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, которые скоро были распроданы, и теперь рѣдко. См. Я. Березинъ-Ширяевъ № 68.

103. Библіотека Авраама Сергѣевича Норова (Bibliothèque de Abraham Noroff). Часть 1-я (единственная). Санктпетербургъ, въ типографіи Императорской Академіи наукъ, 1868 года. —8 д. л., 311 стр., съ 5-ю рисунками.

Книга, описаніе библіотеки Авраама Сергѣевича Норова, начинается съ краткаго предисловія, въ которомъ авторъ говоритъ:—«оставляя, собранную мною въ продолженіи моей жизни, библіотеку, въ память о себѣ дорогой сердцу моему Москвѣ,—я желалъ только, чтобы не ранѣе, какъ по кончинѣ моей, для исполненія сдѣланныхъ въ моемъ духовномъ завѣщаніи назначеній, было выдано за нее 17 т. р. безъ процентовъ. Конечно, это не есть оцѣнка моей библіотеки, получившей нѣкоторую извѣстность въ кругу ученыхъ и библіографовъ. Я

заявилъ также мое желаніе, чтобы портреты мой и моей покойной жены, способствовавшей мнѣ съ полной любовію въ моихъ библіографическихъ пріобрѣтеніяхъ,—составили принадлежность библіотеки, не изъ тщеславія, а изъ любви нашей къ Москвѣ. Заявилъ я также, что намѣреваюсь пріобрѣтенныя мною въ остальные дни жизни моей драгоцѣнныя книги,—включить въ этотъ-же составъ. По всеподданнѣйшему Его Императорскому Величеству докладу о томъ, бывшаго министра народнаго просвѣщенія А. В. Головина, — Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ исполнить мое желаніе, и чтобы моя библіотека сохранила за собою навсегда мое имя». — Далѣе авторъ говоритъ: — «Мнѣ утѣшительно сказать, что новыя пріобрѣтенія мои представляютъ, уже послѣ передачи моей библіотеки въ Румянцевскій музей, драгоцѣнные матеріалы для науки. Изъ нихъ одно будетъ имѣть большое значеніе въ ученомъ мірѣ. Это неизданныя собственноручныя сочиненія Джіордано Бруно. Сверхъ того, въ числѣ моихъ печатныхъ книгъ, пріобрѣтенныхъ мною въ послѣднее время, я назову acta sanctorum. Изданіе почти уже доконченное и состоящее по сіе время изъ 30 фоліантовъ. Издаваемый мною нынѣ каталогъ (со включеніемъ въ него уже новыхъ пріобрѣтеній) былъ приготовленъ для напечатанія въ чужихъ краяхъ. Преклонность моихъ лѣтъ не дозволяетъ мнѣ предпринять трудъ передѣлать библіографическія замѣтки, сдѣланныя при иностранныхъ книгахъ, на французскомъ языкѣ,—по русски. Этотъ трудъ былъ бы мнѣ уже теперь не по силамъ и можетъ быть не былъ бы исполненъ при моей жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заявляемое мнѣ желаніе публики имѣть каталогъ моей библіотеки рѣшили меня издать его такъ, какъ онъ—есть, не смотря на его несовершенства. Считаю при этомъ нужнымъ заявить, что каталогъ печатался по имѣющимся у меня карточкамъ, въ которыхъ, можетъ быть, вкрались нѣкоторыя ошибки. Такъ какъ вся моя библіотека, за исключеніемъ, отдѣла, относящагося до Палестины, оставленнаго мною на время у себя для моихъ занятій, находится уже въ Москвѣ».

Книга замѣчательная какъ по содержанію, такъ и по роскошному изданію.—Рѣдка. — Цѣнится въ настоящее время до 20 рублей.

104. Библіотека духовная, содержащая въ себѣ дружескія бесѣды о познаніи самого себя. Сочиненіе Гр. Сковороды, изданное М. Антоновскимъ, 3 части. С.-Петербургъ, 1798 г.—Въ 8 д. л., съ виньеткой въ началѣ книги.

Полные экземпляры духовной библіотеки совсѣмъ ненаходимы въ книжной торговлѣ.—См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 2216, сказано: «книга рѣдка».—Цѣнится отъ 5 до 8 руб.

105. Библіотека избранная для христіанскаго чтенія, 4 части. Москва. Печатано въ 1784 году.—Въ 12 д. л.

Это небольшая, но довольно рѣдкая книжка содержитъ въ себѣ избранныя христіанскія наставленія. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 2289; сказано: «книга рѣдка». См. Логиновъ стр. 37 «Реэстръ книгамъ въ силу высочайшаго Его Императорскаго Величества имяннаго указа изъ разныхъ въ Москвѣ лавокъ отобраннымъ и слѣдующимъ къ доставленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ контору: Значится: «Библіотека избранная» за № 18; цѣнится книга отъ 3 до 6 рублей.

106. Библіотека ученая, экономическая и проч., издававшаяся П. П. Сумароковымъ въ 1793—1794 гг. въ Тобольскѣ. Библіографически описана А. Н. Неустроевымъ. С.-Петербургъ. Типографія Товарищества „Общественная Польза", 1874 г.—Въ 8 д. л., 15 стр.

Книжка издана въ количествѣ 150 экземпляровъ—не для продажи—нашимъ извѣстнымъ библіографомъ А. Н. Неустроевымъ и содержитъ въ себѣ подробное описаніе «Библіотеки», издававшейся П. П. Сумароковымъ въ 1793—1794 гг.—Въ началѣ книжки говорится, что

Издателемъ «Библіотеки ученой, экономической»... и проч. былъ Панкратій Платоновичъ Сумароковъ (оставравшійся еще съ 1786 года на жительствѣ въ Сибири). Сумароковъ, приступая къ изданію «Библіотеки», задуманной имъ въ скорости по окончаніи изданія журнала «Иртышъ», напечаталъ въ «Московскихъ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1792 года («С.-Петербургскія Вѣдомости» № 69 августа 27 дня) такое объявленіе:

«Въ Тобольскѣ въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія принимается подписка на книгу подъ заглавіемъ «Ученая, Экономическая, Нравоучительная, Историческая и Увеселительная Библіотека, въ пользу и удовольствіе обоего пола и всякаго званія читателей». Сія книга будетъ состоять изъ 12 частей; въ каждой изъ оныхъ будетъ до трехъ сотъ печатныхъ страницъ; для избѣжанія же многимъ непріятной смѣси, издатель раздѣлилъ всякую часть на пять особыхъ статей и каждой изъ оныхъ далъ наименованіе, соотвѣтствующее содержащимся въ ней матеріямъ. Первая статья учености. Сія статья будетъ заключать въ себѣ краткую исторію о происхожденіи и усовершенствованіи художествъ, какъ механическихъ, такъ и свободныхъ съ нѣкоторыми подробностями оныхъ. Многія не большія сочиненія, относящіяся къ философіи, политикѣ, юриспруденціи, коммерціи, медицинѣ, физикѣ, натуральной исторіи и проч., также разныя другія ученыя разсужденія славнѣйшихъ писателей и множество любопытнѣйшихъ вещей до всякаго рода учености касающихся. Вторая статья домоводства. Въ сію статью будутъ помѣщаемы полезнѣйшія и любопытнѣйшія вещи, относящіяся къ земледѣлію, скотоводству, строенію, садоводству, внутреннему хозяйству и проч.; испытанныя лѣкарства отъ многихъ опасныхъ болѣзней; наставленія, какъ готовить всякаго рода кушанья, какъ мясныя, такъ и рыбныя, и множество иныхъ вещей, касающихся до экономіи во всемъ пространствѣ сего слова и способствующихъ къ пріятной и спокойной жизни. Третья статья нравоученія. Сія статья будетъ содержать въ себѣ разныя нравоучительныя разсужденія, избранныя мысли славнѣйшихъ древнихъ и новыхъ писателей, иносказательные сны, повѣсти, какъ истинныя, такъ и вымышленныя, критическія сочиненія на нравы нынѣшняго вѣка, выбранныя по большей части изъ «Аглинскаго зрителя», примѣры храбрости, постоянства, терпѣнія, любви къ отечеству и всѣхъ добродѣтелей, почерпнутыя изъ бытописаній всѣхъ народовъ, на земномъ шарѣ обитавшихъ и обитающихъ, и проч. Четвертая статья историческая. Въ сей статьѣ найдутъ читатели любопытнѣйшія историческія изысканія о разныхъ предметахъ, извѣстія о нравахъ, обычаяхъ и обрядахъ жителей разныхъ земель, о произведеніяхъ тѣхъ странъ, о достопамятныхъ особливостяхъ оныхъ и проч. Сіе выбрано изъ новѣйшихъ путешествій. Въ сію же статью будутъ вносимы славнѣйшія дѣянія и сказанія всѣхъ великихъ мужей и женъ новой исторіи, также критическія примѣчанія и опроверженія на нѣкоторыя мѣста древней всеобщей исторіи. Пятая статья увеселенія. Сія статья будетъ заключать въ себѣ все то, что можетъ пріятно занять читателей, какъ-то: новѣйшіе и избранные анекдоты, любопытныя и забавныя физическія примѣчанія на нравы всѣхъ животныхъ, чудныя и смѣшныя сказки, острыя шутки, математическія и физическія увеселенія, подъ именемъ фокусъ-покусъ извѣстныя; также наставленія, какъ дѣлать разные фейерверки, и множество иныхъ полезно-забавныхъ испытанныхъ и дозволенныхъ секретовъ. Подписка на сію книгу начнется со дня сего объявленія, и продолжится по первое число Генваря будущаго 1793 года, съ котораго особы, благоволившія подписаться, начнутъ получать каждый мѣсяцъ по одной части до Генваря 1794 года, то есть до окончанія сего изданія. Цѣна подписная за всѣ 12 частей, въ Тобольскѣ десять рублей, а въ другихъ городахъ съ пересылкою по почтѣ пятнадцать рублей. Издатель покорнѣйше проситъ особъ, желающихъ подписаться на сіе сочиненіе, чтобъ они благоволили прислать деньги впередъ, съ извѣстіемъ о чинѣ ихъ, имени и мѣстѣ пребыванія. По истеченіи же назначеннаго для подписки срока, никому уже не можно будетъ получить сей книги, ибо сверхъ числа подписавшихся не будетъ напечатано ни одного экземпляра. Матеріи, коими книга сія будетъ напечатана, выбраны болѣе, нежели изъ пяти сотъ иностранныхъ лучшихъ и новѣйшихъ книгъ. Издатель осмѣливается увѣрить почтеннѣйшую публику, что сія книга будетъ не въ числѣ такихъ, которыя по прочтеніи ни къ чему болѣе не служатъ, какъ только къ умноженію библіотеки, но что оную всегда имѣть и по часту употреблять весьма будетъ нужно всякому, какого бы онъ званія и чина ни былъ. Цѣна же за оную положенная весьма умѣренная, какъ по изящности матеріи, такъ по трудамъ издателя и по издержкѣ его на печатаніе оной, и на покупку дорогихъ и рѣдкихъ иностранныхъ сочиненій, изъ ессенціи коихъ, можно сказать, она составлена. Имена подписавшихся особъ будутъ напечатаны при 12-той, то есть послѣдней части».—Изъ объявленія этого видно: Первое—что «Библіотека» предполагалась печататься только въ

такомъ количествѣ экземпляровъ, какое потребуется собственно по подпискѣ на нее до 1 Генваря 1793 года, не увеличивая свыше того количества ни однимъ экземпляромъ. Но подписчиковъ оказалось такъ мало, что Сумароковъ былъ вынужденъ отмѣнить это предположеніе, и выпуская первую часть «Библіотеки», объявилъ, что:

«Хотя въ прошломъ 1792 году въ объявленіи о сей книгѣ, напечатанномъ при «Московскихъ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», и было сказано, что подписка на нее продолжится только до Генваря сего года; но какъ въ теченіи осьми мѣсяцевъ малое только число особъ на оную подписалися, имѣя небезъ-основательную причину не довѣрять неизвѣстному издателю въ выполненіи его обѣщанія; то, дабы не подать поводу къ подозрѣнію, что желаютъ употребить во зло довѣренность почтенной публики, чрезъ сіе объявляется, что подписка на сію книгу продолжится во весь наступившій годъ, по прежде назначенной цѣнѣ...»

«Господа любители учености приглашаются обогащать сію книгу своими твореніями, или переводами, какого-бы они роду ни были, въ стихахъ и прозѣ, кои съ великою благодарностію будутъ помѣщены въ сіе изданіе». Объявленіе это повторено было во второй и третьей частяхъ журнала,—и, за всѣмъ тѣмъ, число подписчиковъ оказалось очень не многочисленно (они всѣ поименованы въ концѣ 12-ой части, съ указаніемъ мѣста ихъ жительства), такъ что «Библіотеки» расходилось только 111 экземпляровъ, а именно: въ С.-Петербургѣ 7, Москвѣ 4, Колыванской губерніи 5; въ намѣстничествахъ: Тобольскомъ 26, Пермскомъ 8, Иркутскомъ 8, Вятскомъ 4, Нижегородскомъ 3, Смоленскомъ 2, Уфимскомъ 4, Тамбовскомъ 2, Орловскомъ 3, Харьковскомъ 4, Рязанскомъ 2, Тверскомъ 1, Екатеринославскомъ 5, Симбирскомъ 2, Новгородскомъ 2, Кіевскомъ 4, Черниговскомъ 2, Ярославскомъ 9 и Воронежскомъ 6.

Далѣе, изъ первой публикаціи о «Библіотекѣ» слѣдуетъ, что она должна была выходить съ 1 Генваря 1793 года ежемѣсячно, по части или книжкѣ, и окончиться въ этомъ-же году. Но и это предположеніе также не состоялось: «Библіотека» выдавалась не ежемѣсячно, а въ два мѣсяца разъ, и окончилась, вмѣсто одного, въ два года. Цѣна же ей оставалась та самая, какая была заявлена въ первомъ объявленіи.

Полные экземпляры «Библіотеки» встрѣчаются очень рѣдко.

107. Библія, напечатанная въ С.-Петербургѣ въ 1739 году.—Въ листъ.

Это изданіе, остановившееся на 19 стихѣ 15 главы 3-й книги Ездры, печатавшееся подъ наблюденіемъ Стефана Калиновскаго.

Въ Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1861 г. сказано, что означенная Библія Стефана Калиновскаго принадлежитъ къ числу величайшихъ рѣдкостей, такъ какъ всѣ экземпляры Ветхаго Завѣта въ 1769 году велѣно было уничтожить.

108. Библія, сирѣчь книга ветхаго и новаго завѣта по языку словенску, отъ Еврейска въ Еллинскій языкъ, седмидесяти и двѣма Богомудрыми преводники, прежде воплощенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа Т. (350) лѣтъ, на желаемое повелѣніе Птоломея Филандельфа, царя Египеска преведенаго зводу, съ тщаніемъ и прилѣжаніемъ, елико можно, помощію Божіею послѣдовася. въ лѣто отъ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа. Печатано въ Острогѣ въ 1581 году.—Въ листъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры сего изданія составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость.

Эта библія напечатана въ 1581 году повелѣніемъ князя Василія Константиновича Острожскаго, въ Острогѣ—«Многогрѣшнымъ и недостойнымъ рабомъ Иваномъ Ѳеодоровымъ сыномъ Москвитиномъ».

На оборотѣ заглавнаго листа помѣщенъ гербъ великаго князя Острожскаго, около коего поставлены четыре буквы: «К. К. К. О.», означающія:— Константинъ Константиновичъ князь Острожскій.

На выходномъ-же листѣ имѣется гербъ Ивана Ѳедорова.

Основаніемъ этой знаменитой, такъ-называемой, О с т р о ж с к о й Б и б л і и, послужила рукописная библія, переведенная съ греческаго на славянскій языкъ еще до Владиміра Святаго, испрошенная у Іоанна Грознаго—«съ прилежнымъ моленіемъ богоизбраннымъ мужемъ Михаиломъ Гарабурдою», и привезенная въ Острогъ около 1570 года. Предпола-

гаютъ, что печатаніе библіи продолжалось около пяти лѣтъ.

Въ концѣ книги напечатано слѣдующее поясненіе о ея выходѣ:

«Изволеніемъ Отца и споспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ Святаго Духа, повелѣніемъ благочестиваго князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы Кіевскаго, маршалка земли Волынскія и старосты Владимірскаго, напечатана бысть сія книга, глаголемая библія, яже есть ветхій и новый завѣтъ, въ богоспасаемомъ градѣ, его отчинѣ Острозѣ, многогрѣшнымъ и недостойнымъ рабомъ Иваномъ Өедоровымъ, міра 7089, а отъ воплощенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1581, мѣсяца Іюня въ 12 день».

Въ концѣ этой книги имѣются два разные печатные листа, изъ которыхъ на одномъ годъ изданія означенъ—«1580, Іюня 12 дня», а на другомъ—«1581, Августа 12 дня». Есть экземпляры (очень рѣдкіе), въ которыхъ находятся оба указанные выше листа, но есть и такіе, которые имѣютъ по одному только изъ означенныхъ листовъ. Вслѣдствіе чего, эти листы, попадающіеся порознь, нѣкоторыхъ заставили думать, что сія книга была выпущена не въ одномъ, а въ двухъ изданіяхъ.

Въ первомъ предисловіи князь Острожскій говоритъ слѣдующее:

— «Начало-же нашего дѣйства се есть произволеніемъ бо всесильнаго Бога. Онъ же рече изъ тмы свѣту возсіяти, иже возсія въ сердцахъ нашихъ къ просвѣщенію разума славы Божія о лицѣ Іисусѣ Христовѣ, тамже желаніемъ возревновахъ на дѣло сіе, и разумѣхъ, яко се не бысть отъ плоти и отъ крови, яко похвалу плотьскую, но благодатію и человѣколюбіемъ Божіе... саніе исполнится яко несмы довольны, еже отъ себѣ что добротворити, но довольство наше отъ Бога да не похвалится всяка плоть предъ величествіемъ славы Божія: но и аще хвалится, въ Богу да хвалится. Обаче ни дѣла зачати, ниже дѣлателей еже творити на сіе изобрѣтохомъ. Ибо и книгъ, глаголемыхъ библія, въ зводѣ сего дѣла начальствомъ не имѣхомъ, да нашему изволенію, къ начальству сего содѣянія во всемъ была довольна. Но и во всѣхъ странахъ роду нашего языка словенскаго, ни едина обрѣтеся совершенна во всѣхъ книгахъ ветхаго завѣта, токмо отъ благочестива, и въ православіи изрядно сіятельна Государя и великаго князя Іоанна Васильевича Московскаго, и прочая, богоизбраннымъ мужемъ Михаиломъ Гаробурдою, писаремъ великаго княжества Литовскаго, съ прилѣжнымъ моленіемъ испрошенную, сподобихомся пріятии, совершенную библію, съ греческаго языка, седмьдесять и двѣма переводники, множая пяти сотъ лѣта на словенскій приведенную еще за великаго Владимера, крестившаго землю русскую».

Предисловіе это писано Герасимомъ Даниловичемъ.

Это послѣдній типографскій трудъ Ивана Өедорова, неутомимаго сѣятеля Божьяго слова, нашего Апостола,—«друкаря книгъ предтымъ невиданныхъ»,—какъ гласитъ о немъ надгробная надпись, считавшаго книгопечатаніе «даромъ свыше сходящимъ, дѣломъ богоизбраннымъ», этого изгнанника отъ людей, боящихся свѣта и просвѣщенія, «хотящихъ во зло превратити и Божіе дѣло въ конецъ погубити. Сія убо отъ земли и отечества и отъ рода нашего изгна и въ ины страны не знаемы пресели», какъ онъ объ этомъ самомъ засвидѣтельствовалъ въ послѣсловіи «Апостола», изданнаго имъ во Львовѣ.

Въ этихъ странахъ «не знаемыхъ», Иванъ Өедоровъ основалъ типографію, а именно: въ Заблудовѣ, Львовѣ и Острогѣ.

Эта рѣдчайшая книга куплена мною за 100 рублей.

См. у Сопикова—за № 109, сказано:—«прерѣдкая»;—у Каратаева—за № 101;—у Кастерина—за № 30; у Сарахова—за № 65;—у Кеппенъ—за № 258;—у Батюшкова—за № 138—140;—у Булгакова—стр. 258-я;—у Бактіарова—стр. 81—84;—у Остроглазова за № 18.

Библїа сирѣчь книги
ветхаго и новаго завѣ-
та, по языку словенску.
Ѿ еврейска, въ еллиньскїи языкъ,
седми десять и двѣма, богому-
дрыми преводники. прежде воплоще-
нїа Г҃а Б҃а и сп҃са нашего І҃с Х҃а, т҃ и
лѣта, на желаемое повелѣнїе Птоло-
меа Филадельфа цр҃ѧ египетска.
преведенаго зводу сътщанїемъ,
и прилѣжанїемъ елико мощно,
помощїю Б҃жїею послѣдовасѧ, и и-
справнеѧ. в лѣто, по воплощенїи
Г҃а Б҃а и сп҃са нашего І҃с Х҃а.
҂аф҃па

Уменьшенный заглавный листъ изъ книги „Острожской Библіи 1581 г.“.—
Съ экз., принадлежащаго мнѣ.

109. Библія сирѣчь книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Напечатано въ царствованіе Емператрицы Елисаветы Петровны въ 1759 г., въ 8 д. л., 6 книгъ церковной печати, съ гравированнымъ заглавнымъ листомъ и фронтисписомъ съ изображеніемъ императрицы Елисаветы Петровны, рисовано Второвымъ, въ 1759 г., гравировано Иконниковымъ. Книги: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я и 6-я.

Чрезвычайно рѣдкая книга. Содержаніе ея распредѣляется въ слѣдующемъ порядкѣ: первыя четыре книги заключаютъ въ себѣ Ветхій Завѣтъ; пятая—Новый Завѣтъ; а въ шестой помѣщены: сборникъ 12 мѣсяцевъ и каталогъ именъ, упоминаемыхъ въ Библіи.

См. «Опытъ россійской библіографіи» В. Сопикова—№ 118, гдѣ сказано, что—«изданіе рѣдкое».

110. Библія, т. е. книга священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта. 5 частей. Вѣна, 1803 г.—Въ 8 д. л., на славянскомъ языкѣ.

Означенная Библія весьма рѣдка въ Россіи, болѣе потому, что Австрія, по нѣкоторымъ политическимъ своимъ видамъ, славянскихъ книгъ, въ ея областяхъ напечатанныхъ, вывозить въ Россію въ то время запрещала. Опасеніе ея въ данномъ случаѣ, если дѣлать смѣлыя догадки, происходило, кажется, отъ того, что книги эти напоминали и подтверждали намъ о той важной и справедливой мысли, что если соплеменные и единовѣрные намъ многочисленные славянскіе народы, находящіеся подъ ея, Австріи, владычествомъ когда нибудь соединятся съ Россіею, то составятъ одну многолюднѣйшую и могущественную имперію въ Европѣ.

Въ «Опытѣ россійской библіографіи» Василія Сопикова значится за № 2229, гдѣ сказано: «весьма рѣдка въ Россіи».

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, у букиниста Наумова за 50 рублей.

111. 1727 года, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества Екатерины Алексіевны, состоявшіяся указы по кончину ея величества, также манiфестъ о принятіи престола, всепресвѣтлѣйшаго державнѣйшаго великаго государя Петра Алексіевича втораго, Імператора и самодержца всеросійскаго. И прісяга въ вѣрности службѣ Его Велічества, и публічныяжъ указы по нынѣшнеи 1728 годъ. Напечатано въ Санктпетербургѣ. При Сенатѣ 1728 году, окончано печатанью Іюля 8 дня.—Въ листъ.

Объ этомъ чрезвычайно рѣдкомъ изданіи см.—«Всеобщую библіотеку Россіи или каталогъ книгъ для изученія нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ, собранныхъ А. Д. Чертковымъ»,—стр. 240, № 20—и «Матеріалы для русской библіографіи» Н. В. Губерти—№ 11.

112. Благочестивѣйшія, самодержавнѣйшія, великія государыни императрицы Екатерины второй учрежденія для управленія губерніи всероссійской имперіи. 1775 года.—Въ 4 д. л., 6+4+215 стр.

Книга перваго изданія, очень рѣдкая; она упоминается въ словарѣ Сопикова подъ № 2342, причемъ показано: Московское изданіе въ 8 д. л., 2-е изданіе въ Спб. 1776 года въ 4 д. л., 3-е изданіе Спб. 1786 г. въ 4 д. л., 4-е изданіе въ Москвѣ 1789 г. въ 4 д. л.

Не смотря на многократныя изданія этой замѣчательной книги, послѣдняя въ настоящее время совсѣмъ ненаходима на книжномъ рынкѣ.

113. Блаженство вѣрующаго, въ сердцѣ котораго обитаетъ Іисусъ Христосъ. Сочиненіе Госнера. Переводъ съ нѣмецкаго языка. Изданіе 2-е. Санктпетербургъ. въ типографіи деп. тор. и пром. 1882 г.—Въ 16 д. л., 105 стр.

Эта замѣчательная брошюрка, въ числѣ прочихъ мистико-религіозныхъ книгъ, была запрещена. Авторомъ ея было написано еще другое сочиненіе:—«Духъ жизни и ученія Іисуса Христова», первая часть котораго была переведена на русскій языкъ въ 1824 году и сожжена въ числѣ 3000 экземпляровъ, и немногіе изъ нихъ уцѣлѣвшіе экземпляры считаются въ настоящее время библіографическою рѣдкостію.

См. «Обзоръ книгъ» Якова Березина-Ширяева, стр. 240.

114. Боги поганскіе въ болванѣхъ мѣшкаючи, духове злые. Сочиненіе архи-

мандрита Іоанникія Галятовскаго. Черниговъ, 1686 года.—Въ 4 д. л.

Книга сія сочинителемъ посвящена царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ.—См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 149, сказано: «книга эта очень рѣдка».

115. Богословіе догматическое или пространное изложеніе ученія вѣры православныя, каѳолическія восточныя Церкви. Сочиненіе доктора Богословія протоіерея Петра Терновскаго Императорскаго Московскаго Университета Профессора Богословія, церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія. Москва, въ Университетской типографіи 1844 г.—Въ 8 д. л., XI + 254 стр.

Означенное сочиненіе Петра Терновскаго, Богословіе догматическое, содержитъ въ себѣ три отдѣленія или 17 главъ. Отдѣленіе I-е: о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ природы. Отдѣленіе II-е: о спасеніи человѣка. Отдѣленіе III-е: о дѣлахъ Божіихъ, относящихся къ царству славы, и книга въ настоящее время чрезвычайно рѣдко встрѣчаема въ продажѣ и цѣнится около 6 рублей.

Платонъ Левшинъ, митрополитъ Московскій, род. 27-го іюня 1737; 1758 г. постригся въ монахи; Іеромонахъ; учитель Цесаревича Павла Петровича; 16 іюля 1766 Архіерей и Архимандритъ Троицкой лавры; 10 окт. 1770 хиротонисанъ въ Архіепископы Тверскіе и оставленъ въ Лаврѣ; 21 янв. 1775 г. переведенъ Архіепископомъ въ Москву; 29 іюня 1787 г. Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ. Умеръ 11 ноября 1812 года. Изъ собранія Д. Ровинскаго.

116. Богословіе или правильное христіанское ученіе. Сочиненное для наслѣдниковъ Россійскаго престола іермонахомъ Платономъ. Санктпетербургъ, 1765 г.—Въ 4 д. л.

Это изданіе многократно въ Москвѣ было перепечатано церковнымъ и гражданскимъ шрифтомъ. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 2275, сказано: «книга рѣдкая». Цѣнится въ настоящее время любителями отъ 8 до 12 рублей, смотря по степени сохранности.

117. Божественная и истинная метафизика, или дивное и опытомъ пріобрѣтенное вѣдѣніе не видимыхъ и вѣчныхъ вещей, открытыя чрезъ Д. И. П.—3 части.—Въ 8 д. л., безъ означенія мѣста печати. Москва, 1787 года, часть 1-я VIII+547 стр., часть 2-я 639 стр., часть 3-я 640 стр. и три листа съ фигурами.

Появленіе въ печати этой рѣдчайшей книги Іоанна Пордече относится къ концу 1787, или къ началу 1788 года. Подлинникъ «Божественной метафизики» написанъ докторомъ Пордече на англійскомъ языкѣ во второй половинѣ XVII столѣтія. Русскій переводъ, сдѣланный съ нѣмецкаго—изданъ Московскими Мартинистами, у которыхъ эта книга имѣла важное значеніе: она напечатана въ тайной масонской типографіи въ числѣ 300 экземпляровъ, никогда не поступавшихъ въ продажу, изъ которыхъ большая часть была конфискована и уничтожена.

См. у Губерти—№110.—У Сопикова—№ 6211, сказано: «книга рѣдчайшая».

Хорошо сбереженные экземпляры цѣнятся любителями отъ 150 до 200 рублей, смотря по степени сохранности.

118. **Божественная философія въ отношеніи къ непреложнымъ истинамъ, открытая въ Троинственномъ Зерцалѣ вселенныя, человѣка и Священнаго Писанія. 6 частей. Москва. Университетская типографія. 1818, 1819 гг.—Въ 8 д. л.—I томъ 388, II т. 247, III т. 284, IV т. 239, V т. 311 и VI т. 256 стр.**

Предлагаемая здѣсь книга есть сочиненіе благочестиваго швейцарскаго писателя Дю-Туа. Она прежде издана была имъ въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «De l'origine, des nasages et des abus de la raison et de la foi» (о происхожденіи, употребленіи и злоупотребленіи разума и вѣры); потомъ дополнена многими примѣчаніями и съ присовокупленіемъ третьей части о предопредѣленіи, вышла въ свѣтъ въ 1795 году въ трехъ частяхъ подъ настоящимъ названіемъ «La philosophie Divine» («Божественная философія»).

Для любопытства, а паче для назиданія, весьма бы желательно было представить описаніе жизни сего благочестиваго и просвѣщеннаго мужа, но онъ жилъ въ столь глубокой и сокровенной тишинѣ, что весьма немного и немногимъ о немъ извѣстно. Слѣдующее письмо, писанное однимъ изъ друзей его, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія.

«Ты желаешь, любезный другъ, знать подробности жизни сочинителя книги La philosophie Divine». Тебѣ должно быть извѣстно болѣе нежели мнѣ, что величайшіе служители Божіи провождаютъ жизнь самую обыкновенную. Кто можетъ описать таинственную жизнь внутренняго человѣка? Она есть непрерывное жертвоприношеніе, непрерывный подвигъ любви, непрерывное пребываніе съ Вездѣсущимъ; но все сіе происходитъ во внутреннѣйшемъ, и, слѣдовательно, извѣстно Единому Богу. Я постараюсь сказать тебѣ, что могу.

«Съ четырнадцатилѣтняго возраста сердце его воспламенилось любовью къ Богу. Ревность его была безпредѣльна, дѣятельность превосходила всякую мѣру. Онъ сдѣлался Пасторомъ; сіе единое званіе свойственно было его рвенію. Тогда онъ подлинно былъ Серафимъ въ образѣ человѣка. Пользуясьсимъ стремленіемъ духа, возжигавшагося какъ сѣно отъ огня, врагъ простиралъ къ уловенію его многія сѣти, въ коихъ онъ едва не остался плѣннымъ: въ порывахъ, въ восторгахъ любви, онъ ввергался въ изступленія, кои могли навсегда лишить его всякой надежды, но Богъ, избравшій его великимъ свѣтильникомъ нашихъ временъ, открылъ ему заблаговременно его заблужденіе, и обратилъ въ пользу его то самое, чѣмъ врагъ мечталъ погубить его. И съ сего времени началась внутренняя его жизнь.

«Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ пораженъ былъ заблужденіями, которыя долженствовалъ проповѣдывать; сіе заставило его, не взирая на недостаточное состояніе, отказаться отъ своего прихода и удалиться въ Лозанну, дабы въ тишинѣ наслаждаться Богомъ.

«Онъ познакомился съ однимъ почтеннымъ семействомъ, которое никогда уже его не оставляло. Сіи благочестивые люди были вѣрными свидѣтелями и первыми воспитанниками сего мученика Духа Святаго. Провидѣніе, восхотѣвшее показать ему всю глубину ничтожества, осыпавъ его сначала благодатію, потомъ отъ него сокрылось: тогда-то адъ передъ нимъ разверзся. Онъ почиталъ себя столь невозвратно и вѣчно осужденнымъ, что однажды, схвативъ бритву, хотѣлъ лишить себя жизни. Въ ту самую минуту слышалъ онъ гласъ, къ нему возвавшій: «Суди, суди себя»! Бритва выпала изъ рукъ его, свѣтъ паки явился, и онъ въ полной мѣрѣ узрѣлъ ничтожество твари и величіе Бога. Съ сего времени свѣтъ озарилъ его, и свѣтъ сей былъ столь силенъ, что онъ не могъ сносить сего безмѣрнаго бремени, и для развлеченія нерѣдко долженъ былъ мѣшать карты. Онъ увѣрилъ насъ, что всѣ сочиненія, писанныя имъ до сего времени, были не что иное, какъ плодъ ума человѣческаго.

«Въ одно время, когда онъ прочелъ уже всѣ сочиненія древнихъ мистическихъ писателей, нѣкто изъ друзей его принесъ ему книжку сочиненія госпожи Гіонъ: «Le moyen court de faire l'oraison» («Краткое руководство къ молитвѣ»). Будучи пораженъ истиною и превосходствомъ заключавшагося въ сей книжкѣ ученія, онъ употребилъ всѣ средства къ собранію всѣхъ сочиненій сей несравненной жены. Послѣ многихъ трудовъ, наконецъ, онъ достигъ своей цѣли. Напитавъ душу свою сими сочиненіями, и возчувствовавъ, сколь много могутъ они споспѣшествовать ко славѣ Божіей и къ блаженству всякаго человѣка, искренно хотящаго обратиться къ Богу, онъ рѣшился при-

ступить къ новому ихъ изданію. Не скажу тебѣ какихъ стоило ему трудностей, сколько испыталъ онъ всякаго рода противностей, приводя въ исполненіе сіе предпріятіе, которое однакожъ, благодаря Бога, увѣнчано было благополучнымъ успѣхомъ.

«Онъ проводилъ около семи лѣтъ въ уединеніи, ни съ кѣмъ почти не видясь. Люди какъ бы совершенно его оставили. Въ послѣдніе годы жизни своей онъ столько преисполненъ былъ благодати и свѣта, что не могъ даже сносить ихъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ необходимую нужду сообщать другимъ то, что получалъ отъ Бога; но не находя ни въ комъ расположенія къ пріятію его драгоцѣннаго сокровища, и приближаясь къ концу дней своихъ, онъ видѣлъ себя принужденнымъ умереть безъ духовнаго покрова. Трудно понять всю великость сей неизъяснимой жертвы: — пламенѣть любовію Божіею, имѣть преизбытокъ благодати и свѣта, и быть лишеннымъ средствъ къ сообщенію оныхъ ближнему! Надобно умолкнуть. Ты можешь лучше сіе чувствовать, нежели я въ состояніи описать. Послѣ сей жертвы Богъ благоволилъ утѣшить его посланіемъ ему Исаака въ старости. Ему было около 64 лѣтъ, какъ явились къ нему два француза, которыхъ Богъ втайнѣ расположилъ быть избранными сосудами къ пріятію сего драгоцѣннаго дара. Онъ тогда вспомнилъ, что назадъ тому лѣтъ четырнадцать возвѣщено ему было, что два француза придутъ къ нему, дабы быть его первыми наслѣдниками; ибо у него было много духовныхъ дѣтей всякаго рода и степеней: одинъ во Франціи, другой въ Англіи и пр.

«Книга сего De l'origine et des abus de la Raison написана была по нѣкоторому тайному побужденію за два года передъ его смертію. Сіи два года провелъ онъ на крестѣ въ ужасныхъ мученіяхъ, среди которыхъ написалъ третью часть и всѣ примѣчанія. При новомъ изданіи сей книги онъ перемѣнилъ заглавіе, назвавъ ее: La philosophie Divine. Чрезвычайныя страданія привели его въ крайнюю слабость; но онъ всегда получалъ довольно силы, когда имѣлъ кому преподавать какія-либо наставленія; сколь же скоро переставалъ говорить то, что внушала ему истина, то опять впадалъ въ свою слабость. Онъ умеръ на крестѣ, окруженный нѣкоторыми изъ своихъ друзей. За два или за три дня до его смерти, когда я былъ у него съ нѣсколькими его друзьями, онъ намъ сказалъ: «Я имѣлъ нѣкоторое удовольствіе пить шоколадъ; зато я умру задохнувшись. Да будетъ воля Божія». Въ самомъ дѣлѣ, съ того самаго вечера онъ не могъ уже ничего глотать. Онъ сохранилъ присутствіе духа до конца, бесѣдуя о истинѣ съ одинакою силой до самой той минуты, когда умеръ. Наконецъ наступилъ его часъ, и онъ возведши очи къ небу и сказавъ громко: О любовь! преклонилъ главу и предалъ духъ.

«Вотъ нѣкоторыя разсѣянныя черты жизни сего великаго служителя Божія. Ты требовалъ отъ меня происшествій. Я повиновался, но еще повторяю, что все то, что о немъ извѣстно, совершенно есть ничто въ сравненіи съ внутреннею его жизнію. Кто можетъ исчислить всѣ жертвы, имъ принесенныя, изъяснить все величіе обѣтовъ его въ отношеніи къ Богу? Единъ Богъ.—О, если бы могъ я тебѣ описать все то, что сердце мое о немъ вѣдаетъ! Онъ сказалъ намъ предъ смертію: «Вѣра мнѣ уже не въ заслугу; все нынѣ ясно предъ очами моими; все, что мною написано, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я вижу; но тайна моя пребудетъ со мною».

Воздадимъ благодареніе Богу, и воспользуемся тѣмъ, что имѣемъ. 1796».

Въ семъ состоятъ всѣ свѣдѣнія, кои переводчикъ могъ получить о жизни сочинителя предлагаемой книги. Къ сему онъ можетъ присовокупить еще слѣдующіе два анекдота, слышанные имъ о семъ великомъ мужѣ. Да обратятся они къ прославленію имени Божія.

Нѣкоторая знатная особа изъ нашихъ соотечественницъ жила долго въ Лозаннѣ, гдѣ, какъ выше сказано, Дю-Туа имѣлъ также пребываніе. Онъ не былъ знакомъ съ нею: вѣроятно самый образъ жизни ея былъ къ тому препятствіемъ. Наконецъ она, послѣ долговременнаго страданія въ мучительной болѣзни, скончалась, и тѣло ея, прежде нежели землѣ было предано, вынесено было въ церковь. Дю-Туа возымѣлъ непреодолимое желаніе увидѣть усопшую. По настоятельной просьбѣ его, открытъ былъ гробъ ея. При воззрѣніи на бездыханное тѣло, сердце его возрыдало о томъ состояніи, въ какомъ находилась душа, отъ него отлучившаяся: онъ какъ бы перенесся въ ея обитель скорби и весь проникнутъ былъ ея горестію. Подвигнутый силою ревности о славѣ Божіей и пла-

менной любви къ ближнему, онъ возчувствовалъ въ себѣ могущественное влеченіе молиться о спасеніи души преставившейся. Въ восторгѣ сей любви, не для всѣхъ, конечно, возможной и понятной, онъ предоставилъ себя за нее жертвою, возжелалъ возвергнуть на себя грѣхи, и удовлетворить за нее Божіему правосудію. И рука Вышняго на немъ отяготѣла. Милосердіе отступило отъ него: онъ вверженъ былъ въ сѣнь смертную, въ болѣзни адовы. Неизобразимое страданіе его продолжалось три дня. Исчезая отъ гнѣва Божія онъ воззвалъ къ Богу живому, къ Богу милосердія, и изведенъ былъ изъ пещи горящей, съ утѣшительнымъ удостовѣреніемъ, что страдавшая душа вкусила отъ сладости райскія.

Среди ужасовъ французской революціи, въ совѣтѣ буйства и злобы, предназначена была гибель его родинѣ, и войско уже шло на расхищеніе оной. Мѣстная власть не могла противупоставить никакой преграды сему бурному потоку; все должно было погибнуть отъ огня и меча. Дю-Туа обратился къ Тому, безъ Коего всуе трудятся стрегущіе грады: онъ просилъ Бога сохранить родину его отъ враговъ. Не отступлю отъ Тебя, Боже мой, говорилъ онъ, доколѣ не услышу отъ Тебя обѣтованія сего. И Богъ внялъ его молитвѣ. Отрядъ войска, дошедши до самыхъ предѣловъ его родины, безъ всякой особенной причины и безъ всякаго вышняго повелѣнія, по одному произволу начальника своего, обратился назадъ, и родина его во все время революціи, среди огня, пылавшаго окрестъ, пребыла неприкосновенною и невредимою. Аще вѣру имате, рѣчете горѣ: двигнись и двигнется.

Свѣтъ, во тьмѣ свѣтящійся и тьмою необъемлемый, насыщающій всякое сердце, алчущее истины, да отверзетъ всякому, кто читать будетъ книгу сію, умъ разумѣти писаніе!

119. Божіею милостію мы, Александръ Первый, Императоръ и самодержецъ всероссійскій и проч., и проч., и проч. объявляемъ всенародное извѣстіе: о вступленіи непріятеля въ предѣлы нашего отечества, 1812 года. Напечатанъ въ Санктпетербургѣ, при Сенатѣ, ноября 3 дня 1812 года.—Въ листъ.

Этотъ манифестъ Императора Александра перваго составляетъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость.

Въ виду чего считаю не лишнимъ привести его здѣсь полностію изъ слова въ слово.

Всему свѣту извѣстно, какимъ образомъ непріятель вступилъ въ предѣлы НАШЕЙ Имперіи. Никакія непріемлемыя НАМИ мѣры къ точному соблюденію мирныхъ съ нимъ постановленій, ниже прилагаемое во всякое время стараніе всевозможнымъ образомъ избѣгать отъ кровопролитной и разорительной войны не могли остановить его упорнаго и ничѣмъ непреклоннаго намѣренія. Съ мирными въ устахъ обѣщаніями не переставалъ онъ помышлять о брани. Наконецъ, приготовя сильное воинство и пріумножа оное Австрійскими, Прусскими, Саксонскими, Баварскими, Виртембергскими, Вестфальскими, Италіянскими, Гишпанскими, Португальскими и Польскими полками, угрозами и страхомъ приневоленными, со всѣми сими многочисленными силами и множествомъ орудій двинулся онъ внутрь земли НАШЕЙ. Убійства, пожары и опустошенія слѣдовали по стопамъ его. Разграбленныя имущества, сожженные города и селы, пылающая Москва, подорванный Кремль, поруганные храмы и олтари Господни, словомъ, всѣ неслыханныя доселѣ неистовства и лютости, открыли напослѣдокъ то самое въ дѣлахъ, что въ глубинѣ мыслей его долгое время таилось. Могущественное, изобильное и благополучное Царство Россійское рождало всегда въ сердцѣ врага страхъ и зависть. Обладаніе цѣлымъ свѣтомъ не могло его успокоить, доколѣ Россія будетъ процвѣтать и благоденствовать. Исполненъ сею боязнію и глубокою ненавистію къ ней, вращалъ, изобрѣталъ, устроилъ онъ въ умѣ своемъ всѣ коварныя средства, которыми бы могъ нанести силамъ ея страшный ударъ, богатству ея всеконечное разореніе, изобилію ея повсемѣстное опустошеніе. Даже хитрыми и ложными обольщеніями, мнилъ потрясть вѣрность къ Престолу, поруганіемъ-же Святыни и храмовъ Божіихъ поколебать вѣру, и нравы народные заразить буйствомъ и злочестіемъ. На сихъ надеждахъ основалъ онъ пагубные свои замыслы, и съ ними, на подобіе тлетворной и смертоносной бури, понесся въ грудь Россіи. Весь свѣтъ обратилъ глаза на страждущее НАШЕ Отечество, и съ унылымъ духомъ чаялъ въ заревахъ Москвы видѣть послѣдній день свободы своей и независимости. Но великъ и силенъ Богъ правды! не долго продолжалось

торжество врага. Вскорѣ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ храбрыми НАШИМИ войсками и ополченіями, почувствовалъ онъ, что далеко дерзкія стопы свои простеръ и что ни грозными силами своими, ни хитрыми соблазнами, ни ужасами злодѣйствъ, мужественныхъ и вѣрныхъ Россіянъ устрашить, и отъ погибели своей избавиться не можетъ. Послѣ всѣхъ тщетныхъ покушеній, видя многочисленныя войска свои повсюду побитыя и сокрушенныя, съ малыми остатками оныхъ ищетъ личнаго спасенія своего въ быстротѣ стопъ своихъ: бѣжитъ отъ Москвы съ такимъ уничиженіемъ и страхомъ, съ какимъ тщеславіемъ и гордостію приближался къ ней. Бѣжитъ, оставляя пушки, бросая обозы, подрывая снаряды свои, и предавая въ жертву все то, что за скорыми пятами его послѣдовать не успѣваетъ. Тысячи бѣгущихъ ежедневно валятся и погибаютъ. Тако праведный гнѣвъ Божій караетъ поругателей Святыни Его! Внимая съ отеческимъ чадолюбіемъ и радостнымъ сердцемъ симъ великимъ и знаменитымъ подвигамъ любезныхъ НАШИХЪ вѣрноподданныхъ въ началѣ приносимъ МЫ теплое и усердное благодареніе Источнику и Подателю всѣхъ отрадъ Всемогущему Богу. Потомъ торжественно отъ лица всего Отечества изъявляемъ признательность и благодарность НАШУ всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ, яко истиннымъ сынамъ Россіи. Всеобщимъ ихъ рвеніемъ и усердіемъ доведены непріятельскія силы до крайняго истощенія, и главною частію или истреблены или въ полонъ взяты. Всѣ единодушно въ томъ содѣйствовали. Храбрыя войска НАШИ вездѣ поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего къ умноженію Государственныхъ силъ. Почетное купечество ознаменовало себя всякаго рода пожертвованіями. Вѣрный народъ, мѣщанство и крестьяне, показали такіе опыты вѣрности и любви къ Отечеству, какіе одному только Русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно въ ополченія, въ самомъ скоромъ времени собранныя, явили въ себѣ мужество и крѣпость пріученныхъ къ бранямъ воиновъ. Твердая грудь ихъ и смѣлая рука съ такою же неустрашимостью расторгала полки непріятелей, съ какою, за нѣсколько предъ тѣмъ недѣль, раздирала плугомъ поля. Таковыми наипаче оказали себя подъ Полоцкомъ и въ другихъ мѣстахъ Санктпетербургскія и Новгородскія дружины, отправленныя въ подкрѣпленіе войскъ, ввѣренныхъ Графу Витгенштейну. Сверхъ того изъ донесеній Главнокомандующаго и другихъ Генераловъ съ сердечнымъ удовольствіемъ видѣли МЫ, что во многихъ Губерніяхъ, а особливо въ Московской и Калужской, поселяне сами собою ополчались, избирали изъ себя предводителей, и не только никакими прельщеніями враговъ не были уловлены, но съ мученическою твердостію претерпѣвали всѣ наносимые имъ удары. Часто приставали къ посылаемымъ отрядамъ НАШИМЪ и помогали имъ дѣлать поиски и нападенія. Многія селенія скрывали въ лѣсѣ семейства свои и малолѣтнихъ дѣтей, а сами, вооружась и поклявшись предъ Святымъ Евангеліемъ не выдавать другъ друга, съ невѣроятнымъ мужествомъ оборонялись и нападали на появляющагося непріятеля, такъ что многія тысячи онаго истравлены и взяты въ плѣнъ крестьянами, и даже руками женщинъ, будучи жизнію своею обязаны человѣколюбію тѣхъ, которыхъ они приходили жечь и грабить. Толь великій духъ и непоколебимая твердость народа приносятъ ему незабвенную славу, достойную сохраниться въ памяти потомковъ. При таковыхъ доблестяхъ его, МЫ вмѣстѣ съ православною Церковію и Святѣйшимъ Синодомъ и Духовенствомъ, призывая на помощь Бога, несомнѣнно надѣемся, что естьли неукротимый врагъ НАШЪ и поругатель Святыни не погибнетъ совершенно отъ руки Россіи, то по крайней мѣрѣ по глубокимъ ранамъ и текущей крови своей почувствуетъ силу ея и могущество. Между тѣмъ почитаемъ за долгъ и обязанность симъ НАШИМЪ всенароднымъ объявленіемъ изъявить предъ цѣлымъ Свѣтомъ благодарность НАШУ, и отдать должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу Россійскому. Данъ въ Санктпетербургѣ въ 3-й день мѣсяца Ноября, въ лѣто отъ Рождества Христова 1812, Царствованія же НАШЕГО во второенадесять.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано тако *Александръ.*	**М. П.**	Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Ноября дня 1812 г.

120 Божіею милостію мы, Александръ Первый, Императоръ и самодержецъ всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая. — Печатанъ въ С.-Петербургѣ, въ

Правительствующемъ Сенатѣ, Іюня 10 дня 1814 года.

Императоръ Александръ I.

Съ портрета, приложеннаго къ „Русской Старинѣ", грав. Сѣрякова.

По чрезвычайной рѣдкости этого манифеста, считаю не лишнимъ привести здѣсь его содержаніе полностію.

Объявляемъ всенародно:

Буря брани, врагомъ общаго спокойствія, врагомъ Россіи непримиримымъ подъятая, недавно свирѣпствовавшая въ сердцѣ Отечества НАШЕГО, нынѣ въ страну непріятелей перенесшаяся, на ней отяготилась.—Исполнилась мѣра терпѣнія Бога, защитника правыхъ!—Всемогущій ополчилъ Россію, да ею возвратитъ свободу народамъ и Царствамъ, да воздвигнетъ падшія!—Тысяча восемьсотъ двенадцатый годъ, тяжкой ранами, пріятый въ грудь Отечества НАШЕГО для низложенія коварныхъ замысловъ властолюбиваго врага, вознесъ Россію на верхъ славы, явилъ предъ лицемъ вселенныя въ величіи ея, положилъ основаніе свободы народовъ.—Съ прискорбіемъ души и истощивъ всѣ средства къ отвращенію беззаконной войны, прибѣгли МЫ къ средствамъ силы. Горестная необходимость извлекла мечь НАШЪ. Достоинство народа, Промысломъ Всевышняго попеченію НАШЕМУ ввѣреннаго, воспретило опустить его во влагалище, доколѣ непріятель на землѣ НАШЕЙ.—Торжественно дали МЫ сіе обѣщаніе. Дали его не обольщенные блескомъ славы, не упоенные властолюбіемъ, не во времена щастія.—Съ сердцемъ чистымъ изліявъ у Олтаря Предвѣчнаго моленія НАШИ, въ твердомъ уповании на правосудіе Его, исполнены чувствъ правоты НАШЕЙ, призвали Его на помощь!—МЫ предпріяли дѣло великое.

Во благости Божіей снискали конецъ его.— Единодушіе любезныхъ НАМЪ вѣрноподданныхъ, извѣстная любовь ихъ къ Отечеству, утвердила надежды НАШИ. Россійское дворянство, сильная подпора Престола, на коей всегда возлежало величіе его; служители Олтарей Всесильнаго Бога, ихъ же благочестіемъ утверждаемся на пути вѣры; знаменитое заслугами Купечество и Граждане не щадили никакихъ пожертвованій. Кроткій поселянинъ, не знакомый дотолѣ со звукомъ оружія, оружіемъ защищалъ вѣру, Отечество и Государя. Жизнь казалась ему малою жертвою. Чувство рабства незнаемо сердцу Россіянина. Никогда не преклонялъ онъ главы предъ властію чуждою.—Дерзалъ ли кто налагать иго? Не коснѣло наказаніе!—Вносилъ ли кто оружіе въ Отечество его?—Указуетъ онъ гробы ихъ!—Тако возноситъ Богъ уповающаго на Него!—Враги побѣгли отъ лица НАШЕГО. Не многіе остались, да возвѣстятъ о гибели.—Тако гордаго наказуетъ Богъ!—Новыя между тѣмъ пріуготовлялись враговъ ополченія.—Еще противоборствовавшіе Россіи народы поставляли безопасность свою въ соединеніи силъ.—Дабы оградить Отечество отъ вторженія непріятелей, надлежало выности войну внѣ предѣловъ его, и побѣдоносныя воинства НАШИ явились на Вислѣ.—Насталъ тысяча восемьсотъ тринадцатый годъ! Народы склонили слухъ свой ко внушенію истины. Утомленная бѣдствіями бодрость воспрянула. Души ихъ слились во единую. Ополченія составили единое ополченіе.— Противящіеся покорены оружіемъ. Быстрое прехожденіе отъ торжества къ торжеству, привело на берега Рейна. Непріятель пребылъ непреклоннымъ къ миру. Но едва прошелъ годъ, узрѣлъ онъ насъ при вратахъ Парижа!—Французской народъ, никогда не возбуждавшій въ насъ чувствъ враждебныхъ, удержалъ громъ нашъ, готовый низринуться. Франція открыла глаза на окружающую ее бездну, расторгла узы обольщенія, устыдилась быть орудіемъ властолюбца. Гласъ Отечества пробудился въ душѣ народа. Возникъ новый вещей порядокъ: призванъ на Престолъ законный Государь.—Фран-

ція возжелала мира. Ей дарованъ онъ великодушный и прочный.—Миръ сей, залогъ частной каждаго народа безопасности, всеобщаго и продолжительнаго спокойствія, ограждающій независимость, утверждающій свободу, обѣщаетъ благоденствіе Европы, пріуготовляетъ возмездія достойныя понесенныхъ трудовъ, преодолѣнныхъ опасностей.—Всемогущій положилъ предѣлъ бѣдствіямъ. Прославилъ любезное НАМЪ Отечество въ роды родовъ. Воздалъ НАМЪ по сердцу и желаніямъ.—МЫ, благоговѣя предъ Господомъ, Подателемъ всѣхъ благъ, возсылая благодарственное моленіе изъ глубины души НАШЕЙ, Повелѣваемъ: да во всемъ пространствѣ ИМПЕРІИ НАШЕЙ принесется торжественное молебствіе милосердному Богу.—Увѣрены МЫ, что Россія падетъ на колѣна и пролієтъ слезы радости у Престола Всещедраго.

Данъ въ Парижѣ Маія въ осьмыйнадесять день, лѣта отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ четырнадцатаго; Царствованія же НАШЕГО въ четырнадцатое.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако

Александръ.

Печатано въ С-Петербургѣ въ Правительствующемъ Сенатѣ Іюня 10 дня 1814 года.

Императоръ Александръ вторый.

Съ портрета, приложеннаго къ „Русской Старинѣ". Грав. Ѳ. Мѣркинъ 1885 г.

121. Божіею милостію Мы, Александръ вторый, Императоръ и Самодержецъ всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ, при Правительствующемъ Сенатѣ.

По чрезвычайной рѣдкости этого манифеста, считаю не лишнимъ привести его здѣсь полностію изъ слова въ слово.

Божіею милостію

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію МЫ положили въ сердцѣ СВОЕМЪ обѣтъ обнимать НАШЕЮ Царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ НАШИХЪ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу Государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, МЫ усмотрѣли, что Государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частію старыми законами, частію обычаемъ, потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроить ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней, правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ от-

ношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ и неблагопріятному для ихъ благосостоянія; чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ.

Усматривали сіе и присноnамятные Предшественники НАШИ и принимали мѣры къ измѣненію на лучшее положеніе крестьянъ, но это были мѣры, частію нерѣшительныя, предложенныя добровольному, свободолюбивому дѣйствованію помѣщиковъ, частію рѣшительныя, только для нѣкоторыхъ мѣстностей, по требованію особенныхъ обстоятельствъ, или въ видѣ опыта. Такъ, ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I издалъ постановленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и въ Бозѣ почившій Родитель НАШЪ НИКОЛАЙ I—постановленіе объ обязанныхъ крестьянахъ. Въ губерніяхъ западныхъ инвентарными правилами опредѣлены надѣленіе крестьянъ землею и ихъ повинности. Но постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ МЫ убѣдились, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее есть для НАСЪ завѣщаніе Предшественниковъ НАШИХЪ и жребій, чрезъ теченіе событій поданный НАМЪ рукою Провидѣнія.

МЫ начали сіе дѣло актомъ НАШЕГО довѣрія къ Россійскому Дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу Отечества. Самому Дворянству предоставили МЫ, по собственному вызову его, составить предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, при чемъ Дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ и подъять трудности преобразованія, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе НАШЕ оправдалось. Въ Губернскихъ Комитетахъ, въ лицѣ членовъ ихъ, облеченныхъ довѣріемъ всего Дворянскаго Общества каждой губерніи, Дворянство добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей. Въ сихъ Комитетахъ, по собраніи потребныхъ свѣдѣній, составлены предположенія о новомъ устройствѣ быта находящихся въ крѣпостномъ состояніи людей, и о ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Сіи предположенія, оказавшіяся, какъ и можно было ожидать по свойству дѣла, разнообразными, сличены, соглашены, сведены въ правильный составъ, исправлены и дополнены въ Главномъ по сему дѣлу Комитетѣ; и составленныя такимъ образомъ новыя положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ.

Призвавъ Бога въ помощь, МЫ рѣшились дать сему дѣлу исполнительное движеніе.

Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя права собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость, и сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ Правительствомъ, опредѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ положеніяхъ повинности. Въ семъ состояніи, которое есть переходное, крестьяне именуются временно-обязанными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость, а съ согласія помѣщиковъ они могутъ пріобрѣтать въ собственность полевыя земли и другія угодія, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состояніе свободныхъ крестьянъ — собственниковъ.

Особымъ положеніемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состояніе, приспособленное къ ихъ занятіямъ и потребностямъ; по истеченіи двухлѣтняго срока отъ дня изданія сего положенія, они получатъ полное освобожденіе и срочныя льготы.

На сихъ главныхъ началахъ составленными положеніями опредѣляется будущее устройство крестьянъ и дворовыхъ людей, установляется порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія, и указываются подробно даруемыя крестьянамъ и дворовымъ людямъ права и возлагаемыя на нихъ обя-

занности въ отношеніи къ Правительству и къ помѣщикамъ.

Хотя же сіи положенія, общія, мѣстныя, и особыя дополнительныя правила для нѣкоторыхъ особыхъ мѣстностей, для имѣній мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и для крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, по возможности приспособлены къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ и обычаямъ: впрочемъ, дабы сохранить обычный порядокъ, тамъ, гдѣ онъ представляетъ обоюдныя выгоды, МЫ предоставляемъ помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами добровольныя соглашенія и заключать условія о размѣрѣ поземельнаго надѣла крестьянъ и о слѣдующихъ за оный повинностяхъ, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для огражденія ненарушимости таковыхъ договоровъ.

Какъ новое устройство, по неизбѣжной многосложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуется для сего время, примѣрно не менѣе двухъ лѣтъ; то въ теченіе сего времени, въ отвращеніи замѣшательства, и для соблюденія общественной и частной пользы, существующій донынѣ и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ дотолѣ, когда по совершеніи надлежащихъ приготовленій, открыть будетъ новый порядокъ.

Для правильнаго достиженія сего, МЫ признали за благо повелѣть:

1) Открыть въ каждой губерніи Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которому ввѣряется высшее завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ обществъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

2) Для разсмотрѣнія на мѣстахъ недоразумѣній и споровъ, могущихъ возникнуть при исполненіи новыхъ положеній, назначить въ уѣздахъ Мировыхъ Посредниковъ, и образовать изъ нихъ Уѣздные Мировые Съѣзды.

3) Затѣмъ образовать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мірскія управленія, для чего, оставляя сельскія общества въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открыть въ значительныхъ селеніяхъ волостныя управленія, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно волостное управленіе.

4) Составить, провѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу или имѣнію уставную грамоту, въ которой будетъ исчислено, на основаніи мѣстнаго положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.

5) Сіи уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ утвержденія ихъ для каждаго имѣнія, а окончательно по всѣмъ имѣніямъ ввести въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, со дня изданія настоящаго Манифеста.

6) До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ, и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

7) Помѣщикамъ сохранить наблюденіе за порядкомъ въ ихъ имѣніяхъ, съ правомъ суда и расправы, впредь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ.

Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предпріемлемаго преобразованія, МЫ первѣе всего возлагаемъ упованіе не всеблагое Провидѣніе Божіе, покровительствующее Россіи.

За симъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность Благороднаго Дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ НАСЪ и отъ всего Отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію НАШИХЪ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостнаго права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальнѣйше тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства; и что каждый владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ бытъ водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію Государственныхъ постановленій.

Имѣющіеся въ виду примѣры щедрой попечительности владѣльцевъ своихъ крестьянъ и признательности крестьянъ къ благодѣтельной попечительности владѣльцевъ утверждаютъ НАШУ надежду, что взаимными добровольными соглашеніями

разрѣшится большая часть затрудненій, неизбѣжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненія общихъ правилъ къ разнообразнымъ обстоятельствамъ отдѣльныхъ имѣній, и что симъ способомъ облегчится переходъ отъ стараго порядка къ новому и на будущее время упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ.

Для удобнѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе тѣхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами, по которымъ сіи будутъ пріобрѣтать собственность, вмѣстѣ съ усадьбами и полевыя угодья, отъ Правительства будутъ оказаны пособія, на основаніи особыхъ правилъ, выдачею ссудъ и переводомъ лежащихъ на имѣніяхъ долговъ.

Полагаемся на здравый смыслъ НАШЕГО народа.

Когда мысль Правительства о упраздненіи крѣпостнаго права распространилась между неприготовленными къ ней крестьянами, возникли было частныя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи, что и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей и по закону христіанскому, всякая душа должна повиноваться властямъ предержащимъ (Рим. XIII, 1), воздавать всѣмъ должное, и въ особенности кому должно, урокъ, дань, страхъ, честь (7); что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе отвѣтственной повинности.

И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностію примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное Благороднымъ Дворянствомъ для улучшенія ихъ быта.

Они вразумятся, что получая для себя болѣе твердое основаніе собственности, и большую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они становятся обязанными предъ обществомъ и предъ собою, благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона. Довольство пріобрѣтается и увеличивается не иначе какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостію, и вообще честною въ страхѣ Божіемъ жизнью.

Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребятъ бдительное попеченіе, чтобы сіе совершалось правильнымъ, спокойнымъ движеніемъ, съ наблюденіемъ удобности временъ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ, пріобрѣтенной въ собственность.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ НАМИ Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствованія же НАШЕГО въ седьмое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«*Александръ*».

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Правительствующемъ Сенатѣ.

122. Божіею милостію Мы, Екатерина вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая и прочая и прочая.— Печатанъ въ Санктпетербургѣ, при Сенатѣ. Марта 24 дня, 1766 года.—Въ листъ 7 стр.

Манифестъ, объявленный всенародно объ убійствѣ, учиненномъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка каптенармусомъ Алексѣемъ Жуковымъ и женою его Варварою Николаевою матери и родной своей сестры.

Означенный манифестъ напечатанъ въ полномъ собраніи законовъ.

123. Божіею милостію Мы, Елисавета, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая и прочая и прочая.—Печатанъ въ Санктпетербургѣ, при Сенатѣ, Марта 19 дня 1737 года.—Въ листъ.

Указъ объ учрежденіи новой серебряной монеты для хожденія въ Лифляндіи и Эстляндіи,—съ приложеніемъ таблицы расчисленія, по которому «хожденіе, имѣющее въ Лифляндіи и Эстляндіи иностранныя серебряныя монеты во всякія подати и платежи въ казну нашу принимать».—Затѣмъ слѣдуетъ званіе и описаніе монетъ.—Этотъ рѣдкій указъ напечатанъ на одномъ продолговатомъ листѣ въ двѣ колонны.

124. Божіею милостію Мы, Елисавета первая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая и прочая... объявляемъ во всенародное извѣстіе.

Манифестъ съ объявленіемъ о преступленіяхъ бывшаго великаго канцлера Бестужева-Рюмина, и о взысканіи съ него должныхъ имъ въ казну большихъ денежныхъ суммъ, затѣмъ повелѣвается сослать его въ собственныя его деревни, и тамъ жить ему подъ карауломъ, «дабы, сказано далѣе, другихъ охранить отъ уловленія мерзкими ухищреніями, сего, въ томъ состарившагося, злодѣя». Манифестъ былъ написанъ однимъ изъ приближенныхъ великаго канцлера, Волковымъ, исполнявшимъ должность секретаря при слѣдователяхъ по дѣлу Бестужева, которыми были: фельдмаршалъ Бутурлинъ, генералъ-прокуроръ кн. Трубецкой и генералъ гр. А. Шуваловъ. Манифестъ подписанъ императрицею 5-го апрѣля, слѣдовательно наканунѣ его обнародованія. Напечатанъ на оборотѣ одного листа, внизу выходъ: напечатанъ въ Санктпетербургѣ, при Сенатѣ, апрѣля 6-го дня, 1759 года.

Означенный выше манифестъ въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость.

125. Божіею милостію Мы, Петръ третій... Указъ объ управленіи монастырскими имѣніями и положеніе о ихъ доходахъ.

Печатанъ въ С.-Петербургѣ при Сенатѣ 1762 года.—Въ листъ, 14 стр.

Этотъ указъ возбудилъ противъ Петра III негодованіе духовенства, уже недовольнаго Императоромъ за терпимость и защиту раскольниковъ. Означенный указъ составляетъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость. См. у Н. В. Губерти описаніе книгъ, ч. 1, № 112. Означенный указъ цѣнится любителями весьма дорого: отъ 10 до 12 рублей.

126. Божіею милостію Мы, Петръ третій и пр. и пр. Указъ о гражданской свободѣ русскаго дворянства. Печатанъ въ С.-Петербургѣ при Сенатѣ, февраля 20 дня, 1762 года, на одномъ продолговатомъ склеенномъ листѣ въ двѣ колонны.

Этотъ рѣдкій указъ Императора Петра III въ настоящее время составляетъ большую библіографическую рѣдкость; этотъ указъ печатанъ на одномъ продолговатомъ склеенномъ листѣ въ двѣ колонны. См. описаніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ Н. В. Губерти, часть 1-я за № 111; хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 10 до 15 рублей.

127. Божіею милостію Мы, Екатерина вторая и пр. и пр.

Манифестъ о восшествіи на престолъ. С.-Петербургъ, 1762 года.—Въ л. 6 стр.

Этотъ замѣчательный манифестъ Императрицы Екатерины, со включеніемъ въ него отреченія Императора Петра III, впослѣдствіи уничтоженный именнымъ указомъ Императора Павла 26 января 1797 года. Вышеозначенный манифестъ составляетъ теперь библіографическую рѣдкость и цѣнится любителями отъ 5 до 10 рублей.

128. Божіею милостію Мы, Екатерина вторая... объявляемъ во всенародное извѣстіе. Печатано въ Москвѣ при Сенатѣ. Апрѣля 19 дня 1775 год.—Въ 4 д. л., 4 неп. стр.

Означенный указъ представляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость; указъ Императрицы Екатерины второй о упряжныхъ лошадяхъ, экипажахъ и ливреяхъ, изданный для обузданія роскоши въ дворянскомъ сословіи и въ предохраненіе дворянскихъ фамилій отъ разоренія, которому причиною немѣрное мотовство. Объ этомъ указѣ сказано: у Губерти въ 1 ч. за № 200: «рѣдка» и въ настоящее время означенный указъ цѣнится отъ 8 до 10 рублей.

129. Боссюэта (Iакова Бенинга, епископа города Лiо) разговоръ о всеобщей исторiи; перевелъ съ французскаго капитанъ Василiй Наумовъ. 3 части; Москва, 1761 года.—Въ 4 д. л.

Первое изданiе сей замѣчательной книги весьма рѣдко и совсѣмъ не находимо въ книжной торговлѣ. У Сопикова сказано: «книга рѣдкая» и хорошо сохранившiеся экземпляры цѣнятся отъ 5 до 8 рублей.

130. Больной философъ или похвала четверодневной лихорадкѣ, переводъ съ французскаго языка Н. Голенищева-Кутузова. Въ Ярославлѣ. Печатано съ указнаго дозволенiя, 1785 года.—12⁰. 36 нум. стр. (счетъ съ заглавнаго листа).

Французскiй подлинникъ: «Floge de la fièvre quatre par G. Ménape», изданъ вмѣстѣ съ другимъ сочиненiемъ: «Floge de la goutte par E. Coulet. Zeyde, 1728, 2 tom. en 1 vol. 12⁰».

Означенное сочиненiе Н. Голенищева-Кутузова долго пользовалось большимъ успѣхомъ и въ настоящее время сдѣлалось рѣдкостью.

131. Бояринъ Орша. Опера въ 5-ти дѣйствiяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ поэмы М. Ю. Лермонтова. Переложенiе для пѣнiя съ фортепiано Н. С. Кротковымъ. Москва. Литографiя А. Клименкова.—Въ 4 д. л., 321 стр.

Это весьма любопытное изданiе отпечатано въ количествѣ 20 экземпл. и притомъ не для продажи.

132. Боярышня Несмѣяна. Сказка, разсказанная Иваномъ Ваненко. — «Безъ разсужденья не твори осужденья».—Русская пословица.—Москва, въ типографiи Александра Семена. 1854 года.—Въ 12 д. л., 104 стр.

На заглавномъ листѣ эпиграфъ — «Безъ разсужденья не твори осужденья». Русская пословица.—Книга посвящена—«Братцамъ-товарищамъ и прочему люду русскому». Посвященiе это мы приводимъ здѣсь полностiю.

— «Братцы-товарищи! — давно я съ вами не гуторилъ: — первая то наша бесѣда была назадъ тому почитай двадцать лѣтъ. Эхъ! много въ такое время воды утечетъ!.. Вотъ и я постарѣлъ и вы стали не таковы уже, иль какъ по нѣмецкому сказать—не такъ вы глядите: у иного волосы побѣлѣли, а у иного и хуже того: и бѣлымъ бы радъ, да нѣтути—лѣзутъ съ головы, что весною шерсть съ мерина соврасаго; иной сморщился, иной сгорбился; иной съ нами распростился, въ дальнiй путь пустился; иной оженился, остепенился, забота взяла, читать неколи; иной просто облѣнился: и деньги есть, и книги есть, и заботы нѣтъ никакой, — да читать не хочется. А иной... ой! ой!.. отправился въ ту сторону,—гдѣ ни денегъ не надо, ни книгъ не требуется; туда, гдѣ забота забыта, неспокою покой, гдѣ всякiй свой; гдѣ каждому будетъ весело, прiятно, радостно,—если онъ, живучи здѣсь, между нами, поступалъ по правдѣ, какъ слѣдуетъ...

Уже вотъ какъ я и сказки дяди Пахома, старичка, переписывалъ для васъ, лѣтъ десять слишкомъ прошло... Вѣдь тоже, сознайтесь, пора немалая...

Такъ вотъ теперь, сидя отъ неча-дѣлать, дома,—отъ старости, перебираю себѣ на умѣ: все ли, молъ, пересказано, что я отъ дяди Пахома слыхалъ; — и вспомянулась мнѣ еще его одна сказка, али розсказня, которую я было совсѣмъ запамятовалъ.—Вы прочли тѣ сказки прежнiя, братцы-товарищи, такъ не обѣгайте и этой: она невелика; къ тому же это дяди Пахома чуть ли сказка не послѣдняя...

Помню, вотъ какъ дядя Пахомъ началъ ее и разсказывать...

133. Боярская дума древней Руси. Сочиненiе В. Ключевскаго. Москва, 1883 г.—Въ 8 д. л., 524 + VI стр.

Драгоцѣнный памятникъ, дающiй богатѣйшiй матерiалъ для изслѣдованiя отношенiй думы къ верховной власти и о дѣятельности древней боярской думы.

Это, весьма обстоятельное изслѣдованiе, доставившее автору почетную извѣстность въ ученомъ мiрѣ, отличается не только богатствомъ собраннаго матерiала, но и строго научнымъ характеромъ и послѣдовательностiю яснаго и толковаго изложенiя.

Это рѣдкое изданiе куплено мною за 15 руб. Въ началѣ книги слѣдуетъ вступленiе, гдѣ авторъ говоритъ, что въ судьбѣ учрежденiя, исторiя котораго послужила предметомъ предлагаемаго опыта, изучающiй встрѣчаетъ много неяснаго, много неразрѣшимыхъ пока вопросовъ; но и въ томъ, что

Ключевскій, Василій Осиповичъ.

Ординарный профессоръ Московской духовной Академіи и Московскаго университета — извѣстный историкъ.

Съ фотогр. М. Волкова въ Москвѣ.

доступно изученію, въ чемъ можно отдать полный историческій отчетъ, остается много любопытнаго, возбуждающаго живѣйшій научный интересъ. Этимъ, съ одной стороны, объясняются недостатки предлагаемаго изслѣдованія, съ другой, оправдывается рѣшимость автора предпринять его, не взирая на встрѣчаемыя изслѣдователемъ затрудненія.

Съ X и до XVIII в. боярская дума стояла во главѣ древнерусской администраціи, была маховымъ колесомъ, приводившимъ въ движеніе весь правительственный механизмъ; она же большею частью и создавала этотъ механизмъ, законодательствовала, регулировала всѣ отношенія, давала отвѣты на вопросы, обращенные къ правительству. Въ періодъ наиболѣе напряженной своей дѣятельности, съ половины XV и до конца XVII в., это учрежденіе было творцомъ сложнаго и во многихъ отношеніяхъ величественнаго государственнаго порядка, установившагося на огромномъ пространствѣ московской Руси, того порядка, который только и сдѣлалъ возможными смѣлыя внѣшнія и внутреннія предпріятія Петра, далъ необходимыя для того средства, людей и самыя идеи: даже идеи Петра, по крайней мѣрѣ основныя, наиболѣе плодотворныя изъ нихъ, выросли изъ московскаго государственнаго порядка и достались Петру по наслѣдству отъ предшественниковъ вмѣстѣ съ выдержаннымъ, удивительно дисциплинированнымъ политически обществомъ, руками и средствами котораго пользовался преобразователь.

Но эта правительственная пружина, все приводившая въ движеніе, сама оставалась невидимкой для тѣхъ, кто двигался по ея указаніямъ. Боярская дума рѣдко становилась, при московскихъ государяхъ не становилась никогда прямо передъ обществомъ, которымъ она управляла: ее закрывали отъ этого общества, съ одной стороны, ея верховный предсѣдатель, князь-государь, съ другой, ея докладчикъ и протоколистъ, дьякъ. Общество видѣло и слушало князя, мало зная его совѣтниковъ; къ нему обращалось оно съ своими запросами, его именемъ и авторитетомъ покрывались законодательные отвѣты, внушенные его совѣтниками; приговоры думы, законы доходили до управляемыхъ, какъ ихъ формулировалъ думный дьякъ и какъ подчиненное думѣ вѣдомство прилагало ихъ къ частнымъ лицамъ или къ отдѣльнымъ случаямъ. Отсюда трудность уловить правительственную дѣятельность думы. По существу своему она была законодательнымъ учрежденіемъ, устанавливала общія правила, постоянныя нормы; но передъ нами только практическіе результаты ея законодательной работы: мы видимъ эти нормы, насколько онѣ удавались въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ жизни, въ большинствѣ случаевъ знаемъ эти правила, насколько они отражались въ указахъ, инструкціяхъ, въ отдѣльныхъ актахъ подчиненныхъ думѣ учрежденій. Въ думу «взносили» свои вопросы и недоумѣнія правительственные органы, съ которыми общество имѣло непосредственное соприкосновеніе; изъ думы выносили они приговоры, выражавшіеся въ тѣхъ актахъ, которые теперь лежатъ передъ изслѣдователемъ: но сама она оставалась на своей заоблачной высотѣ, сокрытая и отъ общества, и отъ изслѣдователя; какъ вырабатывались эти приговоры, какіе интересы и мнѣнія боролись при этой работѣ, того почти никогда не видитъ изслѣдователь, какъ въ свое время не видѣло и общество. Столь же неуловимо и политическое значеніе думы. Люди, появлявшіеся въ ней на пространствѣ 8 вѣковъ, князья-государи и ихъ совѣтники, не чувствовали потребности точно опредѣлить свои взаимныя отношенія и закрѣпить эти опредѣленія надлежащимъ актомъ; никогда не были точно обозначены и отношенія этого совѣта къ низшимъ подчиненнымъ ему органамъ

управленія. Въ тѣ вѣка политическіе дѣльцы не любили задавать себѣ общаго вопроса, какъ далеко простираются прерогативы верховнаго правителя, князя-государя, и гдѣ начинаются права его совѣтниковъ: политическій глазомѣръ и обычай указывали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предѣлы власти, избавляя обѣ стороны отъ труднаго дѣла точной формальной разверстки политическихъ правъ и обязанностей. Ко всякому учрежденію, подобному нашей боярской думѣ, мы привыкли обращаться съ вопросомъ, имѣло ли оно обязательное для верховной власти или только совѣщательное значеніе; а люди тѣхъ вѣковъ не различали столь тонкихъ понятій, возникавшія столкновенія разрѣшали практически въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отдѣльные случаи не любили обобщать, возводить въ постоянныя нормы, и не подготовили намъ прямаго отвѣта на нашъ вопросъ.

Благодаря всему этому политическая и административная исторія боярской думы темна и бѣдна событіями, лишена драматическаго движенія. Закрытая отъ общества государемъ сверху и дьякомъ снизу, она является конституціоннымъ учрежденіемъ съ обширнымъ политическимъ вліяніемъ, но безъ конституціонной хартіи, правительственнымъ мѣстомъ съ обширнымъ кругомъ дѣлъ, но безъ канцеляріи, безъ архива. Такимъ образомъ изслѣдователь лишенъ возможности возстановить на основаніи подлинныхъ документовъ какъ политическое значеніе думы, такъ и порядокъ ея дѣлопроизводства. Въ предлагаемомъ опытѣ читатель не найдетъ удовлетворительнаго отвѣта на многіе вопросы, касающіеся того и другаго, и встрѣтитъ не мало догадокъ, которыми авторъ пытался восполнить недостатокъ прямыхъ историческихъ указаній.

Благодарнѣе и любопытнѣе соціальная исторія думы. Впродолженіе столѣтій встрѣчаемъ въ ней людей, которые носятъ одно и то же званіе бояръ, думцевъ князя-государя; но какое разнообразіе ролей и физіономій! Русскій бояринъ X в., не то купецъ, не то воинъ, хорошо помнившій, что онъ— варягъ, морской наѣздникъ-викингъ, на славянскомъ Днѣпрѣ переименованный въ витязя и не успѣвшій еще пересѣсть съ лодки на коня, чтобы стать степнымъ наѣздникомъ, «удалой поленицей»; кіевскій бояринъ XI—XII в., вольный товарищъ своего князя и подобно ему политическій бродяга, нигдѣ не пускавшій глубокихъ корней, не завязывавшій прочныхъ связей ни съ какимъ мѣстнымъ обществомъ; галицкій бояринъ-крамольникъ XIII в., старавшійся прочно укрѣпиться въ краѣ, ставъ между княземъ и простымъ обывателемъ, держа въ рукахъ того и другаго; сѣверный великорусскій бояринъ XIV в., служилый кочевникъ подобно своимъ южнымъ предкамъ, но очутившійся среди множества князей-хозяевъ, столь непохожихъ на своихъ южныхъ предковъ, не знавшій, что дѣлать, какъ стать между княземъ, плотно усѣвшимся въ своей вотчинѣ, и между подвижнымъ, текучимъ населеніемъ, и наконецъ подобно князю принявшійся за землевладѣльческое хозяйство; новгородскій бояринъ XV в., повидимому безсильный и покорный передъ вѣчевой сходкой, неразъ ею битый и грабленный, но богатый капиталистъ, крѣпко державшій въ своемъ кулакѣ нити народнаго труда и помощію ихъ вертѣвшій вѣчевою сходкой; московскій бояринъ XVI в., недавно переименовавшійся изъ удѣльнаго князя, жалѣвшій о своемъ ростовскомъ или ярославскомъ прошломъ и недовольный московскимъ настоящимъ ни политическимъ, ни хозяйственнымъ, не знавшій, какъ поладить съ своимъ государемъ; наконецъ московскій бояринъ XVII в., смирившійся князь или выслужившійся разночинецъ, отказавшійся отъ политическихъ грезъ XVI в., покорный и преданный своему государю и широкой рукой забиравшій нити крестьянскаго труда: такой рядъ фигуръ проходитъ передъ наблюдателемъ черезъ боярскую думу въ разныхъ краяхъ древней Руси и въ разные вѣка ея исторіи. Каждой изъ этихъ типовъ сообщалъ свой особый складъ и характеръ боярской думѣ, въ которой онъ господствовалъ; но каждый изъ нихъ отражалъ въ себѣ складъ и характеръ общества въ разныхъ краяхъ Руси и въ разные вѣка ея исторіи.

Такъ изученіе древнерусской боярской думы ставитъ изслѣдователя прямо передъ исторіей древнерусскаго общества, передъ процессомъ образованія общественныхъ классовъ.

Исторія нашихъ общественныхъ классовъ представляетъ немало поучительнаго въ научномъ отношеніи. Въ ходѣ ихъ возникновенія и развитія, въ процессѣ опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній видимъ дѣйствіе условій, похожихъ на тѣ, какими создавались общественные классы въ другихъ странахъ Европы; но эти условія у насъ являются въ другихъ сочетаніяхъ, дѣйствуютъ при другихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, и потому созидаемое

ими общество получаетъ своеобразный складъ и новыя формы.

Въ исторіи общественнаго класса различаются два главные момента, изъ которыхъ одинъ можно назвать экономическимъ, другой политическимъ. Первый выражается въ разчлененіи общества согласно съ раздѣленіемъ народнаго труда: тогда классы различаются между собою родомъ капитала, которымъ работаетъ каждый, и значеніе общественнаго класса опредѣляется цѣной, какую имѣетъ тотъ или другой капиталъ въ народномъ хозяйствѣ извѣстнаго времени и мѣста. Обыкновенно политическій моментъ завершаетъ соціальную работу народнаго хозяйства: господствующій капиталъ становится источникомъ власти, его операціи соединяются съ привилегіями, его владѣльцы образуютъ правительство, экономическіе классы превращаются въ политическія сословія.

Въ этомъ порядкѣ явленій политическіе факты вытекаютъ изъ экономическихъ, какъ ихъ послѣдствія. Но можно представить себѣ историческій процессъ, гдѣ явленія слѣдуютъ одни за другими въ обратномъ порядкѣ. Въ странѣ промышленная культура сдѣлала уже нѣкоторые успѣхи, трудъ населенія успѣлъ до извѣстной степени овладѣть силами и средствами мѣстной природы, народное хозяйство уже установилось съ нѣкоторой прочностью, когда эта страна подверглась завоеванію, которое ввело въ нее новый общественный классъ, измѣнивъ положеніе и отношенія прежнихъ туземныхъ. Пользуясь правомъ побѣды, этотъ классъ беретъ въ свое распоряженіе трудъ побѣжденнаго народа. Перемѣны, какія происходятъ отъ этого въ теченіи народно-хозяйственной жизни, являются прямымъ послѣдствіемъ политическаго факта, вторженія новаго класса, который начинаетъ править обществомъ въ силу завоеванія. Завоевателямъ для своего матеріальнаго обезпеченія нѣтъ нужды заводить вновь хозяйство въ захваченной странѣ, указывать пріемы и средства для эксплуатаціи ея естественныхъ богатствъ. Они насильственно вторглись въ установившійся экономическій порядокъ, стали съ оружіемъ въ рукахъ у готоваго хозяйственнаго механизма; по указанію собственныхъ потребностей имъ только нужно переставить нѣкоторыя его части, задать ему нѣкоторыя новыя работы, направить народный трудъ преимущественно на разработку тѣхъ естественныхъ богатствъ края, обладаніе которыми они нашли наиболѣе сподручнымъ и прибыльнымъ. Послѣ того у нихъ оставалась бы забота не устроять технически этотъ механизмъ, а только обезпечить за собой послушное дѣйствіе приставленныхъ къ нему рабочихъ рукъ. Этого обезпеченія господствующій классъ будетъ стараться достигнуть политическими средствами, извѣстной системой законодательства, приспособленной къ цѣли организаціей сословій, соотвѣтственнымъ устройствомъ правительственныхъ учрежденій. Все это съ теченіемъ времени во многомъ измѣнитъ народное хозяйство, вызоветъ въ немъ много новыхъ отношеній, и всѣ эти новые экономическіе факты будутъ слѣдствіями предшествовавшихъ имъ фактовъ политическихъ. Думаемъ, что такимъ или подобнымъ такому процессомъ создавались многія государства средневѣковой Европы, образовавшіяся изъ провинцій Римской имперіи.

Можетъ показаться, что разница между обоими указанными порядками явленій ощутительнѣе въ ихъ схемахъ, чѣмъ въ исторической дѣйствительности, что оба они вели къ одинаковому историческому результату: вытекали ли политическіе факты изъ экономическихъ, или было наоборотъ—въ томъ и другомъ случаѣ наступалъ моментъ, когда оба ряда фактовъ начинали дѣйствовать вмѣстѣ, вліяя другъ на друга, и на ихъ взаимодѣйствіи созидался общественный порядокъ, характеръ котораго зависѣлъ отъ вызванныхъ этимъ взаимодѣйствіемъ новыхъ сочетаній тѣхъ и другихъ фактовъ, а не отъ первоначальнаго ихъ хронологическаго или причиннаго отношенія другъ къ другу, не оттого, которые изъ нихъ предшествовали другимъ и были ихъ источникомъ. Мы думаемъ напротивъ, что это первоначальное отношеніе кладетъ печать на всю послѣдующую судьбу общества, что характеръ взаимодѣйствія политическихъ и экономическихъ фактовъ, всѣ ихъ дальнѣйшія сочетанія во многомъ зависятъ оттого, которые изъ нихъ предшествовали другимъ и были ихъ причиной. Сила, механически вторгшаяся въ общество со стороны или образовавшаяся внутри его и вооруженной рукой захватившая распоряженіе народнымъ трудомъ, становится властью, чтобы мирно пользоваться плодами захвата; съ цѣлью обезпечить за собой завоеванныя экономическія выгоды она создаетъ такой государственный порядокъ, посредствомъ котораго она, ставъ его движущей пружиной, могла

бы распоряжаться народнымъ трудомъ, не прибѣгая постоянно къ своему первоначальному средству дѣйствія, къ оружію. Основанія государственнаго устройства, отношенія къ верховной власти и къ другимъ сословіямъ при такомъ ходѣ дѣлъ привлекаютъ къ себѣ заботливое вниманіе господствующаго класса; вопросы государственнаго права выступаютъ на первый планъ, составляютъ самыя видныя явленія въ исторіи общества; частныя гражданскія отношенія лицъ, какъ и ихъ экономическое положеніе, устанавливаются подъ прямымъ вліяніемъ этихъ вопросовъ, въ прямой зависимости оттого, какъ они разрѣшаются, а не наоборотъ,— и это потому, что господствующій классъ старается такъ опредѣлить свои политическія отношенія, чтобы можно было мирно пользоваться экономическими выгодами, пріобрѣтенными завоеваніемъ. Такимъ образомъ, гдѣ политическіе факты шли впереди, давая направленіе хозяйственной жизни народа, тамъ исторія получала, такъ сказать, боевой характеръ: вооруженная борьба смѣнялась борьбой политической, оружіе передавало свое дѣло закону, и работа обѣихъ силъ, оружія и закона, направлялась къ одной цѣли, къ упроченію обладанія властью, а властью дорожили потому, что она доставляла обладаніе народнымъ трудомъ; подъ вліяніемъ этой борьбы всѣ отношенія обострялись, учрежденія и классы получали рѣзкія очертанія. Иной характеръ получала жизнь, когда не политическая сила, захвативъ господствующій въ странѣ капиталъ, становилась распорядительницей народнаго труда, а наоборотъ господствующій капиталъ страны создавалъ изъ своихъ владѣльцевъ политическую силу, правительственный классъ. Такой ходъ дѣла обыкновенно встрѣчаемъ тамъ, гдѣ исторія начиналась съ начала, съ первичныхъ процессовъ общежитія, гдѣ трудъ только еще начиналъ овладѣвать силами природы и его скудные успѣхи ни въ комъ не возбуждали завоевательнаго аппетита. Вліяніе на общество пріобрѣталось здѣсь не оружіемъ или правомъ и не закрѣплялось обычными средствами власти, хартіями и учрежденіями: люди добровольно отдавались тому, въ чьихъ рукахъ скоплялся капиталъ, кто давалъ имъ хлѣбъ, т. е. средства для работы; дѣйствительная власть часто дѣйствовала безъ аттрибутовъ правительственнаго авторитета, основанія общественнаго порядка не обозначались явственно, не проводились послѣдовательно въ практикѣ отношеній, формами демократіи иногда прикрывалась очень замкнутая и себялюбивая олигархія, вообще факты неполно и неточно отражались въ правѣ.

Который изъ указанныхъ выше процессовъ господствовалъ въ нашей исторіи, этотъ вопросъ нельзя считать въ числѣ рѣшенныхъ. По отношенію къ исторіи нашего общества его можно выразить въ такой формѣ: какой изъ двухъ моментовъ, политическій или экономическій, предшествовалъ другому въ образованіи нашихъ общественныхъ классовъ и ввсегда ли одинъ и тотъ же изъ нихъ шелъ переди другаго?

Видимъ, что у насъ общество иногда начинало разчленяться по роду занятій, по свойству капиталовъ, а потомъ уже сообразно съ значеніемъ разныхъ капиталовъ въ хозяйствѣ общества опредѣлялось политическое значеніе разныхъ его классовъ, распредѣлялись между ними права и обязанности. Довольно послѣдовательно развивался этотъ процессъ въ исторіи Новгорода. Рано освободившись отъ непосредственнаго давленія со стороны князя и служилой аристократіи, этотъ вольный городъ усвоилъ себѣ формы демократическаго устройства. Но еще раньше успѣхи внѣшней торговли, ставшей главнымъ жизненнымъ нервомъ города, создали въ немъ нѣсколько крупныхъ торговыхъ домовъ, которые были руководителями новгородской торговли и въ силу этого сдѣлались потомъ руководителями новгородскаго управленія, правительственной аристократіей, господство которой однако всегда оставалось простымъ фактомъ, не сопровождалось отмѣной демократическихъ формъ новгородскаго устройства. И все общество Новгорода Великаго устроилось по образцу его вершины: новгородскія сословія были собственно торгово-промышленные разряды, гильдіи, политическое значеніе которыхъ точно соотвѣтствовало ихъ торговому вѣсу. Боярство превратилось постепенно въ кругъ главныхъ капиталистовъ-дисконтеровъ, которые не столько сами вели торговые обороты, сколько направляли ихъ, ссужая торговцевъ своими капиталами. Такую же роль игралъ въ мѣстной промышленности слѣдовавшій за боярами классъ *житыхъ людей*, капиталистовъ средней руки. Ниже тѣхъ и другихъ стояли купцы, настоящіе торговцы или агенты крупныхъ фирмъ, кредитовавшіеся у бояръ и житыхъ людей или дѣйствовавшіе по ихъ порученіямъ. Наконецъ чер-

ные люди, ремесленники и рабочіе, брали работу и деньги для работы у высшихъ классовъ. На самомъ низу соціальной лѣстницы въ Новгородской землѣ помѣщались классы, дальше всѣхъ стоявшіе отъ главнаго источника богатства и политическаго значенія, именно земцы, мелкіе землевладѣльцы, и смерды съ половниками, крестьяне, работавшіе на государственныхъ или частныхъ земляхъ: это были сельскіе, а не городскіе классы, и въ политической жизни вольнаго города они значили гораздо меньше, чѣмъ даже городскіе черные люди; половники являются уже съ признаками полусвободныхъ крестьянъ, приближавшихся къ холопамъ.

Въ другихъ областяхъ древней Руси изслѣдователь наблюдаетъ другіе соціальные процессы и притомъ одинъ на другой непохожіе. Въ нашей исторіи можно отмѣтить двѣ эпохи, когда потребности внѣшней обороны вызывали напряженное развитіе военныхъ силъ страны. Въ XV и XVI в. государство создало усиленной вербовкой многочисленный вооруженный классъ, которому постепенно передало посредствомъ вотчинныхъ и помѣстныхъ дачъ огромный земельный капиталъ. Помощію этого капитала и соединенныхъ съ нимъ привилегій этотъ классъ въ XVII в. взялъ въ свое распоряженіе огромное количество земледѣльческаго труда. Дворянство, образовавшееся изъ этого класса, долго и съ большою пользой служило странѣ, обороняя ее отъ враговъ, никогда не завоевывало общества, но въ XVIII в., уже освободившись отъ обязательной службы, оно такъ правило обществомъ, что въ странахъ, гдѣ дворянство считало себя потомками завоевателей, власть его не отличалась ни большей энергіей и широтою привилегій, ни большими злоупотребленіями. Точно также въ IX в. внѣшнія опасности создавали по большимъ городамъ Поднѣпровья значительный вооруженный классъ для обороны границъ и торговыхъ путей. Иногда оружіемъ, чаще не однимъ оружіемъ, онъ подчинилъ своимъ городамъ и потомъ своимъ князьямъ-вождямъ большую часть восточныхъ Славянъ и сталъ правительственнымъ классомъ. Но по роду капитала, по своему экономическому положенію онъ долго былъ товарищемъ промышленнаго городскаго населенія, изъ котораго онъ вышелъ, долго дѣлился съ этимъ населеніемъ выгодами внѣшней торговли и только два-три вѣка спустя сталъ дѣлать замѣтные успѣхи въ землевладѣніи, и хотя нѣкогда онъ завоевалъ большую часть страны, ему по разнымъ причинамъ не удалось достигнуть полнаго обладанія обществомъ.

Такъ въ исторіи нашего общества повидимому господствовали смѣшанные процессы. Иногда образованіе сословій и у насъ какъ будто начиналось политическимъ моментомъ: общественное дѣленіе первоначально основывалось на различіи правъ и обязанностей, и уже потомъ классы, обособившіеся политически, стремились обособиться и экономически, занявъ въ народномъ хозяйствѣ мѣсто соотвѣтственно своему политическому положенію. Но у насъ въ эту соціальную работу обыкновенно вмѣшивались условія, которыя измѣняли ея первоначальное направленіе, лишали ее послѣдовательности развитія и приводили не къ тому концу, къ какому она была направлена своимъ началомъ. Въ этомъ вмѣшательствѣ источникъ одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей нашей исторіи, въ которой простѣйшія политическія и общественныя формаціи создавались посредствомъ очень сложныхъ процессовъ, короткія разстоянія проходились длинными извилистыми путями. Изъ такихъ условій укажемъ на одно очень важное по своимъ послѣдствіямъ. Исторія нашего общества измѣнилась бы существенно, если-бы впродолженіе восьми-девяти столѣтій наше народное хозяйство не было историческимъ противорѣчіемъ природѣ страны. Въ XI в. масса русскаго населенія сосредоточивалась въ черноземномъ среднемъ Поднѣпровьѣ, а къ половинѣ XV в. передвинулась въ область верхняго Поволжья. Казалось бы, въ первомъ краю основаніемъ народнаго хозяйства должно было стать земледѣліе, а во второмъ должны были получить преобладаніе внѣшняя торговля, лѣсные и другіе промыслы. Но внѣшнія обстоятельства сложились такъ, что пока Русь сидѣла на днѣпровскомъ черноземѣ, она преимущественно торговала продуктами лѣсныхъ и другихъ промысловъ и принялась усиленно пахать, когда пересѣла на верхневолжскій суглинокъ. Слѣдствіемъ этого было то, что изъ обѣихъ руководящихъ народно-хозяйственныхъ силъ, какими были служилое землевладѣніе и городской торговый промыселъ, каждая имѣла неестественную судьбу, не успѣвала развиться тамъ, гдѣ было наиболѣе природныхъ условій для ея развитія, а гдѣ развилась успѣшно, тамъ ея успѣхи были искус-

ственны и сопровождались задержкой народныхъ успѣховъ въ другихъ отношеніяхъ.

Итакъ исторія общественныхъ классовъ у насъ отличается простотой и однообразіемъ своихъ процессовъ. Изслѣдователь, хорошо изучившій происхожденіе и развитіе западно-европейскихъ сословій, не встрѣтитъ у насъ повторенія знакомыхъ ему явленій: онъ встрѣтитъ сходные моменты и условія, но встрѣтитъ ихъ въ своеобразныхъ сочетаніяхъ и при невиданныхъ имъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ исторія западноевропейскихъ общественныхъ классовъ не можетъ дать полнаго отвѣта на вопросъ о томъ, какъ созидались европейскія общества.

Обращаясь къ изученію боярской думы, авторъ не надѣялся изобразить съ достаточной послѣдовательностью и полнотой исторію ея политическаго значенія и правительственной дѣятельности. Тѣмъ больше вниманія обращалъ онъ на то, въ чемъ выражалась непосредственная связь учрежденія съ обществомъ, на соціальный составъ думы, на происхожденіе и значеніе классовъ, представители которыхъ находили въ ней мѣсто. Составомъ своимъ дума касалась только верхнихъ слоевъ древнерусскаго общества; потому исторія изучаемаго нами учрежденія даетъ возможность слѣдить за складомъ общества, насколько онъ отражался въ образованіи общественныхъ вершинъ.

134. Боярскій родъ Колычевыхъ, составленный барономъ Михаиломъ Львовичемъ Боде-Колычевымъ. Москва, въ сунодальной типографіи, 1886 года.—Въ 4 д. л. 1+493+IV стр., съ приложеніемъ герба рода Колычевыхъ и 8 родословныхъ росписей.

Этотъ прекрасный трудъ посвященъ авторомъ святителю Филиппу, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:— «Благослови трудъ сей.»

Древній родъ Колычевыхъ принадлежитъ къ однимъ изъ самыхъ древнѣйшихъ родовъ и происходитъ отъ Андрея Кобылы, родоначальника царствующаго дома Романовыхъ, Шереметевыхъ и нѣкоторыхъ другихъ родовъ, занимавшихъ всегда первыя ступени въ Московскомъ государствѣ.

Къ роду Колычевыхъ принадлежалъ московскій митрополитъ Филиппъ, причтенный церковью къ лику святыхъ, мощи котораго почиваютъ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ.

Это крайне рѣдкое и чрезвычайно любопытное изданіе было напечатано въ количествѣ 150 экземпляровъ, но не для продажи.

См. «Избранная библіотека русскаго генеолога» (Л. М. Савельева) стр. 7, № 1.

Купленъ мною экземпляръ въ хорошемъ видѣ за 20 рублей.

Уменьшенный видъ картины „Бракоборы“.

135. Бракоборы. Сатирическая картина на бракоборовъ, раскольниковъ Ѳедосѣевской секты. Напечатана въ Москвѣ, въ литографіи Сытина, на большомъ листѣ.

На картинѣ представлено Преображенское кладбище въ Москвѣ; посреди его изображена колесница съ возсѣдающимъ на ней сатаною, у ногъ котораго въ ящикѣ находится соборный актъ Большого Собора, бывшаго въ 1883 году; на запяткахъ колесницы находятся бракоборы, попечители кладбища: Ѳ. Москвинъ съ ключемъ въ рукахъ и Барановъ съ длиннымъ кнутомъ. Колесницу везутъ бракоборы: инокъ Филаретъ и другіе изувѣры, слывущіе у ѳедосѣевцевъ за отцовъ.

См. у Якова Березина-Ширяева—стр. 237, гдѣ говорится, что эта картина сильно озлобила бракоборовъ, за которыхъ заступился главный попечитель кладбища Е. С. Егоровъ, и пригрозилъ автору отвѣтственностію передъ судомъ, вслѣдствіе чего картина была изъята изъ обращенія въ публикѣ и теперь она сдѣлалась рѣдкою.

136. Брань Архистратига Михаила съ сатаною. Кіевъ, 1853 года. — Въ 8 д. л. Неизвѣстнаго автора.

«Брань Архистратига Михаила съ сатаною» почти не находима въ книжной торговлѣ, такъ какъ въ самый же годъ выпуска, т. е. въ 1853 году, всѣ экземпляры этого изданія велѣно было уничтожить.

Почему въ настоящее время книга эта считается принадлежащей къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

137. Бракъ честенъ и ложе не скверно! Въ типографіи А. Г—ва. Въ Іога—Бургѣ. Открытый листъ. (Безъ означенія года).

См. объ этомъ весьма рѣдкомъ листѣ «Отчетъ Императорск. Публичн. Библіотеки» за 1865 годъ, стр. 36, № 8.

Изданіе, въ хорошо сохранившихся экземплярахъ, довольно рѣдко.

138. Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братьямъ, Свобднм. кмнцкм. Писаны братомъ Седдагомъ. Въ Москвѣ, въ вольной типографіи У. И. Лопухина, съ указаннаго дозволенія 1784 года.—Въ 16 д. л., 171 стр.

Это сочиненіе доктора Эли руководителя Елагина. Оно было издано на нѣмецкомъ языкѣ въ С.-Петербургѣ, а на русскій языкъ было переведено маіоромъ Оболдуевымъ и по распоряженію правительства книжка была сожжена. См. «Реэстръ книгамъ, которыя были признаны архіепископомъ Платономъ въ 1786 году «сумнительными и могущими служить къ различнымъ вольнымъ мудрованіямъ, а потому къ заблужденіямъ и разгоряченіи умовъ» за № 13. См.: «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 12068, сказано: «рѣдка». «Отчетъ московскаго публич. музея» за 1864 г. стр. 39-я; «Лѣтописи русской литературы и древ.» т. 5, 7 и 26; Лонгиновъ: 223 стр.; Пыпинъ, «Русское масонство»; «Вѣстникъ Европы» 1867 года, № 9, стр. 42 и 50—52 и 1868 г. № 7, стр. 218; «Очерки по исторіи русской библіографіи», 1881 годъ, № 13; есть у Остроглазова: Кн. «рѣдкости», за № 22: «книга рѣдкая». Купленъ экземпляръ за 5 р., въ современномъ кожаномъ переплетѣ.

139. Брилліантовая книга, содержащая: 1) размышленія г. Шпомдинга объ опредѣленіи человѣка, съ дополненіемъ новыхъ изданій; 2) мысли г. дю-Мулина, о спокойствіи духа и удовольствіи сердца и 3) пятьдесятъ статей нравоучительныхъ разсужденій и другихъ полезныхъ упражненій въ стихахъ и прозѣ; перевелъ и статьи сочинилъ д. ст. сов. Алексѣй Олешевъ. Санктпетербургъ, 1780 года.— Въ 8 д. л.

Эта книга имѣетъ еще два заглавія: 1) вождь къ истинному благоразумію и 2) начертаніе благоденственной жизни. Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія. См.: «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 6933; Лонгиновъ, стр. 37; «Реэстръ книгамъ, въ силу высочайшаго императорскаго величества имяннаго указа, изъ разныхъ въ Москвѣ книжныхъ лавокъ отобраннымъ и доставленнымъ въ контору Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода», № 27; книга рѣдкая.

140. Бродящія силы. Двѣ повѣсти В. П. Авенаріуса: „Современная идилія“,

„Повѣтріе“. 2 части. Берлинъ. Типографія Альберта. 1874 года.—Въ 8 д. л.

Изданіе весьма любопытное и довольно рѣдкое. Состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ первая — «Современная идилія» — содержитъ въ себѣ:

I. За рулеткой.
II. Аркадскій уголокъ. Двѣ жажды: любви и воды.
III. Ультрапрогрессистъ.
IV. Какъ заключаются нынче знакомства.
V. Гисбахъ освѣщается. Взаимный дѣлежъ.
VI. О комарахъ и сновидѣніяхъ.
VII. Двѣ кокетливыя альпійскія дѣвы.
VIII. Корпорентъ, янки и эмансипированная.
IX. Ржаной хлѣбъ и безé.
X. Синій чулокъ.
XI. Гроза. О французскихъ романахъ и патріотизмѣ. Schloss Unspunnen.
XII. Какое назначеніе женщины.
XIII. Гдѣ искать поэзіи въ природѣ?
XIV. Прекраснѣйшія произведенія природы.
XV. Естественно-историческія наблюденія надъ улиткой и неожиданный исходъ ихъ.
XVI. Перчатка брошена.
XVII. И грянулъ бой!
XVIII. Судьба улыбается Моничкѣ.
XIX. Три примиренія.
XX. Гриндельвальдскій глетчеръ.
XXI. Какъ сватаются нынче.
XXII. Откровенія и разладъ.
XXIII. Какъ прощались сестры Линецкія.
XXIV. Какъ прощалась Мари.
XXV. Заключеніе.

141. Буддизмъ, его догматы, исторія и литература. Часть первая. Общее обозрѣніе. Сочиненіе В. Васильева, профессора китайскаго языка при Императорскомъ санктпетербургскомъ университетѣ. Санктпетербургъ. 1857 года. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.— Въ 8 д. л. XX + 356 стр.

Въ началѣ этого чрезвычайно рѣдкаго изданія слѣдуетъ краткое предисловіе, въ которомъ авторъ говоритъ, что «въ продолженіе почти десятилѣтняго пребыванія въ Пекинѣ, я посвящалъ не мало времени на изученіе Буддизма; богатство матеріяловъ на языкахъ тибетскомъ и китайскомъ давало мнѣ возможность познакомиться съ многоразличными сторонами этой религіи. Я не упускалъ однакожъ изъ виду, что не все занимающее послѣдователей этой вѣры заслуживаетъ передачи и не надобно передавать все такъ, какъ излагаютъ сами Буддисты; поэтому не все, что было прочитано, внесено въ мои замѣтки, но и не все, что бы слѣдовало записать, нашло мѣсто, потому что полный и удовлетворительный отчетъ самому себѣ о всемъ, что стоитъ вниманія, могъ родиться только съ болѣе подробнымъ знакомствомъ, по прочтеніи уже многаго не записаннаго. Могу однакожъ думать, что матеріялы мной заготовленные довольно значительны для того, чтобъ познакомить съ Буддизмомъ въ большей обширности, чѣмъ могли это сдѣлать прежніе ученые, конечно болѣе отчетливые въ томъ, что имъ попадалось подъ руку, но не имѣвшіе такихъ источниковъ. Знаніе языковъ китайскаго и тибетскаго вмѣстѣ, чѣмъ не могли до сихъ поръ похвалиться ученые Запада, давало мнѣ также не малый перевѣсъ. Какъ бы то ни было предлагаемое здѣсь общее обозрѣніе Буддизма составляетъ только самую малую часть всего мной написаннаго; это только введеніе къ тѣмъ трудамъ, которые служили для него основаніемъ, къ трудамъ, которые имѣютъ цѣлью развитіе и оправданіе того, о чемъ здѣсь сказано коротко и часто въ видѣ предположенія. Таковы: 1) Буддійскіе Догматы, изложенные въ объясненіи на терминологическій лексиконъ Махавъютпатти. 2) Обозрѣніе Буддійской Литературы. 3) Исторія Буддизма въ Индіи, переводъ съ тибетскаго сочиненія Даранаты. 4) Исторія Буддизма въ Тибетѣ. 5. Наконецъ путешествіе Сюаньцзана въ Индію (переводъ съ китайскаго). Все это не лишено внутренней между собой связи и обнимаетъ все, что только можно желать знать о Буддизмѣ; я поставилъ въ концѣ переводныя сочиненія для того, чтобъ не обременять ихъ множествомъ комментаріевъ, какъ это обыкновенно дѣлается при подобнаго рода изданіяхъ; комментаріи часто превосходные теряютъ свою цѣну отъ того, что разбросаны безъ связи; часто, по прочтеніи самаго сочиненія съ поясненіями, прочитавшій книгу не можетъ дать себѣ отчета о прочитанномъ; тѣмъ болѣе въ предметахъ новыхъ, не вошедшихъ въ систему изученія, каковъ Буддизмъ, ни одна отдѣльная книга изданная въ Европѣ не могла доселѣ дать точнаго понятія объ этомъ ученіи. Мысль, которою руко-

водился я, была та, чтобъ предварительными трудами подготовить читающаго къ пониманію оригинальныхъ сочиненій безъ пространныхъ комментаріевъ или, чтобъ тотъ, кто не захочетъ пуститься въ дальнѣйшее глубокое изученіе, нашелъ бы въ моихъ статьяхъ достаточныя свѣдѣнія къ удовлетворенію своего любопытства.

Можетъ быть замѣтятъ, что моя книга щеголяетъ отсутствіемъ всѣхъ ссылокъ на статьи и книги, изданныя въ Европѣ по части Буддизма.— Ученые Россіи, Франціи, Англіи и Германіи конечно ужъ много написали по этой части; хотя большая часть ихъ сочиненій и была мной перечитана въ свое время, но не по нимъ я изучалъ Буддизмъ; даже самое знаменитое твореніе Бюрнуфа Introduction dans l'histoire du Buddhisme, хотя и во многомъ подвинуло знакомство съ настоящимъ взглядомъ на эту вѣру, не было взято мной въ руководство; если мѣстами и встрѣтятся у меня сходныя мнѣнія, они пришли ко мнѣ независимо отъ этого ученаго. Что же касается до противорѣчій, то я не могъ посвящать первые труды полемикѣ, которая касаясь частныхъ пунктовъ, хотя и проясняетъ ихъ, но тѣмъ не менѣе только останавливаетъ знакомство съ цѣлостью системы. Я уже сказалъ выше, что источники, которыми я пользовался, надѣюсь, были гораздо обширнѣе, чѣмъ у другихъ ученыхъ; и такъ если я долженъ упрекать себя за что, такъ не за то, что мало обращалъ вниманія на предшествовавшіе труды, основанные на одномъ или нѣсколькихъ отрывкахъ изъ тысячъ различныхъ статей Буддійской литературы. Я думаю, что въ настоящее время небольшому количеству знающихъ языки восточной Азіи некогда еще заниматься спорами; для нихъ дороже всякій часъ, который они могутъ посвятить на разработку и на воспользованіе туземными сочиненіями. И такъ оцѣнка моихъ трудовъ должна заключаться въ опредѣленіи той степени, въ которой я могъ воспользоваться бывшими у меня подъ рукой матеріялами. Но объ этомъ самомъ хочу я и самъ поговорить.

Прошло уже почти семь лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ я выѣхалъ изъ Пекина; съ того времени другія занятія, которымъ я предался и съ любовію и по обязанности службы, занимаютъ все мое вниманіе. Что я сознавалъ, что приготовленные мной матеріялы требуютъ еще тщательной отдѣлки, и поправокъ и пополненій, это видно изъ того, что я не спѣшилъ ихъ обнародовать; между тѣмъ время летитъ и дѣлаетъ труды, которые могли казаться довольно свѣжими за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, запоздалыми и несоотвѣтствующими состоянію науки; изолированная дѣятельность ученаго пропадаетъ даромъ въ безвѣстности и если дѣло касается славы русскаго имени, убѣжденія, что и русскіе могутъ съ своей стороны сдѣлать что нибудь для науки, то тѣмъ болѣе не заслуживаетъ ли сожалѣнія безвѣстная смерть многолѣтней дѣятельности; не видимли мы, напримѣръ, что честь изданія перевода Путешествія Сюанъ-цзана, сдѣланнаго русскимъ оріенталистомъ еще въ 1845 году, оспаривается въ 1856 году такимъ же переводомъ С. Жюльена. Но не болѣе ли достойно сожалѣнія, если между нѣсколькими сотнями листовъ встрѣтятся хоть только два, три факта, неизвѣстные еще наукѣ.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда г-нъ Академикъ Шифнеръ тотчасъ по прочтеніи первой показанной мной ему части моихъ трудовъ рекомендовалъ ее для напечатанія въ Академіи Наукъ, которая рѣшилась не только украсить своимъ именемъ это изданіе, но и пожертвовать на него свои суммы. Здѣсь предлагается именно почти все такъ какъ я вывезъ изъ Пекина и какъ что лежало у меня въ продолженіе шести лѣтъ; только г. Шифнеръ помогалъ мнѣ при возстановленіи съ тибетскаго санскритскихъ собственныхъ именъ, все прочее осталось безъ измѣненія.

Хотя изъ вышесказаннаго ясно, что здѣсь предлагается только первая и самая меньшая часть моихъ матеріяловъ, однакожъ, и этотъ первый томъ не лишенъ законченности въ отношеніи къ содержанію. Здѣсь излагаются тѣ общія понятія о Буддизмѣ, которыя я составилъ себѣ изъ большаго или меньшаго знакомства со всѣмъ объемомъ его литературы, исторіи, догматики и философіи; пожалуй это выводъ на столько же несовершенный, на сколько не отдѣланы и всѣ прочія части моихъ трудовъ.

Впрочемъ касательно удовлетворенія требованіямъ науки и въ особенности въ отношеніи къ моему отечеству, я могу быть болѣе спокойнымъ. У насъ до сихъ поръ не было ни одного сочиненія въ этомъ родѣ; критика нашихъ ученыхъ доставило бы мнѣ даже удовольствіе, потому что это показала бы мнѣ, что предметъ, который меня занималъ

долгое время и который такимъ образомъ имѣетъ право на мое сочувствіе, не чуждъ и моимъ соотечественникамъ и они способны быть продолжателями въ этомъ дѣлѣ. Строгой критики касательно ученаго содержанія я долженъ ожидать отъ ученыхъ Европы, тѣмъ болѣе, что Академія Наукъ вызвалась издать эту книгу и на одномъ изъ европейскихъ языковъ. Я не могу при этомъ случаѣ еще разъ не вспомнить нодостатковъ настоящаго изданія, но въ защиту могу привести только одно замѣчаніе: гдѣ можетъ быть совершенство и конецъ ученой обработки? Ученый чѣмъ больше онъ углубляется въ область науки, тѣмъ болѣе остается неудовлетвореннымъ своими изысканіями; по мѣрѣ углубленія въ головѣ его постоянно рождаются новые вопросы, которыхъ онъ и не подозрѣвалъ при началѣ занятія; онъ понимаетъ, скорѣе другаго читающаго, что предполагаемая законченность только видимая и еще нужно отстаивать каждое слово, каждое выраженіе, на которое другой и не обратитъ вниманія; я увѣренъ, что ни одинъ добросовѣстный писатель не можетъ издавать трудовъ своихъ безъ сжатаго сердца.

Другой болѣе основательный упрекъ могутъ обратить ко мнѣ наши критики на неакуратность въ матеріяльной части самаго изданія, погрѣшности корректуры, еще болѣе за неправильность въ языкѣ, за шереховатость въ слогѣ. Я и самъ очень хорошо сознаю эти недостатки и не надѣюсь достаточно извинить себя своимъ нетерпѣніемъ и мало-опытностію въ дѣлѣ изданія, такъ какъ это первый мой трудъ, появляющійся въ свѣтъ; не хочу оправдывать себя даже и тѣмъ, что книга издается такъ, какъ была написана вчернѣ, и что при изданіи я не имѣлъ даже времени дѣлать много поправокъ въ слогѣ. Но я думаю, что когда говорятъ о предметѣ еще новомъ въ нашемъ отечествѣ, о терминахъ и понятіяхъ еще неусвоенныхъ, то нельзя избѣжать нѣкоторыхъ шероховатостей въ языкѣ; притомъ писателю, который всю жизнь провелъ за манускриптами на языкахъ сложенныхъ совсѣмъ особенно отъ нашихъ, не мудрено впасть въ ошибки восточныхъ оборотовъ. Что же касается до ясности изложенія, то по той же причинѣ, можетъ быть, ему въ краткой отрывистой рѣчи часто казалось ясно то, что другіе непремѣнно поставили бы ему въ обязанность округлить; здѣсь дѣло зависѣло отъ приспособленія и уравновѣшенія познаній въ примѣненіи къ тѣмъ, которые будутъ читать; очень не мудрено, что автору казалось достаточнымъ намека тамъ, гдѣ незнающій потребуетъ подробныхъ объясненій. Еще болѣе такихъ случаевъ, гдѣ я жертвовалъ легкостью слога желанію дополнить и передать вполнѣ мою мысль; тѣмъ болѣе въ изложеніи философскихъ системъ Буддизма я долженъ былъ бороться и съ трудностью восточныхъ текстовъ, и съ туманностью тамошней метафизики и съ ненахожденіемъ въ русскомъ языкѣ соотвѣтствующихъ значеній. Другими словами я могъ бы сказать, что я очень хорошо понимаю свои ошибки въ слогѣ и языкѣ, но думаю также, что всякій на моемъ мѣстѣ не избѣжалъ бы тѣхъ же недостатковъ, еслибъ для него главнымъ дѣломъ былъ не языкъ, а мысли.

Во всякомъ случаѣ все это написано не для того, чтобъ оправдываться, а для того, чтобъ рѣшить безпристрастно, заслуживаютъ ли по этому началу изданія и слѣдующіе мной приготовленные матеріялы».

142. Букварь для употребленія россійскаго юношества. С.-Петербургъ, безъ означенія года и мѣста печати. 31 стр.

Означенный букварь напечатанъ въ началѣ царствованія Екатерины II, что видно изъ молитвы утренней и молитвы на сонъ грядущій, и этотъ букварь въ настоящее время весьма рѣдко попадается и цѣнится любителями отъ 7 до 12 рублей.

143. Букварь языка словенскаго, сирѣчь нѣчало ученія дѣтямъ, хотящимъ учиться чтенію божественнымъ писаніи; съ молитвами и со изложеніемъ краткихъ вопросовъ о вѣрѣ. Сочиненіе Василія Бурцева. Москва, 1637 года.—Въ 5 д. листа.

Авторъ этой рѣдкой книги Василій Бурцевъ, патріаршій дьякъ при патріархѣ московскомъ Филаретѣ, сочинилъ сей «букварь языка словенскаго» съ пріобщеніемъ десятословія. Въ немъ собственныя имена расположены по граматическимъ падежамъ. Напечатана сія книга въ Москвѣ, 1637 г. Раскольники по нѣкоторому предубѣжденію по сему «букварю» издали его вторымъ изданіемъ въ Супряльской, такъ называемой—своей типографіи, 1781 г., въ 8 д. листа.

См. «Опытъ россійской библіографія или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 160, сказано: «книга очень рѣдка».— См. «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія, стр. 63-я.

144. Буквица словенскаго языка, писанная въ концѣ XVI столѣтія (свитокъ).

Свѣтопечатный снимокъ съ оригинала, находящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ, воспроизведенъ художникомъ В. Я. Рейнгардтомъ въ 1877 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ С.-Петербургѣ, по заказу графини Екатерины Павловны Шереметьевой. Бумага подъ старинную приготовлена тоже художникомъ В. Рейнгардтомъ.

Купленъ мною хорошо сохранившійся экземпляръ въ Спб., въ книжной торговлѣ Л. Мелина, за 20 рублей.

Буква В. изъ каллиграфической «Буквицы» XVII вѣка.

145. Буксбаума, травы, не весьма знаемыя; около Константинополя и на Востокѣ — обыкновенныя. — 2 части; со 115 рисунками.—С.-Петербургъ, 1729 года.— Въ 4 д. листа.

Въ «Опытѣ россійской библіографіи или полномъ словарѣ сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова—значится за № 2353, сказано: «книга рѣдка».—За хорошо сохранившіеся экземпляры платять отъ 6 до 10 рублей.

146. Бытъ русскаго народа. Сочиненіе А. Терещенко. Санктпетербургъ, въ типографіи министерства внутреннихъ дѣлъ, 1848 года. — 8 д. л., 7 частей. Часть 1-я X + 479 стр. Часть 2-я 618 стр. Часть 3-я 130 стр. Часть 4-я 334 стр. Часть 5-я 181 стр. Часть 6-я 201 стр. Часть 7-я 348 стр.

Это крайне рѣдкое и чрезвычайно любопытное изданіе А. Терещенко. «Бытъ русскаго народа» начинается съ краткаго предисловія отъ автора, въ

Буквы Р. и С. изъ каллиграфической „Буквицы“ XVII вѣка.

которомъ говорится, что иностранцы смотрѣли на наши нравы и образъ жизни по большей части изъ одного любопытства, но мы обязаны смотрѣть на все это не изъ одного любопытства, а какъ на исторію народнаго быта, его духъ и жизнь и почерпать изъ нихъ трогательные образы добродушія, гостепріимства, благовѣйной преданности къ своей родинѣ, отечеству, православію и самодержавію. Если чужеземные наблюдатели удивлялись многому и хвалили, а болѣе порицали, то мы не должны забывать, что они глядѣли на насъ поверхностно, съ предубѣжденіемъ и безъ изученія нашего народа, поэтому впадали въ большія заблужденія, часто вдавались въ заключенія странныя, переходили отъ одной крайности къ другой, такимъ образомъ, что одинъ писатель выставлялъ похвальнымъ и прекраснымъ, то другой находилъ то же самое—порочнымъ и смѣшнымъ; что одинъ списывалъ изъ разсказовъ, то другой дополнялъ несбыточными своими истолкованіями и всегда направлялъ ихъ въ дурную сторону. Перечитывая описанія, повѣствованія и сказанія на европейскихъ языкахъ, вы постоянно читаете и не безъ улыбки, — что всѣ иноземные писатели, какъ бы условились однажды и навсегда— хулить и бранить насъ, и эта страсть до того проникнута въ ихъ сочиненіяхъ, что нѣтъ ни одной книги, которая бы при имени Россіи не восклицала бы: — «Варварская Московія! Земля дикая, народъ въ ней раскольническій и совершенно отступившій отъ чистой католической вѣры!»—Всякій знакомый съ исторіею своего отечества знаетъ, что эти приписки на предковъ нашихъ истекли отъ непреклонности ихъ подчиниться игу католическихъ проповѣдниковъ и ихъ верховному представителю, который, вмѣстѣ съ ними и легкомысленными писателями, называлъ еще насъ—«погибшими чадами, отверженными дѣтьми отъ Бога, овцами безъ пастыря, а поэтому, не могущими наслѣдовать царствія небеснаго и наслаждаться благами здѣшней жизни».

Таковыя нареканія суть — слѣдствіе страстей, а не истины; движенія изувѣрныхъ мыслей, а не чистоты Евангельской, таковы злословныя превозглашенія относятся къ чести нашихъ предковъ, а не къ безславію ихъ, они отстояли свое право и достоянія и перенесли умно всѣ осужденія, которыя пали на головы нашихъ хулителей.

Оставивъ людскія страсти, которыя мы относимъ къ понятіямъ вѣка, намъ усладительно вспомнить, что предковъ жизнь, не связанная условіями многосторонней образованности, излилась изъ сердечныхъ ихъ ощущеній, истекла изъ природы ихъ отчзины, и этимъ напоминается патріархальная простота, которая столь жива въ ихъ дѣйствіяхъ, что какъ будто бы это было во всякомъ изъ насъ.

Кто хочетъ изслѣдовать бытъ народа, тотъ долженъ восходить къ его юности и постепенно снисходить по ступенямъ измѣненій всѣхъ его возрастовъ, тогда міръ нашихъ предковъ не будетъ для насъ безжизненнымъ, мертвымъ: онъ представится сильнѣе нашему воображенію со всѣми его причудами и понятіями; тогда увидимъ всѣ стороны картины: суровой и гордой, воинственной и мирной, несчастной и торжествующей, печальной и добродѣтельной, на ней увидимъ предковъ, увѣнчанныхъ славою—и сердце наше забьется крѣпче!

Давно я имѣлъ намѣреніе изобразить жизнь нашей Руси, но всегда былъ останавливаемъ мыслію: трудъ не по моимъ силамъ. Эта мысль—дѣйствительно справедливая — отнимала у автора всякую надежду приступить когда-нибудь, но разсуждая, что и слабое ознакомленіе, по возможности—точное, не должно быть порицаемо, — далѣе авторъ говоритъ,—я рѣшился начертить его въ бытѣ русскаго народа. Не безъ робости представляю его моимъ соотечественникамъ, если они найдутъ его достойнымъ своего вниманія, то буду радоваться,— говоритъ авторъ,—съ ними.

Признаюсь, занимаясь съ любовію изложеніемъ быта русскаго народа, я укрѣплялся еще надеждою, что даровитые люди разовьютъ современемъ это сочиненіе, которое, по скудости собранныхъ свѣдѣній, раздѣлено на VII частей и въ нихъ помѣщено:

Въ части I.—I. Народность. II. Жилища. III. Домоводство. IV. Нарядъ. V. Образъ жизни. VI. Музыка.

Въ части II.—Свадьбы.

Въ части III.—I. Времясчисленіе. II. Крещеніе. III. Похороны. IV. Поминки. V. Дмитріевская суббота.

Въ части IV. — Забавы. I. Игры. II. Хороводы.

Въ части V.—Простонародные обряды. I. Первое марта. II. Встрѣча весны. III. Красная горка. VI. Радуница. V. Запашка. VI. Кукушка. VII. Купало. VIII. Ярило. IX. Обжинки. X. Бабье. лѣто XI. Братчины.

Въ части VI.—I. Обрядные праздники. II. Недѣля Вай. III. Пасха. IV. Русальная недѣля. V.

Семикъ. VI. Тройцынъ день. VII. Первое апрѣля. VIII. Первое мая.

Въ части VII.—I. Святки. II. Маслянница.

Далѣе говоритъ авторъ, что—«нѣкоторые изъ отечественныхъ писателей занимались изслѣдованіями русской жизни, обычаевъ и забавъ и въ началѣ первыхъ своихъ трудовъ обѣщали многое, потомъ, встрѣтивъ трудности, охладѣли въ своемъ усердіи,—вскорѣ заняли ихъ мѣста два ревностные писателя: г. Снегиревъ и г. Сахаровъ; первый, издавъ: «Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды» въ четырехъ выпускахъ—остановился; второй, представивъ скромно — «Сказанія русскаго народа», расширилъ ихъ впослѣдствіи дополненіями и новыми свѣдѣніями».

Этотъ самый капитальный трудъ въ области изученія быта русскаго народа А. Терещенко давно сдѣлался библіографическою рѣдкостью.

Купленъ мною экземпляръ за 35 рублей (въ хорошемъ видѣ).

Авторъ этой книги, Александръ Терещенко, извѣстный археологъ и писатель, былъ весьма полезнымъ дѣятелемъ для науки, какъ по своимъ археологическимъ изслѣдованіямъ, такъ и по описаніямъ быта русскаго народа. Александръ Терещенко умеръ въ Зиньковѣ (Полтавской губерніи) 21 февраля 1866 года.

147. Бѣлые голуби. Сочиненіе П. Мельникова.—Въ 8 д. л.

Въ началѣ этой чрезвычайно любопытной книжки, появившейся въ свѣтъ, какъ видно изъ первыхъ же ея строкъ, благодаря извѣстному и громкому въ свое время судебному процессу, говорится слѣдующее:

Бѣлыми голубями называютъ себя сектаторы, о которыхъ по случаю Плотицынскаго дѣла такъ много говорятъ теперь. О таинственномъ ученіи хлыстовъ и скопцовъ до сихъ поръ напечатано было очень немного *).

Мы сочли благовременнымъ напечатать о скопцахъ кое-что намъ извѣстное, не вдаваясь въ большія подробности, которыя современемъ надѣемся представить въ большомъ трактатѣ «Тайныя секты». Начало этого трактата было помѣщено въ пятой книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1868 годъ.

Источниками для представляемаго изслѣдованія служили; 1) Выписи изъ дѣлъ о квакерской ереси, производившихся въ Москвѣ въ 1734 и 1745—1752 годахъ. 2) Выписки изъ 180 дѣлъ о хлыстахъ и скопцахъ, производившихся въ разныхъ мѣстахъ въ 1774—1861 годахъ. Онѣ сдѣланы въ архивахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, генералъ-губернатора, московской уголовной палаты, нижегородскаго губернскаго правленія, канцеляріи тамбовскаго губернатора, канцеляріи кавказскаго намѣстника и др. 3) Напечатанное въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ покойнаго Надеждина «Изслѣдованіе о скопческой ереси», Спб. 1845 г. и «Изслѣдованіе о скопцахъ» В. И. Даля (единственный экземпляръ этого сочиненія въ Чертковской библіотекѣ) 4) Корректурные листы «Изслѣдованія о хлыстовской ереси» покойнаго Надеждина. 5) Свѣдѣнія о разныхъ раскольническихъ сектахъ и ихъ заблужденіяхъ, собранныя въ Соловецкомъ монастырѣ. Рукопись. 6) Два донесенія Императору Александру Павловичу, поданныя въ февралѣ 1825 года крестьяниномъ Костромской губерніи Иваномъ Андреяновымъ. Рукопись. 7) Архимандрита Досиѳея «О тайностяхъ скопческой ереси». Рукопись. 8) Объясненіе Ивана Кудимова. Рукопись. 9) Объясненіе скопца штабсъ-капитана Созоновича. Рукопись. 10) Объясненіе скопца Овчинникова. Рукопись. 11) Полковника князя Голицына «О скопцахъ, открытыхъ въ Москвѣ въ 1835 году». Рукопись. 12) Преосвященнаго Іакова, архіепископа нижегородскаго, «О хлыстахъ въ Саратовской губерніи». Рукопись. 13) Священника Алексѣя Зайцева «Описаніе скопческой секты, ея обряды и пр.». Рукопись. 14) «О скопцахъ Бобровскаго

*) Въ 1819 году была напечатана въ Петербургѣ книга: О скопцахъ. Едвали она не писана кѣмъ-нибудь изъ сочувствовавшихъ этой сектѣ. Авторъ, представивъ скопцовъ людьми совершенно невинными, не указываетъ на тайное ихъ ученіе. Въ 1845 году, по распоряженію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, напечатано было „Изслѣдованіе о скопческой ереси“ покойнаго Надеждина, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Оно перепечатано г. Кельсіевымъ въ Лондонѣ. Предъ тѣмъ приготовлялось къ печати, по распоряженію того-же министра, „Изслѣдованіе о скопцахъ“ В. И. Даля, вошедшее въ книгу Надеждина. Отъ изслѣдованія г. Даля сохранилась одна только корректура, пожертвованная авторомъ въ Чертковскую библіотеку въ Москвѣ. Любопытныя свѣдѣнія о скопцахъ находятся въ „Исторіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ г. Варадинова томъ VIII, въ статьяхъ г. Кельсіева, напечатанныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1867 года, подъ заглавіемъ: „Великорусскіе двоевѣры“ и въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей“ (статьи В. С. Толстаго и И. П. Липранди).

уѣзда». Рукопись. 15) «О раскольникахъ и въ особенности о скопцахъ». (Записка, представленная графомъ Л. А. Перовскимъ Императору Николаю Павловичу въ августѣ 1844 года). 16) «О скопцахъ и скопческой ереси». (Двѣ записки, представленныя Императору Николаю Павловичу въ 1845 году). 17) О скопцахъ, открытыхъ въ Москвѣ по доносу крестьянина Матусова. Рукопись. 18) Военно-судное дѣло о скопцахъ при Кронштадтскомъ портѣ. Рукопись. 19) О движеніи скопцовъ на Кавказѣ въ 1842 году. Рукопись. 20) Маранскіе скопцы. Рукопись. 21) Хлысты Мышкинскаго и Углицкаго уѣздовъ, открытые въ 1851 году. Рукопись. 22) Рижскіе скопцы. Рукопись. 23) О прыгункахъ въ Таврической губерніи. Рукопись. 24) О московскихъ хлыстахъ. Рукопись. 25) О богородицѣ Устиньѣ, послѣдней въ родѣ Данилы Филипповича. Рукопись. 26) Монтане въ Самарской губерніи. Рукопись. 27) Письма пророка Василія Радаева къ священнику села Мотовилова, Арзамаскаго уѣзда, въ 1850 году. Рукопись. 28) О сектѣ фарисеевъ. Рукопись. 29) Арина Лазаревна, ея ученіе и послѣдователи. Рукопись. 30) Свѣдѣнія о богомолахъ въ Тамбовской губерніи. Рукопись. 31) Извѣстія о хлыстахъ Тульской губерніи. Рукопись. 32) Священника города Калуги Ивана Сергѣева «Изъясненіе раскола, именуемаго хлыстовщина или христовщина», представленное имъ святѣйшему синоду въ 1809 году. Рукопись. 33) «Страды или Посланіе отца искупителя (Кондратія Селиванова)». Рукопись. Напечатана въ 4 книжкѣ «Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей» на 1864 годъ. 34) Сто шестьдесятъ четыре пѣсни хлыстовъ и скопцовъ. Въ разныхъ рукописяхъ и отдѣльно. 35) Скопчество между лютеранъ С.-Петербургской губерніи. Рукопись. 36) Двѣ пѣсни скопческія на чухонскомъ языкѣ. Рукопись.

В.

148. Вадимъ Новгородскій. Трагедія въ стихахъ, въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Як. Княжнина. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 1793 года.—Въ 8 д. л., 73 стр.

Трагедія «Вадимъ» имѣетъ теперь исключительно библіографическое значеніе, но въ свое время она надѣлала много шуму и даже удостоилась преслѣдованія. Спустя десять дней послѣ ея выхода въ

Княжнинъ, Яковъ Борисовичъ.

Знаменитый представитель русской трагедіи въ литературную эпоху Екатерины Великой. Род. 1742 г., ум. 1791 г.—Рис. и грав. А. Нейманъ.

свѣтъ, трагедія обратила на себя вниманіе Императрицы Екатерины и была конфискована; раскупленные экземпляры отобраны и всѣ сожжены. Время появленія этой трагедіи относится къ 1793 году, т. е. въ самый разгаръ французской революціи, когда въ Россіи говорилось и писалось, что «Мирабо ни единой висѣлицы достоинъ»; когда въ невинныхъ вещахъ видѣли какіе-то «вылазки» и «французскій ядъ» или: «предложеніе, уничтожающее законы и совершеніе тѣ, отъ которой Франція верхъ дномъ поставлена»; когда было говорено о книгѣ «Путешествіе отъ Петербурга до Москвы»: «тутъ разсѣяніе французской заразы, отвращеніе отъ начальства; авторъ «Мартинистъ», онъ бунтовщикъ хуже Пугачева, хвалитъ Франклина». Все это было высказано года за три до появленія «Вадима», поэтому понятно, что съ подобной точки зрѣнія и «Вадимъ» могъ показаться «набатомъ», какъ говоритъ митр. Евгеній въ своемъ «словарѣ свѣтскихъ писателей». Въ настоящее время такія ужасные взгляды не приложимы къ невинной трагедіи Княжнина, ибо вообще «Вадимъ» не только не заключаетъ ничего вреднаго, но даже восхваляетъ монархическій принципъ. Лица, запретившія пьесу, взглянули на нее крайне односторонне; они не хотѣли вникнуть въ ея идею, а остановились на двухъ-трехъ стихахъ, показавшихся имъ рѣзкими и

«якобинскими», забывая, что не могутъ-же всѣ лица въ пьесѣ говорить одно и то же, и что мнимо-рѣзкія тирады ничего не значатъ при общемъ впечатлѣніи пьесы, представляющей Рюрика благодушнымъ властителемъ, снабженнымъ всѣми возможными добродѣтелями и спасителемъ Новгорода отъ необузданностей свободы, междоусобій и самоуправствъ. Книга въ настоящее время составляетъ большую библіографическую рѣдкость. Цѣнится отъ 50 до 75 рублей.—См. «Русская Старина» за 1871 годъ сообщ. П. А. Ефремова. Сопиковъ: № 11867, сказано: «очень рѣдкая»; Губерти: № 171; Геннади: № 84; Бант.-Каменскій: слов. т. III, стр. 78; Остроглазовъ: «Кн. рѣдкости»; Березинъ-Ширяевъ.

Чтобы дать понятіе о сей библіографической рѣдкости, прилагаю указъ о сожженіи книгъ «Вадимъ» трагедія Княжнина въ 1793 году, а затѣмъ и самую трагедію «Вадимъ Новгородскій» изъ слова въ слово.

Сенатскій указъ о сожженіи книги «Вадимъ», трагедіи Княжнина. 1793 г.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Казанскаго намѣстническаго правленія—Царевококшайскому городничему господину секундъ-маіору Булычеву.

Въ указѣ Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената въ сіе намѣстническое правленіе напечатано: «Правительствующему-де Сенату господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ генералъ-прокуроръ и кавалеръ Александръ Николаевичъ Самойловъ предложилъ, что въ публику вышла книга, напечатанная въ 1793 году подъ названіемъ: Трагедія «Вадимъ Новгородскій», сочиненія покойнаго надворнаго совѣтника Якова Княжнина. Въ сей трагедіи помѣщены нѣкоторыя слова не токмо соблазнъ подающія и къ нарушенію благосостоянія общества, но даже есть израженія противу цѣлости законной власти царей, что усмотритъ Правительствующій Сенатъ изъ самой той трагедіи. Таковыя дерзкія изрѣченія противны въ началѣ божественнымъ, а потомъ и гражданскимъ законамъ. Священное писаніе глаголетъ: «нѣсть власти, аще не отъ Бога; сущія власти отъ Бога учинены суть; тѣмъ же противляяйся власти—Божію повелѣнію противляется». Гражданскія законоположенія на тотъ конецъ расположены, чтобъ каждому видѣти все отечество свое на самой высшей степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія и охраняются ими какъ общая, такъ и личная каждаго безопасность. Пекущаяся о семъ Всемилостивѣйшая Наша Государыня и Матерь отечества доказываетъ ежедневными опытами, воздая всегда заслугѣ должное, отвращая всякое и малѣйшее отъ вѣрноподданныхъ ея утѣсненіе и соединяя праведный свой судъ съ милостію. Правительствующій Сенатъ, яко хранилище законовъ и исполняющій велѣнія Ея Императорскаго Величества, болѣе другихъ о томъ извѣстенъ и какъ по тѣмъ же самымъ спасительнымъ Ея Величества законамъ постановлено всякое поползновеніе, клонящееся къ нарушенію безопасности общей и частной удалить и истреблять, посему во основаніе принятому истинному правилу, неблагоугодно-ли будетъ Правительствующему Сенату сію вышедшую, столь съ дерзкими словами, трагедію разсмотрѣть и сдѣлать объ ней надлежащее рѣшеніе».

И Ея Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ приказали: «оную книгу, яко наполненную дерзкими и зловредными противъ законной самодержавной власти выраженіями, а потому въ обществѣ Россійской имперіи нетерпимую—сжечь въ здѣшнемъ столичномъ городѣ публично, чего для и отослать ее въ С.-Петербургское губернское правленіе при указѣ и чтобъ отъ управы благочинія обывателямъ объявить, дабы они, кто бы у себя означенную книгу ни имѣлъ, тотчасъ представили оную въ губернское правленіе, съ таковымъ подтвержденіемъ, что если кто утаитъ и не представитъ оную, тотъ подвергаетъ себя осужденію по законамъ, а какъ быть можетъ, что оная книга не токмо въ Москвѣ, но и въ прочихъ губерніяхъ уже распространилась, то московскому губернскому и намѣстническимъ правленіямъ предписать, дабы и они, равнымъ образомъ, отъ таковыхъ, кто оныя имѣетъ, отобравъ доставили бы немедленно въ Сенатъ для истребленія оныхъ».

Для того казанское намѣстническое правленіе приказали: о полученіи указа Правительствующему Сенату донесть рапортомъ, губерніи-жъ Казанской городничимъ и въ нижніе земскіе суды съ прописаніемъ онаго указа къ надлежащему исполненію послать указы, предписавъ въ оныхъ...

См. «Русская Старина» за 1871 годъ, стр. 91-я.

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКИЙ

ТРАГЕДІЯ

въ

стихахъ,

въ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочинена.

Як. Княжнинымъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ,

1793 года.

Заглавный листъ трагедіи „Вадимъ Новгородскій", сочин. Я. Б. Княжнинымъ.
По рѣдкому экз. изъ собранія Бурцева.

Я. Б. Княжнинъ.
Съ фотографіи.

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ,

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Рурикъ, князь новгородскій.
Вадимъ, посадникъ и полководецъ.
Рамида, дочь его.
Пренестъ } посадники.
Вигоръ }
Изведъ, наперсникъ Рурика.
Селена, наперсница Рамиды.
Воины.
Народъ.
Дѣйствіе въ Новгородѣ на площади.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе I.

(Ночь).

ПРЕНЕСТЪ и ВИГОРЪ.

ВИГОРЪ.

Уже Вадимъ, свершивъ со славою войну,
Приходитъ наконецъ въ отеческу страну;
Но свой возвратъ почто отъ всѣхъ гражданъ скрываетъ
И только лишь двоихъ насъ зрѣть удостояетъ?
Почто назначилъ онъ свиданья съ нами часъ,
Доколь не освѣтитъ лучъ солнца нашихъ глазъ,
На самой площади, намъ прежде столь священной,
Новградскій гдѣ народъ свободой возвышенной,
Подвластенъ только бывъ законамъ и богамъ,
Уставы подавалъ полнощнымъ всѣмъ странамъ.

ПРЕНЕСТЪ.

Самодержавца власть все нынѣ пожираетъ
И Рурикъ многихъ здѣсь вѣковъ плоды сбираетъ:
Вотъ, мыслю, скрытности Вадимовой вина.
Противна для него отеческа страна,
Гдѣ, уклоняяся предъ смертнымъ на престолѣ,
Увидитъ онъ себя въ одной съ рабами долѣ.
Се онъ! и въ слѣдъ за нимъ тѣхъ ратниковъ толпы,
Которыхъ славы въ путь вели его стопы.

Явленіе II.

ВАДИМЪ (за нимъ нѣсколько военачальниковъ, бывшихъ съ ними на войнѣ).

ПРЕНЕСТЪ и ВИГОРЪ.

ВАДИМЪ.

Я васъ-ли зрю, Вигоръ, Пренестъ великодушны!

ПРЕНЕСТЪ.

Мы, повелѣніямъ твоимъ всегда послушны,
Для насъ священный твой исполнили приказъ.

ВАДИМЪ.

Друзья, въ отечествѣ-ль моемъ я вижу васъ?..
Уже заря верхи тѣхъ башенъ освѣщаетъ,
Которыя Новградъ до облакъ возвышаетъ:
Се зримъ Перуновъ храмъ, гдѣ громъ его молчитъ—
Въ недѣйствіи Перунъ, злодѣйства видя, спитъ!
И се, тѣ славные священные чертоги,
Вельможи наши гдѣ—велики, будто боги,
Но ровны завсегда и меньшимъ изъ гражданъ,
Ограды твердыя свободы здѣшнихъ странъ,
Народа именемъ, который почитали,
Трепещущимъ царямъ законы подавали.
О, Новоградъ! что ты былъ и что ты сталъ теперь?
(Обращается ко всѣмъ)
Героевъ сонмъ! его величье ты измѣрь;
А я, отъ горести, его въ оковахъ видя,
Безсиленъ то свершить, я жизни ненавидя...
Вы содрагаетесь? И какъ не трепетать,
Когда изъ рабства безднъ осмѣлимся взирать
На прежню высоту отечества любезна!
Вся сила Сѣвера предъ онымъ безполезна,
Его могущество не знающе враговъ,
Равняла въ ужасѣ съ могуществомъ боговъ.
А днесь сей пышный градъ, сей Сѣвера владыка—
Могли-ли ожидать позора вы толика!—
Сей гордый исполинъ, владыки самъ у ногъ
Поверженъ, то забыть, что прежде онъ возмогъ!

Забылъ?.. Но какъ забыть? Что взоръ ни поражаетъ,
Все славу падшую его изображаетъ!
Воззримъ-ли на поля—еще звучитъ тамъ громъ,
Которымъ Готѳъ сраженъ, дерзнувъ намъ быть врагомъ;
Иль очи обратимъ на внутренности града,
Повсюду тѣ стези, гдѣ гордые цари
Покорство намъ несли, по тщетной съ нами при.
Вотъ мѣсто самое, тѣхъ почестей свидѣтель,
Когда здѣсь нашъ народъ, владыкамъ благодѣтель
Гонимаго царя Варягъ пріявъ подъ кровъ,
Заставилъ въ трепетѣ молчать его враговъ.
Граждане! вспомните то славой полно время:
Но вспомните — дабы низвергнуть быстро бремя!..
О стыдъ! Сей царь тогда покоренъ, удрученъ,
Съ моленіемъ представъ въ срединѣ нашихъ стѣнъ,
Свое чело на прахъ предъ нами уклоняетъ;
А днесь—о грозный рокъ!—онъ нами обладаетъ...
Сей Рурикъ!.. Не могу я болѣ продолжать;
Но ваше чувство вамъ то можетъ докончать,
Чего въ отчаяньи свершить мой гласъ не можетъ.

ВИГОРЪ.

И наше сердце грусть твоей подобна гложетъ.
Отечество мы зря низверженно въ напасть,
Въ отчаяньи его оплакиваемъ часть.

ВАДИМЪ.

Оплакиваете?.. О странныя премѣны!
Оплакиваете?.. Но кто-же вы?.. Иль жены?..
Иль Рурикъ столько могъ вашъ духъ преобразить,
Что вы лишь плачете, когда вашъ долгъ разить?

ПРЕНЕСТЪ.

Мы алчемъ вслѣдъ тебѣ на вѣкъ себя прославить,
Разрушить гордый тронъ, отечество возставить;
Но хоть усердіе въ сердцахъ у насъ горитъ,
Однако способовъ еще къ тому не зритъ.
Пренебрегая дни и гнусны и суровы,
Коль должно умереть—мы умереть готовы.
Но чтобы наша смерть не тщетная—отъ зла
Спасти отечество любезное могла,
И чтобы узы рвать стремяся мы въ неволѣ,
Не отягчили-бы сихъ узъ еще и болѣ.
Познаешь самъ, Вадимъ, сколь трудно рушить тронъ,
Который Рурикъ здѣсь воздвигнулъ безъ препонъ,
Прошеньемъ призванный отъ цѣлаго народа;
Увѣдаешь, какъ имъ отъятая свобода
Прелестной властію его замѣнена;
Узнаешь, какъ его держава почтена,
И истинныхъ сыновъ отечества сколь мало,
Которы, чувствуя грызуще рабства жало,
Стыдилися-бъ того, что въ свѣтѣ смертный есть,
Въ рукахъ котораго ихъ вольность, жизнь и честь.
Коварствомъ Рурика граждански слабы силы;
А воинствомъ Варягъ наполненъ градъ унылый.
Намъ должно помощи безсмертныхъ ожидать,
И боги случай намъ удобный могутъ дать.

ВАДИМЪ.

Такъ должно на боговъ намъ только полагаться
И въ стадѣ человѣкъ безъ славы пресмыкаться?
Но боги дали намъ свободу возвратить:
И сердце—чтобъ дерзать, и руки—чтобъ разить!
Ихъ помощь въ насъ самихъ! Какой еще хотите?
Ступайте, ползайте, ихъ грома тщетно ждите;
А я, одинъ за васъ во гнѣвѣ здѣсь кипя,
Подвигнусь умереть, владыки не терпя!
О рокъ! Отечества три лѣта отлученный,
За славою его побѣдой увлеченный,
Оставя вольность я, блаженство въ сихъ стѣнахъ,
На насъ воздвигшихся, свергаю гордость въ прахъ;
Я подвиговъ моихъ плоды несу народу;
Что-жъ вижу здѣсь? Вельможъ, утратившихъ свободу,
Во подлой робости согбенныхъ предъ царемъ
И лобызающихъ подъ скиптромъ свой яремъ.
Скажите, какъ вы, зря отечество паденье,
Могли минуту жизнь продлить на посрамленье?
И если не могли свободы сохранить—
Какъ можно свѣтъ терпѣть и какъ желать вамъ жить?

ВИГОРЪ.

Какъ прежде, мы горимъ къ отечеству любовью.

ВАДИМЪ.

Не словомъ доказать то должно-бъ—вашей кровью!
Священно слово толь изъ вашихъ бросьте словъ.
Или отечество быть можетъ у рабовъ?

ВИГОРЪ.

Имѣя праведно духъ грустью огорченный,
Напрасно, противъ насъ ты, гнѣвомъ омраченный,
Тягчишь невиннѣйшихъ толь лютою виной.
Едва предъ войскомъ ты разстался съ сей страной,
Вельможи многіе къ злодѣйству видя средство
И только сильные отечества на бѣдство,
Гордыню, зависть, злость, мятежъ ввели во градъ.

Жилище тишины преобратилось въ адъ;
Святая истина отселѣ удалилась;
Свобода, встренетавъ, къ паденью наклонилась;
Междоусобіе со дерзостнымъ челомъ
На трупахъ сограждан воздвигло домъ.
Стремяся весь народъ быть пищей алчныхъ нравовъ,
Сражался въ бѣшенствѣ за выборы тирановъ.
Весь Волховъ кровію дымящейся кипѣлъ.
Плачевный Новградъ! ты спасенія не зрѣлъ!
Почтенный Гостомыслъ, украшенъ сѣдинами,
Лишился всѣхъ сыновъ подъ здѣшними стѣнами,
И плача не о нихъ—о бѣдствѣ согражданъ,
Единъ къ отрадѣ намъ безсмертными былъ данъ.
Онъ Рурика сего на помощь приглашаетъ;
Его мечемъ онъ намъ блаженство возвращаетъ.
Въ то время, лѣтами и бѣдствомъ изнуренъ,
Дни кончилъ Гостомыслъ, отрадой озаренъ,
Что могъ отечества возстановить спокойство;
Но отходя къ богамъ, чтя Рурика геройство,
Народу завѣщалъ, да сохранить онъ власть,
Скончавшую его стенанья и напасть.
Народъ нашъ, тронутый заслугой толь великой,
Поставилъ надъ собой спасителя владыкой.

ВАДИМЪ.

Владыкой! Рурика! кого народъ сей спасъ?
Пришедъ на помощь къ намъ, что дѣлалъ онъ для насъ?
Онъ долгъ платилъ!... Но коль его благодѣянья
Казалися вамъ быть достойны воздаянья—
Иль должно было вамъ свободою платить
И рабство ваше въ даръ заслуги положить?
О души низкія! падущія предъ рокомъ,
И увлекаемы случайности потокомъ,
Ахъ! если-бъ вы себя умѣли почитать!
Блаженъ-бы Рурикъ былъ, когда-бъ возмогъ онъ стать,
Въ порфирѣ облеченъ, гражданамъ нашимъ равенъ.
Великимъ титломъ симъ между царей ввѣкъ славенъ.
Сей честью былъ-бы онъ съ избыткомъ награжденъ.
Гласите: Гостомыслъ, геройствомъ убѣжденъ,
Вамъ узы завѣщалъ, чтобъ кончить ваше бѣдство.
Иль вольность сограждан была его наслѣдство?
Иль могъ онъ васъ равно какъ тѣхъ животныхъ дать,
Которыхъ для себя всякъ можетъ обуздать?
Закрытый, въ гордости, отечества любовью
И кровь соединя свою со царской кровью,
Подъ видомъ прекратить всеобщую напасть,
Онъ сыну дочери своей здѣсь отдалъ власть.
А я тому дамъ дочь мою единородну,
Имѣя душу кто не рабску, благородну,
Стремясь отечества къ спасенью мнѣ во слѣдъ
И жизни не щадя, всѣхъ смертныхъ превзойдетъ.
Рамида та цѣна, котору предлагаю.
Тирановъ врагъ — мой сынъ!... Къ ней страсть я вашу знаю,
Вы знаете, ея прельщены красотой
Алкали чести быть цари въ родствѣ со мной;
Но я пренебрегалъ пріять тирана въ сына,
И гражданинъ—хотѣлъ Новградска гражданина.
Явите, имени сего достойны-ль вы?
Иль идола рабовъ воздвигнувъ на главы,
Меня, и честь, и все ему предайте въ жертву.
Увидьте и мою вы дщерь сраженну, мертву.

ВИГОРЪ.

Чтобъ достойнымъ быть дражайшей толь руки,
Готовъ одинъ презрѣть несмѣтные полки,
Которыми престолъ свой Рурикъ утверждаетъ

ПРЕНЕСТЪ.

Колико счастія сего мой духъ алкаетъ,
И сколько я мое отечество люблю—
Съ оружіемъ въ рукахъ я то тебѣ явлю.

ВИГОРЪ.

Клянусь Перуновымъ я именемъ священнымъ,
Клянуся сердцемъ я, Рамидою прельщеннымъ,
На все дерзать.

ПРЕНЕСТЪ.

Прими ты клятву и мою.

ВАДИМЪ.

О жаръ героевъ! Васъ я нынѣ познаю!
Надежда вы гражданъ, отечества отрада!
(Къ военачальникамъ, съ нимъ пришедшимъ)
Поборники мои! оставимъ стѣны града,
И пользуясь еще остаткомъ слабой тьмы,
Въ тѣ дебри мрачныя отсель отъидемъ мы,
Гдѣ ратники мои побѣдою вѣнчанны,
Питая ярости стремленья несказанны,
Котору въ нихъ возжегъ отечества уронъ,
Рѣшились умереть или низвергнуть тронъ.
Вигоръ къ героямъ симъ послѣдуетъ за нами,
Пренестъ останется здѣсь правити сердцами.
Ступайте!... (Военачальники и Вигоръ уходятъ).

Явленіе III.

ВАДИМЪ и ПРЕНЕСТЪ.

ВАДИМЪ.

Я тебѣ ввѣряю нашу часть:
Потщись воспламенить къ отечеству ту страсть,
Которая граждань героями творила,
Которую въ сердцахъ держава затворила,
Что можешь чувствовать, дай чувствовать то имъ.
Сравняй себя, Пренестъ, съ почтеніемъ моимъ.
Хоть въ равный путь Вигоръ съ тобою и стремится,
Но твой успѣхъ моимъ желаньемъ становится.
Блаженъ, когда тебя обязанъ награждать,
Къ Рамидѣ возмогу твой пламень увѣнчать.

ПРЕНЕСТЪ.

И дочерью твоей прекрасною прельщенный,
И лестнымъ мнѣ твоимъ почтеньемъ восхищенный,
Стыжуся я неся мою на жертву кровь,
Что жаръ къ отечеству дѣлитъ любовь!
И можетъ быть твое почтенье уменьшаетъ
Награда, чѣмъ Вадимъ мнѣ сердце утѣшаетъ.
Вѣрь мнѣ, хотя всего превышу чту сей даръ,
Но должности моей—любви не вреденъ жаръ,
Въ которомъ все мое я счастье обрѣтаю;
И если къ горести Рамидою я таю,
Хотя несклонна мнѣ пребудетъ навсегда,
Несчастенъ быть могу, безчестенъ—никогда!
Увидишь ты меня надежды всей лишенна,
За общество въ твой слѣдъ геройски устремленна,
Какъ и съ надеждую равно несуща грудь,
Пренебрегая жизнь, въ кровавый славы путь.

ВАДИМЪ.

Сего надѣюсь я, Пренеста сердце зная;
Но дочь Вадимову такъ мало почитая,
Почто ты думаешь несклонну ее зрѣть
И общества въ себѣ спасителя презрѣть?
Въ ней кровь моя; она не будетъ малодушна
И—только должности своей всегда послушна—
Тѣ сердца слабости умѣетъ обуздать,
Которы нѣга въ насъ удобна возрождать.
Воспитанная мной, ты будешь въ томъ свидѣтель,
Ей власть моя—законъ, а счастье — добродѣтель.
Прости, ужъ солнца лучъ, распространяя свѣтъ,
Въ дремучіе лѣса меня отсель зоветъ.
Увы! Когда уже здѣсь все порабощенно,
Здѣсь нѣтъ отечества—оно все тамъ вмѣщенно,
Герои наши гдѣ, взнося надъ судьбой,
Готовы умереть иль скиптръ попрать ногой!

ПРЕНЕСТЪ.

Но дочь, незнающу Вадима возвращенья,
Почто узрѣть тебя лишаешь утѣшенья?

ВАДИМЪ.

Прибытіе мое брегись открыти ей:
Хоть горько для души родительской моей,
Что часъ свиданія я съ нею отдаляю,
Но я отечество себѣ предпочитаю.
Спѣшу устроить все, чтобы въ грядущу ночь,
Свободу здѣсь узрѣвъ, мою увидѣть дочь.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе I.

РАМИДА и СЕЛЕНА.

СЕЛЕНА.

Се, приближается тотъ часъ, тобой желанный,
Въ которой твой отецъ, побѣдою вѣнчанный,
Вадимъ, прибытіемъ обрадовавъ сей градъ,
Рамидѣ принесетъ съ собою тьму отрадъ.
Узришь возлюбленна родителя—героя,
Который общества спокойствіе устроя,
Ко прекращенію любезной дщери мукъ
Приходитъ, изъ своихъ побѣдоносныхъ рукъ
Отдать ее въ вѣнцѣ пылающему ею.
Увѣрена твоей чувствительной душею
Твое величіе не чту себѣ въ уронъ.
Супруга Рурика, возшедшая на тронъ,
Надѣюсь, для меня Рамидою пребудетъ
И дружества во вѣкъ Селены не забудетъ.

РАМИДА.

Ты знаешь чувствія Рамидовой души.
Селена, ты меня сей дружбы не лиши,
Которая мое блаженство возвышаетъ;
Она равно мой духъ плѣненный утѣшаетъ,
Какъ та безсмертная, неодолима страсть,
Безъ коей всякое мнѣ счастіе—напасть.
Вѣрь мнѣ, сей блескъ вѣнца престола возвышенье,
Для чувствъ Рамидиныхъ презрѣнно утѣшенье!
Въ корысти, въ гордости я сердце не гублю:
Не князя въ Рурикѣ, а Рурика люблю.

СЕЛЕНА.

Душою обладать героя ты достойна;
Но въ ожиданіи твоихъ отрадъ спокойна,

Готовясь къ счастью быть спряженной бракомъ съ нимъ,
Не огорчаешь-ли предчувствіемъ какимъ
Души нѣжнѣйшею любовью упоенной?
Не вопіетъ-ли гласъ свободы сокрушенной?
Не воображается-ль великій твой отецъ
Во гнѣвѣ, въ ярости, зря царскій здѣсь вѣнецъ?

РАМИДА.

Почто-жъ смущать мое блаженство сей напастью?
И что свобода вся предъ Руриковой властью?
Вѣрь мнѣ, родитель самъ, героя зря сего,
Свободу, гордость, все—забудетъ для него.
Возможно-ль Рурика кому возненавидѣть?
Чтобъ обожать его, лишь надобно увидѣть.
Своею вольностью лишенный всѣхъ отрадъ,
Не то-ли чувствовалъ, что я, и весь сей градъ,
Какъ Рурикъ къ намъ привелъ торжественное войско.
Вообрази себѣ сіе чело геройско,
Престолъ божественныхъ его души добротъ,
Надежду будущихъ властителя щедротъ;
Тѣ очи молніей и кротостію полны,
Когда, смиривъ онъ здѣсь смятенья страшны волны,
Народъ признательный привлекъ къ своимъ ногамъ.
Коль можетъ человѣкъ подобенъ быть богамъ,
Конечно, Рурикъ имъ единый только равенъ.
Воспомни ты, какъ онъ, побѣдоносенъ, славенъ,
Доволенъ только тѣмъ, что намъ благотворилъ,
Въ своей душѣ за то награду находилъ
И, мужествомъ прервавъ плачевны наши стоны,
Отрекся здѣшнія завидной всѣмъ короны.
Тогда народъ, страшась своихъ возврата бѣдъ,
Слезами орошалъ сего героя слѣдъ.
Въ какія горести весь градъ сей погрузился;
Казалося, намъ часъ послѣдній приблизился.
Всему отечеству мой духъ сотрепеталъ,
И съ Рурикомъ весь міръ Рамидинъ погибалъ.
Ты видѣла то все. Селена, ты безстрастна!
Скажи? Когда-бъ тебѣ вселенная подвластна
Съ подобострастіемъ у ногъ твоихъ была,
Иль власти-бъ ты своей ему не отдала?
И міра къ радости, противъ себя правдива
Подъ властью Рурика ты какъ была-бъ счастлива?

СЕЛЕНА.

Сомнѣнія въ томъ нѣтъ, достоинъ власти онъ;
Но если-бъ твой отецъ, которому здѣсь тронъ
Гражданскихъ всякихъ бѣдъ несноснѣе казался,
Противу Рурика къ несчастью ополчался,
Когда-бы не смотря на плачущую дщерь...

РАМИДА.

Отъ мысли сей мой духъ трепещетъ и теперь!
Увы! коль мнѣ судьба толико будетъ злобна,
Хоть скорби не снесу мученья безподобна,
Колико Рурика я смертно ни люблю,
Умру, но должности моей не преступлю;
И повинуяся родительской я власти,
У ногъ его мои окончу всѣ напасти...
Но нѣтъ, почто, почто мнѣ сердце разрывать
И грудь стенящую слезами обливать?
Чего не можетъ быть—почто мнѣ тѣмъ терзаться
И горестнѣйшимъ толь мечтаньемъ устрашаться?
Мы лютость отъ себя сихъ мыслей удалимъ.
Не можетъ къ Рурику питати злость Вадимъ,
Не можетъ... И герой героя обожаетъ.
Твое сомнѣніе обоихъ унижаетъ.
Во славѣ равные, что можетъ ихъ смутить?
Что можетъ къ зависти родителя склонить?..
То свойство гнусное лишь подлыхъ душъ и черныхъ,
Чтобъ зря достоинства на высотахъ безмѣрныхъ
И бывъ безсильными до оныхъ возлетѣть,
Во мрачности своей ихъ блеска не терпѣть.
А истинный герой, упитанъ свѣтомъ славы,
Доволенъ самъ собой, превыше сей отравы.
Но пусть Вадимъ-бы встревожилъ здѣсь вѣнецъ,
Иль мною Рурику не будетъ онъ отецъ?
Отвергнемъ тщетный страхъ и лютыя толь мысли.
Селена, ты мои отрады всѣ исчисли!
Но какъ возможно ихъ себѣ вообразить!
Скажи, счастливѣе меня кто можетъ быть?
Се, Рурикъ шествуетъ и зракъ его любезный
Являетъ, сколь твои сомнѣнья безполезны.

ЯВЛЕНІЕ II.

РУРИКЪ, РАМИДА, СЕЛЕНА, провожатые Руриковы.

РУРИКЪ.

На быстрыхъ крыліяхъ ужъ тѣ часы парятъ,
Которы счастіе мое несутъ въ сей градъ;
Въ которы твой отецъ, толь алчно жданный мною,
Во лаврахъ возвращенъ отечеству судьбою,
За всѣ труды меня Рамидой наградитъ
И бракомъ все мое блаженство утвердитъ.
Вельможи и народъ мнѣ дали здѣсь корону,
И сердцемъ моему покорствуя закону,

Превыше вольности мою считают власть:
Велика честь сія, но мнѣ была-бъ напасть,
Когда-бы ты меня отъ сердца отвергала
И тронъ украсить мой собою не желала.
Однако, пламень мой къ тебѣ каковъ ни лютъ,
Хоть жизнею не чту я горькихъ тѣхъ минутъ,
Въ которы, удаленъ твоей красы, страдаю,
Я счастливымъ себя еще не почитаю,
Коль равной страстію Рамида не горя,
Мнѣ счастье подаетъ, свою въ немъ должность зря:
И за гражданъ своихъ, въ награду ихъ спасенья,
Хоть малыя себѣ потерпитъ принужденья.
Чтобъ словомъ чувствіе мое изобразить,
Тобой—тебѣ одной хочу я долженъ быть.
Хоть прелести твои моей души питанье,
Хотя, лишась тебя, мнѣ будетъ жизнь страданье;
Но горьку часть сію той части предпочту,
Чтобъ зря всегда твою въ уныньи красоту,
Встрѣчая съ ужасомъ моей супруги взоры,
Всечасно находить смертельны въ нихъ укоры...
Притворства чуждому вѣрь сердцу моему:
Стократъ пріятнѣй мнѣ терзаться самому,
Какъ, изъ тоски другихъ извлекши люту радость,
Вкушати свойственно однимъ тиранамъ сладость.
Открой мнѣ чувствіе ты сердца твоего:
Не огорчаю-ли хоть мало тѣмъ его,
Что жизни счастіе въ тебѣ одной включаю.
Что я въ тебѣ себя съ душою сочетаю?

РАМИДА.

Какъ можешь, государь, ты то вообразить,
Чтобы Рамидинъ духъ умѣлъ себя склонить
Къ притворству низкому, безъ страсти принуждаться
И узамъ тягостнымъ къ мученью предаваться?
И чтобъ, скажи, тому виною быть могло?
Или увѣнчанно короною чело?
Вѣрь мнѣ, когда-бы кто вселенной на престолѣ,
Открывши гордости моей безмѣрно поле,
Вѣнцами безъ числа глазамъ моимъ блисталъ
И за любовь мою власть міра отдавалъ,
Коль сердцемъ-бы его Рамида не избрала,
Она-бы скиптры съ нимъ и троны презирала;
А если-бы свою онъ призвалъ въ помочь власть,
Умѣла-бъ смертію отвергнуть я напасть.
Гражданку здѣшнюю, возросшую въ свободѣ,
Не можетъ удивить ни что во всей природѣ,
Подвластна лишь богамъ и моему отцу,
Всѣмъ сердцемъ я къ тебѣ стремлюся, не къ вѣнцу;
Ты внемлешь гласъ души безъ ласки, безъ искусства,
Къ притворствамъ никакимъ мои не сродны чувства;
И если-бъ Рурика любить я не могла,
Я съ откровенностью то равною-бъ рекла,
Какъ и теперь мой духъ прельщенный то вѣщаетъ:
Коль Рурикъ счастье все въ моей любви включаетъ,
Когда зависитъ то отъ сердца моего,
Такъ нѣтъ счастливѣе на свѣтѣ никого.

РУРИКЪ.

О часъ драгой! моей всей жизни драгоцѣннѣй!
Я вѣчно не вкушалъ отрады совершеннѣй;
Внимая сладостнымъ изъ устъ твоихъ словамъ,
Завистна кажется моя судьба богамъ.
Увѣренъ, восхищенъ признаньемъ вожделѣннымъ,
Я съ сердцемъ, новою днесь жизнью укрѣпленнымъ,
Иду, куда меня правленья долгъ зоветъ:
Въ немъ Рурикъ бремени ужъ больше не найдетъ;
И сколь ни тягостны несмѣтны попеченья,
Труды, прискорбія, душевны огорченья,
Которыхъ требуетъ монарховъ тяжка власть,
Мнѣ будетъ счастіемъ и самая напасть;
Хоть Рурикъ жизнь свою за твой народъ утратитъ,
За все единый взоръ Рамиды мнѣ заплатитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАДИМЪ (сокрытъ въ одеждѣ простаго воина).
РАМИДА, СЕЛЕНА.

ВАДИМЪ (въ отдаленіи, не видя Рамиды).

Ужасная мое пронзила сердце вѣсть!
О дочь жестокая! Какъ то Вадиму снесть!
Рамида къ Рурику любовію пылаетъ...
Уже послѣдняго меня тиранъ лишаетъ...
Но се она...

РАМИДА.

Тебя-ль я зрю, родитель мой!
Герой! позволь въ твоихъ объятіяхъ...

ВАДИМЪ (отвергая ее).
Постой!

РАМИДА.

Что вижу?.. Ты моимъ восторгамъ отвѣчаешь
Презрѣньемъ!.. Или дочь свою пренебрегаешь?
Украшенъ лаврами ее не познаешь
И въ жертву гордости природу отдаешь?

ВАДИМЪ.

Несчастна! Если-бъ я тебя возненавидѣлъ,
Я съ равнодушіемъ восторгъ-бы твой увидѣлъ

И, ласки воспріявъ, тебя-бы не отвергъ.
Но—о несчастія неизмѣрима верхъ!—
Воззри, и по сему познай прискорбну виду:
Гнушаясь, не могу я не любить Рамиду.

РАМИДА.

Ахъ, каждая твоя ужаснѣйшая рѣчь,
Вонзаясь въ сердце мнѣ, разитъ какъ острый мечъ.
Чѣмъ винна я, скажи, возлюбленный родитель?
Что духъ терзаетъ твой, герой и побѣдитель?
Открой мнѣ, плачущей родителя у ногъ,
За что, лиша тебя, мой рокъ мнѣ столько строгъ?
Чтобъ сердцемъ ты опять къ Рамидѣ обратился,
Что дѣлать мнѣ, скажи?.. Твой болѣ зракъ смутился!
Гласи, повелѣвай—за отческу любовь,
Мнѣ должно-ли въ сей часъ пролить мою всю кровь?
Пролей! она твоя! возьми твой даръ обратно!

ВАДИМЪ.

Гласъ должности твоей какъ слышать мнѣ пріятно!
Я чувствъ родительскихъ къ тебѣ не истребя,
Не жизни требую, но чести отъ тебя.

РАМИДА.

Что слышу?.. Или дочь свою подозрѣваешь?..
Ты чести требуешь—или меня не знаешь?

ВАДИМЪ.

Не знаю... Ты сама теперь въ себя вошедъ,
Отрады полный мнѣ дать можешь-ли отвѣтъ:
Что чести въ правилахъ Вадима непремѣнна,
Ты та-же дочь моя любезна и безцѣнна?
Блистая какъ всегда заразой красоты,
Рамиду прежнюю найдешь-ли въ сердцѣ ты?

РАМИДА.

Меня вопросами какъ громомъ изумляешь!
Ты судію въ себѣ, а не отца являешь...
Богами и тобой самимъ я въ томъ клянусь,
Что та-жъ Рамида я, что вѣкъ не премѣнюсь;
Что дочь достойная Вадима, но несчастна;
Что чести правиламъ его всегда подвластна;
Что паче я всего родителя люблю;
Что я, не знавъ вины, ужасну казнь терплю.
Открой проступокъ мой!

ВАДИМЪ.

Ты страстію пылаешь
Къ носящу здѣсь вѣнецъ, а ты вины не знаешь...
Быть можетъ, клевета Рамиду тѣмъ мрачитъ.
Разруши вѣсть сію, чѣмъ городъ сей звучитъ...
Ахъ, ежели меня не истина сразила,
Коль чувствія мои Рамида сохранила,
Коль врагъ мой—врагъ тебѣ въ сіяніи вѣнца,
Дерзай, любезна дочь! въ объятія отца...
Несчастна! плачешь ты и грудь твоя томится!..
Мое безславіе мнѣ ясно становится!

РАМИДА.

Когда порокъ любить спасителя гражданъ,
Который отъ боговъ къ отрадѣ смертнымъ данъ;
Который, прекратя общественные стоны,
Отрекся здѣсь ему представленной короны;
Который, умоленъ народа токомъ слезъ,
Небесны благости съ собой на тронъ вознесъ;
Который, какъ отца, Вадима ожидаетъ:
Виновною себя Рамида почитаетъ!
Достойна казни я. Вотъ грудь моя, пронзай!
Имъ сердце плѣнное на части растерзай!
Теряя съ нимъ я все, и небеса и землю,
Ударъ смертельный твой за даръ драгой пріемлю.

ВАДИМЪ.

Обрушься на меня небесъ пресвѣтлыхъ твердь!
Ты просишь смерти, ты вкусить достойна смерть!
Злодѣйскимъ пламенемъ и пагубнымъ пылая,
Отцеубійца ты, меня во гробъ вселяя;
Измѣнница! твое отечество предавъ,
И вольность согражданъ, и святость нашихъ правъ!
О ты, сообщница коварнаго тирана,
Которымъ съ кротостью дана намъ смертна рана!
Поди къ нему, поди, скажи: твой здѣсь отецъ,
Что хочетъ онъ сорвать съ главы его вѣнецъ.
Да придетъ онъ свое предупредить паденье,
И сердце мнѣ пронзя, скончать мое мученье.
Поди, и мечь направь злодѣя моего
На грудь родителя несчастна твоего:
И смертію отца препонъ освобождена,
Взойди на тронъ, моей ты кровью обагрена!..

РАМИДА.

Постой родитель мой! Ахъ сжалься надо мной!
Твои укоры, видъ толико грозный твой,
Твой гнѣвъ—то болѣе мнѣ смерти страхъ наноситъ,
Которой у тебя дочь бѣдна тщетно проситъ...
Познай, родитель мой, познай въ сей часъ меня:
Тебя достойна я, хоть мучуся стеня...
Сей нѣжный огнь любви, мнѣ толь пріятный прежде,
Заслугой Рурика обманута въ надеждѣ,

Сей огнь, которымъ я питала жизнь мою,
Смертельно мучима, зря ненависть твою,
Сей лютый огнь кляну и въ немъ порокъ мой вижу,
И сердце слабое, терзаясь, ненавижу
За то, что я, стремясь въ немъ пламень потушить,
Съ симъ пламенемъ должна и жизни свѣтъ гасить...
Оставь мнѣ то, что сердце открывая,
Кажу его, тебя лишь болѣ прогнѣвляя;
Я искренностію родителю должна
И помощь въ горести несносной мнѣ нужна.
Отца я въ нѣдра грусть смертельну проливаю,
Родителя къ моей отрадѣ призываю...
Отеческимъ воззри ты окомъ на меня
И пожалѣй о мнѣ, несчастную виня.
Жалѣй—превозмогусь, явлюсь тебя достойна,
И волю соверша твою, умру спокойна.
Повелѣвай; меня послушну будешь зрѣть.

ВАДИМЪ.

Достойна ты меня, а хочешь умереть.
Кто? Ты? Вадима дочь! и дочь свободна града!
Превозмогись, живи и будь моя отрада.
Клянись покорствовать во всемъ твоей судьбѣ.

РАМИДА.

Клянусь!.. Чѣмъ быть могу подобна я тебѣ?

ВАДИМЪ.

Изъ сердца истребя жаръ гнусныя отравы,
Со мною шествуя ко храму вѣчной славы,
Къ тирану въ ненависть любовь преобратить.

РАМИДА.

Клянусь... хоть не могу сего я совершить...
Клянусь... коль должно мнѣ... всечасно умирая,
Не зрѣть его во вѣкъ, иль видѣть отвергая.

ВАДИМЪ.

Клянись—чтобъ могъ я дочь мою во всемъ познать
И міру безъ стыда Рамиду показать—
Клянись, что одолѣвъ душъ рабскихъ страстну муку,
Изъ нашихъ согражданъ тому отдашь ты руку,
За вольность общества кто паче всѣхъ герой
Покажетъ, что владѣть достоинъ онъ тобой.
Клянись, наградой быть тирана за паденье.

РАМИДА.

Чего ты требуешь! увы! сіе мученье
Превыше силъ моихъ! иль мало жертвы той...

ВАДИМЪ.

Поди отъ глазъ моихъ, исчезни предо мной!..
Быть дочерью моей я способъ предлагаю;
А ты... Нѣтъ! ты не дочь и я тебя не знаю!
Храня любовь отца, я только что крушусь.

РАМИДА.

Постой, родитель мой! я все свершить клянусь!
Коль мало лютыхъ мукъ, которы предпріемлю,
Ты вымысли еще...

ВАДИМЪ.

Я дочь мою объемлю!
Не плачь, умѣрь тоску, что грудь твою тѣснитъ!
Что можетъ насъ терзать, коль слава предстоитъ?
(Увидя Пренеста).
Пренестъ, отечества къ спасенью есть-ли виды?
Ужель достоинъ ты руки моей Рамиды?

Явленіе IV.

ВАДИМЪ, РАМИДА, ПРЕНЕСТЪ.

ПРЕНЕСТЪ.

Всѣ чувства устремя тебѣ подобнымъ быть
И, обществу служа, Рамиду заслужить,
Лишь только ты меня спѣша за угадъ оставилъ.
Тотчасъ мои стопы къ вельможамъ я направилъ,
Которыхъ гордый духъ противъ вѣнца роптал
И гнѣва молнію въ молчаніи питалъ.
Собравъ ихъ, я имъ рекъ: «Се часъ тотъ наступаетъ
Въ который небо намъ судьбу гражданъ вручаетъ;
Въ который городъ нашъ, сей прежде царь царей,
Сіе питалище великихъ толь мужей,
Съ свободой своего сіянія лишенный,
Подъ игомъ скипетра позорно удрученный,
Возможетъ вознестись на высоту опять,
Чтобъ Сѣверу всему законы подавать.
Уже извнѣ на тронъ направлены удары;
Ужъ съ воинствомъ Вадимъ принесъ тиранству кары.
Коль такъ-же, какъ ему, противенъ вамъ вѣнецъ,
Паденья своего не избѣжитъ гордецъ,
Который, намъ дая вкушать соты коварства,
Насъ клонитъ къ горести самодержавна царства.
Великодушенъ, днесь, онъ кротокъ, справедливъ,
Но укрѣпя свой тронъ, безъ страха горделивъ,
Коль чтитъ законы днесь, во всемъ равняясь съ нами,
Законы послѣ всѣ и насъ попретъ ногами!
Проникнувъ въ будущее вы мудростью своей,
Не усыпляйтеся блаженствомъ власти сей:

Что въ томъ, что Рурикъ сей героемъ быть родился,
Какой герой въ вѣнцѣ съ пути не совратился?
Величья своего отравой упоенъ—
Кто не былъ изъ царей въ порфирѣ развращенъ?
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Воззрите на владыкъ вы разныхъ царствъ и вѣковъ,
Ихъ власть—есть власть боговъ, а слабость—человѣковъ!»
Потомъ, чтобъ яростны противъ лучей вѣнца
И паче раздражать ихъ гордыя сердца,
Изобразилъ я имъ народовъ страшны бѣдства,
Тѣ самовластія плачевны, люты слѣдства,
Вокругъ котораго съ кадильницею лесть,
Безсудно принося богамъ пристойну честь,
Преступниковъ въ вѣнцахъ съ безсмертными ровняетъ
И кровью подданныхъ на тронахъ упояетъ.
Гнѣвъ болѣ пламеня моихъ чертами словъ,
«Представьте, я сказалъ, мы смертныхъ сихъ боговъ,
Въ надменности свою закономъ чтущихъ волю,
По гнуснымъ прихотямъ влекущихъ нашу долю
И первенство дая рабамъ своихъ страстей,
Предъ ними тотъ великъ—кто паче всѣхъ злодѣй.
Дождемся-ли и мы такой ужасной части,
Когда властитель нашъ, въ своей спокоенъ власти,
Личину хитрости со горда снявъ лица,
Явитъ чудовище подъ блесками вѣнца?
Всечасно окруженъ свирѣпостью и страхомъ,
И присвояя плодъ трудовъ несмѣтныхъ лѣтъ,
Отниметъ все у насъ и даже солнца свѣтъ,
Чтобъ подлость наградить своихъ льстецовъ презгнусныхъ.
Ужъ есть событіе такихъ предвѣстій грустныхъ:
Его Варягами наполненъ весь нашъ градъ;
Ужъ съ нами становя своихъ рабовъ онъ врядъ,
Остатки вольности и нашихъ правъ отъемлетъ:
А вашъ великій духъ на краѣ бездны дремлетъ!
Проснитесь!..» Вдругъ ихъ вопль остановилъ мой гласъ:
Идемъ пронзить тирана сей-же часъ!
Ихъ рвенье описать я сколько-бъ ни старался,
Какъ мракъ предъ пламенемъ глаголъ-бы мой казался.
И какъ изобразить движенье сихъ мужей,
Сихъ ненавистниковъ и рабства и царей;
Ихъ слезы на очахъ отъ гнѣва и позора,
Летящи молоньи отъ яростнаго взора,
Багряность мрачныхъ лицъ, сей образъ грозныхъ тучъ,
Изъ коихъ вольности блисталъ надежный лучъ
И неминуемо тираново паденье.
Впослѣдокъ премѣня свой гнѣвъ въ изступленье,
Забывъ опасности и всѣ исторгнувъ мечъ,
Стремятся тотъ-же часъ злодѣя дни пресѣчь!
«Друзья, сказалъ я имъ, безвременно геройство,
Отъемля плодъ, не есть сердецъ великихъ свойство.
Что въ томъ, коль вашу днесь погибель вы призрѣвъ,
Повергните себя въ разверстый смерти зѣвъ?
Не крови вашея отечество желаетъ:
Оно отъ вашихъ рукъ спасенья ожидаетъ.
Великимъ толь дѣламъ намъ должно дать созрѣть;
Въ грядущу ночь у стѣнъ Вадима будемъ зрѣть;
Въ грядущу ночь врата отворимъ мы герою,
А съ нимъ ведущему свободу нашу строю».
По семъ, какъ вихрями смущенна бездна водъ,
Стремленью ярости почувствовалъ оплотъ,
Стѣсненная кипитъ, реветъ и тщетно рвется,
Таковъ героевъ сонмъ во гнѣвѣ остается
И проситъ солнце путь свой ясный сократить,
Чтобъ мракъ привелъ тотъ часъ, въ который имъ разить.
(При сихъ словахъ входитъ Вигоръ).

ВАДИМЪ.

Сего я ожидалъ, героевъ нашихъ зная
И добродѣтели Пренеста почитая (указывая на дочь)
Се воздаяніе, вѣнецъ трудовъ твоихъ.

ПРЕНЕСТЪ.

Судьба моя теперь въ ея устахъ драгихъ,
Не смѣю счастливымъ дотолѣ я назваться.

РАМИДА.

Мой долгъ родителю во всемъ повиноваться.
(Уходитъ).

Явленіе V.

ВАДИМЪ, ПРЕНЕСТЪ, ВИГОРЪ.

ВИГОРЪ (въ сторону).

Что слышу? Вѣрить-ли мнѣ чувствіямъ моимъ?..
(къ Вадиму)
Смятенно воинство отсутствіемъ твоимъ...

ВАДИМЪ.

Иду (къ Пренесту) Свершай все такъ, какъ начато тобою!

Явленіе VI.

ВИГОРЪ (одинъ).

И такъ я былъ, о рокъ, коварства ихъ игрою!
Спасенью общества назначена цѣна—
Пренесту, а не мнѣ, Рамида отдана.
Что сдѣлалъ сей Пренестъ? Вадимъ, какая слава,
Какой успѣхъ ему даетъ отмѣнны права?
Почто тобою я такъ люто пораженъ?
Но тщетно быть Вигоръ не можетъ униженъ.
И если должно мнѣ лишиться Рамиды...
Вострепещи, творя столь смертны мнѣ обиды.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Явленіе I.

РАМИДА и СЕЛЕНА.

СЕЛЕНА.

Горчайшихъ слезъ твоихъ потоки осуши,
Не погружай твоей въ отчаянье души.

РАМИДА.

Все мое почувствуй ты терзанье!
О доля лютая! о страшно состоянье,
О долгъ, долгъ варварскій! мнѣ должно жизнь хранить
И не для Рурика, а для инаго жить.
Мнѣ должно, какъ врага, того возненавидѣть,
Въ комъ духъ плѣненный мой привыкъ блаженство видѣть...
Его всечасно зрѣть, его любви внимать,
Взаимной нѣжностью за нѣжность воздавать,
Въ томъ находила я, надеждой ослѣпленна,
Чего не можетъ мнѣ отдать и вся вселенна...
Возлюбленный! въ сей день предвидѣть я могла-ль
Что я смертельную во сердцѣ скрывъ печаль,
Котора безъ тебя не можетъ утѣшаться,
И зрѣть тебя должна я буду ужасаться.
Что душу зря мою въ тебѣ,—о грозный рокъ!—
Нѣжнѣйшу страсть должна считати за порокъ,
И что,—о верхъ злыхъ мукъ, неслыханныхъ и въ адѣ!—
Злодѣйству мздою ставъ въ неблагодарномъ градѣ,
Должна, о страхъ, я съ тѣмъ себя соединить,
Кто мечъ свой долженъ въ грудь дражайшую вонзить!...
Одна отрада смерть въ несносномъ толь мученьи;
Но отнято и то несчастныхъ утѣшенье:
Пристанища сего лишаетъ рокъ меня;
Умрети не могу, отцу не измѣня...
Селена! ты меня отверженную, сиру,
И не привязанну ничѣмъ ужъ болѣ къ міру,
Подъ игомъ должности ліющу токи слезъ,
Оставленну отцемъ, забыту отъ небесъ,
Не оставляй въ сіи жестокія минуты!
Когда и смертные ко мнѣ и боги люты,
Во дружбѣ лишь твоей отрада вся моя.
Не долго отягчать Селену стану я,
Не долго! И души я въ Рурикѣ лишенна,
Уже вкушаю смерть съ собою разлученна.

СЕЛЕНА.

На дружбу ты мою надежду возлагай:
Исполнитъ все она, лишь только пожелай.
Мнѣ должно-ль, Рурику открывъ твое мученье
И твоего отца порочно ополченье,
Явити всѣ ему опасности его?

РАМИДА.

Желаю смерти я, и болѣ ничего!
Ты хочешь, чтобы я, дочь люта и порочна,
Страдая отъ того, что страсть моя безпрочна,
Противъ родителя измѣной воружась,
Отраду обрѣла, къ злодѣйству преклонясь.
Нѣтъ! надъ собой не дамъ я року столько власти
Умру въ мученіяхъ, не заслужа напасти.
Я не безчестія отъ дружества ищу,
Той помощи одной, Селена, я хощу,
Чтобъ стоны ты мои смертельны воспримала;
Чтобъ состраданіемъ ты муки облегчала,
И чтобъ, какъ смерть прерветъ несчастну жизнь сію,
Явила-бъ Рурику невинность всю мою.

СЕЛЕНА.

Се, Рурикъ шествуетъ.

РАМИДА.

Мой духъ изнемогаетъ...
Сокроемся!

Явленіе II.

РАМИДА, СЕЛЕНА, РУРИКЪ И ИЗВЕДЪ.

РУРИКЪ.

Меня Рамида убѣгаетъ!
То зря, повѣрить я могу-ль моимъ глазамъ?
Когда касаюся тѣмъ радостнымъ часамъ,

Въ которы принесетъ отецъ твой въ здѣшни стѣны
Блаженство все мое, какія зрю премѣны?...
Ты отвращаешь взоръ, трепещуща, блѣдна!...
Ты знаешь, счастье все мое лишь ты одна...
Или ты быть могла противъ меня коварна?...
Спасенье твоего народа благодарна,
Другъ вѣрный общества, герой нашъ, твой отецъ,
Все то, что свято намъ, и боги наконецъ
Могли-бъ способствовать моей любви обѣтамъ;
Но сердце не стремилъ къ священнымъ толь предметамъ:
То было-бы ничто безъ сердца твоего...
Дражайшихъ слово устъ превыше мнѣ всего;
Симъ словомъ отъ тебя и въ счастіи увѣренъ,
Считалъ увѣнчаннымъ мой жаръ къ тебѣ безмѣренъ,
И зная, что въ сей день отецъ твой внидетъ въ градъ,
Для ускоренія души моей отрадъ
Ко брачну торжеству ужъ все теперь готово.
Ты повтори еще дражайшее то слово,
Съ которымъ такъ въ сей часъ не сходенъ сталъ твой зракъ,
Преобращая мнѣ свѣтъ солнца въ смертный мракъ;
Ты любишь-ли меня, какъ прежде увѣряла?...
Иль чтобъ лютѣй сразить, надежду подавала?...

РАМИДА.

Оставь къ несчастію рожденную на свѣтъ,
Будь счастливъ безъ меня, иного средства нѣтъ.

РУРИКЪ.

Что слышу? Счастливымъ мнѣ быть повелѣваешь,
А сердце изъ меня, жестока! исторгаешь.
Могу-ли безъ тебя я душу ощущать?
Тебя лишеннаго чѣмъ можетъ свѣтъ прельщать?
Рамиду потерявъ, что наградитъ утрату?
За нѣжность всю мою готовишь гробъ въ отплату.

РАМИДА.

Коль дочь Вадимова, стеняща и слаба,
Возможетъ, мучася, не быть страстей раба;
Таковъ, какъ ты, герой, давъ счастіе народу,
Удобе возвратить душѣ своей свободу.

РУРИКЪ.

Какой ужаснѣйшій изъ устъ драгихъ совѣтъ;
Рѣчь каждая твоя, какъ буря, духъ мятетъ;
Колеблются въ глазахъ затменныхъ здѣшни стѣны;
Поняти не могу внезапной той премѣны....
О страшна мысль! иной тебя возмогъ тронуть?
Свершай свирѣпости, пронзая вѣрну грудь!

РАМИДА.

О мысль смертельная! сему ты можешь вѣрить,
Что можетъ предъ тобой Рамида лицемѣрить,
Что можетъ свѣтъ сносить и жить не для тебя?...
Ахъ, что я дѣлаю?.... Разсудокъ погубя,
Стремлю смятенный духъ въ сладчайше изступленье...
Все то, что льстило мнѣ, все стало преступленье.
Могу-ль я то сказать.... рокъ! о грозный рокъ!...
Мнѣ даже зрѣть тебя, ужаснѣйшій порокъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

РУРИКЪ, ИЗВЕДЪ.

РУРИКЪ.

Скрывается! А я, какъ небомъ пораженный,
Недвижимъ, громовымъ ударомъ изумленный,
Въ окамененіи всѣ чувства истребя,
Не вижу ничего, не помню самъ себя.
Рамида-ль здѣсь была? Она-ли мнѣ вѣщала?
Иль злѣйшая мечта во снѣ мой духъ смущала?
Рамида то была: все было на яву;
А тщетно изъ ея оковъ я сердце рву.

ИЗВЕДЪ.

Отвергни страсть, тебя котора унижаетъ,
Тебя, котораго весь Новградъ обожаетъ,
Которому за трудъ—безсмертна слава мзда!
Не допусти себя унизить до стыда,
Что для совмѣстника и мрачна и презрѣнна
Рамидою себя узрѣть отриновенна.

РУРИКЪ.

Могу-ль я сей ударъ смертельный перенесть.
Иль можетъ до того ея гнусна быть лесть,
Чтобы закрывъ себя ко мнѣ нѣжнѣйшей страстью,
Вратися моей священнѣйшею властью,
И чтобы гордости того меня предать,
Не стоитъ можетъ быть кто и на свѣтъ взирать!
Искореню любви изъ сердца всю отраву.
Мнѣ должно сохранить пріобрѣтенну славу,
И не любовникомъ, монархомъ здѣсь пребыть,
И даже имя сей Рамиды позабыть;
Мнѣ должно одолѣть толь гнусное терзанье...
Но, ахъ! почто-жъ сей стонъ, сей плачъ и воздыханье?
Прерваны рѣчи тѣ и то смятенье словъ?

Почто-бы все сіе, когда-бы не любовь?
Есть тайна нѣкая, что сердце ей снѣдаетъ;
А тайны сей со мной она не раздѣляетъ.
(Къ Изведу).
Окончи смерть мою, ударъ свой доверши!
Остатка моея лишай меня души!
Надежду всю мою отъемли ты, жестокій!
И ядомъ наполняй тѣ раны преглубоки,
Которы къ горести Рамидой мнѣ даны!
Кто дерзкій врагъ, кѣмъ дни мои отравлены?
Кто сердце у меня Рамиды похищаетъ?

ИЗВЕДЪ.

Когда властитель мой мнѣ то повелѣваетъ,
Открыть я долженъ...

РУРИКЪ.

Нѣтъ! Я вѣдать не хочу;
Я самъ себя страшусь; восторговъ трепещу,
Которы возмутя мой духъ, ослабшій въ страсти,
Подвигнувъ къ низостямъ, позорной царской власти,
И устремивъ меня отмщать подвластну мнѣ,
Представятъ Рурика тираномъ въ сей странѣ.
Коль должно мучиться—страдать одинъ я стану;
Но скрывъ отъ глазъ мою смертельну въ сердцѣ рану,
Моимъ избителямъ я не подамъ отрадъ,
Чтобъ мой спасенъ меня возненавидѣлъ градъ.
Всечасно самому себѣ пребывъ я равенъ,
Хотя несчастенъ я, останусь ввѣкъ славенъ;
И благостями скрывъ стенящую любовь,
Коль подлыя сердца презрѣнныхъ мной враговъ
Удобны мукою моею утѣшаться,
Съ ихъ подлостью твой князь не хочетъ уравняться.

ИЗВЕДЪ.

Се, мысль достойная возвышенныхъ на тронъ.
Возможетъ кто своимъ давать страстямъ законъ,
Кто сердце средь ихъ волнъ, какъ камень, утверждаетъ,
Тотъ смертными одинъ достойно обладаетъ!
Одинъ достоинъ онъ безсмертныхъ представлять,
И ихъ владычество въ порфирѣ раздѣлять.
(При этихъ словахъ вдали показывается Пренестъ).
Увѣренъ, что твой духъ въ волненіи спокоенъ,
Не будетъ твоего величья не достоинъ,
Чтобъ сердце страстно могъ ты легче исцѣлить,
Я долженъ низкаго совмѣстника открыть.
(Указывая на Пренеста)
Се онъ, ничтожный врагъ спокойствія царева!
Спасителя сихъ странъ достоинъ-ли онъ гнѣва?

РУРИКЪ.

Пренестъ!... О небеса, скрѣпите вы мой духъ!

ИЗВЕДЪ.

По граду носится о томъ повсюду слухъ,
Что съ сердцемъ отдаетъ ему Рамида руку.

РУРИКЪ.

Мнѣ должно подтвердить мою несносну муку.

Явленіе IV.

РУРИКЪ, ПРЕНЕСТЪ, ИЗВЕДЪ.

РУРИКЪ (Пренесту).

Приближься ты ко мнѣ, счастливый гражданинъ!
Хоть къ страху множество имѣешь ты причинъ,
Хоть долженъ предъ твоимъ владыкой содрагаться,
Но ты безъ трепета возможешь мнѣ признаться.
Вѣщай безъ ужаса.

ПРЕНЕСТЪ (въ сторону).

Открылось все теперь! (къ Рурику).
Порывы гордости властителя умѣрь!
Могу-ль твоею быть я злобой встревоженъ,—
Кому не страшна смерть, предъ тѣмъ твой скиптръ ничтоженъ!

РУРИКЪ.

По чувствіямъ ты твоимъ судя и о моихъ
Ужъ казни смертныя ты мыслишь видѣть въ нихъ.
Когда-бъ владѣлъ Пренестъ—къ тому-бъ онъ былъ удобенъ;
Но Рурикъ можетъ-ли Пренесту быть подобенъ?
Напрасно ты на смерть готовишься дерзать
И скиптръ тщетно мой ты смѣешь презирать!
Ты съ горделивостью твою вину являешь,
Чтобъ раздражить меня, но ты не раздражаешь.
Ко гнѣву на тебя я скиптръ не преклоню
И, страсти слѣдуя, себѣ не измѣню.
Спокоенъ предъ тобой, что ты мой врагъ, я знаю—
И знаю все, тебя съ Рамидой презираю.

ПРЕНЕСТЪ.

Коль есть толь низкія среди гражданъ сердца,
Которы ослѣпясь блистаніемъ вѣнца,
Вкругъ трона ползая, корыстью уловленны,
Открыли подвиги героевъ сокровенны

И предали тебѣ отечество и честь,
Не думай, чтобы я, закрывся въ робку лесть,
Въ изгибахъ гнусной лжи возмогъ-бы пресмыкаться,
И что я врагъ тебѣ отъ чести отрицаться.
Славнѣй за общество съ Вадимомъ умереть,
Какъ ради милостей твоихъ свѣтъ солнца зрѣть!

РУРИКЪ (въ сторону).

Что слышу! люта вѣсть!

ПРЕНЕСТЪ.

Твой тронъ стоитъ надъ бездной!...
Отмщай, коль хочешь ты, мнѣ казнью безполезной;
Но знай, когда себя желаешь сохранить,
Сражай весь градъ, чтобы всѣхъ героевъ истребить:
Владѣй надъ мертвыми, или сойди со трона.

РУРИКЪ.

Твои угрозы мнѣ не могутъ быть препона
Ко счастью вашего народа обладать.
На толь я спасъ сей градъ, чтобы его предать
Вельможамъ, гордецамъ, мятежнымъ и крамольнымъ,
Тѣмъ только властiю моею недовольнымъ,
Что ихъ я обуздалъ народу зло творить
И въ мнимой вольности свое тиранство крыть?
Вы скиптръ мнѣ дали здѣсь къ скончанiю напасти
И скиптръ сей отнять не въ вашей болѣ власти.
На добродѣтели престолъ мой утвержденъ;
Зрю ясно я, что онъ богами покровенъ;
Они, твой духъ въ сей часъ повергнувъ въ заблужденье,
Сокрыто отъ меня явили преступленье;
И самъ ты измѣнилъ сообщникамъ твоимъ;
Да вострепещутъ всѣ и даже самъ Вадимъ!

Явленiе V.

ПРЕНЕСТЪ (одинъ).

Что сдѣлалъ я? Его вопросами смятенный
Далъ видѣть на него Вадимовъ мечъ взнесенный
И на составленный героевъ заговоръ
Я просвѣтилъ его покрытый мракомъ взоръ.
Горя любовiю къ Рамидѣ онъ прелестной,
Онъ только зналъ, что я... Но кто-же тотъ безчестной,
Который могъ открыть?... Вигоръ совмѣстникъ мой,
Онъ мукой ревности тѣснимъ ядъ пролилъ свой,
И вѣдая ко мнѣ Вадима предпочтенье,
Путемъ коварствъ однихъ стремился въ отомщенье.
Се онъ...

Явленiе VI.

ПРЕНЕСТЪ и ВИГОРЪ.

ПРЕНЕСТЪ.

Скажи, кто могъ тирану то внушить,
Что возмогу его Рамиды я лишить?
Не ты-ль, ея отца познавъ ко мнѣ пристрастье,
Повергъ его, меня и общество въ несчастье,
И ревностью твоей...

ВИГОРЪ.

Не я.

ПРЕНЕСТЪ.

Въ сердцахъ у насъ
Священна тайна та отъ прочихъ скрыта глазъ.
Могу-ли обратить сомнѣнiе на инова,
И чѣмъ увѣришь ты?

ВИГОРЪ.

Не я. Довольно слова
Ко оправданiю всей чести моея.
Россiянинъ—таковъ какъ ты, таковъ какъ я—
Коль слово изрѣчетъ должны и боги вѣрить!
Единые рабы удобны лицемѣрить.
Въ сомнѣнiи твоемъ прощаю я тебя:
Ты мысля, что я подлъ, унизилъ самъ себя.
Хотя въ тебѣ врага счастлива ненавижу;
Но подлостью себя во гнѣвѣ не обижу.
Дабы совмѣстника счастлива истребить,
Такъ много я себя не возмогу забыть,
Чтобъ уклоня мой духъ ко злостну наущенью,
Черезъ тирана злость достигнуть къ отомщенью,
И пресмыкаяся толь мерзко, какъ змiя,
Не скрою ненависть мою цвѣтами я.
Тобой лишаяся Рамиды, смертельно стражду;
Я врагъ тебѣ, и кровь твою пролить я жажду,
Но насъ отечество его спасти зоветъ—
И вотъ, Пренестъ, теперь единый мой предметъ!
Одинъ тиранъ мое отмщенье привлекаетъ,
Мою напасть—напасть народа помрачаетъ.
Но послѣ, какъ здѣсь тронъ—свободы нашей страхъ—
Низверженъ, сокрушенъ, преобратится въ прахъ,
Когда отрадныя лучъ вольности проглянетъ,
Тогда Вигоръ тебѣ твоимъ врагомъ предстанетъ
И жить кому изъ насъ—оружiе рѣшитъ! (уходитъ).

ПРЕНЕСТЪ.

Стремленье грозно толь меня не устрашитъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явленіе I.

РУРИКЪ, ИЗВЕДЪ.

ИЗВЕДЪ.

Злодѣйства умыслы ужъ всѣ теперь открыты
И видны вкругъ тебя всѣ пропасти изрыты.
Хоть гордый сей Пренестъ изъ градскихъ стѣнъ исчезъ
И таинство съ собой злодѣйствія унесъ;
Но мной уловлены здѣсь воины Вадима.
Толпа злодѣевъ сихъ, подъ стражею хранима,
Призналася во всемъ, открыла лютый ножъ,
Который ненависть готовила вельможъ
На грудь спасителя сего мятежна града,
Исполненныхъ къ тебѣ свирѣпѣйшаго яда.
Я знаю имена...

РУРИКЪ.

Я знать ихъ не хощу!
Не зря измѣнниковъ, измѣну отвращу.
Что нужды вѣдать мнѣ, кто гнусенъ предо мною.
Которою ихъ спасъ—спасусь я той рукою;
Какъ началъ, шествуя всегда путемъ прямымъ,
Народу покажу—кто я, и кто Вадимъ!
Знать всѣхъ предателей, то робости признаки.
Да скроютъ подлость ихъ забвенья вѣчны мраки;
Презрѣнны мной, во мглѣ преступка своего,
Неудостоенны и гнѣва моего,
Незримы въ гордости, котору воспріяли,
Да упадутъ во прахъ, отколь главу подъяли!
Коль боги поразятъ Вадима сей рукой,
Исчезнутъ всѣ, сихъ странъ смущающи покой!..
Поди и уготовь моихъ Варяговъ къ брани;
Пойдемъ подъ сѣнію боговъ безсмертной длани,
Не тронъ мой—истину святую защищать...
О вы, могущіе всечасно проницать
Сквозь завѣсу притворствъ сердецъ въ изгибы темны,
О вы, которыми и пропасти подземны
Толь ясно видимы, какъ свѣтлы небеса;
На духъ мой обратя вы ваши очеса,
Узрите, боги, какъ я сердце разрываю,
Что кровь гражданъ пролить по долгу приступаю.
(Къ Изведу).
Свободу воинамъ Вадима возврати;
Моей щедротою за злобу заплати;
Чтобы представъ предъ нами, явили то герою,
Что дружбы я его, не злости гнусной стою;
Но не страшась его, стремлюся отразить
Ударъ, которымъ мнѣ дерзаетъ онъ грозить.

ИЗВЕДЪ.

Щедрота ко врагамъ ихъ гордость воздымаетъ;
Великодушіе намъ бѣдственно бываетъ
И стоитъ-ли Вадимъ почтенья твоего?

РУРИКЪ.

Когда не стоитъ онъ, достоинъ я того.
Новградцамъ, въ гордости своей жестокосердымъ,
Симъ вредной вольности, защитникамъ толь твердымъ,
Могу я показать примѣромъ чувствъ моихъ,
Что добродѣтель есть стократъ превыше ихъ.
Поди и кротости моей исполни волю.
Я правъ—и небесамъ мою вручаю долю.

Явленіе II.

РУРИКЪ (одинъ).

Надъ пропастями здѣсь мой тронъ постановленъ;
За благости мои я злобой окруженъ,
И сердце горестью мое всечасно сжато.
Се участи владыкъ, свой домъ хранящихъ свято:
Всечасно мучася, отрады не видать.
Не стоютъ смертные, чтобъ ими обладать;
Благотворителямъ содѣтели мученья—
Не стоютъ никогда они благотворенья!..
Стыдися мысли сей, возвышенный на тронъ!..
Когда властители въ сіяніи коронъ
Величія боговъ подобіе не ложно,
Сравняться должно имъ и духомъ непреложно.
Хоть слабы смертные погружены въ порокъ,
Хоть сами тяготя въ безуміи свой рокъ,
Неблагодарностью громъ неба привлекаютъ,
Но боги солнечнымъ лучемъ на нихъ блистаютъ;
Въ дарахъ природы всей вселенной ставя пиръ,
На злобу не смотря, ліютъ щедроты въ міръ.

Явленіе III.

РУРИКЪ, РАМИДА.

РАМИДА.

Встревоженъ городъ весь—я паче всѣхъ смущенна!
Хладѣетъ кровь во мнѣ, вся къ сердцу обращенна,
Тѣснится грудь моя и меркнетъ солнца свѣтъ.
Возставшу бурю зрю, пристаница мнѣ нѣтъ...
Ужъ къ сердцу твоему не смѣю обратиться;

Рамида бѣдная ужъ тѣмъ не можетъ льститься;
Уже трепещуща предъ взоромъ я твоимъ,
Я какъ преступница предъ судіей моимъ...
Но боги зрятъ...

РУРИКЪ.

Почто такое дерзновенье?
Страшись безсмертныхъ звать на клятвопреступленье!
Или ты искренность стремяся мнѣ явить,
Въ прерванну сѣть меня вновь хочешь уловить?
Не мысли, чтобы я, подобно какъ и прежде
Униженъ, ослѣпленъ, въ постыдной мнѣ надеждѣ;
Притворства всѣ твои во сердце воспрималъ,
Которыми твой духъ такъ люто мной игралъ,
И продолжая млѣть предъ взорами твоими,
Злодѣю моему былъ жертвованъ я ими.
Открылось все теперь—и тѣ прошли часы,
Въ которые твои не вѣрныя красы
Плѣненный духъ тобой всечасно наполняли,
И мнѣ въ тебѣ одной все счастіе являли.
Не льстися болѣе тѣмъ и въ гордости твоей
Не ожидай, чтобы горчайшихъ слезъ ручей
У ногъ твоихъ лія, страны сея властитель
Былъ милостей любви презрѣннѣйшій проситель;
Или чтобъ ревностью я въ ярость приведенъ,
То сердце отнималъ, которымъ я презрѣнъ...
Укоры, жалобы и нѣжны изступленья,
Восторги, ревности, сердечны изъясненья,
Тѣ стоны горести, порывы гнѣва тѣ,
Которы лестны такъ надменной красотѣ,
Суть сердца моего чувствительнаго ниже.
Вѣрь, что бы ни терпѣлъ, но я стократно ближе
Умреть, какъ слабостямъ моимъ свободу дать—
Презрѣвшую меня симъ средствомъ привлекать.
Чего-бъ ни стоило, но сердце ужъ рѣшилось
Невѣрную забыть—и все теперь свершилось;
Свершилось все, уже твоей избавленъ лести,
Превыше мукъ любви, превыше низкой мести,
Себя умѣю я толико почитать,
Чтобъ сердце одолѣвъ, его иной отдать.
Иная моея любви познаетъ цѣну,
Иная за твою заплатитъ мнѣ измѣну;
Иныя прелести твои красы затмятъ
И тщетной жаръ къ тебѣ изъ сердца истребятъ.
Будь счастлива ты тѣмъ, кѣмъ пламенно пылаешь,
Иною счастливъ я... Ты слезы проливаешь,
Рамида!

РАМИДА.

Ты, судьба, лишивъ меня всего,
Къ усугубленію свирѣпства твоего
Мою невинность тьмой порока помрачила
И утѣшенія послѣдняго лишила:
Когда для Рурика воспрещено мнѣ жить,
Во гробѣ Рурикомъ оплаканною быть!

РУРИКЪ.

Ты плачешь и умреть, Рамида, ты желаешь;
А сердце ты твое такъ люто отторгаешь
Отъ сердца моего, живущаго тобой.
Коль слезы искренность ліетъ предо мной!—
Оставь, Рамида, я не долженъ сомнѣваться,
Не можешь лестію ты гнусной унижаться—
Оставь мнѣ, если тѣмъ тебя я оскорблялъ,
Что хладность горькую мой духъ тебѣ являлъ.
Оставь! я самъ себя въ досадѣ ослѣпляя,
Быть чаялъ исцѣленъ, смерть въ сердцѣ заключая.
Не вѣрь, не вѣрь словамъ отчаянной любви
И токи изъ очей ліющися прерви.
Кто? Я? Чтобъ я престалъ любить тебя, Рамида?
Лишиться твоего возлюбленнаго вида
Иль свѣта солнечна не зрѣть мнѣ, то равно;
Мнѣ сердце для тебя единой лишь дано.
Мой пламень никогда, ничѣмъ не истребится.
Коль любишь ты меня, пусть твой отецъ стремится
Взнесенный на меня низринуть свой ударъ;
Ко дщери я его храня во сердцѣ жаръ,
Несправедливости его опровергая,
Умру илъ побѣжду, Рамиду обожая.

РАМИДА.

О клятвы страшныя, которыхъ я раба!
О долгъ, о лютый долгъ! о грозная судьба!
Лишенна всякой я надежды и отрады,
Неодолимыя межъ нами суть преграды!

РУРИКЪ.

Преграды?..

РАМИДА.

Если мой отецъ падетъ тобой
(Великихъ чувство душъ ты вѣдаешь, герой),
Дочь сверженна врага могу-ли быть твоею?
И если слабостью оплаканный моею,
Изгнанный ты изъ сихъ печалью полныхъ стѣнъ
Пребудешь отъ меня на вѣки удаленъ,
Могу-ли быть твоею? Назначенна цѣною
Иному...

РУРИКЪ.

Ежели неправедной судьбою
Опредѣленно мнѣ на полѣ брани пасть,
Паду—но мертвъ, и вся моя свершится часть.
Когда-жъ побѣду мнѣ дадутъ безсмертны боги,
Иль чувствія отца несправедливо строги,
Во сердце воспріявъ и духъ преобразя,
За всю любовь мою мнѣ томну грудь разя,
Возможешь слѣпо ты ему повиноваться?

РАМИДА.

О томъ ты можешь-ли хоть мало сомнѣваться?
Привыкнувъ власть отца священной почитать,
Мой долгъ, исполнивъ все, въ молчаніи страдать
И, пренося мое безъ ропота мученье,
Въ несчастіи ему содѣлать утѣшенье.
Разстаться мнѣ съ тобой, пусть жизни стоитъ то,
Но—даръ отца—предъ нимъ мнѣ жизнь моя ничто!
Глубоко заключа мою я въ сердцѣ муку,
Иному я отдамъ трепещущую руку
И совершу отцемъ желанный лютый бракъ.

РУРИКЪ.

И се любви твоей ко мнѣ не ложный знакъ!
Не чувствовала ты любви ко мнѣ ни мало.
Притворства твоего то было покрывало,
Чѣмъ нѣжну страсть мою мрачила ты въ сей часъ,
Тѣ стоны, слезы тѣ твоихъ коварныхъ глазъ,
Завѣса лишь одна твоей къ иному страсти,
Къ Пренесту гордому, моей злодѣю власти.

РАМИДА.

Могла-бъ я низкія сомнѣнія презрѣвъ
И сей—котораго превыше я—твой гнѣвъ,
Въ молчаньи удалясь, безъ ропота, спокойно,
Пренебреженіемъ отвѣтствовать достойно;
Но время дорого: познай, что средство есть,
Коль любишь ты меня, прервать Вадима месть
И дружбы узломъ съ нимъ на вѣкъ соединиться.
Мы счастливы, когда ты можешь согласиться.

РУРИКЪ.

Коль можно, я всю кровь мою пролить готовъ.

РАМИДА.

Герой, спаситель нашъ—не выше-ль ты вѣнцовъ,
Чѣмъ украшаются цари обыкновенны
И кои истиннымъ героямъ суть презрѣнны?...
Гражданка, пріучась я равенство любить,
Обманываюся симъ чувствомъ можетъ быть,
Что властолюбіе величіе безчестно
И что съ мучительствомъ однимъ оно совмѣстно.
Не вѣрю, чтобъ твой духъ быть могъ властолюбивъ,
Остави ту мечту, чѣмъ гордость оскорбивъ,
Ты злобу на себя отвсюду привлекаешь
И чѣмъ себя на вѣкъ съ Рамидой разлучаешь.
Зря цѣну всю себѣ во сердцѣ лишь твоемъ
Не въ бренныхъ пышностяхъ, довольствуйся ты тѣмъ,
Что ты достоинъ быть на небесахъ съ богами;
Всѣмъ равный гражданинъ попри вѣнецъ ногами
И бурей окруженъ разруши сей престолъ,
Жилище горестей и бездну страшныхъ золъ.

РУРИКЪ.

То поздно!... Знаешь ты, какъ тронъ уваженъ мною?
Ты помнишь, какъ сей градъ, прельщенный тишиною
По грозныхъ буряхъ, я которы укротилъ,
За счастіе свое престоломъ мнѣ платилъ;
Отвергъ я власть тогда и могъ отвергнуть съ славой.
Велико пренебречь величіе съ державой!
Но послѣ, какъ народъ съ стенаньемъ, съ токомъ слезъ,
Моленія свои къ ногамъ моимъ принесъ,
Страшась опять нести мной сверженную тягость,
Принудилъ въ долгъ мою преобратиться благость,
Какъ счастья общаго залогомъ мой вѣнецъ
И стала власть моя отрадою сердецъ.
Сколь гнусно, зря мечи противъ меня мятежны,
Низвергнуть все опять въ напасти неизбѣжны.
Коль прежде честь снискалъ, отрекшись власти я,
Унизился-бъ теперь, я право отдая,
Въ сердцахъ твоихъ граждан начертанно любовью;
Я долженъ защитить его моею кровью!
Владѣя, какъ отецъ, я долженъ жизнь презрѣть;
Достойнѣй я иныхъ на тронѣ умереть.
Не привлекай меня ты къ низостямъ толикимъ!
Чтобы мнѣ другомъ быть съ отцемъ твоимъ великимъ
Не подлость—средство! нѣтъ! Рамида, ты сама,
Когда-бъ исчезла тѣмъ напастей нашихъ тьма,
Предъ свѣтомъ-бы меня увидя постыженна,
Любя достойнаго, презрѣла-бъ униженна.
На лаврахъ взросшая, героя славна дщерь,
Межъ чести и любви будь судія теперь!

РАМИДА.

Я чувствую твой долгъ, какъ горько ни стонаю!
Я плача, не тебя, но рокъ мой обвиняю!
Могу-ль порочить то, что честь твою храня,
Ты славѣ жертвуешь несчастную меня.
Виновна въ томъ моей судьбины непреложность!
Почувствуй-же и ты мою священну должность,
И, чести слѣдуя, не воспрещай мнѣ въ томъ!
Любя меня, отцу ты долженъ быть врагомъ,
И я тебя любя, какъ въ горести ни млѣю,
Чтя честь равно тебѣ, не буду я твоею.
Жаръ нѣжный во вражду стараясь премѣнить,
Хотя не возмогу я сердца покорить,
Но должности моей могу повиноваться,
Тебя лишась, всякъ часъ съ душою разставаться.

РУРИКЪ.

О грозная судьба!

РАМИДА.

О часть, смертельна часть!

РУРИКЪ.

Въ сей день предвидѣлъ-ли толь лютую напасть,
Отъ сердца твоего я счастья ожидая?...

РАМИДА!

На сердцѣ я твоемъ надежду утверждая,
Заслугой къ обществу твоей себя маня,
Могла-ль я предузнать, что лютый рокъ меня
Близъ края счастья низвергнетъ смерти въ бездны!

РУРИКЪ.

Погибло все для насъ!

РАМИДА.

О стоны безполезны.

Явленіе VI.

РУРИКЪ, РАМИДА, ИЗВЕДЪ.

ИЗВЕДЪ.

Спѣши, о государь! ужъ съ воинствомъ Вадимъ,
Быть чая въ гордости своей непобѣдимъ,
Поля у здѣшнихъ стѣнъ въ сей часъ обременяетъ.

РУРИКЪ.

Иду, куда меня долгъ лютый призываетъ! (Къ Рамидѣ).
Иду, лишась тебя, тебя достойнымъ быть;
То помня—что монархъ любовника забыть
И обществу моей пожертвовавъ отрадой,
Мученье вѣчное иль смерть принять наградой!
Коль чести на пути сужденъ я мертвъ упасть,
Воспомнивъ-бы мою къ тебѣ толь нѣжну страсть,
Въ награду мнѣ за то, узрѣвъ меня во гробѣ,
Содѣлавши конецъ отца жестокой злобѣ,
Слезами ты мой гробъ драгими удостой
И стономъ тѣнь мою печальну успокой.

РАМИДА.

Свершивъ къ отцу мои я должности жестоки,
Не слезы по тебѣ пролью, но крови токи!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Явленіе I.

РАМИДА (одна).

Ужъ люта брань кипитъ и кровь течетъ рѣкой!
И Рурикъ и Вадимъ убійственной рукой
Другъ въ другѣ жизнь мою въ сей часъ отнять стремятся.
На то-ль герои вы, чтобъ только истребляться?..
О какъ несчастна я! любовникъ и отецъ!
Дражайши имена для счастливыхъ сердецъ,
А мнѣ, а мнѣ и вы источники страданій!..
Въ пучинѣ горестей, смятеній, колебаній,
Мой духъ трепещущій, обоихъ васъ любя,
Въ сей часъ желалъ-бы самъ избѣгнуть отъ себя...
Я въ горести отъ всѣхъ оставлена, забыта,
И ты, Селена, ты отъ глазъ моихъ сокрыта,
Не придешь смертну грусть со мною раздѣлить,
И дружествомъ тоску смертельну утолить!..
Увы! въ сей страшный часъ сама себѣ я въ тягость...
Могу-ли умолить, безсмертны, вашу благость,
Могу-ли къ жалости васъ, боги, преклонить,
Чтобъ жизнь мою прервавъ, то время упредить,
Когда поражена я брани окончаньемъ
Или прогнѣваю отца моимъ стенаньемъ
Иль въ лаврахъ Рурика со ужасомъ узрю!
Когда противнымъ вамъ я пламенемъ горю,
Разите, боги, грудь несчастіемъ порочну,
Исторгните съ душой сію любовь безпрочну...
Но звукъ пронзаетъ слухъ!.. Свершилось все!.. О страхъ!..
Колеблется земля и меркнетъ свѣтъ въ глазахъ!..

Явленіе II.

ВАДИМЪ (обезоруженный, съ толпою плѣнниковъ, въ провожаніи стражи изъ Руриковыхъ воиновъ), РАМИДА.

РАМИДА.

Тебя-ли вижу я, возлюбленный родитель?

ВАДИМЪ.

Увялъ мой лавръ, и Рурикъ побѣдитель!
О стыдъ! низверженъ я въ оковы наконецъ...
Невольникъ Руриковъ—Рамидѣ не отецъ!
Поди, не умножай моей тоски ужасной!..
О солнце! помрачи твой лучъ инымъ прекрасный,
А ненавистный мнѣ и злѣйшій вѣчной тьмы!
Свершилось все теперь, рабами стали мы!..
Рабами? Нѣтъ! Вадимъ превыше сей напасти!
Вселенну, боги, вы вратя по вашей власти,
Возможете весь міръ тиранамъ предавать,
И счастью и себя слѣпому подвергать
Злодѣямъ счастливымъ пусть все порабощенно,
Но сердце изъ того Вадима исключенно.
Не можете души моей поколебать
И, громомъ воружась, властителя мнѣ дать...
Чего я жду?.. О дщерь несчастна и любезна!
Когда отечеству жизнь наша безполезна,
Ставъ праздными его свидѣтельми оковъ,
Намъ ползать-ли въ толпѣ тирановыхъ рабовъ?..
Ты плачешь, горестью моею пораженна?
Не плачь! утѣха есть несчастнымъ окровенна
Она для робкихъ душъ ужасна и горька,
Великодушію пріятна и сладка:
Не быть, престать сей свѣтъ—тирановъ жертву—видѣть;
Смерть благо, ежели жизнь должно ненавидѣть!
Умремъ, уклонимся отъ подлости и злобъ,
Въ одно несчастливымъ убѣжище—во гробъ!
Умремъ!.. Но что? О рокъ! Я жизни ненавижу,
А средства и умреть несчастный я не вижу.
Съ мечемъ послѣдней сей надежды я лишенъ!
О ты, въ которой духъ мой долженъ быть внушенъ,
О дочь отечества, упавшаго со мною!
Когда почтенъ равно въ несчастьи я тобою,
Коль въ узахъ я тебѣ, какъ въ лаврахъ былъ отецъ —
Содѣлай бѣдствіямъ ты нашимъ всѣмъ конецъ,
Желанной смерти мнѣ орудіе достави
И отъ позора жить себя со мной избави!
Лети на крыліяхъ и ускори принесть,
Чѣмъ должно въ сей-же часъ избавить нашу честь
Отъ зрѣнья лютаго врага побѣдоносна!..
Трепещешь!.. Жизнь твоя тебѣ безъ чести сносна?
Я чувствую, что дочь отъемлетъ у меня!
Злодѣйствуешь отцу, еще твой жаръ храня!..
Се робости твоей прегнусная причина!
Се лютой участи Вадимовой вершина!..
О вы! за общество на вѣкъ закрывши взоръ,
Сколь счастливѣй меня вы днесь, Пренестъ, Вигоръ!
Неувядаемымъ покрыты лавромъ оба,
Вы славы на поляхъ сошли во мраки гроба!
Еще отечество дышало въ оный часъ;
Надежда сладкая сопровождала васъ;
А я—игралище меня гоняща рока,
И жертва низкая Рамидина порока,
Я долженъ горести несмѣтныя вкусить...

РАМИДА.

Не можетъ болѣе несчастна дочь сносить
Сихъ молній изъ твоихъ мнѣ столько грозныхъ взоровъ!
Сихъ смертныхъ для меня неправедныхъ укоровъ!
Коль должно свергнуть мнѣ сей жизни тяготы,
Спокойся, государь, доволенъ будешь ты!
Мнѣ жизнь моя ничто, когда ея лишенье
Тебѣ, родитель мой, быть можетъ утѣшенье.
Клянусь у ногъ твоихъ, клянусь въ сей лютый часъ,
Что я тебя уже въ послѣдній вижу разъ
И что въ послѣднее мои являя муки,
Слезами горькими твои кроплю я руки.
Блаженна, коль мою проливъ несчастну кровь,
На гробъ мой возвращу родительску любовь
И стоны привлеку жалѣнія сердечна!
Но ты не ожидай, чтобъ дочь безчеловѣчна,
Съ отчаяньемъ твоимъ согласна я была
И къ смерти-бы отцу я средство подала;
Чтобъ ставъ участницей отцеубійству люту
Кляла сама себя въ послѣдню я минуту.
Прости, родитель мой, въ послѣдній разъ прости!
(Хочетъ идти).

ВАДИМЪ.

Не оставляй меня ты гнусну жизнь нести!
Минута каждая, мигъ каждый мнѣ позоры!
Куда ни обращу мои смятенны взоры,
Къ мученью моему все мой являетъ стыдъ.
Мнѣ кажется все здѣсь, пріявъ унылый видъ,

Свободы требуетъ, утраченныя мною!
Вздохъ каждый мой моей быть кажется виною!
Сей воздухъ—чѣмъ дышу, земля—гдѣ я стою
И стѣны вопіютъ, кляня днесь жизнь мою:
Ужъ нѣтъ отечества, а ты на свѣтъ взираешь;
Не могъ его спасти, а ты не умираешь!..
О мысль смертельная, грызуща сердце мнѣ,
Подобна яростной въ часъ бурныхъ грозъ волнѣ,
Опровергающа мой духъ, толь прежде твердый:
Се скоро придетъ къ намъ сей Рурикъ милосердый,
И въ благость лютую преобратя свой громъ,
Мнѣ сердце разорветъ прощенія стыдомъ!
О крайность страшная! о бездна посрамленья!
Не дай дожить мнѣ толь несноснаго видѣнья...
Все поздно!.. Се мой врагъ!.. Разверзися земля
И въ пропастяхъ закрой несчастнаго меня!

Явленіе III.

РУРИКЪ (за нимъ вельможи, воины, народъ), ВАДИМЪ, РАМИДА, ИЗВЕДЪ.

РУРИКЪ (Вадиму).

Хоть былъ я принужденъ съ тобой, Вадимъ, сражаться,
Побѣдой не могу моею наслаждаться,
Когда она въ тебѣ питаетъ ту вражду,
Которой отъ твоихъ я чувствъ себѣ не жду.

ВАДИМЪ.

Что право подаетъ тебѣ надеждой льститься,
Когда ты побѣдилъ, со мною примириться?
Не сей-ли на главѣ блистающій вѣнецъ,
Сіе гнушеніе свободныхъ всѣхъ сердецъ?
Хоть иго днесь твое побѣдой оправданно,
Презрѣнно право мной, одною силой данно.
Побѣда можетъ-ли вѣнца закрасить зло?
Желалъ-бы я, когда-бъ событься то могло,
Чтобъ счастіемъ въ числѣ безсмертныхъ помѣщенный,
Хотѣлъ мнѣ другомъ быть ты громомъ воруженный;
Я-бъ съ радостью тебя возмогъ на небѣ зрѣть,
Чтобъ съ силою твоей тебя и тамъ презрѣть!

РУРИКЪ.

Сей тщетной гордости безплодное паренье
Достойно можетъ быть привлечь къ себѣ презрѣнье,
Но чту въ несчастіи Рамидина отца,
Въ сей день отечеству кровавыхъ бѣдъ творца.

ВАДИМЪ (къ народу).

Для возвращенья вамъ потерянной свободы,
Почто не могъ пролит всюь кровь мою, народы!

РУРИКЪ.

Вельможи, воины, граждане, весь народъ!
Свободы вашея какой былъ прежде плодъ?
Смятеніе, грабежъ, убійство и насилье,
Лишеніе всѣхъ благъ и въ бѣдствахъ изобилье!
И каждый здѣсь, когда лишь только силенъ онъ,
Одно закономъ чтилъ, чтобъ свергать законъ;
Мечемъ и пламенемъ раздора воруженный,
Ко власти текъ въ крови гражданей погруженный.
Священны узлы всѣ вашъ рушилъ смутный градъ.
Сыны противъ отцовъ, отцы противу чадъ,
Тиранамъ чтобъ служить, простерши люты длани,
Отцеубійствію искали гнусной дани.
Граждане видѣли другъ въ другѣ лишь враговъ,
Забыли честность всѣ, забыли и боговъ.
Прибытокъ здѣсь одинъ былъ всѣхъ сердецъ владѣтель;
Сребро—единый Богъ, а алчность—добродѣтель....

ВАДИМЪ.

На мѣсто вольности небесной красоты,
Ты своеволія, являя намъ черты....

РУРИКЪ.

Дай кончить мнѣ все то, что я сказать желаю,
Межъ нами судіей народъ я поставляю.
Хотя побѣда днесь подвергла мнѣ тебя....

ВАДИМЪ.

Подвергла?... Можешь-ли, разсудокъ погубя,
Воображать себѣ, о ты, рабовъ властитель!
Что ты Вадимова и духа побѣдитель?

РУРИКЪ.

Я правы счастія умѣя позабыть,
Принужу истиной тебя мнѣ другомъ быть,

ВАДИМЪ.

Мнѣ другомъ? Ты? Въ вѣнцѣ? Престани тѣмъ плѣняться!
Скорѣе небеса со адомъ съединятся!....

РУРИКЪ.

Желалъ-ли я вѣнца, ты вѣдаешь то самъ.
Я несъ не для себя спасенье симъ странамъ:
Народомъ призванный, закрывъ его я бездну,
Доволенъ тѣмъ, что часть окончилъ вашу слезну,

Благотвореніе хотѣлъ-ли я продать
И цѣну дѣлъ моихъ мздой трона унижать?
Искалъ-ли власти я, отъ коей отрицался?
И можетъ-ли то быть, чтобъ скиптромъ я прельщался?
Иль славы придалъ мнѣ тронъ пышностью своей?
Кто спасъ народъ отъ бѣдъ—превыше тотъ царей,
Въ утѣхахъ дремлющихъ подъ сѣнію короны!
Но сограждавъ твоихъ тогда плачевны стоны
Мой духъ принудили—ихъ счастья не лишить.
Начавъ благотворить, былъ долженъ довершить.
Отверженную мной я принялъ здѣсь корону,
Чтобъ вашему для васъ покорствовать закону.
Я чѣмъ мрачу мой тронъ? Гдѣ первый судія?
Вы вольны, счастливы, стонаю только я!
Который гражданинъ, хранящій добродѣтель,
Возможетъ укорить, что былъ я зла содѣтель?
Единой правды чтя священнѣйшій уставъ,
Я отнялъ-ли хотя черту отъ вашихъ правъ?
И если иногда отъ строгости закона
Изъ устъ несчастливыхъ я слышалъ жалость стона,
Чего я правдою стонающихъ лишалъ,
За то—щедротою моею утѣшалъ.
Скажите, истину-ль, граждане я вѣщаю?
Въ свидѣтели и васъ я, боги, призываю!
Вы знаете, что я, имѣя вашу власть,
Страшился слабостей подъ бременемъ упасть;
И прихоть гордости я долгомъ удручая,
Несъ иго скиптра, себя не примѣчая.
Я помнилъ завсегда, что есть на небесахъ
Судьи гремящіе земныхъ владыкъ въ сердцахъ,
Которые царя, колебля на престолѣ,
Всечасно вопіютъ его всевластной волѣ:
«Намъ каждая слеза текущая видна,
«Котора пышностью твоей допущена;
«Мы слышимъ каждый стонъ, не внемлемый тобою,
«Изъ слабаго влекомъ насильственной рукою.
«Мы каплю каждую пролитой крови зримъ—
«Вострепещи со всѣмъ сіяніемъ твоимъ!
«Не оправдай себя, великъ обремененьемъ».
«Необходимостью тирановъ извиненьемъ».
Вѣщай, народъ, моей державою хранимъ,
Гнѣвилъ-ли я боговъ правленіемъ моимъ?

(Къ Вадиму)

Но ты не помышляй, что власти вышней жаденъ
На то являю я мой скиптръ толь отраденъ,
Чтобы склонить народъ, мной счастливъ въ сей странѣ,
Изъ милости вѣнецъ еще оставить мнѣ
И чтобы гордости, не славѣ я покоренъ,
Противу воли всѣхъ одинъ владѣть упоренъ,
Хотѣлъ я удержать правленія бразды,
Ища насиліемъ моей заслугѣ мзды,
Когда-жъ противъ тебя подвигся я ко брани,
Не властолюбію платилъ, но чести дани:
Я долженъ былъ мою и славу поддержать,
И общества ко мнѣ почтенье оправдать;
Я долженъ былъ, мою желая власть оставить,
И тѣнью робости себя не обезславить,
И съ трона не сходя—иль прямо въ гробъ вступить,
Иль жало клеветѣ побѣдой притупить.

(Къ народу, снимая вѣнецъ).

Теперь я вашъ залогъ обратно вамъ вручаю;
Какъ принялъ я его, столь чистъ и возвращаю.
Вы можете вѣнецъ въ ничто преобратить,
Иль оный на главу Вадима возложить.

ВАДИМЪ.

Вадима на главу! Сколь рабства ужасаюсь,
Толико я его орудіемъ гнушаюсь!

ИЗВЕДЪ (Рурику, указывая народъ, ставшій передъ Рурикомъ на колѣна для упрошенія владѣть надъ нимъ).

Увиди, государь, у ногъ твоихъ весь градъ!
Отецъ народа! зри твоихъ моленье чадъ;
Оставь намѣренья, ихъ счастію претящи!

ВАДИМЪ.

О гнусные рабы своихъ оковъ просящи!
О стыдъ! Весь духъ гражданъ отселѣ истребленъ!
Вадимъ! Се общество, котораго ты членъ!

РУРИКЪ.

Коль власть монаршу чтишь достойну наказанья,
Въ сердцахъ гражданъ мои увиди оправданья;
И что возможешь ты противъ сего сказать?

ВАДИМЪ.

Вели отдать мнѣ мечъ и буду отвѣчать!

(Рурикъ подаетъ знакъ, чтобы Вадиму отдали мечъ).

РАМИДА (въ сторону).

Се мой послѣдній часъ и все теперь свершится!

ВАДИМЪ (къ принесшему мечъ).

Подай!... (Къ Рурику).
Теперь Вадимъ съ тобою примирится!
Се способъ лишь одинъ, чтобъ другомъ быть твоимъ.

РУРИКЪ.

Будь болѣ и отцемъ содѣлайся моимъ.
Въ великой ты душѣ почувствуй гласъ природы.
Иль тотъ, кого твои толико чтутъ народы,
Кто ихъ отецъ, твоимъ не стоитъ сыномъ быть?
Чтобъ гнѣвъ неправедный твой вовсе истребить—
Коль мало счастія отечества любезна,
Котораго моей рукой закрыта бездна;
Коль мало и самихъ мнѣ щедрыхъ толь небесъ—
Стенящей дочери возри на токи слезъ,
Которы горестна моей душѣ отрава;
Въ ея ты сердцѣ зри мои священны права,
Чтобъ ею ты себя со мной соединилъ.

ВАДИМЪ.

Все кончилось теперь, коль мечъ ты возвратилъ.
О небо! болѣ сей не требую награды! (Къ Рурику).
Межъ нами рушатся всѣ страшныя преграды:
Доволенъ будешь ты, народъ, и дочь, и я!

РУРИКЪ.

О небо! чѣмъ воздамъ щедротѣ твоея?
О часъ, блаженный часъ, нечаянна премѣна! (Къ Вадиму).
Позволь и дочери и мнѣ объятъ колѣна
Героя и отца. (Къ Рамидѣ). Ты слезъ ліешь потокъ,
Когда престалъ быть намъ родитель твой жестокъ!
О, ты награда мнѣ одна за добродѣтель,
Въ которой мнѣ любовь гражданъ твоихъ свидѣтель,
Душа души моей! какой ужасный мракъ
Дражайшихъ прелестей затмилъ прекрасный зракъ?

ВАДИМЪ (въ сторону).

Я болѣ не могу сносить толь гнусна вида!...
Внемли ты, Рурикъ, мнѣ, народъ и ты Рамида. (Къ Рурику).
Я вижу, власть твоя угодна небесамъ.
Иное чувство ты гражданей далъ сердцамъ.
Все пало предъ тобой; міръ любитъ пресмыкаться;
Но міромъ таковымъ могу-ли я прельщаться?
(Къ народу).
Ты хочешь рабствовать, подъ скипетромъ поранъ!
Нѣтъ болѣ у меня отечества, гражданъ! (Къ Рамидѣ).
Ты предана любви и сердцемъ и душею,
И такъ, и дочери я болѣ не имѣю....

РАМИДА.

Постой, родитель мой! не довершай сихъ словъ...
Постой! мой духъ тебя изобличить готовъ,
Что дочь несчастную напрасно презираешь...
Я знаю то, что ты въ сей часъ предпринимаешь
И твой великій духъ предъ мною весь открытъ,
Что должно дѣлать мнѣ, мнѣ ясно говоритъ.
Исполню я твою ужаснѣйшую волю
И въ нѣжной младости мою разрушу долю,
Котора для меня сплеталась изъ цвѣтовъ,
Когда содѣлалась порочной та любовь,
Для коей жизнію прельщалась я моею.
Смотри—достойна-ль я быть дочерью твоею? (Закалается).

РУРИКЪ.

О изступленіе, погибельное мнѣ!

ВАДИМЪ.

О радость! Все, что я, исчезнетъ въ сей странѣ!
О дочь возлюбленна! Кровь истинно геройска! (Къ Рурику).
Въ срединѣ твоего побѣдоносна войска,
Въ вѣнцѣ, могущій все у ногъ твоихъ ты зрѣть,
Что ты противъ того, кто смѣетъ умереть? (Закалается).

РУРИКЪ.

О рокъ! о грозный рокъ! о праведные боги!
За что хотѣли вы ко мнѣ быть столько строги,
Чтобъ смертію меня Рамиды поразить?
Умѣли въ сердце вы мечъ вѣчный мнѣ вонзить,
Лиша меня всего и счастья и отрады!...
За добродѣтель мнѣ ужъ въ свѣтѣ нѣтъ награды!...
Въ величіи моемъ лишь только тягость мнѣ!
Страдая, жертвой я быть долженъ сей странѣ
И, должности моей стонающій блюститель,
Чтобъ быть невольникомъ, быть долженъ я властитель!...
Я буду и себя съ пути не совращу,
Гдѣ, вамъ подобенъ ставъ, вамъ, боги, отомщу!

КОНЕЦЪ.

149. Василій Ивановичъ Приселковъ 1828—1894. Изъ воспоминаній сослуживцевъ. Non omnis morior! Horatius. Одесса. Тип. „Новороссійскаго Телеграфа". 1895 года.—Въ 12 д. л. 398 стр.

Въ началѣ книжки помѣщенъ портретъ В. И. Приселкова.

Изданіе это для родныхъ и друзей покойнаго и потому въ продажѣ не имѣется.

Василій Ивановичъ Приселковъ родился 1 апрѣля 1828 года. На 18 году жизни поступилъ въ академію; на 23 году имѣлъ уже дипломъ лекаря и оставленъ, за выдающіеся успѣхи и познанія, ординаторомъ при клиническомъ госпиталѣ, а на 25 году, по блистательномъ защищеніи диссертаціи, былъ уже признанъ въ званіи доктора медицины и на слѣдующій день, В. И., былъ откомандированъ въ распоряженіе штабъ-доктора 5-го армейскаго корпуса въ Одессу, гдѣ и зачисленъ былъ баталіоннымъ врачемъ Виленскаго егерскаго полка (13-й пѣхотной дивизіи), а 17 сентября того же года онъ уже выступилъ съ войсками дессанта на восточный берегъ Чернаго моря и въ скорости успѣлъ уже отличиться въ блестящемъ сраженіи подъ Ахалцихомъ.

150. Варяжскіе законы съ россійскимъ переводомъ и краткими замѣчаніями. Изд. Степанъ Руссовъ. Санктпетербургъ, въ типографіи медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, 1824 года.—Въ 8 д. л., 32 стр.

Эта крайне рѣдкая брошюрка начинается съ предисловія отъ автора, въ которомъ онъ говоритъ, что ученые уже давно упоминая объ англо-варяжскихъ законахъ (см. Голмана—«Сочиненіе объ отечествѣ Рурика» московскаго изданія, стр. 26), какъ сходныхъ съ древними русскими, кажется, сомнѣвались въ возможности отыскать ихъ. Я, въ одной изъ наибольшихъ въ Европѣ библіотекъ, пересматривая собраніе древнихъ сѣверныхъ законовъ, нечаянно нашелъ оные, подъ заглавіемъ «Lex Auqiorum et Werinorum». Издавая сіи законы съ россійскимъ переводомъ и краткими примѣчаніями, я надѣюсь, что любители исторіи и древностей найдутъ въ семъ отрывкѣ, кромѣ сходства съ русскими законами, довольно любопытнаго и нѣсколько служащаго къ поясненію вообще древней исторіи варяговъ, а можетъ быть и руссовъ, какъ думаетъ Голманъ.—

Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля.

151. Введеніе въ генеральную історію, изданное на нѣмецкомъ языкѣ отъ Гельмера Кураса, а на русскій языкъ переведено канцеляріи Академіи Наукъ секретаремъ Сергѣемъ Волчковымъ, въ С.-Петербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ, 1747 года.—Въ 8 д. л., 242 стр.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры сего изданія чрезвычайно рѣдки.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Сопикова, за № 4928. — Есть у Якова Березина-Ширяева: «Послѣдніе матеріалы для библіографіи», стр. 85-я, гдѣ сказано: «книга очень рѣдкая».

152. Введеніе въ Гісторію Европейскую чрезъ Самуила Пуфендорфія, на нѣмецкомъ языкѣ сложенное, нынѣ же на Россійскій съ Латінскаго переведенное. Печатано въ Санктъпітербурхѣ, 1718, Декабря въ 5 день.—Въ 4 д. л.

Изданіе это, въ хорошо сохранившихся экземплярахъ, принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей. См. «Отчетъ Императорск. Публичной Библіотеки» за 1857 годъ, стр. 46, № 8.

153. Великое таинство вочеловѣченія Вѣчнаго Слова. Сочиненіе Іоанна Арндта, въ посланіи къ другу своему Аразму Волфорту. Импер. публ. нотаріуса. Переводъ съ нѣмецкаго, напечатаннаго въ 1786 году. Списано въ 1814 году, въ началѣ сентября съ рукописнаго перевода въ Политовѣ.—Въ 4 д. л.

Эта рѣдкая книга «Великое таинство» содержитъ въ себѣ философское разсужденіе по поводу «вочеловѣченія Вѣчнаго Слова» и вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ размышленія о высокихъ нравственныхъ идеалахъ христіанства. Почему для ознакомленія читателей съ содержимымъ въ этой книгѣ, при семъ прилагаю выписку изъ послѣдней, заключающуюся въ слѣдующемъ: 1) Великое таинство. 2) Нужное прибавленіе изъ небесной академіи. 3) Нѣсколько сочиненій о тріединствѣ Божіи и о

примиреніи; а) о Богѣ и перворожденствѣ всея твари. 4) О трехъ качествахъ единаго Божества, а особливо о единорожденномъ и перворожденномъ Божіемъ. 5) О Духѣ Святомъ. 6) Мысли о примиреніи Бога чрез Іисуса. 7) О поврежденіи благороднаго древа, то есть Образа Божія въ человѣкѣ. 8) Предсказаніе или пророчественные отрывки. 9) О присутвіи Св. Ангеловъ. 10) Краткая выписка о темпераментахъ и 11) Объ интеллектуальномъ мірѣ.

154. Введеніе краткое въ исторію происхожденія славяно-сербскаго народа, бывшихъ въ немъ владѣтелей, царей, деспотовъ или владѣтельныхъ князей сербскихъ до временъ Георгія Бранковича. Сочинено изъ разныхъ авторовъ, примѣчаніями изъяснено Павломъ Юлинцемъ. Въ Вѣнѣ, 1765 года.—8 д. л.

Означенное изданіе въ Россіи чрезвычайно рѣдко.—См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, часть 2-я, за № 2392 сказано: «книга рѣдка».

155. Великое дѣло, открытое въ пользу тѣхъ, кои имѣютъ крайнюю нужду въ деньгахъ. Переводъ съ халдейскаго на французскій, а съ французскаго на россійскій языкъ. Спб. 1793 года.—Въ 12 д. л.

Сочиненіе въ сей книгѣ научаетъ легкому способу, какъ и изъ чего можно дѣлать золото; вотъ его главное правило: возьмите сыраго меркурія, сварите его по искусству, то есть, сдѣлайте въ немъ летучее постояннымъ, а постоянное летучимъ, сухое сдѣлайте жидкимъ, а жидкое сухимъ, тогда получите истинный философическій камень.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова—№ 12847, сказано—«книга очень рѣдкая».—У Геннади—«Книж. рѣдк.»—№ 80.

156. Великокняжеская и царская охота на Руси съ X по XVI вѣкъ. Составилъ полковникъ Н. И. Кутеповъ. С.-Петербургъ, типографія экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. 1895 года. 290 стр. 197 рисунковъ и съ 8-ми хромолитографіями въ нѣсколько красокъ.

Книга «Великокняжеская и царская охота на Руси съ X по XVI вѣкъ».

Въ маѣ 1891 года въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ III, обходя расположеніе Императорской охоты въ гор. Гатчинѣ, изволилъ выразить желаніе о составленіи исторіи царской охоты съ первыхъ моментовъ ея зарожденія. — Священныя слова покойнаго Государя, что этотъ трудъ тѣмъ болѣе желателенъ, что онъ представляетъ интересъ для каждаго русскаго, побудили автора немедленно приступить къ осуществленію завѣта Государя и разыскивать въ государственныхъ и частныхъ архивахъ наиболѣе рѣдкія рукописи и документы, относящіеся къ этому труду.

Въ настоящее время исторія великокняжеской и царской охоты съ X по XVI вѣкъ, представляющая первый въ Россіи трудъ по этому предмету, закончена и издана; при чемъ въ нее вошли въ видѣ приложеній: снимки съ древнихъ грамотъ, договоровъ, старинныхъ гравюръ и рисунковъ, составляющихъ библіографическую рѣдкость, и кромѣ того книга украшена оригинальными рисунками и картинами профессора В. М. Васнецова и академика Н. С. Самокиша.—Книга напечатана на веленевой бумагѣ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ въ количествѣ 400 нумерованныхъ экземпляровъ.

Чтобы дать понятіе о сей книгѣ, прилагаю оглавленіе.

Введеніе (культурно - историческое значеніе охоты).

Глава I. Естественныя и бытовыя условія древне-русской охоты.

Глава II. Великіе князья и цари — охотники (охотничьи характеристики отдѣльныхъ великихъ князей кіевскихъ, новгородскихъ, московскихъ и царей до династіи Романовыхъ).

Глава III. Способы, орудія и служебный персоналъ княжескихъ охотъ.

Глава IV. Правовыя отношенія великихъ князей, народа и частныхъ лицъ къ области охоты.

Это роскошное и замѣчательное изданіе куплено мною за 50 руб.

157. Великопостный конфектъ, или слово на вопрошеніе о смерти, какъ бы кому мужественно и великодушно или приходящую смерть примать, или уже

пришедшую терпѣливо сносить. Съ греческаго языка на россійскій перевелъ С. Писаревъ. Въ Санктпетербургѣ, печатано въ типографіи Гейке. 1777 года.—Въ 16 д. л., 81 стр.

Эта рѣдкая книжка начинается съ краткаго посвященія — Ея Высокоблагородію Иринѣ Яковлевнѣ Хлѣбниковой.

Милостивая Государыня!

Благодарность за оказанныя вашимъ супругомъ и вами милость побуждаетъ меня посвятить сію издаваемую мною малую книжку имени вашему, уповая, хотя малымъ симъ знакомъ оказать мою къ дому вашему благодарность. Матерія, книжищу сію составляющая, есть наидостойнѣйшая для упражненія всякаго истиннаго христіанина, а наипаче, въ наступающіе дни великаго поста, и я не сумнѣваюсь, что она вамъ понравится.

Писаревъ Степанъ Ивановичъ статскій совѣтникъ, прежде бывшій переводчикомъ, а потомъ оберъ-секретаремъ при святѣйшемъ сунодѣ, обучался въ московской академіи и былъ тамъ учителемъ греческаго языка, а затѣмъ взятъ въ переводчики, скончался въ С.-Петербургѣ 1773 года мая 2-го числа, 67 лѣтъ отъ рожденія. Онъ перевелъ съ греческаго языка: «Гномологикъ или собранныя изъ разныхъ творцовъ многія хрисолоровы по алфавиту и краткія нѣкоторыхъ древнихъ писателей эпистолы или грамматики еще жъ седми греческихъ мудрецовъ и другихъ философовъ апофтегматы или наставленіе и совѣты». Москва. 1767 года, и многіе другіе переводы.

158. Великорусскія сказки, собранныя И. А. Худяковымъ. Изданіе К. Солдатенкова и А. Щепкина. Москва, въ типографіи В. Грачева. 1860 года; 2 части.—8 д. л.; 1 часть 148 стр., 2 часть 168 стр.

Въ книгѣ помѣщено 80 сказокъ, двѣ саги и разсказъ о вѣдьмѣ. Всѣ онѣ записаны лично собирателемъ въ г.г. Тобольскѣ, Казани, Москвѣ и въ с. Жолчинѣ, Рязанской губерніи и уѣзда; только № 30 записанъ и сообщенъ мнѣ г. Мельковымъ, которому не могу не принести моей искренней благодарности. Изъ сказокъ здѣсь лучшія: № 18: «Мужикъ и Настасья Адовна», № 19: «Иванъ дорого купленный» и № 20: «Иванъ Царевичъ и Марья Марьевна». Также замѣчательная сага о русскомъ ? ? ? Сказки: № 35: «Аполонъ воръ» и № 36: «Бова королевичъ» кажется книжнаго происхожденія. Подробные комментаріи къ напечатаннымъ здѣсь сказкамъ будутъ нами сообщены впослѣдствіи. Къ сожалѣнію должны замѣтить, что нѣкоторыя обстоятельства не позволяютъ намъ печатать многія интересныя сказки изъ нашего собранія.—Книга очень рѣдка въ настоящее время.—Купленъ мною экземпляръ за 12 рублей (въ хорошемъ видѣ).

159. Верморель Ж. П. Мара.—„Другъ Народа“. Собраніе сочиненій. Переводъ съ французскаго. Изданіе Гриднина и Рождественскаго. С.-Петербургъ, въ типографіи Ф. С. Сущинскаго, 1871 года.—Въ 8 д. л., 446 стр.

Книжка начинается съ предисловія отъ переводчика. Въ предисловіи говорится, что «имя Мара, можетъ страшить въ настоящее время только однихъ идіотовъ. Дѣйствовавшій около ста лѣтъ тому назадъ, и при томъ, при совершенно особенныхъ обстоятельствахъ, Мара не можетъ имѣть для насъ никакого другаго значенія, кромѣ историческаго. Проповѣдь его уже по тому не можетъ обольстить насъ своею сущностью, что она не представляетъ собою никакой стройной системы. Это родъ политическихъ статей, вызванныхъ жгучими вопросами того времени, при томъ-же, при разрѣшеніи ихъ, Мара имѣлъ въ виду не столько развитіе той, или другой идеи, того или другого принципа, сколько—побужденіе своихъ соотечественниковъ къ принятію той, или другой—практической мѣры». Далѣе говорится:—«Мы знаемъ, что изданіе книги Мара не придется по вкусу нашей читающей публики:—одни найдутъ эту книгу неумѣстной, другіе—вредной, третьи—несвоевременной, всѣ вообще—странной; результатомъ будетъ то, что наша книга будетъ имѣть самый слабый ходъ, и не принесетъ издателямъ ничего, кромѣ матеріальныхъ убытковъ и дурной славы: одни признаютъ ихъ за фантазеровъ, другіе—за реакціонеровъ, третьи—за злонамѣренныхъ, и т. д.... Само собою разумѣется, что эти отзывы не тронутъ насъ. Поддѣлываться подъ мнѣніе глупыхъ людей, въ родѣ нашихъ радикаловъ и степныхъ философовъ, — мы вовсе не намѣрены и не ждемъ отъ нихъ ничего, кромѣ

ляганія». Любопытное сочиненіе Ж. П. Мара въ настоящее время довольно рѣдкое.—Мною купленъ экземпляръ у книгопродавца Шигина за 15 руб.

160. Верховный Уголовный Судъ надъ злоумышленниками, учрежденный по высочайшему манифесту, 1 іюня 1826 года. Въ С.-Петербургѣ, 1826 года.—Въ 8 д. л., 64 стр.

Въ этой чрезвычайно рѣдкой брошюрѣ содержатся: 1) Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ правительствующаго сената объявляется во всенародное извѣстіе (о государственныхъ преступникахъ, осужденныхъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ). Въ С.-Петербургѣ, іюля 13 дня 1826 года.

2) Именный высочайшій указъ, данный верховному уголовному суду въ 10-й день сего же іюля о пощадахъ, Его Императорскимъ Величествомъ даруемыхъ осужденнымъ преступникамъ.

3) Отъ верховнаго уголовнаго суда, всеподданнѣйшій докладъ.

4) Роспись государственнымъ преступникамъ, приговоромъ верховнаго уголовнаго суда осужденнымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако: Николай, Царское Село, 10 іюля 1826 года.

и 5) выписка изъ протокола верховнаго уголовнаго суда отъ 11-го іюля 1826 года.

161. Веселая старушка, забавница дѣтей, разсказывающая старинныя были и небыли. Москва, 1790 г.—Въ 12 д. л.

Въ 1790 году кто-то издалъ въ Москвѣ книгу подъ названіемъ: «Веселая старушка, забавница дѣтей, разсказывающая были и небыли».—Въ этомъ собраніи сказокъ помѣщено: 1) о Иванѣ, купеческомъ сынѣ; 2) о Иванушкѣ-дурачкѣ; 3) о лисицѣ и куракѣ; 4) о Иванѣ богатырѣ, мужицкомъ сынѣ; 5) о лягушкѣ и богатырѣ; 6) о Емельянѣ дуракѣ; 7) о трехъ королевичахъ; 8) о Иванѣ царевичѣ; 9) о Едуардѣ королевичѣ; 10) о Панфилѣ. — Во всѣхъ этихъ сказкахъ удержанъ настоящій русскій типъ. См. «Русскія народныя сказки» Сахарова, стр. LII, гдѣ говорится, что мы видимъ также поправки и произвольныя вставки издателя, но при всемъ томъ, мы должны откровенно сказать, что это изданіе сказокъ было лучшее изъ всѣхъ, появившихся въ XVIII вѣкѣ. Какъ жаль, что оно не попалось въ руки нѣмцевъ, рѣшившихся переводить русскія сказки».

Эта книжка въ настоящее время рѣдка.

162. Веселая Эрата на русской свадьбѣ или новѣйшее и полное собраніе всѣхъ до нынѣ извѣстнѣйшихъ свадебныхъ ста тридцати трехъ пѣсенъ, употребляемыхъ какъ въ столицахъ, такъ и въ другихъ городахъ. Москва, въ губернской типографіи у А. Рѣшетникова. 1801 года.—Въ 8 д. л. 123 стр.

Въ этомъ рѣдкомъ теперь сборникѣ, помѣщены 133 свадебныя пѣсни, собранныя лично издателемъ сборника.

Купленъ мною, хорошо сохранившійся экз. за 8 р.

163. Весенній цвѣтокъ, издаваемый въ 1807 году. Москва, въ вольной типографіи Өедора Любія.—Въ 8 д. л. три книжки; число страницъ: книжка 1-я VI + 185. Кн. 2-я VIII+135. Кн. 3-я VIII+160.

Въ началѣ первой и второй книжекъ слѣдуетъ посвященіе товарищу министра народнаго просвѣщенія и попечителю Московскаго университета Михаилу Никитичу Муравьеву, а въ 3-й кн. дѣйствит. стат. совѣтнику графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому, попечителю Московскаго учебнаго округа; второе посвященіе подписалъ издатель журнала «Козьма Андреевъ».

Содержаніе этого весьма любопытнаго журнала слѣдующее: небольшія статьи въ стихахъ и прозѣ, почти всѣ беллетристическія, оригинальныя и переводныя; онѣ подписаны иногда неполными фамиліями авторовъ, большею же частію первыми буквами ихъ имени и фамиліи.

См. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1875 годъ, стр. 66-я, № 8.

164. Вечера. Еженедѣльное изданіе на 1772 годъ, въ С.-Петербургѣ. (На титулѣ второй книжки значится: «часть II» и годъ 1772—обозначенъ послѣ слова—„въ С.-Петербургѣ“).—Въ 8 д. л., часть I-я 206+2, часть II-я 206+2 стр.

А. Н. Неустроевъ говоритъ въ своемъ историческомъ розысканіи о русскихъ повременныхъ

изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг. См. стр. 106: «Издателемъ «Вечеровъ» былъ Василій Ивановичъ Малковъ, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что труды Малкова проходятъ черезъ всѣ изданія «Вечеровъ»,—съ начала по самый конецъ, а вторичное изданіе ихъ Новиковымъ еще болѣе подтверждаетъ нашу догадку: извѣстно, что Новиковъ питалъ глубокое уваженіе и дружбу къ Василію Ивановичу, и потому перепечатка «Вечеровъ» въ 1788 году въ типографической компаніи было дѣломъ дружбы и памяти въ то время уже умершаго Малкова».

См. объявленіе объ изданіи «Вечеровъ», было напечатано въ № 9. «С.-Петербур. Вѣд.» 31 января 1772 года. См. «Отчетъ Имп. пуб. библіотеки» за 1858 г., стр. 59.—У Сопикова—за № 3878.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся любителями отъ 15 до 30 рублей.

165. Вечерніе часы или древнія сказки славянъ древлянскихъ. 6 частей. Москва, въ типографіи „Комп. типографической“, съ указаннаго дозволенія. 1787 года.—Въ 8 д. л., часть 1-я 240 стр.; часть 2-я 335 стр.; часть 3-я 227 стр.; часть 4-я 210 стр.; часть 5-я 184 стр.; часть 6-я 188 стр.

Въ 1788 году Новиковъ издалъ: «Вечерніе часы или древнія сказки славянъ древлянскихъ». Въ своемъ вступленіи издатель писалъ: — «Изъ числа древнихъ преданій, дошедшихъ чрезъ пересказываніе до нашихъ временъ, извѣстно, что великій князь словенскій Вандалъ, пришедъ съ своимъ храбрымъ народомъ въ предѣлы нынѣшней Россіи, покорилъ руссовъ, побѣдителей чудскихъ народовъ, за нѣсколько вѣковъ тутъ-же поселившихся. Повѣствованія отдаютъ славу премудрости сего Государя и говорятъ, что онъ умѣлъ соединить славянъ и руссовъ во единый народъ, имя побѣдителя съ сладчайшимъ названіемъ отца и друга человѣчества, а корону съ бременемъ. Своему любимому сыну, Избору, оставилъ наслѣдіе цвѣтущее. Любимецъ его, Уклонъ, искалъ угождать его слабостямъ и во многомъ перечилъ благонамѣреннымъ заботамъ престарѣлаго Словомира. Сей ласкатель, узнавъ, что Государь его жалуетъ сказки, представилъ ему славныхъ того времени сказочниковъ — Голована и Скалозуба, и самъ иногда оныя разсказывалъ. Извѣстно, что подраженіе больше сему свѣту бываетъ завсегда господствующей страстью и для живущихъ отъ онаго въ отдаленіи. Таковымъ образомъ въ тогдашнее время сказки вошли въ употребленіе. Нѣкоторый вельможа заплатилъ за то не малую сумму денегъ, чтобы имѣть у себя собраніе сказокъ, кои разсказываемы были въ вечерніе часы при дворѣ. Одинъ древлянскій грамотѣй списалъ оныя въ одну книгу, которую я издаю въ свѣтъ въ угодность нѣкоторыхъ читателей. Но какимъ образомъ столько древняя рукопись могла сохраниться отъ насильства времени и дойтить до рукъ моихъ?—Прошу моихъ читателей не требовать на то объясненія: это составляетъ маленькую тайну, которую долженъ я сохранить». — См. «Русскія народныя сказки» Сахарова, стр. XXVII.—Чистые, хорошо сохранившіеся экземпляры—рѣдки.—Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

166. Взглядъ на суевѣріе и предразсудки. Сочиненіе Поликарпа Пузина. Санктпетербургъ. Печатано въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1834 года.—Въ 8 д. л., VI+336 стр.

Книга начинается съ краткаго предисловія отъ автора, въ которомъ говоритъ: «соглашаясь съ тѣмъ правиломъ благоразумной умѣренности, что невозможно и даже вредно вдругъ искоренить всѣ народныя суевѣрія и предразсудки; не безполезнымъ однако-жъ почитаю мало-по-малу разрушать древнее зданіе оныхъ; въ семъ предположеніи, я употребилъ досужіе часы на извлеченіе отвсюду, какъ мнѣніе о суевѣріи и предразсудкахъ, такъ равно случаевъ и примѣровъ, которые мнѣ казались удобнѣйшими, для изображенія нѣкоторыхъ древнихъ и нынѣ господствующихъ заблужденій, на счетъ волхованія, привидѣній, мертвецовъ, гаданій и многихъ другихъ нелѣпостей. Отвергая по возможности сіи исчадія древняго язычества, переходящія отъ предковъ въ наслѣдіе къ потомству». Далѣе говоритъ авторъ, что «собирая анекдоты и сказки, наиболѣе поддерживающіе преданія сіи, я старался по возможности обнаружить ихъ и представить въ разочарованной наготѣ, какъ устарѣлые кумиры, воздвигнутые непросвѣщеніемъ или обманомъ. Ежели досуги сіи, по склонности употребленные и на одной любви къ просвѣщенію основанные, обратятъ на предметы легковѣрія людскаго хотя малѣйшее вни-

маніе читателя, то симъ уже и достигнута цѣль моя. Просвѣщенной публикѣ слишкомъ извѣстно все—и болѣе того, что здѣсь изложено,—не для нея писано сіе. Обращая наблюдательный взоръ на домашній бытъ провинціальный, и видя вседневные опыты предразсудковъ и заблужденій простолюдиновъ нашихъ, всему вѣрующихъ, всего боящихся и на каждомъ шагу обманываемыхъ, я попытался собрать разнородныя ихъ примѣты и повѣрья, такъ-сказать: изобразить нравственную картину ихъ самихъ, приведя посторонніе анекдоты о заблужденіяхъ только для сравненія,—и дабы тѣмъ удобнѣе заставить ихъ устыдиться своего легковѣрія и сдѣлаться, если можно, болѣе разсудительными». Сочиненіе П. Пузина, который ревностно занимался изученіемъ языческихъ преданій и вѣрованій русскихъ людей. Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія. Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей въ хорошемъ видѣ.

167. Взысканіе за недоимки. Олеографія Р. Хорна. Отпечатана въ С.-Петербургѣ, 1881 г. На большомъ листѣ.

Картина эта представляетъ копію съ извѣстной картины профессора В. В. Пукирева «Взысканіе за недоимки».

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній картина была изъята изъ обращенія въ публикѣ и теперь сдѣлалась рѣдкою.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 5 рублей.

168. Взятіе Москвы. Во всенародное извѣстіе.—Открытый листокъ. (Безъ означенія года).

Означенный листокъ составляетъ въ настоящее время любопытную библіографическую рѣдкость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ интересъ по своему историческому содержанію. Почему считаю не лишнимъ привести его здѣсь полностію, съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

«Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына Отечества печалію симъ возвѣщается, что непріятель Сентября 5 число вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ Россійскій. Напротивъ да поклянется всякъ и каждый воскипѣть новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ. Непріятель занялъ Москву не отъ того, что преодолѣлъ силы наши, или бы ослабилъ ихъ. Главнокомандующій по совѣту съ первенствующими Генералами нашелъ за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы съ надежнѣйшими и лучшими потомъ способами превратить кратковременное торжество непріятеля въ неизбѣжную ему погибель. Сколь не болѣзненно всякому Русскому слышать, что Первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ Отечества своего; но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, вошедъ въ нее сдѣлаться повелителемъ всего Россійскаго Царства и предписать ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей, и не найдетъ въ Столицѣ сей не только способовъ господствовать, ниже способовъ существовать. Собранныя и отчасу больше скопляющіяся силы наши окрестъ Москвы не престанутъ преграждать ему всѣ пути и посылаемые отъ него для продовольствія отряды ежедневно истреблять, доколѣ не увидитъ онъ, что надежда его на пораженіе умовъ взятіемъ Москвы была тщетная, и что по неволѣ долженъ онъ будетъ отворять себѣ путь изъ ней силою оружія.

Положеніе его есть слѣдующее: онъ вошелъ въ землю нашу съ тремя стами тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ главная часть состоитъ изъ разныхъ націй людей, служащихъ и повинующихся ему не отъ усердія, не для защиты своихъ отечествъ, но отъ постыднаго страха и робости. Половина сей разнонародной арміи его истреблена частію храбрыми нашими войсками, частію побѣгами, болѣзнями и голодною смертію. Съ остальными пришелъ онъ въ Москву. Безъ сомнѣнія смѣлое, или лучше сказать дерзкое стремленіе его въ самую грудь Россіи и даже въ самую древнѣйшую столицу удовлетворяетъ его честолюбію, и подаетъ ему поводъ тщеславиться и величаться; но конецъ вѣнчаетъ дѣло. Не въ ту сторону зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войски и народъ. Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества. Она съ послѣднею въ груди каплею крови станетъ защищать ихъ. Всеобщее повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ

и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуетъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо Отечество наше, ограждаемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ его сыновъ. И такъ да не унываетъ никто, и въ такое ли время унывать можно, когда всѣ состоянія Государственныя дышутъ мужествомъ и твердостію? Когда непріятель съ остаткомъ отчасу болѣе исчезающихъ войскъ своихъ, удаленный отъ земли своей, находится посреди многочисленнаго народа, окруженъ арміями нашими, изъ которыхъ одна стоитъ противъ него, а другія три стараются пресѣкать ему возвратный путь и не допускать къ нему никакихъ новыхъ силъ? Когда Гишпанія не только свергла съ себя иго его, но и угрожаетъ ему впаденіемъ въ его земли? Когда большая часть изнуренной и расхищенной отъ него Европы, служа по неволѣ ему, смотритъ и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ минуты, въ которую бы могла вырваться изъ подъ власти его тяжкой и нестерпимой? Когда собственная земля его не видитъ конца проливаемой ею для славолюбія своей и чужой крови? При толь бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго не прославится ли тотъ народъ, который перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ терпѣливостію и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ Державамъ доставитъ оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей съ нимъ воюютъ?—Пріятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ.

Боже Всемогущій! обрати милосердыя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ Россійскую Церковь. Даруй побороающему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе. Сими да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодолѣетъ его, и спасая себя, спасетъ свободу и независимость Царей и Царствъ».

169. Взятіе Парижа. Открытый листокъ, печатанный въ сенатской типографіи по случаю взятія города русскими и союзными войсками въ 1814 году.

См. объ этомъ весьма рѣдкомъ изданіи «Отчетъ Императорской публичной библіотеки» за 1887 годъ, стр. 81, № 19.

Листъ этотъ содержитъ въ себѣ важные и интересные историческіе матеріалы.

170. Виды Москвы, рисованные Жерардомъ де-ла-Бартомъ. Въ большой листъ.

Это рѣдкое изданіе состоитъ изъ 12 видовъ Москвы, рѣзанныхъ разными граверами конца XVIII вѣка. Гравюры были изданы съ соизволенія Императора Павла I-го.

Изданіе довольно изящное и весьма рѣдкое.

170. Виды села Влахернскаго (мельницы), принадлежащаго князю Сергію Михайловичу Голицыну (съ такимъ же заглавіемъ и на французскомъ языкѣ), imprime par Bry à Paris.— Въ листъ, 25 листовъ. Заглавный фронтисписъ и 22 вида, литографированные въ Парижѣ, съ русской и французской подписями.

Виды этого села были сдѣланы художникомъ Раухомъ въ акварельныхъ рисункахъ, которые находятся въ библіотекѣ князя Голицына.—Это роскошное изданіе напечатано въ Парижѣ у Бри въ 1841 г. на счетъ князя Голицына въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу не поступало.

Купленъ мною экземпляръ за 30 рублей.

Ровинскій, Д. А.

Извѣстный юристъ и государственный дѣятель, ученый изслѣдователь по исторіи русской жизни и исторіи искусствъ, почетный членъ академіи наукъ и художествъ.

172. Виды Соловецкаго монастыря, отпечатанные съ древнихъ досокъ, хранящихся въ тамошней ризницѣ. Д. А. Ровинскаго. Санктпетербургъ, экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ, 1884 года.—Въ большой листъ.

Въ началѣ этого собранія видовъ, слѣдуетъ нѣсколько словъ отъ Д. А. Ровинскаго, гдѣ онъ говоритъ, что «въ іюлѣ 1876 года мнѣ довелось быть

Заглавный листъ изъ книги «Виды сѣла Влахернскаго».

въ Соловецкомъ монастырѣ. При обозрѣніи монастырской ризницы (по тамошнему «казначейской палаты») отецъ казначей указалъ мнѣ, между прочимъ, цѣлый сундукъ со старинными мѣдными досками.

Доски эти оказались въ высшей степени замѣчательными: это были все виды Соловецкаго монастыря, гравированные въ разное время, начиная съ 1701 года и до половины нынѣшняго столѣтія. Въ числѣ ихъ находились и три громадные вида, которые почти неизвѣстны въ старыхъ сохранившихся отпечаткахъ: 1) работы Ивана и Алексѣя Зубовыхъ, 1744 года, на 7 доскахъ; 2) работы Дмитрія Пастухова, 1765 года, на 6 доскахъ, и 3) вырѣзанный при Архимандритѣ Іонѣ въ 1803 году, на одиннадцати доскахъ работы Луки Зубкова (безъ его имени).

Не менѣе замѣчательны были и доски работы Саввы Никифорова 1701 года, и неизвѣстная до сихъ поръ доска работы ландкартныхъ дѣлъ мастера С.-Петербургской Академіи Наукъ Михайлы Махаева, гравированная имъ въ 1766 году. Всего на всего отыскалось въ ризницѣ 51 доска, представляющія цѣлую серію видовъ Соловецкаго монастыря, Анзерскаго и Голгоѳскаго скитовъ.

Благодаря просвѣщенному содѣйствію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сѵнода К. П. Побѣдоносцева, всѣ соловецкія доски были вытребованы въ Петербургъ, отпечатаны и прилагаются въ настоящемъ изданіи.

Относительно основанія до насъ дошли слѣдующія преданія. Инокъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Савватій перешелъ сперва въ Валаамскій монастырь, потомъ въ поморскую страну на рѣку Выгъ, а оттуда вмѣстѣ съ инокомъ Германомъ, водворился на необитаемомъ островѣ Соловецкомъ въ 1429 году, въ Савватіевской пустынѣ, въ 12 верстахъ отъ нынѣшняго Соловецкаго монастыря, близъ горы Сѣкирной. Черезъ шесть лѣтъ Германъ отлучился на Поморіе; вслѣдъ за нимъ оставилъ Соловки и Савватій и прибывъ въ деревню Сороку, на рѣкѣ Выгѣ, умеръ здѣсь и погребенъ игуменомъ Наѳанаиломъ и новгородскимъ купцомъ Іоанномъ 27 сентября 1435 года.

Въ слѣдующемъ 1436 году инокъ Палеостровскаго Рождественскаго монастыря Зосима, удалившись на рѣку Выгъ, нашелъ здѣсь Германа и вмѣстѣ съ нимъ, переѣхавъ въ Соловки, водворился тамъ и при помощи другихъ, пришедшихъ къ нимъ иноковъ, устроили Соловецкій монастырь.

Первые три настоятеля были присылаемы въ Соловки изъ Новгорода: 1) Павелъ, 2) Ѳеодосій и 3) Іона; изъ нихъ настоятель Іона выпросилъ отъ Новгородскаго Архимандрита Іоны и отъ бояръ и посадника грамоту на всѣ Соловецкіе острова: Соловки, Анзеру, Муксальму, Заячьи и малые острова. Нѣсколько обывателей новгородскихъ подарили монастырю помѣстья въ Поморьѣ, а посадница Марѳа Борецкая выдала грамоту на имѣніе свое въ Сумской волости съ крестьянами и рыбными ловлями. Послѣ вышеупомянутыхъ трехъ настоятелей, оставившихъ Соловки по непривычкѣ къ тамошнему климату, поставленъ игуменомъ въ 1452 году самъ Зосима. Въ 1465 году перенесены въ Соловки мощи преподобнаго Савватія; въ 1470 году Марѳа Борецкая съ сыномъ вновь подарила монастырю разныя угодья. Зосима умеръ 17 апрѣля 1478 года.

Слѣдующіе за тѣмъ 19 игуменовъ ничего существеннаго для монастыря не сдѣлали. Съ 1548 по 1566 годъ правилъ монастыремъ знаменитый Филиппъ (24-й), поставленный въ 1566 году въ Московскіе Митрополиты, который въ 18-ти лѣтнее пребываніе свое совершенно преобразилъ Соловки. Филиппъ принялъ Соловки въ совершенномъ запустѣніи; въ 1485 году большая часть монастыря выгорѣла; 1 мая 1538 года монастырь сгорѣлъ вторично до основанія. Филиппъ построилъ вновь каменную церковь Преображенія Господня; устроилъ солеварни и желѣзный промыселъ; водяную мельницу; кресты высокіе у избы для мореходовъ; увеличилъ дворецъ и кельи; между монастыремъ и дворцомъ поставилъ острый тынъ; поставилъ кирпичный заводъ, въ которомъ мяли глину валами.

Въ послѣдней четверти XVI столѣтія шведы начали тревожить Соловецкую обитель и грабить монастырскія земли; поэтому въ 1594 году построена была кругомъ монастыря высокая стѣна изъ булыжнаго камня, длиною въ 509 саженъ; стѣна эта сложена монастырскими крестьянами по плану Соловецкаго постриженника Трифона. Около того же времени въ монастырѣ построены каменныя церкви: въ 1577—1584 г. св. Николая чудотворца и въ 1596—1601 г. Благовѣщенія, что надъ воротами; каменные переходы отъ Преобра-

женской церкви къ Успенской; трапеза съ палатой для оружія и библіотеки (въ 1602 году).

Въ 1651 году, по случаю благополучнаго рожденія царевны Евдокіи Алексѣевны, игумену Ильѣ Пестрикову приказано отъ Царя Алексѣя Михайловича быть Архимандритомъ Соловецкимъ: «съ шапкою и съ палицею и съ бедренниками и ручнымъ сулагомъ, съ рипидами и съ осѣняльными свѣчами и съ ковромъ и съ полною архимандричьею службою».

Въ управленіе его монастырь обогатился многими дарами отъ Царя и Патріарха; а бояринъ Морозовъ устроилъ на раки св. Зосима и Савватія двѣ серебряныя доски въ 4 пуда 35 фунтовъ, изготовленныя въ Амстердамѣ.

Пять лѣтъ спустя, въ 1656 году, въ Соловки были присланы «новоисправленныя Никономъ служебныя книги»; Соловецкіе старцы не приняли новыхъ книгъ, а запечатавъ въ сундукѣ, поставили ихъ въ оружейную палату, а церковныя службы продолжали отправлять по старымъ книгамъ, не обращая вниманія на увѣщанія присланныхъ изъ Москвы священниковъ.

Не смотря на столь явное неповиновеніе, Царь и Патріархъ, занятые въ то время войной съ Польшею, не только не тревожили Соловецкихъ старцевъ, но еще посылали имъ разные дары; такимъ образомъ, въ 1657 году Никонъ послалъ въ даръ монастырю разныя ризы; а въ 1658 году Царь подарилъ Соловкамъ Тотемскія соляныя варницы. Съ своей стороны и Соловки дѣлали Царю большія пожертвованія: въ 1654 году они послали Царю заимообразно на войну 13,000 рублей, а въ 1664 году еще 20,000 рублей серебромъ да 200 червонцевъ.

Въ монастырѣ между тѣмъ старцы положили остаться при старинѣ; Архимандрита своего Варѳоломея (2-го, 1660—1666) они перестали слушаться, назначили начальниками надъ монастырскими стѣнами донскихъ казаковъ, изъ шайки Разина, Кожевникова и Софронова, а въ 1663 году послали со старцемъ Кирилломъ къ Царю челобитную въ опроверженіе новинъ.

Въ 1666 году Царь вызвалъ въ Москву Архимандрита Варѳоломея и другаго Архимандрита Никанора, бывшаго царскаго духовника, находившагося въ Соловкахъ на покоѣ; затѣмъ назначенъ былъ въ Соловки 3-й Архимандритъ Іосифъ, который и былъ посланъ туда вмѣстѣ съ Варѳоломеемъ и Никаноромъ. Оба Архимандрита были изгнаны возмутившимися монахами, а Никаноръ передался на сторону бунтовавшихъ.

Затѣмъ съ 1667 по 1676 годъ въ Соловецкомъ монастырѣ происходили междуархимандричества. Соловецкіе монахи избрали себѣ въ келари монаха Азарія Будильника, а въ казначеи іеромонаха Геронтія; объявили, что они новыхъ книгъ и обрядовъ не примутъ, заперлись въ монастырѣ и рѣшились обороняться. Сперва былъ присланъ для увѣщаній ихъ стольникъ Хитровъ, потомъ стряпчій Игнатій Волоховъ съ сотнею стрѣльцовъ, содержавшій осаду на Заячьемъ островѣ въ продолженіе 4-хъ лѣтъ безъ всякаго успѣха; только въ 1670 году удалось ему захватить монастырскаго келаря монаха Азарія съ 37 монахами, вышедшими изъ монастыря ловить рыбу. За нимъ въ 1673 году прибылъ стрѣлецкій голова Климентій Іевлевъ съ 1000 воиновъ, который перенесъ осаду на Соловецкій островъ, прекратилъ подвозъ къ монастырю припасовъ, отнялъ рабочій скотъ, выжегъ окрестныя строенія и захватилъ рыболовныя снасти. Онъ былъ отозванъ въ 1674 году за притѣсненія монастырскихъ крестьянъ. Наконецъ присланъ въ монастырь воевода Мещериновъ, который построилъ противъ монастыря 13 батарей и брустверовъ и подвелъ шанцы подъ самыя стѣны монастыря. 23 декабря 1676 года былъ сдѣланъ на монастырь неудачный приступъ, а затѣмъ въ январѣ 1677 года монастырь взятъ по оплошности самихъ монаховъ, черезъ тайный проходъ подъ бѣлой башней, который былъ указанъ переметчикомъ монахомъ Ѳеоктистомъ. Маіоръ Келенъ съ отрядомъ прошелъ этимъ проходомъ, отворилъ въ Сятыя ворота и монастырь былъ взятъ.

Осажденные, застигнутые въ расплохъ, были избиты безъ пощады. По свидѣтельству старообрядца Семена Денисова, написавшаго въ Выгорѣцкомъ скитѣ «Исторію о напорѣ и взятіи Соловецкаго монастыря», Мещериновъ въ тотъ же день засѣкъ пястицами на смерть сотника Самуила, избилъ до смерти Архимандрита Никанора палкой, казнилъ старца Макарія, рѣзчика Хрисанфа и живописца Ѳеодора съ ученикомъ его Андреемъ. «Такъ,—продолжаетъ онъ далѣе,—повелѣ прочія изъ караула привести иноки и бѣльцы, числомъ яко до шестидесяти и различно испытавъ и обрѣте ихъ тверды

и непревратны, зѣльною яростію воскипѣвъ, смерти и казни различны уготовавъ, повѣсити сія завѣщавъ: овыя за выи, овыя за нозѣ, овыя и множайшія междоребрія острымъ желѣзомъ прорѣзавше и, крюкомъ продѣвше, на немъ обѣсити каждаго на своемъ крюкѣ; иные же отъ отецъ звѣросердечный мучитель на нозѣ вервію оцѣпивши, къ коннымъ хвостамъ привязывати повелѣ и безмилостиво влачить по отоку, дондеже души испустятъ».

Монахи, оставшіеся въ живыхъ, были разосланы по другимъ дальнимъ монастырямъ, а Соловки стали наполняться сборною братіею изъ разныхъ мѣстъ. «Отсюду», говоритъ Семенъ Денисовъ, «въ Киновіи умножишася мятежи и безчинія: умножишася по келіямъ особъявленія варенія и пирогощенія; умножишася винопитія и піянства и раждающія піянство питей содержаніе: оставляютъ яже на пѣніихъ молитвословія исполняютъ кликовъ безчинія; яже учащеніе празднословія, срамословія и даяній неподобныхъ изношенія, яже табаки держанія и табакопитія и прочіе неблаголѣпные обычаи и дѣянія».

По усмиреніи Соловецкаго бунта воевода Мещериновъ былъ тоже вызванъ въ Москву и преданъ суду за разныя беззаконія. Въ Соловки назначенъ новый (4-й) Архимандритъ Макарій, правившій съ 1676 по 1680 годъ; за нимъ слѣдуютъ: (5-й) Иларіонъ I (1680—1686), (6-й) Иннокентій (1687—1689) и (7-й) Фирсъ Шераповъ (1689—1718 г.) Въ его управленіе Соловки посѣщалъ два раза Петръ Великій. Въ первый разъ онъ пріѣзжалъ на яхтѣ изъ Архангельска въ 1694 году. Второй разъ въ августѣ 1702 года Петръ прибылъ съ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, съ эскадрой, состоявшей изъ 13 судовъ, и былъ задержанъ противными вѣтрами между островами Анзерскимъ и Муксальминскимъ. На этихъ островахъ, а также и на Соловецкомъ, были для памяти сооружены три городка изъ земли съ камнями.

Царь неоднократно пріѣзжалъ въ монастырь во время службы и самъ пѣлъ на клиросѣ; Архимандриту Фирсу онъ указалъ носить мантію со скрижалями и посохъ съ яблокомъ, по подобію Чудовскаго Архимандрита, и службу служить согласно съ царскою грамотою 1651 года (грамота Фирсу выдана 3 февраля 1705 года). Затѣмъ эскадра была отпущена Петромъ въ Архангельскъ, а самъ Петръ отправился къ Нѣхоцкой пристани, а оттуда сухимъ путемъ до Повѣнца, 160 верстъ, причемъ для него была устроена дорога изъ бревенъ, по которымъ людьми были протянуты двѣ яхты до самаго Повѣнца. Изъ Повѣнца Петръ Онегою поплылъ подъ крѣпость Шлиссельбургъ и взялъ ее одиннадцатаго октября того же года.

Въ XVIII вѣкѣ Соловецкій лѣтописецъ отмѣчаетъ слѣдующее: въ 1730 году, Архимандритомъ Варсонофіемъ устроенъ механизмъ, для удобной выгрузки судовъ; устроены заводы канатный и смолевой; у соленаго амбара сдѣлана каменная пристань; приведенъ въ порядокъ архивъ; въ 1741 году устроены каменныя пристани у Святыхъ воротъ и у гостинницы; 1745 года построена каменная церковь Благовѣщенія надъ воротами и Архимандричьи палаты (вмѣсто сгорѣвшихъ).

Въ 1747 г. Каменный мостъ подъ Святыми воротами.

Въ 1753 г. Двѣ каменныя часовни, въ которыхъ погребены Германъ и Иринархъ.

Въ 1762 году отобраны у монастыря всѣ земли; а въ 1764 году монастырь положенъ въ 1-й классъ ставропигіальнымъ, и къ нему приписанъ Анзерскій скитъ.

Въ 1776 году при Досифеѣ построена каменная колокольня въ $27^{1}/_{2}$ саженъ вышины; построены 4 мореходныя ладьи и расчищена дорога на 7 верстъ отъ Савватіевской пустыни до Сосновой.

Въ 1790 г. Архимандритъ Іеронимъ построилъ на свой коштъ ладью св. Зосимы.

Въ 1798 г. Построена каменная церковь Филиппа Митрополита, вмѣсто старой, и трапеза для гостей. Въ этомъ же году пойманъ громадный китъ въ 13 саженъ длины, котораго затерло льдомъ; изъ него добыто 1300 пудовъ сала.

Въ 1799—1801 гг., при Архимандритѣ Іонѣ, выстроенъ докъ съ створными шлюзами, для починки большихъ кораблей и ввода ихъ на зимнее время. Они поднимались пущенною изъ Святаго озера водою, а по выпускѣ оной въ море оставались на сушѣ для конопатки. Въ 1826—1827 гг., при Архимандритѣ Досифеѣ II Нѣмчиновѣ, построены наемными мастерами два трехмачтовые корабля, «Николай» и «Савватій», «превосходнѣе всѣхъ находящихся на Бѣломъ морѣ у торговыхъ людей». (Прежняя ветхая ладья «Николай» разбилась и сожжена).

Въ 1826 году расписаны стѣны въ переходѣ, ведущемъ въ трапезу.

Въ 1827 году съ острова Большой Муксальмы на Малый, черезъ два морскіе пролива, сдѣлана изъ булыжнаго камня насыпь, длиною болѣе 120 саженъ, а въ ширину до 3 саженъ, для перегонки скота.

Въ 1828 году учрежденъ почтовый ходъ изъ Кеми въ Соловки, съ 15 мая по 15 октября.

Въ 1832 году построена каменная церковь подъ ризницей.

Въ 1846 г.—гранитная гавань, вмѣсто прежней деревянной.

Соловецкіе острова лежатъ подъ 64° 40′ сѣверной широты и подъ 53° восточной долготы. Ихъ всего шесть: Соловецкій, Анзерскій, Муксальминскіе, Большой и Малый, и Заячьи, Большой и Малый. Монастырь находится на Соловецкомъ островѣ, при заливѣ, который врѣзывается въ него почти на двѣ версты. Фарватеръ обозначенъ высокими деревянными крестами, врытыми по берегамъ залива и въ отмели. По измѣренію Швейцера поверхность шести острововъ равняется 426,2 квадратнымъ верстамъ (88,8 квадр. милямъ). Самый долгій день въ Соловкахъ 21 часъ 56 минутъ; самый короткій—2 часа 4 минуты. Приливъ моря достигаетъ отъ 3-хъ до 5 футовъ. Морозы зимою рѣдко переходятъ за 17 градусовъ, въ декабрѣ даже бываютъ оттепели; въ октябрѣ морозъ сковываетъ море на значительное пространство отъ берега, и съ половины этого мѣсяца до половины мая сообщеніе съ твердой землей прекращается; весна начинается съ половины мая, хотя съ марта уже морозы бываютъ не свыше 3—7 градусовъ. Лѣтомъ жаръ доходитъ до 20 градусовъ по Реомюру. Въ 1826 году доходило до 25 градусовъ; за то и въ іюлѣ случаются небольшіе морозы, которые губятъ хлѣбъ и овощи.

Трава ростетъ почти на одномъ Заячьемъ островѣ; накашиваютъ ее очень немного, и за недостаткомъ растительнаго корма коровы и лошади ѣдятъ зимою рыбу, отчего молоко коровы получаетъ очень противный вкусъ и людьми непривычными употребляемо быть не можетъ.

Лѣсъ: сосна, береза, ольха, осина,—все малорослое и на дрова не рубится; болотистыя мѣста усѣяны карликовой березой (betula nana). Рябина не вызрѣваетъ и Соловецкую настойку дѣлаютъ изъ зеленой ягоды. Черемуха ростетъ въ видѣ кустарника. Малина и смородина еще въ іюнѣ бываютъ зелены. Очень много черники, клюквы, воронца, голубели и брусники. Морошкой покрыты сплошь цѣлые острова.

Огородныя овощи самаго плохаго качества: картофель дряблый, рѣпа и рѣдька совсѣмъ пустыя; свеклы и капусты мало; онѣ очень рѣдко удаются. Хлѣба не сѣется, такъ какъ даже ячмень здѣсь не можетъ вызрѣть.

За то въ Соловкахъ изобиліе рыбы и озерной и морской. Всѣ острова изрыты озерками; изъ нихъ 52 озера соединены каналами и наполнены превосходными окунями, карасями и другими мелкими породами. Въ морскихъ избахъ ловится громадное количество сельдей, изъ которыхъ варятъ превосходную уху; солятъ ихъ немного, и то про свой обиходъ, а не на продажу.

За крупной рыбой: палтусиной, бѣлугой, семгой и треской, замѣняющей хлѣбъ для помора, монастырь посылаетъ суда съ наемными рыболовами на Мурманъ. Въ морѣ ловится большое количество нерпы, до 8000, изъ кожи которой выдѣлываются сапоги, пояса и другія издѣлія.

И такъ, кромѣ озерной рыбы и сельдей, въ монастырѣ почти все покупное и монастырю необходимо, въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, выбрать съ своихъ богомольцевъ, бѣдняковъ-поморовъ (которыхъ бываетъ въ монастырѣ до 15,000 за лѣто), не менѣе 80,000 рублей на свое пропитаніе, въ противномъ случаѣ монастырской братіи предстоитъ положительный голодъ.

Описаніе быта соловецкихъ монаховъ, ихъ хозяйства, обширныхъ хозяйственныхъ построекъ; обычай поморовъ отдавать своихъ сыновей, по обѣту, на послугу преподобнымъ Зосимѣ и Савватію, на годъ и болѣе, изъ которыхъ образовался многочисленный полкъ даровыхъ монастырскихъ работниковъ и слугъ; описаніе тамошней тюрьмы и сидѣвшихъ въ ней арестантовъ за преступленія противъ вѣры; описаніе соловецкихъ чаекъ, которыя тысячами летаютъ надъ монастыремъ и безпрепятственно гнѣздятся въ монастырской оградѣ и выводятъ тамъ своихъ птенцовъ,—все это желающіе могутъ найти въ обстоятельныхъ и краснорѣчивыхъ сочиненіяхъ гг. Диксона (La Russie libre. Paris 1873), Максимова (Годъ на сѣверѣ, Спб. 1864) и Немировича-Данченко (Соловки, Спб. 1875). Тамъ же найдутъ они и подробное описаніе бомбардированія монастыря англичанами въ 1854 году.

Что касается до монастырскихъ достопримѣчательностей въ художественномъ и археологическомъ отношеніи, то прежде всего посѣтителю монастыря слѣдуетъ осмотрѣть монастырскую ризницу; здѣсь, между прочими вещами, находятся: двѣ деревянныя доски съ гробовъ преподобныхъ Зосимы и Савватія, съ рѣзными изображеніями ихъ; Евангеліе апракосъ XVI вѣка, на пергаментѣ; Евангеліе Филиппа Митрополита, писанное на бумагѣ въ 7059 году, съ превосходными изображеніями 4-хъ Евангелистовъ и заставками, очень напоминающими драгоцѣнное Погодинское Евангеліе въ Публичной библіотекѣ; какъ видно изъ приписки, оно «написано рукою инока Іоасафа Бѣлобаева». Жизнеописаніе препод. Зосимы и Савватія, единственная въ своемъ родѣ книга, съ отличными рисунками, выполненная въ 1711 году.

Богатая кружка слоновой кости съ профильными изображеніями царей Петра I и II, Анны, Елизаветы и Екатерины II.

Серебряная кружка работы XVII вѣка, съ изображеніемъ бахусова торжества; подарокъ Шведскаго короля. Нѣсколько древнихъ мечей, приписываемыхъ разнымъ лицамъ. Верхъ отъ шубы Филиппа Митрополита. 51 мѣдная доска съ видами монастыря. Монастырская библіотека, по удостовѣренію знатока-библіографа А. Е. Викторова, заслуживаетъ подробнаго осмотра; не смотря на то, что большая часть ея передана въ Казань и въ другія епархіи, въ ней осталось еще довольно большое количество замѣчательныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ.

Въ Соловкахъ издавна были свои художники— иконописцы и граверы. Древнихъ образчиковъ ихъ работъ въ монастырѣ не сохранилось, за исключеніемъ иконы препод. Зосимы и Савватія, съ дѣяніемъ, въ 30 отдѣленіяхъ, хорошаго монастырскаго письма конца XVI вѣка (въ соборной церкви), и рѣзныхъ изображеній тѣхъ же преподобныхъ на ихъ гробовыхъ деревянныхъ крышкахъ (въ ризницѣ).

Въ описаніяхъ осады и взятія Соловецкаго монастыря сохранились имена казненныхъ въ 1676 году рѣзчика Хрисанфа и живописца Ѳеодора, съ ученикомъ его Андреемъ. Въ XVIII вѣкѣ, подъ одной изъ гравированныхъ досокъ, съ изображеніемъ монастыря и Соловецкихъ святыхъ, подписался иконописецъ Савва Никифоровъ; имъ же гравирована другая доска, распятіе съ чудесами, копированная съ Василія Андреева и описанная въ моей книгѣ: «Русскія народныя картинки» подъ № 932. Его же работы гравюры Ангелъ-Хранитель, въ ростъ, съ мечемъ въ лѣвой рукѣ; правой рукой поддерживаетъ большой крестъ; внизу подпись: «лѣта гдня а ψ г і издадеся въ соловецкоᴹ мнстрѣ при архимандритѣ ѳурсѣ сбратіею а рѣзалъ монаˣ того же мнстря...». Имя того же Саввы Никифорова, какъ «жителя» Соловецкаго, вмѣстѣ съ именами тоже «жителя» Григорія Симеонова и соловецкаго монаха Никона, встрѣчается и въ лицевомъ житіи преподобныхъ Зосима и Савватія, для котораго было изготовлено ими красками 275 хорошо выполненныхъ картинокъ и 24 заставки.

Кромѣ Никифорова, въ Соловецкомъ монастырѣ занимался гравированіемъ Лука Зубковъ, награвировавшій нѣсколько огромныхъ видовъ монастыря въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій, и монахъ Александръ (бывшій послушникъ Анзерскаго скита), работавшій въ 1850 году (см. № 19); досокъ своихъ онъ не подписывалъ.

Въ позднѣйшее время туземное Соловецкое художество ограничивалось писаніемъ плохихъ образовъ и расписываніемъ благословенныхъ ложекъ для богомольцевъ. Печатные станки для гравировальныхъ досокъ и даже литографическіе были уничтожены и затѣмъ плохіе литографированные виды монастыря дѣлались и печатались въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

Кругомъ монастыря сложена изъ дикаря стѣна въ 500 саж. съ башнями, по которой можно обойти монастырь почти кругомъ. На ней же находится оружейная палата, съ разнымъ оружейнымъ хламомъ, не представляющимъ ничего замѣчательнаго. Надъ Святыми воротами находится большой образъ (въ 3 арш.) нерукотвореннаго Спаса, писанный, по преданію, Елеазаромъ Анзерскимъ, и перенесенный сюда изъ Анзерскаго скита въ 1854 году.

За стѣной монастыря находится обелискъ въ память бомбардированія монастыря англичанами, колонна въ память построенія пристани и три часовни: Петровская и Константиновская, въ память посѣщеній Соловковъ Петромъ I и В. К. Константиномъ Николаевичемъ, и Просфорно-Чудовая, въ память совершившагося на этомъ мѣстѣ чуда, и деревянный крестъ, водруженный Петромъ I въ память избавленія отъ кораблекрушенія въ Унскихъ Рогахъ.

Въ верстѣ отъ монастыря есть еще часовня (Таборская), построенная на мѣстѣ погребенія воиновъ, убитыхъ при осадѣ Соловковъ въ 1667—1677 гг.

Въ Соловкахъ находится могила Авраамія Палицына, которую указываетъ желающимъ монастырскій сторожъ. Авраамій Палицынъ постриженъ въ Соловкахъ въ 1620 году и погребенъ 13 сентября 1627 года.

Осмотрѣвъ монастырь и его ближайшія окрестности, а также и святое озеро, въ которомъ, не смотря на холодную воду, почти каждый изъ богомольцевъ считаетъ за долгъ выкупаться, путешественникъ можетъ сдѣлать еще нѣкоторыя поѣздки, которыя, по своей живописности, доставятъ ему не мало удовольствія; а именно: по близости монастыря, въ Макарьевскую и Савватіевскую пустыни, изъ которыхъ въ первой находится восковой бѣлильный заводъ и открывается превосходный видъ на Соловецкій монастырь; а во второй находятся хозяйственныя и садовыя заведенія и монастырскіе огороды.

Затѣмъ посѣтить слѣдующія, болѣе дальнія, мѣста. Муксальма въ 10 верстахъ отъ Соловковъ; часть дороги идетъ черезъ проливъ, по насыпанному булыжнику. Въ Муксальмѣ устроенъ монастырскій скотный дворъ на 70 коровъ. Стойла теплыя, изъ срубовъ (по 6 коровъ); подстилки нѣтъ, а сѣно ввозится на чердакъ, оттуда черезъ отверстіе въ потолкѣ сыпается прямо въ ясли.

Сѣкирная гора находится въ 16 верстахъ отъ монастыря; дорога туда, очень живописная, идетъ еловымъ и сосновымъ лѣсомъ, по долинамъ и пригоркамъ. Церковь стоитъ на горѣ, на которую сдѣланъ хорошій пологій въѣздъ; пѣшеходная тропа (крутая) проложена особо. На церкви устроенъ маякъ, освѣщаемый съ 15 августа (жиромъ). На 14-й верстѣ находится часовня съ иконой, на которой представлено, какъ въ 1429 году два ангела сѣкли прутьями жену рыбака за то, что она хотѣла поселиться на житье на Соловецкомъ островѣ.

Анзерскій скитъ. Дорога на этотъ скитъ идетъ сперва по Соловецкому острову до пристани Лебарда, 15 верстъ; оттуда, черезъ морской проливъ, 4 версты 300 саженъ на лодкѣ; Анзерскимъ островомъ пѣшкомъ до скита $2^1/_2$ версты. Въ скитѣ есть икона Елеазара Анзерскаго съ его погребеніемъ (конца XVII в.).

На Анзерскомъ островѣ нѣтъ чаекъ.

Изъ Анзерскаго скита ѣздили мы на Голгоѳу $6^1/_2$ верстъ; отсюда видъ на 50 верстъ кругомъ. Передъ Голгоѳой, въ Воскресенской церкви, сѣверныя двери съ изображеніемъ вверху лѣстницы Іоанна лѣствичника, а внизу, въ 4-хъ отдѣленіяхъ, написано сотвореніе Евы. Письмо монастырское XVIII вѣка. Тутъ же образа Іосифа и Варлаама, Сошествіе Св. Духа и Воскресеніе,—любопытныхъ переводовъ первой половины XVIII вѣка. Въ Голгоѳскомъ скитѣ монахи служатъ однѣ панихиды.

Странствованія богомольцевъ въ Соловки совершаются съ давняго времени на ряду съ странствованіемъ въ Кіевъ къ Печерскимъ чудотворцамъ и въ Троицко-Сергіевскую Лавру, что подъ Москвой.

При описаніи русскихъ народныхъ картинокъ уже было замѣчено мною, что первое мѣсто, по числу богомольцевъ, занимаетъ Троицко-Сергіевская Лавра, устроенная преподобнымъ Сергіемъ. Туда ходилъ на благословеніе Кн. Дмитрій Ивановичъ Донской, передъ битвой съ Мамаемъ, какъ это значится и на народной картинкѣ № 303 (II. 23; IV.—); въ XVII вѣкѣ наши Цари считали за долгъ дѣлать «походъ къ Троицѣ» почти ежегодно; даже наши Царицы XVIII вѣка, и тѣ дѣлали неоднократно такіе походы, не рѣшаясь отступать отъ кореннаго обычая своихъ предковъ; вслѣдъ за ними двигались къ Троицѣ и громадныя массы богомольцевъ, приходившія поклониться преподобному Сергію, а также и многочисленнымъ Московскимъ святынямъ. Странствованіе къ Кіевскимъ святынямъ производилось тоже съ глубокой древности: народъ особенно уважаетъ Кіевскія пещерныя церкви, съ ихъ длинными корридорами, уставленными съ обѣихъ сторонъ страшно изуродованными нищими и слѣпыми калѣками, выпѣвающими «Лазаря»,—а также и Кіевскія пещеры, съ ихъ схимниками и отшельниками и лабиринтомъ темныхъ и тѣсныхъ переходовъ, загроможденныхъ гробницами.

Что касается до соловецкихъ богомольцевъ, то они составляютъ совершенно отдѣльный типъ отъ прочихъ богомольцевъ; это, по большей части, поморы, прибрежные жители Бѣлаго моря, изъ Олонецкой и Архангельской губерній. Каждый годъ въ іюнѣ-іюлѣ мѣсяцахъ, совершаютъ они свое странствованіе черезъ дремучіе лѣса, озера и порожистыя рѣчки, отъ Повѣнца на Сумы и Кемь, или же, другимъ путемъ, на Онегу. Изъ Онеги и

Сумъ они переправляются въ Соловки по морю на Поморскихъ судахъ; многіе дѣлаютъ этотъ переѣздъ и изъ Кеми, на простыхъ гребныхъ лодкахъ, управляемыхъ смѣлыми кемлячками. Этотъ не всегда безопасный путь, напоминающій до нѣкоторой степени древнее Іерусалимское паломничество, представляетъ еще до сихъ поръ много прелести для русскаго богомольца, хотя въ послѣднее время, съ устройствомъ прямаго пароходства изъ Архангельска въ Соловки, ватаги Сумскихъ и Онежскихъ богомольцевъ годъ отъ году уменьшаются и большинство богомольцевъ направляется въ Соловки изъ Архангельска. («Русскія народн. картинки». Спб. 1881 г. IV, стр. 315—316.

Путешествіе въ Соловки черезъ Сумы дѣлалось слѣдующимъ образомъ:

На пароходѣ изъ С.-Петербурга вплоть до Петрозаводска; пароходъ отходитъ отъ Александровскаго моста три раза въ недѣлю, въ полдень, и приходитъ въ Петрозаводскъ къ полудню черезъ двое сутокъ. Изъ Петрозаводска отходитъ пароходъ разъ въ недѣлю въ Повѣнецъ; отсюда до посада Сумы 180 верстъ. Богомольцы дѣлаютъ этотъ переходъ, переправляясь черезъ озера и рѣчки, въ трое сутокъ; а именно: отъ Повѣнца горою Юверъ, рѣкою Повѣнчанкой, 4 версты; узкими озерами (Валозеромъ и Коткозеромъ), 15 верстъ; горою, составляющею водораздѣлъ бассейновъ морей Бѣлаго и Балтійскаго, 7 верстъ; Муткозеромъ, до деревни Теликиной, 12 верстъ; у деревни Теликиной плотина и мельница, кладь переносятъ, а богомольцы переходятъ по берегу; рѣкою и Выгозеромъ 66 верстъ; сухимъ путемъ до Варенжи (Варники) 30 верстъ; Сумозеромъ и рѣкою Сумой, до деревни Лапиной, 15 верстъ; до посада Сумы сухимъ путемъ до 20 верстъ. Въ Сумахъ богомольцы живутъ въ монастырской гостинницѣ; оттуда ихъ перевозятъ на барказахъ въ Соловки.

Этимъ путемъ въ прежнее время проходило ежегодно отъ 5 до 6 тысячъ богомольцевъ, въ іюнѣ и въ первой половинѣ іюля; въ это время по всему протяженію его царствуетъ чрезвычайное оживленіе; но за тѣмъ во все остальное время года на немъ нѣтъ ни души; нѣтъ ни перевозчиковъ, ни носильщиковъ, ни проводниковъ, и въ деревняхъ очень трудно добыть ихъ даже за большую плату. Въ настоящее время большинство богомольцевъ тянется на Архангельскъ; на Сумскомъ пути устроенъ почтовый трактъ, при которомъ прежняя его богомольческая прелесть навсегда покончилась.

Совѣтую каждому путешествующему по Сумскому пути посѣтить изъ Петрозаводска водопадъ Кивачъ (описанный Державинымъ) и пороги: Гривасъ и Поръ-порогъ. Мнѣ довелось сдѣлать эту поѣздку вдвоемъ слѣдующимъ способомъ. Тотчасъ же по пріѣздѣ парохода въ Петрозаводскъ, мы взяли двѣ почтовыя одноколки (по 6 рублей каждая, за 60—65 верстъ до Кивача), и, не теряя времени, поѣхали. Въ Кончезерскомъ заводѣ, гдѣ добывается плохая желѣзная руда изъ озера, кормили два часа лошадей; къ 8 часамъ вечера пріѣхали въ село Вороново, гдѣ взяли лодку съ 5 гребцами (2 рубля) и черезъ два часа пріѣхали на Кивачъ. Это было въ іюнѣ, ночь была совсѣмъ бѣлая и вся она была проведена мною въ осмотрѣ водопада и его окрестностей. Спать въ павильонѣ (выстроенномъ по случаю посѣщенія Кивача Императоромъ Александромъ II въ бытность его Великимъ Княземъ) не было никакой возможности въ виду милліона комаровъ, съ жадностью ожидавшихъ нашей крови. Отъ Кивача до порога Гривасъ сухимъ путемъ выѣзжаютъ на Викиницы; оттуда $32^1/_2$ версты до порога; а до Поръ-порога отъ Гриваса еще 3 версты. Въ Петрозаводскѣ можно купить фотографіи со всѣхъ трехъ пороговъ-водопадовъ.

Отъ Кеми до Соловецкаго монастыря почта и богомольцы ѣздятъ на лодкахъ, на которыхъ гребутъ кемлячки; всего водою 60 верстъ; изъ нихъ островами 30 верстъ и 30 верстъ открытымъ моремъ. Этимъ путемъ ежегодно пріѣзжаетъ въ Соловки до 1300 богомольцевъ. Изъ Онеги моремъ пріѣзжаетъ не болѣе 600 или 700 человѣкъ. Путешествіе въ Соловки черезъ Архангельскъ дѣлается слѣдующимъ образомъ: изъ Москвы вы ѣдете по желѣзной дорогѣ, сперва до Ярославля (261 верста), потомъ до Вологды (192 версты), изъ Вологды до Устюга Великаго ходятъ маленькіе пароходики, довольно удобные, и отъ Устюга до Архангельска путь совершается на большихъ грузовыхъ пароходахъ. Въ Архангельскѣ вы поселяетесь въ прекрасной монастырской гостинницѣ въ Соломбалахъ, откуда переѣзжаете на монастырскомъ пароходѣ въ Соловки. Этимъ путемъ прибываетъ ежегодно до 12000 богомольцевъ. Въ монастырѣ ожидаетъ васъ самое искреннее гостепріимство, вы пользуетесь здѣсь полными удобствами. Нумера въ

гостинницѣ содержатся очень чисто; пищу можете вы получать изъ трапезы или же заказывать столъ въ особой монастырской хорошей кухнѣ. Плата за все болѣе чѣмъ умѣренная. Поѣздка совершается тоже чрезвычайно дешево.

Совѣтую каждому путешествующему этимъ путемъ остановиться для осмотра древностей, не говоря уже о Ярославлѣ, представляющемъ въ этомъ отношеніи большое богатство,—въ Вологдѣ, Устюгѣ Великомъ, Соль-Вычегодскѣ, въ который ѣздятъ сухимъ путемъ съ пристани Ускорье (первая остановка отъ Устюга), въ Сійскомъ монастырѣ, въ который ѣздятъ отъ пристани Сіи (2-й отъ Архангельска).

Въ настоящее время путешествіе въ Соловки этимъ послѣднимъ путемъ не представляетъ никакихъ опасностей. Совершаемое по желѣзнымъ дорогамъ и на хорошихъ пароходахъ и обставленное значительными удобствами, оно представляетъ очень назидательную и притомъ дешевую и не особенно продолжительную прогулку».

Д. Ровинскій.

Перечень видовъ Соловецкаго монастыря, находящихся въ настоящемъ изданіи и отпечатанныхъ оригинальными мѣдными досками, хранящимися въ Соловецкой ризницѣ.

1. Видъ Соловецкаго монастыря, работы Никифорова.

2. Такой же видъ съ четырьмя святыми внизу и стихами: «впустомъ отокѣ жить начавшій...»

3. Большой видъ, гравированный на 7 доскахъ А. и Ив. Зубовыми въ 1744 г.

4. Видъ съ дѣяніемъ святыхъ Зосимы и Савватія, въ 9 отдѣленіяхъ. Гравированъ въ 1748 году.

5. Видъ, гравированный въ 1762 году.

6. Громадный видъ, гравированный въ 1765 году Д. Пастуховымъ на шести доскахъ.

7. Видъ, гравированный М. Махаевымъ въ 1768 году.

8. Видъ, гравированный Саблинымъ.

9. Видъ, работы Луки Зубкова 1762 года на одной доскѣ.

10. Работы Зубова 1791 года, на двухъ доскахъ.

11. Громадный видъ, гравированный въ 1810 году, на одиннадцати доскахъ.

12. Видъ, гравированный въ 1801 году.

13. Видъ Соловковъ съ планомъ островокъ, грав. Зубовымъ въ 1802 году, на двухъ доскахъ.

14. Видъ и планъ Анзерскаго скита, грав. Зубовымъ въ 1802 году.

15. Такой же видъ, гравировалъ А. Касаткинъ въ 1806 году.

16. Видъ Соловецкаго монастыря, издан. при Архимандритѣ Макаріѣ въ 1825 г.

17. Большой видъ Соловецкаго монастыря съ 6 святыми въ облакахъ.

18. Видъ Голгоѳскаго скита, изданъ въ 1830 г.

19. Видъ Соловковъ, изданъ въ 1832 году.

20. Тоже; изданъ въ 1837 году.

21. Тоже съ 4 святыми въ облакахъ; изданъ въ 1837 году.

22. Тоже; изданъ въ 1837 году.

23. Тоже, съ образомъ Богоматери; изданъ въ 1849 году.

24. Препод. Зосима и Савватій съ видомъ монастыря; изд. въ 1849 году.

25. Видъ Соловковъ съ 4 святыми и подписью: «Сихъ угодниковъ Божіихъ жительства начало».

26. Планъ Соловецкаго монастыря.

27. Большой видъ, гравир. А. Аѳанасьевымъ съ рис. Заливскаго въ 1850 году.

28. Новый планъ Анзерскаго острова съ видомъ Анзерскаго скита; слѣва планъ «Келіамъ».

Всего 28 видовъ и плановъ, гравированныхъ на 51 доскѣ.

173. Видѣніе на яву и разговоръ Н... (Наполеона) съ С... (сатаною) послѣ сожженія Москвы и подорванія части Кремлевскихъ стѣнъ при уходѣ Наполеона съ войсками изъ оной, куда онъ былъ допущенъ безъ боя и почти въ пустую. Отставной русской на степи. 2-е изданіе. въ Санктпетербургѣ, въ типографіи Департамента внѣшней торговли. 1815 года.—Въ 8 д. л., 32 стр.

На заглавномъ листѣ слѣдующій эпиграфъ:— «Другъ человѣчества съ наполненными слезъ очами, съ надрывающимся сердцемъ отъ вздоховъ, вопрошаетъ себя: что могло произвести толь горестное сцѣпленіе послѣдствій».

(Взглядъ на политическое состояніе Европы).

На послѣдней страницѣ:

О, Боже правды, Боже мщенья!
Внемли гласъ твоего творенья!
Внемли и помощь дай теперь
Дай смертныхъ бичь—и лютыхъ з-в-ѣрь,
Сей ада злѣйше порожденье,
Всеобщихъ бѣдъ на прекращенье,
Стремглавъ низвергнется во адъ.

Затѣмъ въ заключеніе авторъ этой рѣдкой брошюрки говоритъ;—«...Разительная картина необыкновенныхъ злодѣйствъ и явленія, лишали меня силъ продолжать».

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этой брошюрки въ настоящее время составляютъ рѣдкость.

Купленъ мною экземпляръ за 2 рубля.

174. Византійскія эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго. Исторія и памятники византійской эмали; сочиненіе И. Кондакова, проф. С. Петербургскаго университета и старшаго хранителя Императорскаго Эрмитажа. С.-Петербургъ, 1889—1892 г., съ портретомъ издателя А. В. Звенигородскаго, работы талантливѣйшаго офортиста Гильяра, въ Парижѣ.

Исторія и памятники византійской эмали.— Задумана и выполнена была эта книга по мысли и на средства А. В. Звенигородскаго, всего болѣе на основаніи его изумительно-превосходнаго собранія византійскихъ эмалей X и XI вѣка. Это изданіе является до крайности необычайнымъ: во первыхъ, по значительности совершенно новыхъ изслѣдованій, представляемыхъ текстами; во вторыхъ, по несравненной роскоши художественной своей внѣшности; въ третьихъ, по тому обстоятельству, что не взирая на громадныя суммы, употребленныя на его изготовленіе, свыше 120,000 рублей, оно вовсе не назначено для продажи, и всего отпечатано въ количествѣ 600 экземпляровъ (200 на русскомъ языкѣ, 200 на французскомъ и 200 на нѣмецкомъ). Принесены въ даръ самимъ издателемъ библіотекамъ, музеямъ и другимъ научнымъ учрежденіямъ всей Европы и лишь очень немногимъ отдѣльнымъ личностямъ.—Въ предисловіи своемъ А. В. Звенигородскій говоритъ: «изданіе мое кончено, этимъ выполняется старинная и завѣтная моя мечта: способствовать появленію на свѣтъ такого сочиненія о византійской эмали, этой средневѣковой отрасли одного изъ древнѣйшихъ искусствъ міра, гдѣ заключалось такъ много красоты, мастерства и разнообразнаго художественнаго и научнаго значенія». Рѣшился издать свое драгоцѣнное собраніе и присоединить къ рисункамъ такой текстъ, который объяснялъ-бы рисунки эти, но также представилъ-бы полную исторію византійской эмали. Такого полнаго собранія въ Европѣ до сихъ поръ еще не было. Точно такъ-же, такого изданія въ Европѣ до сихъ поръ еще не было. «Въ 1886 году, говоритъ въ предисловіи А. В. Звенигородскій, я обратился къ профессору Н. П. Кондакову съ просьбою взять на себя трудъ написать для моего изданія текстъ. Громкая извѣстность профессора Кондакова, какъ одного изъ первыхъ знатоковъ византійскаго искусства, всего болѣе условливало мой выборъ. Проф. Кондаковъ принялъ это предложеніе и, занявшись всестороннимъ изученіемъ эмалеваго дѣла, совершилъ по моей просьбѣ два спеціальныхъ путешествія: одно по Европѣ, другое по Кавказу, съ цѣлью видѣть и узнать собственными глазами все, что только до сихъ поръ уцѣлѣло изъ неисчислимыхъ во время оно сокровищъ византійскаго эмалеваго производства». Ученые Европы, конечно, по достоинству оцѣнятъ новый трудъ профессора Кондакова. Послѣ богатаго содержаніемъ, историческаго вступленія, проф. Кондаковъ обращается къ описанію эмалей, собственно изъ колекціи А. В. Звенигородскаго и даетъ цѣлыя монографіи о византійскихъ изображеніяхъ: Христа, Богоматери, Апостоловъ, Евангелистовъ и многихъ святыхъ, а также о разныхъ родахъ орнаментистики, употребляемой на византійскихъ храмахъ.

Что-же касается художественной стороны изданія, А. В. Звенигородскій говоритъ слѣдующее: «въ то время когда уже всѣ работы по изданію были въ полномъ ходу, я имѣлъ случай узнать въ Петербургѣ многія орнаментальныя композиціи архитектора Ив. Павл. Ропена и пораженный ихъ талантливостію и необыкновенною способностію ихъ автора къ своеобразнымъ созданіямъ въ стилѣ византійскомъ, русскомъ и восточномъ,—я предложилъ ему взять на себя всѣ самостоятельныя работы по моему изданію». Этимъ художникомъ сочинены слѣдующія части изданія: а) посвятительный листъ Императору Александру III. На этомъ листѣ имя Государя составлено изъ драгоцѣнныхъ

камней съ брилліантомъ въ центрѣ. Надъ посвященіемъ расширяется балдахинъ или куполъ, весь изъ византійскихъ эмалей съ золотой державой вверху и съ черными орлами по скатамъ фронтона. Фонъ листа составленъ изъ серебряной филиграни, а вся окружность листа—изъ жемчужной нити съ драгоцѣнными камнями. б) Большой заглавный листъ, представляющій собою видъ византійскаго портика, на рѣзныхъ орнаментальныхъ колонкахъ. в) Малый заглавный листъ въ стилѣ заставокъ и заглавій въ византійскихъ древнихъ рукописяхъ X и XI вѣка; онъ отпечатанъ весь карминомъ. г) Орнаментныя виньетки (cuis de lampe), служащія заключеніемъ для каждой главы текста. д) Переплетъ книги. На передней доскѣ главное мѣсто занимаетъ изящный «вѣнчикъ» изъ эмалей по золотому фону, подлинникъ котораго находится въ собраніи А. В. Звенигородскаго. Вездѣ вокругъ къ верху и къ низу отъ заглавія книги—роскошная византійская орнаментація. Весь переплетъ отпечатанъ: по бѣлому шагреню золотомъ къ черными фонами. е) Двѣ шелковыя матеріи въ византійскомъ стилѣ, употребленныя въ корешкѣ переплета: одна изъ нихъ—изъ золотыхъ полосокъ, затканныхъ краснымъ и синимъ шелкомъ; другая—изъ бѣлыхъ колечекъ съ цвѣточкомъ; внутри: по ярко-голубому шелковому фону и съ разноцвѣтными драгоцѣнными камешками, вытканныхъ изъ шелка въ промежуткахъ между колечками. ж) Закладка въ книгу, въ формѣ широкой ленты, вытканной изъ разноцвѣтнаго шелка и золотыхъ и серебряныхъ нитей; на ней среди орнаментовъ вытканъ красными буквами по золотому фону (по византійскимъ привычкамъ) текстъ, въ настоящемъ случаѣ стихъ изъ трагедіи Еврипида «Эрехѳей»: «разверни эти говорящіе листы, прославляющіе мудрыхъ». Эта закладка прикрѣплена къ книгѣ тонкими золотыми шнурочками.

Рисунки подъ буквами «а», «б» и «г» выполнены въ краскахъ съ золотомъ въ знаменитомъ литографическомъ заведеніи Августа Остеррита во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Переплетъ книги исполненъ не менѣе знаменитою фирмою гг. Гюбель и Денкъ въ Лейпцигѣ. Издателю пришлось прибѣгнуть къ двумъ нѣмецкимъ фирмамъ во Франкфуртѣ и въ Лейпцигѣ, потому что никакія русскія фирмы, въ томъ числѣ самыя значительныя, не были-бы въ состояніи выполнить со всею тою тонкостію, необыкновенною акуратностію и изяществомъ, которыя тутъ непремѣнно требовались,—тѣ работы, которыя были въ виду художника.

Шелковыя работы подъ буквами: «е», «ж» и «з» выполнены на фабрикѣ А. Г. и С. Г. Сапожниковыхъ въ Москвѣ. Эта замѣчательная фабрика, по признанію знатоковъ, одна въ цѣлой Европѣ была способна исполнить съ необыкновеннымъ изяществомъ и глубокимъ совершенствомъ работы въ византійскомъ стилѣ, подобныя тѣмъ, которыя съ IX и X вѣка были всегда передъ глазами русскихъ и еще со времени среднихъ вѣковъ уже воспроизводились русскими мастерами.

Хромолитографическія таблицы, числомъ 31, приложенныя къ книгѣ и воспроизводящія, главнымъ образомъ, эмали колекціи А. В. Звенигородскаго, выполнены въ упомянутомъ уже выше заведеніи А. Остеррита во Франкфуртѣ на-Майнѣ. Русскій текстъ, предъ каждою главою текста, помѣщеннаго внутри византійскихъ цвѣтныхъ рамокъ, отпечатанъ золотомъ въ мастерскихъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ въ С.-Петербургѣ.

Необходимо замѣтить здѣсь, что все, что въ настоящемъ изданіи отпечатано золотомъ,—отпечатано не фальшивымъ золотомъ, какъ это нынче дѣлается, а настоящимъ червоннымъ золотомъ въ листахъ.

Нѣкоторыя изъ значительнѣйшихъ византійскихъ эмалевыхъ работъ воспроизведены въ текстѣ посредствомъ гравюры на деревѣ, лучшимъ и талантливѣйшимъ изъ русскихъ граверовъ В. В. Маттэ и нѣкоторыми другими замѣчательными его товарищами: гг. Творожниковымъ, Шмидтомъ и Кононовымъ. Первому принадлежитъ: Хохульская икона Богоматери въ Гелатскомъ монастырѣ на Кавказѣ, переплетъ изъ библіотеки дожей въ Венеціи и окладъ Евангелія изъ ризницы собора Св. Марка въ Венеціи.

Русскій текстъ печатанъ въ С.-Петербургѣ въ типографіи М. М. Стасюлевича, особо отлитымъ для того шрифтомъ. Французскій и нѣмецкій по переводамъ, первый: Фл. Травинскаго въ Парижѣ; второй: бар. Эд. Кречма въ С.-Петербургѣ; печатаны во Франкфуртѣ на Майнѣ въ типографіи Авг. Остеррита.

Превосходная бумага для всѣхъ трехъ изданій отлита по особому заказу самого издателя на фабрикѣ Страсбургской фирмы «Die neue Papiermanufactur in Strassburg».—См. «Петербург-

Заглавный листъ изъ книгѣ А. Звенигородскаго

„Византійскія эмали“.

По рѣдкому экз. изъ собраніе А. Бурцева.

скую Жизнь», «Новая книга и новая витрина въ Императорской публичной библіотекѣ» В. Стасова.

Купленъ мною экземпляръ за 400 рублей.

175. Вліяніе истиннаго свободнаго каменьщичества во всеобщее благо государствъ, обнаруженное и доказанное изъ истинной цѣли первоначальнаго его установленія (основанія). Карла Губерта Лобрейха фонъ-Плуменека. Писано въ концѣ XVIII столѣтія въ опровержение соч. Як. Мозура—о терпимости свободн. каменьщ. сообществъ, особенно въ отношеніи къ вестфальскому миру.—Переводъ со второго изданія на нѣмецкомъ языкѣ, печатаннаго въ Амстердамѣ, 1779 года.—Москва, 1816 года, въ университетской типографіи.—Въ 16 д. л., VIII+211 стр.

На оборотѣ заглавнаго листа эпиграфъ, взятый изъ твореній Горація: — «Внемли тому, чего я и народъ со мною желаетъ».—Въ началѣ книги находится предувѣдомленіе къ публикѣ отъ издателя, въ которомъ изложены доказательства въ защиту масонства, гдѣ между прочимъ говорится: — «еще недавно, даже въ концѣ прошлаго года, знаменитый и скромный, датскій королевскій ученый, статскій совѣтникъ Ю. Як. Мозеръ, издалъ въ свѣтъ небольшое сочиненіе въ трехъ листахъ, подъ названіемъ—«О терпимости свободно-каменьщическихъ сообществъ, особенно въ отношеніи къ вестфальскому миру». Онъ изслѣдываетъ въ семъ сочиненіи слѣдующіе четыре вопроса; 1) противны-ли вестфальскому миру свободно-каменьщическія ложи и почему именно; 2) обязанъ-ли нѣмецкій владѣтель оныя уничтожить или 3) по крайней мѣрѣ: можетъ-ли ихъ уничтожить, когда захочетъ? и 4) могутъ-ли государственные чины почитать ихъ за отягощеніе для государства, когда государь терпитъ оныя въ своихъ владѣніяхъ? Надобно признаться что онъ отвѣчалъ на сіи вопросы съ большою осторожностію и умѣренностію. — Такъ какъ я имѣю честь быть сочленомъ сего достопочтеннаго собратства и какъ оно всячески старается истребить предубѣжденія изъ сердецъ согражданъ, а притомъ, угодно было моимъ высокопочтеннымъ, высокомудрымъ, вышнимъ братьямъ поручить мнѣ сіе важное дѣло, то я буду ревностнѣйше стараться, сколько силы мои позволятъ мнѣ удостовѣрить публику, что наши чистыя, непорочныя и священныя намѣренія не имѣютъ иной цѣли, какъ достигать премудрости, искусства и добродѣтели, угождать Богу и служить ближнему, и чрезъ сіе похвальное занятіе содѣлывать, какъ насъ самихъ, такъ и учениковъ нашихъ и чадъ премудрости полезными и способными согражданами государства и наставлять ихъ въ нужныхъ къ тому обязанностяхъ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Въ то-же время, буду я стараться—отвратить троякій камень преткновенія и показать: 1) что сокровенность нашего внутренняго образованія и іероглифическаго ученія, употребляемаго нами въ нашихъ собраніяхъ, не можетъ никакъ сдѣлать насъ подозрительными, 2) что клятва, которую мы даемъ и образъ, каковымъ мы оную даемъ—не противны: ни божественнымъ, ни гражданскимъ законамъ, слѣдовательно сія безвинна и не преступна, и наконецъ, 3) что намъ, какъ вѣрнымъ и послушнымъ гражданамъ, никогда не можетъ придти на мысль учреждать Statum in statu (государство въ государствѣ), и что обвиненіе въ томъ со стороны нѣкоторыхъ злонамѣренныхъ людей—несправедливо и неосновательно».

Далѣе авторъ въ предисловіи своемъ говоритъ:— «А потому, прошу васъ, почтеннѣйшіе братья, равно какъ и каждаго безпристрастнаго читателя не дѣлать поспѣшнаго заключенія о семъ сочиненіи, но прежде безпристрастно прочесть оное и со вниманіемъ размыслить о немъ, тогда усмотрится, что въ ономъ нѣтъ ничего такого, что бы совершенно не согласовалось съ истиной».

Это крайне рѣдкое и чрезвычайно любопытное изданіе, по разнообразію заключающагося въ немъ матеріала «О терпимости свободно-каменьщическихъ сообществъ, особенно въ отношеніи къ вестфальскому міру».—См. Березинъ-Ширяевъ — 1884 г. стр. 427-я.—Есть у Остроглазова—См. «Книжныя рѣдкости»—№ 26.

Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей (въ современномъ переплетѣ).

176. Во всенародное извѣстіе по Высочайшему повелѣнію, съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына отечества печалію, симъ возвѣщается, что непріятель Сентября 3 числа вступилъ въ Москву.—3 стр. безъ означенія мѣста и года печати.

Это объявленіе о вступленіи Наполеона въ Москву составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 8 до 12 рублей.

177. Во всѣхъ ты Душенька нарядахъ хороша. Рис. А. Лебедевъ. Изданіе Д. Т. С.-Петербургъ. Литографія Соломона. 1861 года.

Въ этомъ изданіи помѣщено 8 листовъ рисунковъ, слѣдующаго содержанія: 1. Послѣ бала; 2. Въ маскарадѣ; 3. Въ балетѣ; 4. Въ циркѣ; 5. Въ постелѣ; 6. Въ деревнѣ; 7. На натурѣ; 8. Въ натурѣ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этого изданія довольно рѣдки.

178. Военный мореплаватель, или собраніе разныхъ, на войнѣ употребляемыхъ судовъ, съ показаніемъ, какимъ образомъ военные флоты долженствуютъ быть устрояемы для сраженія, также для атаки непріятельскихъ, или защищенія своихъ портовъ. Переводъ съ французскаго г. Кушелева. Москва, 1788 года.

Это изданіе—съ 46 гравированными виньетками съ изображеніемъ кораблей.—Книга посвящена великому князю Павлу Петровичу.—Означенное изданіе цѣнится отъ 5 до 6 рублей.

179. Вождь къ истинному благоразумію и къ совершенному счастію человѣческому или отборныя о сихъ матеріалахъ мысли славнѣйшихъ въ свѣтѣ писателей Г. Шпалдина, дю Мулина и Юнга, которыя на россійскій языкъ перевелъ съ пріобщеніемъ собственныхъ полезныхъ мыслей въ прозѣ и стихахъ Вологодскій помѣщикъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, С.-Петербургскаго Вольно-Экономическаго Общества, членъ Академіи Алексѣй Васильевичъ Алешевъ. С.-Петербургъ, 1780 года.—8 д. л., 167+3 стр.

Эта книга посвящена дворянству Вологодскаго намѣстничества и содержитъ въ себѣ, кромѣ переводныхъ статей, 50 нравоучительныхъ разсужденій Алешева, два стихотворенія его же и сочиненныя Василіемъ Рубаномъ, стихи и эпиграммы къ переведенной книгѣ и письмо къ Алешеву о неоконченной славѣ наукъ. См. «Описанія книгъ» Як. Березина-Ширяева, стр. 104, сказано: «книга довольно рѣдкая».

180. Возраженіе со стороны графини Де-Валуа-Ла-Моттъ на оправданіе графа Де-Каліостро, въ С.-Петербургѣ, печатано съ дозволенія указаннаго, въ типографіи у Шнора, 1786 года.—8 д. л., 144 стр.

О Каліостро помѣщены статьи въ «Русской Старинѣ» за 1877 годъ въ № 1 и въ «Древней и Новой Россіи» за 1875 годъ въ № 2. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ Василія Сопикова» за № 2531, сказано: «книга рѣдка»; есть у Я. Березина-Ширяева 1876 годъ, 310 стр.; означенное изданіе въ настоящее время чрезвычайно рѣдкое и цѣнится отъ 5 до 6 рублей.

181. Воззваніе настоятеля келіи 12 апостоловъ на Аѳонѣ къ пожертвованію на возобновленіе храма во имя 12 апостоловъ. Св. Гора, Аѳонъ, 1887 года.

По выходѣ въ свѣтъ была изъята изъ обращенія и теперь рѣдка.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры сего воззванія цѣнятся отъ 3 до 8 руб., смотря по степени ихъ сохранности.

182. Возобновленіе Зимняго дворца въ Санктпетербургѣ. А. Бешуцкаго. С.-Петербургъ, въ Гуттенбергской типографіи, 1839 года.—Въ 8 д. л., 135 стр.

Въ началѣ этой весьма рѣдкой брошюры помѣщена очень интересная хроника петербургскихъ дворцовъ, начинающаяся съ перваго дворца, построеннаго на Фонтанкѣ въ 1711 году и называвшагося Лѣтнимъ домомъ. Далѣе слѣдуетъ краткое описаніе пожара Зимняго дворца, бывшаго 17 декабря 1837 года, и проч.—Брошюра принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ изданій и почти не находима на книжномъ рынкѣ.

183. Войнаровскій. Поэма въ двухъ частяхъ. Сочиненіе К. Ѳ. Рылѣева. Москва, въ типографіи С. Селивановскаго, 1825 года.—8 д. л., XXIV+64 стр.

Эта поэма «Войнаровскій» вслѣдствіе событія 14-го декабря 1825 года, въ которомъ самое дѣятельное участіе принималъ авторъ ея, не дозволялась, какъ предполагаютъ, къ продажѣ и долго таилась, какъ запрещенная,—хотя объ ней никакихъ запретительныхъ мѣръ принято не было. Чтобы судить, какъ дорого цѣнилась эта книжка, достаточно указать на экземпляръ изданія поэмы «Войнаровскій»—г. Семевскій заплатилъ за экземпляръ въ 1830 году—200 рублей. Во второй разъ «Войнаровскій» былъ изданъ въ Берлинѣ въ 1857 году и въ томъ-же году онъ выпущенъ тамъ-же — новымъ изданіемъ. Кромѣ того онъ былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» за 1871 годъ, по рукописи автора, со многими дополненіями, и затѣмъ—былъ помѣщенъ въ полномъ собраніи сочиненій К. Ѳ. Рылѣева, изданныхъ въ С.-Петербургѣ, подъ редакціею П. А. Ефремова въ 1872—1875 годахъ. Въ началѣ книги помѣщено жизнеописаніе Мазепы, написанное Корниловичемъ, а потомъ жизнеописаніе Войнаровскаго, написанное А. Бестужевымъ; самая поэма состоитъ изъ двухъ частей.—См. «Историко-литературный біографическій очеркъ о Рылѣевѣ»—помѣщенъ А. Сиротининымъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1890 г. Чертковъ—1838 г., стр. 414. Геннади — № 3. Смирдинъ — № 6754. Як. Березинъ-Ширяевъ—1873 г., стр. 274. «Русская Старина» подъ редакціею П. А. Ефремова за 1871 годъ. Книжка цѣнится любителями до 10 рублей.

184. Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова. — Переводъ съ французскаго, Санктпетербургъ, въ медицинской типографіи. 1820 года.—Въ 8 д. л., 174 стр., съ гравюрою.

На заглавномъ листѣ виньетка, изображающая крестъ въ сіяніи. Передъ заглавіемъ помѣщена гравюра съ рисунка графа Ѳ. Толстаго (грав. Н. Уткинъ), представляющая женщину съ аттрибутами вѣры, надежды и любви и съ подписью: «Любы Божія изліяся въ сердца наша духомъ святымъ» (Къ римл. V, 5).

На второмъ листѣ слѣдуетъ предувѣдомленіе издателя французскаго подлинника, въ которомъ онъ говоритъ, что «чрезвычайная рѣдкость сего сочиненія, глубокія истины въ немъ содержащіяся, событіе предсказаній о революціи французской и какое-то движеніе безпокойства, нынѣ примѣчаемое въ Европѣ, побудили насъ приступить къ сему новому изданію (въ Парижѣ, 1790 г). Первое появилось въ 1727 году безъ означенія мѣста, гдѣ напечатано. Думаемъ, что оно вышло въ Базелѣ, откуда мы получили одинъ экземпляръ, — говоритъ издатель, — который только и могли найти при всѣхъ нашихъ изысканіяхъ.

Намѣреніе неизвѣстнаго сочинителя было доказать, сколь нужно человѣкамъ въ настоящія времена углубляться въ самихъ себя, слушать совѣсти и внутренняго гласа, непрестанно глаголющаго въ глубинѣ сердца. Онъ совѣтуетъ возбуждать сей гласъ, толь часто заглушаемый воплемъ страстей. Сократъ, Епиктетъ, Маркъ-Аврелій симъ только путемъ достигли истинной мудрости. Путь сей вѣренъ и блаженъ, кто шествуетъ по немъ!—Сочинитель возвѣщаетъ повсемѣственное возрожденіе, которому предшествовать будутъ времена тяжкія,—какъ необходимое слѣдствіе зла, сопротивляющагося добру,—и по сей брани настанетъ конечное истребленіе зла отъ лица земли!»

Книга по выходѣ въ свѣтъ была изъята изъ обращенія, какъ антиправительственная; по мнѣнію лица, которому правительствомъ поручено было ее разсмотрѣть,—«книга есть революціонный катихизисъ».

См. у Геннади—№ 242, сказано: «книга запрещенная и рѣдчайшая».—У Остроглазова—№ 27.—У Березина-Ширяева—1884 г.—№ 22—24.

Купленъ мною экземпляръ за 6 рублей.

185. Вольтеръ. Его жизнь и сочиненія. Д. Фр. Страуса. С.-Петербургъ, 1871 года.—Въ 8 д. л.

Довольно любопытная книжка, содержащая въ себѣ жизнеописаніе знаменитаго Вольтера.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры почти ненаходимы и принадлежатъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

Купленъ мною экземпляръ въ хорошемъ видѣ за 8 рублей.

186. Воинскій уставъ, составленный и посвященный Петру Великому генераломъ Вейде въ 1698 году. — Печатано по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, безъ всякихъ противъ подлин-

наго устава измѣненій и отступленій.— Санктпетербургъ, въ военной типографіи, 1841 года.—Въ 8 д. л. 189 стр. и 56 литогр. рисунковъ.

Императоръ Петръ I.

Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ „Панорама Петербурга".
Грав. Ройтъ.

Книга издана по высочайшему повелѣнію въ количествѣ 100 экземпляровъ и напечатана славянскимъ и гражданскимъ шрифтами и начинается посвященіемъ Императору Петру Великому.—Далѣе слѣдуетъ объясненіе всѣхъ воинскихъ чиновъ и ранговъ, и подробныя правила, какъ обращаться съ оружіемъ мушкетерамъ и гренадерамъ. Къ послѣднему отдѣлу приложено 56 литографированныхъ рисунковъ, на которыхъ изображены мушкетные (ружейные) пріемы.

Описываемый мною экземпляръ воинскаго устава сохранился въ печатной обложкѣ и совершенно новый. Такіе экземпляры составляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость.

Куплена мною книжка за 50 рублей.

Чтобы дать понятіе о сей библіографической рѣдкости, прилагаю здѣсь въ перепечаткѣ предисловіе и выдержки изъ устава.

ПРЕСВЕТЛѢЙШЕМУ и державнѣйшему великому государю, царю і великому князю Петру Алексѣевичю въсеа великія, и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержцу, Московскому, Кіевскому, Владимерскому, Новгородцкому, Царю Казанскому, Царю Астраханскому, Царю Сибирскому, Государю Псковскому, і великому князю смоленскому, тверскому, югорскому, пермскому, вятцкому, болгарскому и иныхъ. Государю и великому князю новагорода низовскіе земли, черниговскому, резанъскому, ростовскому, ярославскому, бѣлоозерскому, удоръскому, обдорскому, кондинскому і всеа сѣверныя страны повелителю. И Государю иверскіе земли, карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и кабардинскіе земли, черкаскихъ, и горскихъ князей. І иныхъ многихъ государствъ, и земель, восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ, отчичю, и дѣдичю, и наслѣднику, и Государю і обладателю, Вашему царскому Величеству, моему премилостивѣйшему царю і государю.

Державнѣйшіи Великіи Государь царь
милостивѣйшіи Государь.

Хотя побѣда отъ Господа происходитъ, однакоже недостоитъ того ради, тѣмъ иже снепріятелемъ дѣло имѣютъ руки внѣдра полагати, и безвсякаго труда, и попеченія пребывати, како имъ непріятеля въстрѣчати; наипачеже надлежитъ пещися, чтобъ притомъ всякому должность свою исполнять, ничего непренебрегать, но, что квоинскому изготовленію прибыточно будетъ, учреждати, дабы заранѣе Благое изготовленіе противъ непріятеля учинить, ибо коль многократно въсвѣте великіе и преславные дѣла неучинены, нобѣды получены и непріятели силою низложены суть, то однакоже никогда притомъ въдобромъ изготовленіи, вразумномъ порядкѣ, и стройстве недостатку небыло, но то всегда купно сразумомъ, и совѣтомъ предшествовало: доброй совѣтъ совокупляется охотно сосчастливымъ исполненіемъ: доброе и вѣрное наставленіе, Прилѣжное обученіе втомъ вчемъ наученъ быти хочешь, и безскучные труды ккаждому дѣлу еже намѣренъ исполняти, потребны суть во всякихъ трудахъ, такожъ попеченіе, и разумное надзираніе, перъвоначально къ воинскому дѣлу требуется, еже аки часы чрезъ удобное сложеніе, и исправное движеніе колесъ и цепи, совсѣмъ принадлежащимъ ктому, припорядочномъ бѣге содерживается. Аще въ войнѣ въсему благое поведеніе имѣть, то надлежитъ каждому, и всему войску на Главу смотря поступать. Како глава хощетъ, тако надлежитъ тѣлу и удамъ подвизатися, дабы безъстройства непроизошли, и другъ бы другу помешательства неучинилъ, или и вовсе оттого непогиблъ бы, и того ради надлежитъ нужно Възнатной части ратныхъ людей, доброе поученіе

и наказаніе держать, ненадлежитъ же чрезъ реченіе воинское поученіе здѣ разумѣти, одно токмо ученіе. І иные простые воинскіе осмотренія, которые Вчасти ратныхъ людей и солдатъ Во осмотреніи имѣти подобаетъ, которые почасту и старой рядовой салдатъ лутче знаетъ, нежели самъ его начальной человѣкъ, емуже своихъ подданныхъ Втомъ учить надлежитъ, но подобаетъ подтѣми словами разумѣть, и иные вс҃ѣ воинскіе искуства, которые при походахъ и отводахъ войска, или пристояніи оного, осадахъ и оборонахъ, мѣстъ и городовъ знати потребно, и дабы каждаго какъ воисполненіи, такъ и вразумныхъ совѣтехъ послучаю похвально, и спользою употребляти возможно было, и того ради надлежитъ такожъ каждаго въчинѣ, его, кдѣлному дѣйству и прилежанію приводитъ дабы единъ поединому управлятися и поступати учился, дондеже все вдоброе согласіе придетъ и приведено будетъ. Но егда той сѣмо другіеже овамо обращатися хощетъ, тамо неможетъ ничто иное, кромѣ согласія и междоусобія, и расколовъ послѣдовати, и того ради каждый который владѣтельствѣ имѣетъ непрестанно, нато досмотритъ дабы его подданные салдаты въ добромъ обученіи и строю непрестанно держаны были. Отомъ подобаетъ ему мыслить и радѣніе чинить. И то есть вчемъ азъ восе время обходился, І вчемъ прилѣжаніе чинилъ, а имянно дабы вѣрную службу Вашему Царскому Величеству въподданности послушно показывати.

Ибо истого времяни, егда Ваше царское величество меня удостоилъ въсвою воинскую службу приняти, нежелѣлъ азъ прилѣжанія своего, но трудился, дабы мнѣ втомъ, что кдоброму воинскому поученію принадлежитъ, вяще и вяще могъ совершенство получить, а особливо, егда ваше царское величество милостивѣйше изволилъ меня предсвоимъ великимъ посолствомъ, тому уже два года кразличнымъ европейскимъ дворамъ напередъ посылати. И попрошенію моему указалъ мнѣ въвенгерской землѣ принѣмецкомъ войске побыть, и тогда азъ какъ приученіи строю, и приготовленіи, такъ и привеликомъ бою, неоскудѣвалъ скрайнемъ прилѣжаніемъ, все что на и потребнѣйшее и лучшее късмотрѣнію достойно было, испытывати и примѣчати, и того ради азъ потомъ дале склоненъ учинился, вънынѣшнія времена новообыкновенные воинскіе обученія, купно краткимъ разтолкованіемъ и такожъ, како чины единъ по единому послѣдуетъ, и что при оныхъ каждому воосмотреніи имѣти надлежитъ, купно соиными воинскими обычаи и приготовленіями внастоящей книжице описати.

Дерзнулъ же азъ сіе Вашему царскому величеству принести, и преписати того ради, дабы хотя отчасти благодарной нравъ свой, за толь многократные мнѣ показанные милости Вамъ объявити могъ, отчасти же здоброй надежды, что Ваше царское величество насодержаніе сея книжицы, хотя сіе и малые труды, и изъявнѣ небезпороковъ суть, однакожъ смилостивымъ благоволеніемъ возрите, а особливо Понеже въ ней овоинскомъ дѣле пишетъ, еже во очесѣхъ Вашихъ нестранно есть, ибо Ваше царское величество отътого, иже руцѣ и мышцы кобрани укрѣпляетъ, избранъ воевати и силу непріятельскую сокрушати, чесо ради своею высокою особою никакого страха наводѣ и насухомъ пути неустрашался, но ради любви къ подданнымъ своимъ противъ непріятеля христіанскаго имяни мужественно ходилъ, а имянно азовъ есть, токмо чрезъ ваши мудрые совѣты и храбрость взятъ, отчего Ваше царское величество хвалы достойную славу, и побѣду одержалъ, потомъ же Ваше величество оставя, и забывъ всю, въ Государствѣ своемъ, имѣющую удобность, прохлады и покои, блиско двухъ лѣтъ (чему подобнаго ни въкакихъ прежнихъ и древнихъ бытіяхъ необрѣтается), несмотря на свою въсвѣте высокую особу, едва невсю европу обшелъ, і в все то время зѣло мало потѣхъ и забавъ веселыхъ употреблялъ, но непрестанно нещадилъ трудовъ въснисканіи и испытаніи получшей мѣре шляхетныхъ воинскихъ хитростей наводѣ и насухомъ пути ко общей ползѣ. Богъ всевышній, отнегоже вся сила, и яко свыше нисходитъ, да облечетъ І впредь Ваше Царское величество Премудростію, силою и крѣпостію, да престолъ Вашъ утвердится, непріятели разсыплются, и Вашимъ побѣдоносным оружіемъ утѣсненный христіанскій пародъ, изрукъ наслѣднаго непріятеля христіанскаго имяни силою пожеланію избавится, и да·речеши со давидомъ, пожену враги моя, и постигну я, и невозвращуся дондеже скончаются даси мнѣ враги моя въ побѣгъ и ненавидящія мя разорю.

азъ пребываю Вашъ
Пресветлѣйшаго и державнѣйшаго Государя
Дано на Москвѣ, Подданнѣйшій
въ лѣто 1698. холопъ, и рабъ *Адамко Вейде.*

Что имянно салдатъ есть.

Реченіе салдатъ, Просто содержитъ въсебѣ всѣхъ людей, которые привойске суть, отъ высшаго генерала даже допослѣдняго. и бываютъ такіе люди особливо раздѣлены наначалныхъ людей и простыхъ салдатъ конныхъ и пѣшихъ, началные люди паки раздѣляются въвысокіе и нижные началные люди, тѣ которые ниже прапорщиковъ свое мѣсто имѣютъ, называются нижніе началные люди, другіежъ вышніе началные; и тако началные повелѣваютъ, или правителствуютъ, другіеже исполняютъ повелѣніе ихъ исправно, всякой посвоему чину, и воинскому обычаю, но дабы Въвойнѣ Все порядочно поступати, и никакого безстройства междо толь многими людми, такъ лехко учинитися и приключитися невозможно было, и того ради оные наразличные части раздѣляются, а имянно нароты на баталіоны, полки, и бригады, и какъ такихъ ратныхъ людей много въмѣсте сойдется, намалѣйшее 10 до 12 тысячь, и то называется войско, и будутъ впредъ кнаивящей вѣдомости увсякой главы, гдѣ потребно, обыкновенія у цесарцовъ, и саксонцевъ, употребляемые попространнѣе описаны; здѣ хощу азъ чины кратчее проити, і будетъ начало окомпаніе, потомъ обаталіонѣ ополку Бригадѣ, и войске учинено, какъ послѣдуетъ.

О роте пехотной.

Пехотою мочно разно служить, а имянно яко мушкетеръ, Гранадиръ, такожде и пикениръ, еже вънынѣшнее время едва невсе оставлено, и вто мѣсто Ѳузеи сбагенетами употребляютъ, ради того, дабы болши огня имѣти, рота пехотная есть часть людей во 100. до 120. человѣкъ, какъ у цесарцовъ употребляется, у Французовъ же неболе 60. до 70. человѣкъ вроту берется.

Чины въроте пехотной суть

Послѣдующія якоже.

Капитанъ.
Порутчикъ.
Прапорщикъ.
2. 3. до 4. сержантовъ.
Подъпрапорщикъ.
Капитанъармусъ.
Смотровой, или ротной писарь.
2. Барабанщика.

Капитанъ.

Капитанъ естъ уроты глава, онъ имѣетъ на и болшее притомъ повелѣвати, у цесарцовъ есть обычай что онъ ихъ одѣваетъ, и имъ платитъ. Въпоходе онъ налошади, а въбою и выномъ строю есть предъсвоею ротою, пешъ, оружіе его есть пика или Ѳузея сбагенетомъ, въвечеру и поутру надлежитъ ему о состояніи роты своей обнадежну или свѣдому быть, и опольномъ числѣ, и немощныхъ ся совершенное попеченіе имѣти. Повся вечеры принимаетъ онъ отъсвоихъ сержантовъ слово, и буде что вроте дѣлать надълежитъ, то повелѣваетъ онъ сержантомъ, которые повелѣнію его поступать принуждены. ему подобаетъ накараулъ ходить, но менши 60. человѣкъ онъ неходитъ въстрою, или буде пристойно, то ходитъ онъ совсею своею ротою, такожъ ходитъ онъ для провожанія, и сколь часто полковникъ росписи роте его желаетъ, подобаетъ ему оную давать, и учреждать какъ ему повелено будетъ, ученіе которое принадлежитъ, Подобаетъ ему благо разумѣть, такожъ своихъ салдатовъ тому учить надобножъему примѣчать, чтобъ всѣ вьего роте свое дѣло благо, и прилежно могли исполнять.

Порутчикъ.

Порутчикъ воотлученіи капитана исправляетъ все вроте его караулные мѣста суть разные, менши 40 человѣкъ неходитъ онъ строемъ, Онъ восприимаетъ повся вечеры отъсержантовъ слово, и нечинитъ онъ ничего вротѣ безъкапитанскаго вѣдома, учитъ роту и имѣетъ более трудовъ снею, нежели капитанъ, оружіе его есть Ѳузея збагенетомъ, или полупика, Въпоходе онъ наконѣ, набоюже, и въстрою і навыходе пѣшъ позади роты.

Прапорщикъ.

Какъ порутчика нѣтъ, то исправляетъ все вротѣ вьего мѣсто прапорщикъ, ему подобаетъ особо повся дни немощныхъ посѣщать, нѣтли имъ въпризираніи, і въспоможеніи какого недостатку, онъ восприимаетъ повся вечеры слово отъ сержантовъ, и что особно притомъ повелѣно, то ему купно возвѣщаютъ накарауле, онъ всегда да усвоего знамени обрѣтается, онъ ходитъ такожде, иногд авовремя нужды запорутчика, и несетъ тогда оплпики, или Ѳузею збагенетомъ. Ему подобаетъ великую любовь ксалдатомъ имѣти и егда они въ-

наказаніе въпадутъ тогда занихъ бить челомъ. Въбой ненадлежитъ ему знамя свое оставляти подъсмертною казнію, но подобаетъ ему оное влѣвой рукѣ держать, а правою рукою оборонятись, и буде онъ правою рукою боле битца невозможетъ. то подабаетъ ему себя лучше признамени въчасти дать изрубить, нежели оное оставить. понеже вся рота потому поступаетъ, и того ради надълежитъ ему вътомъ при знамени присягу чинить, но егда опасное ухожденіе, или отводъной отъходъ учинится, и тогда добро онъ учинитъ егда знамя отъ древка сорветъ, и усебя схоронитъ, или около себя обовьетъ; и тако себя соиными спасетъ.

Сержантъ.

Потому коль роты великіи, или малы суть, потому имѣютъ мало, или много сержантовъ; обыкновенно имѣютъ ихъ, по 2. по 3. и по 4. уроты повся вечеры беретъ онъ слово, і воспріимаетъ оное либо отъмаэора, или отъполкового адъютанта и принесетъ оное своимъ началнымъ людямъ вротѣ, чинитъ такожъ особливое возвѣщеніе, что ему сверхъ того иногда приказано есть, Въпаходе такожде, і всегда ходитъ онъ пѣшъ, иногда бываетъ назади, иногда напереди предъротою; Онъ примѣчаетъ прилѣжно, чтобъ шеренги и ряды въстрою были, Однакожъ его назначенное мѣсто есть у капралства направой сторонѣ; оружіе его есть Элебарда, и несетъ оную купно зъжезломъ направомъ плечѣ; нанемъ лежитъ зѣло много вроте, и подобаетъ, чтобъ онъ отънижняго чина уже вовсѣхъ чинахъ служилъ, дабы онъ всѣ поступки и ученія благо знати могъ.

Подпрапорщикъ.

Онъ призираетъ прилѣжно немощныхъ и посѣщаетъ ихъ повседневно прилѣжно, и есть прапорщику всемъ дѣле помощникъ, набою или въстрою, идетъ запрапорщикомъ, и какъ оной раненъ будетъ, и неможетъ болѣе знамя несть, то подобаетъ ему оное принять. въпоходе носитъ онъ обыкновенно прапоръ.

Капитанъармусъ.

Онъ пріимаетъ Воинскіе припасы, то есть порохъ, и свинецъ и раздаетъ сіе салдатомъ. въ походе онъ всегда усвоей казенной телѣги, онъ имѣетъ надъзираніе надъоружіемъ осматриваетъ оное настроевыхъ мѣстахъ, такожде и лядунки, ружъе, велитъ починивать, и даетъ вътомъ капитану отчетъ; оружіе его есть Элебарда или ѳузея.

Ротной писарь.

Какъ капитанъ смотръ чинить хощетъ, тогда подобаетъ писарю всегда збумагою, и перомъ готову быть, и свою роспись роте право и справедливо держать; ему подобаетъ такожъ всѣмъ салдатомъ противъ капитанскаго приказу денги взаплату Благораздавать, и вътомъ прямой правдивой отчетъ давать; такожъ подобаетъ ему книгу держать, і все записывать, что вроте раздается, и починяется, очемъ онъ долженъ есть повся мѣсяцы капитану роспись давать.

Лекарь ротной.

Ему подобаетъ нужно добрые лекарства кранамъ ссобою въполе, такожде и восадахъ имѣть, и буде что опасное прилучится лечить, то подобаетъ ему зато небратся одному, но сыными отомъ совѣтовать, онъ брестъ салдатовъ вънедѣлю поединожды: и подобаетъ ему прилѣжно раненыхъ призирати; онъ воспріимаетъ жалованья отъвсякаго салдата нанедѣлю пополторы копѣйки, началныеже люди даютъ ему посвоему изволенію.

Капралъ.

Тому подобаетъ овсѣхъ подъсвоимъ владѣтельствомъ имѣющихъ поутру, і вечеру извѣстну быть, и буде кто изнихъ козлому житію склонятися будетъ на тѣхъ надълежитъ ему Гараздо смотрѣть, и ихъ воздерживать отътого, и отнюдь непозволять Въ карты играть, а буде кто ему непослушенъ явится, подобаетъ ему то сержанту сказывать; онъ стоитъ у своего капралства впередней шеренге направой сторонѣ и есть ихъ уроты по 3. и 4. и 5. потому коль рота велика и мала есть. Его оружіе есть такое, какъ и уиныхъ упростыхъ салдатовъ.

Геерейторъ.

Суть оные которые въпредней шеренге подле капрала стоятъ, ихъ оружіе есть равно, какъ и иныхъ простыхъ салдатъ. Они некараулятъ сами, но надлежитъ имъ примечать, чтобъ караулы, которые врозные мѣста отъ роты по 2. по 3. и болши человѣкъ постановлены бываютъ воуреченное время, а имянно по вся три часы переменены были, и всегдабъ отънихъ приведены и сведены были.

Леибшицъ или оберегателной стрѣлокъ.

Есть такой какъ денщикъ, онъ держится всегда у началнаго человѣка, и егда началный человѣкъ одного изъ своей роты, или иное что требуетъ, то пошлетъ онъ тогда скоро того оберегателнаго стрѣлка; капитану есть всегда обыкновенно 2. такихъ при-себѣ имѣть и набою всегда они закапитаномъ. Оружіе ихъ мушкетъ при палаше.

Барабанщикъ.

Такихъ подобаетъ вроте всегда по 2. человѣка быть, они недолжны суть на бою, противитися, но подобаетъ имъ заротою. і всегда готовымъ быть, естьли что имъ бить велятъ; имъ надлежитъ всѣ штуки, которые надобны суть въполку, благо знать, имъ подобаетъ лехкимъ наноги быть, чтобъ тогда, какъ капитанъ или поуказу его куда барабанщика пошлютъ, оной бы то Благо и скоро исполнити могъ.

О баталіоне.

Баталіонъ состоитъ изъ 3. 4. или 5. ротъ, и есть обыкновенно сіе половина, или третія часть полку, и кто надъонымъ повелѣваетъ, тотъ есть полуполковникъ или маэоръ.

О полку пехотномъ.

Полкъ пехотной есть всегда въ 8. до 12. ротъ, Великихъ господъ оберегательные полки бываютъ и болши въ 16. даже до 20. ротъ, и учреждаютъ для великихъ трудовъ въ зѣло великихъ полкахъ, купно примаэорѣ. 2-хъ полковыхъ адъютантовъ.

Правительствующіе особы

Вполку суть послѣдующіе.

Полковникъ.
Полуполковникъ.
Маэоръ.

Потомъ послѣдуютъ иные полковые чины.

Полковой квартиръ мейстеръ.
Полковой адъютантъ.
Полковой обозничей.
Полковой профосъ.

Полковникъ.

Безъ его вѣдома несмѣютъ въполку никакой началной человѣкъ ничего знатнаго начати, и равно какъ капитанъ въ своей роте такожде и еще и боле имѣетъ полковникъ усвоего полку, первое почтеніе. Егда его подданные какую жалобу, или доношеніе имѣлибъ, о чемъ Генералъству вѣдати подобалобъ, то надлежитъ имъ полковнику своему отомъ напередъ вѣдомость дать, которой либо имъ тогда нато позволитъ, или самъ о томъ генералству донесетъ; набою подобаетъ ему пѣшу предъполкомъ быть; онъ носитъ полупику, и некараулитъ самъ, но надлежитъ ему поповелѣнію ради провожанія, или въстрою ходить. По вся вечеры ему маэоръ или полковой адъютантъ слово, и данные повелѣнія приноситъ, которому онъ такожъ повелѣваетъ, какъ сполкомъ надобно чинить, полковнику подобаетъ великое попеченіе имѣти, чтобъ ему добрыхъ началныхъ людей, и благообученныхъ салдатъ, и иные добрые порядки, и строи имѣти. Полковникъ имѣетъ уцесарцовъ полную мочь, что онъ въ своемъ полку по отправленной воинской думе можетъ салдата велѣть повѣсить, и голову отсѣчь, такожъ по своему разсужденію, и знатныхъ ради причинъ прощати.

Полуполковникъ.

Полуполковникъ некараулитъ разве что онъ збаталіономъ накакое нибудь становище посланъ Будетъ, онъ есть первой пополковнике; имѣетъ все началство приего отбытіи; кнему подобаетъ маэору, или полковому адъютанту по вся вечеры слово приносити, и его повелѣнія ожидать: которое маэоръ, или адъютантъ наки сержантомъ отъ ротъ приказываетъ. Такожъ подобаетъ полуполковнику своихъ подданныхъ прилѣжно коученію, і всему Благому порядку держать; набою есть онъ всегда пѣшъ, его оружіе есть полупика.

Маэоръ.

Егда полковника, и полуполковника нѣтъ повелѣваетъ онъ весь полкъ. Онъ имѣетъ наиболшую работу въ полку, яко имянно воученіи и учрежденіи карауловъ; онъ осматриваетъ полкъ, въ добромъ ли состояніи обрѣтается, какъ въ числѣ салдатовъ, такъ въихъ сбруе, одежде и оружіи, адъютантъ, И всѣ сержанты суть его помощники, чрезъ которыхъ въ полку все чинится и повелѣвается. Въ полку какъ въ походе, такъ и набою онъ всегда на конѣ, и надлежитъ ему благо примѣчати. чтобъ все порядочно шло, и подобаетъ особливо воосмотреніи имѣть, дабы маэоръ воинскіе дѣла, которые

къполку принадлежатъ благо разумѣлъ, и притомъ такожъ здравъ, и нестаръ Былъ.

Полковой квартиръмейстеръ.

Неимѣетъ вруской землѣ столь много дѣла, какъ воиныхъ земляхъ, а особливо у цесарцовъ, подобаетъ ему въ походе всегда напередъ итить, и полку становище занимать. ему подобаетъ отчасти ѳортиѳикацію, или крѣпостное строеніе знати, дабы лучше и лехче полку становище учредить, и отмѣрять могъ; По вся вечеры подобаетъ ему къ генералу квартиръмейстеру ѣздить. Будетъ ли указано другаго утра подниматися, и какъ полкъ вкакой городъ восаду поставленъ будетъ, подобаетъ квартиръмейстеру такожъ полутчей мѣре попеченіе имѣть, какъ бы полкъ поставить.

Полковой адъютантъ.

Онъ есть маэоромъ помощникъ, и беретъ отънего повся вечеры слово, приноситъ то тремъ вышнимъ начальникомъ въ полку; раздаетъ такожде оное соиными повелѣніями сержантомъ передъ маэоровымъ становищемъ: онъ помогаетъ маэору, полкъ устанавливать, и пребываетъ принемъ въ походе и набою. всегда наконѣ, сей есть трудной чинъ: но бываютъ изъ сихъ людей обыкновенно добрые началные люди.

Полковой обозничей.

Подобаетъ ему Благо примѣчать чтобъ всѣ телѣи въ своемъ ряду, и благомъ порядке шли, и поставлены были; ротнымъ обозничимъ подобаетъ ему всемъ дѣле прилѣжно помогать; такожъ ему всегда послушну быть, угенералнаго обозничего увѣдомляется онъ опоходе, и что иное о обиходе повелено будетъ. Особливо надлежитъ ему призирать, чтобъ полковая пороховая казна, и иные воинскіе приказы благо, и въ добромъ порядке могли итить. и понеже сей чинъ никакой иной въ себѣ работы неимѣетъ и особно пристояніи войска мало, или ничего дѣла ему небываетъ, и для того разсуждаю азъ небезъдостойности, чтобъ унасъ на москвѣ пороховыя казны маэоры отставлены были и сіе полковому обозничему приказано было, и немогу я дознатися, откуды такіе маэоры вымышлены, понеже нивкоторой землѣ такихъ необрѣтается, однакоже ихъ выше полковыхъ маэоровъ почитаютъ, и буде ктобъ сказалъ. что они суть маэоры отъ артиллеріи, или пушечнаго снаряду то я говорю, что никакъ. ибо принадлежитъ маэору отъ артиллеріи более того знать, нежели нѣсколко пушекъ и телѣгъ сохранятъ, такожъ всегда у артиллеріи у всего войска. токмо поодному маэору употребляется, а неувсякого особливого полку; Маэору отъ артиллеріи надлежитъ разумѣть все, что ко артиллеріи приналежитъ. Особливоже пушекъ и Бомбовъ изображеніе, и употребленіе, и всякіе огнестрѣлные вещи. которые ко артиллеріи приналежатъ, къ тому такожъ и крѣпостное строеніе, дабы онъ могъ указать, какъ бы пушки восаде нараскатахъ лутче могли дѣйство свое исполнять. Ему подобаетъ такожъ всѣ чины, которые коартиллеріи приналежатъ Благо знать; чтобъ онъ при приниманіи оныхъ могъ ихъ задобрыхъ признавати. І вдѣлехъ ихъ, егда что неисправно будетъ, могъ исправленіе учинити.

Полковой профосъ.

Есть надобной человѣкъ, подобаетъ ему всегда Благо призирать того, чтобъ полкъ чистъ держанъ былъ: Онъ имѣетъ 3. до 4. слугъ изъ полку всѣ желѣза которые винные скованы бываютъ, имѣетъ онъ въ сохраненіи егда обозъ поставленъ, тогда подобаетъ ему, тотчасъ нужные отходы выкопать велѣть, работныхъ людей ктому проситъ онъ умаэора.

Понеже доселе мы видѣли, что есть имянно рота, баталіонъ, и полкъ. и что оное притомъ примѣчати подобаетъ и того ради хощемъ мы здѣ кратко воспомянуть, что бригада есть, и что бригадиромъ притомъ чинить потребно есть.

Бригада.

Сіе есть зѣло нужная вещь. потому что испытаніе то во всѣхъ земляхъ показываетъ, и суть сіе разные, потому, коль великіи, Іли малые полки суть; состоитъ же оная изъ 2. 3. 4 даже до 5 полковъ, и кто надъсими повелѣваетъ той бригадиръ названъ бываетъ: возможно же такіе бригады, конные и пѣшіе учинить. уцесарцовъ неупотребляютъ бригадировъ, но повелѣваютъ въ ихъ мѣсто. но 3. по 4. полка генералы маэоры, у нидерландцовъ же и Ѳранцузовъ есть сей чинъ зѣло знатенъ і во употребленіи: Въ поле стоитъ Бригадиръ у своихъ полковъ. Онъ призираетъ, чтобъ его подданные полковники свои полки въ благомъ строю, и благообучены держали, чего ради онъ всегда

долженъ есть въ тѣхъ своему полевому воеводе отвѣтъ давать; по вся вечеры ѣздитъ онъ съ своими подданными маэорами къ полному воеводе. І воспріимаетъ слово соиными повелѣніями, и раздѣляетъ оное со откровенное главою, тѣмъ маэоромъ которомъ въ свои полки итить подобаетъ, и буде бою чаяти, тогда подобаетъ бригадиру въ своемъ полку благое приготовленіе учинить. такожъ своимъ полковникомъ крѣпко повелѣть, како и какимъ образомъ тому бою учиненну быть; онъ сѣдить на конѣ со обнаженною шпагою и приводитъ свои полки къ бою, притомъ примѣчаетъ прилѣжно, исполняетъ ли всякой полковникъ и началникъ свое званіе совершенно и ревностно.

Ему подобаетъ всегда по 3. до 4. добрыхъ небоязливыхъ и благообъѣзженныхъ коней держать, чтобъ онъ набою свою должность: благо и безъ помешателства исполняти могъ. такожъ подобаетъ Бригадиру Ѳортификацію разумѣть, чтобъ онъ тогда, какъ осада прилучится и ему часть наступленія вручено будетъ вести, благо и удобно, то учреждати; и своихъ инженѣровъ научати могъ.

Что имянно войско есть.

Сіе есть часть въ нѣсколько Бригадовъ: которое числомъ по послѣдней мѣре 15. до 20. тысячь мужей въ себѣ содержитъ, и называется сіе войскомъ; не возможноже стакими малыми людми осаду начать, развѣ что крѣпость мала, или немного людей воинскихъ въ себѣ имѣетъ, великіе войска такожъ неблаго держати ибо сочиняютъ великіе неспокойности и драговизнь однакожъ подобаетъ въ томъ поступать посвоимъ супротивникамъ, коль силны оные выдутъ, какого они народа, такожъ какимъ образомъ они воинской обычай свой употребляютъ, много того бываетъ, что у одного потентата 40,000 человѣкъ войска, лутче суть нежели у иного, и 80,000, а происходитъ сіе токмо едино отъ добраго ученія приготовленія, и порядку. и сіе есть истинно что то въ войске, і въ великомъ множествѣ ратныхъ людей, потребнѣйшее и нужнѣйшее есть, да и то недовольно есть, что токмо доброй строй ученія. І воинскіе уставы учинить имѣетъ, но подобаетъ крѣпко и твердо тѣ держать повелѣвать, и оные въприлучае, и несмотря нинакакое лице исполнять, дабы все нестройство и своеволство, и несогласіе вовремя унято, и учреждено было.

Но да паки напрежнюю свою рѣчь пріиду, и раздѣленіе междо добрыхъ и ученыхъ, и паки Безстройныхъ и мало ученыхъ людей наконецъ возвѣщу, и тако глаголю, что я сіе въ лѣто 1697-е въ венгерской землѣ самъ видѣлъ, что цесарского войска немного болши 44,000 человѣкъ было. однакожъ оное туркамъ которыхъ съ 85,000. человѣкъ обрѣталось, множественно съвеликимъ дерзновеніемъ неустрашаемо влицо представлялось, пока ихъ 12 числа сентября подъцентомъ боле. 25,000 побили, противъ того отъ цесарцовъ совсѣмъ, и полторы тысящи мертвыхъ и раненыхъ небыло. І весь ихъ обозъ пушки воинскіе, припасы, наметы, и все что турки въ войске своимъ имѣли въ добычю получили.

Генералиссимусъ или полной Воевода.

Онъ осматриваетъ прилѣжно войско повелѣваетъ такожде иногда присебѣ полкамъ учить, смотритъ сколко возможно навсякаго началнаго человѣка, и надѣла его, и сіе того ради, дабы его потомъ поприлучаю чиномъ новышить и накрѣпко наказывать, онъ осматриваетъ многожды самъ свой окрестъ стоящей обозъ. Онъ повелѣваетъ все войско, держитъ первопачално доброй указъ: порядокъ и наказаніе, какъ онъ предъ Богомъ, и своею главою отвѣщати можетъ. Онъ есть всегда наконѣ, и повелѣваетъ набою, тамо гдѣ онъ свою особу потребнѣйшу быти мнитъ: однакожъ поступаетъ онъ опасно, чтобъ ему нелехко бой непріятелю дать, или крѣпость осадить, буде онъ сперва лутчихъ начальниковъ своихъ позволенія нато неполучилъ. Въпоходе онъ то назади, то напреди войска, и примѣчаетъ на все, чтобъ все исправно, и порядочно шло; отъ него берутъ повся вечеры слово. Генералы адъютанты суть помощники его, и чинятся чрезъ ихъ наиболшіе указы и повелѣнія; Генералиссимусъ имѣетъ такихъ попослѣдней мѣре. 3-хъ; или 4-хъ.

Здѣ пойдутъ чины паки

нижее генералъ надъ пехотою.

Есть уцесарцовъ, такожъ и уфранцузовъ зѣло воупотребленіи; Онъ повелѣваетъ надъ всею пехотою однакожъ все поуказу воеводскому. Онъ примѣчаетъ прилѣжно, какъ генералы маэоры, или бригадиры своими бригадами, содерживаются, ревностноль, и благоль надзираютъ насвои полки; Онъ повелѣваетъ

Опусти правую руку книзу.

„Тогда надлежитъ мушкатеру правую руку опустить, и мушкетъ отъ себя повратить, дабы замокъ прямо назадъ пришелъ.

Мушкетъ предъ себя.

„Ровно якоже мушкетеръ мушкетъ свой накараулъ держитъ, такожъ надлежитъ ему оно обоими руками предъ себя прямо поотголкнуть, и ноги пряможъ установить и тако держать.

почасту одинъ полкъ подругому присебѣ учить; набою есть онъ всегда наконѣ сголою шпагою, и примѣчаеть, какъ всякой генералъ маэоръ, или бригадиръ полки свои приводятъ, и для того онъ то напреди то назади есть, принемъ подобаетъ всегда двумъ генераломъ адъютантамъ быть.

И равно, какъ надъпехотою, такоже уцесарцовъ генералъ и надъконницею.

Генералъ ѳелтъцейгъ мейстеръ.

Есть глава всей артиллеріи: ему подобаетъ оную совершенно, и основательно разумѣти ибо онъ имѣетъ надзирательство надъвсѣмъ огненнымъ снарядомъ, порохомъ и свинцомъ, и подобаетъ ему смѣту чинить, сколко снаряду, зелья, и свинцу, и иныхъ вещей квойску принадлежитъ. такожъ подобаетъ ему благо ѳортификацію разумѣть, понеже приосадѣ надлежитъ раскатамъ чрезъ его удобно учрежденнымъ, и заложеннымъ быть, ноегда бы кто вопросилъ, сколько пушекъ квойску въ 50,000. человѣкъ надобно, и того я паки спрошу, осадаль будетъ учинена, или толко въполе нанепріятеля нападеніе чинить хотятъ, понеже воликой снарядъ съсобою вполе брати, и токмо кругомъ таскать непристойно, и непотребно, и тако подобаетъ генералу Ѳелтъцейкъ мейстеру особливо оначинаніи такого дѣла всегда сначала вѣдати, дабы ему вовремя все то, что квойску отъ артиллеріи принадлежитъ, и надобно есть приготовити.

Генералъ комисаріусъ.

Есть уцесарцовъ зѣло воупотребленіи: Онъ чинитъ смотръ ратнымъ людемъ въвойске. егда онъ хощетъ, ему подобаетъ доброму цыѳирному, или счислительному мастеру быть, понеже онъ беретъ всѣ денги, которые къвойску приналежатъ подъсвое повелѣніе; и имѣетъ подъсобою всегда одного полковника. или верховного комисаріуса. и. 2-хъ или 3-хъ простыхъ комисаріусовъ, такожъ и нѣсколькихъ писарей; какъ въвойске время придетъ полкамъ жалованья давать; смотритъ онъ сперва одинъ полкъ подругому, неумеръли, или незбѣжалъли кто, И буде онъ того самъ всегда дѣлать невозможетъ, то исправляетъ вь его мѣсто верховный комисаріусъ, и какъ сіе все отправлено, и тогда бываютъ денги повся мѣсяцы полковникамъ полковымъ, отъ комисаріевъ даваны, полковникиже даютъ оные своимъ маэорамъ, маэорыже паки капитаномъ, и дабы салдаты свои денги не пропили, или инако коимъ нибудь способомъ неистеряли, и того ради имъ отъ ихъ капитановъ непомѣсечно, но повся недѣли, или двожды на недѣлю заплата чинится; такожъ есть весь запасъ войсковой подъ егожъ повелѣніемъ и несмѣетъ никоторой генералъ или запасной началникъ, безъ его повелѣнія ничего выдавати.

Генералъ квартиръ мейстеръ.

Есть вруской землѣ никчему непотребенъ, понеже войско всегда равно въдругъ идетъ, такожде и паки становится, уцесарцовъ имѣетъ онъ много дѣла, всѣ квартиръ мейстры отъ всѣхъ полковъ подъ его владѣтельствомъ, и принуждены всегда снимъ напередъ ѣздить, и становище помогать отводить; и подобаетъ всемъ чину досужему и удобному человѣку быть которой бы крѣпостное строеніе, и особно Географію и земные маты, или чертежи зналъ, и вовремя нужды. егдабъ началнаго инженѣра у войска небыло, и осадабъ прилучилась, дабы онъ нападеніе и раскаты умѣлъ учреждать, и то начертеже написавъ, и воеводе отдать могъ, сей есть зѣло трудной и докучной чинъ, они ниукого уиного неподъначаломъ кромѣ единаго воеводы, скоторымъ ему всегда подобаетъ искать доброе согласіе имѣть.

Генералъ адъютантъ.

Подобаетъ ему разумному, и доброрѣчивому мужу быть, онъ держитца всегда уполевого воеводы, и какъ онъ его скакимъ указомъ куда пошлетъ, то подобаетъ ему сіе скоро и благо исполняти понеже наихъ доношеніи, и возвѣщеніи словесного указу все надлежитъ, и всѣ началники въвойске потому поступать принуждены, яко бы они самого полевого воеводы получили; тѣ всѣ указы подобаетъ генералу адъютанту всегда у себя записывать, когда и котораго числа которое повелѣніе ему дано было, дабы, тогда, какъ полевой воевода очемъ нибудь и стого спрошаетъ, онъбы отомъ рѣчь и отвѣтъ могъ дать, онъ ѣздитъ всегда передъполевымъ воеводою, и подобаетъ такимъ у полевого воеводы попослѣдней мѣре, 3. или 4. быть, такожъ подобаетъ генераломъ адъютантамъ, какъ рейтарское, такъ и пехотное ученіе нарочито разумѣть, дабы тогда, какъ полевой воевода пріизготовленіи кбою ихъ кгенералу пехотному, или кбригадиромъ

пошлетъ, и имъ велитъ сказать, коимъ образомъ наступаніе, и отступаніе чинить надлежитъ. они бы то вразумително изблагимъ разумомъ учинить могли, и бываютъ изъ сихъ обыкновенно благоискусные воинскіе люди, потому что они болѣе иныхъ видѣть и научитися могутъ.

Генералъ аудиторъ.

Есть у всѣхъ иноземцовъ зѣло воупотребленіи, какъ воинская дума отправлена бываетъ, то собираетъ онъ всѣ голосы, и чинитъ выписку. Ізовсѣхъ ихъ доношеней, онъ изображаетъ такожъ винному, противъ воинскихъ артикуловъ, или правъ приговоръ и осужденіе: и подобаетъ ему правдивому человѣку, и книгъ читателю быть, и воинскіе нравы изоустъ и основателно разумѣть, онъ имѣетъ подъсобою одного судебного да 2-хъ простыхъ писарей, и понеже всегда въ войске 2. суда, или совѣта воинскіе держаны бываютъ, якоже вышней и нижней воинскіе суды; и того ради подобаетъ вынижнемъ, судебному писарю чинъ свой равно генералу аудитору исправляти, и ему то написмѣ подавать.

Генералъ инженѣръ.

Тому подобаетъ особливо свое дѣло благоразумѣть, понеже чрезъ его великіе убытки, и паки такожъ и великая полза учинитися могутъ. ибо егда генералъ инженѣръ свое наступленіе накрѣпость неразумно заложитъ, истѣмъ подъкрѣпость подходитъ зѣло тихо поступать будетъ, то отъ того войско, нетокмо едино принуждено будетъ, долее подътѣмъ городомъ стояти, и время терять, но возможно легко мыслить, какой и прибытокъ отъ того произойти можетъ. противъ же того которой свое наступленіе такъ заложитъ, что онъ въкраткое время подъгородъ подойтить можетъ. и тѣмъ много ползы получитъ, ибо онъ нужнѣйшіе вещи которые подъ самою крѣпостью дѣлать подобаетъ, якоже имянно подкопы, и разбиваніе проломовъ, тогда лутче, изъдобрымъ порядкомъ можетъ учинити такому человѣку надлежитъ геометріу и крѣпостей строеніе изъ основанія разумѣть неедино набумаге въ пристойномъ изображеніи назнаменить, но притомъ и ученому практику, или искусившемуся быть, которой совершенно утого дѣла вънолe служилъ, и вземлѣ самъ ту работу дѣлалъ.

Всѣ крѣпости, которые ему повелѣно будетъ дѣлать, подобаетъ благо и твердо дѣлать, издобрыми фланками въ правомъ разстояніи, однакожъ неподобаетъ ему ковсей вящей осторожности никакого драгоцѣннаго дѣла начинати, пока онъ напередъ чертежъ учиня кому принадлежитъ, непринесъ и своего благо основаннаго разсужденія притомъ необъявилъ. Онъ уодного токмо увоеводы подъначаломъ, и надлежитъ всѣмъ инженѣрамъ его слушать повся утры ходить генералъ инженѣру въ проводные шанцы, и подкопы, и осматриваетъ всѣ работы, которые инженѣры здѣлали, и гдѣ что непрямо здѣлано, то онъ исправляетъ и научаетъ, како въ предъ имъ работу продолжать.

Оученіи обыкновенномъ

Скратчайшимъ Растолкованіемъ, такожъ что притомъ примѣчать, и во осмотрѣніи имѣть надлежитъ.

Но прежде нежели я ктому дойду, и учити буду. Въ началѣ надобно будетъ помянути, коль высоко, или вомноголь человѣкъ роту, или баталіонъ мнѣ постановити понеже я вразныхъ земляхъ видѣлъ, что нѣкоторые полки въ своихъ рядахъ токмо въ 4. человѣка высотою ставятъ испоруются что въ. 6. человѣкъ высотою становить недобро есть, особливоже противъ непріятеля битися опасно, и более смятенія, нежели ползы учинити можетъ; 2-е говорятъ они, хотя де ряды въ 6. человѣкъ высотою крѣпкую фланку сочиняютъ, однакожъ проходитъ отъ того малая и краткая ѳронта; посвоемуже мнѣнію отвѣщаю азъ напервое, что гораздо опаснѣе есть ряды въ 6. человѣкъ высотою становить, нежели въ 4. понеже я скоряя и чащее могу огню давать, и неимѣю смятенія опасатися, понеже въ нынѣшнихъ временахъ употребленіе въ стрешняго ходу весма не за благо держится, очемъ насвоемъ мѣсте пространно помянуто будетъ. На другое возвѣщаю, азъ, что какъ ряды въ 6. человѣкъ высотою поставлены будутъ, то не едино фланка крѣпче будетъ, но и фронта, ихощу такожъ присемъ мнѣніи пребывати, что въ 6. человѣкъ высотою становить лутче и прибыточнѣе и безопаснѣе есть; и егда полкъ учить хотятъ, тогда неподобаетъ никоторому началному человѣку отлучатися, или безповелѣнія прочь отходити, но всегда всякому свое оружіе врукахъ имѣя наприлежащее мѣсто приходитъ; Полковникъ становится предъполкомъ, и неговоря еще ни одново слова велитъ въ барабаны дробь пробить, отъ чего салдаты ободрятся, но началные люди равно, какъ они сто-

Правою рукое застволъ.

„Тогда надлежитъ солдату отъ мушкета правую руку отнять, и тоюже наверхъ застволъ взять.

Мушкетъ кноге.

„Тогда надлежитъ солдату мушкетъ къ правой ноге на сторону поставить, и сверху застволъ правою рукою такъ держать, чтобы курокъ мушкетной прямо назади сталъ; и такъ держитъ онъ мушкетъ кноге.

яли оборотятся кругомъ. и пойдутъ такъ сквозь ряды, истановятся заполкомъ, и надлежитъ имъ тогда примѣчать, какъ полковникъ будетъ учить.

Егда полковника нѣтъ исполняетъ сіе полуполковникъ, а какъ маэоръ весь полкъ учитъ, или ставитъ, и тогда подобаетъ ему всегда налошади быть, и обнаженную шпагу врукѣ имѣть.

Приученіи подобаетъ салдатамъ бодро, и мужественно воустановку становится, такожъ нискѣмъ неразговаривать, и никакого слова неговорить, но прилѣжно примѣчать, и ревностно потому поступать что имъ ихъ началникъ повелитъ.

Ученіе надлежитъ, сперва состоять вручныхъ ухваткахъ, и сіе все подобаетъ въ. 3. времена учинены быть. Вовторые. како подобаетъ набивать истрѣлять, которое въ. 3. время неможетъ учинено быть, но однакожъ сповелительными словами.

Вътретіе. Какъ плутонами, особливоже спаденіемъ шеренгъ, непрестанно нанепріятеля огня давать. приступать, и отступать, и то все азъ вкратцѣ соявственнымъ разтолкованіемъ объявляю.

187. Волшебной фонарь или зрѣлище С.-Петербургскихъ расхожихъ продавцевъ, мастеровъ и другихъ простонародныхъ промышленниковъ, изображенныхъ вѣрною кистію въ настоящемъ ихъ нарядѣ, и представленныхъ разговаривающими другъ съ другомъ, соотвѣтственно каждому лицу и званію. Ежемѣсячное изданіе на 1817 годъ. (То же заглавіе по-французки и по-нѣмецки).—Въ 4 д. л. 187 стр.

Журналъ этотъ издавался въ Спб. П. Петровымъ. Онъ представляетъ собою любопытное явленіе въ исторіи русскихъ иллюстрацій. Съ русскаго языка переводилъ Я. Лангенъ.

Въ полномъ годовомъ экземплярѣ его, состоящемъ изъ 12 нумеровъ, заключается 41 картинка вышеуказаннаго содержанія, изъ нихъ 40 гравированныхъ и 1 литографированная, а именно: «Народный праздникъ подъ Невскимъ» первая—какъ говоритъ издатель въ своемъ заявленіи—литографія, выполненная въ Россіи. Остальныя 40 гравюръ раскрашены. Рисунки удачно передаютъ современные народные костюмы, почему журналъ имѣетъ историко-этнографическій интересъ. (См. «Энциклопедическій Словарь» И. А. Эфрона, томъ VII, стр. 117-я).

Чтобы дать понятіе о сей библіографической рѣдкости, прилагаю «Волшебный фонарь» изъ слова въ слово къ читателю.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемъ почтеннѣйшей Публикѣ для пріятнаго чтенія и для услажденія любопытнаго взора Журналъ совершенно въ новомъ родѣ.—Много періодическихъ изданій посвящено Словесности, Политикѣ и даже Модѣ. Чаятельно, доставятъ удовольствіе любопытнымъ и обѣщанныя Изображенія заморскихъ нарядовъ, экипажей и мебелей въ послѣднемъ вкусѣ.—Мы ограничиваемся характеристическимъ описаніемъ Русскаго простаго народа, во всей его оригинальной простотѣ нравовъ и самаго нарѣчія. Въ семъ Изданіи—какъ бы въ волшебномъ фонарѣ—увидятъ почтенные читатели искусно выгравированныя и раскрашенныя фигуры разныхъ лицъ, занимающихся въ городѣ разными промыслами, представленныя въ настоящемъ ихъ нарядѣ, разговаривающими другъ съ другомъ, сходно съ естественнымъ ихъ положеніемъ. Разговоръ ихъ займетъ съ пріятностію досужные часы утружденнаго дѣлами общественными; а изображеніе лицъ остановитъ взоръ любопытнаго, и доставитъ ему удовольствіе видѣть хорошую картинку. Для Иноземцевъ, желающихъ имѣть понятіе какъ о родѣ промысловъ городскихъ, такъ и о самыхъ промышленникахъ, относительно внѣшняго ихъ вида и нравственнаго характера, присовокупляемъ переводъ русскихъ разговоровъ на Французской и Нѣмецкой языки.

Въ заглавіи вмѣсто виньета изображенъ Руской народной праздникъ подъ Невскимъ, *) рисованный и отпечатанный на камнѣ, по новому изобрѣтенію, называемому Lithographie Сіе полезное для художества, новое въ XIX вѣкѣ изобрѣтеніе, еще первое въ семъ Изданіи въ Россіи является въ свѣтъ.

1.

Разнощица календарей и журналовъ.

«Календари, Баринъ, новые! Объявленія—Газеты!

— А что, чай, новаго въ твоемъ календарѣ кромѣ заглавнаго листочка на 1817 годъ!

*) Въ послѣднемъ Номерѣ сего Изданія будетъ приложенъ планъ столичнаго города С.-Петербурга.

Самъ посмотри, родной, я не грамотница.

— Постой, дай очки надѣть! да, да это што! ужъ не изъ Брюсова ли календаря выхвачено?

А што такое, родной? Прочти пожалуста въ слухъ. Про этаго Брюса говорятъ: великій-де чернокнижникъ и угадчикъ!

— Изволь голубушка.—Гмъ... Гмъ!...

«Въ полночь на 1-е Генваря, за одинъ мигъ передъ тѣмъ, какъ часовой колоколъ пробьетъ 12-ть, дряхлой 1816 годъ по двѣнатцатимѣсячномъ царствованіи вдругъ обомретъ, и ринется въ бездну вѣчности, къ своимъ предкамъ, которыхъ тамъ не ѣдна тысяча. Единочадный сынъ его, 1817 годъ, по праву наслѣдства, мгновенно вступитъ на престолъ. Отъ развозимыхъ и принимаемыхъ поздравленій съ новымъ годомъ—вскружатся головы жителей просвѣщенныхъ Державъ. Застучатъ модники поулицамъ всѣми своими достоинствами на четырехъ колесахъ, а хорошаго тона особы обоего пола, нарядивъ своихъ камердинеровъ и горничныхъ дѣвушекъ, посадятъ вмѣсто себя въ кареты, и велятъ развозить имена свои, чисто и ясно отпечатанныя на разнокалиберныхъ бумажкахъ. Никто не найдется думать о чемъ либо иномъ, кромѣ новаго года; никому и въ голову не войдетъ, что съ кончиною стараго, уносится въ вѣчность часть собственной жизни каждаго!...»

Экой чернокнижникъ!—Вотъ такъ и метитъ не въ бровь, а въ глазъ!

«Новый Царь, какъ законный наслѣдникъ имѣнія покойнаго 1816 года, обратитъ тотъ часъ все свое вниманіе на сію часть.—Но увы! покойный не зарывалъ, опричь людей, ничего въ землю. Все его имѣніе разсѣяно или разтресено по судебнымъ мѣстамъ, моднымъ магазинамъ, откупамъ, и... и... и...

Экая бѣда! печать-то мелка, не скоро разберешь... а это что еще у тебя?

— Инвалидъ, мой родной, да Сынъ Отечества.

Знакомые люди! что-то они поговариваютъ?— Взять было домой прочесть.

— Што, батюшка, говорятъ, будто наши идутъ въ Туречину.

Пустяки.

— То-то, родной. Вотъ ужъ три года нѣтъ отъ моево грамотки.

А гдѣ твой мужъ?

— Погонщикомъ въ Могилевѣ.

Присылаетъ ли онъ тебѣ што?

— Малое дѣло, батюшка. Да и гдѣ взять солдатушкѣ. Спасибо, что съ меня не требуетъ.— Кажись и сытъ и одѣтъ!

— А вотъ я, родной, ношу календари, да газеты; еще кой какою мелочью перебиваюсь. Ахъ слава Тѣ Господи! На хлѣбъ все-таки достану!

Чтожъ тебѣ дать за листочекъ?

— Што пожалуешь, родной; только не обидь.

Вотъ тебѣ полтина серебра. Твой товаръ все-таки стоитъ денегъ.—Бываетъ и то въ мірѣ, что инымъ даютъ сами сочинители деньги, только возмиде, да прочитай ихъ сочиненіе... Куда, голубушка! Вотъ какъ отъ чумы бѣгутъ. Придется иному самому у себя раскупать свои книги... Ну да тебѣ до этого дѣла нѣтъ.—Ступай себѣ съ Богомъ!

2.

Молошница и Прачка.

Здравствуй Ивановна!

— Здорово, кормилица!

Што тебя не видать, куда ты запропастилась?

— Ахъ дитятко, не знаешь ты моево невзгодья. Прохворала все, окаянная! а къ тому-жъ Господь посѣтилъ насъ. Вить у меня двѣ коровушки пали; эдакой причины со мной никогда не бывало.— Намесь (во што бишь у насъ былъ Покровъ-та? кажется въ пятницу, такъ въ пятницу) сокровище-та мое; охъ дѣвушка! не нашли Богъ злова человѣка; въ Покровъ-та вечеромъ подоила я коровушекъ и благословясь пошла кое-што присмотрѣть за домашнимъ, да приготовить своему поужинать. Ну, удосужившись, сижу я, матушка моя, у окна и вяжу чулокъ; глядь, анъ идетъ мой соколъ и переваливается. Я тотчасъ на плеча шугай и выбѣжала отворить ворота; а онъ вдругъ хлобысь меня по затылку! Што ты молъ Михайлычъ, съ ума сошелъ! за што дерёшься? — Куды, матушка моя! тутъ ли сидишь. — Да ты еще стала зубы скалить!—Да какъ свиснетъ меня въ високъ; ахъ нёсъ проклятой! Я — было бѣжать на сѣнникъ. Куда, мать моя! и тамъ нашелъ. «Давай, баба, вина!» Ушъ нешто бы одному заткнула глотку, а то за нимъ навались на дворъ какіе-то пьянюшки же.— «Эй ты, давай вина!»—А ребятишки-то плачутъ. Я сунула на столъ склянку Ерофѣича. Трескайте, а сама ушла. Да вотъ, родимая, двѣ недѣлюшки вылежала, и отъ мѣстовъ-то совсѣмъ отстала.

Разнощица календарей и журналовъ.

Молошница и прачка.

Конфетчикъ и парикмахерской ученикъ.

Торговка и Еврей.

Описаніе А. Бурцева.

— Видно, Ивановна, злы дни у всѣхъ одни.— Пожила бы ты у моего барина хоть недѣльку, такъ бѣжала бы изъ дому не оглядываясь.—Вотъ наступитъ день, какъ ужъ и за меня. Машка! приготовь одѣваться. Машка! поставь самоваръ.— Машка! убери то-то; Машка! принеси то-то; Машка! да што-жъ, ты стала? Сбѣгай за картами. Тьфу, пропасть! вѣришь-ли голова вкругъ пойдетъ. Хоть-бы ночь-то дали покой, а то нѣту.

3.

Конфетчикъ и парикмахерсхой ученикъ.

Сахарны конфеты!
Ковришки голландски!
Жемочки медовыя!
Патрончики, леденчики!

— Што стоитъ коврушка?

Полтина.

— Возьми, братъ, грошъ.

Не приходится, эдакихъ цѣнъ нѣтъ.

— А жемочки ночемъ?

Пятакъ штука.

— Возьми, братъ, грошъ! У меня денегъ больше нѣтъ, и то далъ одинъ господинъ въ цырульнѣ въ прибавку, што хорошо его выбрилъ.— Ну, а это што у тебя?

Не вороши же, не вороши, какъ руки не хороши; гдѣ тѣ ѣсть коврушки!—

— Какъ-бы не такъ! я видалъ и не эдакія; знаешь, въ бумажкахъ съ билетиками; а ужъ какъ сладки, братъ! не этой дряни чета.

Пошолъ, пошолъ; неси молоко-то. Чай хозяйка давно тѣ ждетъ.

— Поспѣетъ, не великая барыня. Еще надо забѣжать поставить бумажки одному господину.

Не такъ ли какъ ты, баранъ курчавый?

— Ахъ ты мужикъ сипакъ! Еще смѣешься.

Што взялъ! — Небось, на коврушки-то зубъ свиститъ; а за душой алтына нѣтъ! — Гадина! Я тѣ торчки-то выщиплю!

Только сунься, я тѣ щеки-то подпеку щипцами.

4.

Разговоръ подъ горами.

Пафнутьичъ! давно ли здѣсь? По добру ли поживаешь?

— Слава Богу, Ферапонтовичъ! Его святая воля пока милуетъ, пріѣхалъ съ холстами и прочею мелочью. Ты какъ нынѣ въ Питерѣ пробавляешься?

Да благодаря Создателя, кое-какъ перебиваемся; лавченокъ съ полдесятка въ вѣдѣніи своемъ имѣемъ; подать платимъ исправно, и съѣсть и спить есть что, въ деревню также не малую сумму препровождаемъ, анъ вѣдашь ты дѣло то и идетъ своимъ чередомъ.

(Вдругъ). Ферапонтьевичъ! глянько, какъ комедь то ломаютъ.

Мы ужъ на эти пустяки-то наглядѣлись; да это, братъ, не комедь; а въ комедь заманываютъ пояцы. Вѣдь комедь-то въ шалашѣ.

Экъ не легкая ихъ коверкаетъ! что вѣдь, чай все иностранцы?

Неужели жъ, думаешь Русскіе? Нѣтъ, братъ, намъ противъ ихъ не изогнуться. Эта нехристь на то и родилась.

То ужъ такъ; всѣмъ деньгу добываютъ. Да што говорить: такой народъ, така и работа.

Не приведи Создатель такой работой заниматься. И то-ли дѣло, какъ лѣто-то лѣтенски потрешься около матушки сырой земли, да какъ Господу соизволищу пошлетъ урожай, — Ферапонтовичъ, любо! амбары засыпешь, подати заплатишь, а къ Покрову и пиво заваришь. — Да ужъ нѣтъ, куды, кому тягаться противъ Святой Руси? Видно насъ Господь полюбилъ. — Случилось было и съ нами бѣда, невзгодушка, и я чаю, колибъ это случилось съ этими ломальщиками, такъ они бы поддались и все бы поотдали, лишь ихъ не тронь. А у насъ— Власъ Ферапонтовичъ! жаль что ты въ ту пору не былъ у насъ въ замосковни-то. То-то бы сердце твое порадовалось; вѣдь такъ расходились молодцы, што и упять нельзя было; воротъ на распашку, въ рукахъ колъ, или рогатина; ну слышь-ли ружьевъ не боятся; вотъ такъ и помахиваютъ, такъ и валятъ валомъ.

— Остерегись, Пафнутьичъ! ты задѣлъ боярина.

(Испугавшись.) Виноватъ, Ваше Превосходительство, не умышленно.

Ничего, мой другъ. Я бы хотѣлъ, чтобы это со мной чаще случалось, съ тѣмъ условіемъ, чтобы слышать отъ крестьянъ всегда то, что я теперь слышалъ. Прошу тебя взять этотъ имперіалъ. Онъ не можетъ оцѣнить любви твоей къ Отечеству, но по крайней мѣрѣ, можетъ послужить примѣромъ товарищамъ твоимъ, думать и чувствовать тебѣ подобно.

(Почесывая голову). Да у насъ, Ваше Превосходительство, всѣ такъ думаютъ.

Тѣмъ лучше, мой другъ, тѣмъ лучше. (Оборотясь къ своему товарищу.) Вы, Милостивый Государь, какъ иностранецъ, только что пріѣхавшій въ Петербургъ, удивлялись его прекраснымъ зданіямъ и распрашивали меня о томъ, что теперь видите, а также и о духѣ народномъ. Разсказывая вамъ о масленицѣ, я очень радъ, что случай довелъ насъ слышать о духѣ нашего народа изъ первыхъ рукъ природы. Мнѣ, можетъ быть, вы бы не повѣрили, какъ жителю столицы; но крестьянинъ разговаривалъ съ крестьяниномъ, вышелъ почти изъ себя, едва не сшибъ моей шляпы. Я весь разговоръ переводилъ вамъ очень вѣрно, и потому не сомнѣваюсь, чтобъ вы теперь не удостовѣрились о истинномъ духѣ русскаго народа. Простите, Милостивый Государь!

Покорнѣйше благодарю за трудъ, который вамъ угодно было на себя взять. (Пожимая его руку.) Сожалѣю, что я родился не русскимъ.

5.

Торговка и Жидъ.

Ахти!—пропала я!—хоть домой ворочаться.—Жидъ на встрѣчу.

(Жидъ, вырывая у ней изъ рукъ часы, осматривается.) Хапаныя?—

Батька, што ты рвешь изъ рукъ, вить здѣсь не безсудная земля.

Молцизе! Ну, сто хоцесъ за цасы?

Ничево, ничево не хочу; да и не продажныя!

Какъ не продазныя! вить ты торговка?

Торговка батюшка, да северодни не разсудилось ничево продать. Такъ только вышла пройтись по рынку. (Въ сторону:) Провались ты окаянной!

Нузе полно, дура! вить никто-зе не видитъ (тихо) сто возмесъ? цасы-зе, визу хапаны, хапаны!

Ахъ! ты не Христь Жидовинъ! хапаныя! Што ты это несешь? да я сорокъ пять лѣтъ по рынку хожу; во всѣ благородные дома, и всѣ мной довольны, всѣ меня величаютъ: здравствуй, голубушка Борисьевна! садись Борисьевна! выкушай Борисьевна! Што у тебя хорошаго, Борисьевна? — А ты вздумалъ меня воровкой выставить! — Нѣтъ, со мной просто не раздѣлаешься; не дамъ себя въ обиду—середь бѣла дня карауль крикну!

Ну, молци-зе, молци. — Возьми свою дрянь. Слискомъ разгоряцилась, старая вѣдьма! вить-зе и у насъ есть покровители изъ богатыхъ Еврей. (Въ сторону, уходя:) Не удалось!

Уфъ! какъ я напужалась, згинь ты провальный!—Нѣтъ, ворочусь, да поставлю свѣчу за обидящаго.

5.

Гребенщикъ и горнишная дѣвка.

Гребни гребенки хорошъ!

Ба! Иванъ; ты ужъ гребенками здѣсь промышляешь?

Гребенками, гребнями, иголками, булавками, хорошо-выточенными игольниками и—всѣмъ, чѣмъ хочешь, Анна Феклистовна.

Покажи-тко модную гребенку, знаешь: съ широкимъ задкомъ.

Мигомъ! изволь... Вотъ самая лучшая, непонерешная и зубы круглые.

А што стоитъ?

Съ другихъ запрашиваемъ семь и восемь гривенъ, а съ тебя, Аннушка, возьму свои деньги; давай тридцать копѣекъ!

Спасибо, право не дорого, да што за милость такая? Смотри! не продай въ накладъ!

Да хоть бы и въ накладъ, такъ штожъ за бѣда? Вить мы одного барина; только вотъ, Анна Феклистовна, какая межъ нами разница: ты служишь при господахъ на лицо, а я деревенщина и кой чѣмъ здѣсь перебиваюсь.

Ну, такъ штожъ?

Какъ штожъ? замолвишь слово, при случаѣ! притакнешь, анъ Иванъ не Иванъ, а Иванъ Фадѣичъ будетъ; зашелился Иванъ—Аннушка выручитъ; очередь въ рекруты Ивану—Анна Феклистовна на рукахъ вынесетъ.—Бери, што хошь, пожалуй.

Спасибо, возьму.—Ты, видно, Фадѣичъ, давно въ Питерѣ трешься?

Да вить мы съ тобой годовъ шесть не видались, а я почти съ тѣхъ же поръ здѣсь. Работа легкая, да и веселая; знакомъ со многими господскими людьми.—Ну, однимъ словомъ, Анна Феклистовна, наслышался всего. Вить и у бояръ-то словнёхонько то же, какъ и въ вашемъ быту: полюбятъ какую ни наесть шавель—анъ и ворочаетъ всѣмъ: кого хочетъ награждаетъ, а кто не по мысли, такъ оттираетъ, гонитъ, да и не вѣсть что.

Видно ужъ, Фадѣичъ, всегда такъ водилось.

Гребеньщикъ и дѣвка.

Шарлатанъ и школьникъ.

Саешникъ.

Кухарка и фонарщикъ.

Описаніе А. Бурцева.

Да нешто; и у насъ въ вотчинѣ правдивые-то молодцы въ зубъ щелкаютъ.

Ну, прости, Анна Феклистовна, не забывай насъ!

Прощай, Фадѣичъ! пока гребенки не изломаются, не забуду.

Гребни, гребенки харошъ!

6.

Шарлатанъ и Школьникъ.

Поиграй, мусье, немножко.

Пошоль, мальчишка!

Сдѣлай милость, мусье, поиграй.

Дафай деньга!

Гдѣ мнѣ взять; я сиротинка.

Ну шортъ тебѣ есть.

Вить тебѣ не тяжело вернуть; только раза два, три.

Я ферну тебѣ расъ, тва, три са фолосъ.

За что же? Вить я тебѣ ничего не сдѣлалъ.

Пошель русска туракъ!

За что жъ бранишь русскихъ? они васъ любятъ, дядюшка.

Вотъ я читалъ въ толстой книгѣ, что русскіе никогда къ вамъ съ шарманками не ѣздятъ, а вы къ намъ жалуете.

(Съ презрѣніемъ). Русска не умѣй шарманка дѣлать.

А вить, кажется, не мудрено повертывать-то. Да въ той же книгѣ написано, что вы здѣсь, мусье, отъ шарманокъ, или Богъ знаетъ отъ чего, поналиветесь, уѣдете на свою родину, и ну смѣяться надъ русскими;—да что еще? и въ книжкахъ ругаете ихъ.

Мольши, мальчишка, я тебѣ топтай съ ногомъ.

(Вздохнувши). Богъ съ вами!

7.

Саешникъ.

Сайки, сайки, бѣлыя, крупичатыя, поджаристыя!

Што за чертовщина! экая седодни худая продажа! По сю пору продалъ только пять саекъ, да два сгибня; бывало въ эту пору такой навалъ, што не успѣешь и повертываться.

— Вотъ забуровитъ зима, подъѣдутъ наши изъ деревень, тутъ-то ужъ пойдетъ пируха, только подпекай да раздавай.—Ужъ подлинно! наши молодцы, куды лихи лакомиться; заворотитъ за щеку раза два, такъ и сайка вся; ужъ молодцы! Зимой-то намъ отъ нихъ и пожива. А што господа? У нихъ французскіе хлѣбцы, да сухарики. Подумаешь, што за сытость? А какъ нашъ-отъ братъ крестьянинъ пріѣдетъ съ чернаго то хлѣба, да разпотѣшится здѣсь, такъ ужъ не по господски: саекъ пять за разъ опрядётъ; а коли еще поподчивать французскими хлѣбцами, такъ и дюжину пропуститъ. То ужъ неча сказать, молодцы нострандцы: изъ нашей двугривенной сайки, ихъ осьмикопѣешныхъ полдюжины выкроишь.

Сайки, сайки бѣлыя, крупичатыя, поджаристыя!

8.

Фонарщикъ и Кухарка.

Масѣичъ, а Масѣичъ, здравствуй!

Ба! Христина, отколь взялась? Сколько лѣтъ, столько зимъ те не видать! Куда запропастилась?

Чего, голубчикъ, вѣдь близь полугода валялась, да чуть было и на тотъ свѣтъ не отправилась. Така бѣда.

Сохрани Боже! вишь время-то какое, некошное; ужъ самая нѣмецкая зима.

Спасибо, што добрые люди не покинули, а то пришло бы умереть! Жила я тогда у Русскаго купца; то ужъ неча сказать, такой неговорливой, такой угрюмой, ну слышь, Масѣичъ, путемъ слова не скажетъ. Какъ стала я разнемогаться, пришло въ голову: вотъ теперь-то я пропала, ужъ вѣрно хозяева держать больную не станутъ; куда, бѣдная голова, пріючусь? Вѣдь ты знаешь, Масѣичъ, какъ здорова, да работаешь, такъ всякой радъ держать, а больнаго человѣка никто не приметъ. и держать не захочетъ. Анъ подивиська: отъ ково не чаяла, тотъ и голову на плеча поставилъ. Хозяинъ, примѣтя, што едва ноги таскаю, тотчасъ послалъ за лѣкаремъ; хозяйка ходила за мною, какъ за родною; и самъ-то по два раза въ день приходилъ навѣдываться; ну ужъ неча сказать, дай имъ Господи здоровья! съ одра подняли.

То-то, Христина, по рожѣ не всякаго узнаешь. Вотъ и въ нашемъ быту, иной начальникъ, кажется, чортомъ глядитъ, а какъ посмотришь, такъ предоброй человѣкъ. Видно пословица не даромъ идетъ: не бойся той собаки, которая лаетъ. Што, тамъ же все живешь?

Нѣтъ, голубчикъ, отошла; а живу здѣсь на прешпектѣ у шляпницы, по фамиліи Мадамъ Санмаксимъ.

Эхъ, Христина, видно, все не отстала отъ старой повадки! руки у тебя золотыя, а ротъ поганой.

Штожъ дѣлать, голубчикъ Масѣичъ; какъ иногда не отважиться!

То-то, видишь, отвага-то ваша худая. Есть и промежъ нашей братьи охотники до отваги: отважится, и сталъ кисель киселемъ, да еще на начальника пеняютъ, коли поколотитъ. Чѣмъ-де я виноватъ, одну только чарку выпилъ. Дурачина! коли съ чарки пьянъ живешь, такъ пей полчарки.

И вѣдомо; да что жъ дѣлать? Прости, Масѣичъ, бѣгу въ зеленой рядъ за свѣжими яйцами. Къ хозяйкѣ раза два въ недѣлю ѣздитъ какой-то пожилой баринъ, и какъ пріѣдетъ, такъ и подавай ему яицъ; а севодни какъ-то не случилось.

Прощай Христина! пусть ево на здоровье кушаетъ яйцы, а тебѣ совѣтую по-рѣже ротъ полоскать.

(Уходя) Охъ, Масѣичъ! чортъ силенъ.

Сами виноваты, а на чорта сваливаемъ.

9.

Кучеръ и Блинникъ.

Давай-ка, братъ, горячихъ-то.

Изволь; съ пылу, не обожгись.

Три на грошъ, что-ли?

Да ужъ вѣдомо,—что запрашивать.

(Трепля его по плечу:) Ну, братъ, ты славной малой! а то вѣдь глупъ народъ; заломитъ столько, что и не видано!

Я еще недавно изъ деревни, такъ къ запросамъ-то не обыкъ; и хозяинъ за то меня гоняетъ!

Дуракъ онъ, по немъ слово; ну на что запрашивать? безъ чего отдать нельзя, то и проси. — Иные пеняютъ господамъ, что они ѣздятъ по Магазеямъ; анъ лихъ они правы: ужъ какъ бѣда. какъ барыня поѣдетъ въ Гостинной дворъ, а не што зимою—и надѣвай подъ низъ полушубокъ, ну ужъ торгуются, торгуются, да и конца нѣтъ; да еще ни съ чѣмъ дóмой пріѣдетъ; а передъ магазеемъ не простоишь и четверти часа: и идетъ, и несетъ, то и дѣло!

Мы про Гамазеи въ деревняхъ не вѣдаемъ.

Да на што вамъ и знать про нихъ?

Блины, блины, блиночки! съ лучкомъ, съ снеточками, горячіе, масленные!

Ну, братъ, хоть недавно здѣсь, а славно покрикиваешь. — Блины преотмѣнные! — Вотъ те и деньги. Прощай братъ.

На здоровье.— Блины, блины горячи! съ снеточками, съ лукомъ! масленые, горячи!

10.

Мясникъ.

Говядина, телятина-сь, телятина, говядина-сь!

Провалъ-те возьми! ходишь, ходишь, а толку нѣтъ. Что наложилъ, то и таскаешь. Нынѣшній постъ продажа некошна; видно люди за умъ взялись. Сказать по совѣсти и пора бы. Кто видалъ: въ великій постъ ѣсть говядину! въ старину, сказываютъ, этого не бывало, а развѣ только больные ѣдали. Видно въ послѣдніе-то годы всѣ больными сдѣлались! такъ то жустерели говядину и телятину, что инда любо два. Нынѣшній же годъ, ска не въ огласку, знать стали Бога бояться; съ рукъ нейдетъ.

(Голосъ изъ форточки) Что у тебя, разнощикъ?

Тала говядина, телятина есть.

(Голосъ изъ форточки) Мимо, съ Богомъ.

Вотъ-те и продажа! видно Христіанка. Нѣтъ, врядъ-ли сбоярить, ходя по улицамъ. Сем пойду къ старику Гаку въ нѣмецкой трактиръ; навѣрно возьметъ; старикъ куды какой добрый! на рѣдкость такого съищешь.

Тала говядиная, телятина-сь!

11.

Купецъ покупающій орѣхи.

Орѣхи каленые! каленые орѣшки!

Господинъ купецъ, не прикажетель отвѣсить?

Что это за орѣхи! видишь все свищи.

Самые свѣжіе, разсыпные; ну да что говорить, золото орѣхи! сущій миндаль!

А что фунтъ?

Сорокъ копѣекъ. Много-ли вашей милости угодно? Прикажите свѣсить.

Одинъ фунтъ.—Подумаешь, здѣсь и эта дрянь дорога, а у насъ въ Нижнемъ хоть прудъ пруди орѣхами.

И впрямь; тамъ, чай, они очень дешевы; да лишь та бѣда, что отсюда въ Нижній то, далеко за орѣхами ѣздить.

Да таки прогулка не малая. Вѣсь же хорошенько; не тянетъ.

Кучеръ и блинникъ.

Мясникъ.

Купецъ покупаетъ орѣхи.

Дѣвочка покупаетъ вареные груши.

Описаніе А. Бурцева.

Извольте Г. купецъ. Во што прикажете высыпать?

Сыпь въ платокъ.

Ай да платочикъ! самой барской, расписной, съ цвѣтами, съ мушичками, и не-вѣсь съ чѣмъ. Видно въ Нижнемъ-то купечество молодецкое.

(Охарашиваясь). Да не Питерскому-съ чета. Прощай, братъ; орѣхи прекрасные!

На здоровье! Г. купецъ. — Что за народъ на семъ свѣтѣ! хоть въ насмѣшку похвали, тотчасъ и носъ въ верхъ.

12.

Дѣвочка покупаетъ груши.

Садовой, вареной, черносливъ крупной! груша вареная, груша!

По чемъ груша, дядюшка?

12 копѣекъ фунтъ, красавица.

А черносливъ?

25 копѣекъ. Чевожъ те надо?

Я и сама не знаю; у меня денегъ только восемь копѣекъ.

Ну я те на нихъ и отвѣшу. (Въ сторону). Ни дать, ни взять моя Параша; здорова ли то она, моя сердечушко!

Сколькожъ грушъ отвѣсишь, дядюшка?

Ужъ отвѣшу; держи, что у тебя есть.

Изволь. (Вдругъ). Дядюшка, ты никакъ забывшись цѣлой фунтовикъ положилъ.

Не твое дѣло, родимая! такъ, не много походу прибавилъ. Бери, кушай на здоровье.

Спасибо, дядюшка! дай тебѣ Богъ здоровья. Побѣгу къ матушкѣ, и скажу, что напала на такого добраго человѣка.

Что лишнее болтать; съ Богомъ. (Оставшись одинъ). Станется, что и моимъ ребятишкамъ кто ни на-есть походу прибавитъ. — На этомъ свѣтѣ, какъ посмотришь, видно все идетъ круговою порукою.

По грушу, по варену, по грушу.

13.

Господинъ и Извощикъ.

Мой ошень турно тѣлай, што песъ зертурокъ хотилъ зо двора. Менѣ зо всемъ дрожитъ! талекъ ошень ити; на этакой манеръ зо всемъ самерсъ! Гей исвошникъ! пашоль!

Куда прикажете, господинъ баринъ?

Нахъ бюргеръ клупъ.

Куда, Мусье?

Не снай бюргеръ клупъ?

А гдѣ это, господинъ Мусье?

Но, хтѣ? хтѣ? тамъ, хтѣ есь бюргеръ клупъ.

Да въ которой улицѣ?

Тобѣ туракъ.

За чтожъ, Мусье, браниться изволите?

Са што бранися? мой тебѣ луше говори: твой три расъ туракъ, зо всемъ туракъ! не понимай, што тепѣ приказывай господинъ.

Вѣдь кабы резонно изволили приказать, такъ какъ не понять, а то, право, не слыхивалъ...

Постой, постой; Адмиралтейсъ бульваръ. А! мой тряситъ лихораткъ!

Ну вотъ какъ въ руку положили. Къ Адмиралтейству? извольте господинъ Мусье; два рублика возьму.

Шортъ тебѣ тафай два рубль!

(Въ сторону). Дашь; вѣдь холодъ-то не тетка.

Ну, рубль.—У! мой зо всемъ треситъ.

Меньше не поѣду.

Тафай, туракъ! рубль съ полтинъ.

Тотчась взнуздаю. Садись, Мусье.

Пашоль скорой!

Духомъ довезу. Ну, лебедка, не выдай!

14.

Сбитеньщикъ и Квасникъ.

Кипяточикъ! Сбитень, горячій, съ почину горячій, благослови Господи!

Помогай Богъ, Андрюха!

Спасибо, Сидорычъ! Каково поживаешь?

Нѣча Бога гнѣвить.—Есть-ли парень барыши?

Какой барышъ! знашь теперь пора не та. На рубь продашь, такъ и слава-те Господи; а вотъ лѣтомъ бывать большой расходъ на квасы.

Вѣстимо што такъ. Теперетка сбитеньщикамъ хабары; разомъ продашь на синюю бумагу.

А много ли васъ ходитъ изъ куреня?

Да по три и по четыре человѣка; не равно, какъ придется. Не хошъ ли сбитню отвѣдать?

Спасибо, Трофимычъ.

Изволь, парень, попотчиваю. Не все вамъ о святой насъ квасами подчивать; нынѣ на нашей улицѣ праздникъ, и сбитень въ честь; пей на здоровье.—Благослови Господи!—Кренделей-то возь-

ми, парень; хоть и щотомъ приняты, да была не была; ѣшь на здоровье!

Спасибо, братъ; да вѣдь тебѣ на стѣнку поставятъ.

Эка бѣда! пожалуй ставь, а пріятеля какъ не попотчивать?

То ужъ неча, парень, сказать; народъ русской преотважной; не то что нострандцы: баютъ, у нихъ и сына родново за столъ не посадятъ, кой не званъ пришелъ. А наша-то мать русска земля, то ли дѣло! званъ, не званъ, родной не родной, пріятель не пріятель, а въ пору попалъ, такъ милости просимъ: садись, да кушай, чѣмъ Богъ послалъ.

То ужъ, братъ, народъ! отъ гулянья не прочь, да рѣтивъ и въ бѣдѣ помочь.

Збитень преотмѣнной; не хошь-ли медова-то откушать?

Не ко времени стало; попадешься въ Петровки, такъ полъ кувшина выдую. Пращай, братъ, спасибо.

Квасъ медовой, клюковной, медовой!

15.

Продавецъ цвѣтовъ и Госпожа.

Барыня, не угодно ли цвѣтовъ?

Покажи.

Прекрасныя фіалы, левкои, гвоздика, фалкомеры, ерани, купите барыня.

А што этотъ горшокъ?

Дорого не запрошу; извольте, которой?

Вотъ махровой левкой.

Два рубля съ полтиною.

Ахъ, какой ты дорогой!

Правда ваша, сударыня; вѣстимо дорогъ; дороже этихъ цвѣтовъ.

Откуда ты?

Изъ далека; отсюда, сударыня, не видать.

Какой ты забавной!

Вить не все же, сударыня, плакать; плакалъ, плакалъ о своихъ домашнихъ, да и плакать пересталъ. Всякую бѣду не оплачешь. Наше дѣло не унывать, а работать, да подати платить исправно.

Чьи вы крестьяне?

Да и Богъ вѣсть чьи! И управитель, и сотцкій, и десятскій, всѣ командиры да господа. — Угодно, барыня, левкой-та?

Да ты дорого просишь.

Для васъ, сударыня, и уступлю; товаръ-то мой только барынями и украшается.—Кому не уступить, а ужъ вамъ, сударыня, видно и по неволѣ приходится продать. Цвѣтъ къ цвѣту, а деньги къ товару, и дѣло въ шляпѣ.

Ну полно балясничать!—Бери безъ четверти два.

Ни што, коли болѣе не жалуете.

16.

Поваръ покупаетъ сосиски.

Свѣжи сосиски!

Ахъ, братъ Николай, кстати ты мнѣ попался; я только сейчасъ о тебѣ думалъ. — Баринъ все твердитъ, што я не готовлю ему сосисекъ; такъ дай, братъ, хорошенькихъ, паръ десяточикъ.

Да за вами и то денегъ-то много, и давать вамъ што то не повадно.

Экой дурачина! за то вдругъ возмешь много.

Да когда?

Когда? разумѣется, когда деньги будутъ.

А когда деньги-то у васъ будутъ?

Скоро...

А какъ?

Черезъ недѣлю баринъ съ тобой разочтется. Кому другому не отдастъ, а ужъ тебѣ...

То же?

Нѣтъ, непремѣнно заплатитъ.

Ну, ну, держи; во што тебѣ?

Клади сюда въ ковшъ; да пожалуста хорошенькихъ.

Всѣ хороши; худой ни одной нѣтъ.

Да онѣ можетъ быть съ говядиной, а не со свининой?

Ни одной нѣтъ съ говядиной.

То-то, ваша братья нынче также плутуютъ; дѣлаютъ сосиски изъ всякой всячины, всякую дрянь кладутъ.

Держи знай; эдакихъ сосисекъ и у Стріовскаго на рѣдкость. Видишь, какія чистыя, какія свѣжія. Я то ужъ по знакомству не обману; только баринъ твой сдержалъ бы свое слово. Давать вить не устать, да штобы деньги-то не пропали.

Не опасайся; мой баринъ не таковъ; любитъ сосиски до чрезвычайности, и деньги платитъ до чрезвычайности... хорошо.

Ладно, ступай!

17.

Матросъ и Лакей.

Щотки! щотки!

Эй, матросъ! покажи сюда щотки-то.

Господинъ и извощикъ.

Квасникъ и сбитеньщикъ.

Разнощикъ съ цвѣтами и госпожа.

Поваръ покупаетъ сосиски.

Описаніе А. Бурцева.

Какія тебѣ надо; половыя или столовыя?

Дай одну половую и одну столовую.

Изволь.

А што цѣна?

Эта два съ полтиною, а эта рубль.

Дорого, братъ.

Да тебѣ теперь што ли надобно?

Нѣтъ, принеси вотъ въ этотъ домъ, спроси тамъ Савельева, тебѣ всякой покажетъ. Я бы и теперь у тебя взялъ, да барина дома нѣтъ, онъ севодни дежурный. Вотъ несу ему кушанье.

Такъ; да какихъ тебѣ щотокъ принести? самыхъ хорошихъ, съ мѣдной проволокой, што-ли?

Разумѣется, самыхъ хорошихъ и прочныхъ. Мы ныньче не на шутку хотимъ разводиться всякою домашнею утварью. Баринъ мой задумалъ жениться, такъ чтобы все было у него въ домѣ хорошо и чисто, а щотка для чистоты есть первое дѣло.

Да, какъ же! лишній соръ выметаетъ.

Ну братъ всего сору не выметешь; особливо, какъ ужо заведется бабье-то.

Завтра утромъ што ли приносить?

Хорошо; да пожалуста лучшихъ, попушистѣе.

Преотмѣнныхъ принесу. Ладно, прощай!

Съ Богомъ!

18.

Торговка и Щеголекъ.

Что у тебя, голубушка?

Апельсины, батюшка.

Только, кажется, не самые хорошіе.

Какъ, сударь, не хорошіе? Христосъ съ вами.

Я шучу, душенька; твои апельсины удивительны.

Да не осудите, батюшка; чище не отыщите.

А что, видно, на канавѣ долго полоскала?

А не обезсудьте, батюшка; таки мыла да обчистила; товаръ лицомъ продать. Изволь-те-ко, вѣть любо поглядѣть! ужъ безо всякой фальши!

Вижу, что безъ фальши, да и безъ кожи.

Мѣстами только, родимый; а ужъ вкусъ преотмѣнный! извольте закушать!

Спасибо, что десятокъ?

Извольте, баринъ, безъ запроса шесть гривенъ.

Съ охотой заплачу; только съ уговоромъ, чтобъ ты на здоровье весь десятокъ сама скушала.

И, сударь, ужъ намъ ли ѣсть фрукты; намъ и картофель въ пору жустерить.

Ну же съѣшь пожалуста, я еще прибавлю.

(Въ сторону). Упаси Господи! ужъ мяты, мяты, да и перемяты. (Ему). Нѣтъ, Господинъ честный, намъ апельсины ѣсть не къ лицу, а ими Вашей милости только лакомиться.

Ну, послушай, душенька; коли не хочешь ѣсть, такъ что возьмешь, чтобъ всѣ ихъ въ канаву бросить?

Въ канаву? да развѣ я съ ума сошла? Божій даръ стану въ канаву бросать, нѣтъ баринъ; вы молоденьки, такъ вамъ любо смѣяться; извольте-ка лучше идти своею дорогою.

Я не смѣюсь надъ тобою, а желаю, чтобы ты скорѣе сбыла свой товаръ, да и домой.

Понимаю, батюшка; вѣдь мы не деревеньщины. Чтожъ, коли вамъ товаръ не нравится, такъ извольте пойти въ Милютины, заплатите три рубля, да и кушайте кислятину.

Не сердись, душенька; апельсины твои прекрасны! желаю, чтобъ ты ихъ продала, или сама скушала всѣ. Прощай.

(Одна). Вотъ еще какая выскочка, надѣлъ долгополый сертучекъ, да и чванится; а карманы то видно продырились.

Апельсины сладкіе, тонкокожіе!

19.

Рыбакъ и Разнощикъ дичи.

Каково торгуешь, дядя Гордѣй? Въ постъ-отъ-ли разбираютъ дичь?

Какъ не разбирать? кушаютъ во славу Божію.—Вить здѣсь не какъ у насъ въ городахъ въ глуши; не то что посты, да и въ среду и пятницу скоромнаго не кушаютъ;—здѣсь, братъ, все на настранну ногу.

Признаться сказать, дядюшка, я хоть другой годъ изъ деревни, а неча, все еще привыкнуть не могу; мудрено кажется. Ну посуди пожалуй: въ мясоѣдъ много было рыбы, и хозяева приказывали продавать гораздо сходно; а нонѣ, какъ рыба многимъ понадобилась и также не мало ее, велятъ продавать въ пятеро; да что еще? до тѣхъ поръ морятъ, что послѣ выбрасываютъ, а цѣны не спускай; не поваживай-де къ дешевой куплѣ.

То-то, другъ, времена стали шатки, торгаши пріобыкли къ большой корысти; короче молвить: Господа совсѣмъ забыли.—На предъ сего торговали какъ должно настоящимъ купцамъ: сытъ, одѣтъ, обутъ, семья не охнетъ, и слава Богу! а нонѣ дай

заграбастать все въ однѣ руки, чтобъ продать въ десятеро; смотришь, наживутъ тысячи и ни на кого не смотрятъ; а какъ придетъ пора неминуемая, такъ много-ли понадобится? саванъ, да три аршина земли; а богатство-то дѣтки все размычатъ по бѣлу свѣту.

Кабы у насъ было земли вдоволь, такъ неча сказать, и не заглянулъ бы сюда. Никакъ тебя, дядюшка, кличатъ?

Спасибо; я было прослышалъ. Прости, Яковъ, приходи на фатеру; да попомни слова мои.

Мы привыкли къ хлѣбу да къ водѣ; отъ того и здоровѣемъ.

Окуни, ерши, плотва, рыба жива!

20.

Маляръ и Штукатуръ.

Здорова Митюха!

Отколѣ, Федюха, идешь?

Крышу красили.

А мы штукатуримъ домъ, вотъ здѣсь не подалеку. Ну ужъ, братъ, домикъ! неча сказать, какъ царскія палаты.

Что видно большова барина?

Нѣтъ, какъ поскажутъ люди, такъ не большова, да только видно копѣйка сильно водится. Видишь, онъ все прослуживалъ по судамъ: ну братъ, Митюха, знать по судамъ-то служить повадно; таки сгромоздилъ палаты, что любо!—Вотъ нонѣ, говорятъ, приходитъ ему какъ-то невзгодно: видишь, по сказкамъ-то онъ вѣдалъ питейны откупа, ну такъ оно таво—воно и валило въ руку; а нонѣ, сказываютъ, все переиначили, такъ ему не придетъ ли скоро въ перстъ свистать. — Живетъ-же онъ затѣйливо; каки, братъ, лошади!.. нечева, Митюха, у насъ въ селѣ ни одной такой не сыщешь...

Точно, братъ, русскія пословицы хоть-не красивы да правдивы: береги деньгу на черной день. Знаешь-ли, Федюха, что нонѣ, какъ мы красили крышу, втемяшилось мнѣ въ голову? Какъ взберешься на крышу и вдругъ бы можно было видѣть, что подъ крышею то дѣлается; а? вѣдь бы любо было!

Ты, братъ, не дуракъ, Митюха. Чай вить не вѣсть что подъ ину пору тамъ чудесится? Посмотрѣть, и нашъ братъ попросился бы.

Ха, ха, ха, чай всего насмотрѣлись-бы.

Ну, неча, проказникъ ты. Прощай! ко щамъ пора.

Прощай, братъ. Грѣхъ право; наговорилъ вздору съ три короба.

21.

Почталіонъ и Градскій стражъ.

Эй! скажи, братъ, гдѣ найти домъ купца Пл...

А какъ тебѣ сказать? Постой, дай смекнуть, чтобы не ошибиться.

Да говори скорѣе, знаешь или нѣтъ? не то у другихъ спрошу.

Какъ не знать намъ! всѣ дома на перечетѣ, какъ пять пальцевъ. Въ иной домъ разъ со сто сходишь въ день. На часахъ простоишь, да на подъ-часкахъ послѣ, а тамъ на побѣгушкахъ, такъ и по-неволѣ узнаешь, гдѣ кто живетъ.

Да говори скорѣе, гдѣ сыскать купца, какъ бишь ево (смотритъ на конвертъ) Плутанвиль?

Фотъ еще какая фамилія, не скоро и прочитаешь, а не то што сказать. Кажется, у насъ въ кварталѣ эдакого нѣтъ купца; однакожъ постой... я разомъ скажу. Это думать должно...

Видно отъ тебя не добьешься толку.

Постой, не перебивай. Это надобно быть въ этой улицѣ, а правду сказать... еще вѣрно не знаю. Поди-каты...

Да ну говори.

Вотъ, сударь мой, видишь домъ большой съ балкономъ?

Ну вижу.

Этотъ домъ господина Р.—тутъ недавно случилось нещастіе; вить намъ все извѣстно. Мы всегда первые въ городѣ узнаемъ, что случится важное. Въ этомъ домѣ...

Да въ этомъ ли домѣ живетъ купецъ Плутанвиль?

Постой, я говорю—не перебивай рѣчи. Что такъ поспѣшенъ?

Да надобно скоро.

Ну вотъ посмотри, тутъ есть лавочка.

Ну вижу.

А тутъ табашникъ живетъ.

Ну и это вижу. Да гдѣжь сыскать тутъ купца-то?..

Вонъ смотри, тутъ еще будетъ часовой мастеръ.

Ну, такъ тутъ?

А тамъ еще будетъ магазинъ.

Въ этомъ магазинѣ, што-ли?

А тамъ еще будетъ погребъ, видишь? Помни же.

Матросъ и лакей.

Торговка и щеголекъ.

Рыбакъ и разнощикъ дичи.

Маляръ и штукатуръ.

Описаніе А. Бурцева.

Гдѣ купецъ Плутанвиль живетъ?

А тамъ будетъ трахтиръ.

Пошолъ, ну безтолковой! я и спрашивать тебя не хочу.

Ты самъ безтолковой; есть-ли ты не хочешь искать, такъ я самъ сыщу.

22.

Водовозъ.

Уфъ! усталъ, какъ собака.—Да шуточное ли это дѣло возить воду изъ эдакой дали? да еще, милости просимъ по каменьямъ; нечево сказать, захруститъ загорбокъ; радъ, радъ какъ довалишься до мѣста.—Которую уже бочку я вожу, а все воды нѣтъ, все Андрюшка, да Андрюшка, воды нѣтъ, ступай скорѣй за водой, а тово не знаютъ, какова она мнѣ достается.—Проклятая эта чистота, стирка, да еще самовары, уходятъ хоть ково. Настанетъ утро, э! начнуть пурить туда и сюда, и въ чайники и въ горшки, и въ ушата и въ котлы и въ ведра и въ бутылки, да еще жилицы проклятыя туда же: Андрюшка, нѣтъ ли водицы? дай радость моя въ чайничекъ. Нѣтъ, полно бабъ баловать! я усталъ. Да въ одного нашего толстобрюхова хозяина, кажется, выдетъ цѣлая бочка въ день. Вить какъ присядетъ за самоваръ, такъ однимъ имъ не отдѣлается! Одинъ на столѣ, а три стоятъ уже въ запасѣ; во што въ нихъ лѣзетъ. Да вить правду сказать, въ чужихъ рукахъ работа куда какъ легка; можно шалить, можно разсиживать за-чаемъ, не ихъ это печаль, гдѣ воды взять. Настанетъ утро, не спросятъ гдѣ взять, не подумаютъ каково водица-то достается. Хоть лопни, да было бы ужъ тутъ. Да ужъ не што Господа, ну барское дѣло, они привыкли съ малолѣтства къ чаямъ да кофеямъ; а то ужъ и это слякотье, дворница да кухарка. Куды еще!—черти подъ кулачки еще не бились, а ужъ у нихъ поднялась возня: та развариваетъ гущу, другая мелитъ кофей, третья бѣжитъ въ лавочку. Эка, подумаешь, сласть! ротъ только марать. Много иностранцы надѣлали зла. Какъ ихъ не было, такъ и кофеевъ не знали, и лѣкарей не вѣдали. Бывало, какъ старые люди говорятъ, въ праздникъ затѣютъ варенуху, такъ ужъ нечево сказать не грѣшно водицы привезти, да и пить-то хорошо. За то и люди были сильнѣе и жили по долѣе, нежели нонче.—А что ты думаешь, что не бось за твои труды спасибо скажутъ? Не думай! Нѣтъ, нонѣ народъ не таковъ.—Всѣ твердятъ про добродѣтель, а никто ее не исполняетъ; да еще проклятые насмѣхаются; съѣдутся въ комедь смѣяться надъ какимъ-то водовозомъ. Что онъ имъ сдѣлалъ? Что они находятъ въ немъ смѣшнаго?

23.

Трубочистъ и Дворникъ.

Тапри.

Што тебя рано принесло?

Ты рано!

Да вить спина-то моя—и по неволѣ встанешь съ первыми пѣтухами.

А за шемъ спина твоя?

За тѣмъ, что естьли пыль съ улицы не вычищу, такъ съ кафтана выбьютъ! Надобно наблюдать чистоту.

Шистоту? деръ дейвель, Готъ беваре. Я мнока деньга беру за нешистоту. Нада нешистота на карманъ мой. Мой какъ шортъ шоренъ, а карманъ красна, какъ золнушка.

То-то; нѣмцу вездѣ кладъ, не такъ какъ нашему брату.

Да кладить въ карманъ караша; а казяинъ твоя на карманъ не караша; шиститъ, шиститъ и многа шиститъ, и кадитъ ауфъ кришка, а беттеръ шельхенъ ни полушка.

А на што тебѣ?

Куляитъ

Вамъ всё куляитъ, а намъ и праздника нѣтъ.

Празникъ у насъ на труба.

А у насъ праздникъ на мостовой. Нелегкое тебя принесло эдакую рань. А ужъ и собаки спятъ.

Та-та—тушинька, сопака мнока у васъ?

Есть посильно дѣло.

Пошалиста сапака мальшитъ—сапака не любійтъ нашъ трубашистъ. Шорна какъ шортъ пукаитъ. Пашалиста сапака.

Развѣ на водку, такъ и собака замолчитъ.

Та-та—тушинька Мейнъ фрейндъ.

Не бось, не бось, ступай. Я здѣсь; собаки не съѣдятъ.

Ну та, ихъ беданке михъ.

24.

Разнощикъ бюстовъ.

Носи пожалуй цѣлый день безъ толку, если обувь тебѣ надоѣла. Ну какъ возможно, чтобъ ку-

пили бюсты ученыхъ тогда, когда ихъ и живыхъ, какъ собакъ, вездѣ гоняютъ. Правду сказать и подѣломъ; и гнутъ такой вздоръ, что никто не понимаетъ ихъ. Одинъ пустившись въ чтеніе романовъ просиживаетъ ночи надъ ними, другой пишетъ ахинею небывалаго царства, а мы глупые вѣримъ да вѣримъ, и до тѣхъ поръ вѣримъ, что посмотришь и выйдетъ вольнодумецъ, котораго голова не лучше головъ стоящихъ у меня на лоткѣ; другой выдумалъ какую-то новую философію съ птичьими пальцами и съ медвѣжьими крыльями. Въ старину бывало за это бивали: не выучивъ стараго урока вновь не суйся.—Кто покупаетъ бюсты кромѣ господъ? Никто; купецъ што ли? или мастеровой народъ? Нѣтъ, купецъ любитъ образа, да деньги; мастеровой трубку табаку да пиво; ученый уединеніе да книги, а дуракъ ничево не любитъ потому, что ничего любить не умѣетъ!—Точно такъ. Да, нынѣ посмотришь, ни къ чему нѣтъ склонности и вкусу; если бы можно было, то я бы во всемъ свѣтѣ установилъ одинъ вкусъ, и вкусъ самый полезный, именно,—къ статуямъ, бюстамъ. Да онъ ужъ будетъ; уже начинаютъ въ передней комнатѣ ставить Амуровъ, въ залѣ Комуса, а въ спальнѣ Венеру въ объятіяхъ Марса. Вотъ эдакія штуки разомъ бы раскупили; а то наставилъ мнѣ мастеръ Гомера, Демокрита, Вертерову Шарлоту, изъ магазина француженку, да какова-то цѣльнаго бѣса; хороша компанія! До чего не доведетъ нужда! — Мальчишка блыкается безъ пути; лучше-бы учился чему-нибудь доброму, а то посылаютъ продавать головки, ножки, утки, ручки, домики, птички, лошадки, да и чортъ знаетъ что еще такое... Вотъ подлинно для молодыхъ лѣтъ убитое время. Народъ не глупъ, цѣнитъ все по своей выгодѣ, а голова моего Гомера право столько-же принесетъ пользы, сколько и сочиненія его модному свѣту.

Всякой любитъ новости; новость въ вещахъ, новость въ платьѣ, въ любви, а въ головахъ нѣтъ новости: все камень какъ камень, все гипсъ какъ гипсъ, хоть не вѣсть кого представь. Чего-то я не переносилъ: и рыцарей, и бойцовъ, и вельможей, и пастуховъ, и пустынниковъ, и сибаритовъ, и ученыхъ, и неученыхъ! но всѣ пошли за безцѣнокъ. Да и то сказать: гдѣ живая лѣпная работа въ модѣ, такъ скульптуру хоть брось.

25.

Разнощикъ съ корзинами.

Корзины! корзины!

Подумаешь, товаръ громазденъ только, а не грузенъ, да плечи-то парень, порядочно натянуло.— Удивительно, что здѣсь въ Питерѣ такой малой расходъ на корзины; посмотришь, вездѣ бабы моютъ да полощутъ, такъ вить надобно во што класть. Смышленъ сталъ народъ! иной держитъ корзину до тѣхъ поръ, пока ужъ вся не разлѣзется, а штобъ купить новинькую! нѣтъ, полтины жаль.— Кажется это дѣло домашнее, всегда нужно. Навязалось-было давеча одна провальная, что ей никакъ не угодишь: то велика, то мала, то съ задоринами, то съ ращепинами, правотка — дура! переворошила всѣ корзины, а купить не купила.— Пожалуй уступай для нихъ за безцѣнокъ; имъ любо,—да намъ каково? Вотъ придетъ время, подай оброкъ; вынь да выложь, гдѣ хошъ возьми; хоть разорвись!—На корзинахъ не много выѣдешь. Моя Перфильевна умно мнѣ толкуетъ: «ну што ты дуракъ, Матвѣй, присталъ къ этой работѣ, твое ли это дѣло? Пошелъ бы въ щекотуры — вить дуракъ 300 рублевъ даютъ въ лѣто». Теперь вижу что её правда. — Намедни пристыдила, голубушка моя, грѣшную мою голову: «ну гдѣ тебѣ сплесть, говоритъ, такую корзину какъ у меня сдѣлана изъ новыхъ прутиковъ: малинькая, уютнинькая, ужъ и видно иноземцова работа, золото, а не корзина; гдѣ тебѣ дураку эдакую сдѣлать?!»

Да ужъ нечего сказать! и корзиночка, чортъ возьми, какъ хитро сдѣлана! Да и то сказать, что ужъ и цѣна не Русская, не 30 копѣекъ. Ностранцевъ на это ужъ и взять, а наше дѣло вишь темное. — Пословица говорится: всякое дѣло мастера боится.

26.

Крестьянинъ и Крестьянка.

Здравствуй, красавица! далеко ли путь дороженьку держишь?

Въ городъ.

А съ какимъ товаромъ, красное мое солнышко?

Съ ягодами.

А изъ далека ли, ясный мой мѣсяцъ?

Не издалека.

А откуда, однакожъ, свѣтикъ мой?

Вонъ отсюда изъ деревни.

Почталіонъ и градской стражъ.

Водовозъ.

Дворникъ и трубочистъ.

Разнощикъ бюстовъ.

Описаніе А. Бурцева.

Пойдемъ, сударка моя, вмѣстѣ. Намъ двоимъ итти будетъ охотнѣе и поваднѣе.

Я и одна дорогу найду; спасибо за твое усердіе.

Нѣтъ, правотко, будетъ повеселяе. Мы дорогою кое про што побаемъ: ты про свое, а я про свое; а между тѣмъ и не увидимъ, какъ дорогу пройдемъ.

Послушай, старинушка! не знаешь ли чѣмъ пособить моему мужу?

А што такое?

Бурлитъ и Боже упаси! Вотъ встанетъ ранехонько и ходитъ взадъ и впередъ, ни съ кѣмъ не промолвитъ ни слова, да и сна у нево совсѣмъ нѣтъ, а про ѣду и не говори: не окруненится, мой сердешной.

Да не пьетъ ли онъ?

То то мое и горе, што чарочки-то много держится. Ужъ полно не испорченъ ли онъ?

Вѣстимо испорченъ.

Какъ бы, дѣдушка, пособить, не знаешь ли? Я буду тебѣ благодарна.

А вотъ, я тебя научу. Сходи ты въ лѣсъ въ самое то время, какъ вечерняя заря потухнетъ, и тутъ ты увидишь птицу гагану; эту гагану надобно поимать, убить и не ощипанную варить трои сутки въ замазанномъ горшкѣ.

Слышу!

Ну, — потомъ наиди ты пятипальный корень; этотъ корень высуши и истолки, и сотри вмѣстѣ съ варевомъ, и вымажь мужа въ банѣ хорошенько. Увидишь, какъ рукой сниметъ. Да не дерется ли онъ?

И Боже упаси!

Ну, такъ и есть; порча она.

А отъ этого, старинушка, какъ помочь, не знаешь ли, штобъ окаянный не дрался-то?

И этому помочь можно. Поди ты на рѣку и сыщи круглинькой камушекъ, и по три утра перемывай его на зарѣ въ холодной водѣ; и когда увидишь, што мужъ начинаетъ ужъ сердиться, положи тотчасъ себѣ въ ротъ этотъ камушекъ, и стиснувъ зубы и губы, держи его во рту весь день; тогда увидишь, какая будетъ польза.

Спасибо, старинушка! На, за добрый совѣтъ бруснички; во што те положить?

Благодарствуй! Ягоды эти не по моимъ зубамъ; кабы было што помягче, да послаще, а то оскомину набьешь.

Чѣмъ же я тебя поблагодарю?

Помолишься за меня Богу, такъ съ меня и довольно. Помни-же мой совѣтъ.

Прощай.

27.

Продавецъ разной посуды.

Не грѣшно сказать, товаръ нонѣ противъ прежняго нопался гораздо лучше. Кофейники-ли? сита-ли? чашки-ли? тарелки-ли? Ну право, товаръ попался хоть куда; да удивительно, что и сходною еще цѣною. Что говорить! хорошій товаръ самъ себя хвалитъ. — Хоть-бы взять эту кострюлю, ну правотка въ работѣ не уступитъ нѣмецкой. Признаться, что я при покупкѣ маленько покривилъ душою на старости лѣтъ. Прости Господи мое согрѣшеніе! Да и то сказать, наше торговое дѣло. Худая та мышь, у которой только одна щель для спасенія. Вездѣ надобно знать споровку, также понаровить и себѣ, не всё угождать другимъ. Своя рубаха къ тѣлу ближе. Худой торгъ безъ барыша, такъ какъ нашъ братъ въ лѣсу безъ топора. Максимка торговалъ вишь на Щукиномъ, да безъ ума слѣзъ съ коня на корову; а какъ бы смирнёхонько, да потихоньку, да помаленьку, не шибко, не прытко, не молодецкое разгульице, такъ бы Максимушка былъ человѣкъ; а то пустился, проклятой, туда же куда и большіе купцы: въ Театры, въ Клобы; вотъ те и доказали, что есть Максимка безъ денегъ? Топилъ печь для другихъ, а самъ на стужѣ остался. И то сказать: врагъ силёнъ: горами качаетъ, а не то што нашимъ братомъ. Гдѣ житье станетъ получше, тамъ и затѣевъ побольше. Правда, пословица говорится: чѣмъ праздникъ болѣе, тѣмъ бѣсъ злѣе.

28.

Колонисты.

Много-ли верстъ осталось до Петербурга?

Много-ли? сама знаешь.

Конешно я знаю, да только такъ спрашиваю.

А знаешь, такъ и спрашивать нечего.

Кажется, што я ужъ прошла верстъ десять.

А мнѣ кажется, што я проѣхалъ только три версты, да и того не будетъ.

Конечно, тебѣ должно такъ казаться: ты ѣдешь въ телѣгѣ на лошади, а я иду пѣшкомъ; какая разница!

Глупая баба! не все-ли равно, што ѣхать на лошади, што итти пѣшкомъ? Тутъ нѣтъ никакой разницы.

Пошолъ ну, ты пустомеля ужъ будто все равно, што ѣхать на лошади, што итти пѣшкомъ. Экую ахинею говоришь; сойдика съ телѣги, да пусти меня.

Ну вотъ, я тебѣ докажу, што все равно. Слушай.

Ну!..

Если мы оба пойдемъ пѣшкомъ, то вить скорѣе устанемъ, нежели лошадь, и тогда надобно намъ будетъ отдохнуть: а тутъ не увидишь, какъ пройдетъ въ роздыхѣ два часа, а въ два часа далеко уѣдешь. Слышь?

Ну!..

Ну, сударыня моя; а если мы оба сядемъ въ телѣгу, да товаръ третій, такъ тогда лошадь устанетъ, и надобно будетъ ей два часа отдохнуть. А въ два часа далеко уѣдешь. Слышь, понимаешь?

Ну, понимаю; пусти меня, право я устала и не могу итти.

Постой! хорошо—сударыня моя; теперь если я тебя посажу, а самъ пойду пѣшкомъ, то будетъ еще хуже; тутъ мы всѣ устанемъ, и ты, и я, и лошадь, и картофель.

Пошолъ къ черту, сумашедшій! ужъ картофель устанетъ. Видно сидючи нечево дѣлать, какъ бредить. Пошолъ, пусти меня сѣсть, я право устала.

Вотъ я тебѣ тотчасъ докажу, если ты не вѣришь. Ну вотъ положимъ, ты сядешь...

Ну сяду.

Да; а какъ ты сядешь, то отъ устатку заснешь, а это еще слава тебѣ Господи, еслибъ ты заснула, а то еще хуже будетъ. Отдохнувши, появится у тебя языкъ, который теперь обузданъ усталостію; за рѣчами забудешь ты править лошадь. Вотъ тутъ-то ужъ подлинно всѣ устанемъ, и надобно будетъ отдохнуть четыре часа; потому что кратчайшаго отдыху отъ бабьихъ словъ нѣтъ.

Да полно пустое молоть!

И такъ лошадь устанетъ отъ худаго управленія, ты устанешь отъ рѣчей, картофель устанетъ отъ долговременнаго лежанія, а я вдвое устану: и ногами отъ ходьбы и ушами отъ твоего вздора. Такъ не всѣ ли равно, што итти пѣшкомъ, што ѣхать на лошади? Ты здѣсь устанешь, такъ въ Петербургѣ отдохнешь, а если здѣсь отдохнешь, такъ въ Петербургѣ устанешь.

Поди, устань пожалуйста здѣсь, а ужъ въ Питерѣ я постараюсь устать за себя и за тебя.

Ну, пошла, полѣзай;—экая несговорчивая!

29.

Ямщикъ и Пирожникъ.

Что у тебя?

Пышки.

Какія пышки? Я ихъ отъ роду не ѣдалъ.

Попробуй, такъ и узнаешь.

А што штука?

Любыя по грошу.

Дай парочку.—Да што-то, парень, хороши!

Да, не худы-тко.—Видно, братъ, съ дороги?

Да!

А откудова?

Съ Тосны.

Такъ! слыхалъ я, что Тосненскіе ямщики первые на Руси.

Конешно, што не послѣдніе. Ужъ нашъ братъ не выдастъ. Мы лихи ѣздить въ дорогѣ: какъ блинокъ изъ печки поставимъ. Дай-ка еще парочку.

Кушай на здоровье! Какова дорога?

Не такъ-то больно-прытко—ловко. У Саблиной деревни пуще всево. Дай-ка еще парочку.

Кушай на здоровье! Каковы хлѣбы нынѣ-тка?

Не што, хороши. Слава Богу! Яровой очень хорошъ, а рожь не такъ-то. Поливки-то не было. Дай-ка еще парочку.

Кушай на здоровье!

Да и зерно-то не хорошо уродилося. Такъ живи да не тужи, а на Саблинской, правду матку сказать нечево, уродилося. Дай-ка еще парочку; какъ будто воздухомъ начинены.

Кушай на здоровье!

Ужъ моя Силишна такихъ не испечетъ хоть баба и во всемъ тово вона впрочемъ смышлена. Дай-ка еще парочку!

Кушай на здоровье! А уродились ли огурцы ваши?

Ну, братъ, не знаю какъ тебѣ сказать; съ начала лѣто-то было плоховато, такъ много попортило; однако, слава Богу! будетъ ихъ посильно мѣсто. Дай-ка еще парочку!

Кушай на здоровье! Да ужъ доѣдай братъ пожалуста, и послѣднія. Я тебѣ скажу спасибо, да пойду домой.

Разнощикъ съ корзинами.

Крестьянинъ и крестьянка.

Разнощикъ посуды.

Колонисты.

Описаніе А. Бурцева.

30.

Купецъ и Артельщикъ.

Позвольте мнѣ сегодни на вечеръ отлучиться.

Куда?

Въ кеатръ.

Да што ты тамъ будешь дѣлать?

Смотрѣть.

Было-бы што смотрѣть. А што такое будутъ представлять?

Какую-то комедь.

Да вить комедіи есть названіе.

Я названія навѣрно не знаю; только говорятъ, што хороша; а хорошаго какъ не посмотрѣть.

Ну, ну, ладно. Свелъ-ли ты щотъ какова товару сколько отпущено, и сколько чего осталось?

Все сдѣлано исправно.

Ладно!—Ходилъ-ли ты къ Ф?.

Ходилъ.

Ну, што онъ сказалъ?

Онъ говоритъ, что деньги отдастъ черезъ двѣ недѣли; впрочемъ все хорошо.

Ну это не такъ хорошо. Деньги душа торговли; безъ нихъ купцу и шагу сдѣлать нельзя.—Отправилъ ли два тюка къ купцу Н?

Нѣтъ еще.

А просишься въ Театръ? Гораздо бы лучше было, еслибъ ты исправилъ свое дѣло! Ну что въ Театрѣ дѣлать: зѣвать только. Вонъ возьми у меня, читай лучше о вексельномъ курсѣ, сочиненіе хорошее и для тебя полезное, или другую книгу какую нибудь повеселѣе: о Петрѣ золотыхъ ключахъ, о Жаръ птицѣ, о Силѣ Богатырѣ и сынѣ его журавлѣ, или о Царѣ Андимьянѣ Вохрамѣичѣ и супругѣ его Митридисѣ Варсоноивнѣ, о Ивашкѣ въ красной рубашкѣ, или Илью Муромца. Да мало ли какихъ хорошихъ книгъ! Какъ начнешь читать, такъ и отстать не хочется. А что въ Театрѣ? — Плати деньги за зѣвоту; тамъ пишутъ такой вздоръ, что и не поимешь, говорятъ такъ, что не только тебѣ, да и самому мнѣ понимать въ пору.

Да ужъ я какъ нибудь посмотрю.

Ну ступай съ Богомъ, позѣвай.

31.

Обручники.

Здравствуй, братъ Федюша!

Здравствуй, Анкундинычъ!

По добру ли, по здорову поживаешь?

Не штожъ, вашими молитвами!

Куда пробираешься?

Вотъ несу кадку домой; велѣно поисправить покрѣпче подъ капусту.

Хорошо. Да што, братъ я слыхалъ про тебя што-то новинькое?

А што?

То-то—нѣчто буватъ, хорошее.

Я не знаю, Анкундинычъ.

Ну полно, какъ не знать! Къ чему укрываться? Скажи, братъ, Ѳедя!

Право, дядюшка, не знаю.

Ты хошь обалахтаться?

(Федоръ краснѣя). Кто тебѣ сказалъ?

Полно, не краснѣй, я и безъ того уже вѣрю. Въ доброй часъ, Фединька! даруй Господи! А эдакъ скоро ли намѣренъ осупружиться?

Надоть сперва добыть денегъ, потомъ собраться въ деревню, а потомъ...

Да, да; правда твоя!

Отецъ пишетъ грамотку, и говоритъ: пріѣзжай, Федоръ, я намѣренъ тебя, другъ мой, окрутить; я выбралъ тебѣ добрую супружницу, домовитую хозяйку, зазнобу молодецкую. — Ну какъ, Анкундинычь, не ѣхать, самъ посуди!

Вѣстимо, Фединька. (Вздыхаетъ). Дай Богъ нашему теляти волка съѣсть.

Гдѣ ты нонѣ квартируешь?

На Васильевскомъ Острову въ 3 линіи, вмѣстѣ со стекольщиками.

Такъ.

А ты, Анкундинычъ, гдѣ фатеру имѣешь?

А вотъ смотри! Вишь жолтой большой домъ съ большими окнами?

Вижу.

Съ большимъ балкономъ.

Вижу.

Съ большими воротами.

Вижу.

Съ большими столбами.

Вижу.

Съ большими трубами.

Вижу.

И съ большимъ навѣсомъ.

Вижу.

Ну, такъ пройдя его, увидишь другой домъ.

Ну.

Съ желтыми воротами.

Ну.

Съ стекольницкою

Ну.

Съ обручемъ на воротахъ и котельною вывѣскою.

Ну.

И сапогъ на воротахъ, золотой.

Ну.

И ножницы золотыя же.

Ну.

И харчевня подъ низомъ у воротъ

Ну.

И кабакъ позади.

Ну.

Ну такъ, братъ Федя, тутъ-то я на дворѣ и живу. Добро пожаловать; милости просимъ пирога разломить, да щей разхлебать. Прощай!

32.

Разнощикъ ваксы.

Что, братъ, покажи-ка ваксу-то! — Кстати ты попался мнѣ.

Какого тебѣ Номера?

Вотъ-те еще на! Я думалъ, что только въ книгахъ, да на конвертахъ ставятъ Номера, а слышу въ первые эдакое чудо, что они есть даже и на ваксѣ.

Разумѣется; порядокъ того требуетъ. Вотъ вакса Номера 1-го, вотъ Номера 2-го, а вотъ и Номера 3-го. Всякой Номеръ имѣетъ свою доброту, свою цѣну. Котораго Номера тебѣ надобно?

Ну извѣстно, который получше.

Да получше-то будетъ для тебя, служивый, не сходно.

Вотъ еще, что вздумалъ говорить, не сходно! для солдата все сходно!

Видно ты зажиточенъ.

Вотъ-те на! еще для ваксы быть зажиточну. Эки пустяки! дашь банку, я скажу спасибо; чево-жъ тебѣ больше?

Это невозможно.

А почему? Ты знаешь, что я солдатъ, гдѣ мнѣ взять? вить для твоей ваксы не воровать-же стать?

Твоя правда! но мы торговые люди; надобно за товаръ деньги. Я самъ дорого стою моему хозяину, такъ надобно наверстывать теперь за это.

Ну жаль, что твой хозяинъ такъ на тебя объизъянился по напрасному; лучше-бы онъ употребилъ эти деньги на твою голову.

То-то и жаль! На, добро! служивый. Еслибъ я былъ уменъ, то не скитался бы съ этимъ товаромъ, да и ты не получилъ бы теперь ваксы...

Прощай!

33.

Разнощикъ и Кормилица.

Ба! Трофимычъ! какими судьбами ты здѣсь? Узналъ ли ты меня?

Какъ, красавица, тебя не узнать, Аксинья Дмитревна! такъ?

Точно такъ.

Ну каково поживаешь?

Слава Богу!

Давно ли ты въ Питерѣ?

Съ весны.

На силу я узналъ тебя, Аксинья Дмитревна. Смотри какъ, правотка, сущая барыня.

Да и не меньше, Трофимычъ; дай Богъ барамъ добраго здоровья.

Какъ потолстѣла!

Право? Дай Богъ барамъ здоровья! ѣшь и пей чево только душа хочетъ.

Какъ помилѣла!

Право? Дай Богъ барамъ здоровья! любятъ и нѣжатъ.

Какъ покруглѣла, какъ этотъ наливной яблочикъ.

Полно балагурить-та; говори, што десятокъ этихъ яблоковъ?

Кому чужому, а тебѣ право уступлю. Севодни стало не у продажи. Ей, ей! насилу, Дмитревна, тебя признаешь.

Чему ты дивишься; на то Питеръ, а не деревня. Здоровъ ли твой отецъ Харламычъ?

Слава Богу!

Пишетъ ли тебѣ письма?

Намедни получилъ грамоту отъ нево!

Ну што онъ пишетъ?

Пишетъ: Слушай, Трофимычъ! Посылаю тебѣ мое родительское благословеніе на вѣки ненарушимое, да тихонько отъ матери десять рублей, которыя велѣла употребить на добрыя дѣла, а если ты ихъ промотаешь, то будешь дуракъ, оселъ; я вѣрный твой отецъ и проч. Чай кокошникъ-отъ дорогова стоитъ?

Ящикъ и пирожникъ.

Купецъ и артельщикъ.

Обручникъ.

Разнощикъ ваксы.

Описаніе А. Бурцева.

Да не дешево; говори же, што десятокъ?

Хоть себѣ стоитъ и восемь гривенъ, а тебѣ право отдамъ за полтину.

Ну полно врать; 30 копѣекъ?

Возьми, Аксинья Дмитревна! другова Трофимыча, такова доброва не найдешь!

34.

Хлѣбникъ.

Ай да Пронька! Молодецъ ужъ Пронька! да ужъ и Пронька; изъ Проньковъ Пронька; изъ молодцовъ молодецъ; изъ хватовъ хватъ; изъ удальцовъ удалецъ; успѣлъ ужъ и на Красномъ и на Желтомъ и въ Португальскомъ и въ Веймарскомъ побывать! Да што говорить! прытокъ проклятой, какъ конь. Пустится по дачамъ, по первымъ пѣтухамъ, анъ смотришь, ты идешь въ разноску, а онъ ужъ сидитъ въ харчевнѣ за галенкомъ и бражничаетъ. Господь съ нимъ, нечего похаять; все хорошо, все ладно; да вотъ то только не ладно, что его нелёгкое носитъ даже и въ Надежду. Ты придешь, анъ ужъ хлѣбовъ и не нада. Прокопъ, говорятъ, былъ; не нада. Вотъ ты и сѣлъ, и остался въ Надеждѣ безъ надежды. На Красномъ ѣдятъ мало хлѣбовъ, всё вафли, такъ и ходить туда не зачѣмъ.—Ужъ Пронька, Пронюшка голубчикъ! перебилъ у меня всѣ норки и щелочки, всѣ переулки и закоулки. А хозяинъ сердится, што мало продалъ хлѣбовъ. Кабы онъ меня послалъ съ валенцами къ Адмиралтейству, то такъ; ужъ по зернышку всё расхватали, разомъ бы весь товаръ разкупили. Послѣ свайной бойки не то што валенецъ, да и заплесневелой, ржаной хлѣбъ сахаромъ покажется. Какова-то тутъ народу нѣтъ: и каменьщики и плотники, и служивые; а особливо наши-то куды какъ на валенцы падки и лихи; примется, такъ не уймешь; анъ за ушами пищитъ. Правотка попробую, пойду туда.

35.

Пирожникъ.

Съ сазаниной! съ сиговиной! съ горошкомъ! съ лучкомъ! Кто-бы купилъ, а мы бы продали!

Больно холодно севодни. Экъ заиндивѣло вездѣ. Страшно, парень, чтобъ и пироги-то не окостенѣли. Дай покрою и укутаю хорошенько. Пироги! пироги! съ сазаниной, съ сиговиной, съ почину!—Экъ закрутило! Вотъ говорили: зимы не будетъ; время свое возметъ. Старый хозяинъ лучше знаетъ. Ево пора не наша; все дѣлаетъ, какъ ево волѣ угодно. Мы слѣпые люди не смыслимъ, такъ кажется и толковать нечево. А парень, ноги, правотка, очень озябли.—Ужъ и подвезутъ-же теперь и мерзлой и коренной. Дай Господи! Твоя Святая воля! Правда батька читаетъ у насъ въ деревнѣ: не прозябнетъ, не процвѣтетъ; да и такъ. Старые люди говаривали: чѣмъ злѣе зима, тѣмъ милѣе лѣто. Пироги, пироги, пироговъ, пирогамъ, пирогами, о пирогахъ! Нѣтъ, ужъ не найдешь нонѣ такихъ стариковъ, какіе были. Ударились всѣ проклятые въ бусурманщину; ударились безтолковые въ моды; жена нашего брата туда же лѣзетъ, куда и ея госпожа. Ну къ статѣ ли; ни рожи, ни видѣнья; а дай доказать и я не обсѣвокъ въ полѣ. А тамъ смотришь изъ лавочки въ лавочку, и по пути; не мотай проклятой, не возвышай цѣны на прихоти жены своей, и не дѣлай для покупки ей жемчуга, ни себѣ грѣха, ни ближнему притѣсненія. Знай, что кому Богъ написалъ какъ жить, такъ и живи не ерошься. Я свою Ивановну проучилъ; забыла золотыя кокошники, забыла камчатныя ферези. Что мужъ торгуетъ пирогами въ Питерѣ, такъ ужъ и на! я барыня, я тотчасъ покажу!

Пироги, пироговъ, пирога, пирогу, пирогамъ, пирогами, о пирогахъ!

36.

Модная торговка и Бухарецъ.

Мадамъ! не угодно-ли платковъ, шалей, полушалей, ситцовъ, полуситцовъ, Круазе, Пике, чаю Жуану, цвѣточнаго сквознику, ординарнаго, Ханскаго, полу-Ханскаго; чего угодно?

Покажи-ка што за шали?

Прекрасныя, безподобныя, самыя модныя.

А што эта стоитъ шаль?

Послѣдня цѣна—я не люблю запрашивать лишнее—700 руб.

Ахъ!

Ну вотъ, Сударыня! есть и подешевле. Какую вамъ угодно?

Ну эта скверная, перекрасокъ.

Полно, Сударыня! старуху не сдѣлаешь опять молодою—такъ и шаль—изъ старой не сдѣлаешь новую; а эта видите, Сударыня, какъ пухъ.

Да ты видишь, што она уже вся изтерта.

Какія вы, Сударыня! всякія вещи на свѣтѣ трутся; и новыя и старыя. А товаръ-то! а цвѣтъ-то! заглядѣнье. Угодно вамъ эту?.

А што стоитъ?

Эта будетъ подешевлѣ: 250 рублей.

Ай! въ умѣ-ли ты?

Да, Мадамъ, естьли бы не былъ въ умѣ, такъ этой цѣны не просилъ.

Да какъ это возможно? Эта шаль?

Посудите, Сударыня, что и цѣна-то шали—шаль.

Ходишь-ли ты къ моей пріятельницѣ Н.?

Нѣтъ, Сударыня. Ходить совсѣмъ къ ней нельзя; скупа, любитъ торговаться; дастъ мало.

Такъ вы любите, чтобы вамъ давали много? Покажи мнѣ чай!

Вотъ самый лучшій.

Правда? вѣрно подмѣшанной. Я уже пробовала васъ Бухарцовъ, да толку нѣтъ: обманщики.

Ахъ, Сударыня! Вотъ чай настоящій. Тутъ нѣтъ ни бетоники, ни вероники, ни звѣробою, ни шалфею, ни березовыхъ листьевъ, ни Капорской запрещенной травы; самой чистый.

Нѣтъ, ничего не надобно.

А я, Сударыня, надѣялся, что вы купите у меня что нибудь.

Да што купить? нѣтъ ничего хорошаго.

То-то и есть! Цѣны высоки, товаръ не по нраву; цѣны низки, товаръ худъ; цѣны среднія, товаръ не годится, или не нравится; а цѣна настоящая, купцу бѣда. Прощайте!

37.

Конопатчикъ и Стекольщикъ.

А! землякъ! дядя Онисимъ! по здорову ли, по добру поживаешь?

Не-што: маячусь кое-какъ. А ты какъ попалъ сюда? люди добрые на зиму въ деревню, а ты оттуда.

Не говори; мнѣ въ деревнѣ очень не понравилось; ужъ я ли, дядя Онисимъ, не исправенъ? ты самъ видишь: молодъ, здоровъ, слава-те Господи, хоть куда! а на всѣхъ людей и не угодишь. Вить ты чай знаешь сноху нашего старосты, Ерофеевну?

Какъ не знать!

Ну вотъ послушай. Нынѣтко надобно приготовить землю подъ озимой хлѣбъ; а я вѣдашь ты работалъ у нёё. Утромъ хозяинъ пошелъ ранѣе меня со двора и наказалъ мнѣ: смотри, Петруха, не мѣшкай, поранѣе принимайся за работу. Хозяйка меня покормила какъ надодь. Я, поѣвши, говорю: Хозяйка! послушай, мать моя Ерофеевна, я тебѣ скажу, что коль скоро примусь я за работу, такъ ужъ не отстану отъ нее ни за што, такъ дай мнѣ лучше мой обѣдъ взять съ собою въ поле и я уже останусь тамъ до вечера. Хорошо, Петруша, — говоритъ она. Вѣстимо, чѣмъ ходить взадъ и впередъ по пустому, такъ на мѣстѣ лучше пообѣдать. Она дала мнѣ обѣдъ; я потрудился также и надъ нимъ и говорю: Ерофеевна! ужъ за одно отпусти ко мнѣ и ужинъ, такъ и дѣло будетъ съ концомъ. Ладно, ладно, Петруша, ступай съ Богомъ скорѣе, чай хозяинъ дожидаетъ. Я взялъ ужинъ и пошолъ спать на сѣно; ахъ, дядя Онисимъ! куды какъ хорошо мнѣ всхрапнулось. Тутъ на бѣду мою эта проклятая Ерофеевна шасть къ сѣну. Ахъ ты пёсъ проклятой, развѣ эдакъ работаютъ? Не сердись, хозяйка, вѣдь ты сама знаешь, што добрые люди послѣ ужина всегда ложатся спать, такъ и я то же сдѣлалъ.

38.

Разнощикъ сапоговъ и башмаковъ.

Што ты, батька мой, продаешь?

Сапоги и башмаки; не угодно-ли?

Есть ботинки? да смотри, которыя поглубже и байка-то была-бы получше и потеплѣе.

Вотъ.

Ну? какія это ботинки! посмотри и кожа какая нехорошая.

Ну вотъ на! заказныя.

Эти малы.

Вотъ побольше; а товаръ-отъ посмотри какой лихой. Заглядѣнье.

Какія не фасонистыя!

Ну вотъ еще парочка, и глубоки и получше и потеплѣе и пофасонистѣе, и побольше и потеплѣе. Любо посмотрѣть. Мы ужъ продаемъ не съ обманомъ. Лѣтъ 20 въ полку берутъ у меня сапоги и башмаки, да не хулятъ, а говорятъ спасибо.

То-то батька; вить не жаль лишнее заплатить, лишь бы было хорошо.

Право, тётка, знатныя. На ножку-ли надѣнешь, полюбуешься; ножку-ли выставишь—закрасуешься; пойдешь-ли—разпотѣшишься; топнешь-ли, помилуешься; попляшешь-ли, разохотишься; посмотришь-

Кормилица и разнощикъ.

Хлѣбникъ.

Пирожникъ.

Модная торговка и бухарецъ.

Описаніе А. Бурцева.

ся—не натѣшишься; право, скажешь спасибо. Не мужичья работа. Ужъ солдать сдѣлаетъ не мужицкое вахлянье. Сама небось скажешь.—Ай солдатушка батюшка! хоть дорого, да хорошо.

А што просишь?

Три съ полтиною; съ Богомъ и надѣвай.

Ну, давай. Што съ тобою дѣлать. Какой неотвязчивой!

39.

Чухонецъ продаетъ масло.

Майсла!

Ланга, пойди сюда. Что у тебя такое?

Майсла.

А какъ дорого?

Минай майста.

Я вижу, что масло чисто. А что ты просишь за нево?

Э война?

Съ водою? такъ не надобно.

Мисса аннатъ.

Еще и съ саломъ! вотъ-те на! а почему кадка?

Каппа?

Да, кадка?

Ювея волда.

То то и есть что съ водою. А што цѣна?

Мида макса.

Какая вакса?

Оста войда!

А!.. понимаю, остатокъ. — Такъ, такъ остатокъ, ну нельзя ли остаточекъ подешевле уступить?

Вяха анна раха.

Да вяха—Анна хозяйка моя торовата; скажи мнѣ послѣднюю цѣну, что стоитъ кадочка?

Кольме рубле вяге; э анна кольма рубле.

Есть-ли рубль, то давай; Анна хозяйка купитъ. А хорошее-ли масло?

Это вяга оле элейя юва майсла.

(Все вяха, да Анна! да майсла.) Пойдешь-ли ты со мною?

Минна пойша.

Не въ Польшу! здѣсь не далеко.

Эколя каугольда?

Да вотъ здѣсь въ закаулокъ. Пойдемъ, авось либо купятъ. Я приду съ квасомъ, а ты съ масломъ.

40.

Разнощикъ книгъ и Сочинитель.

Какія, братецъ, у тебя книги?

Всякія есть; какихъ угодно?

А напримѣръ?

Романы, исторіи, драмы, комедіи, оперы, журналы—да всѣхъ названій и не перескажешь; однимъ словомъ, сударь, всякой дряни довольно.

Какъ же ты свой товаръ, который тебѣ хвалить должно, называешь дрянью?

Да что, сударь; вить я по неволѣ этими дрязгами занимаюсь.

Почему?

Да батюшка выучилъ меня сначала сапожному ремеслу — и я было лихо зачалъ шить сапоги, башмаки, туфли....

А кто твой отецъ?

Торопецкой мѣщанинъ. — Да вдругъ какой-то книжникъ сбилъ отца моего съ толку; втемяшилъ ему въ голову, что сапоги шить стыдно: гораздо-де будетъ важнѣе, если сынъ твой станетъ обращаться въ книжномъ торгу; онъ тутъ научится изъ книгъ разнымъ вымысламъ. — Да взглянько, сказалъ онъ отцу моему, какой у меня огромный домино! — Теперь и я, сударь, служа у нево два года, вижу, что у кого много денегъ, тому вездѣ хорошо жить.

Ты, мой другъ, въ большомъ заблужденіи. Этотъ книгопродавецъ, сколько я могу понять изъ твоихъ словъ, долженъ быть человѣкъ не глупой. Изъ ничего нажить много, значитъ быть умнымъ человѣкомъ. Я и самъ женился чрезвычайно выгодно на богатой дѣвицѣ. Хочешь знать, какъ это сдѣлалось? Изволь, я откровененъ, скажу: когда блестящія комедіи мои появились на Театрѣ; когда началъ я составлять великолѣпный планъ моего Журнала, тогда у многихъ дѣвицъ въ городѣ зашевелились сердца; всѣ онѣ удивлялись моему уму, моимъ способностямъ, не давали мнѣ проходу, а я—смотрѣлъ на нихъ равнодушно и наконецъ, изъ сожалѣнія, бросилъ взглядъ на ту, которую называю теперь моею женою; а она изъ благодарности принесла мнѣ двадцать тысячь доходу. О мой другъ! просвѣщеніе есть рѣдкая черта нравственнаго міра!

(Разнощикъ книгъ въ сторону). Баринъ-то видно не въ полномъ умѣ.

Какіе же у тебя, другъ мой, Журналы?

Да разные есть; и больше всѣхъ надоѣлъ мнѣ такой-то.... (показываетъ).

А! у тебя есть этотъ Журналъ?

Какъ-же, сударь; чтобы его провалъ взялъ! ношу, ношу—съ рукъ нейдетъ!

Молчи! не смѣй охуждать такія творенія, которыя дѣлаютъ честь даже всей націи. Въ немъ все прекрасно, неоцѣненно! а особливо сужденія мои о Театрѣ — О! они показываютъ, до какой степени совершенства достигъ я въ этомъ предметѣ. Лишь появилась первая піэса моя на Театрѣ и бѣдный, жалкій фонъ-Визинъ—убитъ; а прочіе и не суйся! Правда, что невѣжи, тебѣ подобные, бранили меня въ одномъ журналѣ; да это ничего! Эти господчики все хвастаютъ, что они учились въ университетахъ, тамъ, сямъ; а я—нигдѣ и ничему не учился, но природа, мать Геніевъ, такъ сказать, обсѣла меня всего, и сдѣлала изъ меня осьмое чудо! Пишу обо всѣхъ предметахъ—и все прекрасно, превосходно, неподражаемо!!! Послушай, братецъ, я тебя прощаю за твое невѣжество, что я говорю? Этого мало, ты будешь моимъ пріятелемъ, другомъ! ты будешь всѣмъ.... Вотъ тебѣ деньги, только послушай! старайся вездѣ и всячески хвалить мой журналъ, и нѣтъ ли у тебя и комедій моихъ? вить ты теперь фамилію мою знаешь?

(Разнощикъ почесывая голову.) Есть, сударь.

Хвали и ихъ. (Даетъ еще денегъ). Вотъ тебѣ и за нихъ.

То ужъ всѣ прекрасныя!

Ну вотъ видишь-ли? и такъ мало по малу ты образуешься и сдѣлаешься тѣмъ же, чѣмъ я.

(Разнощикъ въ сторону). Упаси Господи!

Прощай, мой другъ! прощай, mon enfant!

Прощайте, сударь. (Разнощикъ одинъ). Ну не мудрено, что у моего хозяина огромный домъ; видно ему много такихъ умниковъ попадалось.

188. Вольтеръ, его жизнь и сочиненія. Давида Фридриха Страуса. Лекціи читанныя при Гессенъ-Дармштадтскомъ Дворѣ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Н. Н. Страхова. Санктпетербургъ. Типографія бр. Глазуновыхъ. 1871 года.— Въ 8 д. л. V+436 стр.

Это изданіе по выходѣ въ свѣтъ было изъято изъ обращенія, какъ несогласующееся съ цензурными постановленіями. Нѣсколько же уцѣлѣвшихъ экземпляровъ составляютъ библіографическую рѣдкость.

Въ началѣ книги слѣдуетъ оглавленіе, а затѣмъ—предисловіе отъ переводчика, въ которомъ онъ говоритъ, что:

Предлагая русской публикѣ лекціи Штрауса о Вольтерѣ, издатель считаетъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи Вольтера къ христіанской религіи, т. е. о той сторонѣ его писательской дѣятельности, которая произвела въ свое время наибольшій соблазнъ и которая можетъ еще отчасти и теперь соблазнить наивновѣрующаго читателя, необладающаго твердыми убѣжденіями и не вполнѣ знакомаго съ той точкой зрѣнія, которая необходима для правильнаго пониманія Вольтера. Настоящее предисловіе предпосылается съ цѣлью именно сдѣлать невозможнымъ этотъ соблазнъ и указать научную точку зрѣнія на Вольтера.

Чтобы понимать писателя, необходимо разсматривать его въ совокупности съ духомъ и обстоятельствами его времени; необходимо знать, что именно вызвало его симпатіи и антипатіи и какія воззрѣнія преобладали въ его время. Если же осуждать писателя болѣе или медѣе отдаленной эпохи на основаніи нашихъ современныхъ воззрѣній и съ помощію того запаса знаній и опыта, какими обладаемъ мы, — это значитъ оказывать ему большую несправедливость.

Время предшествовавшее Вольтеру представляетъ въ средѣ французскаго общества такой упадокъ нравственности, такой отвратительный развратъ, такую всеобщую испорченность, цинизмъ и пресыщеніе, что мы, люди настоящаго времени, не можемъ себѣ этого и представить; и наиболѣе всего испорченность эта коснулась французскаго духовенства. Если бы мы стали здѣсь разсказывать, что совершалось предъ алтарями, какъ совершались таинства, какъ жили вообще французскіе аббаты и епископы, то одни эти факты превзошли бы собою всѣ рѣзкія фразы и нападки, которыя читатель найдетъ въ предлагаемой книгѣ, въ изложеніи религіозныхъ мнѣній Вольтера. Можно безъ преувеличенія сказать, что католическая церковь того времени во Франціи была воплощеннымъ

Стекольщикъ и конопатчикъ.

Разнощикъ сапоговъ и башмаковъ.

Чухонецъ продаетъ масло.

Розноіщикъ съ книгами и сочинитель.

Описаніе А. Бурцева.

кощунствомъ и богохульствомъ, организованнымъ обманомъ и шарлатанствомъ. Достаточно будетъ указать на одинъ фактъ: алтари во время служенія превращались въ мѣста приношенія жертвъ Бахусу и Венерѣ. Вольтеру все это было подробно извѣстно, при его высокомъ общественномъ положеніи, которое онъ себѣ создалъ. Конечно, онъ зналъ и всю прежнюю исторію католической церкви, какъ воспитанникъ іезуитовъ и какъ ученый энциклопедистъ. И прежняя исторія католической церкви представляется также исполненной подлоговъ и обмановъ. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ исторіи папской церкви *).

«Восьмой вѣкъ былъ замѣчательнымъ періодомъ въ исторіи міра по небывалымъ успѣхамъ лжи. Огромный переворотъ произведенъ былъ въ нѣсколько лѣтъ посредствомъ нѣсколькихъ фальшивыхъ бумагъ, которыя сдѣлались въ Европѣ источникомъ права. Никогда, ни прежде, ни послѣ, мы не видимъ ничего подобнаго; это золотой вѣкъ мошенничества. Къ этой же эпохѣ слѣдуетъ отнести множество прибавокъ и при томъ столь неискусныхъ, что онѣ обезобразили памятники христіанскаго преданія. Въ это время Исидоръ Меркаторъ фабрикуетъ свои ложныя декреталіи, которыя получили вскорѣ силу закона и были приписаны папамъ, или никогда не существовавшимъ, или извѣстнымъ лишь по имени. Въ это же время были сочинены самыя неправдоподобныя религіозныя легенды... Авторъ этихъ декреталій вложилъ въ уста папъ перваго вѣка слова, правила и желанія VIII вѣка, описалъ заднимъ числомъ на 700 лѣтъ ихъ воображаемыя права и придалъ имъ авторитетъ древности и преданія. Это сочиненіе, исполненное сверхъ того безъ искусства, съ неопытностію варварскаго невѣжества, полное противорѣчій, анахронизмовъ и невозможностей, никогда не выдержало бы критики, если бы духъ критики тогда существовалъ. Это — скопленіе текстовъ, заимствованныхъ изъ множества твореній отцовъ церкви, постановленій соборовъ, императорскихъ декретовъ и изъ сборниковъ каноническихъ законовъ. Въ нихъ извращенъ истинный смыслъ вставками безъ означенія чиселъ, сдѣланными въ формѣ писемъ различныхъ папъ, начиная съ св. Петра. Идея первенства папъ надъ королями и соборами проглядываетъ почти на каждой страницѣ» *).

«Въ папство Евгенія III монахъ Граціанъ издалъ въ свѣтъ, подъ названіемъ «Соглашеніе противорѣчивыхъ каноновъ», сборникъ совершенно сходный съ лже-исидоровскими декреталіями... Кромѣ полнаго собранія каноническихъ законовъ, въ этотъ сборникъ вошло множество папскихъ декреталій, подлинныхъ и ложныхъ, взятыхъ изъ Исидора, также капитулярій, законовъ взятыхъ изъ кодекса, дигестъ, множество извлеченій изъ твореній отцовъ и учителей церкви. Извращеніе смысла, поврежденіе текста, подлогъ и искаженія всякаго рода составляютъ отличительную черту энциклопедіи церковной юрисдикціи... Тутъ цѣлая сѣть многоразличныхъ уловокъ и приспособленій, такъ что сборникъ съ одинаковымъ удобствомъ можетъ быть примѣненъ къ самымъ разнообразнымъ обстоятельствамъ; тутъ цѣлая организація, способная существовать сама собою; она подчиняетъ всю жизнь человѣка извѣстной системѣ, повидимому въ интересахъ чисто религіозныхъ, на самомъ же дѣлѣ содержитъ въ себѣ,—подъ формою устроенія по извѣстному образцу дисциплины и іерархіи церковной,— всѣ элементы управленія.

«Чтобы выйти изъ многочисленныхъ противорѣчій въ документахъ, вошедшихъ въ сборникъ, и устранить крайнее разногласіе между ними, Граціанъ прибѣгаетъ къ ученію, которое впрочемъ не составляетъ новости въ католицизмѣ, хотя до сихъ поръ не высказывалось такъ прямо и рѣшительно. Какъ поступать въ томъ случаѣ, когда церковь объ одномъ и томъ же вопросѣ говоритъ и да и нѣтъ? По этому ученію церковь не можетъ противорѣчить сама себѣ, потому что она, «какъ и Самъ Христосъ есть живой законъ». И такъ, въ ней все имѣетъ временное значеніе; вчерашняя истина завтра можетъ сдѣлаться ложью; нѣтъ нужды искать другаго средства къ устраненію затрудненій. Будучи не въ состояніи доказать неизмѣнности въ церкви, Граціанъ обоготворилъ ея измѣняемость и даже самыя прихоти. Церковь выше своихъ собственныхъ опредѣленій; она сообщаетъ имъ

*) „Политическая исторія папъ“ П. Ланфрэ. Пер. съ франц. 1870 г.

*) Фальшивость этого сборника открыта и доказана католическими теологами Эразмомъ, Фра-Паоло Сарпи, Бароніемъ и Белларминомъ.

свой авторитетъ, но всегда только на время; внѣшнія выраженія ея воли никогда не могутъ связывать ее; ея отличительная принадлежность—постоянное откровеніе, ея верховенство—источникъ всякаго права; никакое обязательство ея не связываетъ, никакое обличеніе во лжи не примѣнимо къ ней; она не истолковываетъ истины, а творитъ ее. Она непогрѣшима относительно содержанія дисциплины, также какъ не можетъ заблуждаться относительно существа догмата. Это—теорія произвола и восполненія идеала теократическаго абсолютизма, какъ понимаютъ его и какъ осуществляютъ въ жизни народы Азіи.

«Такимъ образомъ образовалось церковное право: ничтожный монахъ былъ его Юстиніаномъ, выраженіемъ безличной коллективной силы, въ теченіи долгаго времени подготовлявшей для этого права элементы. Сборникъ Граціана царилъ во всѣ средніе вѣка. Ни одно руководство не распространяло вліяніе на столь обширное общество. Будучи въ одно и то же время правомъ гражданскимъ, политическимъ и церковнымъ, оно овладѣвало человѣкомъ съ самаго рожденія и до смерти и сопровожало его даже за могилу, вручая его Богу, какъ бы нѣкоему вице-министру, обязанному исполнять предписанія этого права».

Законодательство это сдѣлалось основой преподаванія въ университетахъ и опутало умы того времени такой паутиной, разорвать которую только было подъ силу скептицизму и отрицанію XVIII вѣка. Скептицизмъ этотъ въ свою очередь явился также фанатизмомъ, въ той необузданности, которая сдѣлалась характеристической чертой эпохи.

Вольтеръ былъ однимъ изъ представителей этого фанатизма отрицанія и довелъ его, можно сказать, до крайнихъ предѣловъ, но безъ всякаго научнаго основанія; вліяніе его объясняется необыкновеннымъ литературнымъ талантомъ, придававшимъ ему какое-то царственное величіе и силу, чѣмъ ни одинъ писатель не пользовался, ни прежде его, ни послѣ. Онъ царилъ надъ умами своего времени.

Атмосфера, которой дышалъ Вольтеръ, была заражена міазмами, порожденными всей исторіей католицизма, древней и новой. Папство создало свое величье ложью, поддѣлкой, обманомъ и укрѣпило свое торжество инквизиціей, кострами, іезуитизмомъ; создало фанатизмъ, нетерпимость и въ заключеніе—невообразимый развратъ ума и чувства. Католическіе святые и мнимыя чудеса, въ родѣ исцѣленія на улицахъ мнимыхъ больныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ, честолюбцами, стремившимися пріобрѣсти популярность и папскій санъ, служили обстановкой католической церкви. Естественно, что Вольтеръ и по свойству своего ума, и по духу времени находился со всѣмъ этимъ въ совершенномъ противорѣчіи. Но выйти изъ этого противорѣчія иначе, какъ вышелъ онъ—т. е. своимъ безпощаднымъ сарказмомъ и отрицаніемъ, онъ не могъ, потому что теологическая наука того времени была по преимуществу католическая и всей своей аргументаціей до того отождествляла христіанство съ католической церковью, что отвергать какое нибудь ложное или безнравственное церковное постановленіе или іерархическое злоупотребленіе, значило отвергать самое христіанство; весь авторитетъ католической церкви поддерживался именно этимъ отождествленіемъ и основанной на немъ непогрѣшимостью церкви. Понятно, что при этихъ обстоятельствахъ для Вольтера не возможно было найти какую либо точную границу своего отрицанія видимаго имъ христіанства, т. е. католицизма; сущность же протестантства онъ едва зналъ, а на восточную церковь, совершенно ему неизвѣстную, смотрѣлъ глазами католической критики: для него, какъ вообще для католической теологіи, протестантство было ересью, восточное православіе—схизмой.

Однако, если мы разсмотримъ ближе религіозныя мнѣнія Вольтера, то найдемъ, что въ его нападкахъ на христіанство все-таки была нѣкоторая граница: Вольтеръ былъ деистъ и относился съ величайшимъ благоговѣніемъ къ единому и личному Богу, питалъ отвращеніе къ атеизму и былъ чуждъ пантеистическаго міросозерцанія; вполнѣ знакомый съ древней философіей и литературой, онъ не могъ не знать, что первые апологеты христіанства, когда не было еще ни церковнаго управленія, ни храмовъ, ни обрядовъ, а были лишь первичные элементы чисто-республиканской іерархіи, въ своемъ вдохновеніи къ истинному Богу христіанства не были слишкомъ далеки отъ деистическаго міросозерцанія; такъ напр. Минуцій Феликсъ говоритъ въ своей апологіи: «Храмъ истиннаго Бога есть вселенная, образъ его — человѣкъ, и жертва, которая ему пріятна, состоитъ въ добрыхъ дѣлахъ». Отрицая теоретически всякую положительную религію и принимая христіанство во первыхъ какъ нравст-

венное ученіе, и, во вторыхъ, какъ культовую необходимость, сдѣлавшуюся неотъемлемой и привычной принадлежностью жизни народовъ (что составляетъ уже уступку теоретическому отрицанію всякой положительной религіи), Вольтеръ требовалъ лишь очищенія христіанской религіи отъ примѣси суевѣрія, лжи и обмановъ, которые, — напомнимъ здѣсь снова,—наполняли собою всю исторію католической церкви, всеобщее вліяніе которой, охватывавшее и умственную и гражданскую жизнь западной Европы, было такъ очевидно для Вольтера. Читатель увидитъ изъ книги, что кромѣ мыслей, выраженныхъ Вольтеромъ въ этомъ смыслѣ, онъ и на дѣлѣ подтвердилъ свой условный компромиссъ съ христіанствомъ: онъ построилъ для своихъ крестьянъ церковь и проповѣдывалъ въ ней о нравственности, не отвергая христіанства.

Всѣ нападки и сарказмы Вольтера направлены на историческое, церковное и догматическое христіанство, а не какъ на нравственное ученіе; во всемъ этомъ выразились элементы его эпохи; скептицизмъ, разнузданность и демоническая жажда мщенія за тѣ цѣпи, которыми такъ долго оковывало католичество разумъ и совѣсть человѣка. Отрицаніе, скептицизмъ и яростное негодованіе XVIII вѣка были естественной противоположностью всего того, противъ чего они были направлены: это было духомъ времени и не составляло исключительной принадлежности Вольтера. Онъ виноватъ только въ томъ, что обладалъ несравненнымъ литературнымъ талантомъ, страшной силой сарказма и громаднѣйшимъ вліяніемъ на умы современниковъ. Ожесточенныя нападки и преслѣдованіе Вольтера со стороны глупцовъ, фанатиковъ и святошъ, которыхъ въ его время было несравненно болѣе, чѣмъ нынѣ, еще болѣе усилили его вліяніе; можно сказать, что масса проклятій, обрушившихся на голову Вольтера, равняется той громкой и безсмертной славѣ, которой онъ пользуется въ мірѣ. Но Вольтеръ имѣетъ свою безусловно слабую сторону вообще какъ критикъ св. писанія, исторіи христіанской и христіанскаго преданія, однимъ словомъ какъ теологъ. Его мнѣнія не имѣютъ своимъ основаніемъ научную и критическую обработку предмета; какъ философъ, онъ несамостоятеленъ; для изслѣдованій предмета, ни у Вольтера, ни вообще въ литературѣ его времени не было достаточно знанія; однимъ словомъ, религіозныя мнѣнія его произвольны и не имѣютъ никакого авторитета въ наукѣ критическаго и отрицательнаго богословія, замѣнившей собою въ текущемъ столѣтіи скептицизмъ и отрицаніе XVIII вѣка. Чтобы доказать читателю, что сарказмы Вольтера, которые онъ найдетъ въ этой книгѣ, теперь суть не болѣе, какъ пустыя слова, лишенныя значенія и авторитета даже въ отрицательной литературѣ новаго времени, и должны быть принимаемы не иначе какъ въ смыслѣ литературнаго матеріала прошедшаго вѣка, въ смыслѣ памятника въ исторіи всеобщей литературы, — мы скажемъ также нѣсколько словъ о новѣйшемъ критическомъ и отрицательномъ богословіи, получившемъ свое начало и развитіе въ Германіи.

Скептицизмъ XVIII вѣка, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его революціоннымъ ураганомъ, поколебалъ весь существовавшій режимъ, всѣ вѣрованія, и произвелъ громадный переворотъ въ умахъ и вообще въ жизни; но одна поверхностная сатира, одинъ ѣдкій сарказмъ и крайній цинизмъ, достигшіе своего апогея въ сочиненіяхъ Вольтера, ничего собственно не доказали и ничего не опровергли. Хаотическое состояніе эпохи, естественно, требовало новыхъ основаній какъ для вѣры, такъ и для отрицанія. Эта трудная работа началась въ текущемъ столѣтіи. Мы здѣсь не будемъ упоминать о богословскихъ трудахъ, основанныхъ единственно на вѣрѣ, потому что задача наша ограничивается тѣмъ, чтобы доказать, что всѣ мнѣнія Вольтера о христіанской религіи, исторіи, догматахъ, преданіяхъ и проч. не имѣютъ уже никакого значенія, никакого вѣса даже въ современномъ критическомъ богословіи и вообще при новѣйшемъ развитіи теологической науки. Для этого мы прослѣдимъ кратко совершившееся въ Германіи развитіе теологіи на почвѣ свободнаго философскаго мышленія и научнаго изслѣдованія.

Въ первой четверти нашего столѣтія, ученый и философски-образованный нѣмецкій теологъ Рейнгардтъ возбуждаетъ продолжительный и ожесточенный споръ двухъ направленій—раціонализма XVIII вѣка съ вѣрой. Его философски-теологическія изслѣдованія*) привели его къ вѣрѣ въ христіанство, возстановленное на основаніи правильнаго изъясненія св. писанія. Вскорѣ колебанія и дальнѣйшая

*) Systeme der christlichen Moral. 1788—1815 г.

борьба этихъ двухъ направленій приходятъ къ взаимодѣйствію между новой философіей и теологіей; плодомъ его является соглашеніе вѣры и науки; лучшія сочиненія по этому предмету опираются на критицизмъ Канта и философію Шелинга и Гегеля. Самый сильный представитель этой посредствующей литературы—Даубъ, стремившійся дать вѣрѣ новую основу въ діалектикѣ *).

И въ самомъ методѣ изслѣдованія появляются въ началѣ нашего вѣка совершенно новые научные пріемы; такъ напр. Паулусъ, написавшій въ 1800 г. комментаріи Новаго Завѣта, требуетъ, чтобы въ изслѣдованіи библейской исторіи различать фактъ и мнѣніе, дабы очистить зерно факта отъ воззрѣній и личныхъ мнѣній участниковъ и разсказчиковъ. Это пріемъ научнаго раціонализма, требующаго фактической исторіи. Подъ вліяніемъ этого направленія сдѣланъ былъ Эйхгорномъ первый опытъ критики евангелій **). Другой методъ изслѣдованія, а именно — историческій, въ сочиненіи де-Витте «Biblische Dogmatik» 1813 г. привелъ къ тому, что Старый и Новый Завѣтъ являются исторіей догматовъ, раздѣленной на двѣ области развитія, слѣдующей одна за другой. Появляется также методъ миѳическій, стремящійся распространить понятіе миѳа на священную исторію; таковъ трудъ Бауера «Миѳологія Стараго и Новаго Завѣта» 1802. Появленіе различныхъ методовъ изслѣдованія, естественно, привело къ спору о самыхъ методахъ, обличившему ихъ взаимные недостатки.

Неопредѣленность, смѣшеніе противоположныхъ принциповъ, составляютъ вообще отличительную черту нашего времени, породившую и религіозный индифферентизмъ; но изслѣдованіе религіозныхъ вопросовъ вообще не переставало занимать философствующіе умы нашего вѣка. Одинъ изъ смѣлыхъ мыслителей-теологовъ Шлейермахеръ, въ своемъ критически-субъективномъ изслѣдованіи христіанства, положительно достигаетъ соглашенія просвѣщеннаго сознанія съ христіанской этикой и доказываетъ необходимость церковнаго единства, не нарушая самостоятельности отдѣльныхъ церквей; онъ касался критически догматовъ и чудесъ, устранилъ изъ своего воззрѣнія все метафизическое, суевѣрное, непонятное изъ религіознаго матеріала, принималъ нераздѣльность человѣческаго и божественнаго и внесъ въ протестантскій міръ ясныя идеи, могущественно проникающія въ духъ времени, поставивъ смыслъ общенія съ Христомъ въ стремленіи къ освобожденію.

Теологія, слѣдуя въ Германіи вмѣстѣ съ умственной дѣятельностью извѣстнаго періода, воспользовалась также и археологіей и филологіей, имѣвшей своихъ величественныхъ представителей въ Вильгельмѣ Гумбольдтѣ, Гриммахъ и др. Преемникомъ Шлейермахера, снабженнымъ богатымъ запасомъ историческаго и филологическаго знанія, является наконецъ Штраусъ (авторъ настоящей книги). Онъ составляетъ центръ современнаго богословскаго движенія и считается важнѣйшимъ изъ представителей тюбингенской школы. Онъ открылъ своею дѣятельностью цѣлую серьезную богословскую литературу изслѣдованія историческаго возникновенія и развитія каноническихъ книгъ и догматовъ. Онъ же написалъ и «Жизнь Іисуса Христа», сочиненіе, которое въ научномъ отношеніи превосходитъ недавнее произведеніе Ренана о томъ же предметѣ. Въ нашихъ духовныхъ журналахъ сильно порицаются оба эти писателя; но мы — повторяемъ— упоминаемъ о нихъ для того, чтобы подтвердить вышесказанное, — что сарказмы и циническія выходки Вольтера не имѣютъ уже никакого значенія и вѣса при настоящемъ состояніи германской теологіи и составляютъ лишь литературный памятникъ XVIII вѣка.

Въ заключеніе скажемъ, что предлагаемое сочиненіе Штрауса суть лекціи, читанныя при Гессенъ-Дармштадтскомъ Дворѣ, молодой принцессѣ Алисѣ, и—конечно, не для того, чтобы пропагандировать идеи Вольтера, а чтобы охарактеризовать этого литературнаго колосса прошедшаго столѣтія, имѣвшаго громадное вліяніе на современное ему общество и стоявшаго въ главѣ умственнаго движенія того времени.

Надѣемся, что въ этомъ же смыслѣ приняты будутъ эти лекціи и русской публикой.

Цензурный аскетизмъ прежняго времени не дозволялъ у насъ знакомства вообще съ писателями XVIII вѣка, даже какъ съ научнымъ матеріаломъ для исторіи литературы, не смотря на то, что, напримѣръ, сочиненія Вольтера переводились на русскій языкъ уже назадъ тому сто лѣтъ и идеи его не оставались безъ вліянія на современ-

*) Die dogmatische Theologie, 1833 г.

**) Einleitung ins Neue Testament.

ныхъ ему двухъ русскихъ императрицъ; теперь же, благодаря законамъ 6 апрѣля, рѣзкая фраза и идеи, получающія свой смыслъ лишь какъ историческій матеріалъ и не имѣющія мѣста въ сознаніи современнаго человѣка, уже не служатъ препятствіемъ къ тому, чтобы писатель минувшей эпохи являлся передъ глазами потомства, по крайней мѣрѣ въ критическомъ этюдѣ о немъ, безъ ампутацій и искаженій. И въ нашемъ изданіи Вольтеръ является такимъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ.

А. Г—фовъ.

20 февраля 1871 г.

189. Ворона. Вранъ. Всеобщеисторическая похвала врану, старикомъ молодымъ, сочинена 1774 года, съ точнымъ объявленіемъ многихъ и важныхъ его услугъ, добродѣтелей, простосердечія и остроумія; и съ опроверженіемъ четырехъ возраженій: 1) что вранъ черенъ, 2) что не чистъ, 3) что простъ и 4) что труслив, съ ясными и непреоборимыми доказательствами.—Въ 8 д. л., 16 стр.

Эта очень рѣдкая брошюра неизвѣстнаго автора описана у Як. Березина-Ширяева въ его «Дополнительныхъ матеріалахъ для библіографіи или описаніе книгъ, находящихся въ библіотекѣ любителя NN», стр. 156-я.

190. Во славу святыя единосущныя, животворящія и нераздѣльныя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа: повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Петра Алексіевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца. При благороднѣйшемъ Государѣ нашемъ Царевичѣ и Великомъ Князѣ Алексіи Петровичѣ и Благословеніемъ же преосвященныхъ Архіереевъ между патріаршествомъ. Напечатася книга сія Новаго Завѣта въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ: въ лѣто отъ сотворенія міра — отъ рождества же по плоти Бога Слова 1715 Индикта 9 мѣсяца Актоврія. — Въ 4 д. л. цер. печ.

Книга эта содержитъ въ себѣ Новый Завѣтъ, Дѣянія апостольскія и Апокалипсисъ съ гравированными изображеніями евангелистовъ Матоея, Марка, Луки и Іоанна и при Дѣяніи святыхъ апостоловъ гравированныя изображенія апостоловъ св. Луки, св. Іакова, св. Петра, св. Іоанна Богослова, св. Іуды, св. Павла, а всего 10 гравированныхъ на мѣди листовъ.

Изданіе это въ настоящее время почти не находимо въ продажѣ и принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

191. Воспоминаніе о посѣщеніи святыни Московской Государемъ Наслѣдникомъ. Санктпетербургъ, въ типографіи III отд. соб. Е. И. В. канцеляріи, 1838 года.—Въ 8 д. л, 114 + 2 стр.

Авторъ этого чрезвычайно любопытнаго воспоминанія А. Н. Муравьевъ. Въ книгѣ говорится о нѣкоторыхъ весьма интересныхъ извѣстіяхъ о дѣятельности Жуковскаго по званію царскаго наставника.

Изданіе рѣдкое.

192. Воспоминанія ординарца о войнѣ 1877 — 1878 гг. В. М. Вонлярлярскаго. С.-Петербургъ. Коммерческая скоропечатня преемн. Ев. Тиле. 1891 года. — Въ 8 д. л., 240 стр. и 6 картъ.

Книга весьма полезная для первоначальнаго знакомства съ предметомъ. Изложеніе очень живое и ясное. Даетъ много свѣдѣній.

Изданіе въ продажу не поступало и печатано въ небольшомъ числѣ экземпляровъ.

Куплена мною книга за 3 руб.

193. Воспоминанія 1863— 1868 гг. С.-Петербургъ. Типографія М. М. Стасюлевича. 1899 года.—Въ 8 д. л. 64 стр.

Книжка, превосходно изданная графомъ С. Шереметевымъ, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, не для продажи.

194. Воспорское царство съ его палеографическими и надгробными памятниками, росписными вазами, планами, картами и видами. Сочиненіе Антона Ашика, директора Керченскаго музеума, состоящаго въ вѣдѣніи министерства иностранныхъ дѣлъ, и члена разныхъ ученыхъ

обществъ. Одесса, 1848 года.—Въ 8 д. л.; часть 1-я 117 стр., часть 2-я 88 стр., часть 3-я 96 стр.

Это обширное и замѣчательное изслѣдованіе Антона Ашика посвящено Одесскому обществу исторіи и древностей. За посвященіемъ слѣдуетъ предисловіе, въ которомъ авторъ говоритъ, что: «Находясь въ Керчи съ 1821 года, по волѣ начальника моего г. государственнаго канцлера графа Нессельрода, въ странѣ, гдѣ все дышетъ древностію, гдѣ каждый камень, такъ сказать, воскресаетъ въ душѣ воспоминанія о прошедшемъ, я охотно сталъ изучать археологію, сталъ изучать вѣковые памятники генія человѣческаго въ произведеніяхъ грековъ и старался ближе познакомиться съ сокровищами меня окружавшими». Далѣе говоритъ авторъ — «старое знакомство съ покойнымъ нашимъ антикваріемъ Бларомбергомъ еще болѣе возбудило охоту мою къ занятіямъ археологическимъ. Въ 1826 году открытъ былъ въ Керчи музеумъ для сохраненія древностей, находимыхъ на землѣ Воспорскаго царства. Директоромъ этого музеума назначенъ былъ г. Бларомбергъ. Онъ имѣлъ постоянное пребываніе въ Одессѣ, — музеумъ-же оставался въ непосредственномъ моемъ завѣдываніи», говоритъ Ашикъ. «Начальству Новороссійскаго края извѣстно, что трудами моими по части археологіи, въ теченіи пятнадцати-лѣтняго управленія моего музеумомъ, пріобрѣтено было много палеографическихъ памятниковъ, надгробныхъ камней съ надписями, росписныхъ вазъ, золотыхъ вещей, мраморныхъ статуй и разныхъ другихъ любопытныхъ и единственныхъ въ археологическомъ мірѣ памятниковъ». Большая часть этихъ предметовъ украшаетъ нынѣ Эрмитажъ Его Величества; однако и керченскій музеумъ имѣлъ свою долю въ этой обильной жатвѣ: его палеографическіе памятники и другія драгоцѣнности умножились до того, что Ашикъ счелъ необходимымъ издать оныя древности въ особомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: «Воспорское царство съ его палеографическими и надгробными памятниками, росписными вазами, планами, картами и видами».

Это крайне рѣдкое изданіе, чрезвычайно любопытное по разнообразію заключающагося въ немъ матеріала, по части археологіи; купленъ мною экземпляръ за 12 рублей.

Антонъ Балтазаровичъ Ашикъ, археологъ, родомъ сербъ, родился 1802 г. въ городѣ Рущукѣ. Въ 1812 г. Ашикъ переселился съ отцомъ въ Одессу и былъ отданъ въ купеческую контору, но въ 1817 году поступилъ на службу въ канцелярію керченскаго военнаго губернатора графа Ланжерона. Съ 1822 года Ашикъ состоялъ въ комиссіи, учрежденной въ Керчи для производства мѣновой торговли съ кавказскими горцами; предпріятіе это рушилось въ 1839 году и Ашикъ, прослуживъ годъ на Кавказѣ, былъ назначенъ снова въ Керчь, гдѣ градоначальникомъ состоялъ извѣстный археологъ Стемковскій. Благодаря ему и Бларомбергу, директору керченскаго музея, Ашикъ пристрастился къ археологіи и началъ заниматься раскопками окрестныхъ кургановъ. По смерти Бларомберга (1833), Ашикъ былъ назначенъ директоромъ керченскаго музея. Въ 1839 г. Ашикъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Одесскаго общества исторіи и древностей. Ашику удалось сдѣлать много драгоцѣнныхъ открытій, отыскать не мало предметовъ, обогатившихъ Императорскій Эрмитажъ, за что былъ неоднократно награждаемъ. Въ 1853 году Ашикъ былъ уволенъ отъ службы при музеѣ, переселился въ Одессу и занялъ должность библіотекаря Городской Публичной Библіотеки. Умеръ въ 1854 году.

195. Врата тріумфалные въ царствующемъ градѣ Москвѣ, на входъ царскаго священнѣйшаго величества імператора всероссійскаго, отца отечествія, Петра Великаго, съ торжествомъ окончанныя войны благополучнымъ миромъ между імперіею россійскою и короною шведскою. Санктпетербургъ, февраля 17 дня 1722 года.—Въ 8 д. л.

Изданіе весьма рѣдкое.

См. «Отчетъ Императорской Публичной библіотеки» за 1860 годъ, стран. 28-я, № 5-й.

196. Всемірная Иліада. Опытъ исторической хрестоматіи въ стихотвореніяхъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ, съ друмя алфавитными указателями. Составилъ Е. М. Ждановъ. С.-Петербургъ, типографія „Общественная Польза“. 1886 года.—Въ 8 д. л., XII+232 стр.

Этотъ трудъ Е. М. Жданова по выходѣ въ свѣтъ былъ изъятъ изъ обращенія, и уцѣлѣло толь-

ко нѣсколько раскупленныхъ экземпляровъ, которые въ настоящее время считаются очень рѣдкими.—Въ началѣ этой книги слѣдуетъ краткое предисловіе, въ которомъ авторъ говоритъ слѣдующее:—«Довольно обычный пріемъ, при преподаваніи исторіи, состоитъ въ томъ, чтобы для характеристики той или другой эпохи, приводить поэтическія произведенія, отразившія въ себѣ данную эпоху. Такія поэтическія картины служатъ иллюстраціей къ усвояемымъ фактамъ и, несомнѣнно, должны способствовать оживленію проходимаго курса исторіи. Однако, на практикѣ для преподавателя бываетъ затруднительно указать ученикамъ то или другое стихотвореніе, усвоеніе котораго было-бы желательно при прохожденіи соотвѣтственной эпохи, потому что всѣ эти произведенія разсѣяны по различнымъ собраніямъ сочиненій нашихъ авторовъ или сборникамъ, составленнымъ съ иными цѣлями. Въ этомъ случаѣ можетъ быть полезенъ предлагаемый сборникъ стихотвореній историческаго содержанія, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Въ составъ настоящей книги вошли лишь стихотворныя произведенія, въ виду того, что они, по сравненію съ историческими эпопеями въ прозѣ, легче поддаются памяти и отличаются большей законченностью, даже приведенныя въ отрывкахъ. Надѣюсь, что мнѣ не будетъ поставлено въ вину нѣсколько громкое заглавіе книги, такъ какъ оно вытекаетъ само собой изъ задачи, которая стояла предъ составителемъ хрестоматіи: словомъ «Иліада»—я желалъ только выразить возможно нагляднѣе типъ выпускаемаго мною стихотворнаго сборника, а прилагательнымъ «всемірная»—обозначить, что входящія въ его составъ стихотворенія относятся ко всѣмъ эпохамъ всеобщей и русской исторіи, начиная отъ древнихъ временъ, и кончая переживаемымъ нами періодомъ.

Затѣмъ позволю себѣ обратиться къ нашей періодической печати и преимущественно къ литературнымъ журналамъ, а также къ учителямъ исторіи съ просьбой, какъ можно строже отнестись къ предпринятому мною первому опыту и войти во всѣ его детали, съ тѣмъ, чтобы я могъ при слѣдующемъ изданіи «Всемірной Иліады» воспользоваться въ интересахъ школы заявленіями и указаніями нашихъ рецензентовъ».

Эта рѣдкая книга куплена мною за 15 рублей.

197. Всеобщій модный журналъ. Періодическое изданіе. Москва. 1817 года, въ университетской типографіи.—Въ 8 д. л. 5 книжекъ.

Этого чрезвычайно рѣдкаго журнала вышло всего пять книжекъ, начиная съ іюля и кончая октябремъ, съ одною для всѣхъ книжекъ нумераціею страницъ. Статьи журнала большею частью все переведенныя (съ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ), состоятъ изъ коротенькихъ разсказовъ, стихотвореній и описаній модъ (послѣднія на французскомъ и русскомъ языкахъ, хотя надписи на самыхъ рисункахъ (15 листовъ) русскія).

См. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки», за 1875 годъ, стр. 64, № 7.

198. Всеобщая библіотека въ Россіи или каталогъ книгъ для изученія нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ. Составилъ Чертковъ. Москва 1838—1845 года.—Въ 8 д. л., 2 тома.

Въ книгѣ Бокачева—«Описи русскихъ библіотекъ», стр. 157-я, объ настоящемъ изданіи сказано:—«Трудъ этотъ незамѣнимое пособіе для того, кто-бы захотѣлъ изучать Россію въ историческомъ, археологическомъ и правоописательномъ отношеніяхъ. Кромѣ того, каталоги Чертковской библіотеки могутъ служить: а) образцомъ для библіографическихъ работъ и б) настольною книгою для провѣрки числа страницъ и рисунковъ въ пріобрѣтаемыхъ изданіяхъ». Книга въ настоящее время рѣдка; цѣнится отъ 25 до 30 рублей, смотря по степени сохранности.

199. Всеподданнѣйшій рапортъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею, генералъ-фельдмаршала, князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго, отъ 15 сего сентября, содержащій подробности двухдневнаго штурма города Варшавы, и покоренія онаго побѣдоносными войсками нашими.

Въ концѣ этого изданія слѣдуетъ: 1. Росписаніе войскъ для аттаки города Варшавы. II. Списокъ генераламъ и полковымъ командирамъ войскъ дѣйствующей арміи, раненымъ или контуженнымъ въ сраженіяхъ и приступахъ подъ Варшавою 25 и 26 августа 1831 года.

III. Списокъ гг. артиллерійскимъ генераламъ и

ротнымъ командирамъ, убитымъ и раненымъ въ сраженіяхъ и приступахъ подъ Варшавою 25 и 26-го чиселъ августа 1831 года.

200. Всеобщій памятникъ достопримѣчательнѣйшихъ происшествій, повѣствуемыхъ Исторіею Ветхаго и Новаго Завѣта Церкви, Ученою, Естественною и Гражданскою, напоминающій о величіи и торжествѣ Добродѣтели и Вѣры, о буйствѣ и гибели нечестія, страстей и порока, о чудесныхъ усиліяхъ, знатнѣйшихъ изобрѣтеніяхъ и изящнѣйшихъ произведеніяхъ человѣческаго разума, о рѣдкихъ явленіяхъ и любопытнѣйшихъ открытіяхъ въ Природѣ, Наукахъ, Искуствахъ и Художествахъ, о дѣлахъ и жизни славнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ особъ и людей обоего пола, ознаменовавшихъ чѣмъ либо необычайнымъ имена свои, и словомъ, о всѣхъ достопамятностяхъ въ каждый день года, отъ начала временъ до настоящаго—въ семъ мірѣ случившихся. (Безъ означенія года и мѣста печати).—Въ 8 д. л., 12 томовъ.

Описаніе это распредѣлено въ хронологической послѣдовательности на каждый день мѣсяца, и раздѣлено на 12 книгъ, въ которыхъ на лѣвой сторонѣ повѣствуется церковная исторія и житіе святыхъ, а правой—гражданская и біографія замѣчательныхъ людей.

Книга въ настоящее время довольно рѣдкая.—Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 10 рублей.

201. Всепресвѣтлѣйшаго самодержавнѣйшаго, великаго государя Петра Алексіевича втораго, Імператора и самодержца всероссійскаго указы и уставы, состоявшіяся въ Верховномъ Таіномъ Совѣтѣ по доношеніямъ комісіи о Комерціи 1727: Собраны для сообщенія впредь съ выдаваемыми такіміжъ указами и уставами, и напослѣдокъ ко внесенію въ Генеральнои пошлінноп и купеческои уставъ. Напечатано въ Санктпетербургѣ, при Сенатѣ, 1728. Окончано печатью марта 20 дня.—Въ листъ.

Объ этомъ чрезвычайно рѣдкомъ изданіи см.—«Матеріалы для русской библіографіи. Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIIII столѣтія, напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ 1725—1800 г.», составилъ Губерти—№ 12.

202. Всепресвѣтлѣйшаго, самодержавнѣйшаго, велікаго государя Петра Алексіевіча, втораго, Імператора и Самодержца указы 1728 года, состоявшіяся въ Верховномъ Таіномъ Совѣтѣ, такожде изъ Сената посланныя. Нѣкоторыя публікованныя въ народъ, а другія разосланныя во всѣ губерніи и провинціи, дабы о такихъ указѣхъ въ надлежащіхъ мѣстѣхъ къ рѣшеніямъ и справкамъ скорои въ однои книгѣ пріискъ, или извѣстіе было. При Сенатѣ собраны и напечатаны 1729.—Въ листъ, 110 стр.

Объ этомъ рѣдкомъ изданіи см. «Всеобщую Библіотеку» Черткова, 1838, стр. 241, № 21;—«Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки», 1866 года, стр. 13—14,—и «Матеріалы для русской библіографіи» Н. В. Губерти, № 12.

Всѣхъ указовъ въ книгѣ—62.

Въ этомъ рѣдкомъ сборникѣ помѣщены 62 указа и сборникъ въ настоящее время чрезвычайно рѣдко встрѣчаемъ въ книжной торговлѣ. Хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся любителями отъ 8 до 12 рублей, смотря по степени сохранности.

203. Встрѣча Суворова съ Кутузовымъ. или вѣсти, принесенныя въ царство мертвыхъ княземъ смоленскимъ. Санктпетербургъ, въ типографіи военнаго министерства. 1813 г.—Въ 4 д. л., 19 стр.

Въ началѣ этой рѣдкой въ настоящее время брошюрѣ слѣдуетъ краткое посвященіе отъ автора г. Окулова —«Любителю словесности милостивому государю Осипу Сергѣевичу Ширяеву въ знакъ совершеннаго почтенія посвящаетъ сочинитель».

Купленъ мною экземпляръ, превосходно сохранившійся, за 2 руб. въ Москвѣ, въ антикварной книжной торговлѣ Шибанова.

Вонлярлярскій Василій Александровичъ.

Авторъ многихъ романовъ и повѣстей, род. 12 апрѣля 1814 года, ум. 30 декобря 1852 г. Съ фот. грав. Ю. Барановскій.

204. Всѣ сочиненія Василія Александровича Вонлярлярскаго. 7 частей. Санктпетербургъ. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1853 года.—8 д. л. 1-й т. XXXIII+327 стр., 2-й т. 400 стр., 3-й т. 460 стр., 4-й т. 403 стр., 5-й т. 364 стр., 6-й т. 214 стр., 7-й т. 256 стр.—съ портретомъ автора.

Ни одинъ изъ писателей русскихъ не совершилъ литературнаго поприща своего такъ быстро и необыкновенно, какъ В. А. Вонлярлярскій. До 1851 года имя его было вовсе неизвѣстно въ нашей литературѣ. Въ два года своей литературной дѣятельности онъ занялъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ ряду писателей-поэтовъ русскихъ, и когда образованная публика наша еще увлекалась одушевленными созданіями его фантазіи—онъ уже былъ въ могилѣ. Такое явленіе, едва-ли не безпримѣрное въ исторіи литературы, пробуждаетъ въ душѣ глубокое и вмѣстѣ грустное чувство. Невольно задумываясь при мысли о необыкновенно-талантливомъ человѣкѣ, столько-же замѣчательномъ литературною судьбою, сколько и сочиненіями своими—читатель вправѣ пожелать хоть краткой біографіи его, особенно теперь, когда его романы, повѣсти и драматическія сочиненія, издаваемые вполнѣ, возобновятъ въ умѣ и душѣ каждаго читателя, воспоминаніе объ этомъ блистательномъ писателѣ.—Фамилія Вонлярлярскихъ принадлежитъ къ стариннымъ дворянскимъ фамиліямъ Смоленской губерніи. Въ сочиненіяхъ самого В. А. Вонлярлярскаго можно отыскать общій идеалъ воспитанія богатыхъ русскихъ дворянъ. Между прочимъ въ его стихотвореніяхъ находимъ шаржъ, если можно примѣнить этотъ терминъ другаго искусства, къ стихотворной шуткѣ—«Носъ» ода:

Воспѣть тебя, о носъ чудесный,
Въ полночный часъ, дерзаю я.
И синь ты носъ, какъ сводъ небесный,
И алъ, какъ алая заря!
Что значатъ всѣ носы вселенной
Передъ тобой, о, чудный носъ!
О дивный носъ о незабвенный!
Чукотскій носъ, ты переросъ!
Красуйся-жъ, носъ, красой и силой,
На зло посредственнымъ носамъ!
Окончивъ дни, повѣрь, мой милый,
Ты вознесешься къ облакамъ,
И память о тебѣ въ семъ мірѣ,
И славу громкую твою
На недостойной слабой лирѣ
Я вдохновенно воспою.

Это сочиненіе Василія Александровича Вонлярлярскаго заслуживаетъ вниманія просвѣщенныхъ любителей русской литературы. Купленъ мною экземпляръ у букиниста Семенова за 15 рублей.

О жизни и сочиненіяхъ автора.

Ни одинъ изъ писателей русскихъ не совершилъ литературнаго поприща своего такъ быстро и необыкновенно, какъ В. А. Вонлярлярскій.

До 1851 года имя его было вовсе неизвѣстно въ нашей литературѣ. Въ два года своей литературной дѣятельности, онъ занялъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ ряду писателей-поэтовъ русскихъ, и когда образованная публика наша еще увлекалась одушевленными созданіями его фантазіи—онъ уже былъ въ могилѣ.

Такое явленіе, едвали не безпримѣрное въ исторіи литературы, пробуждаетъ въ душѣ глубокое и вмѣстѣ грустное чувство. Невольно задумываясь при мысли о необыкновенно-талантливомъ человѣкѣ, столько же замѣчательномъ литературною судьбою, сколько и сочиненіями своими, читатели вправѣ желать хоть краткой біографіи его, особенно теперь, когда его романы, повѣсти и драматическія сочиненія, издаваемыя вполнѣ, возобновятъ въ умѣ и душѣ каждаго читателя воспоминаніе объ этомъ блистательномъ писателѣ.

Сообщаемъ нѣсколько чертъ изъ жизни его, и нѣсколько свѣдѣній, характеризующихъ окружавшія его обстоятельства.

Фамилія Вонлярлярскихъ принадлежитъ къ стариннымъ дворянскимъ фамиліямъ Смоленской губерніи. Историческое указаніе о ней можно видѣть въ статьѣ Д. И. Языкова, напечатанной въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ (Т. XI, стран. 478).

Въ сочиненіяхъ самого В. А. Вонлярлярскаго можно отыскать общій идеалъ воспитанія богатыхъ Русскихъ дворянъ. Василій Александровичъ уклонился отъ общаго идеала только немногими частностями своей жизни, которая и началась не совсѣмъ обыкновенно.

Въ 1814 году, 12-го апрѣля, получено было въ Смоленскѣ извѣстіе о взятіи Парижа союзными войсками. Можно представить себѣ восторгъ обитателей того города, гдѣ, за полтора года, свирѣпѣли всѣ ужасы нашествія французовъ! Проживавшій въ 1814 году въ Смоленскѣ, сенаторъ Каверинъ, получивъ радостное извѣстіе о Парижѣ, тотчасъ поскакалъ въ домъ Вонлярлярскихъ, и безъ всякихъ предупрежденій вбѣжалъ въ гостинную, громко крича: «Ура! Парижъ взятъ!» Это произвело такое сильное ощущеніе въ г-жѣ Вонлярлярской, что она принуждена была удалиться во внутреннія комнаты, и настала минута рожденія маленькаго Василія, названнаго такъ именно въ честь Св. Василія Парійскаго, котораго память церковь наша празднуетъ 12-го апрѣля.

До четырнадцатилѣтняго возраста воспитывался Василій Александровичъ въ домѣ родительскомъ; потомъ былъ въ Благородномъ пансіонѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ, поступилъ въ лейбъ-гусарскій полкъ и находился въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ, гдѣ самая тѣсная дружба сблизила его съ Лермонтовымъ, впослѣдствіи авторомъ «Героя нашего времени». Какъ жаль, что не сохранилась шутливая переписка, которую вели они между собою въ это время! Кто видѣлъ ее, тѣ почитаютъ забавныя письма двухъ молодыхъ друзей однимъ изъ остроумнѣйшихъ произведеній въ своемъ родѣ, и этому не трудно повѣрить, зная, что способны были они создать оригинальнаго въ литературѣ. При выпускѣ въ офицеры, Вонлярлярскій поступилъ въ гвардейскій конно-піонерный эскадронъ, гдѣ былъ однимъ изъ первыхъ основателей библіотеки, устроенной при эскадронѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ вышелъ въ отставку и женился по любви, на красавицѣ, дочери статскаго совѣтника Фридербурга; къ несчастію, она скончалась, не проживъ съ нимъ и года. Василій Александровичъ самъ былъ истинный красавецъ: высокій, стройный, онъ особенно отличался пріятнымъ и умнымъ выраженіемъ лица; прекрасные голубые глаза его блистали умомъ и показывали твердый, рѣшительный характеръ. Вообще, природа щедро надѣлила его самыми необыкновенными своими дарами, и къ этому присоединялась у него почти чудесная сила воли. Какъ многіе поэты, онъ часто бывалъ безпеченъ, иногда лѣнивъ; но взявшись за какой нибудь предметъ, онъ овладѣвалъ имъ и быстро доходилъ до замѣчательной степени совершенства. Не учившись съ малолѣтства музыкѣ, онъ вдругъ пристрастился къ ней и наконецъ очаровательно игралъ на фортепіано и фантазировалъ. Нѣсколько музыкальныхъ сочиненій его показываютъ сильное дарованіе въ этомъ искусствѣ. Онъ мастерски владѣлъ карандашемъ, и въ портретахъ, писанныхъ имъ, иногда на память, особенно поразительно сходство съ изображенными имъ лицами. Но не одни портреты лицъ: каждый предметъ, изображенный имъ, казался живымъ, истиннымъ во всѣхъ подробностяхъ. Кромѣ рисованья и живописи онъ занимался скульптурой и вылѣпливалъ прелестныя статуэтки. Всему этому предавался онъ съ увлеченіемъ и во всемъ успѣвалъ съ удивительною легкостью. Кажется, дѣятельность его не могла ни на чемъ остановиться. Поэзіею началъ онъ заниматься послѣ всего, безъ всякихъ приготовленій, и посвящалъ ей только немногіе часы своего вдохновенія. Посреди разсѣяній общественной, жизни, иногда въ ночь, проводивъ друзей, съ которыми провелъ длинный вечеръ, онъ вдругъ садился къ столику, и писалъ до другого дня. Въ

быстротѣ сочиненія можно сравнить съ нимъ развѣ Александра Дюма. Такъ въ два вечера написалъ онъ двѣ драматическія пьесы («Преферансъ съ табельками» и «Графъ Дерби»); устроивъ домашній театръ, самъ написалъ декораціи для обѣихъ своихъ піесъ, и самъ игралъ въ нихъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Нѣкоторыя изъ повѣстей его были написаны въ часы одной ночи. Но онъ и не подозрѣвалъ въ себѣ авторскаго дарованія, а писалъ потому, что чувствовалъ потребность выражать себя, и оставлялъ написанное только для себя и для небольшого круга своихъ близкихъ. Надобно прибавить, что авторская дѣятельность развилась въ немъ вдругъ, неожиданно для него самого. До 1851 года онъ ничего не издавалъ въ свѣтъ. Почти всѣ напечатанныя нынѣ сочиненія его написаны имъ въ три послѣдніе года его жизни. До тѣхъ поръ онъ писалъ только небольшія стихотворенія на разные случаи, но само содержаніе ихъ показываетъ, что они назначались не для печати, не принадлежатъ къ литературнымъ его произведеніямъ, и не могли войдти въ составъ сочиненій, издаваемыхъ для публики. Не зная лицъ, къ которымъ они относятся, ни подробностей, на которыя они намекаютъ, нельзя даже оцѣнить ихъ, хотя и тутъ, даже при версификаціи неправильной, виденъ мастеръ владѣть языкомъ. Вотъ, напримѣръ, начало шутливаго стихотворенія, называемаго «Онъ и Я».

Нашъ домъ стоитъ на косогорѣ;
Живутъ въ немъ двое: Онъ и Я.
Какъ безпримѣрные друзья,
Мы дѣлимъ радости и горе:
Фальшиво аріи поемъ,
Гуляемъ подъ вечеръ вдвоемъ,
Вдвоемъ обѣдаемъ, сидимъ,
Вдвоемъ на улицу глядимъ,
И еслибъ боги помогли,
Мы безъ тревожныхъ ощущеній
И безъ дальнѣйшихъ приключеній,
Лѣтъ двѣсти бы прожить могли.
Но кто же Онъ и кто же Я?
И чѣмъ могла судьба моя
Съ его такъ сблизиться судьбою?
Быть можетъ, схожи мы собою?
Быть можетъ, нравомъ схожи мы?
Иль наши важные умы
Мечту единую лелѣютъ?

Далѣе авторъ описываетъ оригинальнаго своего собесѣдника, страстнаго охотника удить рыбу, который

Напрасно въ омутахъ Днѣпра
Искалъ сребристаго бобра
Иль обольстительной Наяды,

и довольствовался тѣмъ, что на удочку его попадались окуни.

Для образчика стихотвореній случайныхъ, такъ сказать домашнихъ, писанныхъ не для публики, можно еще привести нѣсколько стиховъ изъ другой шутки, названной авторомъ «Кузина»:

Мой дядя былъ извѣстенъ тѣмъ,
Что въ годъ нашествія французовъ,
Въ его селѣ, со штабомъ всѣмъ,
Пилъ чай Свѣтлѣйшій Князь Кутузовъ.
Объ этой чести дядя мой
Любилъ бесѣдовать со мной.

Разсказъ дяди былъ давно знакомъ слушателю, и хотя разсказчикъ повторялъ его постоянно,

Но рѣдкій вечеръ проходилъ,
Чтобъ онъ въ порывѣ вдохновенья,
Въ Свѣтлѣйшемъ Князя посѣщеньѣ
Чего нибудь не измѣнилъ.

Описавъ нѣсколькими чертами добраго дядю, авторъ гораздо подробнѣе говоритъ о милой кузинѣ, и въ заключеніе спрашиваетъ: кто не сталъ бы слушать всегда одного и того же повѣствованія,

Когда наградою для васъ
Былъ томный взглядъ прелестныхъ глазъ?

Кромѣ того, что подобныя стихотворенія не занимательны для читателей, не знающихъ внутренняго значенія ихъ подробностей, они не могли быть напечатаны и потому, что авторъ писалъ ихъ даже не подозрѣвая, есть-ли какія нибудь правила стихосложенія? Для него не существовали ни размѣръ стиховъ, ни стопы, ни различіе риемъ, отчего почти всѣ его стихотворенія, какъ случайныя, шутливыя, такъ и подъ вліяніемъ другихъ вдохновеній писанныя, неправильны внѣшнею формою. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видны юношескіе порывы, разочарованіе, напоминающее байронизмъ; но почти

въ каждомъ виденъ и зародышъ дарованія, которое такъ быстро развилось въ разсказахъ и повѣстяхъ того же автора, писанныхъ прозою. Проза и сдѣлалась формою, въ которой должно было выразиться дарованіе его. Невѣрная внѣшняя форма или недостаточная отдѣлка подробностей въ стихотвореніи, отымаютъ у него половину достоинства. Потому-то стихотвореній Вонлярлярскаго, впрочемъ весьма немногочисленныхъ и не для публики писанныхъ, нельзя было включить въ его сочиненія, хотя и въ стихахъ у него вездѣ проглядываетъ художническое чувство. Въ оправданіе этихъ словъ можно представить здѣсь два-три его стихотворенія, непогрѣшительныя и по формѣ.

Витязь.

Конь мой, конь вороной,
Мчись ты вихремъ со мной,
Въ ту страну, гдѣ она,
Неутѣшна одна;
Гдѣ всю ночь, на пролетъ,
Ясныхъ глазъ не сомкнетъ
Съ того самаго дня,
Какъ умчалъ ты меня,
Конь мой, конь вороной,
Луговой стороной,
По кремнистымъ скаламъ,
По крутымъ берегамъ,
На размолвку съ Литвой,
На добычу и бой!
Поработалъ съ тобой
Я, мой конь боевой!
Не дочтутъ у враговъ
Сотни съ лихвой головъ;
Не дочтется злодѣй
Полновѣсныхъ рублей!..
Мы ударимъ челомъ
Жемчугомъ, серебромъ,
И богатой казной,
И парчой золотой!
И заблещутъ огнемъ
Предъ святымъ алтаремъ
Два алмазныхъ вѣнца,
Два червонныхъ кольца!
Брачный пиръ возгласимъ,
И гостей пригласимъ!
Кубокъ съ пѣннымъ виномъ
Тестю мы поднесемъ,
И ни капли одной
Не проронитъ родной!..
Мчись же, конь вороной,
Въ путь обратный со мной,
Въ ту страну, гдѣ она,
Неутѣшна, одна,
Слезы горькія льетъ,
Друга милаго ждетъ.

Мчится вихремъ конь могучій
Съ торопливымъ ѣздокомъ;
Свѣтитъ мѣсяцъ изъ-за тучи
Въ небѣ темно-голубомъ.
Вотъ и теремъ одинокій
Будто выросъ на холмѣ,
И рисуется во тмѣ
Частоколъ его высокій.
Конь примчался. Витязь сходитъ,
Робко къ терему подходитъ.
Тихо все; въ глубокій сонъ
Теремъ мрачный погруженъ;
Лишь подъ кровлею рѣзною
Свѣтъ блестящей полосою
Отразился въ сторонѣ
На бревенчатой стѣнѣ.
Свѣтъ знакомый! свѣтъ привѣтный!
Помнитъ витязь часъ завѣтный,
Часъ разлуки роковой!..
У лампады золотой
Дѣва юная стояла,
И колѣна преклоняла,
И молилася о немъ
Предъ трепещущимъ огнемъ!..
Витязь, робкою стопою,
Къ свѣту яркому спѣшитъ
И дрожащею рукою
Ставень двинулъ и глядитъ:
Передъ нимъ съ улыбкой нѣжной,
Мать заснувшее дитя
Кормитъ грудью бѣлоснѣжной,
Дланью бѣлою крестя.

Конь мой, конь вороной!
Мчись ты вихремъ со мной
Въ ту святую страну,
Гдѣ лишь правду одну
Люди набожно чтутъ,
Гдѣ грѣхомъ не живутъ...

Но, мой конь боевой,
Ты поникъ головой?
Знать не вѣдаешь странъ
Гдѣ бы не жилъ обманъ?
Такъ умри же со мной
Ты, мой конь вороной!

Надъ кипучимъ Днѣпромъ,
Надъ широкой рѣкой,
На утесѣ крутомъ
Виденъ дубъ вѣковой;
И молва говоритъ,
Что подъ дубомъ зарытъ
Витязь съ вѣрнымъ конемъ
И мѣшокъ съ серебромъ,
И что, будто, кругомъ
Ѣздитъ витязь съ мечемъ
На конѣ ворономъ.

Свиристелки.

Въ ароматной травѣ
Свиристелочки двѣ
Играли,
По высокимъ кустамъ,
Къ голубымъ небесамъ
Летали,
И на ранней порѣ,
При румяной зорѣ,
Пѣвали,
И весну тамъ однѣ
Беззаботно онѣ
Провожали.

Но весна пролетитъ,
Громкій громъ прогремитъ,
И надвинутся на небѣ тучи,
И цвѣтокъ отцвѣтетъ,
И траву загребетъ
Поселянинъ безжалостный въ кучи.

Улетайте жъ скорѣй
Отъ поблекшихъ полей,
Отъ безсолнечныхъ дней,
Отъ сѣтей и людей!

Улетайте въ страну,
Гдѣ лишь весну одну
Птички вѣчно поютъ,
Розы вѣчно цвѣтутъ!
Тамъ коварнымъ рѣчамъ
Не внимать,
Тамъ по длиннымъ ночамъ не вздыхать!

Оба эти стихотворенія такъ хороши, что подъ ними можно было бы подписать имена лучшихъ нашихъ стихотворцевъ. Въ послѣднемъ особенно замѣчательна музыкальность, необходимая въ лирическомъ стихотвореніи, и нѣжность, истинно антологическая. Это показываетъ, что если бы Вонлярлярскій пріобрѣлъ больше опытности въ стихотворствѣ, онъ сталъ бы и въ этой формѣ сочиненій на ту же степень, какую занимаетъ какъ поэтъ въ формѣ эпической. Но онъ писалъ стихи только въ немногія мгновенія, мимоходомъ, особливо въ шутку. Такъ, между другими шуточными стихотвореніями, находимъ у него шаржъ, если можно примѣнить этотъ терминъ другаго искусства къ стихотворной шуткѣ, названной

Носъ.

Ода.

Воспѣть тебя, о носъ чудесный,
Въ полночный часъ дерзаю я!
И синь ты, носъ, какъ сводъ небесный,
И алъ, какъ алая заря!
Что значатъ всѣ носы вселенной
Передъ тобой, о чудный носъ!
О дивный носъ! о незабвенный!
Чукотскій носъ ты переросъ!
Красуйся-жь, носъ, красой и силой,
На зло посредственнымъ носамъ!
Окончивъ дни, повѣрь, мой милый,
Ты вознесешься къ облакамъ,
И память о тебѣ въ семъ мірѣ,
И славу громкую твою,
На недостойной слабой лирѣ,
Я вдохновенно воспою!

Но не стихотвореніями долженъ былъ онъ выразить всю силу своего дарованія.

Первыя сочиненія его, появившіяся въ печати, были: «Поѣздка на марсельскомъ пароходѣ» и «Охота на львовъ въ Миланѣ», напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» на 1851-й годъ. Тамъ-же, почти одно за другимъ, явились: «Ночь

на 28-е сентября» и «Силуэтъ». Они обратили на себя общее вниманіе, и журналисты наперерывъ старались помѣщать въ своихъ изданіяхъ произведенія Вонлярлярскаго, который казался неисточимымъ въ поэтическихъ своихъ созданіяхъ. Но между тѣмъ, какъ умъ, чувство, иногда истинная веселость и всегда живое изображеніе свѣта и людей показывали свѣжія душевныя силы поэта, тѣло его давно уже страдало. Въ 1849 году онъ былъ жестоко боленъ, и для возстановленія здоровья ѣздилъ въ южную Францію, жилъ въ Неаполѣ, переѣзжалъ и въ Алжиръ, о которомъ остается нѣсколько воспоминаній въ его сочиненіяхъ; но организмъ больного не могъ возстановиться. Въ 1852 году, живя въ Москвѣ, онъ слегъ въ постель, и почти не могъ выходить изъ комнаты. Чрезвычайное раздраженіе нервовъ мучило его больше всего: онъ не могъ заниматься почти ничѣмъ, и только въ бесѣдѣ съ близкими сердцу находилъ успокоеніе. Свѣтлый, блестящій умъ его господствовалъ надъ недугами тѣла, и разговоръ, разсказы, шутки его были такъ-же увлекательны какъ и всегда. Но никакія попеченія родныхъ, горячо любившихъ его, не могли возстановить угасавшей жизни поэта. Въ концѣ 1852 года болѣзнь его усилилась, и онъ скончался 30-го декабря.

Смерть В. А. Вонлярлярскаго отозвалась выраженіемъ искренней грусти во всѣхъ современныхъ литературныхъ нашихъ журналахъ. Публика, еще не вполнѣ ознакомленная съ удивительнымъ дарованіемъ его, не могла вдругъ оцѣнить потери своей, но вскорѣ увидѣла, чего лишилась въ немъ, когда перестали являться въ журналахъ поэтическія его произведенія. Читая сочиненія его вмѣстѣ собранныя, она еще лучше увидитъ, какое мѣсто занялъ въ литературѣ нашей поэтъ, метеоромъ блеснувшій на горизонтѣ русской словесности.

Прахъ Василія Александровича Вонлярлярскаго былъ перевезенъ въ родовое помѣстье его фамиліи, и покоится въ селеніи «Рай» въ Смоленскомъ уѣздѣ. Въ родномъ краю Василій Александровичъ пользовался общимъ уваженіемъ и самою искреннею любовью. Эти чувствованія выразились въ современной статьѣ, напечатанной въ «Смоленскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ», гдѣ сочинитель, подписавшійся буквами П. Ш., сказавъ, что 8-го января 1853 года провезли черезъ Смоленскъ тѣло Вонлярлярскаго, и упомянувъ о литературныхъ его достоинствахъ, говоритъ въ заключеніе своего воспоминанія объ умершемъ: «И вотъ ископана новая могила, и цвѣтшій надеждами литераторъ полагается въ нее при безотрадномъ сокрушеніи родныхъ, при скорби чужихъ, почитавшихъ его талантъ и благородную дѣятельность. Грустно и тяжело было смотрѣть на траурную процессію, въ которой везли тѣло покойнаго черезъ Смоленскъ, въ его родовое село, гдѣ колыбель назначалась ему могилой. Не одинъ изъ свидѣтелей этого печальнаго обряда вздохнулъ глубоко, вспомнивъ надежды, которыя питалъ онъ при чтеніи твореній того, чье бездыханное тѣло тихо, печально провожается въ послѣднее могильное жилище».

Такое благородное выраженіе скорби особенно трогательно, какъ отголосокъ чувствованій земляковъ и вообще знавшихъ покойнаго поэта, который былъ вмѣстѣ и украшеніемъ образованнаго общества. Литераторы говорили о немъ осторожно, сообразно принятымъ ими мнѣніямъ въ литературѣ; журналисты восхваляли повѣсти Вонлярлярскаго, напечатанныя въ ихъ изданіяхъ, такъ что въ одномъ журналѣ хвалили именно то, что въ другомъ называли слабымъ; но всѣ единодушно жалѣли о ранoвременной кончинѣ писателя, котораго дарованіе могло развиться еще гораздо больше, и вѣрнымъ залогомъ такой надежды было именно то, что успѣлъ онъ написать. Въ немъ были соединены всѣ качества писателя необыкновеннаго: сильное воображеніе, оригинальность, легкость въ созданіи, глубокое знаніе своего отечества, знаніе людей и сердца человѣческаго. Здѣсь невольно приходятъ на память стихи другого поэта, также рано похищеннаго смертью:

Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!...

Да!... Всѣ друзья словесности русской долго будутъ оплакивать рановременную утрату такого дарованія, какимъ ознаменовалъ свое литературное поприще авторъ «Большой Барыни». Можно означать его какъ писателя, называя это едва ли не лучшее изъ его сочиненій, хотя всѣ они запечатлѣны однимъ и тѣмъ же дарованіемъ. Отличительныя, рельефныя ихъ стороны, и самый родъ изящнаго, выражаемый ими, будутъ понятнѣе, когда вспомнимъ о произведеніяхъ писателей, предшествовавшихъ В. А. Вонлярлярскому въ области русскаго романа.

205. Всякie очерки современной жизни. Сочиненie Бобринскаго. Изданie А. С. Суворина. С.-Петербургъ. 1866 года. — Въ 8 д. л.

Это довольно любопытная книга содержитъ въ себѣ очерки и разсказы изъ современной жизни русскаго общества.

Книга по выходѣ въ свѣтъ была изъята изъ обращенiя, какъ противная нравственности.

См. каталогъ изданiямъ на русскомъ языкѣ, составленный Главнымъ Управленiемъ по дѣламъ печати, по 1-е января 1894 года, за № 127.

206. Вчерашнiй день или нѣкоторыя размышленiя о жалованьѣ и пенсiяхъ. Сочиненie члена Спб. Общества любителей словесности, наукъ и художествъ Александра Измайлова. Спб. въ Медицинской типографiи, 1807 г.—Въ 16 д. л., 32 стр.

Эта брошюра составляетъ въ настоящее время замѣчательную библiографическую рѣдкость. Авторъ ея Александръ Ефимовичъ Измайловъ родился въ 1779 г. и, окончивъ курсъ въ Горномъ училищѣ въ 1797 г., началъ службу въ экспедицiи о государственныхъ доходахъ; по учрежденiи же департамента государственнаго казначейства въ 1821 году онъ поступилъ въ него начальникомъ отдѣленiя. Въ 1826 г. былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Тверь, а въ 1828 г.—въ Архангельскъ.—Уволенъ отъ службы въ 1830 г. Умеръ въ 1831 г. въ С.-Петербургѣ.

207. Въ память въѣзда въ Санктпетербургъ Ея Свѣтлости Принцессы Александры Саксенъ-Альтенбургской, высоконарѣченной невѣсты Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича 16 сентября 1847 г.— Спб. въ типографiи Кроля, 1848 года.— Въ 4 д. л., 12 стр., съ литографированнымъ портретомъ Принцессы, съ изображенiемъ герба Дома Саксенъ-Альтенбургскаго и двумя картинами, изображающими: Прощанie Альтенбургскихъ крестьянъ при отъѣздѣ Принцессы въ Россiю и торжественный въѣздъ въ Петербургъ.

208. Въ память о девятомъ iюня 1867 года, барону Модесту Андреевичу Корфу, въ день пятидесятилѣтiя его службы, 9 iюня 1867 года. С.-Петербургъ, въ типографiи Императорской Академiи Наукъ.— Въ 4 д. л., 221 стр.

На оборотѣ заглавнаго листа сказано: «Съ разрѣшенiя г. министра внутреннихъ дѣлъ напечатано въ числѣ двухъ экземпляровъ».—Одинъ изъ этихъ экземпляровъ находится у барона Модеста Андреевича Корфа, а другой — въ Императорской Публичной Библiотекѣ, какъ сообщаетъ о томъ Геннади въ своихъ «Книжныхъ Рѣдкостяхъ», подъ № 214.

Книга начинается поздравленiями отъ состоящихъ на службѣ въ Императорской Публичной Библiотекѣ, впрочемъ безъ подписей ихъ, на слѣдующихъ языкахъ: китайскомъ, тибетскомъ, монгольскомъ, калмыцкомъ, финскомъ, эстскомъ (эстонскомъ), еврейскомъ, сирiйскомъ, эѳiопскомъ, зендскомъ, санскритскомъ, афганскомъ, армянскомъ, грузинскомъ, греческомъ, латинскомъ, италiанскомъ, испанскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, голландскомъ, шведскомъ, датскомъ, англiйскомъ, литовскомъ, латышскомъ, польскомъ и церковно-славянскомъ (глаголическими буквами).

Послѣ описаннаго поздравленiя слѣдуютъ нижеперечисляемыя статьи, а именно: «Воспоминанie стараго библiотекаря»; «Воспоминанie помощника директора» (гдѣ говорится о первомъ опытѣ русской стенографiи, о книгѣ: «Графодромiя или искусство скорописанiя», сочиненie г. Астве, передѣланное и примѣненное къ русскому языку барономъ Модестомъ Корфомъ. Спб. 1820 года). «Воспоминанie гостя библiотекаря».

Въ концѣ книги помѣщенъ на разныхъ языкахъ акростихъ, изъ заглавныхъ буквъ котораго выходитъ имя и фамилiя юбиляра «Modestus Korff».

Означенное изданie составляетъ величайшую библiографическую рѣдкость.

См. «Описанie рѣдкихъ книгъ» А. Бурцева, за № 97.

209. Въ поискахъ женской любви. 100 разсказовъ Гюи-де-Мопасана, Э. Золя, П. Бурже и многихъ другихъ.

Довольно любопытная книжка, содержащая въ

себѣ 100 разсказовъ извѣстныхъ французскихъ писателей: Гюи-де-Мопасана, Эмиля Золя, П. Бурже и многихъ другихъ.

Книжка по выходѣ въ свѣтъ была изъята изъ обращенія, какъ противная нравственности.

См. каталогъ изданіямъ на русскомъ языкѣ составленный Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати—по 1-е января 1894 г., № 203.—Купленъ мною экземпляръ за 10 рублей.

210. Въ чемъ моя вѣра? Сочиненіе графа Льва Толстаго. (Безъ означенія мѣста литографіи).—Въ 8 д. л., 272 стр.

Авторъ этой книжки къ откровеннымъ истинамъ приложилъ нѣчто порядочное и отъ своего вымысла.

Кромѣ сего у меня въ библіотекѣ имѣются еще слѣдующія сочиненія того же автора: 1) Исповѣдь. 2) Церковь и Государство. 3) Изложеніе Евангелія. 4) Деньги. 5) Трудъ мужчинъ и женщинъ. 6) Послѣдованіе къ Крейцеровой Сонатѣ; 7) Крейцерова Соната.

Мельниковъ Павелъ Ивановичъ.
Выдающійся беллетристъ-этнографъ, извѣстный подъ псевдонимомъ «Андрей Печерскій». Съ фотографіи Везенберга.

211. Въ лѣсахъ. Разсказано Андреемъ Печерскимъ. 4 части. Москва, въ университетской типографіи, 1875 года.—Въ 8 д. л. часть 1-я 400, ч. II—382, ч. III—363 и ч. IV—374 стр.

212. На горахъ. Разсказано Андреемъ Печерскимъ (продолженіе разсказовъ „Въ лѣсахъ“). 4 части.

Разсказы Павла Ивановича Мельникова принадлежатъ къ самымъ увлекательнымъ книгамъ русской литературы. Онъ открываетъ совершенно новый удивительно-колоритный міръ, полный жизни и движенія. Полудикіе люди заволжскихъ лѣсовъ, въ художественномъ изображеніи Печерскаго, возбуждаютъ не только холодное любопытство, но и самое живое участіе. Сильнѣйшая сторона «Въ лѣсахъ»—въ прелести самого разсказа. Самая обыкновенная вещь—обѣдъ, прогулка, пареніе въ банѣ—превращается у Печерскаго въ увлекательную эпопею. (См. «Энциклопедическій Словарь» Ефрона, т. XIX, стр. 618.

213. Въ пользу и забаву малолѣтнимъ дѣтямъ описаніе къ вновь изданнымъ картамъ, сочиненнымъ К. А. П. Шелеховымъ.—Въ типографіи Г. М. Коллегіи, 1799 года.—Въ 6 д. л. 23 стр.

Въ началѣ этой весьма рѣдкой книжки слѣдуетъ краткое «Предъувѣдомленіе», въ которомъ авторъ говоритъ, что—«къ изобрѣтенію картъ, на которыхъ вмѣсто знаковъ, употребляемыхъ на обыкновенныхъ игровыхъ, означены всего Россійскаго Государства города, побудительною причиною было то, чтобъ чрезъ забавное препровожденіе времени могли дѣти, играючи оными, затвердить какъ города и рѣки, такъ и краткое топографическое описаніе Россійскаго Государства. Малолѣтнія дѣти обыкновенно, ежели увидятъ, что родители ихъ, или другіе взрослые люди, при нихъ въ чемъ нибудь занимаются, а наче въ забавахъ, то весьма охотятся къ таковому-жъ подражанію. А какъ въ общежитіи многіе въ свободное время забавляются карточною игрою, что видя дѣти въ перебираніи картъ находятъ свою забаву, то вмѣсто игровыхъ картъ, можно съ пользою для нихъ употребить сіи карты, и при употребленіи сихъ новыхъ картъ дѣтей, можно занять ихъ разсматриваніемъ городовъ, изображенныхъ на сихъ картахъ, сказывая имъ при томъ имена оныхъ, при какихъ они рѣкахъ и въ какихъ губерніяхъ находятся: такъ же разстояніе ихъ отъ Москвы, Санктпетербурга и губернскихъ городовъ, къ которымъ оные принадлежатъ; при томъ показывать имъ гербы каждой губерніи, прочитывая, которая губернія съ какими другими губерніями или мѣстами граничитъ и въ какой губерніи какія имѣются произведенія мануфактуры и проч., что въ тѣхъ картахъ сокращенно объяснено.

Отъ сей полезной забавы дѣти въ юныхъ своихъ лѣтахъ, почерпнувъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ землеописаніи, могутъ по возрастѣ своемъ въ изученіи пространнаго землеописанія Россійскаго Государства получать сугубую пользу и облегченіе».

Это рѣдкое изданіе куплено мною за 5 рублей.

214. Въ потемкахъ. Романъ Михаила Юрьева Складъ изданія: въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени".—Въ 8 д. л. 160 стр. (Безъ означенія года печати).

Книга весьма рѣдкая и теперь почти не находимая въ продажѣ, такъ какъ всѣ экземпляры этого изданія, въ самый же годъ выхода въ свѣтъ, велѣно было уничтожить; почему въ настоящее время книга считается принадлежащею къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

215. Выписка изъ журнала особаго отдѣла ученаго комитета Министерства народнаго просвѣщенія. 4 декабря 1879 г. № 387. О преподаваніи закона Божія въ народныхъ школахъ. С.-Петербургъ, типографія А. С. Суворина. 1880 года.—Въ 8 д. л. 143 стр.

Въ засѣданіяхъ особаго отдѣла ученаго комитета Министерства народнаго просвѣщенія слушался докладъ члена Лѣскова о преподаваніи закона Божія въ начальныхъ школахъ, о чемъ, въ данной выпискѣ, собственно и говорится.

Книжка была напечатана, по распоряженію г. Министра народнаго просвѣщенія, въ количествѣ 200 экземпляровъ.

Купленъ мною экземпляръ за 6 рублей.

216. Выборный Мировой Судъ. Сборникъ статей. С.-Петербургъ, типографія А. Проховщикова, 1898 года.—Въ 4 д. л., 104 стр.

Эта книга издана въ концѣ 1898 года, въ 4 д. л., 104 стр. и содержитъ въ себѣ слѣдующія весьма любопытныя статьи: 1) Мировой судъ по судебнымъ уставамъ Императора Александра II, Бруна. 2) Къ 30-ти лѣтію мироваго суда, историческія справки Джаншіева. 3) Мировые Судьи и ихъ преемники. Обнинскаго. 4) Замѣчанія СПБ. столичнаго мироваго съѣзда по вопросу о выборности мировыхъ судей. 5) Къ вопросу объ образовательномъ цензѣ и продолжительной службы мировыхъ судей. Н. Окунева. 6) Дѣятельность мировыхъ судебныхъ установленій (изъ отчета Министерства юстиціи, «Правит. Вѣстн.» 1889 г. № 186.)

217. Высочайшія отмѣтки съ 1881 по 1890 г. во всеподданнѣйшихъ отчетахъ по Сибири и Степному краю и свѣдѣнія о мѣстностяхъ, лежащихъ по маршруту путешествія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго князя Николая Александровича изъ г. Владивостока въ г. Уральскъ. С.-Петербургъ. 1891 года.—Въ 12 д. л., 167 стр.

Эта чрезвычайно рѣдкая и въ высшей степени любопытная брошюра, имѣющая историческое значеніе, напечатана была въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ для раздачи по особому назначенію.

Купленъ мною экземпляръ за 15 рублей.

218. Выписка наставленій и приказаній, данныхъ гг. сенаторами при осмотрѣ Вятской губерніи въ мартѣ 1800 года.—8 д. л., 81 стр., безъ означенія года и мѣста печати.

Эта брошюрка издана была въ 1800 году сенаторомъ и извѣстнымъ массономъ И. В. Лопухинымъ. См. «Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Лопухина». Москва, 1860 года №№ 75, 78 Архивъ истор. и прак. свѣдѣній Калачева, кн. V, стр. 37, 44; означенная брошюрка очень рѣдкая.

219. Высочайше утвержденный церемоніалъ бракосочетанія Его Императорскаго Величества съ Ея Императорскимъ Высочествомъ благовѣрною Государынею Великою Княгинею Александрою Θеодоровною. С.-Петербургъ, типографія Тренке и Фюсно. (Безъ означенія года печати).—Въ 4 д. л., 8 стр.

Въ концѣ высочайше утвержденнаго церемоніала слѣдуетъ подпись Министра Императорскаго двора графа Воронцова-Дашкова.

Изданіе въ продажу не поступало.

220. **Вышесловъ. Трагедія Александра Сумарокова. Санктпетербургъ, 1767 года (безъ означенія мѣста печати).—Въ 8 д. л., 60 стр.**

Трагедія Александра Сумарокова «Вышесловъ» въ первый разъ была представлена въ 1768 году на Императорскомъ театрѣ въ С.-Петербургѣ и была удостоена всеобщаго одобренія публики.

221. **Вѣдомости о состояніи города Москвы. 1830—1831 гг. съ № 1—№ 106.**

Объявленія, вѣдомости и бюлетени, издававшіеся въ Москвѣ во время свирѣпствовавшей холеры отъ правительства о числѣ заболѣвшихъ, умершихъ, выздоровѣвшихъ и о другихъ происшествіяхъ съ 23 сентября 1830 года по 6 января 1831 года.— См. у Остроглазова «Книжныя рѣдкости» за № 37, гдѣ говорится: —«эта, такъ называемая холерная газета, или холерные листы, выходившіе на листахъ, на полулистахъ, а иногда на четвертушкахъ сѣрой бумаги, издавались подъ редакціей профессора московскаго университета М. П. Погодина. Всего вышло 106 нумеровъ. На экземплярѣ, находящемся въ библіотекѣ Черткова, собственноручно написано А. Д. Чертковымъ слѣдующее: — «Единственное, можетъ быть, собраніе всѣхъ объявленій о состояніи города Москвы въ несчастную эпоху, уцѣлѣвшее въ библіотекѣ Платона Бекетова».

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры въ полномъ видѣ составляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Мною купленъ полный съ всѣми приложеніями экземпляръ и притомъ въ хорошемъ видѣ за 17 рублей.

См. «Русскія книжныя рѣдкости или библіографическій списокъ русскихъ рѣдкихъ книгъ» г. Геннади за № 151, гдѣ сказано, что эти листы, безъ сомнѣнія, сохранились въ весьма немногихъ библіотекахъ. — У Остроглазова въ «Книжныхъ рѣдкостяхъ» за № 37. — У Смирдина — за № 12028. — У Черткова — 1845 г. № 220. — Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1884 г. № 200— статья доктора В. М. Остроглазова. — «Жизнь и труды Погодина» соч. Н. Барсукова, кн. 3, стр. 204—208.—У Бартенева—12742.

Въ виду объясненнаго выше, книга эта составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость, почему для большинства любителей она является почти недоступной. Между тѣмъ, въ историческомъ отношеніи, она весьма интересна, и я считаю не лишнимъ привести здѣсь изъ нея выписку №№ 1 и 2, сохранивъ полностію ороографію подлинника.

ВѢДОМОСТЬ

о состояніи города Москвы.

—

№ 1-й.

1830 года, сентября 23-го дня, вторникъ.

Для сообщенія обывателямъ вѣрныхъ свѣдѣній о состояніи города, столько необходимыхъ въ настоящее время, и для пресѣченія ложныхъ и неосновательныхъ слуховъ, кои производятъ безвременный страхъ и уныніе, Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ Князь Д. В. Голицынъ предписалъ издавать при временномъ Медицинскомъ Совѣтѣ особливую вѣдомость ежедневно, или чрезъ день, смотря по тому, какъ потребуетъ нужда.

Въ сей вѣдомости имѣютъ быть помѣщаемы:

Оффиціальныя извѣстія о приключающихся внезапныхъ болѣзняхъ и смертяхъ, кои нынѣ простымъ народомъ приписываются Холерѣ, всѣ безъ исключенія.

Извѣстія о дѣйствіяхъ Холеры въ прочихъ мѣстахъ.

Разныя наставленія о томъ, какія должно жителямъ принимать предосторожности въ настоящее время касательно жилищъ, одежды, пищи, питія и проч.

Извѣстія о мѣрахъ, принимаемыхъ Правительствомъ для отвращенія заразы отъ мѣстъ благополучныхъ, и для уничтоженія оной въ мѣстахъ, сю постигнутыхъ.

Въ самое благополучное время въ Москвѣ, имѣющей до 300.000 жителей обоего пола, умираетъ ежемѣсячно отъ 700 до 1.300, то есть круглымъ числомъ по 900, или ежедневно по 30 человѣкъ.

Здѣсь предлагается вѣдомость о смертныхъ случаяхъ за нѣсколько мѣсяцевъ въ прошедшемъ и нынѣшнемъ годахъ.

Въ 1829 году; въ январѣ мѣсяцѣ	умерло		829 чел.
» февралѣ	»	»	668 »
» мартѣ	»	»	900 »

Въ 1829 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ	умерло		1.035	чел.
» іюлѣ	»	»	1.304	»
» августѣ	»	»	1.040	»
» сентябрѣ	»	»	693	»
» ноябрѣ	»	»	697	»
» декабрѣ	»	»	923	»
Въ 1830 году въ январѣ	»	»	919	»
» февралѣ	»	»	839	»

Нынѣ, несмотря на лишнюю опасность, по странному стеченію обстоятельствъ, въ послѣдніе шесть дней умирало круглымъ счетомъ только по 15 человѣкъ; изъ этой пропорціи слѣдуетъ вывести необходимое заключеніе, что Москва рѣдко бывала такъ здорова, какъ нынѣ; будущее въ руцѣ Божіей.

Во всѣхъ публичныхъ заведеніяхъ и городскихъ больницахъ умерло больныхъ:

	хроническими болѣзнями:	острыми:	на собственныхъ квартирахъ:		
16 числа	4	4	8	итого	16
17 »	6	4	5	»	15
18 »	5	4	9	»	18
19 »	3	4	3	»	10
20 »	4	1	9	»	14
21 »	5	2	3	»	10

Изъ числа умершихъ съ признаками холеры болѣе или менѣе сомнительными, оказалось въ продолженіи шести дней семь человѣкъ, изъ коихъ нѣкоторымъ болѣзнь приключилась вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія пищи и особенно сырыхъ плодовъ и крѣпкихъ напитковъ.

Редакторъ Адъюнктъ *Погодинъ*.

Секретарь временнаго Медицинскаго Совѣта
Докторъ *Маркусъ*.

ВѢДОМОСТЬ

о состояніи города Москвы.

№ 2.

1830 года, сентября 24-го дня, середа.

Прошедшаго 22-го сентября во всѣхъ казенныхъ заведеніяхъ и городскихъ больницахъ умерло больныхъ хроническими болѣзнями 3, острыми 2; на своихъ квартирахъ хроническими и наружными 8, острыми 3, итого 16.

На станціи Солнечной горѣ занемогло въ послѣднее время между рабочими солдатами 30 человѣкъ.—По полученіи о семъ извѣстіи въ Медицинскомъ Совѣтѣ 22 ч. докторъ А. А. Рихтеръ, движимый усердіемъ на пользу общую, вызвался ихъ освидѣтельствовать. Донесеніе его помѣщается здѣсь въ подлинникѣ: «По приказанію, Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора отправился я вчера въ 5 часовъ по полудни на станцію Солнечную гору для узнанія, какою именно болѣзнію одержимы 30 человѣкъ рабочихъ при каналѣ, коихъ внезапное заболѣніе возбудило опасенія Совѣта. Прибывъ на мѣсто, я обратился къ начальствующему надъ рабочими, Г. Майору Загоскину, который и увѣдомилъ меня, что за нѣсколько дней тому назадъ дѣйствительно занемогло въ одной артели до 30 человѣкъ; почему онъ Г. Загоскинъ, усомнясь въ свойствѣ болѣзни, почелъ за нужное немедленно увѣдомить о томъ Г. Подполковника Бугайскаго и потребовать Клинскаго уѣзднаго лѣкаря. Сей послѣдній, прибывъ въ Солнечную гору и обозрѣвъ больныхъ, подалъ нужныя пособія, вслѣдъ за чѣмъ на другой день 15 человѣкъ изъ упомянутыхъ 30 возвратились къ своимъ работамъ; а остальные одержимы маловажными лихорадками съ желудочными припадками, сообразно съ настоящимъ временемъ года».

Изъ нѣкоторыхъ губерній извѣстія получаются благопріятныя.

Пензенскій Гражданскій Губернаторъ въ отношеніи своемъ къ Московскому Военному Генералъ-Губернатору отъ 16 сентября пишетъ: «Въ продолженіи недѣли къ 42 больнымъ и 12 человѣкамъ выздоравливавшимъ съ 10 по 15 число сентября прибыло больныхъ 11 человѣкъ: изъ всѣхъ сихъ 65 человѣкъ выздоровѣло 16, умерло 24, осталось больныхъ 25 человѣкъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ хотя также сія болѣзнь появляется на весьма маломъ числѣ людей, но, по пріемлемымъ тотчасъ мѣрамъ, невидно по сіе время распространенія оной».

Профессоръ Императорскаго Московскаго Университета Эвеніусъ доноситъ изъ *Саратова* Его Сіятельству, Г. Попечителю, Князю С. М. Голицыну, что въ Пензѣ, во время его остановки тамъ 11 сентября, больныхъ было 22, изъ коихъ 17 выздоравливали.

Профессоръ Мудровъ отъ 15 сентября доно-

ситъ также изъ Пензы, что болѣзнь въ семъ городѣ совершенно ослабѣла и умираетъ отъ нея по 1 или по 2 человѣка въ день.

Отъ многихъ помѣщиковъ изъ Пензенской губерніи получены въ Москвѣ частными лицами письма, очень много успокоивающія на счетъ того края.

Выписка изъ отношенія Тамбовскаго Гражданскаго Губернатора, отъ 11 сентября: «Болѣзнь сія оказалась въ смежныхъ съ Саратовскою губерніею здѣшнихъ уѣздахъ Борисоглѣбскомъ и Кирсановскомъ, изъ коихъ въ первомъ, въ селѣ Графа Воронцова Большихъ Алабухахъ, умерло 9 и больныхъ находится 7 человѣкъ, а въ послѣднемъ, въ селѣ Караѣ Пущинѣ, умеръ одинъ человѣкъ».

Выписка изъ донесенія докторовъ Кильдюшевскаго и Забіякина, отъ 12 сентября: «Въ Саратовъ мы прибыли сентября 9 дня, гдѣ нашли сію болѣзнь значительно уменьшенною, такъ что въ сутки умирало не болѣе 2 и 3 человѣкъ, между тѣмъ какъ около среднихъ чиселъ августа простиралось число умершихъ до 150, 200 и даже, по словамъ другихъ, до 300 человѣкъ.

Профессоръ Эвеніусъ отъ 13-го сентября подтверждаетъ то же извѣстіе.

—

Медицинская Вѣдомость изъ Нижняго-Новгорода, отъ сентября 16-го числа, за подписью Инспектора Бруннера.

Съ 31-го августа по 10 сентября прибыло во временной больницѣ 172 чел. мужеск. и 40 чел. женскаго пола; съ 10-го по 16 сентября 129 мужеск. и 37 женск. пола. Изъ сего числа выздоровѣли съ 31-го августа по 10 сентября 9 мужеск. и 4 женск.—Съ 10-го по 16 сентября 38 мужеск. и 10 женск.—Умерло съ 31-го августа по 10 сентября 38 мужеск. и 24 женск.; съ 10-го по 16 сентября 71 мужеск. и 27 женск. пола.

Редакторъ Адъюнктъ Погодинъ.

Секретарь Временнаго Медицинскаго Совѣта Докторъ Маркусъ.

222. Вѣкъ Болгарскаго Царя Симеона. Сочиненіе С. Н. Палаузова, представленное въ историко-филологическій факультетъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета для полученія степени магистра славянской словесности. С.-Петербургъ, въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1852 года.—8 д. л., 166 стр.

Означенное сочиненіе Палаузова, вѣкъ Болгарскаго Царя Симеона, знакомитъ и съ политическимъ состояніемъ сосѣднихъ государствъ Болгаріи, которое было причиной особеннаго возвышенія Болгаріи въ началѣ X вѣка. Означенное изданіе оттиснуто на полученіе степени магистра славянской словесности и какъ кажется въ продажу не поступило; означенное сочиненіе очень рѣдкое.

Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей въ роскошномъ переплетѣ.

223. Вѣнчанная надежда Россійскія имперіи въ высокій праздникъ коронованія всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія, великія Государыни Елизаветы Петровны, Императрицы и Самодержицы всероссійскія, при публичномъ собраніи Санктпетербургской императорской Академіи Наукъ всерадостно и всеподданнѣйше въ Санктпетербургѣ апрѣля 29 дня 1742 г. стихами представленная отъ Готлоба Фридриха Вильгельма Юнкера, Ея Императорскаго Величества надворнаго каммергера, совѣтника, интенданта соляныхъ дѣлъ и члена Академіи Наукъ. Съ нѣмецкихъ россійскими стихами перевелъ Михайло Ломоносовъ, Академіи Наукъ Адъюнктъ. Печатано въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ 1742 года.—Въ листъ, 10 ненум. страницъ.

Въ этомъ рѣдкомъ изданіи помѣщены двѣ виньетки въ текстѣ, въ началѣ и концѣ оды, грав. И. Соколовымъ.

224. Вѣсти или убитый—живой. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе графа Ѳ. В. Ростопчина. Москва. 1807 года.

Вотъ что говоритъ объ этой комедіи Николай Сушковъ.

Комедія, которая, въ свое время, надѣлала столько шуму, и нынче составляетъ уже рѣдкость библіографическую—такъ трудно достать ее. Отъ гостинаго двора до кабинета литератора, отъ прихожей и дѣвичьей до гостиной Дворянскаго Собранія, только и толковъ было въ Москвѣ, что объ

ней. И въ партерѣ и за кулисами и въ повременныхъ изданіяхъ, любители театра, актеры, писатели долго судили—рядили о достоинствѣ комедіи «Вѣсти» или «убитый—живой».

Почтенная старушка Москва, какъ и большею частію старушки, искони славится незлобивою говорливостію, любопытствомъ и довѣрчивостію, которую, пожалуй, иные назовутъ и легковѣріемъ. Это въ порядкѣ вещей и въ природѣ человѣческой. Тутъ нѣтъ ничего худаго. Почему не потѣшить иногда старушку невинными сплетнями, забавными разсказами, какъ потѣшаютъ старушки—бабушки, въ свой чередъ, пѣсенками и сказочками малютокъ—внучатъ. Но подъ часъ легкомысліе распускаетъ въ народѣ и слухи вредные, тревожные. Такъ было и въ то время, когда графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ задумалъ свою Комедію. Въ 1807 г., во вторую борьбу Россіи съ Наполеономъ, которую можно назвать манёврами передъ отечественною войною, увѣнчанной, подъ заревомъ Москвы, умиреніемъ измученной Европы и торжественнымъ вшествіемъ Русскихъ войскъ въ кичливый Парижъ, учрежденіе милиціи, война за границей, борьба на Руси мнѣній, вѣрованій, убѣжденій чисто-русскихъ людей съ заблужденіями невѣжествомъ, упрямствомъ людей полу-русскихъ, по воспитанію; все это давало столько поводовъ и пищи изобрѣтателямъ и разглашателямъ всякихъ нелѣпыхъ новостей. Между тѣмъ пристрастіе значительной части дворянскаго сословія къ французскому языку, въ упадокъ языка роднаго, подражаніе самымъ безсмысленнымъ модамъ чужихъ земель, раболѣпство гувернерамъ и гувернанткамъ—мусьямъ и мадамамъ волновали не одно благородное чисто-русское сердце досадой и грустью. Печальная година слѣпоты и безумія въ толпахъ воспитанниковъ и воспитанницъ чужеземныхъ выходцевъ-педагоговъ въ Россію—за золотомъ! (о Калифорніи еще тогда не знали). Въ эту годину, слава Богу! миновавшую (авось навсегда?) гр. Ростопчинъ посмѣялся въ своей комедіи надъ вѣстовщиками и сплетницами, надъ уродливыми нарядами щеголихъ-модницъ, надъ французами и нѣмцами, какъ и въ своемъ Путешествіи по Пруссіи, помѣщенномъ въ «Москвитянинѣ» 1849 года; какъ и въ давней статейкѣ: Охъ, французы! какъ, наконецъ, въ рѣдкой теперь, тетрадкѣ: Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ, напечатанной въ 1807 г. въ типографіи Платона Петровича Бекетова, издателя Душеньки—поэмы Богдановича и друга Ивану Ивановичу Дмитріеву. Эти мысли могли бы служить предисловіемъ къ предлагаемой читателямъ комедіи. Какъ въ первомъ, такъ особенно во второмъ сочиненіи, гр. Ростопчинъ, проникая замыслы Наполеона, какъ бы предсказывалъ грядущее Москвы: мысли и чувства Силы Андреевича Богатырева повторились въ достопамятныхъ афишахъ графа, который обнаружилъ въ комикѣ и сатирикѣ дипломата, государственнаго мужа, героя отечественной войны, по самоотверженію и пламенной къ отечеству любви.

Каждая строка такого человѣка, какъ графъ Ростопчинъ, драгоцѣнна для потомства, которое—повторю слова И. М. Снегирева—безъ сомнѣнія, оцѣнитъ безпристрастно его дѣла и дастъ ему почетное мѣсто въ Исторіи. («Русская Старина», 8 тетрадь).

Сверхъ названныхъ сочиненій, графъ Ростопчинъ написалъ: 1) Плугъ и Соха. Это произведеніе вызвано, можно погалать, Англоманами, какъ называли въ 1814—1820 годахъ Агрономовъ, нововводителей, надъ которыми однакожъ теперь ужъ не смѣются; опыты и наука оправдали ихъ въ основной мысли: улучшить земледѣліе и вообще домоводство въ Россіи, съ разумнымъ примѣненіемъ иностранныхъ теорій къ нашему климату и быту.

2) Mes memoires ou Moi au naturel. Такъ князь Иванъ Михаиловичъ Долгорукій написалъ, вмѣсто предисловія къ своимъ сочиненіямъ, презабавные стихи о самомъ себѣ: Я... Я графа Ростопчина написано въ 10 минутъ, какъ сказано въ рукописи, переведенной на 7 или 8 иностранныхъ языковъ.

3) О пожарѣ Москвы. Не скажу ничего объ этой загадочной по мысли и въ Парижѣ напечатанной тетрадкѣ. Пусть любопытные обратятся къ приведенной уже мною статьѣ И. М. Снегирева, въ 8-й тетради «Русской Старины». Въ ней многое сказано и о пожарѣ Москвы, и лично о графѣ, и о его статейкѣ.

Вотъ все, что покуда извѣстно изъ сочиненій графа Ростопчина. Его афиши—принадлежатъ уже современной лѣтописи. Часть этихъ бесѣдъ и разговоровъ Градоначальника съ народомъ помѣщена въ первыхъ годахъ «Москвитянина»; а полнѣйшее

12*

собраніе присовокуплено къ «Очеркамъ жизни Московскаго Архіепископа Августина» соч. И. М. Снегирева.

Говорятъ, что патріотъ, зажегшій свои палаты въ Вороновѣ, чтобъ не доставались врагу, велъ записки о событіяхъ 1812 г.

Возвращаюсь къ комедіи: «Вѣсти или убитый—живой». Въ первый разъ она была представлена въ Москвѣ на Арбатскомъ театрѣ въ 1808 г. Тогда же она и напечатана. Въ ней играли извѣстнѣйшіе артисты: Сила Сандуновъ, въ роли поэта, и А. И. Лисицина, въ роли Маремьяны Бобровны Набатовой—развощицы вѣстей. Піеса вообще шла стройно и была повторена нѣсколько дней кряду. Лисицина игрою своей до того удовлетворила авторской взыскательности сочинителя, что онъ, на другой день послѣ перваго представленія своей комедіи, прислалъ ей, въ знакъ признательности, сумму, равнявшуюся годовому окладу ея жалованья, надписавъ:

Ея Совершенству

Маремьянѣ Бобровнѣ

Набатовой.

Заслуженная артистка живетъ въ Москвѣ и сама разсказываетъ объ этомъ, при воспоминаніяхъ о быломъ на сценѣ и за кулисами.

225. Вѣтка. Собраніе пѣсенъ, писанныхъ Иваномъ Ваненко.

Вѣтка моя, бѣдная
Ты куда плывешь?...
(Извѣстный романсъ).

2 части. Москва, въ типографіи В. Готье. 1853 года.—Въ 16 д. л. Часть 1-я—40 стр. Часть 2-я—48 стр.

Въ этой рѣдкой книжкѣ помѣщено въ первой части 18 пѣсенъ, въ 2-й—23 пѣсни, которыя большею частью принадлежатъ къ народному быту.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 2 рубля.

226. Вятская Незабудка. Памятная книжка Вятской губерніи на 1878 годъ. С.-Петербургъ. 1878 года.—Въ 12 д. л. XXIV+390 стр.

Это крайне рѣдкое изданіе чрезвычайно любопытно по разнообразію заключающагося въ немъ матеріала о вятскомъ краѣ. Считаю не лишнимъ сообщить тѣ не лишенные интереса отзывы и мнѣнія объ этомъ рѣдкомъ сборникѣ. Изданіе это (Вятская Незабудка) составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость и книга для большинства любителей почти недоступна, между тѣмъ по содержанію своему она весьма интересна, вслѣдствіе чего я нахожу здѣсь умѣстнымъ привести изъ нея выписку предисловія отъ издателей.

Предисловіе къ 1-му изданію „Вятской Незабудки“.

Теперь все болѣе и болѣе укрѣпляется въ сознаніи провинціальной интеллигенціи необходимость дѣйствовать дома.

А. С. Гацискій.

Нельзя сказать, чтобъ изъ Вятской губерніи совсѣмъ уже не писали въ газеты: кой-когда и кой-гдѣ появляются неоффиціальныя извѣстія и изъ нашего отдаленнаго края. Но ихъ, вопервыхъ, бываетъ черезъ чуръ мало сравнительно съ тѣмъ матеріаломъ, какимъ здѣсь могли-бы располагать дѣятельные корреспонденты, а, вовторыхъ, они крайне случайны: вздумается кому нибудь побаловаться корреспонденціей—мы читаемъ въ «Голосѣ», «Биржевыхъ» или «Русскомъ Обозрѣніи» 50—60 строкъ изъ Вятки или Сарапула; не вздумается—и мы скромно пробавляемся частной перепиской и разнообразными слухами... До какой степени случайны газетныя извѣстія изъ нашихъ уѣздовъ, всего лучше показываютъ Котельничъ и Малмыжъ, откуда за цѣлый годъ не появлялось ни одной корреспонденціи. Такимъ же точнымъ образомъ изъ Глазова и Уржума за весь прошлый годъ было сдѣлано въ «Новомъ Времени» и въ «Недѣлѣ» по одному коротенькому сообщенію, изъ перваго—въ 18 строкъ, изъ втораго—въ 10.

Ясно, что мы живемъ еще въ томъ положеніи, которое на юридическомъ языкѣ называется неимѣніемъ письменнаго вида; положеніе едва-ли желательное и «удобное». Изданіемъ своего сборника мы желали хоть сколько нибудь помочь этому горю.

На страницахъ его собраны всѣ появлявшіяся въ разныхъ изданіяхъ за послѣдніе 1½ года корреспонденціи изъ нашей губерніи.

Если бы даже «Вятская Незабудка» имѣла въ виду одно только сведеніе итоговъ, то и тогда она была бы не безполезна для мѣстныхъ жителей. Въ самомъ дѣлѣ, средній мѣстный читатель обыкновенно довольствуется однимъ какимъ нибудь періодическимъ изданіемъ и знакомится только съ тѣми извѣстіями изъ своей губерніи, которыя появляются въ его газетѣ. Значитъ большинство корреспонденцій, касающихся различныхъ сторонъ жизни нашего края, какъ будто бы «танцуетъ минуэтъ, никого не задѣваетъ»: я знаю объ одномъ, вы—о другомъ, онъ — о третьемъ, и почти никто не имѣетъ надлежащаго представленія о цѣломъ, хотя, быть можетъ, многіе этого и желали бы. По крайней мѣрѣ, къ намъ обращались съ такими просьбами изъ разныхъ уѣздовъ и самая мысль о періодическомъ изданіи «Вятской Незабудки» у насъ родилась именно вслѣдствіе этихъ просьбъ.

Но кромѣ сведенія итоговъ, мы имѣли въ виду еще и другую цѣль, а именно — дать хотя какой нибудь внѣшній толчекъ корреспондентческой дѣятельности въ губерніи. Одна изъ главныхъ причинъ ея слабаго развитія въ нашемъ краѣ заключается, безъ сомнѣнія, въ отсутствіи какихъ либо мѣстныхъ неоффиціальныхъ органовъ и, вслѣдствіе того, необходимости ѣздить, напримѣръ, изъ Слободскаго въ Вятку черезъ Петербургъ. Неудивительно, если на этомъ длинномъ пути много нигдѣ не застрахованнаго багажа утрачивается и пропадаетъ совершенно безслѣдно для тѣхъ, кому онъ былъ адресованъ «съ доставкой на домъ». Столичныя газеты, заваленныя письмами изъ провинцій и преслѣдующія свои собственные разсчеты, выбираютъ изъ полученныхъ ими извѣстій только то, что можетъ быть интересно для большинства ихъ читателей; все же частное, мѣстное отсѣвается и въ огонь вметается, между тѣмъ въ провинціи мѣстное-то и было-бы всего умѣстнѣе. Такимъ образомъ изъ 4-хъ посылаемыхъ корреспонденцій помѣщается лишь одна, да и та частенько урѣзывается, а иногда такъ обработывается, что напоминаетъ собой протоколы совѣщаній щедринскаго Молчалина съ редакторомъ «Чего изволите?» Какъ дѣйствуютъ на корреспондентовъ такія обрѣзанія и перепашки—понять не трудно. Сначала человѣкъ работаетъ ретиво, не щадя, что называется, своего живота—запасается источниками, отовсюду собираетъ матеріалы, провѣряетъ ихъ прекрестными допросами различныхъ лицъ, входя для этого съ ними въ дѣятельную переписку, сообщаетъ въ газету объ одномъ, объ другомъ, объ третьемъ. Но вотъ проходитъ три—четыре недѣли, онъ получаетъ № и читаетъ въ немъ: «намъ пишутъ, что такое-то земское собраніе постановило открыть въ уѣздѣ воскресныя школы и ходатайствовать предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о томъ-то и томъ-то». Черезъ недѣли двѣ опять: «намъ сообщаютъ, что въ мѣстной городской управѣ открыта значительная растрата денегъ» и затѣмъ безконечное переливаніе изъ пустаго въ порожнее, по части яко-бы политики, начиная съ того, сколько съѣли, выпили «венгерскіе софты» въ Константинополѣ и кончая катаньемъ на ослахъ дѣтей Салисбюри съ поясненіями, что Митхадъ сказалъ при этомъ — «Э»!.., а Эллiотъ—«О»!—Посмотритъ, посмотритъ ретивый корреспондентъ на такія «намъ пишутъ» и «намъ сообщаютъ», да и махнетъ, наконецъ, рукой: пусть, молъ, вамъ сообщаютъ и пишутъ тѣ, у кого есть охота къ «отмѣткамъ» и лишнія марки, а я ужъ лучше подожду, когда Гацискій выиграетъ 200 тысячъ и примется за изданіе своего провинціальнаго органа. Безъ шутокъ, мы знаемъ одну даровитую госпожу, которая побившись такимъ образомъ мѣсяцевъ шесть съ различными «намъ пишутъ» и «намъ сообщаютъ», предпочла корреспондированію тяжелый физическій трудъ съ 30 копѣечнымъ дневнымъ заработкомъ.

Въ такомъ именно положеніи находится газетное корреспондированіе изъ провинціи вообще, въ томъ же самомъ оно обрѣтается и у насъ, въ Вяткѣ. Конечно, требовать, чтобы столичныя газеты наполняли свои столбцы мѣстными извѣстіями, было бы не совсѣмъ основательно, хотя многимъ изъ нихъ можно пожелать большаго вниманія къ отдѣлу «внутреннихъ извѣстій», но и ждать въ настоящее время основанія большихъ провинціальныхъ органовъ, по мысли Гацискаго, также почти напрасно: не даромъ самъ авторъ ея обусловилъ возможность осуществленія своего проекта лотерейной случайностью. По нашему мнѣнію, лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что ежегодникъ

въ родѣ «Вятской Незабудки», куда могли-бы попадать не только всѣ напечатанныя за годъ въ различныхъ изданiяхъ статьи и корреспонденцiи изъ данной губернiи, но также не попавшiя въ печать по чисто мѣстному своему характеру, а при случаѣ даже и спецiально написанныя для ежегодника, безспорно должны приносить свою долю пользы, и способствовать глухимъ уѣздамъ къ прiобрѣтенiю себѣ надлежащихъ письменныхъ видовъ. Такiе сборники, съ теченiемъ времени, сами собой превратились-бы въ кадры будущихъ провинцiальныхъ газетъ.

Ошибаемся мы на этотъ счетъ или нѣтъ — судить, конечно, не намъ, но задумывая свое изданiе, мы были одушевлены желанiемъ, чтобъ оно не оставалось уединеннымъ, и нашло себѣ болѣе счастливыхъ подражателей въ другихъ губернiяхъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ частной инициативѣ. Исполненiе этого желанiя было бы самой высокой наградой за нашу слабую попытку хоть сколько нибудь облегчить для средняго читателя знакомство съ изнанкой окружающаго его мѣстнаго мiра.

Затѣмъ два слова относительно составныхъ частей сборника. Мысль объ его изданiи явилась у насъ всего только 2 мѣсяца тому назадъ. Для того, чтобъ книжка вышла своевременно, т. е. никакъ не позже Святой, пришлось летѣть на всѣхъ парусахъ. Пересмотръ газетъ былъ произведенъ второпяхъ, многихъ номеровъ нельзя было достать совсѣмъ. Дешевое провинцiальное печатанiе понадобилось, противъ воли, замѣнить дорогимъ петербургскимъ, такъ какъ губернскiе цензора держатъ подлинники по 2 по 3 мѣсяца. Типографiя, взявшись выполнить заказъ въ короткiй срокъ, не давала издателю ни отдыха, ни срока, и т. д., и т. д. Очень можетъ быть, что при такихъ неблагопрiятныхъ условiяхъ, кой-какiя корреспонденцiи и ускользнули отъ нашихъ рекогносцировокъ. Поэтому мы заранѣе просимъ извиненiя у читателей, если они найдутъ въ нашей книжкѣ какiе нибудь недосмотры, пробѣлы или упущенiя. Трудно было уберечься отъ нихъ въ нашемъ положенiи.

Мы были бы очень благодарны вятскимъ уѣзднымъ корреспондентамъ, если бы они время отъ времени писали намъ и тѣмъ дали бы намъ возможность сдѣлать болѣе разнообразный подборъ статей для будущаго тома «Незабудки», который мы думаемъ выпустить къ Святой 1878 года, а можетъ быть и ранѣе. Въ послѣднемъ случаѣ мы постараемся приложить къ сборнику небольшой мѣстный календарь.

Издатель.

Вмѣсто предисловiя ко 2-му изданiю.

(Письмо изъ одного уѣзда).

На дняхъ появилась у насъ въ городѣ «Вятская Незабудка»—сборникъ корреспонденцiй и легкихъ статей о Вятскомъ краѣ. Считаю не безъинтереснымъ сообщить тѣ отзывы и мнѣнiя объ этой книжкѣ, которые мнѣ удалось слышать отъ нѣсколькихъ лицъ, принадлежащихъ къ нашему обществу.

Не стану излагать содержанiя книжки: оно очень разнообразно и совершенно случайно. Въ «Незабудкѣ» собраны корреспонденцiи изъ разныхъ уѣздовъ Вятской губернiи, помѣщавшiяся за послѣднiе $1^1/_2$ года въ столичныхъ газетахъ; есть также нѣсколько корреспонденцiй самостоятельныхъ. Издатели ея, одушевленные горячимъ убѣжденiемъ въ необходимости мѣстной печати, нашли, что при отсутствiи пока болѣе солидныхъ работъ, при трудности и почти невозможности основать мѣстную газету, и такая работа будетъ небезполезна, пробуждая, съ одной стороны, интересъ къ явленiямъ мѣстной общественной жизни, а съ другой, вызывая къ работѣ дремлющiя литературныя силы края. «По нашему мнѣнiю, говорятъ издатели — лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ». Почему то издатели торопились выходомъ книжки къ Святой и въ 2 мѣсяца приготовили все изданiе. Нельзя не пожалѣть о такой торопливости, потому что она, кажется, обусловила многiе недостатки изданiя. Не говоря о внѣшнихъ недостаткахъ книжки въ типографскомъ отношенiи, многiе факты, указанные въ ней, изложены неполно, недостаточно обслѣдованы; есть, говорятъ, и совсѣмъ невѣрные факты. Двѣ—три статейки набросаны уже совсѣмъ торопливо. Очень разнообразно отнеслись наши читатели къ этому небывалому еще литературному явленiю. Лица, затронутыя въ ней съ непрiятной стороны или сознающiя легкую возможность быть затронутыми впослѣдствiи, встрѣтили книжку не только съ неодобренiемъ и порицанiемъ, но отнес-

лись къ ней крайне злобно. Я самъ слышалъ, какъ одинъ изъ представителей полиціи, упрекая издателей въ томъ, что книжка будто бы сплошь наполнена площадною бранью, самъ безцеремонно бранилъ ее, на чемъ свѣтъ стоитъ, и, конечно, далеко превзошелъ въ этомъ вятскихъ литераторовъ. Онъ говорилъ, что это пишетъ шайка подлецовъ и мерзавцевъ, которая теперь уже извѣстна, что только совершенно безчестные мошенники могутъ писать статьи. Этотъ отзывъ былъ высказанъ не обыкновеннымъ человѣческимъ голосомъ, а какимъ то дрожащимъ злобнымъ шипѣніемъ. Глаза говорившаго отъ гнѣва, кажется, готовы были выпрыгнуть изъ своихъ орбитъ. Книга очевидно, произвела потрясающее впечатлѣніе.

Совсѣмъ другаго характера отзывы слышались изъ среды просвѣщенныхъ молодыхъ чиновниковъ, педагоговъ, врачей и вообще людей мыслящихъ. Относясь къ книжкѣ съ идеальной стороны, они находили, что она не заслуживаетъ большаго вниманія, потому что, съ одной стороны, не даетъ никакихъ обобщеній, а съ другой—и фактическимъ содержаніемъ небогата. «Ну, какіе выводы—говорятъ они—можно сдѣлать изъ сообщенія, что такое то земское собраніе постановило то-то, къ извѣстному вопросу отнеслось такъ-то, или что поучительнаго въ томъ, что въ Сарапулѣ состоялся «необыкновенный консиліумъ»—отдѣльные случаи не болѣе, изъ которыхъ нельзя вывести никакихъ ни обобщеній, ни заключеній, кромѣ порицанія личностей». Далѣе они порицаютъ книжку въ слишкомъ личномъ отношеніи къ фактамъ, въ томъ, что многіе факты подобраны съ цѣлью обличенія: «Ну какой смыслъ въ замѣчаніи, что такой то нынѣшній мировой судья десятки лѣтъ служилъ въ губернскомъ правленіи?»

Есть у насъ еще разрядъ читателей, имѣющій о «Вятской Незабудкѣ» свое особое мнѣніе. Это—скромные, незамѣтные наши работники: учителя, крестьяне, служащіе по выборамъ, читающіе купцы, прикащики, мелкіе чиновники. «Слава Богу, говорятъ они, стали появляться такія книги: авось иной прыткій человѣкъ и остережется».

Нельзя не умомянуть, наконецъ о тѣхъ читателяхъ, которые скептически улыбаются по поводу «Незабудки»—и ничего пока не говорятъ. Формулировать ихъ мнѣніе поэтому довольно трудно Вѣроятно, они думаютъ про себя: погодите, молъ, господа, не торопитесь, дескать—rira bien qui rira le dernier (тотъ смѣется всѣхъ лучше, кто смѣется послѣдній).

Мы считаемъ совершенно невозможнымъ разбирать тотъ образъ отношенія къ «Незабудкѣ», характернымъ образчикомъ котораго можетъ служить приведенный выше отзывъ о ней полицейскаго чиновника. Это какой-то безсознательно рефлективный лай, который, конечно, не можетъ быть причисленъ къ категоріи явленій интеллектуальныхъ. Будемъ надѣяться, читатель, что этотъ лай пройдетъ безвредно. Пройдетъ нѣсколько времени — и эти люди, оскорбленные въ своей халатной неприглядности, поуспокоятся, одумаются и, можетъ быть, сдѣлаются лучше; можетъ быть, они поймутъ, наконецъ, что ихъ маленькій кодексъ практически-житейской мудрости не годится для ихъ дѣятельности какъ членовъ общества, что требованія общественнаго развитія стоятъ выше ихъ утлаго міросозерцанія. Можетъ быть, они поймутъ это—и ихъ языкъ прилипнетъ къ гортани.

Но за то вторая серія мнѣній вызываетъ на серьезныя размышленія. Но не лучше-ли сначала коротенько очертить нравственную физіономію представителей этой группы. Въ нынѣшней провинціи (даже у насъ въ губерніи относительно неинтеллигентной) есть не мало людей, о которыхъ можно сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что они люди мыслящіе. Они прочитываютъ все, что является лучшаго въ литературѣ—оригинальной и переводной, не пропускаютъ ни одной книжки солидныхъ журналовъ. Въ минуты возбужденья они потолкуютъ съ вами, и даже очень дѣльно—и о политикѣ, и о статьяхъ Михайловскаго, и о «Дневникѣ» Достоевскаго, и о всякомъ выдающемся явленіи политической русской жизни; имъ не чужда область соціологіи и отвлеченной морали. Нельзя сказать, чтобы можно было найти въ провинціи людей съ цѣльнымъ теоретическимъ міровоззрѣніемъ, но кой-какія убѣжденія все-таки имѣются, убѣжденія, опредѣленныя на столько, по крайней мѣрѣ, чтобъ не утонуть съ головою въ однообразномъ фонѣ провинціальной дѣйствительности. Но вотъ фактъ, чрезвычайно важный по своей прискорбности. Всѣ эти убѣжденія, взгляды, вся эта работа мысли не имѣетъ никакого практическаго приложенія, остается внѣ того круга повседневной и практической жизни и дѣятельности, въ которомъ вращаются наши мы-

слящіе люди, они представляютъ собой, если можно такъ выразиться, праздную философію; исповѣдуетъ человѣкъ прекрасныя убѣжденія, толкуетъ подъчасъ объ общественномъ развитіи, рѣшаетъ въ головѣ всевозможные вопросы, а въ поступкахъ своихъ, въ своей нравственной жизни, остается тѣмъ же самымъ чиновникомъ, лѣкаремъ, прокуроромъ, техникомъ, спеціалистомъ, какимъ были и его предшественники, какими кишитъ наше провинціальное общество, съ той только разницей, что усвоилъ себѣ нѣкоторый внѣшній лоскъ. Все свободное отъ служебныхъ и вообще дѣловыхъ обязанностей время посвящается чтенію, клубу, ухаживаньямъ, картамъ, катаньямъ, гуляньямъ и пр. Такимъ образомъ, эта праздная философія не выражается ни въ какихъ поступкахъ, ни на волосъ не измѣняетъ образа жизни, не производитъ трепетнаго замиранія сердца, не настраиваетъ воли, не заставляетъ ни сильно радоваться, ни сильно негодовать. Лучшій изъ представителей нашей интеллигенціи гораздо болѣе волнуется, если прачка не такъ хорошо вычиститъ ему сорочки, какъ бы слѣдовало, или магазинщикъ слишкомъ настоятельно требуетъ уплаты по счету, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда подъ самымъ его носомъ совершаются безобразія общественнаго характера. Почти механически исполняетъ онъ свои обязанности, служитъ на столько усердно и честно, на сколько того требуютъ данныя условія среды, питаетъ разговорами свою праздную философію и затѣмъ остается совершенно глухъ и слѣпъ ко всему тому, что творится вокругъ него. На этой почвѣ устанавливаются самыя пріятныя отношенія, всѣ ходятъ усердно въ клубъ, всѣ оказываютъ другъ другу всевозможныя любезности, всячески справляютъ во всемъ—и чего же искать лучшаго? Если Иванъ Ивановичъ такой предупредительный хозяинъ, то чего больше; остается только уважать этихъ прекрасныхъ людей и отвѣчать имъ тѣмъ же. Какое кому дѣло до того, какъ онъ относится къ своимъ обязанностямъ: если онъ служитъ по опредѣленію, у него есть начальство, которое за нимъ присматриваетъ, если онъ человѣкъ выборный—его ревизуютъ, оцѣниваютъ его дѣятельность земское собраніе, городская дума, и намъ, его знакомымъ—нѣтъ никакого дѣла до всего этого...

Въ такую среду является «Незабудка», изданіе, сплошь наполненное фактами мѣстной жизни и, въ нѣкоторой своей части, имѣющее обличительныя цѣли. И вотъ первый упрекъ является въ скудости фактовъ, въ несистематичности ихъ, въ томъ, что изъ большинства статеекъ «Незабудки» нельзя сдѣлать никакихъ болѣе или менѣе широкихъ соціологическихъ выводовъ. И это совершенно понятно, потому что такъ сказывается непривычка къ трудно-теоретическому размышленію. Подобно тому, какъ въ своей спеціальной дѣятельности, въ больномъ человѣкѣ они видятъ только паціента, въ подсудимомъ — воплощеніе той или другой статьи уложенія—и каждый фактъ мѣстной общественной жизни—хорошій или дурной — представляетъ для этихъ мыслителей лишь отдѣльный анекдотъ, ничего неговорящій ни уму, ни сердцу. Они не привыкли смотрѣть на факты общественной жизни, какъ на матеріалъ жизни, какъ на нѣчто самостоятельное, достойное радости и уваженія, въ одномъ случаѣ, презрѣнія, горести и порицанія—въ другомъ; не привыкли судить своихъ гражданскихъ и общественныхъ дѣятелей, произносить надъ ними свою оцѣнку.

Источникъ симпатій и антипатій въ провинціальномъ обществѣ почти всегда лежитъ въ личныхъ качествахъ друзей и враговъ. Иногда самый бездѣятельный и пустой человѣкъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ и любовью за то только, что онъ добрякъ и хлѣбосолъ. Отдаютъ, напримѣръ, человѣка подъ судъ за расхищеніе казенной собственности. Всѣ знаютъ, что онъ ничего не дѣлалъ на службѣ, исполнялъ свои обязанности спустя рукава, что самъ онъ нажился и далъ нажиться другимъ, даже самъ онъ едва ли скрываетъ это отъ своихъ близкихъ—и тѣмъ не менѣе всѣ по поводу его несчастья проникаются состраданіемъ, выражаютъ ему теплое участіе. И когда, благодаря ловкому адвокату, дѣло выиграно — идутъ шумныя поздравленія, шампанское льется рѣкой. За то, подъ-часъ, вы хоть лобъ разбейте, трудясь на общую пользу—васъ никто не только не поддержитъ, но даже не увидитъ и не услышитъ, никто не скажетъ отъ сердца простаго спасибо. По неволѣ измѣняетъ труженникъ свою политику и предпочтетъ подслужиться сильному человѣку, для того чтобъ получить, по крайней мѣрѣ, хорошее матеріальное вознагражденіе за свою работу.

Читатель сильно ошибается, если подумаетъ, что это происходитъ отъ того, что въ провинціальномъ обществѣ мало общественнаго смысла, что люди

этого общества не привыкли жить общими интересами, отъ того, что всѣ ихъ треволненія исходятъ изъ домашнихъ личныхъ дрязгъ. И когда они видятъ, что «Незабудка» занята этими мелочами, что ея авторы, видимо, волнуются, набрасывая на бумагу скорбную повѣсть вятскихъ безобразій—это шокируетъ ихъ: имъ кажется, что они, питая въ себѣ свою праздную пустопорожнюю философію, стоятъ выше этихъ «мелочей« и «сплетенъ»; имъ, этимъ успокоившимся уравновѣшаннымъ натурамъ, кажется въ высшей степени несообразной эта горячность въ похвалахъ и порицаніяхъ и они спѣшатъ объяснить ихъ личными отношеніями корреспондентовъ къ объектамъ этихъ похвалъ и порицаній. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли придавать какую нибудь цѣну извѣстію, что земскій врачъ NN корыстолюбивъ, что и за рублевое вознагражденіе бѣдняку трудно добиться его визита? Вѣдь это отдѣльный случай—не больше. «Намъ» испытывать на себѣ что нибудь подобное не случалось:—добрый пріятель Станиславъ Ивановичъ готовъ къ нашимъ услугамъ по первому требованію. Другое дѣло, еслибъ намъ поднесли цѣлую тысячу такихъ примѣровъ и изъ нихъ можно было бы сдѣлать какое нибудь философское обобщеніе. Мы тогда анализировали бы явленіе по всѣмъ правиламъ научнаго метода и вывели бы какой нибудь соціальный законъ, напримѣръ, хоть тотъ, что, молъ, высшее медицинское образованіе не представляетъ ручательствъ въ нравственной порядочности человѣка; мы сдѣлали бы этотъ выводъ, расширили бы такимъ образомъ кругъ нашихъ пустопорожнихъ воззрѣній и похвалили бы автора. Намъ кажется, читатель, что разбить эту стѣну сытаго личнаго благополучія, подправленнаго безрезультатной пустопорожней философіей, и возбудить интересъ въ объятомъ богатырскимъ сномъ провинціальномъ обществѣ къ ближайшимъ общественнымъ явленіямъ можетъ только мѣстная печать. Собирая на своихъ страницахъ всѣ эти «мелкіе» факты, она не только приготовитъ матеріалъ для будущихъ широкихъ обобщеній, не только закрѣпитъ въ памяти общества «мелкія» событія—она возвыситъ провинціальное общество, укрощая произволъ и своекорыстіе, освѣщая путь и поддерживая нравственно безкорыстныхъ тружениковъ общественной жизни. Эту именно цѣль и имѣетъ въ виду «Вятская Незабудка».

NNN.

Г.

227. Галатея, журналъ литературы, новостей и модъ, издаваемый Раичемъ. Москва, въ типографіи Армянскаго Института господъ Лазаревыхъ, 1830 года.

Журналъ «Галатея» издавался въ Москвѣ еженедѣльно въ 1829—30 гг. С. Раичемъ (Амфитеатровымъ). Самъ издатель во вступительной статьѣ разсуждалъ такъ: «Галатея—бабочка, какъ дать ей направленіе?!».

Проза, большею частью переводная, и критика принадлежитъ издателю почти цѣликомъ; стихотворенія въ журналѣ давали Пушкинъ, кн. Вяземскій, Баратынскій, Тютчевъ, Шевыревъ и др. Въ 1829 г. вышло 46 №№. Причемъ № 1—вторымъ изданіемъ. Въ 1830 году, по случаю холеры, журналъ далъ всего 42 №№, и при каждомъ номерѣ слѣдовало по одной картинкѣ Парижскихъ модъ.

228. Галлерея видовъ города Пскова и его окрестностей, снятыхъ съ натуры. Псковская литографія. 1837—2838 гг.—Въ листъ.

Это очень рѣдкое изданіе состоитъ изъ восьми рисунковъ, отпечатанныхъ съ камня и съ объяснительнымъ текстомъ подъ каждымъ рисункомъ.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 12 рублей.

229. Галлерея гравированныхъ портретовъ генераловъ, и офицеровъ, которые споспѣшествовали успѣхамъ россійскаго оружія въ теченіи войны, начавшейся 1812 года. St.-Petersb. de l'imprim. de Pluchart et comp. 1813. (Послѣдніе портреты вышли въ 1816 г., какъ на нихъ подписано).—Въ 4 д. л., 320 дв. стр.; страницы не перемѣчены; всего 6 тетрадей, изъ нихъ 9 тетрадей съ 25 портретами, гравированными Вендрами, по русски и по французски.

Всего вышло, какъ сказано выше, 6 тетрадей, изъ коихъ 5—съ 25-ю портретами, грав. Венд-

рами, а 6-я тетрадь—имѣетъ 58 стр. текста и 5 портретовъ.

Каждая тетрадь продавалась по 75 рублей, а первые 20 оттисковъ—по 150 рублей.

См. у Черткова—№ 1244.

230. Галлерея графа Строгонова. Collection d'estampes d'apres quelques tableaux de la galerie de son exc. M-r le comte A. Stroganoff, gravee au trait par de jeunes artistes de l'Academie des beaux-arts à St. Petersbourg. Les explications sont tipees du catalogue raisonné, fait par le proprietaire lui — méme. Impr. Chez Drechsier a St. Petersbourg. 1807 года.— Въ листъ.

Въ этомъ чрезвычайно рѣдкомъ и замѣчательномъ изданіи помѣщены 83 гравюры, съ французскимъ текстомъ, на особыхъ листахъ, рѣзан. знаменитыми граверами того времени: С. Галактіоновымъ, А. Флоровымъ, В. Осиповымъ А. Кольманомъ, Е. Скотниковымъ и М. Ивановымъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этого изданія, составляютъ библіографическую рѣдкость.

231. Гамлетъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, для россійскаго театра, обработанная С. Висковатовымъ. С.-Петербургъ. Печатано въ типографіи вдовы Плюшаръ. 1929 г. — Въ 8 д. л., 56 стр. съ портретомъ Тальмы.

Трагедія эта была представлена въ 1-й разъ на С.-Петербургскомъ театрѣ Императорскими придворными артистами 28 ноября 1810 года, гг. Яковлевымъ, Бобровымъ, Пашковымъ, Глухаревымъ, и г-жами—Каратыгиной, Семеновой, Терпуговой и др.

Книжка посвящена Его Сіятельству князю В. В. Долгорукому.

Мой экземпляръ въ переплетѣ съ золотымъ оттискомъ съ надписью автора:—«Почтеннѣйшему Федору Григорьевичу Дудышкину.

Съ благодѣтельной душой,
Съ правдой въ сердцѣ, съ вѣрой въ Бога!
Ты и сира и убога
Примиряешь съ злой судьбой,
Дашь нагому: что можешь;
Другу въ нуждѣ ты поможешь;
Ты почтенъ—своей душой;
Ты богатъ—семьей родной...
Благородный, умный, честный—
Ты прими сей даръ нелестный.

Сочинитель.

Іюля 17 дня 1830 года Санктъ-Петербургъ.

Гоголь, Николай Васильевичъ.

Род. 1809—1852, одинъ изъ величайшихъ писателей русской литературы. Съ гравированнаго портрета Сѣрякова.

232. Ганцъ Кюхельгартенъ. Идиллія въ картинахъ. Сочиненіе В. Алова. Санктпетербургъ. Печатано въ типографіи вдовы Плюшаръ, 1829 года.—Въ 12 д. л., 4+71 стр.

Опытъ поэмы въ стихахъ, сочиненіе Н. Гоголя. Послѣ непріятной для него рецензіи въ «Московскомъ Телеграфѣ» (1829 г. № 12) и въ «Сѣверной Пчелѣ» (1829 г. № 87)—Гоголь сжегъ эту книжку и потому немногіе сохранившіеся экземпляры должны считаться величайшею рѣдкостью. Какъ извѣстно, послѣ смерти М. П. Погодина—«Ганцъ Кюхельгартенъ» былъ купленъ у одного изъ его наслѣдниковъ извѣстнымъ московскимъ библіографомъ Мазуринымъ, у котораго онъ былъ купленъ

также любителемъ книгъ—В. Я. Рошфоромъ за 75 рублей.

См. «Книжныя рѣдкости» Геннади № 150.— Остроглазовъ—№ 18.

Чтобы дать понятіе о сей библіографической рѣдкости, прилагаю содержаніе «Ганцъ Кюхельгартенъ» изъ слова въ слово къ читателю.

Ганцъ Кюхельгартенъ.

Идиллія въ картинахъ.

Картина I.

Свѣтаетъ. Вотъ проглянула деревня,
Дома, сады. Все видно, все свѣтло.
Вся въ золотѣ сіяетъ колокольня,
И блещетъ лучъ на старенькомъ заборѣ.
Плѣнительно оборотилось все
Внизъ головой, къ серебряной водѣ:
Заборъ и домъ, и садикъ въ ней такіе-жъ;
Все движется въ серебряной водѣ:
Синѣетъ сводъ, и волны облакъ ходятъ,
И лѣсъ живой — вотъ только не шумитъ.
На берегу, далеко вшедшемъ въ море,
Подъ тѣнью липъ, стоитъ уютный домикъ
Пастора. Въ немъ давно старикъ живетъ.
Ветшаетъ онъ, и старенькая кровля
Посунулась; труба вся почернѣла;
И лѣпится давно цвѣтистый мохъ
Ужъ по стѣнамъ; и окна искосились;
Но какъ-то мило въ немъ, и ни за что
Старикъ его бъ не отдалъ. Вотъ та липа,
Гдѣ отдыхать онъ любитъ, тожъ дряхлѣетъ;
За то вкругъ ней зеленые прилавки
Изъ дерну свѣжаго. Въ дуплистыхъ порахъ
Ея гнѣздятся птички, старый домъ
И садъ веселой пѣснью оглашая.
Пасторъ всю ночь не спалъ, да предъ разсвѣтомъ
Ужъ вышелъ спать на чистый воздухъ;
И дремлетъ онъ подъ липой въ старыхъ креслахъ,
И вѣтерокъ ему свѣжитъ лицо,
И бѣлые взвѣваетъ волоса.
Но кто прекрасная подходитъ,
Какъ утро свѣжее горитъ,
И на него глаза наводитъ,
Очаровательно стоитъ?
Взгляните же, какъ мило будитъ
Ея лилейная рука,
Его касаяся слегка,
И возвратиться въ міръ нашъ нудитъ
И вотъ въ-полглаза онъ глядитъ,
И вотъ съ-просонья говоритъ:
«О дивный, дивный посѣтитель!
Ты навѣстилъ мою обитель!
Зачѣмъ же тайная тоска
Всю душу мнѣ насквозь проходитъ,
И на сѣдого старика
Твой образъ дивный сдалека
Волненье странное наводитъ?
Ты посмотри: уже я хилъ,
Давно къ живущему остылъ,
Себя погребъ въ себѣ давно я.
Со дня я на день жду покоя.
О немъ и мыслить ужъ привыкъ,
О немъ и мелетъ мой языкъ.
Чего-жъ ты, гостья молодая,
Къ себѣ такъ пламенно влечешь?
Или жилища неба, рая,
Ты мнѣ надежду подаешь,
На небеса меня зовешь?
О, я готовъ, да не достоинъ!
Велики тяжкіе грѣхи:
И я былъ злой на свѣтѣ воинъ,
Меня робѣли пастухи,
Мнѣ лютыя дѣла не новость,
Но дьявола отрекся я,
И остальная жизнь моя —
Заплата малая моя
За прежней жизни злую повѣсть»...
Тоски, смятенія полна,
«Сказать» подумала она:
«Онъ Богъ знаетъ куда заѣдетъ....
Сказать ему, что онъ вѣдь бредитъ».
Но онъ въ забвенье погруженъ,
Его объемлетъ снова сонъ.
Склоняясь надъ нимъ, она чуть дышетъ...
Какъ почиваетъ! какъ онъ спитъ!
Вздохъ чуть замѣтный грудь колышетъ.
Незримымъ воздухомъ обвитъ,
Его архангелъ сторожитъ:
Улыбка райская сіяетъ,

Чело святое осѣняетъ.
Вотъ онъ открылъ свои глаза;
«Луиза, ты-ль? мнѣ снилось... странно...
Ты поднялась, шалунья, рано;
Еще не высохаа роса.
Сегодня, кажется, туманно».
«Нѣтъ, дѣдушка, свѣтло, сводъ чистъ;
Сквозь рощу солнце свѣтитъ ярко;
Не колыхнется свѣжій листъ,
И по утру уже все жарко.
Узнаете ль, зачѣмъ я къ вамъ?
У насъ сегодня будетъ праздникъ,
У насъ ужъ старый Лодельгамъ,
Скрипачъ, съ нимъ Фрицъ проказникъ;
Мы будемъ ѣздить по водамъ....
Когда бы Ганцъ....» Добросердечный
Пасторъ съ улыбкой хитрой ждетъ,
О чемъ разсказъ свой поведетъ
Младенецъ рѣзвый и безпечный.
«Вы, дѣдушка, вы можете помочь
Одни неслыханному горю:
Мой Ганцъ, страхъ боленъ: день и ночь
Все ходитъ къ сумрачному морю;
Все не по немъ, всему не радъ.
Самъ говоритъ съ собой, къ намъ скученъ;
Спросить—отвѣтитъ не впопадъ,
И весь ужасно, какъ измученъ.
Ему зазнаться ужъ съ тоской...
Да эдакъ онъ себя погубитъ.
При мысли я дрожу одной:
Быть можетъ недоволенъ мной;
Быть можетъ онъ меня не любитъ!
Мнѣ это—въ сердцѣ ножъ стальной.
Я васъ просить, мой ангелъ, смѣю...»
И кинулась къ нему на шею,
Стѣсненной грудью чуть дыша,
И вся зардѣлась, вся смѣшалась
Моя красавица—душа;
Слеза на глазкахъ показалась...
Ахъ, какъ Луиза хороша!
«Не плачь, спокойся, другъ мой милый!
Вѣдь стыдно плакать», наконецъ
Духовный молвилъ ей отецъ.
«Богъ намъ даритъ терпѣнье, силы:
Съ твоей усердною мольбой,
Тебѣ ни въ чемъ онъ не откажетъ.
Повѣрь, Ганцъ дышетъ лишь тобой;
Повѣрь, онъ то тебѣ докажетъ.
Зачѣмъ же мыслію пустой
Душевный растравлять покой?
Такъ утѣшалъ онъ свою Луизу,
Ее къ груди дряхлѣющей прижавъ.
Вотъ старая Гертруда ставитъ кофій,
Горячій и весь свѣтлый, какъ янтарь.
Старикъ на воздухѣ любилъ пить кофій,
Держа во рту черешневый чубукъ;
Дымъ уходилъ и кольцами ложился.
И, призадумавшись, Луиза хлѣбомъ
Кормила съ рукъ своихъ кота, который
Мурлыча крался, слыша сладкій запахъ.
Старикъ привсталъ съ цвѣченыхъ старыхъ кресель,
Принесъ мольбу и руку внучкѣ подалъ.
И вотъ надѣлъ нарядный свой халатъ,
Весь изъ парчи серебряной, блестящей,
И праздничный неношенный колпакъ.
(Его въ подарокъ нашему пастору
Изъ города привезъ недавно Ганцъ).
И, опираясь на плечо Луизы
Лилейное, старикъ нашъ вышелъ въ поле.
Какой-же день! веселые вились
И пѣли жаворонки; ходили волны
Отъ вѣтру золотаго въ полѣ хлѣба;
Сгустились вотъ надъ ними дерева;
На нихъ плоды предъ солнцемъ наливались
Прозрачные; вдали темнѣли воды
Зеленыя; сквозь радужный туманъ
Неслись моря душистыхъ ароматовъ;
Пчела-работница срывала медъ
Съ живыхъ цвѣтовъ; рѣзвунья стрекоза
Треща вилась; разгульная вдали
Неслася пѣснь,—пѣснь гребцовъ удалыхъ.
Рѣдѣетъ лѣсъ; видна уже долина;
На ней мычатъ игривыя стада;
А издали видна уже и кровля
Луизина: краснѣютъ черепицы,
И ярко лучъ по краямъ ихъ скользитъ.

Картина II.

Волнуемъ думой непонятной,
Нашъ Ганцъ разсѣянно глядѣлъ
На міръ великій, необъятный,
На свой незнаемый удѣлъ.
Доселѣ тихій, безмятежный.
Онъ жизнью радостно игралъ

Душой невинною и нѣжной
Въ ней горькихъ бѣдъ не прозрѣвалъ;
Земнаго міра уроженецъ,
Земныхъ губительныхъ страстей
Онъ не носилъ въ груди своей,
Безпечный, вѣтренный младенецъ.
И было весело ему:
Онъ разрѣзвлялся мило, живо
Въ толпѣ дѣтей; не вѣрилъ злу:
Предъ нимъ цвѣлъ міръ какъ-бы на диво.
Его подруга съ дѣтскихъ дней,
Дитя Луиза, ангелъ свѣтлый,
Блистала прелестью рѣчей;
Сквозь кольца русыя кудрей
Лукавый взглядъ жегъ непримѣтно;
Въ зеленой юпочкѣ сама,
Поетъ, танцуетъ ли она —
Все простодушно въ ней, все живо,
Все дѣтски въ ней краснорѣчиво;
На шейкѣ розовый платокъ
Съ груди слетаетъ понемножку,
И стройно бѣлый башмачекъ
Ея охватываетъ ножку.
Въ лѣсу-ли играетъ вмѣстѣ съ нимъ —
Его обгонитъ, все проникнетъ,
Въ кустъ притаясь съ желаньемъ злымъ
Ему вдругъ въ уши громко крикнетъ
И испугаетъ; спитъ ли онъ —
Ему лицо все разрисуетъ:
И звонкимъ смѣхомъ пробужденъ,
Онъ покидаетъ сладкій сонъ,
Шалунью рѣзвую цѣлуетъ.

Уходитъ за весной весна.
Кругъ дѣтскихъ игръ ихъ сталъ ужъ скроменъ.
Межъ ними рѣзвость не видна;
Огонь очей его сталъ томенъ;
Она застѣнчиво грустна.
Они понятно угадали
Васъ, рѣчи первыя любви!
Покуда, сладкія печали!
Покуда, радужные дни!
Чего бъ желать съ Луизой милой?
Онъ съ ней вечеръ, съ ней и день;
Къ ней привлеченъ онъ дивной силой,
Какъ вѣрно бродящая тѣнь.
Полны сердечнаго участья,
Не наглядятся старики
Ихъ, простодушные, на счастье
Своихъ дѣтей, и далеки
Отъ нихъ дни горя, дни сомнѣній;
Ихъ осѣняетъ мирный геній.

Но скоро тайная печаль
Имъ овладѣла; взоръ туманенъ:
И часто смотритъ онъ на даль
И безпокоенъ весь и страненъ.
Чего-то смѣло ищетъ умъ,
Чего-то тайно негодуетъ;
Душа въ волненьи темныхъ думъ,
О чемъ-то, скорбная, тоскуетъ.
Онъ какъ прикованный сидитъ,
На море буйное глядитъ;
Въ мечтаньи все кого-то слышитъ
При стройномъ шумѣ ветхихъ водъ.
. . . .
Или въ долинѣ ходитъ думный;
Глаза торжественно блестятъ,
Когда несется вѣтеръ шумный
И громы жарко говорятъ;
Огонь мгновенный колетъ тучи;
Дождя источники горючи
Сѣкутся звучно и шумятъ.
Иль въ часъ полночи, въ часъ мечтаній
Сидитъ за книгою преданій
И перевертывая листъ,
Онъ ловитъ буквы въ ней нѣмыя:
Глаголютъ въ нихъ вѣка сѣдые
И слово дивное гремитъ.
Часъ углубясь въ раздумьи цѣлой,
Съ нея и глазъ онъ не сведетъ;
Кто мимо Ганца ни пройдетъ,
Кто ни посмотритъ, скажетъ смѣло:
Назадъ далеко онъ живетъ!
Чудесной мыслью очарованъ
Подъ дуба сумрачную сѣнь
Идетъ онъ часто въ лѣтній день;
Къ чему-то тайному прикованъ,
Онъ видитъ тайно чью-то тѣнь,
И къ ней онъ руки простираетъ,
Ее въ забвеньи обнимаетъ.

А простодушна и одна
Луиза ангелъ, что же? гдѣ же?
Ему всѣмъ сердцемъ предана
Не знаетъ, бѣдненькая, сна;

Ему приноситъ ласки тѣ же:
Его рученкой обовьетъ,
Его невинно поцѣлуетъ;
Онъ на минуту растоскуетъ;
И снова то же запоетъ.
Они прекрасны, тѣ мгновенья,
Когда прозрачною толпой
Далеко милыя видѣнья
Уносятъ юношу съ собой.
Но если міръ души разрушенъ,
Забытъ счастливый уголокъ,
Къ нему онъ станетъ равнодушенъ,
И для простыхъ людей высокъ,
Они ли юношу наполнятъ,
И сердце радостью ль исполнятъ?..
Пока въ жилищѣ суеты,
Его подслушаетъ украдкой,
Досслѣ бывшія загадкой,
Разнообразныя мечты.

Картина III.

Земля классическихъ прекрасныхъ созиданій,
И славныхъ дѣлъ, и вольности земля,
Аѳины! къ вамъ, въ жару чудесныхъ трепетаній,
Душой приковываюсь я!
Вотъ отъ треножниковъ до самаго Пирея
Кипитъ, волнуется торжественный народъ;
Гдѣ рѣчь Эсхилова, гремя и пламенѣя,
Все своенравно вслѣдъ влечетъ,
Какъ воды шумныя прозрачнаго Иллиса.
Великъ сей мраморный изящный Парѳенонъ!
Колоннъ дорическихъ онъ рядомъ обнесенъ;
Минерву Фидій въ немъ переселилъ рѣзцомъ.
И блещетъ кисть Парразія, Зевксиса.
Подъ портикомъ божественный мудрецъ
Ведетъ высокое о дальнемъ мірѣ слово:
Кому за доблести безсмертіе готово,
Кому позоръ, кому вѣнецъ.
Фонтановъ стройныхъ шумъ, нестройныхъ пѣсней клики;
Съ восходомъ дня толпа въ амфитеатръ валитъ,
Персидскій Кандисъ весь испещренный блеститъ,
И вьются легкія туники.
Стихи Софокловы порывисто звучатъ;
Вѣнки лавровые торжественно летятъ;
Съ методичныхъ устъ любимца Эпикура
Архонты, воины, служители Амура
Спѣшатъ прекрасную науку изучить:
Какъ жизнью жить, какъ наслажденье пить.
Но вотъ Аспазія! не смѣетъ и дохнуть
Смятенный юноша, при черныхъ глазъ сихъ встрѣчѣ.
Какъ жарки тѣ уста! какъ пламенны тѣ рѣчи!
И, темныя какъ ночь, тѣ кудри какъ нибудь
Волнуясь, падаютъ на грудь,
На бѣломраморныя плечи.
Но что при звукѣ чашъ, тимпановъ дикій вой?
Плющемъ увѣнчаны вакхическія дѣвы,
Бѣгутъ нестройною, неистовой толпой
Въ священный лѣсъ, все скрылось... что вы? гдѣ вы?
Но вы пропали, я одинъ.
Опять тоска, опять досада;
Хотя бы Фавнъ пришелъ съ долинъ,
Хотя бъ прекрасная Дріада
Мнѣ показалась въ мракѣ сада.
О, какъ чудесно вы свой міръ
Мечтою, Греки, населили!
Какъ вы его обворожили!
А нашъ — и бѣденъ онъ, и сиръ,
И расквадраченъ весь на мили.
И снова новыя мечты
Его, смѣяся, обнимаютъ;
Его воздушно подымаютъ
Изъ океана суеты.

Картина IV.

Въ странѣ, гдѣ сверкаютъ живые ключи,
Гдѣ, чудно сіяя, блистаютъ лучи;
Дыханіе амбры и розы ночной
Роскошно объемлетъ эѳиръ голубой;
И въ воздухѣ тучи куреній висятъ;
Плоды мангустана златые горятъ;
Луговъ Кандагарскихъ сверкаетъ коверъ;
И смѣло накинутъ небесный шатеръ;
Роскошно валится дождь яркій цвѣтовъ,
То блещутъ, трепещутъ рои мотыльковъ.
Я вижу тамъ Пери: въ забвеньи она
Не видитъ, не внемлетъ, мечтаній полна.
Какъ солнца два, очи небесно горятъ,
Какъ Гемасагара, такъ кудри блестятъ;
Дыханія лилій серебряныхъ чадъ,
Когда засыпаетъ истомленный садъ
И вѣтеръ ихъ вздохи развѣетъ порой;

А голосъ, какъ звуки сиринды ночной,
Иль трепетанье серебряныхъ крылъ,
Когда ими звукнетъ, рѣзвясь, Исразилъ,
Или плески Хиндары таинственныхъ струй;
А что же улыбка? а что-жъ поцѣлуй?
Но вижу, какъ воздухъ, она ужъ летитъ
Въ края поднебесны къ родимымъ спѣшитъ.
Постой, оглянися!—Не внемлетъ она
И въ радугѣ тонетъ, и вотъ не видна.
Но воспоминанье міръ долго хранитъ,
И благоуханьемъ весь воздухъ облитъ.
. . . .
Живаго юности стремленья
Такъ испестрилися мечты.
Порой, небеснаго черты,
Души прекрасной впечатлѣнья
На немъ лежали; но чего,
Въ волненьяхъ сердца своего,
Искалъ онъ думою неясной,
Чего желалъ, чего хотѣлъ,
Къ чему такъ пламенно летѣлъ
Душой и жадною, и страстной,
Какъ будто міръ желалъ обнять, —
Того и самъ не могъ понять.
Ему казалось душно, пыльно
Въ сей позаброшенной странѣ,
И сердце билось сильно, сильно,
По дальней, дальней сторонѣ.
Тогда, когда-бъ вы повидали,
Какъ воздымалась буйно грудь,
Какъ взоры гордо трепетали,
Какъ сердце жаждало прильнуть
Къ своей мечтѣ, мечтѣ неясной!
Какой въ немъ пылъ кипѣлъ прекрасный,
Какая жаркая слеза
Живые полнила глаза!

Картина V.

Отъ Висмара въ двухъ миляхъ та деревня,
Гдѣ ограничился лицъ нашихъ міръ.
Не знаю, какъ теперь, но Люненсдорфомъ
Она тогда, веселая, звалась.
Ужъ издали бѣлѣетъ скромный домикъ
Вильгельма Бауха, мызника. Давно,
Женившися на дочери пастора,
Его состроилъ онъ. Веселый домикъ!
Онъ выкрашенъ зеленой краской, крытъ
Красивою и звонкой черепицей.
Вокругъ каштаны старые стоятъ,
Нависши вѣтвями, какъ будто въ окна
Хотятъ продраться; изъ-за нихъ мелькаетъ
Рѣшетка изъ прекрасныхъ лозъ, красиво
И хитро сдѣлана самимъ Вильгельмомъ;
По ней виситъ и змѣйкой вьется хмѣль.
Съ окна протянутъ шесть, на немъ бѣлье
Блистаетъ бѣлое предъ солнцемъ. Вотъ
Въ проломъ на чердакѣ толпится стая
Мохнатыхъ голубей; протяжно клохчутъ
Индѣйки; хлопая встрѣчаетъ день
Крикунъ—пѣтухъ и по двору вотъ важно,
Межъ пестрыхъ куръ, онъ кучи разгребаетъ
Зернистыя; гуляютъ тутъ же двѣ
Ручныя козы и рѣзвяся щиплютъ
Душистую траву. Давно курился
Ужъ дымъ изъ бѣлыхъ трубъ; курчаво онъ
Вился и облака пріумножалъ.
Съ той стороны, гдѣ съ стѣнъ валилась краска
И сѣрые торчали кирпичи,
Гдѣ древніе каштаны стлали тѣнь,
Которую перебѣгало солнце,
Когда вершину ихъ вѣтръ рѣзво колыхалъ,—
Подъ тѣнью тѣхъ деревъ, вѣчно милыхъ,
Стоялъ съ утра дубовый столъ, весь чистой
Покрытый скатертью и весь уставленъ
Душистой яствой: желтый вкусный сыръ,
Редисъ и масло въ фарфоровой уткѣ,
И пиво, и вино, и сладкій бишофъ,
И сахаръ, и коричневыя вафли;
Въ корзинѣ спѣлые блестящіе плоды:
Прозрачный гроздь, душистая малина,
И, какъ янтарь, желтѣющія груши,
И сливы синія, и яркій персикъ,
Въ затѣйливомъ виднѣлось все порядкѣ.
Сегодня праздновалъ живой Вильгельмъ
Рожденье дорогой своей супруги,
Съ пасторомъ и драгими дочерьми:
Луизой старшей и меньшою Фанни.
Но Фанни нѣтъ, она давно пошла
Звать Ганца и не возвращалась. Вѣрно
Онъ гдѣ-нибудь опять въ раздумьи бродитъ.
А милая Луиза все глядитъ
Внимательно на темное окно
Сосѣда Ганца. Два шага всего вѣдь
Къ нему; но не пошла моя Луиза:
Чтобъ не замѣтилъ онъ въ ея лицѣ
Тоски докучливой, чтобъ не прочелъ

Въ ея глазахъ онъ ѣдкаго упрека.
Вотъ говоритъ Вильгельмъ-отецъ Луизѣ:
«Смотри, ты Ганца пожури порядкомъ:
Зачѣмъ онъ къ намъ такъ долго не идетъ?
Вѣдь ты его сама избаловала».
И вотъ дитя—Луиза такъ въ отвѣтъ:
«Боюсь журить прекраснаго я Ганца:
И безъ того онъ боленъ, блѣденъ, худъ...»
«Что за болѣзнь?» сказала мать,
Живая Берта: «не болѣзнь, тоска
Незванная къ нему сама пристала;
Вотъ женится, и отпадетъ тоска.
Такъ молодой побѣгъ, совсѣмъ приглохшій,
Опрыснутый дождемъ, въ мигъ зацвѣтетъ.
И что жъ жена, какъ не веселье мужа?»
«Рѣчь умная!» сѣдой пасторъ промолвилъ:
«Все, вѣрь, пройдетъ, когда захочетъ Богъ;
И будь во всемъ Его святая воля!»
Уже два раза онъ изъ трубки выбивалъ
Золу и въ споръ вступалъ съ Вильгельмомъ,
Разговорясь про новости газетъ,
Про злой неурожай, про Грековъ и про Турокъ,
Про Мисолунги, про дѣла войны,
Про славнаго вождя Колокотрони,
Про Канинга, про парламентъ,
Про бѣдствія и мятежи въ Мадритѣ,
Какъ вдругъ Луиза вскрикнула и мигомъ,
Увидя Ганца, бросилась къ нему.
Воздушный станъ ея обнявши стройный,
Съ волненьемъ юноша ее поцѣловалъ.
Оборотясь къ нему, вотъ молвитъ пасторъ:
«Эхъ стыдно, Ганцъ, забыть своего друга!
Да что! коли уже забылъ Луизу,
Объ насъ ли старикахъ и думать?»—«Полно
Тебѣ все Ганца, папенька, журить!»
Сказала Берта: «лучше сядемъ мы
Теперь за столъ, не то—простынетъ все:
И каша съ рисомъ и виномъ душистымъ,
И сахарный горохъ, каплунъ горячій,
Зажаренный съ изюмомъ въ маслѣ». Вотъ
За столъ они садятся мирно;
И скоро въ мигъ вино все оживило
И, свѣтлое, смѣхъ въ душу пролило.
Старикъ скрипачъ и Фрицъ на звонкой флейтѣ
Согласно грянули хозяйкѣ въ честь.
Всѣ понеслись и закружились въ вальсѣ.
Развеселясь румяный нашъ Вильгельмъ
Пустился самъ съ своей женой, какъ съ павой;
Какъ вихорь, неся Ганцъ съ своей Луизой
Въ бурливомъ вальсѣ, и предъ ними міръ
Вертѣлся весь въ чудесномъ, шумномъ строѣ,
А милая Луиза ни дохнуть,
Ни посмотрѣть вокругъ не можетъ: вся
Въ движеньи потерялась. Ими
Не налюбуясь, говоритъ пасторъ:
«Любезная, прекрасная чета!
Милая моя, веселая Луиза,
Прекрасенъ и уменъ, и скроменъ Ганцъ,
Сотворены они ужъ другъ для друга,
И счастливо свою жизнь проведутъ.
Благодарю тебя, о Боже милосердый!
Что ниспослалъ на старость благодать,
Мои продлилъ дряхлѣющія силы—
Чтобы узрѣть такихъ прекрасныхъ внучатъ,
Чтобы сказать, прощаясь съ ветхимъ тѣломъ:
Прекрасное я видѣлъ на землѣ!»

Картина VI.

Съ прохладою спокойный тихій вечеръ
Спускается; прощальные лучи
Цѣлуютъ гдѣ-гдѣ сумрачное море,
И искрами живыми, золотыми
Деревья тронуты, и въ далекѣ
Виднѣютъ, сквозь туманъ морской, утесы,
Всѣ разноцвѣтные. Спокойно все.
Пастушьихъ лишь рожковъ унывный голосъ
Несется вдаль съ веселыхъ береговъ,
Да тихій шумъ въ водѣ всплеснувшей рыбы
Чуть пробѣжитъ и вздернетъ море рябью,
Да ласточка, крыломъ чернувши моря,
Круги по воздуху скользя даетъ.
Вотъ заблестѣлъ въ дали какъ точка катеръ;
А кто же въ немъ, въ томъ катерѣ сидитъ?
Сидитъ пасторъ, нашъ старецъ сѣдовласый,
И съ дорогою супругою Вильгельмъ,
А рѣзвая всегда шалунья Фанни
Съ удой въ рукахъ и, свѣсившись съ перилъ,
Смѣясь, рученкою болтала волны;
Возлѣ кормы съ Луизой милой Ганцъ.
И долго всѣ въ молчаньи любовались,
Какъ за кормой широкая ходила
Волна и въ брызгахъ огнецвѣтныхъ вдругъ,
Весломъ разорванная, трепетала,
Какъ разъяснялась розовая дальность
И южный вѣтеръ дыханье навѣвалъ.
И вотъ пасторъ, исполненъ умиленья,

Проговорилъ: «Какъ милъ сей Божій вечеръ!
Прекрасенъ, тихъ онъ, какъ благая жизнь
Безгрѣшна: она вѣдь также мирно
Кончаетъ путь и слезы умиленья
Священный прахъ, прекрасныя кропятъ.
Пора и мнѣ ужъ; срокъ назначенъ,
И скоро, скоро я не буду вашъ...
Но эдакъ ли прекрасно опочію?»
Всѣ прослезились. Ганцъ, который пѣсню
Наигрывалъ на сладостномъ гобоѣ,
Задумался и выронилъ гобой;
И снова сонъ какой-то осѣнилъ
Его чело; далеко мчались мысли,
И чудное на душу натекло.
И вотъ ему такъ говоритъ Луиза:
«Скажи мнѣ, Ганцъ, когда еще ты любишь
Меня, когда я пробудить могу
Хоть жалость, хоть живое состраданье
Въ душѣ твоей, не меня, скажи:
Зачѣмъ одинъ съ какой-то книгой
Ты ночь сидишь? (Мнѣ видно все,
И окнами вѣдь другъ мы противъ друга).
Зачѣмъ дичишься всѣхъ? зачѣмъ грустишь?
О, какъ меня твой грустный видъ тревожитъ!
О, какъ меня печаль твоя печалитъ!»
И, тронутый, смутился Ганцъ,
Ее къ груди съ тоскою прижимаетъ
И брызнула невольная слеза.
«Не спрашивай меня, моя Луиза,
И безпокойствомъ симъ тоски не множь!
Когда жъ кажусь погруженъ въ мысли,
Вѣрь, занятъ и тогда тобой одною
И думаю я, какъ бы отвратить
Всѣ отъ тебя печальныя сомнѣнья,
Какъ радостью твое наполнить сердце,
Какъ бы души твоей хранить покой,
Оберегать твой дѣтскій сонъ невинный;
Чтобы недоброе не приближалось,
Чтобы и тѣнь тоски не прикасалась,
Чтобъ счастье твое всегда цвѣло».
Спустясь къ нему головкою на грудь,
Въ избыткѣ чувствъ, въ признательности сердца,
Ни слова вымолвить она не можетъ.
По берегу неслася лодка плавно
И вдругъ причалила. Всѣ вышли
Въ мигъ изъ нея. «Ну! берегитесь, дѣти»,
Сказалъ Вильгельмъ: «здѣсь сыро и роса,
Чтобъ не нажить несноснаго вамъ кашля».

Дорогой Ганцъ нашъ мыслитъ: «что же будетъ,
Когда услышитъ то, чего и знать бы
Не должно ей?» И на нее глядитъ
И чувствуетъ онъ въ сердцѣ укоризну:
Какъ будто бы недоброе что сдѣлалъ,
Какъ будто бы предъ Богомъ лицемѣрилъ.

Картина VII.

На башнѣ бьетъ часъ полночный.
Такъ, это часъ, часъ думъ урочный,
Какъ Ганцъ одинъ всегда сидитъ!
Свѣтъ лампы передъ нимъ дрожитъ
И блѣдно сумракъ освѣщаетъ,
Какъ-бы сомнѣнья разливаетъ.
Все спитъ. Ничей блуждающій взоръ
На полѣ никого не встрѣтитъ;
И, какъ далекій разговоръ,
Волна шумитъ, а мѣсяцъ свѣтитъ.
Все тихо, дышетъ ночь одна.
Теперь его глубокихъ думъ
Не потревожитъ дневной шумъ;
Надъ нимъ такая жъ тишина.

А что жъ она? Встаетъ она,
Садится прямо у окна:
«Онъ не посмотритъ, не примѣтитъ,
А насмотрюсь я на него;
Не спитъ для счастья моего!..
Благослови, Господь, его!»

Волна шумитъ, а мѣсяцъ свѣтитъ;
И вотъ надъ нею вьется сонъ
И главу невольно клонитъ...
Но Ганцъ все также въ мысляхъ тонетъ
Въ глубь ихъ далеко погруженъ.

1.

Все рѣшено. Теперь ужели
Мнѣ здѣсь душою погибать,
И не узнать иной мнѣ цѣли,
И цѣли лучшей не сыскать,
Себя обречь безславно въ жертву?
При жизни быть для міра мертву?

2.

Душой ли, славу полюбившей,
Ничтожность въ мірѣ полюбить?

Душой ли, къ счастью не остывшей,
Волненья міра не испить,
И въ немъ прекраснаго не встрѣтить,
Существованья не отмѣтить?

3.

Зачѣмъ влечете такъ въ себѣ вы,
Земли роскошные края
И день и ночь, какъ птицъ напѣвы,
Призывный голосъ слышу я;
И день и ночь мечтами скованъ,
Я вами, вами очарованъ.

4.

Я вашъ, я вашъ! изъ сей пустыни
Вниду я въ райскія мѣста;
Какъ пилигримъ бредетъ къ святынѣ,

. . . .

Корабль пойдетъ, забрызжутъ волны,
Имъ чувства вслѣдъ веселья полны.

5.

И онъ спадетъ покровъ неясный,
Подъ коимъ знала васъ мечта,
И міръ прекрасный, міръ прекрасный
Отворитъ дивныя врата,
Привѣтить юношу готовый
И въ наслажденіяхъ вѣчно новый.

6.

Творцы чудесныхъ впечатлѣній!
Рѣзецъ вашъ, кисть, увижу я,
И вашихъ пламенныхъ твореній
Душа исполнится моя.
Шуми жъ, мой океанъ широкій,
Неси корабль мой одинокій!

7.

А ты прости, мой уголъ тѣсный,
И лѣсъ, и поле, лугъ, прости!
Кропи васъ чаще дождь небесный,
И дай Богъ долѣе цвѣсти!
Но васъ душа какъ будто страждетъ,
Въ послѣдній разъ обнять васъ жаждетъ.

8.

Прости, мой ангелъ безмятежный!
Чела слезами не кропи,
Не предавайся тоскѣ мятежной
И Ганца бѣднаго прости!
Не плачь, не плачь я скоро буду,
Я возвращусь—тебя ль забуду?..

Картина VIII.

Кто это позднею порой
Ступаетъ тихо, осторожно?
Видна котомка за спиной,
Посохъ за поясомъ дорожній.
Направо домикъ; передъ нимъ,
Налѣво дальняя дорога.
Идти путемъ онъ хочетъ самъ
И проситъ твердости у Бога.
Но мукой тайною томимъ
Назадъ онъ ноги обращаетъ
И въ домикъ тотъ онъ поспѣшаетъ.

Одно окно открыто въ немъ;
Облокотясь предъ тѣмъ окномъ,
Краса-дѣвица почиваетъ,
И, вѣя вѣтръ надъ ней крыломъ,
Ей сны чудесные внушаетъ:
И ими милая полна,
Вотъ улыбается она.
Съ душеволненьемъ къ ней подходитъ...
Стѣснилась грудь, дрожитъ слеза...
И на прекрасную наводитъ
Свои блестящіе глаза.
Онъ наклонился къ ней, пылаетъ,
Ее цѣлуетъ и стенаетъ.

И вздрогнувъ, быстро онъ бѣжитъ
Опять дорогою далекой:
Но мраченъ, неспокойный видъ,
Но грустно въ сей душѣ глубокой.
Вотъ оглянулся онъ назадъ;
Но ужъ туманъ окрестность кроетъ,
И пуще юноши грудь ноетъ,
Прощальный посылая взглядъ.
Вѣтръ пробудившися суровой
Качнулъ зеленою дубровой;
Исчезло все въ дали пустой.
Сквозь сонъ лишь смутною порой
Готлибъ привратникъ будто слышалъ,
Что изъ калитки кто-то вышелъ,
Да вѣрный песъ, какъ-бы въ укоръ,
Пролаялъ звучно на весь дворъ.

Картина X.

Не всходитъ долго свѣтлый вождь.
Ненастно утро; на поляны
Валятся сѣрые туманы;
Звонитъ по кровлямъ частый дождь.
Съ зарей красавица проснулась:
Сама дивится, что она
Проспала ночь всю у окна.
Поправивъ кудри, улыбнулась,
Но, противъ воли, взоръ живой
Блеснулъ досадною слезой.
«Что Ганцъ такъ долго не приходитъ.
Онъ обѣщалъ мнѣ быть чуть свѣтъ.
Какой же день! тоску наводитъ:
Туманъ густой по полю ходитъ,
И вѣтеръ свиститъ, а Ганца нѣтъ!»

Полна живаго нетерпѣнья,
Глядитъ на милое окно—
Не отворяется оно.
Ганцъ, вѣрно, спитъ и сновидѣнья
Ему творятъ любой предметъ;
Но день давно ужъ. Рвутъ долины
Ручьи дождя; дубовъ вершины
Шумятъ, а Ганца нѣтъ, какъ нѣтъ.

Ужъ скоро полдень. Непримѣтно
Туманъ уходитъ; лѣсъ молчитъ;
Громъ въ размышленіи гремитъ
Вдали... Дугою семицвѣтной
Горитъ на небѣ райскій свѣтъ;
Унизанъ искрами дубъ древній;
И пѣсни звонкія съ деревни
Звучатъ; а Ганца нѣтъ, какъ нѣтъ.
Чтобъ это значило?... находитъ

Злодѣйка грусть; слухъ утомленъ
Считать часы... Вотъ кто-то входитъ...
И въ дверь... Онъ! онъ!... ахъ, нѣтъ, не онъ!
Въ халатѣ розовомъ, покойномъ,
Въ цвѣтномъ передникѣ съ каймой,
Приходитъ Берта: «Ангелъ мой!
Скажи, что сдѣлалось съ тобой?
Ты ночь всю спала безпокойно;
Ты вся томна, ты вся блѣдна.
Не дождь-ли помѣшалъ шумливый,
Или ревущая волна?
Или пѣтухъ, буянъ крикливый,
Всю ночь невѣдающій сна?
Иль потревожилъ духъ нечистый
Во снѣ покой дѣвицы чистой,
Навѣялъ черную печаль?
Скажи: тебя всѣмъ сердцемъ жаль!»

«Нѣтъ, не мѣшалъ мнѣ дождь шумливый,
И не рѣвущая волна,
И не пѣтухъ, буянъ крикливый,
Всю ночь невѣдающій сна;
Не эти сны, не тѣ печали
Мнѣ грудь младую взволновали,
Не ими духъ мой возмущенъ:
Иной мнѣ снился дивный сонъ.

«Мнѣ снилось: въ темной я пустынѣ,
Вокругъ меня туманъ и глушь;
И на болотистой равнинѣ
Нѣтъ мѣста, гдѣ была бы сушь.
Тяжелый запахъ; топко, вязко;
Что шагъ, то бездна подо мной:
Боюся я ступить ногой;
И вдругъ мнѣ сдѣлалось такъ тяжко,
Такъ тяжко, что нельзя сказать...
Гдѣ ни возьмись Ганцъ дикій, странный
(Бѣжала кровь, струясь изъ раны),
Вдругъ началъ надо мной рыдать;
Но вмѣсто слезъ, лились потоки
Какой-то мутныя воды...
Проснулась я: на грудь, на щеки,
На кудри русой головы,
Бѣжалъ ручьями дождь досадной;
И было сердцу не отрадно.
Меня предчувствіе беретъ...
И я кудрей не выжимала;
И я все утро тосковала:
Гдѣ онъ? и что съ нимъ? что нейдетъ?»

Стоитъ, качаетъ головою,
Разумная предъ нею мать.
«Ну дочка! мнѣ съ твоей бѣдою,
Не знаю, какъ ужъ совладать.
Пойдемъ къ нему, узнаемъ сами,
Да будь святая сила съ нами!»
Вотъ входятъ въ комнату онѣ;
Но въ ней все пусто. Въ сторонѣ
Лежитъ, въ густой пыли, томъ давній,
Платонъ и Шиллеръ, своенравный

Петрарка, Тикъ, Аристофанъ,
Да позабытый Винкельманъ;
Куски изодранной бумаги
На полкѣ—свѣжіе цвѣты;
Перо, которымъ, полнъ отваги,
Передавалъ свои мечты.
Но на столѣ мелькнуло что-то...
Записка!... съ трепетомъ взяла
Луиза въ руки. Отъ кого-то?
Къ кому?... И чтожъ она прочла?...
Языкъ лепечетъ странно пѣни...
И вдругъ упала на колѣни
Ее кручина давитъ, жжетъ,
Гробовый холодъ въ ней течетъ.

Картина XI.

Ты посмотри, тиранъ жестокій,
На грусть убитыя души,
Какъ вянетъ цвѣтъ сей одинокій,
Забытый въ пасмурной глуши!
Вглядись, вглядись въ свое творенье:
Ее ты счастія лишилъ,
И жизни радость претворилъ
Въ тоску ей, въ адское мученье,
Въ гнѣздо раззоренныхъ могилъ.
О, какъ она тебя любила!
Съ какимъ восторгомъ чувствъ живымъ
Простыя рѣчи говорила!
И какъ внималъ рѣчамъ ты симъ!
Какъ пламененъ и какъ невиненъ
Былъ этотъ блескъ ея очей!
Какъ часто ей въ тоскѣ своей,
Тотъ день казался скученъ, длиненъ,
Когда, раздумью предана,
Тебя не видѣла она!
И ты-ль, и ты-ль ее оставилъ?
Ты ль отвернулся отъ всего?
Но посмотри, тиранъ жестокій,
Она все также, подъ окномъ,
Сидитъ и ждетъ, въ тоскѣ глубокой,
Не промелькнетъ ли милый въ немъ?
Ужъ гаснетъ день; сіяетъ вечеръ;—
На все наброшенъ дивный блескъ;
Прохладный вьется въ небѣ вѣтеръ;
Волны чуть слышенъ дальній плескъ.
Уже ночь тѣни настилаетъ;
Но западъ все еще сіяетъ,
Свирѣль чуть льется; а она
Сидитъ недвижно у окна.

НОЧНЫЯ ВИДѢНІЯ.

Темнѣетъ, тухнетъ вечеръ красный;
Спитъ въ упоеніи земля;
И вотъ на наши ужъ поля
Выходитъ важно мѣсяцъ ясный
И все прозрачно, все свѣтло;
Сверкаетъ море, какъ стекло.
Въ небѣ чудныя вотъ тѣни
Развилися и свились,
И чудесно понеслись
На небесныя ступени.
Прояснилось—двѣ свѣчи,
Двое рыцарей косматыхъ,
Два зубчатые мечи
И чеканенныя латы;
Что-то ищутъ, стали въ рядъ
И зачѣмъ-то переходятъ
И дерутся и блестятъ,
И чего-то не находятъ...
Все пропало, слилось съ тьмой;
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Блистательно всю рощу оглашаетъ
Царь соловей. Звукъ тихо разнесенъ.
Чуть дышетъ ночь; земля сквозь сонъ
Мечтательно пѣвцу внимаетъ.
Лѣсъ не колышется; все спитъ,

Лишь вдохновенна пѣснь звучитъ.
Показался дивной феи
Слитый съ воздуха дворецъ,
И въ окно поетъ пѣвецъ
Вдохновенныя затѣи.
На серебряномъ коврѣ,
Весь затканный облаками,
Чудный духъ летитъ въ огнѣ:
Сѣверъ, югъ покрылъ крылами.
Видитъ—фея спитъ въ плѣну,
За рѣшеткою коральной;
Перламутрную стѣну
Рушитъ онъ слезой кристальной.
Обнялись... слилися съ тьмой...
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Сквозь паръ окрестность чуть сверкаетъ.
Какую кучу тайныхъ думъ

Наводитъ моря странный шумъ!
Огробный китъ спиной мелькаетъ;
Рыбакъ закутался и спитъ;
А море все шумитъ, шумитъ.

Вотъ изъ моря молодыя
Дѣвы чудныя плывутъ;
Голубыя, огневыя,
Волны бѣлыя гребутъ.
Призадумавшись колышетъ
Грудь лилейную вода,
И красавица чуть дышетъ...
И роскошная нога
Стелетъ брызги въ два ряда...
Улыбается, хохочетъ,
Страстно манитъ и зоветъ
И задумчиво плыветъ,
Будто хочетъ и не хочетъ;
И задумчиво поетъ
Про себя, младу сирену,
Про коварную измѣну.
А на тверди голубой,
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Вотъ въ сторонѣ глухой кладбище;
Ограда ветхая кругомъ,
Кресты, каменья... скрыто мхомъ
Нѣмыхъ покойниковъ жилище.
Полетъ да крики только совъ
Тревожатъ сонъ пустыхъ гробовъ.

Подымается протяжно
Въ бѣломъ саванѣ мертвецъ;
Кости пыльныя онъ важно
Отираетъ, молодецъ;
Съ чела давняго хладъ вѣетъ,
Въ глазѣ палевый огонь,
И подъ нимъ великій конь,
Необъятный, весь бѣлѣетъ
И все болѣе растетъ...
Скоро небо обойметъ;
И покойники съ покою
Страшной тянутся толпою.
Земля колется и—бухъ
Тѣни разомъ въ бездну... Уфъ!

И стало страшно ей; мгновенно,
Она прихлопнула окно.
Все въ сердцѣ трепетномъ смятенно,
И жаръ и дрожь попеременно
По немъ текутъ. Въ тоскѣ оно.
Вниманіе развлечено.
Когда, рукою безпощадной
Судьба надвинетъ камень хладный
На сердце бѣдное, тогда
Скажите: кто разсудку вѣренъ?
Чья противъ золъ душа тверда?
Кто вѣчно тотъ же завсегда?
Въ несчастьи кто не суевѣренъ?
Кто крѣпкой не блѣднѣлъ душой
Передъ ничтожною мечтой?

Съ боязнью, съ горестію тайной,
Въ постель кидается она.
Но ждетъ напрасно въ ложѣ сна.
Въ тьмѣ прошумитъ ли что случайно,
Скребунья мышь ли пробѣжитъ—
Отъ вѣждъ коварный сонъ летитъ.

Картина XIII.

Печальны древности Аѳинъ!
Колоннъ, статуй рядъ обветшалый
Среди глухихъ стоитъ равнинъ.
Печаленъ слѣдъ вѣковъ усталыхъ:
Изящный памятникъ разбитъ,
Изломленъ немощный гранитъ,
Одни обломки уцѣлѣли.
Еще до нынѣ величавъ,
Чернѣетъ дряхлый архитравъ,
И вьется плющъ по капители;
Упалъ разщепленный карнизъ
Въ давно заглохшіе окопы.
Еще блеститъ сей дивный фризъ
Сіи рельефные метопы;
Еще до нынѣ здѣсь груститъ
Коринѳскій орденъ многолѣпный
(Рой ящерицъ по немъ скользитъ),
На міръ съ презрѣньемъ онъ глядитъ;
Все тотъ же онъ великолѣпный,
Временъ минувшихъ вдавленъ въ тьму,
И безъ вниманья ко всему.

Печальны древности Аѳинъ!
Туманенъ рядъ былыхъ картинъ.
Облокотясь на мраморъ хладный,
Напрасно путникъ алчетъ жадный

Въ душѣ былое воскресить,
Напрасно силится развить
Протекшихъ лѣтъ истлѣвшій свитокъ,—
Ничтоженъ трудъ безсильныхъ пытокъ!
Вездѣ читаетъ смутный взоръ
И разрушенье, и позоръ.
Промежъ колоннъ чалма мелькаетъ
И масульманинъ по стѣнамъ,
По симъ обломкамъ, камнямъ, рвамъ,
Коня свирѣпо напираетъ,
Останки съ воплемъ раззоряетъ.
Невыразимая печаль
Мгновенно путника объемлетъ,
Души онъ тяжкій ропотъ внемлетъ:
Ему и горестно и жаль,
Зачѣмъ онъ путь сюда направилъ,
Не для истлѣвшихъ ли могилъ
Кровъ безмятежный свой оставилъ,
Покой свой тихій позабылъ?
Пускай бы въ мысляхъ обитали
Сіи воздушныя мечты,
Пускай бы сердце волновали
Зерцаломъ чистой красоты!
Но и убійственно, и хладно
Разворошились вы теперь;
Безжалостно и безпощадно
Предъ нимъ захлопнули вы дверь,
Сыны существенности жалкой,
Дверь въ тихій міръ мечтаній жаркой!
И грустно, медленной стопой
Руины путникъ покидаетъ;
Клянется ихъ забыть душой,
И все невольно помышляетъ
О жертвахъ бренности слѣпой.

Картина XIV.

Ушло два года. Въ мирномъ Люненсдорфѣ
По-прежнему красуется, цвѣтетъ:
Всѣ тѣ жъ заботы и забавы тѣ же
Волнуютъ жителей покойныя сердца.
Но не по-прежнему въ семьѣ Вильгельма:
Пастора ужъ давно на свѣтѣ нѣтъ.
Окончивъ путь и тягостный и трудный,
Не нашимъ сномъ, крѣпко опочилъ.
Всѣ жители останки провожали
Священные, съ слезами на глазахъ;
Его дѣла, поступки поминали:
Не онъ ли намъ спасеніемъ служилъ,
Насъ надѣлялъ духовнымъ хлѣбомъ,
Въ словахъ добру прекрасно поучая,
Не онъ ли былъ утѣхою скорбящихъ,
Сиротъ и вдовъ нетрепетнымъ щитомъ?
Въ день праздничный, какъ кротко онъ бывало,
Всходилъ на каѳедру! и съ умиленьемъ
Намъ говорилъ: про мучениковъ чистыхъ,
Про тяжкія страданія Христовы,
А мы ему, растроганны, внимали,
Дивился и слезы проливали.

Отъ Висмара когда кто держитъ путь,
Встрѣчается налѣво отъ дороги
Ему кладбище: старые кресты
Склонилися, обшиты мхомъ,
И времени изведены рѣзцомъ.
Но промежъ нихъ блѣднѣетъ рѣзко урна
На черномъ камнѣ, и надъ ней смиренно
Два явора зеленые шумятъ,
Далеко хладной обнимая тѣнью.
Тутъ бренные покоятся останки
Пастора. Вызвались на свой же счетъ
Соорудить надъ нимъ благіе поселяне
Послѣдній знакъ его существованья
Въ семъ мірѣ. Надпись съ четырехъ сторонъ
Гласитъ: какъ жилъ и сколько мирныхъ лѣтъ
Провелъ на паствѣ, и когда оставилъ
Свой долгій путь, и Богу духъ вручилъ.

И въ часъ, когда стыдливый развиваетъ
Румяные востокъ свои власы,
Подымется по полю свѣжій вѣтеръ,
Посыплется алмазами роса,
Въ своихъ кустахъ малиновка зальется,
Полсолнца на землѣ всходя горитъ,—
Къ нему идутъ младыя поселянки,
Съ гвоздиками и розами въ рукахъ;
Цвѣтаютъ душистыми цвѣтами,
Гирляндою зеленой обовьютъ,
И снова въ путь назначенный идутъ.
Изъ нихъ одна, младая, остается
И, оперши лилейною рукой,
Подъ нимъ сидитъ въ раздумьи долго, долго,
Какъ будто бы о непостижимомъ мыслитъ.
Въ задумчивой скорбящей дѣвѣ сей
Кто-бъ не узналъ печальныя Луизы?
Давно въ глазахъ веселье не блеститъ;
Не кажется невинная усмѣшка

Въ ея лицѣ; не пробѣжитъ по немъ,
Хотя ошибкой, радостное чувство;
Но какъ мила она и въ грусти томной,
О, какъ возвышенъ невинный этотъ взглядъ!
Такъ свѣтлый Серафимъ тоскуетъ
О пагубномъ паденьи человѣка.
Мила была счастливая Луиза,
Но какъ-то мнѣ въ несчастіи милѣе.
Осьмнадцать лѣтъ тогда минуло ей,
Когда преставился пасторъ разумный.
Всей дѣтскою она своей душой
Богоподобнаго любила старца;
И думаетъ въ душевной глубинѣ:
«Нѣтъ, не сбылись живыя упованья
Твои! Какъ, добрый старецъ, ты желалъ
Насъ обвѣнчать передъ святымъ налоемъ,
На вѣки нашъ союзъ соединить!
Какъ ты любилъ мечтательнаго Ганца!
А онъ...»

Заглянемъ въ хижину Вильгельма.
Ужъ осень; холодно, и дома онъ
Вытачивалъ съ искусствомъ хитрымъ кружки
Изъ крѣпкаго слоями бука,
Затѣйливой рѣзьбою украшая;
У ногъ его свернувшися лежалъ
Любимый другъ, товарищъ вѣрный Гекторъ.
А вотъ разумная хозяйка Берта
Съ утра уже хлопочетъ
О всемъ. Толпится также подъ окно
Гусей ватага долгошейныхъ; также
Неугомонны кудахчутъ куры;
Чиликаютъ нахалы-воробьи,
Весь день въ навозной кучѣ роясь.
Видали ужъ красавца—снигиря
И осенью давно запахло въ полѣ;
И пожелтѣлъ давно зеленый листъ,
И ласточки давно ужъ отлетѣли
За дальнія, роскошныя моря.
Кричитъ разумная хозяйка Берта:
«Такъ долго не годится быть Луизѣ!
Темнѣетъ день, теперь не то, что лѣтомъ.
Ужъ сыро, мокро и густой туманъ
Такъ холодомъ всего и пронимаетъ.
Зачѣмъ бродитъ? бѣда мнѣ съ этой дѣвкой:
Не выкинетъ она изъ мыслей Ганца!
А Богъ знаетъ, онъ живъ ли, или нѣтъ».
Не то совсѣмъ раздумываетъ Фанни,
За пяльцами сидя въ своемъ углу.
Шестнадцать лѣтъ ей, и, полна тоски
И тайныхъ думъ по идеальномъ другѣ.
Разсѣянно, невнятно говоритъ:
«И я бы такъ, и я бъ его любила».

Картина XV.

Унывна осени пора;
Но день сегодняшній прекрасенъ:
На небѣ волны серебра,
И солнца ликъ блестящъ и ясенъ.
Одинъ дорогой почтовой
Бредетъ, съ котомкой за спиной,
Печальный путникъ изъ чужбины.
Унылъ и томенъ онъ, и дикъ,
Идетъ согнувшись, какъ старикъ;
Въ немъ Ганца нѣтъ и половины.
Полупотухшій бродитъ взоръ
По злачнымъ холмамъ, желтымъ нивамъ,
По разноцвѣтной цѣпи горъ.
Какъ бы въ забвеніи счасливомъ,
Его касается мечта,
Но мысль не тѣмъ ужъ занята:
Онъ въ думы крѣпкія погруженъ.
Ему покой теперь бы нуженъ.

Прошелъ онъ дальній, видно, путь,
Страдаетъ больно, видно, грудь,
Душа страдаетъ, жалко ноя...
Ему теперь не до покоя.

О чемъ же думы крѣпки тѣ?
Дивится самъ онъ суетѣ:
Какъ былъ измученъ онъ судьбою,
И зло смѣется надъ собою,
Что повѣрялъ своей мечтой
Свѣтъ ненавистной, слабоумной,
Что задивился въ блескъ пустой
Своей душою неразумной,
Что не колеблясь смѣло онъ
Самъ людямъ кинулся въ объятья
И, околдованъ, охмѣленъ,
Въ ихъ злыя вѣрилъ предпріятья.
Какъ гробы холодны они;
Какъ тварь презрѣннѣйшая, низки;
Корысть и почести одни
Имъ лишь и дороги и близки.
Они позорятъ дивный даръ

И попираютъ вдохновенье
И презираютъ откровенье;
Ихъ холоденъ притворный жаръ;
И гибельно ихъ пробужденье.
О, ктобъ нетрепетно проникъ
Въ ихъ усыпительный языкъ!
Какъ ядовито ихъ дыханье!
Какъ ложно сердца трепетанье!
Какъ ихъ коварна голова!
Какъ пустозвучны ихъ слова!
И много истинъ онъ, печальный,
Теперь извѣдалъ и узналъ,
Но самъ счастливѣе ли сталъ
Во глубинѣ души опальной?
Лучистой, дальнею звѣздой
Его влекла, тянула слава,
Но ложенъ чадъ ея густой,
Горька блестящая отрава.
Склоняется на западъ день,
Вечерняя длинѣетъ тѣнь;
И облаковъ блестящихъ бѣлыхъ
Ярчѣе алые края;
На листьяхъ темныхъ, пожелтѣлыхъ
Сверкаетъ золота струя.
И вотъ завидѣлъ странникъ бѣдный
Свои родимые луга.
И взоръ мгновенно вспыхнулъ блѣдный,
Блеснула жаркая слеза.
Рой прежнихъ тѣхъ забавъ невинныхъ
И тѣхъ проказъ, тѣхъ думъ старинныхъ
Все разомъ налегло на грудь
И не даетъ ему дохнуть.
И мыслитъ онъ: что это значитъ?
И, какъ ребенокъ слабый, плачетъ.

Дума.

Благословенъ тотъ дивный мигъ,
Когда въ порѣ самопознанья,
Въ порѣ могучихъ силъ своихъ
Тотъ, Небомъ избранный постигъ,
Цѣль высшую существованья,
Когда не грезъ пустая тѣнь
Когда не славы блескъ мишурный
Его тревожатъ ночь и день,
Его влекутъ въ міръ шумный, бурный:
Но мысль и крѣпка и бодра
Его одна объемлетъ, мучитъ
Желаньемъ блага и добра;
Его трудамъ великимъ учитъ.
Для нихъ онъ жизни не щадитъ.
Вотще безумно чернь кричитъ:
Онъ твердъ средь сихъ живыхъ обломковъ;
И только слышитъ, какъ шумитъ
Благословеніе потомковъ.
Когда-жъ коварныя мечты
Взволнуютъ жаждой яркой доли,
А нѣтъ въ душѣ желѣзной воли,
Нѣтъ силъ стоять средь суеты,—
Не лучше ль въ тишинѣ укромной
По полю жизни протекать,
Семьей довольствоваться скромной
И шуму свѣта не внимать.

Картина XVI.

Выходятъ звѣзды плавнымъ хоромъ,
Обозрѣваютъ кроткимъ взоромъ
Опочивающій весь міръ,
Блюдутъ сонъ тихій человѣка,
Ниспосылаютъ добрымъ миръ,
А злымъ ядъ гибельный упрека.
Зачѣмъ же звѣзды, грустнымъ вы
Не посылаете покоя!
Для горемычной головы
Вы—радость, и, на васъ покоя
Свой грустный стоскованый взоръ,
Страстей онъ слышитъ разговоръ
Въ душѣ, и васъ онъ призываетъ.
И вамъ онъ пѣни повѣряетъ.
По прежнему всегда томна,
Еще Луиза не раздѣлась,
Не спится ей; въ мечтахъ она
На ночь осенню заглядѣлась.
Предметъ и тотъ же, и одинъ...
И вотъ восторгъ къ ней въ душу входитъ:
Пѣснь стройную она заводитъ,
Звучитъ веселый клавесинъ.

Внимая шуму листопада,
Промежъ деревьевъ, гдѣ сквозитъ
Изъ стѣнъ рѣшетчатыхъ ограда,
Въ забвеньи сладостномъ, у сада
Нашъ Ганцъ закутавшись стоитъ.
И что-же съ нимъ, когда онъ звуки
Давно-знакомые узналъ,
И голосъ тотъ со дня разлуки,
Что долго, долго не слыхалъ,

И пѣсню ту, что въ страсти жаркой
Въ любви, въ избыткѣ дивныхъ силъ
Подъ строй души въ напѣвахъ яркой
Ее, восторженный, сложилъ!
Чрезъ садъ она звенитъ, несется
И въ упоеньи тихомъ льется:

Тебя зову, тебя зову,
Твоей улыбкою чаруюсь,
Съ тобой не часъ, не два сижу,
Съ тебя очей я не свожу—
Дивуюся, не надивуюсь.

* * *

Поешь ли ты—и звонъ рѣчей
Твоихъ, таинственный, невинный,
Ударитъ въ воздухъ ли пустынный—
Звукъ въ небѣ льется соловьиный,
Гремитъ серебряный ручей.

* * *

Приди ко мнѣ, прижмись ко мнѣ,
Въ жару чудеснаго волненья!
Пылаетъ сердце въ тишинѣ—
Они горятъ, они въ огнѣ,
Твои покойныя движенья.

* * *

Я безъ тебя грущу, томлюсь,
И позабыть тебя нѣтъ силы.
И пробуждаюсь ли, ложусь,
Все о тебѣ молюсь, молюсь
Все о тебѣ, мой ангелъ милый.

И вотъ почудилося ей:
Чудеснымъ заревомъ очей
Возлѣ нее блистаетъ кто-то,
И страхъ и дрожь ее беретъ...
И оглянулась...
«Ганцъ»!..
О, кто пойметъ
Всю эту радость чудной встрѣчи
И взоровъ пламенныя рѣчи,
И этотъ чувствъ счастливый гнетъ!
О, кто такъ пламенно опишетъ
Сію душевную волну,
Когда она грудь рветъ и пышетъ,
Терзаетъ сердца глубину.
А самъ дрожишь, въ весельи млѣешь,
Ни думъ, ни словъ найти не смѣешь;
Въ восторгѣ, въ кучѣ сладкихъ мукъ,
Сольешься въ стройный свѣтлый звукъ!

Опомнясь, Ганцъ глядитъ сквозь слезы
Въ глаза подруги своея
И мыслитъ: «Полно, это грезы;
Пусть же не просыпаюсь я!
Она все та жъ, и такъ любила
Меня всей дѣтскою душой!
Чело печалію накрыла,
Румянецъ свѣжій изсушила,
Губила вѣкъ свой молодой;
А я безумный, безтолковый!»...
И спалъ страданій тяжкій сонъ
Съ его души; живой, спокойный
Переродился снова онъ.
На время бурей возмущенъ,
Такъ снова блещетъ міръ нашъ стройный;
Въ огнѣ закаленный булатъ
Такъ снова ярче во сто кратъ.

Пируютъ гости, рюмки, чаши
Кругомъ обходятъ и гремятъ;
И старики болтаютъ наши,
И въ танцахъ юноши кипятъ.
Звучитъ протяжнымъ, шумнымъ громомъ
Музыка яркая весь день,
Ворочаетъ веселье домомъ;
Гостепріимно блещетъ сѣнь.
И поселянки молодыя
Чету влюбленную дарятъ:
Несутъ фіалки голубыя,
Несутъ имъ розы огневыя,
Ихъ убираютъ и шумятъ;
Пусть вѣкъ цвѣтутъ ихъ дни младые,
Какъ тѣ фіалки полевыя!
Сердца любовью да горятъ,
Какъ эти розы огневыя!

И въ упоеньѣ, въ нѣгѣ чувствъ
Заранѣ юноша трепещетъ,
И свѣтлый взоръ весельемъ блещетъ;
И безпритворно, безъ искусствъ,
Оковы сбросивъ принужденья,
Вкушаетъ сердце наслажденья,
И васъ, коварныя мечты,
Боготворить ужъ онъ не станетъ,

Земной поклонникъ красоты.
Но что жъ опять его туманитъ?
(Какъ не понятенъ человѣкъ!)
Прощаясь съ ними онъ на вѣкъ,
Какъ-бы по старомъ другѣ вѣрномъ,
Груститъ въ забвеніи усердномъ.
Такъ въ заключеньи школьникъ ждетъ,
Когда желанный срокъ придетъ.
Лѣта къ концу его ученья, —
Онъ полонъ думъ и упоенья,
Мечты воздушныя ведетъ:
Онъ независимый, онъ вольный,
Собой и миромъ всѣмъ довольный.
Но разставаяся съ семьей
Своихъ товарищей, душой
Дѣлилъ съ кѣмъ шалость, трудъ, покой,
И размышляетъ онъ, и стонетъ
И съ невыразимою тоской
Слезу невольную уронитъ.

Эпилогъ.

Въ уединеніи, въ пустынѣ,
Въ никѣмъ незнаемой глуши,
Въ моей невѣдомой святынѣ,
Такъ созидаются отнынѣ
Мечтанья тихія души.
Дойдетъ ли звукъ подобно шуму?
Взволнуетъ ли кого нибудь:
Живую юноши ли думу,
Иль дѣвы пламенную грудь?
Веду съ невольнымъ умиленьемъ
Я пѣсню тихую мою,
И съ неразгаданнымъ волненьемъ
Свою Германію пою.
Страна высокихъ помышленій!
Воздушныхъ призраковъ страна!
О, какъ тобой душа полна!
Тебя обнявъ, какъ нѣкій геній,
Великій Гете бережетъ,
И чуднымъ строемъ пѣснопѣній
Свѣваетъ облако заботъ.

———

233. Гармонія вѣры. Изданная въ Вильнѣ 1608 года.—Въ 4 д. л., 58 стр. На польскомъ и русскомъ языкахъ.

На оборотѣ заглавнаго листа помѣщенъ гербъ какого-то іерарха и по сторонамъ буквы: А. Р. А. К. Е. W.; потомъ — «до чытателя христіанскаго, такъ русина, яко рымлянина».

См. «Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ» Павла Строева, стр. 31,—№ 16.

234. Gemma Magica или магическій драгоцѣнный камень, т. е. краткое изъясненіе книги натуры, по седми величайшимъ листамъ ея, въ которой можно читать божественную и натуральную премудрость, вписанную перстомъ Божіимъ. Кн. премудр. гл I, ст. 4. „Премудрость не внійдетъ въ злокровную душу 1. А. Ѳ. Сія премудрость не пойдетъ на неблагородные умы, но на добродѣтельные и благородные“.—Въ печать отдано и споспѣшествовано любителемъ покойнаго автора, съ пожеланіемъ и дозволеніемъ Аполлона и Музъ.—Москва, въ типографіи И. Лопухина, съ указаннаго дозволенія. 1724 года.—Въ 8 д. л., 7 + 358 стр.

См. «Лонгиновъ» и «Московскіе Мартинисты», стр. 62-я. Книга была конфискована у Н. И. Новикова въ его деревнѣ. Изъ предисловія видно, что «авторъ сей книги искалъ этотъ магическій камень отъ юности своей съ неутомимымъ прилежаніемъ, со многимъ бдѣніемъ и всегдашнею молитвою и въ глубокодонномъ морѣ библіи, однако не безъ великой бѣды, между многимъ гоненіемъ и терпѣніемъ св. креста, какъ-то и утвержденіе Божіей премудрости и строгое испытаніе начинающаго ученика требуютъ, ибо я весьма много лѣтъ сносилъ нудную и иногда опасную борьбу съ жесточайшею бурею содомскаго міра. Запутанъ въ вихрѣ множайшихъ, нежели тысячныхъ препятствій, прежде нежели дана мнѣ возможность получить оный такъ, что не могъ я въ семъ по желанію угодить и нѣкоторымъ вѣрнымъ друзьямъ и почтеннымъ споспѣшествователямъ свободныхъ наукъ,—хотя часто съ крайнимъ раченіемъ предпринималъ оное, пока благоизволилося Всевышнему во свое время тайное мое ученіе, да употреблю слова нѣкоего просвѣщеннаго мага—соединить съ собою въ освященной сердца точкѣ истины. Того ради сіе изъясненіе «Книги натуры» уподобляется драгоцѣнному камню, или жемчужинѣ, трехъ ради причинъ: первое для свѣтло-бѣлой чистоты, которою жемчугъ удивительнымъ образомъ превос-

ходствуетъ, такъ и сіе магическое или тайное наставленіе не осквернено кислымъ тѣстомъ язычества, никакимъ душѣ вреднымъ заблужденіемъ, которое бы я зналъ, понеже предревняя философія наша дѣлаетъ или находитъ для себя благочестивый и искренній умъ, къ тому жъ она, подобно жемчужинѣ, паитѣснѣйше соединяетъ округъ или объятіе всѣхъ знаній въ сердца точкѣ освященнѣйшей истины».—Все сочиненіе основано на теоріяхъ Гермеса, Василія Валентина и другихъ.— См. «Опытъ россійской библіографіи» Василія Сопикова за № 5011. «Лонгиновъ» и «Московскіе Мартинисты», стр. 224.—Книга очень рѣдкая.— Купленъ мною экземпляръ за 10 руб.

235. Генералъ-Лейтенантъ Гавріилъ Аристарховичъ Галаховъ. 1826 — 1899. Библіографическій очеркъ. Съ приложеніемъ родословной семьи Галаховыхъ и портрета. Составленъ Н. Г. Галаховымъ. С.-Петербургъ. типографія Евдокимова, 1899 года.—Въ 16 д. л., 41 стр.

Книжка напечатана не для продажи.

Издана исключительно для членовъ семьи и друзей покойнаго Р. А. Галахова.

Купленъ мною экземпляръ за 2 руб.

236. Геній временъ 1808 года.—Въ 4 д. л.,—№№ 1+104.

Это очень рѣдкій журналъ. Онъ издавался съ іюня мѣсяца 1807 года по 17 сентября 1809 года и составляетъ три части. Въ изданіи его участвовалъ Николай Ивановичъ Гречъ.

237. Генріада. Героическая поэма въ десяти пѣсняхъ. Сочиненіе Вольтера, переложенная россійскими бѣлыми стихами капитаномъ Яковомъ Княжнинымъ. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской академіи наукъ. 1777 г.—Въ 4 д. л., 170 стр.

Книга эта въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость, слѣдовательно для большинства—недоступна; между тѣмъ въ ней помѣщено предисловіе отъ Як. Княжнина, интересное въ томъ отношеніи, что поясняетъ взглядъ переводчика на сочиненія г. Вольтера.

Сокращенное извѣстіе о происшествіяхъ, на коихъ основана поэма Генріада.

Пламень гражданскихъ междоусобій, коего первыя искры возгорѣлися при Францискѣ второмъ, воспалилъ всю Францію во время малолѣтства Карла девятаго. Законъ былъ причиною сихъ распрей между народомъ, а видомъ между вельможами. Королева Екатерина де-Медицисъ, многократно благоденствіе государства подвергала опасности для соблюденія своея власти, вооружая католиковъ противъ протестантовъ, и Гизовъ противу Бурбоновъ, дабы едиными истребить другими.

Франція тогда къ несчастію своему въ нѣдрахъ своихъ имѣла весьма сильныхъ вельможъ и слѣдовательно удобныхъ къ возмущенію; народъ былъ суевѣренъ и ожесточенъ сею яростію, которую внушаетъ ложное усердіе; короли въ сущей юности, коихъ именемъ опустошали государство. Сраженіи при Дре, Сентъ-Денисѣ, Жарналѣ, Монконтурѣ ознаменовали несчастное правленіе Карла девятаго. Наивеличайшие города то теряли, то паки обратно брали, и въ конецъ разоряли противныя стороны. Военно-плѣнныхъ умерщвляли неслыханными до того, и тогда нарочито вымышленными казнями. Храмы католиковъ были обращаемы въ пепелъ протестантами, а протестантскіе католиками; отравленіе ядомъ и убійства почиталися хитрымъ отмщеніемъ врагамъ.

Толикія злодѣянія до высочайшей дошли степени въ день св. Варѳоломея. Генрихъ Великій, бывшій тогда королемъ Наварскимъ еще въ самой цвѣтущей юности, начальникъ протестантской стороны, въ нѣдрахъ которыя онъ родился, былъ ко двору призванъ съ сильнѣйшими вельможами той стороны, гдѣ онъ вступилъ въ бракъ съ принцессою Маргаритою, сестрою Карла девятаго. Во время сихъ брачныхъ торжествъ посреди глубочайшей тишины и послѣ священнѣйшихъ клятвъ, Екатерина де-Медицисъ повелѣла совершить тѣ убійства, кои сколь ни ужасны и ни посрамительны для имени французовъ, однако должны быть преданы вѣчной памяти, дабы человѣки, всегда готовые вступать въ пагубныя распри закона, видѣли то, къ чему ихъ духъ раздоровъ наконецъ привести возможетъ.

И такъ при такомъ дворѣ, который славился вѣжливостію, жена знаменитая пріятствами разума, и юный двадцати-трехъ лѣтъ государь, безо всякаго содраганія, повелѣли умертвить болѣе одного милліона своихъ подданныхъ. Тотъ самый народъ,

который нынѣ со трепетомъ о семъ злодѣяніи воспоминаетъ, исполнялъ тогда оное съ восторгомъ и ревностію. Больше ста тысячъ были побиты своими согражданами, и если бы нѣкоторыя добродѣтельныя особы, какъ-то президентъ Жеанненъ, маркизъ де С. Герамъ и проч., не приняли благоразумныхъ предосторожностей, то единая половина французовъ истребила бы другую.

Карлъ девятый не долго жилъ послѣ дня св. Варѳоломея. Братъ его Генрихъ третій оставилъ Польскій престолъ, дабы возвратиться во Францію паки низвергнуть ее въ новыя злоключенія, отъ которыхъ напослѣдокъ она избавлена Генрихомъ четвертымъ, столь праведно именемъ великаго почтеннымъ отъ потомства, которое едино только можетъ даровать сіе титло.

Прибывъ во Францію, Генрихъ третій нашелъ тамъ двѣ владычествующія стороны. Единая была реформатская, возрастающая изъ непла своего сильнѣе прежней и имущая своимъ начальникомъ сего самаго великаго Генриха, бывшаго тогда королемъ Наварскимъ. Другая была сторона заговора; кромола сильная воздвигнутая мало-по малу герцогами Гизами, ободряемая римскими папами, подкрѣпляемая Испаніею, возрастающая ежедневно коварствомъ монаховъ и по внѣшности освященная ревностію закона католическаго, но въ самомъ дѣлѣ стремящаяся единственно только къ возмущенію. Начальникъ ея былъ герцогъ Гизъ по прозванію Балафре, князь пріобрѣтшій блистательную славу, и который имѣя больше великихъ, нежели добрыхъ качествъ, казался быть рожденнымъ для премѣны образа правленія въ сіи смутныя времена

Генрихъ третій вмѣсто того, чтобъ наклонить обѣ сіи стороны подъ иго королевской власти, подкрѣплялъ ихъ своею слабостію. Объявя себя начальникомъ заговора, думалъ онъ тѣмъ оказать великую политику, но чрезъ то содѣлался только его рабомъ. Онъ былъ принужденъ за пользы герцога Гиза, желавшаго его свергнуть съ престола, воевать противу Наварскаго короля, имѣвшаго супругою его сестру и долженствовавшаго по немъ быть наслѣдникомъ, который ни о чемъ болѣе не помышлялъ, какъ только о утвержденіи королевской власти, бывъ тѣмъ паче къ сему поощряемъ, что вступаяся за Генриха третьяго, которому долженъ онъ былъ наслѣдовать, самъ о себѣ старался.

Войско, посланное Генрихомъ третьимъ противъ Наварскаго короля, было побито при Кутрасѣ, гдѣ убитъ и Жоейзъ, его любимецъ. Король Наварскій иного плода отъ сей побѣды не желалъ, какъ только примириться съ королемъ Французскимъ, и не взирая на то, что былъ побѣдителемъ, самъ просилъ мира, но побѣжденный король не смѣлъ онаго принять, столько то страшился онъ герцога Гиза и заговора. Въ самое сіе время Гизъ разсыпалъ нѣмецкую армію. Такіе его успѣхи еще и болѣ унизили короля Французскаго, который почиталъ себя побѣжденнымъ въ одно время и бунтовщиками и реформатами.

Герцогъ Гизъ, надменный своею славою и утвержденный слабостію своего государя, не взирая на его повелѣнія прибылъ въ Парижъ. Въ то время приключилося славное происшествіе баррикадовъ, въ которое народъ изгналъ стражу королевскую и въ которое сей монархъ былъ принужденъ убѣжать изъ своей столицы. Гизъ еще больше сдѣлалъ, онъ принудилъ короля созвать государственные чины во Блоа, и все такъ размѣрилъ, что уже былъ въ состояніи раздѣлять власть королевскую, но согласію на то всѣхъ представляющихъ лице народа, подъ завѣсою наипочтеннѣйшихъ обрядовъ. Генрихъ третій, возбужденъ сею опасностію, велѣлъ умертвить въ замкѣ Блоа какъ сего страшнаго супостата, такъ и брата его кардинала, превосходящаго насиліемъ и гордостію и самаго герцога Гиза.

Что приключилося протестантамъ въ день св. Варѳоломея, то сбылося послѣ съ заговоромъ. Смерть начальниковъ возбудила бунтовщиковъ, и они съ себя сняли личину. Парижъ затворилъ свои врата, и всѣ стали помышлять о единомъ только отмщеніи. Генрихъ третій не былъ почтенъ государемъ, наказавшимъ своихъ преступившихъ подданныхъ, но убійцею защитниковъ вѣры. Притѣсненному отъ всѣхъ сторонъ Генриху третьему надлежало наконецъ примириться съ королемъ Наварскимъ. Сіи оба государи расположили станъ войскъ своихъ противъ Парижа и отъ сего то времени начинается Генріада.

Герцогъ Гизъ оставилъ по себѣ брата; сей былъ герцогъ да-Майенъ, человѣкъ неустрашимый, но болѣе того еще неутолимый, который незапно увидѣлъ себя главою крамолы, знающей свои силы, и поощряемый отмщеніемъ и суевѣріемъ.

Почти вся Европа вмѣшалася въ сію войну. Славная Елисавета, королева Аглинская, наполненная почтеніемъ къ королю Наварскому и имѣвшая всегда великое желаніе видѣть его, неоднократно воспомоществовала ему людьми, деньгами и кораблями: Дюплесси Морней былъ всегда отправляемъ для испрошенія ея помощи. Съ другой стороны отрасль Австрійскаго дома, владѣвшая во Италіи, споспѣшествовала заговору, въ надеждѣ пріобрѣтенія себѣ добычи отъ государства, терзаемаго гражданскою войною. Папы сражалися съ королемъ Наварскимъ не только едиными проклятіями, но и хитростію политики и небольшою помощію людей и денегъ, по елику оныхъ Римскій дворъ удѣлить можетъ.

Между тѣмъ когда Генрихъ третій уже находился въ состояніи овладѣть Парижемъ, былъ онъ умерщвленъ въ С.-Клу монахомъ Доминиканскаго ордена, который совершилъ сіе отцеубійство въ тѣхъ мысляхъ, что исполнивъ волю Божію достигнетъ мученическаго вѣнца, и сіе убійство было злодѣяніе не единаго сего монаха, но злодѣяніе всей стороны заговора. Мнѣніе общественное, какъ и всѣхъ бунтовщиковъ, состояло въ томъ, что должно убить короля, если онъ противенъ Римскому духовенству. Проповѣдники о семъ возглашали въ ихъ гнусныхъ проповѣдяхъ, оное было печатано во всѣхъ достойныхъ жалости книгахъ, которыми наполнена была вся Франція, и которыя нынѣ въ немногихъ книгохранительницахъ отъисканы быть могутъ, какъ достойные любопытства монументы вѣка въ разсужденіи наукъ и нравовъ равно варварскаго.

По смерти Генриха третьяго, король Наварскій (Генрихъ великій), признанный отъ войска королемъ Французскимъ, былъ принужденъ предолѣвать силы заговора Рима, Испаніи и покорить собственное королевство. Осаждая Парижъ неоднократно приступалъ онъ къ оному. Въ числѣ великихъ людей, оказавшихъ ему въ сей войнѣ услуги, почитаются маршалы д'Омонтъ и Биронъ, герцогъ де Бульонъ и проч. Дюплесси Морней былъ въ великой у него довѣренности до самой перемѣны закона сего Государя; онъ служилъ ему своею особою въ войскѣ, перомъ противъ папскихъ проклятій, а великимъ искуствомъ въ дѣлахъ,—для доставленія ему помощи у всѣхъ протестантскихъ государей.

Главнѣйшій начальникъ заговора былъ герцогъ де Майеннъ, пріобрѣтшій-же послѣ него больше всѣхъ себѣ славы, былъ Шевалье д'Омаль, юный князь, извѣстный тѣмъ высокомѣріемъ и блистательною храбростію, чѣмъ особливо домъ Гизовъ отличался. Они много разъ получали вспоможеніе отъ Испаніи, но въ поэмѣ упоминается только славный графъ д'Егмонтъ, сынъ адмирала Егмонта, приведшій тысячу триста, или тысячу четыреста копіеносцевъ на помощь герцору Майенну. Частыя происходили сраженіи, но знаменитѣйшее, рѣшительное и для Генриха четвертаго славнѣйшее изъ оныхъ было при Иври, гдѣ герцогъ Майеннъ былъ побѣжденъ, а графъ д'Егмонтъ убитъ.

Во время сей войны король влюбился въ прекрасную Габріеллу д'Етре, но его мужество отъ того ни мало не ослабѣло, чему свидѣтелемъ есть письмо, еще въ библіотекѣ королевской до нынѣ хранимое, въ которомъ онъ къ своей любовницѣ пишетъ: «Если я побѣжденъ буду, вы меня довольно зная конечно не помыслите того, чтобъ я спасся бѣгствомъ; но моя послѣдняя мысль будетъ обращена къ Богу, а предпослѣдняя къ вамъ».

Наконецъ, здѣсь выпущены многія знатныя дѣйствія, которыя не бывъ помѣщены въ поэмѣ, не должны и здѣсь имѣть мѣста.

Ничего не упоминается о отправленіи дѣлъ герцога Пармскаго во Франціи, которое служило только къ замедленію паденія заговора, ни о семъ кардиналѣ де Бурбонъ, который нѣсколько времени представлялъ тѣнь короля подъ именемъ Карла десятаго. Сего довольно сказать, что послѣ толикихъ злоключеній, Генрихъ четвертый сдѣлался католикомъ, и парижскіе жители, ненавидящіе его законъ и обожающіе его особу, признали его своимъ государемъ.

Эта рѣдчайшая поэма была издана въ послѣдніе годы Людовика XIV: онъ уже предвѣщалъ нравственную распущенность регентства; г. Вольтеръ сдѣлался однимъ изъ главныхъ членовъ этого кружка. Его сатирическія бездѣлки свободно разносились повсюду и слагали ему репутацію опаснаго человѣка. Благосклонно выслушивая ихъ, старики посвящали младшаго собрата въ свои воспоминанія и анекдотическую исторію старыхъ временъ.—Тогда уже образовался у него планъ такихъ произведеній, какъ «Генріада». Настало регентство, политическое и общественное неустройства навели наконецъ

молодаго человѣка на тотъ путь, къ которому онъ лишь безсознательно приближался, два обличительныя стихотворенія навлекли на него первыя гоненія; высылку изъ Парижа, потомъ и заключеніе въ Бастилію.

На эти проявленія произвола онъ отвѣчалъ не однѣми насмѣшками, но и административнымъ восхваленіемъ законности, терпимости мнѣній, благоразумнымъ протестомъ противъ тираніи, мрака и суевѣрій: недавній эпикуреецъ сталъ искуснымъ и настойчивымъ пропагандистомъ освободительныхъ идей. Онъ съумѣлъ воспользоваться старой легендой объ Эдипѣ для современныхъ просвѣтительныхъ цѣлей: его трагедія вызвала восторгъ своими колкими нападками на «жрецовъ и царей», стихи изъ трагедіи заучивалися на память; пьеса дана была 45 разъ; столкновеніе мнѣній за и противъ нея—породило цѣлую литературу. То былъ «первый боевой кличъ»; къ тому же и первое произведеніе, подписанное этимъ славнымъ именемъ (оно или образовано изъ анаграммы apouet li jeune, или же обозначало одно урочище, прежде принадлежавшее семейству г. Вольтера). Но послѣдовавшая за Эдипомъ поэма Генріада оставила далеко позади этотъ удачный опытъ литературно-политической демонстраціи. Дряблости и распущенности современнаго общества противопоставлены были тутъ мужественныя доблести прошлаго; стѣсненіямъ религіозныхъ убѣжденій—свобода совѣсти, въ укоръ новѣйшимъ правителямъ идеализована была личность Генриха IV. Не живостью дѣйствія или интересомъ содержанія, а этою прикладною стороною своей поэма подѣйствовала на читателей. Тайно напечатанная въ Руанѣ (1723)—распространилась въ массѣ экземпляровъ. Она много разъ была перепечатана за-границею и, начиная съ лондонскаго изданія, получила новое заглавіе «Генріада».

Не смотря на быстрые успѣхи молодого писателя, становившагося чрезвычайно популярнымъ, и на то, что главнѣйшія темы, которыя онъ неустанно разрабатывалъ всю свою жизнь, уже были имъ намѣчены, — ему еще недоставало и политическаго и научно-философскаго воспитанія: его и не могла бы дать французская среда.

См. Энциклопедическій Словарь — Ефрона, стр. 137, статья Алексѣя Веселовскаго.—У Як. Березина-Ширяева—стр. 234 сказано: «книга рѣдкая».

Купленъ мною экземпляръ за 12 рублей въ современномъ кожанномъ переплетѣ.

238. Геометрія, практика съ фигурами въ текстѣ.—Въ 4 д. л., 152+1 стр. безъ означенія года и мѣста печати.

Означенное изданіе очень рѣдко. См. въ росписи Смирдина подъ № 3952, гдѣ сказано: что книга напечатана въ С.-Петербургѣ 1709 года и въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость и цѣнится любителями и знатоками отъ 8 до 12 рублей.

239. Географія или краткое земнаго круга описаніе, напечатано повелѣніемъ царскаго величества въ типографіи Санктъ-пітербурской лѣта Господня 1716, въ мѣсяцѣ ноябрѣ.—Въ 8 д. л., 106 и 20 ненум. стран.

Въ концѣ книги на послѣдней страницѣ помѣщенъ «Реестръ на книгу Географію».

Это третье изданіе «Географіи».

См. «Русскую Физико-математическую библіографію», составленную В. Бобынымъ — стран. 52, № 53.

Іоганнъ Пальмъ.

Нюрнбергскій книготорговецъ.

240. Германія въ глубокомъ униженіи своемъ; издатель за продажу котораго разстрѣлянъ по повелѣнію Бонапарта: нюрнбергскій книготорговецъ Пальмъ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ присовокупленіемъ описанія несчастной судьбы Пальма, военнаго суда надъ нимъ произведеннаго и приговора, по которому былъ онъ лишенъ жизни въ Браунау 25 августа 1806 года. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ, 1807 года.—Въ 8 д. л., XVI+90 стр.

Издатель сей замѣчательной книги г-нъ Пальмъ былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе. Книга сія заслуживаетъ вниманія публики по двумъ причинамъ: во первыхъ, по содержанію своему, ибо заключаетъ въ себѣ безпристрастное разсмотрѣніе новѣйшихъ происшествій Германіи, а во вторыхъ, по несчастной участи издателя оной на нѣмецкомъ языкѣ Нюрнбергскаго книгопродавца. Здѣсь прилагаемъ мы краткое извѣстіе о плачевной судьбѣ его.

По разграбленіи Германіи французскими войсками, многіе изъ нѣмецкихъ писателей явно начали жаловаться на притѣсненія, которыя они претерпѣваютъ отъ жестокихъ побѣдителей своихъ. Къ числу такихъ книгъ принадлежитъ: Генцово равновѣсіе Европы и прочія, а въ особенности сія книга: «Германія въ глубокомъ униженіи своемъ», коей сочинитель неизвѣстенъ.

Французскія войска, вопреки мирныхъ договоровъ, стояли въ Германіи, и деспотъ ихъ почелъ сіе неисполненіе обѣщанія своего правомъ повелѣвать неограниченно въ земляхъ имъ захваченныхъ. Книгопродавцы: Стаче въ Аресбургѣ, а Пфафъ въ Нюрнбергѣ, люди честные и зажиточные, продавали сіи сочиненія, хотя не запрещенныя законными государями ихъ, но непріятныя поработителямъ Германіи. Въ половинѣ августа прошлаго 1806 года, они были захвачены французскими жандармами, и подобно измѣнникамъ противъ государства, заключены: первый—въ Браунау, а второй въ Мюнхенѣ. Вскорѣ послѣ того, былъ взятъ и Пальмъ, содержатель Стейновой книжной лавки въ Нюрнбергѣ, и посаженъ въ Браунау. Съ ужасомъ и справедливымъ негодованіемъ къ безчеловѣчному поработителю свободной націи ожидали не только въ Германіи, но и во всей Европѣ, окончанія сего дѣла, какъ вдругъ разнеслось извѣстіе, что Пальмъ, уличенный въ напечатаніи книги: «Германія въ глубокомъ униженіи своемъ», по приговору военнаго суда былъ разстрѣлянъ въ Браунау.—Не станемъ разбирать, можно-ли судить книгопродавца за печатаніе и проджу книгъ, въ такой землѣ, гдѣ существуетъ свобода писанія; не будемъ розыскивать: имѣетъ-ли право военная команда, стоящая въ чужой землѣ, брать своевольно подъ стражу обитателей ея, хотя-бы и виновныхъ; не станемъ спрашивать: подлежитъ-ли военному суду (невѣжъ, грабителей и подлыхъ рабовъ свирѣпаго властелина) мирный гражданинъ; представимъ только собственное объявленіе французскаго правительства о судѣ и казни его, и безчеловѣчная несправедливость, съ какою поступили при семъ случаѣ,—явно откроется!

ПРИГОВОРЪ

Произнесенный чрезвычайной военною коммиссіею, назначенною по случаю Императорскаго указа отъ 17 мессидора, 12 года республики (12 августа 1806) и по приказанію его свѣтлости князя нефтальскаго и валанженскаго, военнаго министра, государственнаго маршала и генералъ-маіора

во имя его величества Императора французовъ и короля Италіи.

Сегодня, 25 августа 1806 года, чрезвычайная военная коммиссія, учрежденная въ Браунау по Императорскому указу отъ 17 мессидора 12 года республики и по указу его свѣтлости князя нефтальскаго (и пр.), состоящая изъ слѣдующихъ членовъ:

ПРЕЗИДЕНТА:

Латриля, полковника 46 линейнаго пѣхотнаго полка.

СУДЕЙ:

Отье, полковника 8 линейнаго пѣхотнаго полка.

Лемароа, полковника 43 линейнаго пѣхотнаго полка.

Люилье, полковника 75 линейнаго пѣхотнаго полка.

Лажонкіера, полковника 76 линейнаго пѣхотнаго полка.

Шовеля, полковника 64 линейнаго пѣхотнаго полка.

Никела, полковника 61 линейнаго пѣхотнаго полка.

Референдерія господина Бино, главнаго адъютанта шефа генеральнаго штаба 1 дивизіи, 4 корпуса большой арміи.

Помощникомъ референдерія назначенъ шалонъ-фуріеръ 43 полка, какъ писарь военнаго суда, кои по содержанію 7 и 8 пунктовъ закона отъ 13

брюмера 5 года не находятся въ родствѣ между собою или съ подсудимыми.

Сія коммиссія соединилась въ Браунау, чтобы судить слѣдующихъ особъ.

Іосифа Шодфера, 38 лѣтъ, уроженца изъ Данауверта и тамошняго купца (находится на лицо).

Іоанна-Филиппа Пальма, 40 лѣтъ, уроженца изъ Шондорфа, живущаго въ Нюрнбергѣ, гдѣ онъ торгуетъ книгами, подъ именемъ и фирмою «Стейна» (находится на лицо).

Н. Merкеля. Трактирщика изъ Некареулема, что въ Виртембергскомъ владѣніи (въ отсутствіи и не явился къ суду).

Іосифа-Фредерика Генита. Перваго помощника Стейновой книжной лавки въ Аугсбургѣ (въ отсутствіи и не явился къ суду).

Они обвиняемы были въ сочиненіи, печатаніи и распространеніи ругательныхъ сочиненій, писанныхъ противъ его Величества Императора Короля и его войска, съ намѣреніемъ обольстить умы жителей южной Германіи, побуждая ихъ къ измѣнѣ, возмущенію и убійству противъ французскихъ войскъ, и даже сіи послѣднія старались преклонить къ непокорности и забытію обязанностей ихъ къ законному Государю.

Вслѣдствіе сего коммиссія осуждаетъ означенныхъ лицъ къ смертной казни.

1. Іосифа Шодфера, купца изъ Данауверта.
2. Іоанна-Филиппа Пальма, книгопродавца издателя.
3. Меркеля, трактирщика въ Некареулемѣ.
4. Генита, помощника Стейновой книжной лавки.
5. Купфера, книгопродавца изъ Вѣны.
6. Эйриха, книгопродавца изъ Линца.

241. Гимнъ на благополучное бракосочетаніе ихъ сіятельствъ графа Франциска Броницкаго, великаго короннаго гетмана, разныхъ орденовъ кавалера, и графини Александры Васильевны, урожденной Энгельгардовой, Ея Императорскаго Величества камеръ-фрейлины. Всеусердно посвящается отъ нижайшаго слуги Якова Кантаровскаго. Ноября 12 дня 1781 г. Спб.—Въ 4 д. л., 6 и 2 стр.

Эта рѣдкая брошюра описана въ «Дополнительныхъ матеріалахъ для библіографіи» Як. Березина-Ширяева, стр. 148-я.

242. Гимнъ при берегахъ Днѣпра или сѣтованіе россіянъ о кончинѣ Александра I Императора и Самодержца Всероссійскаго, послѣдовавшей 19 ноября 1825 года. Санктпетербургъ, въ типографіи Императорскаго воспитательнаго дома, 1826 года.—Въ 4 д. л., 10 стр.

Гимнъ Ѳедора Корбелецкаго въ настоящее время составляетъ рѣдкость, а слѣдовательно не всегда бываетъ находимъ въ книжной торговлѣ, почему для большинства любителей недоступенъ. Между тѣмъ этотъ гимнъ весьма интересенъ въ историческомъ отношеніи, почему я считаю не лишнимъ привести его здѣсь, съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

ГИМНЪ ПРИ БЕРЕГАХЪ ДНѢПРА

или

сѣтованіе россіянъ о кончинѣ Александра I

ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

послѣдовавшей 19 Ноября 1825 года.

Возстали сумрачныя тучи
Съ Полуденныхъ далекихъ странъ!..
Не Сирскіе-ль пески сыпучи
Возвѣялъ грозный Ураганъ *),
И, съ вихрями въ бореньи споря,
Чрезъ тихи волны Черна моря
И долы Крымскихъ береговъ,
Мчитъ къ Сѣверу въ густомъ туманѣ?..
Иль сѣча идетъ въ Таманѣ
Межъ Горскихъ Ордъ и Казаковъ?
Иль, возмущенное волною,
Спокойствіе Азовскихъ водъ,
Непроницаемою мглою
Небесный потемнило сводъ?
Иль Алквилоновъ сила яра,
Въ странѣ Екатеринодара—
Ведя борьбу между собой,
И, по степи клубясь обширной,
Скрываетъ съ нивъ плодъ жатвы мирной,
Грозя намъ бѣдственной судьбой?..
Или съ Кавказы вѣщи враны

---

*) Ураганъ, Уранъ и Буранъ значитъ порывисто-бурный вѣтеръ, исторгающій деревья съ корнями, и не рѣдко въ стремленіи своемъ опрокидывающій цѣлыя зданія.

Взвилися стаей къ облакамъ?
Или Уральскіе Бураны
Грозу предзнаменуютъ намъ,
Стремя полетъ съ Юго-Востока
До свѣтло-чистаго истока
Царицы Русскихъ рѣкъ Невы?..
Или Кометы появленье
Стихіи ввергнуло въ волненье?—
Но вдругъ раздался вопль: увы!..

Увы! откликнулась Природа:
Въ сей мигъ ударилъ смертный часъ
Отца Россійскаго народа!
И жизни лучъ того угасъ,
Кого Европа обожала,
Кого Вселенна уважала,
Кто мановеніемъ перста—
На свой опершись мечъ булатный,
Удерживалъ громады ратны,
И Марсу заграждалъ уста!

Кто на поляхъ чужаго края,
Гдѣ знаменитый палъ Моро *),
Враговъ Отечества карая
И тутъ же имъ творя добро,
Прешедши горъ хребты подзвѣздны
И переплывъ морскія бездны,
Вездѣ встрѣчалъ полки смертей;
Въ землѣ родной при устьи Дона,
Среди надежныхъ стражей Трона
Свершилъ своихъ теченье дней!

Кому Вселенная дивилась,
Кто въ Мірѣ мира былъ Творецъ
Кѣмъ Лилія возобновилась,
Кто славный Генриховъ вѣнецъ
Съ возстановленьемъ падшихъ Троновъ
Взложилъ по Праву на Бурбоновъ;
Чье имя вписано въ Скрыжаль
Событій, съ Титломъ Полубога;
Скончался Тотъ средь Таганрога—
О скорбь! о горесть! о печаль!..

Скончался нашъ Благословенный,
Нашъ, кроткій, добрый Государь,
Къ своимъ подвластнымъ упоенный
Любовью чистой—Неба даръ
Для благъ обширныя Россіи;
Благословенный Сынъ Маріи,
Супругѣ преданный Супругъ,
Для Братьевъ Братъ въ любви примѣрный,
Для Сестръ Благотворитель вѣрный—
Европѣ неизмѣнный Другъ!

Кто могъ изъ подданныхъ помыслить,
Чтобы увялъ такъ скоро Онъ,
Себя къ безсмертнымъ сопричислить
Могущій, сильный какъ Самсонъ,
И крѣпкій свыше человѣка?
Кому довлѣло бы полвѣка
Еще на тронѣ процвѣтать?—
Но часто, ахъ! гдѣ мы не чаемъ,
Безвременную смерть встрѣчаемъ,
Пришедшу, какъ полночный тать!

И чей умъ бренный и ничтожный,
Тотъ приговоръ проникнуть могъ,
Который въ вѣчности Всемощный
Изрекъ объ Александрѣ Богъ?
Чтобъ тамъ, Врачей гдѣ по совѣту,
Уврачевать Елисавету,
Свою Супругу уповалъ;
Его нить жизни прекратилась,
Корона долу преклонилась,
И Скиптръ... изъ рукъ его упалъ!

Какую жъ въ часъ тотъ горьку чашу
Болящая испить должна,
Коль жизнь Супружню и Монаршу
Въ томленьи зрѣть обрѣчена *)?
Когда Его померкши очи,
Сверкнувъ отъ Юга къ Полуночи,
Склонились тихо въ вѣчный сонъ;
И какъ сія любви къ Ней жертва
Лежала бездыханна, мертва,
И все поверглось въ плачь и стонъ!

Не Ей, въ комъ скрытъ взаимный пламень
Любви къ супругу своему;
Безчувственный пусть былъ бы камень,

*) Французскій генералъ, у коего вблизи Государя Императора, во время сраженія при Дрезденѣ, происходившаго 21 августа 1813 г., оторвало пушечнымъ ядромъ, съ непріятельской батареи пущеннымъ, обѣ ноги, и онъ вскорѣ скончался.

*) Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна, не могши долго переносить сего удара, сама скончалась 4 мая 1826 года въ городѣ Бѣлевѣ Тульской губерніи, на возвратномъ пути Ея Величества изъ Таганрога въ Калугу.

Нельзя не дрогнуть и ему,
Взглянувъ на цвѣтъ лица увядшій,
Какъ въ осень съ древа листъ упадшій,
На трупъ хладнѣющій извнѣ,
Похитившій Ея полжизни,
И гдѣ-жъ? увы... Хотя въ отчизнѣ;
Но въ дальней отъ Родныхъ странѣ!

Представь Монархиню щастливу
Судьбою отраслей своихъ,
Мать нѣжную, чадолюбиву,
И только дышущу для Нихъ:
При возглашеньяхъ Іерарха,
О здравьи кроткаго Монарха
Молившуюсь у Олтаря,
И вмигъ упадшу, чувствъ лишенну,
Ужасной вѣстью пораженну
О смерти Сына и Царя *)!

Вдругъ всколебался Сонмъ народный,
Съ усердіемъ притекшій въ Храмъ, **)
И Иноземецъ и Ту-родный
Излить моленья фиміамъ
Совмѣстно съ Августѣйшимъ домомъ,
И дрогнулъ, какъ сраженный громомъ,
Лишь огласился Храма сводъ,
Что красное Свѣтило наше,
Собой полсвѣта озарявше,
За темный скрылось горизонтъ!

Но вящша скорбь сразила души
Усердныхъ, вѣрныхъ Россіянъ,
На всѣмъ пространствѣ водъ и суши:
Отъ Бельта за хребетъ Саянъ,
Отъ Мезени до устья Кура,
Отъ Нѣмана къ брегамъ Амура,
Отчизны отъ конца въ конецъ,
Къ Востоку, Западу и Югу,
Взывающихъ вездѣ другъ къ другу:
Ахъ! гдѣ скрылся нашъ Отецъ?

И какъ Славяне помня славу,
Которую Монархъ стяжалъ,
Порфиру Царску и Державу
Къ груди растерзанной прижавъ,
Слезами горькими омыли;
И, Александра при могилѣ,
Къ подножью гроба преклонясь,
Тоской сердечной отягчены,
Того лобзаютъ прахъ священный,
Кѣмъ душевилась обща связь.

Тамъ у Ильменя чинъ старѣйшинъ,
Къ Престолу горя
Любови пламенемъ чистѣйшимъ,
Лишь свѣдалъ о судьбѣ Царя,
Возноситъ къ Небу тяжки стоны,
Спѣшитъ къ согражданамъ на стогны
Плачевну вѣсть имъ передать.
А тамъ Москва, градовъ Царица,
Льетъ слезы, вопитъ какъ вдовица
По мужѣ, иль по сынѣ мать.

Тамъ надъ струей Днѣпра прозрачной
Стоитъ съ поникшею главой,
Объятый думою сумрачной,
Своихъ временъ Гроза-герой,
Прямой Хмѣльницкаго потомокъ,
Копья опершись на обломокъ,
Тоской сердечной удрученъ,
При слухѣ о незапной смерти
Того, за Коего умрети
Отцемъ отъ дѣтства наученъ!

Тамъ Рыцарь на конѣ арабскомъ
Донецъ, летя во весь опоръ,
Вдругъ слышитъ вопль, и въ видѣ рабскомъ
Склонилъ къ землѣ чело и взоръ;
Тамъ Стражъ, недремлющій Кубани,
Воздѣвши къ Небу мощны длани,
Какъ сынъ нѣжнѣйшій зарыдалъ;
Съ ними Сербы, Болгары, Грузины,
Черкесъ, Чеченецъ и Лезгины,
Калмыкъ, Бухарецъ, Камчадалъ!..

И всѣ сомкнувшись въ груду тверду,
Скорбѣли о потерѣ сей
Взывая къ Богу милосерду
Отъ глубины души своей:
Чтобъ Александръ, за трудъ подъятый,
Свершивый годъ двадесять пятый
Правленья вѣрныхъ Россіянъ,

*) По полученіи въ Санктпетербургѣ, 26 ноября, радостнаго извѣстія изъ Таганрога, о поправленіи здоровья Государя Императора, приносимо было на другой день, въ Придворной Зимняго Дворца Церкви, благодарственное о томъ Господу Богу молебствіе; но прежде окончанія онаго прискакавшій оттуда-же курьеръ привезъ о кончинѣ Его Величества ужасную вѣсть, поразившую, какъ громовымъ ударомъ, Августѣйшій Императорскій Домъ.

**) Въ Санктпетербургѣ.

Приверженныхъ душевно къ Трону:
Безсмертну воспріялъ Корону,
И въ новомъ Свѣтѣ возсіялъ!

И я, къ нимъ пріобщивъ моленье,
И посвятивъ слезу мою
Тому, чье пѣлъ на Тронъ вступленье,
А днесь надгробный гимнъ пою,
Себя, сей Гимнъ и томну лиру
Вновь облеченному въ Порфиру
Къ подножью Трона приношу,
И средь всеобщихъ, слезъ стенаній—
Сей плодъ сердечныхъ изліяній
Принять, какъ вѣрный сынъ, прошу.

Ѳедоръ Карбелецкій.

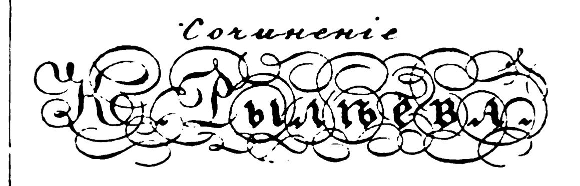
243. Глинка и его значеніе въ исторіи музыки. Г. Лароша. Москва, въ университетской типографіи. 1867 г. —Въ 8 д. л., 162+2 стр.

Это рѣдкое сочиненіе, состоящее изъ трехъ отдѣловъ, было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; въ отдѣльной же книгѣ существуетъ самое малое количество экземпляровъ, предназначенныхъ для самого автора, и составляетъ большую рѣдкость. Авторъ излагаетъ свое сужденіе о Глинкѣ о его значеніи въ музыкѣ и о его оперѣ «Русланъ», которой посвящаетъ подробный разборъ для оцѣнки ея достоинства. См. «Обзоръ книгъ и брошюръ» Якова Березина-Ширяева.

244. Глинскій. Дума. Переводъ съ польскаго К. Рылѣева. С.-Петербургъ. 1822 года.—Въ 12 д. л., 3 ненум.+8 стр.

Означенное произведеніе есть подражаніе Юліану Нѣмцевичу. Дума была напечатана въ прибавленіяхъ къ «Русск. Инвалиду» 1822 г., кн. II, стр. 11—16 и перепечатана въ «Русской Старинѣ» 1872, кн. II, стр. 271. Также довольно рѣдкими можно считать первыя изданія сочиненій Рылѣева, которыя таились, какъ запрещенныя, хотя объ нихъ, кажется, никакихъ запретительныхъ мѣръ принято не было. — Думы, стихотворенія К. Рылѣева, Москва, въ тип. С. Селивановскаго. 1825, въ 8 д. л., VIII + 172 стр., съ гравированнымъ заглавнымъ листомъ.—Войнаровскій. Сочиненіе К. Рылѣева. Москва, въ тип. Селивановскаго. 1825, въ 8 д. л., XXIV+64 стр. — Въ началѣ книжки помѣщены жизнеописанія Мазепы и Войнаровскаго, написанныя А. К. (Корниловичемъ), и исторіографія Миллера, написанная А. Б. (Бестужевымъ).

ДУМЫ.



Москва.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1825.

Заглавный листъ къ «Думамъ Рылѣева», изд. 1825 года.

Грав. Ал. Фроловъ.

См. у Геннади—«Русск. книж. рѣдкости» стр. 95, № 144.

245. Глобусъ небесный приписанъ боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину отъ Ивана Тесинга. Амстердамъ, 1715 года.—Въ листъ.

Книга замѣчательная, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, часть 2-я № 2843, сказано: «книга рѣдка».—Въ настоящее время совсѣмъ не находима въ книжной торговлѣ.

246. Glossaire français des locutions et mots peu usites qui se rencontrent dans la correspondance de Marie Stuart, reine d'Ecosse; par le prince Alexandre Lobanoff. Paris. imp. de Bathune et Plon. 1844.—In 8° 20 s. à 2 collonne.

Эта роскошно изданная книга княземъ Александромъ Лобановымъ содержитъ въ себѣ объясненіе мало-употребительныхъ французскихъ словъ, которыя находятся въ письмахъ Маріи Стюартъ.

Книжка напечатана на веленевой бумагѣ только въ количествѣ ста экземпляровъ и не для продажи.

247. Гномологікъ, или собранныя изъ разныхъ творцовъ мнѣнія Хрvсоловы, по алфавиту. И при томъ краткія нѣкоторыхъ древнихъ писателей эпистолы, или Граматки: Еще-жъ седьми Греческихъ Мудрецовъ, и другихъ філософовъ Апофегматы, или Наставленія и Совѣты. Переведено съ Эллиногреческаго языка статскимъ совѣтникомъ Стефаномъ Писаревымъ. — Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. 1767 года.—16°, 6+125 стр.

Въ началѣ этой чрезвычайно рѣдкой книжки слѣдуетъ посвященіе отъ переводчика Писарева малолѣтнему Кириллу Семеновичу Нарышкину, капралу лейбъ-гвардіи коннаго полка.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова—№ 2846.—У Губерти—№ 141.

248. Голосъ вѣры или собраніе духовныхъ пѣсенъ и псалмовъ для пѣнія, для употребленія при общественномъ и домашнемъ богослуженіи христіанъ баптистскаго исповѣданія. Составилъ Воронинъ. Тифлисъ. 1882 тода.

Книга Воронина «Голосъ вѣры или собраніе духовныхъ пѣсенъ и псалмовъ», въ хорошо сохранившихся экземплярахъ, почти не находима теперь, такъ какъ всѣ экземпляры этого изданія, по распоряженію правительства, велѣно было уничтожить. Почему, можно сказать, что въ настоящее время она принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

249. Голосъ изъ могилы живыхъ мертвецовъ (разсказъ скопца „Исторія моего оскопленія"). Безъ обозначенія мѣста и года печати. — Въ 8 д. л., 51 стр.

Въ книгѣ заключается восемь частей, въ которыхъ излагается разсужденіе автора о скопческой ереси.

Часть 1. Исторія моего оскопленія. 2. Селивановъ на золотомъ престолѣ. 3. Сѣвскій корабль. 4. Чудо. 5 и 6. Иванъ Степановичъ Кузнецовъ (учитель). 7 и 8. Артюховъ.

Эта книжка весьма любопытна и при томъ очень рѣдкая.

250. Городовое положеніе Императрицы Екатерины II. Напечатано золотомъ и черною краскою на самомъ лучшемъ пергаментѣ.—Въ больш. листъ, 78 стр.

На первыхъ двухъ страницахъ помѣщенъ титулъ Императрицы Екатерины II, писанный золотомъ отъ руки. Кругомъ всего заглавнаго листа помѣщены гравированныя изображенія гербовъ всѣхъ губерній. Въ серединѣ листа помѣщенъ вензель Императрицы Екатерины II, исполненный красками; внизу-же государственный большой гербъ.

Это очень рѣдкое изданіе куплено мною въ Спб. въ книжной торговлѣ В. И. Клочкова за 50 рублей.

251. Городская и деревенская библіотека или забавы и удовольствіе разума и сердца въ праздное время. — 12 частей. Изданіе Н. Новикова и К°. Москва. 1782—1786 года.—Въ 12 д. л. Заглавная виньетка.

«Городская и деревенская библіотека», за исключеніемъ немногихъ оригинальныхъ сочиненій, наполнена переводами изъ сочиненій Арнода, Дидерота и другихъ того времени извѣстныхъ писателей. Переводчиками статей, помѣщенныхъ въ библіотекѣ, были князья А. и С. Голицыны, П. Сумароковъ, А. Грибовскій, В. Протопоповъ, А. Малиновскій и другіе, скрывавшіе свои имена подъ буквами, но главнымъ вкладчикомъ былъ В. А. Левшинъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры рѣдки.

252. **Господа нашего Іисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѳея на русскомъ нарѣчіи.—Иждивеніемъ К. Л. Парижъ, въ типографіи Фирмяна Дидота. 1821 года.— 8°, 143 стр.**

Изданное княземъ А. Я. Лобановымъ - Ростовскимъ и прекрасно напечатанное мелкимъ отчетливымъ шрифтомъ.

На оборотѣ перваго выходнаго листа напечатано:—штемпеля сего шрифта, вновь вырѣзанные Фирмяномъ Дидотомъ, принадлежатъ издателю.

Чтобы дать понятіе о сей рѣдкой книжкѣ, прилагаю выписку изъ предисловія къ христолюбивымъ читателямъ.

Словомъ Божіимъ все сотворено, и все сотворенное держится силою Слова Божія.

Для человѣка Слово Божіе есть нетлѣнное сѣмя, отъ котораго онъ возрождается изъ естественной въ благодатную жизнь; есть хлѣбъ, которымъ онъ духовно живетъ, и вода, которою утоляетъ духовную жажду; есть свѣтильникъ, сіяющій въ темномъ мѣстѣ, пока придетъ разсвѣтъ и заря взойдетъ въ сердцѣ, и есть самый дневный свѣтъ, то есть, живое и блаженное познаніе Бога и чудесъ Его во времени и въ вѣчности. Безъ Слова Божія человѣкъ мраченъ, гладенъ, жаждущъ и мертвъ духовно.

По сей необходимости Слова Божія для истиннаго и лучшаго существованія человѣка, Всеблагій Богъ отъ самаго начала міра, многократно и многообразно говорилъ отцамъ чрезъ Пророковъ; а наконецъ говорилъ Онъ намъ самымъ Ѵпостаснымъ Своимъ Словомъ, единороднымъ Сыномъ Своимъ Іисусомъ Христомъ. И дабы Слово Его, открытое нѣкоторымъ, въ нѣкоторыя времена, было для всѣхъ и навсегда, Онъ повелѣлъ Богодухновеннымъ мужамъ написать оное въ Священныхъ книгахъ.

Когда народъ способный къ тому, чтобы ему ввѣрить писанное Слово Божіе, былъ одинъ, еврейскій, тогда и Священныя книги писаны были на одномъ еврейскомъ языкѣ. Такъ было вначалѣ со всѣми книгами Ветхаго Завѣта. Но когда, по предвѣдѣнію и предопредѣленію Божію, настало время раздѣлить сокровище Слова Божія и между прочими народами: тогда, еще до пришествія въ міръ Іисуса Христа, Священныя книги еврейскія переведены были на греческій языкъ, а послѣ Священныя книги Новаго Завѣта явились уже не на еврейскомъ, но на греческомъ языкѣ, какъ болѣе прочихъ въ тѣ времена повсюду извѣстномъ, и потому болѣе способномъ къ распространенію Слова Божія во всѣхъ народахъ. Сему указанію послѣдовали далѣе пастыри и учители Христіанской Церкви; и Слово Божіе переводами Священныхъ книгъ съ давнихъ временъ освѣтило многіе языки, въ числѣ ихъ и отечественный намъ славянскій.

Но, между тѣмъ какъ языкъ въ книгахъ неизмѣнно храниться можетъ многіе вѣки, языкъ въ устахъ народа въ одномъ вѣкѣ измѣняется много; и написанное за нѣсколько столѣтій на нашемъ отечественномъ языкѣ нынѣ намъ уже мало понятно, безъ особеннаго изученія сего языка въ древнемъ его состояніи. Изъ сего открывается, для безпрепятственнаго употребленія и распространенія Слова Божія, необходимость не только переводить Священное Писаніе на отечественный языкъ, но и на семъ самомъ языкѣ отъ времени до времени возобновлять переводъ съ состояніемъ сего языка въ его народномъ употребленіи. Необходимость сію давно уже видѣли предки наши, когда, при перепискѣ славянскихъ св. книгъ, нерѣдко замѣняли вышедшія изъ употребленія слова другими употребительнѣйшими (а иногда притомъ и сходственнѣйшими съ подлинникомъ), что желающему не трудно усмотрѣть изъ сличенія древнихъ славянскихъ рукописей Св. Писанія съ древнѣйшими. Достойный особеннаго уваженія примѣръ трудовъ сего рода, о которомъ не можно здѣсь умолчать, подалъ Святый Алексій митрополитъ Московскій, которымъ тщательнѣйше исправленный съ греческаго славянскій списокъ Святаго Евангелія донынѣ хранится въ Московскомъ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ и мощи его почиваютъ. Нынѣ находящееся въ народномъ употребленіи русское нарѣчіе столько уже удалилось отъ славянскаго, употребленнаго въ древнемъ переводѣ Священнаго Писанія, что дабы облегчить народу разумѣніе онаго, уже недостаточна была бы перемѣна нѣскольскихъ древнихъ неупотребительныхъ словъ на новыя употребительныя, но требуется возобновленіе всего перевода, сообразно съ настоящимъ состояніемъ русскаго нарѣчія.

На сію потребность, прозорливо усмотрѣнную, дѣятельно указалъ Благочестивѣйшій Государь Императоръ въ Высочайшемъ повелѣніи своемъ, объявленномъ Святѣйшему Синоду въ 23-й день февраля 1816 года, въ которомъ изображено:

«Его Императорское Величество, какъ внутреннимъ Божественнымъ достоинствомъ Священнаго Писанія, такъ и самыми опытами убѣждаясь въ томъ, сколь полезно чтеніе онаго людямъ всякаго званія для преуспѣяніи въ благочестіи и благонравіи, на коихъ зиждется истинное благо людей и народовъ, и посему обращая вниманіе на дѣйствія Россійскаго Библейскаго Общества, съ прискорбіемъ усматриваетъ, что многіе изъ россіянъ по свойству полученнаго ими воспитанія, бывъ удалены отъ древняго славянскаго нарѣчія, не безъ крайняго затрудненія могутъ употреблять издаваемыя для нихъ на семъ единственно нарѣчіи Священныя книги, такъ что нѣкоторые прибѣгаютъ въ семъ случаѣ къ пособію иностранныхъ переводовъ, а большая часть и сего имѣть не можетъ. Но какъ изъ отчета Россійскаго Библейскаго Общества за 1814-й годъ Его Императорскому Величеству извѣстно, что въ подобныхъ изъясненнымъ здѣсь обстоятельствахъ, въ церкви Греческой Патріаршею грамотою одобрено народу чтеніе Священнаго Писанія Новаго Завѣта на новѣйшемъ греческомъ нарѣчіи, вмѣсто древняго, то Его Императорское Величество находитъ соотвѣтственнымъ съ обстоятельствами, чтобъ и для Россійскаго народа, подъ насмотрѣніемъ духовныхъ лицъ, сдѣлано было преложеніе Новаго Завѣта съ древняго славянскаго на новое Россійское нарѣчіе, каковое преложеніе и можетъ быть издано для желающихъ отъ Россійскаго Библейскаго Общества, вмѣстѣ съ древнимъ славянскимъ текстомъ, подобно, какъ издано уже съ дозволенія Святѣйшаго Синода посланіе къ римлянамъ на славенскомъ и Россійскомъ нарѣчіи совокупно. Само собою разумѣется, что церковное употребленіе славенскаго текста долженствуетъ остаться неприкосновеннымъ».

По сей Христолюбивой волѣ Благочестивѣйшаго Монарха, и по благословенію Святѣйшаго Синода, согласно съ требованіемъ обстоятельствъ и давно уже изъявляемымъ желаніемъ многихъ любителей Слова Божія, предпринятъ переводъ священныхъ книгъ на Россійское нарѣчіе; и, дабы не утомлять благочестиваго ожиданія, пока все дѣло сіе совершится, отдѣльно представляется здѣсь, переведенное донынѣ, Евангеліе четырехъ евангелистовъ.

Христолюбивые читатели! не приписывая ничего пособіямъ человѣческимъ, но дерзая о силѣ Слова Божія, когда есть удобность принимать оное, мы можемъ сказать, что нынѣ дверь Евангелія отверзается для многихъ пространнѣе прежняго. Читайте, слушайте, вѣруйте, исполняйте, умудряйтесь и спасайтесь! О трудящихся же въ семъ дѣлѣ молите Бога Слова, да дастъ и умножитъ имъ свѣтъ и силу къ вѣрному и неукоснительному продолженію и совершенію начатаго.

Михаилъ, митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій.

Серафимъ, митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Филаретъ, архіепископъ Тверскій и Кашинскій.

1819 года,
Марта 30 дня.

253. Городъ Нарва. Историческій очеркъ. Генеральнаго штаба полковника Н. Крузенштерна. С.-Петербургъ, типографія штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа. 1890 года.— Въ 8 д. л., 26 стр., съ рисунками.

Книга печатана съ соизволенія Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа. Въ началѣ этой брошюрки помѣщенъ портретъ Императора Петра I (художественная фототипія Евг. Гофферсъ). Въ концѣ книги находятся слѣдующія фототипіи Евг. Гофферсъ.

1. Орденскій замокъ.
2. Ивангородъ.
3. Бастіонъ «Викторія».

Далѣе слѣдуютъ: 1) планъ сраженія подъ Нарвою 19-го ноября 1700 года
и 2) планъ осады г. Нарвы, произведенный россійскими войсками подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала Огильва съ 12-го іюня по 9-е августа 1704 года.

Брошюра напечатана крупнымъ шрифтомъ.

254. Государственныя конверсіи 1888—1889 гг. г. Борткевича. С.-Петербургъ. Типографія Э. Арнгольда. 1890 года.— Въ 8 д. л., 226 + XXIV стр. и 1 л. чертежей.

Сочиненіе г. Борткевича объ государственной конверсіи въ Россіи представляетъ собою весьма любопытное явленіе. Оно назначено авторомъ въ

руководство капиталистамъ, которые пожелали бы имѣть истинное и полное понятіе о конверсіи.

Предметъ сочиненія г. Борткевича чрезвычайно интересенъ, въ особенности для капиталистовъ.

Въ началѣ книги авторъ говоритъ, что:

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ КОНВЕРСІИ

1888 — 1889 гг.

§ 1. Въ Именномъ Высочайшемъ Указѣ, данномъ господину министру финансовъ 8 ноября 1888 г. (Собр. Узак. и Расп. Прав. за 1888 г. № 113) изображено такъ:

Признавъ за благо принять мѣры къ сокращенію ежегодныхъ платежей по государственнымъ долговымъ обязательствамъ, Мы повелѣли вамъ, при оказывающейся къ тому возможности, по состоянію денежнаго рынка, замѣнять выпущенныя по государственнымъ и гарантированнымъ правительствомъ долгамъ процентныя бумаги — другими процентными бумагами на болѣе выгодныхъ для казны условіяхъ.

§ 2. Для осуществленія изъясненной въ вышеозначенномъ Указѣ Высочайшей мысли—сокращенія ежегодныхъ платежей по госуд. долговымъ обязательствамъ, черезъ замѣну выпущенныхъ уже % бумагъ—другими % бумагами на болѣе выгодныхъ для казны условіяхъ, были выпущены въ ноябрѣ 1888 г. и въ мартѣ и маѣ 1889 г. новыя 4% облигаціи, погашаемыя въ 81 годъ и 6 мѣсяцевъ, по тремъ внѣшнимъ 4% займамъ на нарицательный капиталъ: по первому займу въ 125.000.000 руб. золот., по второму займу въ 175.000.000 руб. зол. и по третьему займу въ 310.498.000 рублей золотомъ, а всего, въ общей сложности, по всѣмъ тремъ займамъ на 610.498.000 рублей золотомъ.

Первый изъ означенныхъ займовъ внесенъ въ государственную долговую книгу подъ наименованіемъ Россійскаго 4% золотого займа 1889 года, а облигаціи двухъ послѣднихъ займовъ внесены въ ту же долговую книгу подъ наименованіемъ консолидированныхъ Россійскихъ 4% желѣзнодорожныхъ облигацій первой и второй серій.

I заемъ на нарицат. сумму 125,000,000 р. зол. былъ употребленъ большею своею частью (97,166,000 р.) для выкупа рубль за рубль остававшихся еще въ обращеніи облигацій 5% внѣшняго займа 1877 г. на нарицат. сумму 12.868.980 фунт. стерлинг. (81.331.954 р.), а меньшею своею частью (27.834.000 р.) для разсчета госуд. казначейства съ госуд. банкомъ по временно-выпущеннымъ, по случаю войны 1877—1878 г.г., кредитнымъ билетамъ.

За означенную меньшую часть I займа (27.834.000 р.) было выручено 23.382.103 р. 33 к. зол. или 36.171.124 р. 50 к. кред., которые, вмѣстѣ съ 13.828.875 р. 50 к. кред. изъ свободной наличности госуд. казначейства, и переданы госуд. банку, въ окончательный разсчетъ, по долгу госуд. казначейства госуд. банку за временно-выпущенные, по случаю войны 1877—1878 г.г., кред. билеты, каковой долгъ при заключеніи золотаго займа 1889 г. числился въ суммѣ 50 мил. р. кредитныхъ. За учиненіемъ-же означеннаго окончательнаго разсчета съ государственнымъ банкомъ, предана уничтоженію 5% золотая рента на сумму 36 мил. р. зол., по условленному курсу 50 мил. р. кредитн., переданная госуд. банку въ концѣ 1888 г. (Собр. Узак. и Расп. Прав. за 1889 г. № 974).

II-же и III займы на общую нарицат. сумму 485.498.000 р. зол. были употреблены для выкупа, тоже рубль за рубль, полностью остававшихся въ обращеніи 5% консолидир. облигацій Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ пяти выпусковъ: I (1870 г.), II (1871 г.), III (1872 г.), IV (1873 г.) и VII (1884 г.) на общую нариц. сумму 67.532.350 фунт. ст. (426.804.452 р.).

§ 3. Настоящій трудъ имѣетъ цѣлію представить читателю, при посредствѣ численныхъ данныхъ, прежнее положеніе вещей—до конверсій, теперешнее положеніе вещей—послѣ конверсій, а также будущее положеніе вещей—послѣ новыхъ конверсій, если таковыя будутъ имѣть мѣсто по отношенію къ новому 4% займу на сумму 610.498.000 р. зол., прежде истеченія его срока, т. е. ранѣе 1970 года.

Зная обстоятельно и то, что есть, и то, что было, и то, что еще можетъ быть,—останется читателю сравнивать числа между собою и затѣмъ давать ту или другую оцѣнку произведеннымъ конверсіямъ, ставъ на ту или другую точку зрѣнія, по своему личному усмотрѣнію.

§ 4. Учиненную финансовую операцію будемъ разсматривать какъ безусловно, такъ и по сравненію съ прежними займами, а для сего будемъ

приводить данныя, условія и особенности какъ новыхъ, такъ и старыхъ займовъ; для большей же наглядности и для болѣе удобнаго сравненія различныхъ численныхъ данныхъ между собою, эти данныя будутъ, по возможности, помѣщаться въ таблицы; параллельно же съ данными и таблицами, будутъ приводиться и тѣ формулы, которыя употребляются при вычисленіи данныхъ, касающихся займовъ, а также будетъ сказано нѣсколько словъ и о тѣхъ способахъ, къ которымъ прибѣгаютъ при превращеніи существующихъ долговъ въ другіе, на иныхъ условіяхъ.

255. Гостепріимство. Эпическая поэма въ шести пѣсняхъ. Москва, въ типографіи Всеволожскаго. 1811 года. — Въ 8 д. л., 215 стр

На оборотѣ заглавнаго листа сказано, что печатано иждивеніемъ сочинителя и раздается безденежно. На слѣдующемъ листѣ помѣщено отъ сочинителя приношеніе россійскому народу, въ которомъ говорится, что—«Въ древнія времена всѣ народы почитали взаимнымъ долгомъ наблюдать право гостепріимства, которое можетъ назваться дщерью истиннаго человѣколюбія. Оно содѣлалось добродѣтельнымъ качествомъ тогда, когда вышло изъ употребленія и когда человѣколюбіе (сіе названіе столько-же было обезславлено, сколько имя здравой философіи, отъ которой оно произошло), утѣсненное эгоизмомъ, превратилось въ существо отвлеченное, въ идею метафизическую. Гостепріимство раздѣлило участь своей матери и упадокъ храма человѣколюбія уничтожилъ жертву, посвящаемую всѣми народами гостепріимству. Напослѣдокъ, когда ложная философія восторжествовала надъ истинной, гостепріимство принуждено было сокрыться въ ущелинахъ Гельвеціи, въ которыхъ еще не водворилось владычество ложной философіи; однако-жъ, оно счастливѣе было у жителей скандинавскихъ; оно имѣло своихъ приверженниковъ въ Даніи; законы его были уважаемы въ Швеціи, и оно царствуетъ въ обширныхъ областяхъ россійскаго государства.

Къ нещастію нашему, должно признаться, что гостепріимство сія общая обязанность, сдѣлалась нынѣ рѣдкою добродѣтелью, которая можетъ быть предметомъ для поэмы. Путешественнику свойственнѣе, нежели кому другому, чувствовать ей цѣну; а воспѣть ее тамъ, гдѣ она господствуетъ, есть предметъ достойный стихотворца. Окончивъ разныя мои путешествія, по стеченію обстоятельствъ, я рѣшился посѣтить Россію, и здѣсь-то я нашелъ сію добродѣтель. Все сіе государство есть храмъ отверстый гостепріимству, и я какъ будто почувствовалъ въ себѣ вдохновеніе; я не могъ пройти молчаніемъ гостепріимства сего великаго народа, который воздвигнулъ храмъ, разрушенный во многихъ странахъ Европы.

Страннопріимные россіяне! удостойте воззрѣнія вашего посильную жертву дарованія, можетъ статься, не столь счастливаго путешественника, стремящагося изъявить вамъ благодарность въ своихъ пѣсняхъ, прославляя то превосходное качество, которымъ отличаетесь вы отъ прочихъ. Я объяснялся на природномъ моемъ языкѣ: поелику сильныя чувствованія не можно довольно сильно выразить на чужеземномъ. Бесѣдуя съ вами по русски, я бы имѣлъ удовольствіе слышать, что вы всѣ меня разумѣете; но прилично-ли увѣрять добродѣтельнаго человѣка въ его добродѣтели? Онъ знаетъ сіе безъ того, и можетъ почесть льстецомъ человѣка, который ему о томъ говоритъ; лучше объяснить сіе тѣмъ, кои не знаютъ.

Сколько европейцевъ имѣютъ ложныя понятія о Россіи, особливо въ отношеніи ихъ гостепріимства. И потому должно говорить на иноземныхъ языкахъ, дабы сіе познали иноземцы, и я первой далъ тому примѣръ. Можетъ быть мужи, одаренные геніемъ, болѣе моего посѣщающіе Россію, послѣдуютъ сему примѣру, объясняясь тоже на своихъ языкахъ и увѣрившись, что я ни однимъ словомъ никому не льстилъ въ моей поэмѣ, которая въ отношеніи къ гостепріимству россіянъ, можетъ назваться историческимъ извѣстіемъ, писаннымъ въ стихахъ.

Счастливъ буду, ежели сей знаменитый народъ удостоитъ принять мое сочиненіе, въ которомъ я слегка токмо изобразилъ мои мысли и чувствованія; ибо началъ писать и окончилъ во время пребыванія моего въ Москвѣ, которое конечно было не достаточно для усовершенствованія эпическаго творенія такого рода, какое посвящено россіянамъ.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры довольно рѣдки.

Купленъ мною экземпляръ у Мелина въ современномъ кожанномъ переплетѣ за 6 рублей.

256. Грамматика россійская на шведскомъ языкѣ съ словаремъ, разговорами и разными краткими исторіями, изданная королевскимъ переводчикомъ Михаиломъ Гренингомъ, въ Стокгольмѣ въ 1751 г.— Въ 4 д. л.

Эта грамматика, изданная Михаиломъ Гренингомъ въ Стокгольмѣ въ 1751 году, въ 4 д. л.— въ настоящее время въ Россіи составляетъ большую рѣдкость. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, часть 2 № 2950, сказано: «книга въ Россіи рѣдка».

257. Грановитая палата. Сочиненіе князя Николая Кугушева. Москва, въ университетской типографіи. 1808 г.—8 д. л. 3 книжки. I кн. 8+38 стр., II кн. 124—2 стр., III кн. 138+2 стр.

Въ началѣ этой, довольно рѣдкой книги помѣщено посвященіе Императору Александру Павловичу; далѣе слѣдуютъ, въ бѣглыхъ стихахъ пѣсеннаго размѣра, разсказы изъ древней русской исторіи.

258. Crata Repoa или какимъ образомъ въ древнія времена происходило въ таинственномъ обществѣ посвященіе египетскихъ жрецовъ. Переведено съ нѣмецкаго языка коллежскимъ асессоромъ П... А... Печатано при артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, иждивеніемъ содержателя типографіи Х. Ф. Клезна. Въ Санктпетербургѣ. 1779 года.—Въ 16 д. л., 60 стр.

Въ началѣ этой рѣдкой книжки слѣдуетъ посвященіе отъ автора Павла Алединскаго Его Сіятельству графу Эрнесту Христофоровичу Миниху. Въ этомъ небольшомъ сочиненіи объяснены семь степеней, которыя долженъ былъ пройти посвященный до поступленія въ число египетскихъ жрецовъ. Въ концѣ—толкованія служащихъ въ должностяхъ лицъ и ихъ одѣяній. Настоящее сочиненіе было въ уваженіи у масоновъ; обряды принятія въ ложи были подобіемъ принятія въ общество египетскихъ жрецовъ. У масоновъ, подробно какъ у первыхъ, непосвященный (профанъ) обязанъ былъ начать съ низшихъ и постепенно, послѣ многихъ испытаній, могъ достигнуть высшихъ степеней масонства. — См. у Губерти часть I, № 16.—Смирдина— № 2994.—Плавильщикова—№ 3037. Книжка довольно рѣдка.

Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля.

Графъ Аракчеевъ.

259. Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія 1809—1831. Разсказы очевидцевъ о бунтѣ военныхъ поселянъ. Историческій обзоръ военныхъ поселеній — переписка графа Аракчеева. Изд. „Русской Старины“. Санктпетербургъ, печатня Головина. 1871 года.—8 д. л., XII+308 стр.

Обращаемъ вниманіе любителей старины и отечественной исторіи на это любопытное изданіе Мих. Семевскаго, такъ много потрудившагося по части изданій сихъ разсказовъ и воспоминаній очевидцевъ о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 г., разыгравшемуся въ новогородскихъ военныхъ поселеніяхъ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ мы убѣдились, что изъ простого изложенія фактовъ, описываемыхъ очевидцами о проявленіи бунта 1831 года, нельзя уяснить ихъ истинную причину. Холерная эпидемія и слухи объ отравѣ—только способствовали броженію умовъ и вызвали взрывъ уже давно таившагося негодованія, порожденнаго гораздо прежде иными обстоятельствами. Въ самомъ дѣлѣ, возможность вѣры въ отраву, съ цѣлью уничтожить поселянъ; приписыванія этого мнимаго злодѣйства начальникамъ, сами собою говорятъ о крайнемъ недовѣріи и полнѣйшей враждебности отношеній, существовавшихъ въ поселянахъ ко всѣмъ облеченнымъ властью въ поселеніяхъ. Къ тому же бунтомъ 1831 года только закончились многократныя волненія, проявлявшіяся въ военныхъ поселеніяхъ не только на сѣверѣ, но и на югѣ Россіи, гдѣ поселяне подавали Государю просьбу защитить крещенный народъ отъ Аракчеева.

Все это ясно показываетъ, что не одна холерная эпидемія 1831 г. способна была вызвать страшное ожесточеніе поселянъ; были и другія причины, коренившіяся въ несообразности устройства самыхъ поселеній, и въ образѣ дѣйствій, какъ самого гр. Аракчеева, такъ и всѣхъ или большинства лицъ, пользовавшихся властью въ поселеніяхъ. Придя къ такому заключенію, говоритъ авторъ, при изданіи

Настасья Өедоровна Минкина.

† 10 сентября 1825 г. въ селѣ Грузинѣ. Домоправительница графа Аракчеева. Уменьшенный портр. изъ „Русской Старины".

бунта военныхъ поселянъ 1831 года, указали на намѣреніе наше представить обзоръ исторіи этого учрежденія. Настоящая книга имѣетъ цѣлію именно изложеніе устройства и управленія военныхъ поселеній въ Россіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ — возможно полную характеристику образа дѣйствій гр. Аракчеева съ его системой относительно устройства поселеній».

Книга замѣчательная по содержанію и въ настоящее время довольно рѣдкая.

·260. Граціи. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Перевелъ Андрей Нартовъ. Въ С.-Петербургѣ, въ первый разъ представлена была на Императорскомъ россійскомъ театрѣ 22 декабря 1757 года. Печатано при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. —Въ 8 д. л, 41 стр.

Изданіе это чрезвычайно любопытное и очень рѣдкое.

См. «Обзоръ книгъ, брошюръ, художественныхъ изданій и проч.» Якова Березина-Ширяева, ст. 538-я.

Книга замѣчательная по содержанію и въ настоящее время довольно рѣдкая.

261. Грековосточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Сочиненіе Ф. А. Терновскаго, преподавателя церковной исторіи въ Кіевскомъ университетѣ, и С. А. Терновскаго, преподавателя церковной исторіи въ Казанской духовной академіи. Кіевъ, въ университетской типографіи, 1883 года. — Въ 8 д. л., 551 стр.

Эта рѣдкая книга содержитъ въ себѣ чтеніе по церковной исторіи Византіи отъ Императора Константина Великаго до Императрицы Өеодоры (312—842), съ приложеніемъ русской и иностранной библіографіи по предмету чтенія.

Это замѣчательное рѣдкое изданіе давно распродано и книга въ настоящее время совсѣмъ не находима въ книжной торговлѣ.

Купленъ мною экземпляръ за 15 рублей.

262. Громада украинска. Сбірка впорводкована Михаиломъ Дроломановымъ. Женева. 1878 года.—Въ 8 д. л., 101 стр.

См. «Списокъ русскихъ книгъ, напечатанныхъ внѣ Россіи, за послѣднее десятилѣтіе 1875—1885 гг.», а равно и руководство для изученія русскаго языка—стр. 11.

263. Гуакъ или непреоборимая вѣрность. Рыцарская повѣсть. 2 части. Съ указнаго дозволенія.—Въ Москвѣ, напечатана въ вольной типографіи А. Рѣшетникова. 1789 г.—8°. Въ 1-й части 212, во второй 171 нум. стр.

Это весьма рѣдкое лубочное изданіе конца прошлаго столѣтія.

См. «Матеріалы для русской библіографіи. Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчатель-

ныхъ русскихъ книгъ XVIII столѣтія, напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ—1725—1800 г.» Н. В. Губерти, № 139.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 5 рублей.

264. Guide de L'Université Impériale de Moscou, on Description abrégée des cabinets et autres établissements qui se trouvent à l'université avec la notice de tout ce qu'ils contiennent de plus remarquable. M De L'imprim de L'Université 1826.—(8) 132 стр.

Это изданіе долго пользовалось большимъ успѣхомъ и въ настоящее время принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

265. Гуляніе въ Екатерингофѣ, нарисованное съ натуры и гравированное въ Санктпетербургѣ г. Шарлемъ Гампелемъ.—На длинной полосѣ толстой бумаги, болѣе 15 аршинъ длины и $2^1/_2$ верш. ширины. (Безъ означенія года).

Это оригинальная и превосходно исполненная офортомъ и аквантиной художественная работа, переданная въ гравюрѣ, помѣщенной на длинной бумажной полосѣ, свернутой на катушку, принадлежитъ Шарлю Гампелю, члену Академіи Художествъ и Института глухо-нѣмыхъ въ Вѣнѣ.

Изданіе это въ настоящее время считается принадлежащимъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 30 рублей.

266. Гульянова замѣчанія о дендерскомъ зодіакѣ, въ письмѣ къ издателю „Телескопа". Москва, въ типографіи института восточныхъ языковъ Лазаревыхъ. 1831 года.—8 д. л., 31 стр., съ рисункомъ.

Въ этой рѣдчайшей брошюрѣ извѣстный оріенталистъ археологъ Гульяновъ объясняетъ, что знаменитый гіероглифистъ, Шамполіонъ младшій, совершенно неправильно прочиталъ египетскія письмена и символы, начертанныя на извѣстномъ дендерскомъ зодіакѣ. Этотъ зодіакъ, изображенный на каменной плитѣ, украшалъ нѣкогда потолокъ храма Изиды. Въ 1822 году нашъ ученый оріенталистъ, О. И. Сенковскій, намѣревался увезти въ Россію плиту съ изображеніемъ зодіака, но начавшаяся тогда въ Греціи революція попрепятствовала ему исполнить свое намѣреніе и зодіакъ достался г. Лелоррену, который привезъ его изъ Египта въ Парижъ и продалъ за 40 тысячъ франковъ королевской библіотекѣ, гдѣ онъ и сохраняется въ одной изъ ея залъ.

Як. Березинъ-Ширяевъ говоритъ въ своемъ трудѣ, что эта брошюра напечатана въ самомъ маломъ количествѣ экземпляровъ и составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость

267. Гусарская стоянка или плата тою-же монетою. Комедія-водевиль, въ одномъ дѣйствіи. С.-Петербургъ, типографія департамента внѣшней торговли. 1836 г.—Въ 8 д. л.

Въ книжкѣ помѣщенъ одинъ рисунокъ внѣ текста, изображающій садовника, разговаривающаго съ юнкеромъ.

Изданіе любопытное и, безъ сомнѣнія, рѣдкое.

Купленъ мною экземпляръ съ рисункомъ, хорошо сохранившійся, за 2 рубля.

268. Гусъ и Лютеръ. Критическое изслѣдованіе Е. Новикова. 2 тома. Москва, въ университетской типографіи Александра Семена. 1859 г.—8 д. л., томъ I-й 356 стр., томъ 2-й 488 стр.

Предлагаемое сочиненіе это первоначально писано по каѳедрѣ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій въ московскомъ университетѣ, а именно первая часть его, т. е. о Гусѣ, доставивъ слушателю своему всевозможные источники пособія для удовлетворительнаго рѣшенія этой задачи, увѣнчавъ ее по заслугѣ золотою медалью; «я раздвинулъ рамку вопроса, говоритъ авторъ, присоединивъ къ нему еще вопросъ о Лютерѣ, разумѣю отношеніе послѣдняго къ Гусу и движенію, произведенному имъ въ мірѣ вѣроисповѣдномъ, государственномъ и т. д., равно, какъ вліяніе преобразованія славянина на преобразованіе нѣмца. Само собою разумѣется, изученіе этой части задачи совершенно точно такимъ же образомъ, какъ и первой, но источникамъ съ обращеніемъ вниманія и на многихъ занимавшихся прежде тѣмъ же самымъ предметомъ». Плодомъ

такимъ образомъ распредѣленной работы явилось критическое изслѣдованіе о Гусѣ и Лютерѣ, представленное въ 1848 году сочинителемъ на ученую степень магистра славянской словесности въ Историко-филологическій факультетъ того-же Московскаго университета. Факультетъ единогласно одобрилъ трудъ этотъ, но при печатаніи отыскались такія причины, во вниманіе къ которымъ, вопреки всѣмъ представленіямъ людей благомыслящихъ, пришлось отложить на время появленіе сочиненія.

Авторъ потому вынужденъ былъ представить другое сочиненіе для полученія искомой степени, что и было имъ исполнено къ концу 1849 года.

Занимающіеся судьбами славянскаго міра оцѣнять, какъ слѣдуетъ, это въ высшей степени добросовѣстное замѣчательное даровитаго молодаго писателя изслѣдованіе двухъ личностей, столь важныхъ въ бытописаніи европейскихъ народовъ, тѣмъ болѣе, что оно, по словамъ автора, съ начала до конца основано на непосредственномъ и всестороннемъ знакомствѣ съ самыми источниками и литературою вопроса, особенность у насъ пока еще довольно рѣдкая.

Гусъ и Лютеръ.

Въ Чехіи въ концѣ XIV столѣтія, современно началу великаго раскола на Западѣ, обнаружилось сильное вѣроисповѣдное движеніе, вызванное прошедшимъ ея и въ свою очередь вызвавшее появленіе Гуса, подготовленное вѣковымъ натискомъ латинства, раздвоеніе между поклонниками Рима и защитниками греко-славянскихъ преданій принимаетъ формы настоящей борьбы. Латинская церковь болѣе гдѣ чѣмъ бы то ни было на Западѣ, въ соблазнительной жизни своего духовенства, въ шаткомъ авторитетѣ своихъ новыхъ преданій, возбуждаетъ противодѣйствіе и ненависть огромной половины чешскаго народа; цѣлый рядъ проповѣдниковъ, возвѣщающихъ слово Божіе на родномъ языкѣ, возстаетъ на обличеніе латинской іерархіи и суемудрія западнаго. Въ буряхъ гоненій, воздвигнутыхъ Римскимъ престоломъ, умолкли послѣдніе торжественные возгласы Матѳія Пражскаго; въ грозномъ затишьи, предшествующемъ великимъ потрясеніямъ XV столѣтія, впервые раздается въ Пражеской Виѳлеемской часовнѣ могучее, но безстрастное слово благочестиваго проповѣдника, исполненнаго пламеннаго сочувствія къ истинѣ. Равно возвысилъ онъ обличительный голосъ противъ нечестія мирянъ и духовныхъ, за что и былъ обвиненъ предъ судомъ архіепископа Вольфрама, умершаго въ 1402 году, но умный владыка объявилъ, что проповѣдникъ исполняетъ только святую обязанность нелицепріятія и велѣлъ оставить его въ покоѣ.

Этотъ священникъ былъ Іоаннъ Гусъ.

Д.

269. Давіда пророка и царя пѣсни, рекше псалмы. Съ преложеніемъ на сообцій намъ и обычный языкъ изъ вулгаты давно преведенихъ псалмовъ. Изданіе въ святой Лавры Почаевской, року Господня 1798 года.—Въ 8 д. л.

Книга весьма рѣдкая.

См. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1875 г., стр. 61.

270. Das Asiatische Museum der K. Akademie der Wiss. zu St.-Petersburg. Von dem Director desselben. Dr. Bernh. Dorn. K. Russ. Staatsrathe, Akademiker, etc. St.-Petersburg. Buchdruckerei der Akademie, 1846.—(8) XII, 776 стр. Съ страницею поправокъ и таблицею рисунковъ.

Въ этой чрезвычайно рѣдкой книгѣ находимъ полный обзоръ музея и подробную исторію его образованія и усовершенія, а въ приложеніяхъ помѣщены оффиціальныя донесенія о его пріобрѣтеніяхъ, равно какъ статьи о предметахъ въ немъ находящихся, о древностяхъ, монетахъ, книгахъ и рукописяхъ, и описи этихъ предметовъ, помѣщенныя въ Bulletin scientifique Академіи и въ «Спб. Вѣдомостяхъ».

271. Дамскій журналъ, ежемѣсячное изданіе на 1806 годъ, № 1, Генварь. — Москва, 1806 года.—12 д. л.

Макаровъ въ «Сынъ Отеч.» 1817 г. № 32, стр. 220, говоритъ:—«въ 1805 г. или 1806 г., не знаю, кто-то напечаталъ въ университетской

Барковъ, Иванъ Семеновичъ.

Переводчикъ при Академіи Наукъ; извѣстенъ своими непечатными эротическими сочиненіями; род. 1732 г. ум., 1768 г.
Съ фотогр. Везенберга.

типографіи и издалъ три или четыре книжки новаго «Дамскаго журнала». — Геннади — № 102. «Дамскій журналъ» цѣнится до 12 рублей.

272. Дворянинъ философъ. Аллегорія. Смоленскъ. Въ типографіи приказа общественнаго призрѣнія, 1796 года.—8 д. л., 47 стр.

Смотри историческія свѣдѣнія о цензурѣ (СПБ. 1862 года), гдѣ на стр. 6. сказано, что: «эта книга была отобрана изъ книжныхъ лавокъ». Въ книгѣ нѣтъ имени автора, писавшаго подъ псевдонимомъ «Дворянинъ философъ» бригадиръ Ѳед. Ив. Дмитріевъ-Мамоновъ. Это сочиненіе было издано уже прежде вмѣстѣ съ слѣдующимъ его также анонимнымъ переводомъ «Любовь Психіи и Купидона», сочиненная де-ла-Фонтеномъ; переведено съ французскаго, 2 части, печатано при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 1769 года, 8 д. л., 10+216+1 стр. съ 4 гравюрами. Означенная аллегорія припечатана въ концѣ на 27 стр. Это разсказъ о какой-то странной затѣѣ, будто-бы устроенной въ усадьбѣ помѣщика, гдѣ было изображено солнце съ планетами, при чемъ солнце представляетъ иллюминованный домъ помѣщика, вокругъ котораго были устроены планеты. Крайне рѣдкое изданіе, чрезвычайно любопытное по разнообразію заключающагося въ ней интереснаго матеріала. См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова № 3095, сказано: «рѣдка». Есть у Геннади: «книжныя рѣдкости» № 86. Смирдинъ, за № 8361. «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ» стр. 6. — Купленъ мною экземпляръ за 8 рублей, хорошо сохранившійся.

273. Дворянство и освобожденіе крестьянъ. Л. Лозинскаго.—Въ 8 д. л., 70 стр.

Авторъ этой замѣчательной брошюрки, Л. Лозинскій, излагаетъ въ ней тѣ дѣйствія, какія въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, проявляло грамадное большинство помѣстнаго дворянства, выросшее въ крѣпостническихъ понятіяхъ, сроднившееся съ ними и оставшееся чуждымъ свѣжему вліянію духа времени.

Эта брошюрка напечатана въ самомъ маломъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу не поступала.

Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля.

274. Двѣнадцать спящихъ будочниковъ. Поучительная баллада. Сочиненіе Елистрата Фитюлькина. Москва, въ университетской типографіи, 1832 года.—Въ 8 д л., 46 стр.

Это пародія баллады Жуковскаго «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», плохими стихами писанная, но какъ насмѣшка надъ полиціею вскорѣ по выходѣ изъята изъ продажи, а потому рѣдкая.—Въ началѣ обращеніе къ цензурѣ:

Цензурушка,
Голубушка,
Нельзя-ли пропустить!
Я Господа
О здравіи
Твоемъ буду молить.
Свободу я
Тисненія
Всегда буду бранить.
Цензурушка,
Голубушка,
Нельзя-ли пропустить?

Въ послѣдніе годы появилась въ Москвѣ перепечатка этой брошюры, но не полная, съ нѣкоторыми пропусками.

Крайне рѣдкое изданіе и чрезвычайно любопытное въ настоящее время составляетъ библіогра-

фическую рѣдкость. Куплен мною экземпляръ за 15 рублей. См. «Кн. рѣдкости» Геннади № 155.

Какъ библіографическую рѣдкость, перепечатываю изъ слова въ слово къ читателю.

Двѣнадцать спящихъ будочниковъ.

Царица русскихъ городовъ,
Москва уже дремала,
И между тонкихъ облаковъ
Луна, дымясь, сіяла.
Въ объятьяхъ сладостнаго сна
Граждане всѣ томились,
Была повсюду тишина,
Огни вездѣ затмились.
Подулъ отъ полночи Борей—
Холодными устами,
И мчится въ ярости своей
Рѣка плеща волнами,
И тамъ, гдѣ бьетъ сильнѣй рѣка,
Гдѣ снѣгомъ пѣна хлыщетъ, —
Гдѣ шаръ земной прорыть она —
До средоточья ищетъ;
Тамъ бѣдный трубочистъ Ѳаддей,
Глубоко воздыхая,
Стеналъ, безжалостныхъ людей
И рокъ свой проклиная.

Стоялъ онъ съ моста внизъ смотрѣлъ
И горько улыбался,
Окончить жизнь свою хотѣлъ
И съ жизнію прощался.
«Прости, прекрасный Божій свѣтъ,
Сказалъ онъ со слезами,
«Едва въ тебѣ я двадцать лѣтъ
«Съ двумя гостилъ годами,
«И жизнь уже постыла мнѣ,
«Прервать ее желаю,
«Увы! мученья лишь однѣ
«Я въ жизни сей встрѣчаю,
«Иной весь въ лентахъ, весь въ звѣздахъ,
«Весь въ золотѣ сіяетъ;
«Лишь взглянетъ, всякъ предъ нимъ во прахъ
«Главу свою склоняетъ.
«Другой средь роскоши живетъ
«Съ красотками младыми,
«Заморскія лишь вина пьетъ
«Ѣстъ соусы съ жаркими;
«А я отъ каждаго презрѣнъ,
«Питаюсь черствымъ хлѣбомъ,
«И тотъ не рѣдко принужденъ
«Жевать подъ чистымъ небомъ.
«Мясца-же мнѣ и въ мясоѣдъ
«Едва нюхнуть случится;
«И долженъ цѣлый свой я вѣкъ,
«Хоть радъ, хоть нѣтъ—поститься.
«Лишонъ отрады всякой я,
«Лишонъ и ожиданья;
«Москва рѣка, прими меня,
«Окончь мои страданья»!...
Спрыгнуть ужъ съ моста онъ готовъ,
Какъ вдругъ предъ нимъ явленье, —
Изъ грозныхъ пѣнистыхъ валовъ
Выходитъ привидѣнье:
Огромный съ башню великанъ,
Съ пунцовыми глазами,
Онъ ими сквозь ночной туманъ
Сверкалъ, какъ-бы звѣздами.
Шесть рогъ имѣлъ на лбу своемъ,
Когтямъ и смѣты нѣту,
Изъ устъ огонь, и дымъ столбомъ,
Самъ весь какъ уголь цвѣтомъ;
Идетъ чудовище, грозитъ
Клюкою на Ѳаддея,
А тотъ, какъ вкопанный стоитъ,
Очей поднять не смѣя.
—«Куда?» косматый вопросилъ.
«Въ рѣку скончать мученья...»
«Почто-жъ ты, дуралей забылъ
Во мнѣ искать спасенья?!....»
«Но кто ты?» вопросилъ Ѳаддей,
Отъ ужаса нѣмѣя.
—«Твой другъ и общій другъ людей:
Ты видишь Асмодѣя».
Ѳаддей оледѣнѣлъ, вздрогнулъ,
Вотще уйдти старался
Хотѣлъ воскликнуть: «караулъ!»
Но голосъ отказался.—
—«Глупецъ! что такъ робѣешь ты?
«Скрѣпись, не ужасайся,
«Откинь ребячьихъ дней мечты
«И бабьихъ вракъ чуждайся.
«Стыдись разсказамъ довѣрять
«Душъ слабыхъ, боязливыхъ.
«Ахъ, если бы ты могъ узнать,

«Какъ въ адѣ мы счастливы!
«Какъ братья въ ономъ мы живемъ.
«Бесѣдуемъ, гуляемъ,
«Всечастно пляшемъ и поемъ,
«Что скука есть, не знаемъ;
«Всегда бываетъ тамъ тепло,
«Топить хоть вѣкъ не надо,
«Спокойны рѣки какъ стекло,
«Смотрѣть—душѣ отрада;
«Что шагъ, то взоръ твой веселятъ,
«Сады, луга, дубравы;
«Таковъ нашъ адъ, любезный адъ!
«Обитель благъ и славы!...
«Тебѣ могу красу я дать
«Съ богатствомъ и чинами,
«Искуство межъ людей блистать,
«И даръ играть сердцами;
«Для тѣла ловкость твоего,
«Проворство для движеній,
«Не будетъ равныхъ никого—
«Тебѣ среди сраженій,
«И станутъ дѣвушки твой взоръ
«Ловить, для всѣхъ желанный,
«Посѣетъ между ихъ раздоръ
«Сей взоръ непостоянный.
«Бароны, графы и князья
«Объ гордости забудутъ,
«Словцо, улыбку отъ тебя—
«Считать за счастье будутъ;
«И ревностно начнутъ служить
«Тебѣ всѣ силы ада.
«Склонись лишь душу уступить
«Свою за то въ награду!...
«Что медлишь?... запоетъ сейчасъ
«Пѣтухъ, злодѣй мой вѣчный,
«Сокроюсь отъ твоихъ я глазъ
«На вѣкъ, дружокъ сердечный!...»

Сталъ думу думать нашъ Ѳаддей,
Подумалъ, соблазнился,
За золото съ душой своей
Съ Асмодькой обмѣнился.
Обѣтъ ужасный написалъ
Онъ кровію своею,
И съ трепетомъ его отдалъ
Мерзавцу Асмодею;
Сей прыснулъ на него водой
Съ трикратнымъ страшнымъ воемъ
И трубочистъ Ѳаддей красой
Сравнялся съ Антиноемъ.

— «Въ задатокъ», такъ Асмодька рекъ:
«Возьми, мой другъ, сей чудный
«Набитый златомъ кошелекъ,
«Да перстень изумрудный;
«Изъ кошелька десятокъ лѣтъ,
«Не истощится злато,
«А перстню весь покоренъ свѣтъ,
«Какъ быліе булату;
«Его лишь только повернуть—
«По твоему все станетъ;
«Десятокъ лѣтъ когда пройдутъ,
«Послѣдня ночь настанетъ,
«Когда объяты нѣгой сна,
«Сомкнутъ граждане очи,
«Взойдетъ на небеса луна
«Отъ облакъ въ часъ полночи,
«Звѣзда слетитъ, начнетъ стихать,
«Явлюсь я предъ тобой
«И вмѣстѣ въ адъ мы пировать
«Пойдемъ рука съ рукою!»—
Умолкъ, разверзлось лоно водъ
Пожрало исполина;
Ужаснѣе рѣка реветъ,
Шумитъ звучнѣй пучина.

Уже печальной ночи тѣнь,
Съ лица земли сокрылась,
Прекрасный воцарился день
И солнце появилось;
Стараясь совѣсть усыпить,
Взялся Ѳаддей за дѣло,
Задумалъ, перстень свой вертить,
Мгновенно закипѣла
Вокругъ него толпа рабовъ,
(То были духи злые),
Коляски, кони съ береговъ
Аравіи, лихіе;
И стали стройно предъ него
Въ почтительномъ молчаньи
И алчутъ прочитать въ его
Очахъ его желанье.
Съ какою важностью подъялъ
Ѳаддей свою десницу,
Какъ гордо, громко приказалъ
Придвинуть колесницу,

Какъ величаво крякнулъ, сѣлъ
Склонясь на боковую,
Какъ барски закричалъ: «Пошолъ!
Пошолъ, на Моховую!»—

Не домъ, дворецъ себѣ купилъ
На улицѣ онъ этой,
Сто тысячъ тотчасъ заплатилъ
Наличною монетой,
Мгновенно убранъ былъ сей домъ
Красиво и богато,
Повсюду бархатъ съ серебромъ,
Повсюду мраморъ, злато,
И дышетъ каждая стѣна
Чудесною десницей
Рафаэля оживлена:
Тамъ пламенной денницей
Горятъ и блещутъ небеса
Надъ юртой ледяною,
Тамъ дремлетъ юная краса
Подъ сѣнью древъ густою,
И пылкій юноша глядитъ
На милое созданье,
Трепещетъ, грудь его горитъ,
Въ очахъ его желанье;
Тамъ левъ за чащей притаясь
Добычу выжидаетъ,
А егерь сзади приложась
Свинцомъ его сражаетъ.
Тамъ мчится стая гончихъ псовъ
За ланью бѣлоснѣжной,
И Адонисъ изъ-за кустовъ
Глядитъ съ Кипридой нѣжной.
Все живо такъ изображено,
Что око въ заблужденьи,
Живымъ предметамъ не дано
Единаго движенья.

Прошу пожаловать въ сады
Конца затѣямъ нѣту:
Ручьи и гроты, и пруды,
Каскады, водометы;
Изъ дальнихъ звѣри тамъ краевъ,
Изъ дальнихъ странъ растенья,
Чудесный запахъ, блескъ цвѣтовъ,
И птицъ чудесныхъ пѣнье;
Плоды, какихъ угодно вамъ,
Во всякіе дни года
Раба покорнѣйшая тамъ
Хозяина, природа.
Въ сараяхъ дрожекъ и каретъ,
Дормезовъ иностранныхъ,
Колясокъ и кабріолетъ—
Плѣнительно убранныхъ,
Не перечелъ-бы господа
Я въ мѣсяцъ полносчетный...
Такъ просимъ милости сюда
Въ конюшенки почетны,
Взгляните: о восторгъ моихъ
Всѣхъ чувствъ и радость ока!
Вотъ двѣсти жеребцовъ лихихъ,
Изъ родины пророка.
А въ кухнѣ?... Ахъ, чего тамъ нѣтъ!
Что въ Африкѣ родится,
Въ златой Америкѣ цвѣтетъ,
На днѣ морей таится,
Что въ быстрыхъ плещется водахъ
Сибири небреженной,
Что вьется лѣтомъ въ небесахъ,
Что зрѣетъ въ отдаленной
Остъ-Индіи, все здѣсь Ѳаддей,
Все здѣсь Лукуллъ нашъ новый
По гласу прихоти своей—
Въ угодность ей готовилъ.

Дня въ три, героя моего
Столица вся узнала,
Повсюду имя ужъ его
Изъ устъ въ уста летало.
Вездѣ всѣ спорили объ немъ,
Шумѣли, толковали,
Однако-жъ кончили на томъ,
Что полчищами стали
Къ нему и ѣздить и ходить,
Чтобъ плотно наѣдаться,
Хозяину безстыдно льстить
И пьянымъ напиваться.
Вседневно домъ набитъ его
Бонтонными гостями,
Которы служатъ для него
Потѣхой и друзьями;
Онъ съ ними собственны всегда
Достоинства считаетъ,
И даже самъ онъ иногда
Творенія читаетъ,
Которы для забавъ своихъ

Стихами самъ составилъ,
Внемлите, каждый какъ цѣнилъ
Его талантъ и славилъ:
«Вотъ умъ, сказать что умъ,
«Ей, ей, на удивленье!
«Какая куча мудрыхъ думъ,
«Какое, братъ, паренье,
«Куда Руссо съ умомъ своимъ,
«Ѳаддею онъ въ подметки:
«Гельвецій и Вольтеръ предъ нимъ—
«Какъ предъ китомъ селедки!
«Читалъ-ли ты, mon cher ami,
«Его стихотворенье:
«О равенствѣ скотовъ съ людьми»?...
«Ну что за сочиненье!!...»
А сами устрицъ между тѣмъ
И стерлядь поѣдали,
Проворно тортъ, безе и кремъ
Шампанскимъ запивали.

Обѣдъ окончился, встаютъ,
Пыхтя, сапя, краснѣя,
И всѣ въ гостиную идутъ,
Чтобъ тамъ еще пьянѣе
Напиться, въ карты поиграть
Для время-провожденья,
Другъ друга въ картахъ разругать
Для дружбы изъявленья.

Вотъ ночь, гостей ужъ больше нѣтъ,
Одинъ Ѳаддей остался,
И скрытой дверью въ кабинетъ
Роскошный свой забрался.
Тамъ нифмы юныя его
Давно ужъ ожидали,
Ихъ сорокъ, молча предъ него
Онъ съ улыбкой стали.
Блондинокъ милыхъ цѣлый хоръ,
Брюнетокъ рой чудесный,
Куда Ѳаддей ни кинетъ взоръ—
Тамъ ножки ихъ прелестны,
Тамъ щечки аленькія ихъ
Его глаза встрѣчаютъ,
Тамъ перси полныя у нихъ
Косыночку вздымаютъ.
Одну онъ наконецъ избралъ,
И полный вожделѣнья
Къ себѣ красавицу позвалъ
Десницы мановеньемъ;
Другія пляшутъ и поютъ
Играя со струнами,
Волшебны звуки издаютъ
Ихъ легкими руками...

Такъ веселился нашъ герой,
Въ забавахъ утопая
И голосъ совѣсти лихой
Сколь можно заглушая;
Двѣнадцать нажилъ сыновей
Себѣ онъ въ годъ единый,
Презрѣлъ плачевный вопль дѣтей
Отрекся отъ невинныхъ:
Но чадъ оставленныхъ щитомъ
Былъ части той смотритель,
Онъ далъ имъ пристань: Съѣзжій домъ—
Смиренія обитель.

Лишь полицейскіе одни,
Къ Ѳаддею не ходили,
И на пирахъ его они
Лишь позабыты были;
Ѳаддей ихъ даже не дарилъ
По праздникамъ великимъ,
И всякъ изъ нихъ его честилъ:
Львомъ, тигромъ, звѣремъ дикимъ.
Какъ, какъ-бы къ денежкамъ его
Подлѣзть они не знали
И только въ тайнѣ на него
Зубами скрежетали.—
Стеклись однажды по сему
Они на совѣщанье,
Какое-бъ лучшее ему
Придумать наказанье:
Но прежде всякихъ своихъ дѣлъ
За штофы принялися,
Пуншъ, водка, грогъ въ стаканы ихъ,
Ерошка полилися;
И каждый весело гласитъ:
«О водочка драгая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!»
Вотъ частный части той, гдѣ жилъ
Ѳаддей, возвалъ шатаясь,
Къ собранью такъ провозгласилъ,
Бурля и запинаясь:
«Друзья! товарищи! ко всѣмъ

«Вамъ, рѣчь я обращаю:
«О горѣ вѣдайте моемъ!..
«Заподлинно незнаю,
«По сантанинскому-ли то
«Лихому новожденью,
«Иль также можетъ быть и то—
«По Божью попущенью,
«Но вотъ ужъ годъ въ части моей
«Мерзавецъ проживаетъ,
«Изъ бестій бестія Ѳаддей...
«По отчеству чортъ знаетъ!
«Колдунъ быть можетъ, господа,
«Изволитъ забавляться
«Ночь ноченскую иногда,
«А не къ чему придраться!
«Или кого въ сердитый часъ
«Инда до слезъ обидитъ,
«Ты чтобъ поддѣть его хоть разъ,—
«Нѣтъ изъ воды сухъ выйдетъ!
«Случится вы, мои друзья,
«На вечерокъ зайдете,
«Небось захочется питья
«Рацею заведете:
«Богачъ де у тебя живетъ
«По почкамъ веселится,
«Такъ какъ дескать тебѣ, мой свѣтъ,
«Съ него не поживиться?
«А я! Охъ завтра день великъ!
(Крестится и вздыхаетъ)
«Отсохни у меня языкъ,
«Пословица вѣщаетъ:
«Ни шерсти одного клока
«Отъ козлища дрянного,
«Ни малой капли молока
«Ниже чего другого.
«Его намъ нужно проучить,
«А то безъ наказанья
«Вы если будете сносить
«Столь гнусное дѣянье,
«То не забудьте о моемъ
«Не ложномъ предреченьи:
«Мы скоро, скоро доживемъ
«До свѣта преставленья!»
Онъ кончилъ, стали всѣ кричать,
Гортани не жалѣя,
Хотѣли многіе предать
Анаѳемѣ злодѣя,
Но сыщикъ сталъ противъ того
И такъ о томъ толкуетъ:
— «Пожалуй, проклинай его,
«А онъ и въ усъ не дуетъ,
«Нелзя-ль гдѣ хвата прицѣпить?
«Да хорошенько въ зубы,
«Да рожу на сторону сбить,
«Расквасить носъ и губы;
«Тогда, ручаюсь вамъ, совретъ
«Онъ многое невольно,
«И небыль на себя взведетъ,
«Какъ будетъ дюжо больно».
Всѣ съ этимъ мнѣніемъ его
Безспорно согласились,
Прижимки сверхъ еще того
Различныя рѣшились
Они Ѳаддею учинить;
Писцу-же содержанье
Въ журналъ велѣли записать
И плодъ ихъ совѣщанья.
Перо писецъ тутъ обмакнулъ,
Заткнулъ его за ухо,
Понюхалъ табаку, чихнулъ,
И потрепавши брюхо
Съ довольной рожею сталъ крыть
Журналъ своимъ мараньемъ,
«Такого-то числа прибыть
«Изволили въ собранье,
«Для совѣщанья о дѣлахъ
«Такіе-то, такіе,
«Въ мундирахъ, фракахъ, сюртукахъ,
«Особы пребольшіе:
«Носастые,
«Пузастые,
«Губастые,
Брылястые,
«И были сыщики, глава
«Всѣхъ слѣдственныхъ процессовъ,
«Квартальные и пристава,
«И секретарь Сыпбѣсовъ,
«Чиновнѣйшіе господа,
«Служивцы заслуженны.
«И такъ какъ водится всегда:
«Въ компаніи почтенной
«Всѣ пуншъ до красноты носовъ
«Да Ерофеичъ пили,
«Ѳаддея, плута изъ плутовъ,
«Къ прижимкамъ осудили».
Но тщетно всячески прижать

Они его старались,
Ни въ чемъ не удалось поймать,
И только что ругались.

Спокойно буйный нашъ Өаддей
Пилъ, ѣлъ и забавлялся,
И надъ полицiей отъ всей
Души своей—смѣялся.
Смѣялся,—но десятый годъ
Почти прошелъ ужасный;
Өаддея трепетъ обуялъ,
Забылъ онъ предаваться
Забавамъ, слезы проливалъ,
Не сталъ и надсмѣхаться;
Внезапно брошенныхъ дѣтей
Своихъ воспоминаетъ,
Представить въ то-же время ихъ
Къ себѣ повелѣваетъ:
— «Я съ полицейскими чрезъ нихъ»,
Онъ мыслилъ, «помирюся,
И адскихъ болѣе своихъ
Враговъ не убоюся!»—
Они явились предъ него
Въ сермяжныхъ броняхъ, стали
И нѣжны взоры на него—
Въ безмолвiи кидали.
Не знаемыя чувства въ немъ
Дотолѣ пробудились—
А очи нѣжности огнемъ
Отцовскимъ засвѣтились;
Попеременно всѣхъ онъ ихъ
Въ объятiяхъ сжимаетъ,
И жить въ покояхъ ужъ своихъ
Съ сихъ поръ повелѣваетъ.

При всемъ старанiи его
Съ полицiей мириться,
Единымъ не успѣлъ онъ днемъ:
И вздумалъ онъ пуститься
На хитрости. Вотъ первый часъ:
Асмодька ужъ явился,
«Прошу пожаловать!.. для васъ
Я вотъ какъ потрудился!»
И указалъ на сыновей:
«Не правда-ли обновы
Лихiя аду по моей
«Здѣсь милости готовы...»
Нечистый бросилъ бѣглый взглядъ
И запылали очи,
Какъ бѣдъ предвѣстникъ,—метеоръ
Во тьмѣ осенней ночи.
Простеръ къ Өаддею руку онъ
Съ улыбкою злодушныхъ—
И торгъ ужасный заключенъ,
За души злополучныхъ.
— «За души сыновей своихъ
Ты получилъ отстрочку,
Өаддей, за каждаго изъ нихъ
Даю я по годочку».
Простились,—грѣшникъ отдохнулъ
И мыслью торжествуетъ:
— «Коль я ужъ чорта обманулъ,
Такъ кто-жъ меня надуетъ,
Пускай попробуетъ его
Придти за сыновьями,
Пущу страшилищъ на него
И сыщиковъ съ усами».
И тотчасъ къ полицейскимъ всѣмъ
Послалъ онъ приглашенье:
— «Хочу де въ домѣ я своемъ
Дать другамъ угощенье».—

И кучей начали друзья
Сiи къ нему стекаться,
Отвсюду будто воронья
Въ лѣсу на падаль мчатся.
День цѣлый радостно Өаддей
Хлопочетъ, суетится,
Бѣжитъ къ сѣнямъ встрѣчать гостей
И проситъ не чиниться.
Всѣхъ онъ ихъ деньгами даритъ,
Мясами начиняетъ,
Шампанскимъ и Шато-Лафитъ
И пуншемъ угощаетъ,
Но сколько ни пили они
А все имъ не веселье;
Лишь чуютъ головы свои
Въ сомнительномъ похмѣльи,
И согласились всѣ просить
По дружески Өаддея,
Чтобъ не Шампанскаго имъ пить,
А подалъ Ерофея:
— «Ты дай дружище намъ того
Покрѣпче, разумѣешь?
А то хоть лопни съ твоего,
А все не опьянѣешь!»
Явился и Ерошка плутъ,

Всѣ вдругъ къ нему гурьбою:
Не рюмками, стаканомъ пьютъ
И хвалятъ межъ собою.
Вотъ пили, пили, и когда
Какъ должно напилися,
Въ пріятельскій кружокъ тогда
У штофовъ собралися,
И дружно въ горлышко одно
Запѣли еле стоя:
«О, всемогущее вино!
Веселіе героя!»
Ужъ полночь; всякій опьянѣлъ,
Съ хозяиномъ простился,
Домой шатаючись побрелъ,
Иль къ должности пустился.

Какихъ чудесъ во тьмѣ ночной,
Друзья, вы не узрите!
Вотъ напримѣръ къ сторонкѣ той
Нарочно посмотрите:
Подьячій пьяный тамъ идетъ,
Качаясь какъ тростина,
За нимъ лакеишка бредетъ
Достойный господина.
И взвидѣлъ полицейскій глазъ,
Что въ лужѣ шевелится
Какой-то пьяница,—тотчасъ
Нашъ крюкъ остановился:
— «Меня къ забору» рекъ «приставь,
А этого скотину.
Скорѣй на съѣзжую отправь;
Ступай!.. Родному сыну
Я пьянства не прощу во вѣкъ;
Какого развращенья
Достигнулъ нынѣ человѣкъ,
И все отъ просвѣщенья!»
Такъ нашъ квартальный восклицалъ,
Языкъ едва вращая,
Старинный вѣкъ благословлялъ,
Новѣйшій проклиная.
Какъ клюковка, голубчикъ мой,
Піончикъ въ полномъ цвѣтѣ,
Рисуетъ идучи домой
И люди и мыслете.
Прилпелся, растянулся спать
Съ плѣнительной мечтою:
Что завтра будетъ пить опять,
Закуситъ колбасою.

Съ сихъ поръ отвсюду къ одному
Ползли они Ѳаддею,
Для поклоненія своему
Амуру—Ерофею.
Чуть только солнышко взойдетъ,
Чуть утро улыбнется,
Толпа подьячихъ уже пьетъ,
И вкругъ колбаски вьется.
Всего-же болѣе ихъ тутъ
Сбиралася бесѣда,
Между торжественныхъ минутъ
Закуски и обѣда.
Но вотъ двѣнадцатый ужъ годъ
Подходитъ нежеланный,
Раздумье грѣшника беретъ,
Онъ мыслитъ:—«Окаянный,
«Не получитъ тебѣ меня
«Въ свои когтины руки,
«Не испытаю адской я
«Толико страшной муки,
«Себѣ спасеніе найду
«За грудью полицейской,
«А зубомъ ты скрипи въ аду,
«Въ безсильи злобы змѣйской».

Разъ всѣхъ крючковъ онъ пригласилъ
Къ себѣ на пированье,
За пуншемъ имъ вполнѣ открылъ
Души своей страданье.
И всѣ провозгласили вдругъ:
«О, милый! о безцѣнный!
«О, вселюбезнѣйшій нашъ другъ!
«О, другъ ты нашъ почтенный!
«Не опасайся ничего,
«Попробуй онъ явиться,
«Да мы, да мы, да мы его!..
«Нѣтъ съ нами жутко биться...
«Его туда запрячемъ мы,
«Гдѣ гады, сырость, холодъ,
«Страшнѣе гдѣ и самой тьмы,
«Гдѣ вѣчно страшный голодъ;
«Гдѣ изъ чертей никто не былъ,
«И воронъ стервоядный—
«Куда костей не заносилъ,
«Гдѣ волкъ не рыскалъ гладный!»
Когда-же кончили орать,
То положили мнѣньемъ:
Чтобъ пару будочниковъ дать

Дружку для охраненья.
И сталъ покоенъ нашъ герой,
Пируетъ, веселится,
А день послѣдній... за горой
И солнце ужъ садится.

Вотъ часъ полночный зазвенѣлъ,
Асмодька ужъ явился—
И будучниковъ лишь узрѣлъ,
Въ адъ тотчасъ провалился,
И сатанѣ рапортовалъ,
Что грѣшниковъ прикрыли;
Внезапно адъ весь застоналъ
И фуріи завыли,—
И свистъ, и лай, и визгъ, и трескъ,
И скрежеты зубами,
И дланями отвсюду плескъ,
И щелканье бичами.
Къ Ѳаддею сатана предсталъ,
Ужасный царь геенны,
Весь пышетъ жаромъ, какъ металлъ
Въ горнилѣ раскаленный,
Что шагъ свирѣпый ступитъ онъ—
То молніи сверкаютъ,
Земля дастъ унылый стонъ,
И громы ударяютъ.
Сталъ трусу праздновать Ѳаддей,
Трясется и блѣднѣетъ,
Объятый ужасомъ, очей—
Поднять къ врагу не смѣетъ.
Но ободрилъ его тотчасъ
Квартальный, мужъ серьезный:
— «Что нужно, братъ, тебѣ у насъ?»
Рекъ сатанѣ онъ грозно.
— «Пришелъ свое добро я взять:
«Вамъ брать я не мѣшаю,
«И вы мнѣ не должны мѣшать,
«Кодексъ я весь вашъ знаю!»
— «Сперва у старшаго спросись,
«Коль право твое дѣло;
«Потомъ намъ ниже поклонись,
«Велятъ,—потащишь смѣло;
«А прежде тронуть волоскомъ
«Не смѣй ихъ, окаянный!...
«Ступай, хожалый, въ частный домъ,
«Зови сюда подьячихъ
«И весь чиновный людъ сюда.
«Скажи имъ: нашъ дружище
«Готовъ достаться, господа,
«Въ адъ чорту на игрище!»

Внезапно стали налетать
Подьячіе толпами,
Ругаютъ дьяволовъ, грозятъ
И сатанѣ очами.
Сначала было вздумалъ онъ
Предъ сыщикомъ храбриться,
Но послѣ поунизилъ тонъ
И предложилъ мириться,
Да только сыщикъ молодецъ
Не дался въ уловленье,
А закричалъ:—«Ахъ ты подлецъ!
«Ахъ гнусное творенье!
«Да какъ дерзнулъ ты предложить
«Измѣну мнѣ такую?
«За деньги правду чтобъ забыть
«Я могъ когда святую!»
Въ сердцахъ со стула соскочилъ,
Надулъ претолсты губы,
Рукавъ по локоть засучилъ
И сатану—шаркъ въ зубы.
Несчастный сатана сробѣлъ,
Стоялъ молча, блѣднѣя,
А сыщикъ снова налетѣлъ
И хвать его по шеѣ.
Геенны бѣдный царь во прахъ
Предъ ними преклонился,
И милости просить въ слезахъ
У грозныхъ онъ рѣшился.
Сталъ всепокорнѣйше просить,
Чтобъ дали позволенье
Ему все дѣло изложить,
Предъ ними на сужденье
— «Ага! давно-бы тебѣ такъ,
«Невѣжлива собака!
«Мерзавецъ, бестія, дуракъ,
«Каналья, забіяка!...
«Да что-жъ изволишь ты стоять
«Предъ нами, какъ колода?
«Не время понапрасну ждать
«Тебя намъ здѣсь урода!...
«Ну, говори!...» И разсказалъ—
Имъ дьяволъ про Ѳаддея,
Какимъ онъ образомъ попалъ
Въ тенета Асмодея;
И скромно сыщика просилъ—

Разсказа въ заключенье,
Чтобъ онъ въ семъ дѣлѣ объявилъ
Ему свое рѣшенье.—

Со всею братьей для сего
Нашъ сыщикъ совѣщался,
И скоро, такъ какъ громъ, его—
Медвѣжій гласъ раздался:
— «О, сатана, владыка тьмы!
«Рогами въ прахъ склонися,
«Внемли, что днесь рѣшили мы
«И молча покорися:
«Ты хочешь этихъ грѣшныхъ взять?...
«О томъ мы разсудили,
«И правосудье оказать
«Тебѣ предположили:
«Старикъ безспорно виноватъ,
«Да намъ онъ угождаетъ,
«Поитъ, кормитъ всегда насъ радъ
«И деньгами снабжаетъ;
«Въ аду-же вы, я знаю самъ,
«Не пьете, не ѣдите,
«И деньги тамъ не нужны вамъ,
«Такъ старика не ждите,
«Никакъ его не отдадимъ;
«Когда намъ съ нимъ проститься,
«Такъ гдѣ-же такъ мы поѣдимъ,
«И гдѣ намъ такъ напиться?
«А въ отношеньи къ сыновьямъ—
«Согласенъ, сатана, ты
«Въ томъ вѣрно съ нами будешь самъ,
«Они не виноваты,
«И сверхъ того принадлежатъ
«Къ компаніи блаженной,
«Такъ не получишь ты ихъ въ адъ
«Никакъ, дружокъ почтенный;
«А то намъ и самихъ себя
«И стѣнъ-то будетъ стыдно;
«Но въ то же время, для тебя
«Чтобъ не было обидно,
«Мы разсудили разлучить
«Ѳаддея съ сыновьями,
«Еще-жъ вина ему не пить,
«А хлопать лишь глазами—
«Когда порядкомъ пировать
«Въ его мы домѣ станемъ,
«Ерошку станемъ попивать
«И пѣсенку затянемъ.
«Что рѣшено правдиво такъ,
«Ты долженъ согласиться,
«Вѣдь самъ ты парень не тумакъ,
«Тебѣ ужъ не учиться,
«Сыновъ-же осуждаемъ мы,
«Для ихъ-же избавленья
«Отъ адской преужасной тьмы—
«На долгое храпѣнье,
«И спать имъ всѣмъ во время то,
«Дотоль не просыпаться,
«Покуда пьянъ изъ насъ никто—
«Не станетъ напиваться;
«А такъ какъ никогда сего
«Отнюдь не можетъ сбыться,
«То долженъ ты безъ ничего
«Въ свояси возвратиться!»

И бѣдный дьяволъ въ адъ побрелъ,
Отъ горести стеная,
Какъ будто не солоно ѣлъ,
Подьячихъ проклиная!...
Крючки-жъ стеклись вкругъ своего
Спасеннаго Ѳаддея,
И стали поздравлять его
За рюмкой Ерофея,
Сыновъ-же пѣннымъ простякомъ
Не медля усыпили,
Шинелью съ краснымъ вороткомъ
Для хранности покрыли.

275. Двѣ грамоты царя и великаго князя Ѳеодора Іоанновича — Кольскимъ жителямъ.—Грамоты эти въ оригиналѣ и съ замѣчаніями доставлены изъ Архангельска П. А. Ж, коему приношу наичувствительнѣйшую благодарность.

Эти жалованныя грамоты даны царемъ и великимъ княземъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ въ 1590 году Кольской волости старостѣ Вишнячку Козмину съ крестьянами. Онѣ любопытны, какъ по своей древности, такъ и потому, что изображаютъ геройскій поступокъ Кольскихъ жителей противу нападавшихъ на нихъ шведовъ, и наконецъ—показываютъ ихъ торговлю тогдашняго времени. По исторіи извѣстно, что безпокойные нѣкогда сосѣди наши шведы, разсыпаясь разбойническими толпами въ сѣверные предѣлы Россіи, многократно впадали въ поморскія мѣста Архангельской губерніи, причиняя тамъ всевозможное разореніе.

276. Двѣ записки по вотчинному вопросу съ предисловіемъ и общимъ заключеніемъ. Сочиненіе Николая Безобразова, магистра законовѣдѣнія. Берлинъ, 1859 года.—Въ 8 д. л., IV + 154 стр.

Хотя кратко, но весьма ясно изложенный, въ настоящемъ сочиненіи, взглядъ автора на вотчинный вопросъ, не смотря на свою устарѣлость и независимо отъ послѣдовавшихъ важныхъ измѣненій въ этомъ вопросѣ, до сихъ поръ невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя и такъ-же, какъ въ свое время, не лишенъ интереса и значенія.

Книжка довольно рѣдкая.

Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля.

277. Двѣ рѣчи, произнесенныя при праздновании въ Иркутскѣ юбилея М. В. Ломоносова. — Иркутскъ, въ типографіи войскъ.—Въ 8 д. л., 19 стр.

Первая рѣчь сочинена старшимъ учителемъ иркутской гимназіи Н. И. Поповымъ, а вторая Г. А. Щаповымъ; онѣ были произнесены на юбилеѣ Ломоносова, празднованномъ въ г. Иркутскѣ 26 мая 1865 года.—Брошюрка въ настоящее время очень рѣдкая.

278. Двѣ элегіи на смерть Александра Петровича Сумарокова; безъ означенія мѣста и года печати. Рузаевка.—Въ 4 д. л., 7 стр., современная обложка.

Съ двумя гравированными виньетками, изъ которыхъ первая—работы Набгольца, представляетъ ликованіе ада, противъ котораго, по словамъ автора элегіи, ратовалъ покойный писатель. На послѣдней страницѣ виньетка изображаетъ — курящуюся урну. Весьма изящное изданіе.—Губерти— ч. II, № 150. — Книга цѣнится отъ 8 до 12 рублей.

279. Двѣ эпистолы А. Сумарокова. Въ первой предлагается о русскомъ языкѣ; во второй—о стихотворствѣ. Санктпетербургъ, 1748 года.—Въ 8 д. л.

Означенная брошюрка составляетъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость. Чтобы дать болѣе ясное понятіе о сей рѣдкой брошюркѣ, прилагаю ее для любителей при семъ изъ слова въ слово.

См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 3103.

Сумароковъ, Александръ Петровичъ.

Знаменитый поэтъ, писатель-трагикъ. Род. 14 ноября 1718 г., ум. 1 октября 1777 г.

Погребенъ въ московскомъ донскомъ монастырѣ.

Эпистола I.

«Для общихъ благъ мы то передъ скотомъ имѣемъ,
«Что лучше какъ они другъ друга разумѣемъ,
«И помощію словъ пространна языка,
«Все можемъ изъяснить, какъ мысль ни глубока.
«Описываемъ все — и чувствіе и страсти,
«И мысли голосомъ дѣлимъ на мелки части.
«Принявъ драгой сей даръ отъ щедраго Творца,
«Изображеніемъ вселяемся въ сердца.
«То, что постигнемъ мы, другъ другу сообщаемъ,
«И въ письмахъ то своимъ потомкамъ оставляемъ.
«Но не такіе такъ полезны языки,
«Какими говорятъ Мордва и Вотяки.
«Возмемъ себѣ въ примѣръ словесныхъ человѣковъ:
«Такой намъ надобенъ языкъ, какъ былъ у Грековъ,
«Какой у Римлянъ былъ, и слѣдуя въ томъ имъ,
«Какъ нынѣ говоритъ Италія и Римъ,
«Каковъ въ прошедшій вѣкъ прекрасенъ сталъ французской
«Иль наконецъ сказать, каковъ способенъ русской.
«Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ;

«Но нѣтъ довольнаго числа на немъ писцовъ.
«Одинъ, послѣдуя несвойственному складу,
«Влечетъ въ Германію Россійскую Палладу,
«И мня, что тѣмъ онъ ей препятства придастъ,
«Природну красоту съ лица ея беретъ.
«Другой не выучась такъ грамотѣ, какъ должно,
«По русски думаетъ, всего сказать не можно,
«И взявъ пригоршни словъ чужихъ сплетаетъ рѣчь
«Языкомъ собственнымъ, достойну только сжечь.
«Иль слово въ слово онъ слогъ русскій переводитъ,
«Которой на себя въ обновѣ не походитъ.
«Тотъ прозой скаредной стремится къ небесамъ,
«И хитрости своей не понимаетъ самъ.
«Тотъ прозой и стихомъ ползетъ и письма оны,
«Ругаючи себя даетъ писцамъ въ законы.
«Хоть знаетъ, что ему во мзду смѣется всякъ;
«Однако онъ своихъ не хочетъ видѣть вракъ.
«Пускай, онъ думаетъ, меня никто не хвалитъ,
«То сердца моего нимало не печалитъ:
«Я самъ себя хвалю: на что мнѣ похвала?
«И знаю то, что я искусенъ до зѣла.
«Зѣло, зѣло, зѣло, дружокъ мой ты искусенъ,
«Я спорить не хочу, да только складъ твой гнусенъ.
«Когда не вѣришь мнѣ, спроси хотя у всѣхъ:
«Всякъ скажетъ, что тебѣ перомъ владѣти грѣхъ.
«Но только ли того? не можно и помыслить,
«Чтобъ враки мнѣ писцовъ подробно всѣ исчислить.
«Кто пишетъ, долженъ мысль прочистить напередъ,
«И прежде самому себѣ подать въ томъ свѣтъ;
«Но многіе писцы о томъ не разсуждаютъ,
«Довольны только тѣмъ, что рѣчи составляютъ.
«Несмысленны чтецы, хотя ихъ не поймутъ,
«Дивятся имъ, и мнятъ, что будто тайна тутъ,
«И разумъ свой покрывъ, читая темнотою,
«Невнятный складъ писца пріемлютъ красотою.
«Нѣтъ тайны никакой безумственно писать.
«Искусство, чтобъ свой слогъ исправно предлагать.
«Чтобъ мнѣніе творца воображалось ясно,
«И рѣчи бы текли свободно и согласно.
«Письмо, что грамоткой простой народъ зоветъ,
«Съ отсутствующими обычну рѣчь ведетъ:
«Быть должно безъ затѣй и кратко сочинено,
«Какъ просто говоримъ, такъ просто изъясненно.
«Но кто не наученъ исправно говорить,
«Тому не безъ труда и грамотку сложить.
«Слова, которыя предъ обществомъ бываютъ,
«Хоть ихъ перомъ, хоть языкомъ предлагаютъ.
«Гораздо должны быть пышнѣе сложены,
«И риторски бъ красы въ нихъ были включены,
«Которыя въ простыхъ словахъ хоть необычны,
«Но въ важности рѣчей потребны и приличны,
«Для изъясненія разсудка и страстей,
«Чтобъ тѣмъ входить въ сердца и привлекать людей.
«Намъ въ ономъ щастлива природа путь являетъ,
«И двери чтеніе къ искусству отворяетъ.
«По семъ скажу, какой похваленъ переводъ:
«Имѣетъ въ слогѣ всякъ различіе народъ,
«Что очень хорошо на языкѣ французскомъ,
«То можетъ въ точности быть скаредно на русскомъ.
«Не мни переводя, что складъ въ творцѣ готовъ;
«Творецъ даруетъ мысль, но не даруетъ словъ.
«Въ спряженіе рѣчей его ты не вдавайся,
«И свойственно себѣ словами украшайся.
«На что степень въ степень послѣдовать ему?
«Ступай лишь тѣмъ путемъ, и область дай уму.
«Ты симъ, какъ твой творецъ писмомъ своимъ ни славенъ,
«Достигнешь до него, и будешь самъ съ нимъ равенъ.
«Хотя передъ тобой въ три пуда лексиконъ,
«Не мни, чтобъ помощь далъ тебѣ велику онъ,
«Коль рѣчи и слова поставить безъ порядка:
«И будетъ переводъ твой нѣкая загадка,
«Которую никто не отгадаетъ въ вѣкъ;
«То даромъ, что слова всѣ точно ты нарекъ.
«Когда переводить захочешь безпорочно,
«Не то,—творцовъ мнѣ духъ яви и силу точно.
«Языкъ нашъ сладокъ, чистъ и пышенъ и богатъ;
«Но скупо вносимъ мы въ него хорошій складъ;
«Такъ чтобъ незнаніемъ его намъ не безславить;
«Намъ должно весь свой складъ хоть нѣсколько поправить.
«Не нужно, чтобы всѣмъ надъ риѳмами потѣть,
«А правильно писать потребно всѣмъ умѣть.
«Но льзя ли требовать отъ насъ исправна слога:
«Затворена къ нему въ ученіи дорога.
«Лишь только ты склады не много поучи,
«Изволь писать Бову, Петра златы ключи.
«Подьячій говоритъ: писаніе тутъ нѣжно,
«Ты будешь человѣкъ, учися лишь прилежно.
«И я то думаю, что будешь человѣкъ;
«Однако грамотѣ не станешь знать во вѣкъ.
«Хоть лучшимъ почеркомъ съ подьяческа совѣта,

«Четыре литеры сплетай ты въ слово лѣта,
«И вычурно писать научишься конецъ;
«Повѣрь, что никогда не будешь ты писецъ.
«Перенимай у тѣхъ, хоть много ихъ, хоть мало,
«Которыхъ тщаніе искусству ревновало,
«И показало имъ, коль мысль сія дика,
«Что не имѣемъ мы богатства языка.
«Сердись, что мало книгъ у насъ, и дѣлай пѣни:
«Когда книгъ Русскихъ нѣтъ, за чѣмъ итти въ степени?
«Однако больше ты сердися на себя,
«Иль на отца, что онъ не выучилъ тебя.
«А естьли бъ юность ты не прожилъ своевольно,
«Ты бъ могъ въ писаніи искусенъ быть довольно.
«Трудолюбивая пчела беретъ
«Отвсюду то, что ей потребно въ сладкій медъ,
«И посѣщающа благоуханну розу,
«Беретъ въ свои соты частицу и съ навозу.
«Имѣемъ сверхъ того духовныхъ много книгъ:
«Кто виненъ въ томъ, что ты Псалтыри не постигъ,
«И бѣгучи по ней, какъ въ быстромъ морѣ судно
«Съ конца въ конецъ разъ сто промчался безразсудно.
«Коль Аще, Точію, обычай истребилъ;
«Кто нудитъ, чтобъ ты ихъ опять въ языкъ вводилъ?
«А что изъ старины понынѣ не отмѣнно,
«То можетъ быть тобой повсюду положенно.
«Не мни, что нашъ языкъ не тотъ, что въ книгахъ чтемъ,
«Которы мы съ тобой не Русскими зовемъ.
«Онъ тотъ-же, а когда бъ онъ былъ иной, какъ мыслишь;
«Лишъ только отъ того, что ты его не смыслишь;
«Такъ чтожъ осталось бы при Русскомъ языкѣ?
«Отъ правды мысль твоя гораздо въ далекѣ.
«Не знай наукъ, когда не любишь ихъ, хоть вѣчно,
«А мысли выражать знать надобно конечно.

Эпистола II.

«О вы! которые
«Нестройнаго гудка имѣя
«Престаньте воспѣвать! пѣснь ваша непрелестна,
«Когда музыка вамъ прямая неизвѣстна.
«Но въ нашемъ ли одномъ народѣ только врутъ,
«Когда искусства нѣтъ, или разсудокъ худъ?
«Прадонъ и Шапеденъ, не токмо-ли писали,
«Гдѣ въ ихъ же времена стихи свои слагали
«Корнелій и Расинъ, Депро и Моліеръ,
«Де ла Фонтенъ, и гдѣ имъ слѣдуетъ Вольтеръ.
«Не льзя, чтобъ тотъ себя писцомъ своимъ прославилъ,
«Кто Грамматическихъ не знаетъ свойствъ ни правилъ,
«И правильно письма не смысля сочинить,
«Захочетъ вдругъ творцомъ и стихотворцемъ быть.
«Онъ только лишь слова на риѳму прибираетъ,
«Но сплетенный вздоръ стихами называетъ.
«И что онъ сплететъ нескладно безъ труда,
«Передо всѣми то читаетъ безъ стыда.
«Стихи слагать не такъ легко, какъ многимъ мнится,
«Не знающій одной и риѳмой утолится.
«Не должно чтобъ она въ плѣнъ нашу мысль брала,
«Но чтобы нашею невольницей была.
«Не надобно за ней безъ памяти гоняться;
«Она должна сама намъ въ разумѣ встрѣчаться,
«И къ стати приходивъ ложиться гдѣ велятъ.
«Не вольные стихи чтеца не веселятъ.
«А оное не плодъ единыя охоты;
«Но прилежанія и тяжкія работы.
«Однако тщетно все, когда искусства нѣтъ;
«Хотя творецъ трудясь струями потъ прольетъ,
«А паче есть ли кто на Геликонъ дерзаетъ
«Противу силъ своихъ, и грамотѣ не знаетъ.
«Онъ мнитъ, что онъ слѣпивъ стишокъ, себя вознесъ
«Предивной хитростью до самыхъ до небесъ.
«Тотъ кто не изливалъ плодовъ пріятныхъ садомъ,
«За вишни клюкву ѣсть, рябину виноградомъ,
«И вкусъ имѣя грубъ, бездѣльные труды,
«Предъ общество кладетъ за сладкіе плоды.
«Взойдемъ на Геликонъ, взойдемъ, увидимъ тамо
«Творцовъ, которые достойны славы прямо.
«Тамъ царствуетъ Гомеръ, тамъ Сафо, Ѳеокритъ,
«Ешиллъ, Анакреонъ, Софоклъ и Еврипидъ,
«Менандръ, Аристофанъ, и Пиндаръ восхищенный,
«Овидій сладостный, Виргилій несравненный,
«Терентій, Персій, Плавтъ, Горацій, Ювеналъ,
«Лукрецій и Луканъ, Тибуллъ, Проперцій, Галлъ,
«Мальзербъ, Руссо, Кино, Французовъ хоръ реченный;
«Мильтонъ и Шекспиръ, хотя непросвѣщенный;
«Тамъ Тассъ, и Аріостъ, тамъ Камоенсъ и Лопъ,
«Тамъ Ѳондель, Гинтеръ тамъ, тамъ остроумный Попъ.

«Последуемъ такимъ писателямъ великимъ;
«А ты, несмысленный, воспѣваешь гласомъ дикимъ.
«Все то, что дерзностно невѣжа сочинитъ,
«Труды его ему преобращаетъ въ стыдъ.
«Безъ пользы на Парнасъ слагатель смѣлый всходитъ,
«Коль Аполлонъ его на верхъ горы не взводитъ.
«Когда искуства нѣтъ, иль ты не тѣмъ рожденъ,
«Не строенъ будетъ гласъ и слогъ твой принужденъ.
«А естьли естество тебя тѣмъ одарило,
«Старайся, чтобъ сей даръ искусство украсило.
«Знай въ стихотворствѣ ты различіе родовъ,
«И что начнешь, ищи къ тому приличныхъ словъ,
«Не раздражая Музъ худымъ своимъ успѣхомъ:
«Слезами Талію и Мельпомену смѣхомъ.
«Пастушка за сребро и злато на лугахъ
«Имѣетъ весь уборъ въ единыхъ лишь травахъ.
«Лугъ кампей дорогихъ и перлъ ей не являетъ:
«Она главу и грудь цвѣтами украшаетъ.
«Подобно, каковой всегда на ней нарядъ,
«Таковъ быть долженъ весь въ стихахъ пастушьихъ складъ.
«Въ нихъ гордыя слова, сложенія высоки,
«Въ лугахъ подымутъ вихрь и возмутятъ потоки.
«Оставь свой пышный гласъ въ идилліяхъ своихъ,
«И въ паствахъ не глуши трубой свирѣлокъ ихъ.
«Панъ скроется въ лѣса отъ звучной сей погоды,
«И Нимфы у потокъ уйдутъ отъ страха въ воды.
«Любовну ль пишешь рѣчь, или пастушій споръ:
«Чтобъ не былъ ни учтивъ, ни грубъ ихъ разговоръ,
«Чтобъ не былъ твой пастухъ крестьянину примѣромъ,
«И не былъ бы опять придворнымъ кавалеромъ.
«Воспѣвай въ идилліи мнѣ ясны небеса,
«Зеленые луга, кустарники, лѣса,
«Біющіе ключи, источники и рощи,
«Весну, пріятный день и тихость темной нощи.
«Дай чувствовати мнѣ пастушью простоту,
«И позабыть, стихи читая, суету.
«Плачевной Музы гласъ быстрѣе проницаетъ,
«Когда она въ любви власы свои терзаетъ.
«Но весь ея восторгъ свой нѣжный краситъ
«Единымъ только тѣмъ, что сердце говоритъ.
«Любовникъ въ сихъ стихахъ стенанье возвѣщаетъ,
«Когда Авроринъ всходъ съ любезной быть мѣшаетъ.
«Или онъ, воздохнувъ, часы свои клянетъ,
«Въ которые въ глазахъ его Ирисы нѣтъ.
«Или жестокости Фелисы вспоминаетъ,
«Или своей драгой свой пламень открываетъ.
«Иль съ нею разлучась, представивъ тѣ красы,
«Со вздохами твердитъ прошедшіе часы.
«Но хладенъ будетъ стихъ, и весь твой плачь притворство,
«Когда то говоритъ едино стихотворство:
«Не жалокъ будетъ складъ, оставь и не трудись;
«Коль хочешь то писать, такъ прежде ты влюбись.
«Гремящій въ одѣ звукъ, какъ вихорь слухъ пронзаетъ,
«Хребетъ Рифейскихъ горъ далеко превышаетъ.
«Въ ней молнія дѣлитъ на полы горизонтъ,
«То верхъ высокихъ горъ скрываетъ бурный понтъ.
«Едипъ гаданьемъ градъ отъ Сфинкса избавляетъ,
«И сильный Геркулесъ злу гидру низлагаетъ.
«Скамандрины брега боговъ зовутъ на брань.
«Великій Александръ кладетъ на Персовъ дань.
«Великій Петръ свой громъ съ бреговъ Балтійскихъ мещетъ;
«Россійскій мечъ во всѣхъ концахъ вселенной блещетъ.
«Творецъ такихъ стиховъ, вскидаетъ всюду взглядъ,
«Взлетаетъ къ небесамъ, свергается во адъ,
«И мчася въ быстротѣ во всѣ края вселенны,
«Врата и путь вездѣ имѣетъ отворенны,
«Что въ стихотворствѣ есть, всѣмъ лучшимъ стихъ крася,
«И гласъ Епическій до неба вознося,
«Летай по облакамъ, какъ въ быстромъ морѣ судно,
«Но возвращаясь въ низъ, спускайся лишь разсудно.
«Пекись, чтобъ не смѣшать по правамъ лирныхъ думъ;
«Въ Епическомъ стихѣ порядоченъ есть шумъ.
«Гласъ лирный такъ, какъ вихрь порывами терзаетъ,
«А гласъ Епическій не дерзостно взбѣгаетъ,
«Колеблется не вдругъ, и ломитъ такъ какъ вѣтръ,
«Бунтуютъ многи дни, возшедъ и земныхъ нѣдръ.
«Сей стихъ есть полнъ притворствъ, въ немъ добродѣтель смѣло
«Преходитъ въ божество, пріемлетъ духъ и тѣло.
«Минерва мудрость въ немъ, Діана чистота,
«Любовь то Купидонъ, Венера красота.
«Гдѣ громъ и молнія, тамъ ярость возвѣщаетъ

«Разгнѣванный Зевесъ, и землю устрашаетъ.
«Когда встаетъ на моряхъ волненіе и ревъ,
«Не вѣтеръ то шумитъ, Нептунъ являетъ гнѣвъ.
«И эхо есть не звукъ, что гласы повторяетъ,
«То Нимфа во слезахъ Нарциса вспоминаетъ.
«Еней перенесенъ на Африканскій брегъ
«Въ страну, въ которую имѣли вѣтры бѣгъ
«Не приключеніемъ; но гнѣвная Юнона
«Стремится погубить остатокъ Иліона.
«Эолъ въ угодность ей Средьземный понтъ терзалъ,
«И грозные валы до облакъ воздымалъ.
«Онъ мстилъ Парисовъ судъ за выигрышъ Венеры,
«И вѣтрамъ растворилъ глубокія пещеры.
«По семъ разсмотримъ мы свойство и силу драмъ,
«Какъ долженъ представлять творецъ пороки намъ,
«И какъ должна цвѣсти святая добродѣтель;
«Посадской Дворянинъ, Маркизъ, Графъ, Князь, владѣтель
«Восходятъ на театръ, творецъ находитъ путь,
«Смотрителей своихъ, чрезъ дѣйство умъ тронуть.
«Когда захочешь слезъ, введи меня ты въ жалость.
«Для смѣху предо мной представь мірскую шалость.
«Не представляй двухъ дѣйствъ, къ смѣшенію мнѣ думъ,
«Смотритель къ одному свой устремляетъ умъ.
«Ругается смотря единаго онъ страстью,
«И безпокойствуетъ единаго напастью;
«Аѳины и Парижъ зря красну царску дщерь,
«Котору умерщвлялъ отецъ, какъ лютый звѣрь,
«Въ стенаніи своемъ единогласны были,
«И только лишь о ней потоки слезны лили.
«Не тщись глаза и слухъ различіемъ прельстить,
«И бытіе трехъ лѣтъ мнѣ въ три часа вмѣстить:
«Старайся мнѣ въ игрѣ часы часами мѣрить,
«Чтобъ я забывшися возмогъ тебѣ повѣрить,
«Что будто не игра то дѣйствіе твое,
«Но самое тогда случившесь бытіе.
«И не бренчи въ стихахъ пустыми мнѣ словами,
«Скажи мнѣ только то, что скажутъ страсти сами.
«Не сдѣлай трудности и мѣстомъ мнѣ своимъ,
«Чтобъ мнѣ театръ твой зря имѣючи за Римъ,
«Не полетѣть въ Москву, а изъ Москвы къ Пекину;
«Всмотряся въ Римъ, я Римъ такъ скоро не покину.
«Явленіями множъ желаніе, творецъ,
«Познать, какъ дѣйствію положишь ты конецъ.
«Трагедія намъ плачь и горесть представляетъ.
«Какъ люто, напримѣръ, Венеринъ гнѣвъ терзаетъ
«Въ прекрасной описи, въ Расиновыхъ стихахъ,
«Трезенскій Князь забылъ о рыцарскихъ играхъ,
«Воспламененіе почувствовавши крови,
«И вѣчно быть преставъ противникомъ любови,
«Предъ Арисіею стыдяся говоритъ,
«Что онъ уже не сталъ сей гордый Ипполитъ,
«Который иногда стрѣламъ любви ругался,
«И симъ презрѣніемъ дѣлъ нѣжныхъ величался.
«Страшатся Греки, чтобъ сынъ Андромахинъ имъ
«По возрастѣ своемъ не сталъ отцомъ своимъ.
«Трепещутъ имени Гекторова народы,
«Которые онъ гналъ отъ стѣнъ Троянскихъ въ воды.
«Какъ онъ съ побѣдою по трупамъ ихъ бѣжалъ,
«И въ корабли ихъ огнь изъ рукъ своихъ металъ.
«Страшася, плодъ его стремятся погубити,
«И въ отрасли весь корнь Пріамовъ истребити;
«Пирръ хочетъ спасть его: защита не мала!
«Но чтобъ сія вдова женой ему была.
«Она въ смятеніи: низверженна въ двѣ страсти,
«Не знаетъ, что сказать при выборѣ напасти.
«Богининъ сынъ противъ всѣхъ Грековъ возстаетъ
«И Клитемнестринъ плодъ подъ свой покровъ беретъ.
«Неронъ прекрасную Іюнью похищаетъ,
«Возлюбленный ея отъ яда умираетъ:
«Она чтобъ жизнь ему на жертву принести,
«Дѣвичество свое до гроба соблюсти,
«Подъ защищеніе статуи прибѣгаетъ,
«И образъ Августовъ слезами омываетъ;
«И послѣ таковыхъ свирѣпыхъ ей судьбинъ
«Лишаясь брачныхъ думъ, Вестальскій емлетъ чинъ.
«Монимѣ за любовь приносится отрава.
«Аталья Франціи и Мельпоменѣ слава.
«Меропа безъ любви тронула всѣхъ сердца,
«Умноживъ въ славу плескъ преславнаго творца:
«Творецъ ея нашелъ богатство Геликона.
«Альзира наконецъ Вольтерова корона.
«Каковъ въ трагедіи Расинъ и Вольтеръ,
«Таковъ въ комедіяхъ искусный Моліеръ.
«Какъ славитъ напримѣръ тѣхъ Федра и Меропа,
«Не меньше и творецъ прославленъ Мизантропа.
«Мольеровъ Лицемѣръ, я чаю, не падетъ
«Въ трехъ первыхъ дѣйствіяхъ, доколь пребудетъ свѣтъ.
«Женатый Философъ, Тщеславный, возсіяли,
«И честь Детушену въ безсмертіе вписали.

«Для знающихъ людей ты игрищъ не пиши;
«Смѣшить безъ разума даръ подлыя души.
«Не представляй того, что мнѣ на мигъ пріятно,
«Но чтобъ то дѣйствіе мнѣ долго было внятно.
«Свойство комедіи издѣвкой править нравъ:
«Смѣшить и пользовать прямой ея уставъ.
«Представь бездушнаго подьячаго въ приказѣ,
«Судью, что не пойметъ, что писано въ указѣ.
«Представь мнѣ щеголя, кто тѣмъ вздымаетъ носъ,
«Что цѣлый мыслитъ вѣкъ о красотѣ волосъ:
«Который родился, какъ мнитъ онъ, для амуру,
«Чтобъ гдѣ нибудь къ себѣ склонить такую жъ дуру.
«Представь латынщика на диспутѣ его,
«Который не совретъ безъ Ерго ничего.
«Представь мнѣ гордаго раздута какъ лягушку,
«Скупого, что готовъ въ удавку за полушку.
«Представь картежника, который снявши крестъ
«Кричитъ изъ за руки съ фигурой сидя рестъ.
«О таинственникъ Музъ! уставовъ ихъ податель!
«Разборщикъ стихотворствъ, и тщательный писатель,
«Который Франціи Музъ жертвенникъ открылъ,
«И въ чистомъ слогѣ самъ примѣромъ ей служилъ.
«Скажи мнѣ, Боало, свои въ Сатирахъ правы,
«Которыми въ стихахъ ты чистилъ грубы нравы!
«Въ Сатирахъ должны мы пороки осуждать
«Безумство пышное въ смѣшное превращать.
«Страстямъ и дурностямъ играючи ругаться;
«Чтобъ та игра могла на мысли оставаться,
«И что бы въ страстныя сердца она втекла.
«Сіе намъ зеркало сто разъ нужнѣй стекла.
«Тщеславный лицемѣръ святымъ себя являетъ,
«И въ мысли ближнему погибель соплетаетъ.
«Льстецъ кажется, что онъ всея вселенной другъ,
«И отрыгаетъ ядъ во знакъ своихъ услугъ.
«Набитый ябедой прехитрый душевредникъ,
«Старается, чтобъ былъ у всѣхъ людей наслѣдникъ
«И что противу правъ заграбивъ получитъ,
«Съ неправеднымъ судьей на части то дѣлитъ.
«Богатый бѣднаго невинно угнетаетъ,
«И совѣсть изъ судей мѣшками выгоняетъ,
«Которы богатясь, страхъ Божій позабывъ,
«Пекутся лишь о томъ, чтобъ правый судъ сталъ кривъ.
«Богатый въ ихъ судѣ не зритъ ни въ чемъ препятства:
«Наука, честность, умъ, по ихъ, среди богатства.
«Охотникъ до вѣстей, коль нечего сказать,
«Бѣжитъ съ двора на дворъ, и мыслитъ что солгать.
«Трусъ, пьянъ напившися возносится отвагой,
«И за робятами гоняется со шпагой:
«Такое что нибудь представь Сатирикъ намъ.
«Разсмотримъ свойство мы и силу Епиграмъ:
«Они тогда живутъ красой своей богаты,
«Когда сочинены остры и узловаты;
«Быть должны коротки, и сила ихъ вся въ томъ,
«Чтобъ нѣчто вымолвить съ издѣвкою о комъ.
«Складъ басенъ долженъ быть шутливъ, но благороденъ,
«И низкій въ ономъ духъ къ простымъ словамъ пригоденъ,
«Какъ то де-ла Фонтенъ разумно показалъ,
«И басеннымъ стихомъ преславенъ въ свѣтѣ сталъ,
«Наполнилъ съ головы до ногъ всѣ притчи шуткой,
«И сказки пѣвъ, игралъ все тою же погудкой.
«Быть кажется, что стихъ по волѣ онъ вертѣлъ.
«И мнится, что писавъ ни разу не вспотѣлъ:
«Парнаски дѣвушки перомъ его водили,
«И въ простотѣ рѣчей искусство погрузили.
«Еще есть складъ смѣшныхъ героическихъ поэмъ.
«И нѣчто помянуть хочу я и немъ:
«Онъ въ подлу женщину Дидону превращаетъ,
«Или намъ бурлака Енеемъ представляетъ.
«Являя рыцарьми буяновъ, забіякъ;
«И такъ такихъ поэмъ шутливыхъ складъ двоякъ:
«Въ одномъ богатырей ведетъ отвага въ драку,
«Парисъ Ѳетидину далъ сыну перебяку,
«Гекторъ не на войну идетъ, въ кулачной бой,
«Не воиновъ, бойцовъ ведетъ на брань съ собой.
«Зевесъ не молнію, не громъ съ небесъ бросаетъ,
«Онъ изъ кремня огонь желѣзомъ высѣкаетъ.
«Не жителей земныхъ имъ хочетъ устрашить.
«На что-то хочетъ онъ лучинку засвѣтить.
«Стихи владѣющи высокими дѣлами,
«Въ семъ складѣ пишутся пренизкими словами.
«Въ другомъ такихъ поэмъ искусному творцу
«Велитъ перо давать духъ рыцарскій борцу.
«Поссорился буянъ, не подлая то ссора,
«Но гонитъ Ахилесъ прехрабраго Гектора.
«Замаранный кузнецъ въ семъ складѣ есть Вулькань,
«А лужа отъ дождя, не лужа, океанъ.
«Ребенка баба бьетъ, то гнѣвная Юнона.
«Плетень вокругъ гумна, то стѣны Иліона.

«Въ семъ сладѣ надобно, чтобъ муза подала
«Высокія слова на низкія дѣла.
«Въ эпистолы творцы тѣ рѣчи избираютъ,
«Какія свойственны тому, что составляютъ,
«И самая въ стихахъ сихъ главна красота,
«Чтобъ былъ порядокъ вънихъ и въ словѣ чистота.
«Сонетъ, Рондо, Балладъ: игранье стихотворно;
«Но должно въ нихъ играть разумно и проворно.
«Въ Сонетѣ требуютъ, чтобъ очень чисть былъ складъ,
«Рондо бездѣлица, таковъ же и Балладъ.
«Но пусть ихъ пишетъ тотъ, кому они угодны,
«Хороши вымыслы и тамо благородны.
«Составъ ихъ хитрая въ бездѣлкахъ суета:
«Мнѣ стихотворная пріятна простота.
«О пѣсняхъ нѣчто мнѣ осталося представить,
«Хоть пѣснописцовъ тѣхъ никакъ нельзя исправить,
«Которые, что стихъ не знаютъ и хотятъ
«Нечаянно попасть на сладкій пѣсенъ ладъ.
«Нечаянно стихи изъ разума не льются,
«И мысли ясныя невѣжамъ не даются.
«Коль строки съ риѳмами стихами то зовутъ.
«Стихи по правиламъ премудрыхъ музъ плывутъ.
«Слогъ пѣсенъ долженъ быть пріятенъ, простъ и ясенъ,
«Витійствъ не надобно: онъ самъ собой прекрасенъ.
«Чтобъ умъ въ немъ былъ сокрытъ и говорила страсть:
«Не онъ надъ ними большой, имѣетъ сердце власть;
«Не дѣлай изъ богинь красавицѣ примѣра,
«И въ страсти не воспѣвай: прости моя Венера!
«Хоть всѣхъ собрать богинь, тебя прекраснѣй нѣтъ.
«Скажи прощаяся: прости теперь мой свѣтъ!
«Не будетъ дня, чтобъ я, не зря очей любезныхъ,
«Не источалъ изъ глазъ своихъ потоковъ слезныхъ.
«Мѣста, свидѣтели минувшихъ сладкихъ дней
«Ихъ станутъ вображать на памяти моей.
«Ужъ начали меня терзати мысли люты,
«И окончалися пріятныя минуты.
«Прости послѣдній разъ, и помни какъ любилъ.
«Кудряво въ горести никто не говорилъ:
«Когда съ возлюбленной любовникъ разстается
«Тогда Венера въ мысль ему не попадется.
«Ни ударенія прямаго нѣтъ въ словахъ,
«Ни сопряженія малѣйшаго въ рѣчахъ,
«Ни риѳмъ порядочныхъ, ни мѣры стопъ пристойной
«Нѣтъ въ пѣснѣ скаредной, при мысли недостойной.
«Но что я говорю при мысли? да въ такой
«Изрядной пѣсенкѣ нѣтъ мысли никакой.
«Пустая рѣчь, конецъ не виденъ, ни начало
«Писцы въ нихъ бредятъ-же, что въ разумъ ни попало.
«О чудные творцы, престаньте вздоръ сплетать!
«Нѣтъ славы никакой не смысленно писать.
«Во окончаніи еще напоминаю
«О разности стиховъ и рѣчи, повторяю:
«Коль хочешь пѣть стихи, помысли ты сперва,
«Къ чему твоя, творецъ, способна голова.
«Не то пой, что тебѣ противу силъ угодно:
«Оставь то для другихъ, пой то, тебѣ что сродно.
«Когда-же льститъ тебѣ всегдашній града шумъ
«И ненавидитъ твой лукавства свѣтска умъ,
«Пріятна жизнь въ мѣстахъ, гдѣ къ услажденью взора
«И обонянія ликуетъ красна флора,
«Гдѣ чистыя струи по камешкамъ бѣгутъ,
«И птички сладостно Авроринъ всходъ поютъ,
«Одною щедрою довольствуясь природой,
«И насыщаются дражайшею свободой;
«Пускай на верхъ горы взойдетъ твоя нога
«И око кинетъ взоръ въ зеленые луга,
«На рѣки, озера, въ кустарники, въ дубровы:
«Вотъ мысли тамъ тебѣ по склонности готовы.
«Когда ты мягкосердъ, и жалостливъ рожденъ
«И ежели при томъ любовью побѣжденъ,
«Пиши Елегіи, воспѣвай любовны узы,
«Плачевнымъ голосомъ, стенящей де ла Сюзы.
«Когда ты рвешься, зря на свѣтѣ тьму страстей,
«Ступай за Боаломъ, и исправляй людей.
«Смѣешься-ль страсти зря? представь мнѣ ихъ, примѣромъ,
«И представляя ихъ, ступай за Моліеромъ.
«Когда имѣешь ты духъ гордый, умъ летущъ
«И вдругъ изъ мысли въ мысль стремительно бѣгущъ,
«Оставь Идиллію, Елегію, Сатиру
«И Драмы для другихъ, возьми гремящу лиру
«И съ пышнымъ Пиндаромъ взлетай до небеси,
«Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкій вознеси;
«Онъ нашихъ странъ Мальзербъ, онъ Пиндару подобенъ:
«А ты, Штивелиусъ, лишь только врать способенъ.
«Имѣя важну мысль, великолѣпный духъ,

«Пронзай воинской трубой вселеной слухъ:
«Пой Ахилесовъ гнѣвъ, иль двигнутъ Русской славой,
«Воспой Великаго Петра мнѣ подъ Полтавой.
«Чувствительнѣй всего трагедія сердцамъ,
«И таковымъ она вручается творцамъ,
«Которыхъ можетъ мысль входить въ чужія страсти,
«И сердце чувствовать другихъ бѣды, напасти.
«Виргилій брани пѣлъ, Овидій воздыхалъ,
«Горацій громкій гласъ при лирѣ испускалъ
«Или изъ высоты сходя страстямъ ругался,
«Въ которыхъ Римлянинъ безумно упражнялся.
«Хоть разный взяли путь, однако посмотри,
«Что сладко пѣвъ они, прославились всѣ три.
«Все хвально Драма ли, Еклога или ода:
«Слагай, къ чему влечетъ тебя твоя природа;
«Лишь просвѣщеніе, писатель, дай уму:
«Прекрасный нашъ языкъ способенъ ко всему.

---

280. Декамеронъ. Сочиненіе Джовани Бокаччіо. Переводъ Александра Веселовскаго съ этюдомъ о Бокаччіо, иллюстраціи французскихъ художниковъ: Баронъ, Жоанно, Элій, Наптейля, Гранвилля, Пино, Жирарда, Лепутвенъ, Покэ, Гольверельди, и др. 2 тома. Изданіе Т-ва И. Кушнерева и Пряниишникова. Москва. Типолитографія Высочайше утвержденнаго Т-ва Кушнерева и К°, 1891 года.—Въ 8 д. л. Т. I-й XV+417 стр.; т. II-й 336 стр., съ рисунками.

Это роскошное изданіе начинается съ предисловія отъ переводчика Александра Веселовскаго, въ которомъ онъ говоритъ, что «въ русской литературѣ исторія Декамерона представляется относительно бѣдной. Мы говоримъ не о томъ вліяніи, которое онъ оказалъ вообще на развитіе современнаго романа—вліяніе, которое не могло не коснуться и насъ путемъ посредствующихъ звеньевъ и отраженій, а о непосредственномъ съ нимъ знакомствѣ въ концѣ XVII вѣка: пять новеллъ Бокаччіо (Декамеронъ—II, 7, 9, VII, 4, 7, VIII, 8) переведены у насъ съ польскаго оригинала, воспроизведшаго въ свою очередь, какой-то нѣмецкій переводъ. Онѣ прошли заурядъ съ обычными уличными повѣстями, жартами и фацеціями, потому, что стараго русскаго читателя могло интересовать лишь соотвѣтствующее содержаніе новеллъ, а не художественный стиль Декамерона».

Далѣе авторъ говоритъ: «я не слѣдилъ за дальнѣйшей его исторіей въ нашей литературѣ XVIII вѣка, если вообще позволено говорить объ исторіи. Въ «Добромъ Намѣреніи», журналѣ, издававшемся при Московскомъ Университетѣ В. В. Санковскимъ, напечатаны въ мартовской книжкѣ 1764 года: Ивана Бакація, славнаго флорентинца: «Соколъ» и въ апрѣльской:—Ивана Бакація: «Юпитеръ, звѣри и человѣкъ», то и другое въ стихахъ самого издателя; первая пьеса (нач. «Тебя Гетрурія предѣлы славятъ дальны») не переводъ, а свободная передѣлка Декамерона V, 9; оригинальная, или нѣтъ, это мнѣ осталось неизвѣстнымъ.

Большая часть новеллъ Декамерона пересказана была въ статьяхъ г-жей А. А—вой: «Итальянская новелла и Декамеронъ, историколитературный очеркъ» («Вѣстникъ Европы» 1880 г.); предлагаемый нынѣ, переводъ,—первый у насъ опытъ полной (за незначительными пропусками) передачи Декамерона. Переводчикъ задался цѣлью возможно точно передать фразу подлинника, насколько то позволятъ средства русскаго языка и снаровка переводчика—не художника стиля—не избѣгая нѣкоторыхъ шероховатостей, накопленія эпитетовъ, длинно-вьющейся фразы. Такимъ образомъ онъ надѣялся уловить «манеру Бокаччіо», въ которой заключается не послѣднее обаяніе Декамерона для тѣхъ, кто читаетъ его въ подлинникѣ».

Означенное изданіе въ настоящее время распродано. Книга рѣдка.—Купленъ мною экземпляръ за 15 рублей.

Бокаччіо Джовани знаменитый итальянскій поэтъ и гуманистъ, незаконный сынъ флорентинскаго купца и француженки, родился въ 1313 году въ Парижѣ. Семейство его происходило изъ Чертальдо, почему онъ самъ называлъ себя Бокаччіо до Чертальдо. Умеръ 21 декабря 1375 года. Памятникъ, поставленный на Сольферинской площади въ Чертальдо, открытъ 22 іюня 1879 года.

281. Демофонтъ. Трагедія Михаила Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ 1752 года.—Въ 8 д. л., 76 стр.

Демофонтъ—трагедія, сочиненная Ломоносовымъ, составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость.—См. «Матеріалы для библіографіи или обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ книгъ» Якова Березина-Ширяева, стр. 57.

282. Деревенское зеркало или общенародная книга. Сочинена не только, чтобъ ее читать, но чтобъ по ней исполнять. Со многими фигурами, въ Санктпетербургѣ, при губернскомъ правленіи, 1798 г.; 3 части, въ 8 д. л., 1-я часть 296 стр., 2-я часть 291 стр., 3-я часть 220 стр.

На заглавномъ листѣ первой части, подъ фигурой, сказано:—«Чего не знаешь — такъ учись, и добраго всегда держись». Во второй части, подъ фигурой, сказано: — «Деревья въ полѣ я не для себя сажаю, а пользу общую впередъ воображаю». Въ третьей части сказано на заглавномъ листѣ, подъ фигурой:—«Какъ молнія блеститъ и громъ гремитъ ужасно, подъ деревомъ стоять въ семъ случаѣ опасно».—Это интересное изданіе въ книжной торговлѣ довольно рѣдко попадается въ продажѣ.

ДЕРЕВЕНСКОЕ
ЗЕРКАЛО
или
ОБЩЕНАРОДНАЯ КНИГА
сочинена
Не только чтобъ ее читать,
Но чтобъ по ней и исполнять.

Часть первая.

Чего не знаешь, такъ учись,
И добраго всегда держись.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Губернскомъ Правленіи 1798 года.

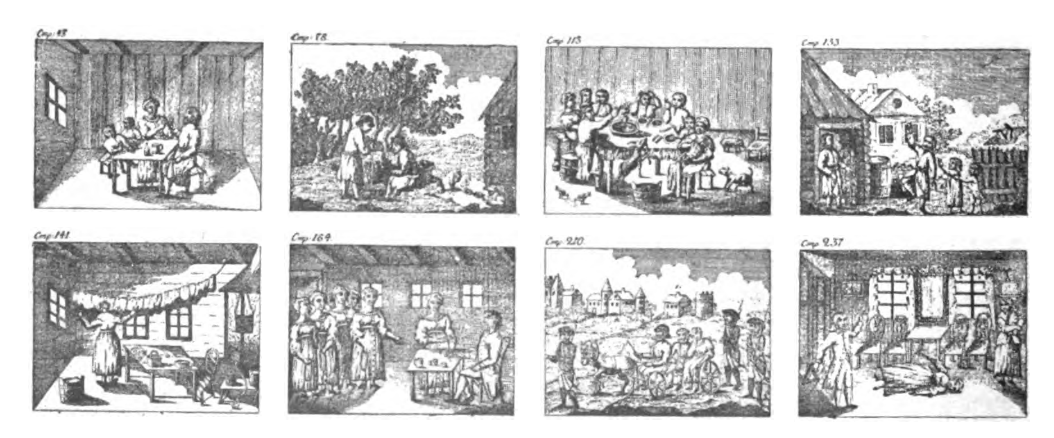
Заглавный листъ изъ книги „Деревенское Зеркало“.

Правдининъ расказываетъ на сходь-бищѣ крестьянамъ притчины болѣзней и охраняющія отъ нихъ средства.

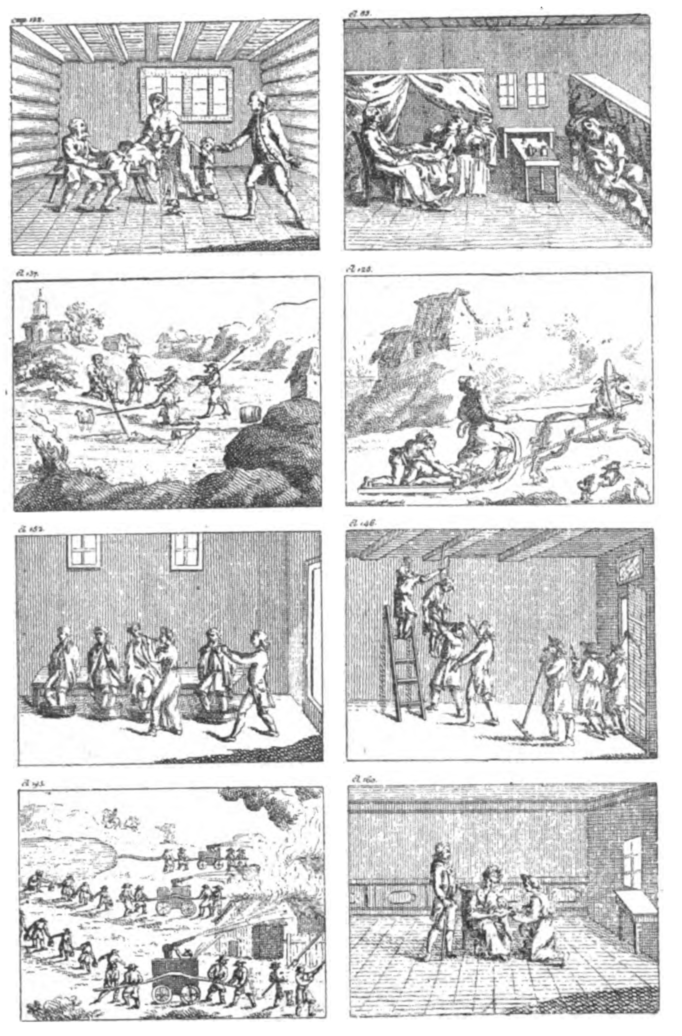
Кто не щадитъ себя, здоровье не брежетъ,
Тотъ преждевременно отъ хворости умретъ;
Онъ можетъ быть жену, сиротъ дѣтей оставитъ,
И по міру бродить по бѣдности заставитъ.
Не тяжкой ли то грѣхъ, самоубійцемъ быть?
Семьѣ своей бѣды, напасти приключить!
Опомнись селянинъ, всегда будь остороженъ,
Для счастья общаго твой будетъ вѣкъ умноженъ.

А

Рисунокъ изъ книги «Деревенское Зеркало».



Уменьшенный рисунокъ изъ книги «Деревенское Зеркало.»



Наставленіе священника крестья-намъ.

Правдининъ по возвращеніи своемъ, собравъ всѣхъ крестьянъ на Боярской дворъ, хотѣлъ читать предъ ними и письмо и задачи, порученныя ему отъ Велеслава Честановича: какъ пришелъ и Сельской священникъ, который съ великимъ вниманіемъ слушалъ повелѣнія сего Помѣщика своимъ крестьянамъ. Но когда все было кончено, и крестьяне хотѣли расходиться, то священникъ, благослова всѣхъ, просилъ

Рисунки изъ книги «Деревенское Зеркало».

283. Деревянная нога. Швейцарская идиллія. Госп. Геснера.—Переведено съ нѣмецкаго языка Николаемъ Карамзинымъ. С.-Петербургъ. Печатано въ вольной типографіи Брейткопфа. 1783 года.—Въ 16 д. л., 18 стр.

Этотъ переводъ былъ первымъ литературнымъ опытомъ Н. М. Карамзина, впослѣдствіи знаменитаго писателя и историка.

Чистые и хорошо сохранившіеся экземпляры этой брошюрки составляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость.

284. Дерматологическія письма изъ Парижа и Вѣны.—Харьковъ. 1899 года. Типографія X. Аршавской.—Въ 8 д. л., 15 стр.

Эта замѣчательная брошюра издана В. И. Зарубинымъ, прив.-доц. Харьковскаго университета, въ количествѣ пятидесяти экземпляровъ, не для продажи.

285. Десять лѣтъ въ Англіи. Ивана Головина.

Когда онъ изъ тюрьмы шагнулъ,
О тюрьмѣ вздохнулъ.

Шильонскій узникъ.

Не дай Богъ, чтобы какой нибудь
Народъ былъ счастливѣе Россійскаго.

Екатерина.

(Съ портретомъ автора). Лейпцигъ, въ типографіи Густава Бера.—Въ 16 д. л., 143 стр.

Въ этой рѣдкой книжкѣ помѣщены слѣдующія любопытныя статьи: 1) Письмо къ министру народнаго просвѣщенія. 2) Отношенія Россіи къ Англіи. 3) Воспоминаніе. 4) Нравы. 5) Законы. 6) Вѣра. 7) Языкъ. 8) Большая грамота. 9) Мужики времени Карла I. 10) Кромвель. 11) Безчиніе Сентъ-Джемса. 12) Дворянство. 13) Журналистика. 14) Литература. 15) Земледѣліе. 16) Каменный уголь. 17) Внутренность Великобританіи. 18) Охота. 19) Политика и Польша. 20) Статистика благоденствія. 21) О деньгахъ, банкахъ и страховыхъ обществахъ. 22) Лондонъ. 23) Армія и флотъ. 24) Жены Англіи. 25) Просвѣщеніе. 26) Ирландія и ирландцы. 27) Выѣздъ изъ Англіи. 28) Филантропія.

Изданіе рѣдкое.

Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля.

Головинъ, Иванъ Гавриловичъ.

Публицистъ-эмигрантъ; род. въ 1816 г. Получилъ воспитаніе въ Дерптѣ и Берлинѣ. Онъ извѣстенъ рядомъ сочиненій о Россіи.

Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ „Десять лѣтъ въ Англіи“.

286. Descritpion du Sacré et du couronement de Leures Majestés lmperiales L'Empereur de Toutes les Russies Alexandre III et L'Imperatrice Maria Feodorovna en l'année 1883.—In folio 25 feul. chromolithog.

«Изображеніе Священнаго помазанія и коронованія Императора всея Россіи Александра III и Императрицы Маріи Θеодоровны въ 1883 г. Роскошное художественное изданіе, состоящее изъ 25-ти листовъ хромолитографированныхъ картинъ, рисованныхъ русскими художниками».

Это крайне рѣдкое изданіе не поступало въ продажу и принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

287. Десятилѣтіе вольной русской типографіи въ Лондонѣ. Сборникъ ея первыхъ листовъ, составленный и изданный Л. Чернецкимъ. Лондонъ, вольная русская типографія. 1863 года.—Въ 16 д. л., XX + 170 стр.

Книжка съ предисловіемъ Искандера; въ концѣ ея помѣщенъ списокъ русскихъ книгъ и брошюръ, напечатанныхъ вольной русской типографіею въ періодъ времени съ 1853 по 1863 годъ.

288. Die Bibliothek des Grossfürsten Vasilij IV Ivanovitsch und des Zaren Jvan lV Vassiljevitsch, von F. Clossius. Въ Dorpater Jahrbücher, 3-er Band (1834), стр. 289—304.

Эта чрезвычайно любопытная статья напечатана была прежде на русскомъ языкѣ въ «Журналѣ Мин. Народнаго Просвѣщенія», часть 2-я (1834 г.), стр. 397—419. Но на нѣмецкомъ языкѣ она нѣсколько измѣнена и увеличена.

289. Discours sur l'esprit des Lois de Mr. de Montesquieu, ou Leçons de Iurisprudence universelle lues dans l'Université de Moscou. Разсужденіе на Монтескіеву книгу о разумѣ законовъ, или уроки всеобщей юриспруденціи, преподаваемые въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. № 1. Иждивеніемъ Н. Новикова и компаніи. Въ Москвѣ, въ университетской типографіи у Н. Новикова. 1782 года.—8 нен. и 97 нум. стр.

Авторъ этого сочиненія Яковъ Шнейдеръ былъ профессоромъ въ Московскомъ университетѣ 1782 - 1783 гг. Онъ читалъ въ университетѣ лекціи по Монтескье о духѣ законовъ. Въ описываемой книгѣ напечатана его первая лекція.

Это сочиненіе долго пользовалось большимъ успѣхомъ и въ настоящее время сдѣлалось рѣдкостью.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 4 рубля.

290. Десятилѣтіе Императорской Публичной Библіотеки (1849—1859 гг.). Записка, представленная Государю Императору директоромъ библіотеки. Санкпетербургъ, въ типографіи II отд. собств. Е. И. В. Канц. 1859 года.—Въ 8 д. л., 49 стр.

Эта рѣдкая брошюрка представляетъ краткое изложеніе всего, что сдѣлано по устройству библіотеки въ теченіе означеннаго десятилѣтія. Къ 1850 году въ Петербургскомъ книгохранилищѣ было около 640.000 печатныхъ книгъ, болѣе 21.000 рукописей и до 40.000 эстамповъ, въ томъ числѣ много драгоцѣннаго, рѣдкаго и даже единственнаго. Въ теченіе 10 лѣтъ отдѣленіе иноязычныхъ писателей о Россіи возросло до 29.564 томовъ. Самою библіотекою куплено въ 10 лѣтъ—74.777 томовъ печатныхъ сочиненій и 2.251 рукопись. Частныя приношенія внесли въ публичную библіотеку 65.450 печатныхъ томовъ и 1.687 рукописей. Получено безмездно по закону, изъ цензурнаго вѣдомства, изъ таможенъ и т. д. 51.716 томовъ. Отъ монаршихъ даровъ библіотека получила съ 1850 г. (сюда-же вошли собранія: погодинское, коробановское, доктора Тимендорфа, Аделунга и пр.) 18.003 тома печатныхъ сочиненій и

Бычковъ, Аѳанасій Ѳедоровичъ.

Академикъ. Род. 15 декабря 1818 года, ум. 2 апрѣля 1899 г., по фот. грав. Шюблеръ.

4.229 рукописей. Общій итогъ приращеній библіотеки въ 10 лѣтъ составилъ 209.946 томовъ печатныхъ сочиненій и 8.867 рукописей, кромѣ картъ, эстамповъ, нотъ и пр. Протяженіе полокъ, занятыхъ въ библіотекѣ книгами, рукописями и пр., составлявшее въ 1850 году 12,29 версты, возросло къ 1860 году—до 15,39 версты. На переплетъ вновь пріобрѣтенныхъ и прежнихъ книгъ издержано 27.913 руб, $5^1/_2$ коп. Внутреннее устройство библіотеки, составленіе каталоговъ и пр. говорятъ также о неутомимой дѣятельности завѣдующихъ библіотекою. Достаточно привести для этого слѣдующую цифру: въ 1850 году изъ 640.000 томовъ тогдашней библіотеки оставалось не опи-

санными 600.000; къ 1860 году, изъ 849.946 томовъ, осталось не внесенными въ каталоги менѣе 5 '.000. Говоря словами отчета, дѣйствительно можно сказать, что Петербургская публичная библіотека составляетъ уже въ настоящее время одинъ изъ лучшихъ памятниковъ народной славы.

См. «Библіографическія Записки», томъ I, стр. 668.

291. Дидаскалія, альбо наука, которая первѣй изъ устъ священникамъ подавалась о седми сакраментахъ или тайнахъ, на синодѣ помѣстномъ, въ градѣ Могилевѣ. 1637 года, отъ господина Сильвестра Косова, епископа Оршанскаго и Могилевскаго, потомъ митрополита Кіевскаго. Въ Кутейнскомъ монастырѣ, 1653 года.—Въ 4 д. л.

Чистые, хорошо сохранившіеся экземпляры сего рѣдкаго изданія составляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость.

См. «Опытъ россійской библіографіи» Василія Сопикова, за № 254, сказано—«рѣдка».

292. Дипломъ изъ масонской ложи „Палестины“ въ Петербургѣ.—Основана она по французской системѣ въ 1810 году. Управлялъ ею Віельгорскій и И. С. Ланской. Дипломъ, имѣющій квадратную форму большого листа, напечатанъ на пергаментѣ, въ С.-Петербургѣ.

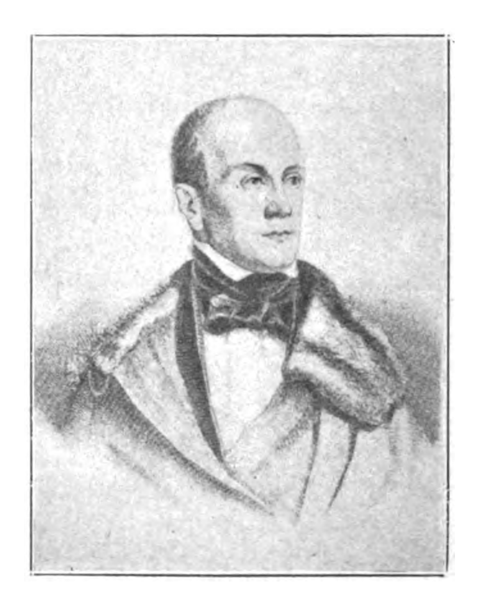
Въ моей библіотекѣ, между прочими рѣдкостями, находится дипломъ, который является величайшей библіографической драгоцѣнностью, и по своей исключительной рѣдкости заслуживаетъ того, чтобъ объяснить о немъ болѣе подробно, что я и считаю здѣсь не лишнимъ сдѣлать, и ниже привожу его полное и подробное описаніе.

Названный дипломъ помѣщенъ посреди картины, служащей для него какъ бы рамкою.

Картина эта, имѣющая почти квадратную форму и отпечатанная на пергаментѣ, представляетъ собою аллегорическое изображеніе масонства.

Содержаніе картины и расположеніе фигуръ на ней слѣдующее:

Съ лѣвой и правой стороны отъ зрителя, почти близъ краевъ, нарисованы двѣ несоразмѣрно большія круглыя колонны, похожія скорѣе на высокіе подсвѣчники, чѣмъ на колонны. На каждой изъ нихъ изображено по буквѣ: на лѣвой—I, на правой—В; кромѣ того, обѣ онѣ украшены рельефными узорами, которые, впрочемъ, ясно видны только на свѣтовой сторонѣ (лѣвой), а на противоположной—едва замѣтны, и то при болѣе близкомъ разсматриваніи, слабыя очертанія рисунка; до такой степени сгущены тѣни, что вся правая сторона положительно пропадаетъ во мракѣ и кажется сплошною черною массою. Колонны эти въ основаніи имѣютъ утолщенную форму и поставлены, какъ можно судить о томъ по едва замѣтнымъ контурамъ, у входа по обѣимъ сторонамъ широкой лѣстницы, ведущей на таковую же паркетную площадку, виднѣющуюся изъ-подъ угловъ повѣшенной между колоннами бѣлой съ узорчатыми каймами занавѣси.



П. Я. Чадаевъ.

Публицистъ Александровскихъ временъ.
Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ Д. Ровинскаго. „Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“.

Занавѣсь эта декоративно прикрѣплена верхними концами къ верхнимъ частямъ помянутыхъ колоннъ, причемъ книзу середина ея немного спущена, а углы приподняты, черезъ что нижняя часть ея кажется какъ бы слегка закругленной и открывающей предъ зрителемъ красивую перспективу. Середина же этой занавѣси, какъ сказано нами

было выше, совершенно чистая, безъ всякихъ украшеній, и служитъ фономъ для самаго диплома, выгравированнаго на ней скорописнымъ шрифтомъ.

Надъ описанными колоннами и занавѣсомъ, то есть въ верхней—и можно сказать безъ преувеличенія — самой интересной части картины зритель видитъ предъ собою слѣдующее: съ правой стороны, почти въ самомъ углу, ярко сіяетъ изъ-за прорванныхъ тучъ солнце, отъ котораго радіусами расходятся тоже довольно яркіе лучи; съ лѣвой стороны, и тоже почти въ углу, и также изъ-за прорванныхъ тучъ свѣтитъ ущербленная въ видѣ серпа луна, свѣтъ отъ которой озарилъ края разорванныхъ тучъ и верхнюю часть находящейся подъ луною колонны.

Въ серединѣ же картины изъ-за верхней части занавѣси виднѣется глобусъ, а надъ нимъ треугольникъ; около треугольника кинжалъ, по формѣ рукоятки похожій на четвероугольный крестъ, причемъ на немъ вдоль и поперекъ имѣются надписи: на перекладинѣ рукоятки: «Pro Deo» и на ножнахъ: «Imperator fratribus».

Надъ вышепоименованными предметами видна летящая фигура женщины, которая одной рукою оперлась на рукоять кинжала, а другою держитъ трубу, прислонивъ послѣднюю также къ губамъ. Направленіе полета отъ солнца къ мѣсяцу. Рука съ трубою и самая труба, а также лицо—все это представляется силуэтомъ, потому что отдѣльныхъ линій и тѣней не видно, за чернотою и аляповатостью въ этомъ мѣстѣ всего рисунка. На женщинѣ костюмъ, похожій на тотъ, который употребляли въ древности женщины востока; на головѣ у ней вѣнокъ, а на ногахъ сандаліи. За плечами два крыла, изъ которыхъ одно тоже вслѣдствіе черноты почти не замѣтно.

Надъ всей картиной, почти у самаго края вверху видна звѣзда—зарница, отъ которой также исходятъ лучи.

Надо полагать, что женщина, описанная выше, есть олицетвореніе пробуждающейся зари.

Затѣмъ въ серединѣ, на занавѣси, помѣщенъ слѣдующій текстъ диплома:

A la Gloire du G:. A:. de l'u:

La R. |⎺⎺| S.' Jean, sous le titre distinctif de La Palestine seante par les 50 d:. 56 m:. 23 s:. l: n:, o:. de S:. Petersbourg, toutes les RR: |⎺⎺| regulieres, & a tous les Vr:. Maç:

Union Force Salut:

Nous Venerable & officiers membres de cette R: |⎺⎺| regulierement fondée le 4:.. T:.. du fer. M. d. l'a d. L. V. L. 5810 (E. V. 4 Mars 1810?) assem (?) par les n:. m:. connus des seuls Vr. Maccertifions & attestons que le r:. c:. F: . . . . est enfant et Membre actis... de notre R. A. au troisime gr. sumb. que ce fidele enfant ce L:. V:. L. (dant le carriere dans l'art Royal prouve qu'il est sans crainte... sans reproche) a su sê rendre de plus cher & recommandale a tous ses F F parla regularite. Ta conduite, son assistente aux tra. ses lumieres & son devoument a l'ordre, en general ainsi qu'a sa R. |⎺⎺| en paticulier; Prions en consequence tous nos C. F. F. Mac.; regulares des diven ∞ ou ledit F. pourrait se presenter de lui accorder la consuderation qui lui est dûe & lui faire l'acceneit frat:. usite dans l'ill stre & franche Mac., lui porter, en autre les secoun dont il pourrait avoir besoin, comme nous aurions la satisfaction de la faira pour eux — memes. En Foi de quoi lui avons accorde le present Certificat pour lui voloir en tant que de besoin & sur-tout faire admetre aux trav. de son age de meme que tout F:. mune de titres guthentiques est sur de participer . . . . a ceux de notre R. A. — Fait & delivre en notre o. de St.-Petersbourg, le 26-e J. d. M. d· l'a d. L, V. L. 5811. (E. V. 26 Fevrier. 1812. Signé de nous, contresigné de notre secretaire & revetu des sceau & timbre de notre Architecture, pour avaire plien enlier effet apres la confrontantion de la signature dudt.

293. Дипломъ на княжеское священныя римскія имперіи достоинство. Данъ отъ Е. И. В. Іосифа II, избраннаго Римскаго Императора Александру Даниловичу Меньшикову и его потомству съ титуломъ

свѣтлѣйшаго, въ Вѣнѣ 1706 г. января 21-го дня. М. 1774 года.—Въ листъ.

См. объ этомъ чрезвычайно рѣдкомъ дипломѣ «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1887 годъ, стран. 78.

294. Диссертація о изслѣдованіяхъ юридическихъ или о дедукціяхъ судебныхъ дѣлъ, сочиненная въ Московскомъ Императорскомъ Университетѣ отъ Филиппа Генрика Дилтея, обоихъ правъ доктора, оныхъ же и исторіи въ Московскомъ Императорскомъ Университетѣ публичнаго и ординарнаго профессора, Маинцской Академіи полезныхъ наукъ и разныхъ другихъ, какъ то вольнаго экономическаго и россійскаго вольнаго же собранія членомъ и присяжнымъ адвокатомъ консисторіи Пассавской, что въ Вѣнѣ. Печатано при Артиллерійскомъ и инженерномъ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, иждивеніемъ содержателя типографіи Х. Ф. Клоэна, въ С.-Петербургѣ. 1781 года.—Въ 8 д. л., 32 стр.

Означенная диссертація въ настоящее время чрезвычайно рѣдка. См. «Отчетъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 3173, сказано: «рѣдка»; есть у Губерти II—30. Эта диссертація цѣнится до 5 руб.

295. Диѳирамвъ, изображеніе утаеныхъ сіяній французской необузданности, или плачевная кончина царственнаго мученика Людовика XVI. Сочинилъ Павелъ Икосовъ. Во градѣ Святаго Петра съ дозволенія указнаго. 1793 года. — Въ 8 д. л. 15 стр.

На оборотѣ заглавнаго листа сказано: «да изгладится оный день изъ памятниковъ вѣка сего; грядущіе да не имутъ оному вѣры и злодѣянія народа да погребутся въ непроницаемомъ мракѣ».

Книжка эта довольно рѣдкая.

296. Die Schlacht von dem König von Poln. un mit dem Moscowiter gescheen am Tag Marie geburt. MCCCCCXIII. — Въ 4 д. л.

Это очень тоненькая, въ 4 д. л. и неизвѣстно гдѣ написанная (скорѣе всего въ Краковѣ) брошюра, съ рѣзанной на деревѣ, довольно грубыми штрихами, но по очень хорошему рисунку, гравюрой, изображающей стычку русскихъ съ поляками внутри небольшого городка средневѣковой постройки, на берегу рѣки Днѣпра.

См. «Отчетъ Императорск. Публич. Библіотеки» за 1872 годъ, стр. 23-я.

297. Діодора Сикилійскаго историческая библіотека. Переведена съ греческаго на россійскій языкъ Иваномъ Алексѣевымъ, 6 частей, въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ, 1774 года.—Въ 4 д. л., 1 ч. 5+374; 2 ч. 234; 3 ч. 418; 4 ч. 435; 5 ч. 429; 6 часть 430 стр.

Историческая библіотека Діодора Сикилійскаго начинается съ предисловія на все сочиненіе. Авторъ говоритъ, что на сочиненіе сей книги употребилъ тридцать лѣтъ, и для большаго удостовѣренія, чтобъ видѣть самому входящія мѣста въ исторію,—не малую часть Азіи и Европы объѣздилъ; не оставилъ также быть и въ Египтѣ; что-же онъ сочиненіе свое назвалъ историческою библіотекою, то сіе наименованіе далъ онъ ей, не для того, чтобъ, какъ другимъ есть обычай громкими и великолѣпными именами, но нѣкоторымъ причинамъ, украшать свое сочиненіе, которыхъ оныя ни мало не достойны придать тѣмъ что-либо оной, но какъ Евсевій въ книгѣ своей, пріуготовленія Евангельскаго, изъяснялся, что онъ въ свое сочиненіе собравъ вмѣстилъ всю историческую библіотеку, состоящую изъ книгъ хорошихъ, сколько сочиненныхъ, столько переведенныхъ. Въ такой библіотекѣ не только достойно, но и преимущественно предъ другими, можетъ имѣть мѣсто сія книга, сочиненная Діодоромъ Сикилійскимъ.—См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 2221, сказано: «книга рѣдкая», Геннади: «Русскія кн. рѣдкости», за № 42. Есть у князя Е. Н. Львова.—Хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся отъ 20 до 30 руб.—Мною купленъ экземпляръ за 25 рублей.

298. Діоптра, альбо зерцало и выраженіе живота людскаго на семъ свѣтѣ.

Переводъ съ греческаго. Въ Евю. 1612 г.— Въ 12 д. л.

Это изданіе въ настоящее время почти не находимо и принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

См. «Опытъ россійской библіографіи» Вас. Сопикова—№ 1690, гдѣ сказано: «книга очень рѣдка».

299. Для любителей книжной старины. Библіографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ, поэмъ и пр., въ особенности изъ первой половины XVIII вѣка. А. Н. Пыпина. Изданіе общества любителей россійской словесности. Москва. Типо-литографія И. Н. Кушнерева. 1888 года.—Въ 8 д. л., X+74 стр.

Настоящій трудъ А. Н. Пыпина есть трудъ чисто библіографическій; онъ касается одной области или одного уголка нашей литературы, который до сихъ поръ мало обращалъ на себя вниманія и остается не тронутымъ и не разобраннымъ, представляя собою широкое поприще для дѣятельности каждаго, желающаго посвятить, или хотя удѣлить свой досугъ на пользу отечественной библіографіи.

Кромѣ нѣсколькихъ спеціалистовъ, едва-ли кто въ состояніи сказать, что такое было русская повѣсть первой половины прошлаго вѣка, въ эпоху реформы и въ первое время послѣ нея. Между тѣмъ, эта повѣсть существовала — съ своимъ особымъ переходнымъ характеромъ, близко примыкая съ одной стороны къ рукописной XVII вѣка, съ другой—къ печатной литературѣ второй половины прошлаго столѣтія и къ литературѣ народной книги, живущей до сихъ поръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отражая на себѣ книжные вкусы и бытовыя черты своего времени. Изслѣдованіе этой литературы можетъ быть вознаграждено любопытными результатами.

Повѣсть эта—исключительно рукописная. Произведенія ея разсѣяны по общественнымъ и частнымъ библіотекамъ, и первымъ приступомъ къ ея изслѣдованію должна быть работа библіографическая. Прежде всего надо опредѣлить ея наличный матеріалъ, намѣтить въ общихъ чертахъ ея составъ, происхожденіе, степень распространенія, насколько послѣднее можетъ быть указано библіографическими данными. Настоящій трудъ есть опытъ подобнаго библіографическаго розысканія.

Нѣкоторыя замѣтки объ этомъ отдѣлѣ нашей письменности XVIII вѣка сдѣланы были въ моей старой книгѣ *), къ предмету которой факты ея относились только косвенно. Съ тѣхъ поръ напечатано было два—три образчика этой литературы, и хотя она все еще не нашла особаго изслѣдованія, но число произведеній ея въ рукописныхъ собраніяхъ въ послѣднее время очень размножилось сравнительно съ тѣмъ, что было извѣстно прежде.

Старые собиратели рукописей обыкновенно направляли свою заботу и поиски на болѣе глубокую старину—рукописи церковныя и историческія,—и мало обращали вниманія на повѣствовательную литературу Петровскаго и послѣ-Петровскаго времени: «гисторіи», романы, повѣсти и другія подобныя произведенія прошлаго вѣка считались слишкомъ маловажными, слишкомъ простонародными,—и мы почти не находимъ ихъ въ старинныхъ рукописныхъ коллекціяхъ графа Ѳ. А. Толстаго, Дубровскаго, Фролова, послужившихъ основаніемъ собранія Публичной Библіотеки; не находимъ въ богатомъ собраніи «Румянцевскаго Музеума», положившемъ основу рукописной коллекціи Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музея; не находимъ въ собраніи купца Царскаго, перешедшемъ къ графу А. С. Уварову, находимъ очень мало въ древле-хранилищѣ Погодина (нынѣ въ Публичной Библіотекѣ), въ библіотекѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей и пр.; но въ послѣднія десятилѣтія, когда расширились интересы литературной археологіи и когда вмѣстѣ съ тѣмъ начинали рѣдѣть старыя рукописи въ антикварномъ обращеніи и приходилось думать о сбереженіи исчезающихъ остатковъ старой письменности, рукописи прошлаго вѣка обратили вниманіе нынѣшнихъ собирателей, и въ новыхъ коллекціяхъ мы находимъ уже довольно значительный запасъ произведеній повѣствовательной литературы первой половины прошлаго вѣка. Такъ, не мало любопытнаго въ этомъ отношеніи представляютъ новѣйшія пріобрѣтенія Публичной Библіотеки, собраніе Общества любителей древней письменности въ Петербургѣ, богатое собраніе рукописей Ундольскаго, принадлежащее Московскому Публичному Музею, и новѣйшія пріобрѣтенія этого Музея; далѣе, давно знакомое намъ и теперь

*) „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ". СПБ. 1857, стр. 284—291.

еще возросшее собраніе И. Д. Забѣлина, обильное оригинальными рукописями собраніе Н. С. Тихонравова — оба въ Москвѣ; далѣе, обширное собраніе А. А. Титова—въ Ростовѣ; далѣе собраніе Музея въ Твери. При завершеніи своей работы, я получилъ, чрезъ любезное содѣйствіе проф. И. В. Помяловскаго, библіографическія свѣдѣнія о коллекціи В. П. Мордвинова, представляющей единственный примѣръ своего рода въ томъ отношеніи, что она сохранилась цѣликомъ отъ половины прошлаго вѣка; до своего нынѣшняго владѣльца эта коллекція дошла отъ его прадѣда, и рукописи частію написаны самимъ этимъ прадѣдомъ, такъ что собраніе г. Мордвинова является рѣдкимъ образчикомъ цѣльной беллетристической библіотеки первой половины прошлаго вѣка *).

Объединяя этотъ матеріалъ, мы видимъ передъ собою цѣлый довольно обширный отдѣлъ старой письменности, заслуживающей вниманія историковъ литературы и, быть можетъ, еще больше историковъ быта и нравовъ. Это довольно разнообразная масса переводнаго романа, повѣсти, поэмы, волшебной сказки и т. п., различнымъ образомъ связанная съ письменностью до-Петровскою и съ новою литературой послѣ Петра. Въ настоящемъ нашемъ обзорѣ собралось больше ста названій отдѣльныхъ произведеній — въ большинствѣ переводныхъ, но частію представляющихъ русскіе опыты и подражанія,—а число рукописей около двухсотъ семидесяти.

*) Это собраніе представляетъ вообще слѣдующія произведенія XVII вѣка (и болѣе старыя) и первой половины XVIII столѣтія, частію съ указаніемъ года рукописи: 1) Гисторія о россійскомъ кавалерѣ Александрѣ; 2) Гисторія о саксонскомъ королѣ Ефродитѣ и его сынѣ Максіонѣ; 3) Теченіе жизни господина Жебукора. 4) Милордъ Гереонъ; 5) Египетскій цесаревичъ Плинціонъ; 6) Цесаревичъ греческій Калеандръ; 7) Гисторія о Аполлонѣ Королѣ Тирскомъ, 8) Исторія о графѣ Ипполитѣ и графинѣ Жуліи; 9) Житіе остроумнаго Есопа; 10) Кажется отрывокъ изъ Милорда Гереона; 11) Александрія; 12) Сказаніе о благовѣрномъ царѣ Михаилѣ, о златомъ древѣ и пр.; 13) Сказаніе о индійскомъ царствѣ; 14) „Повѣсть зѣло душеполезна“ — о царицѣ, двухъ младенцахъ и львицѣ; 15) Сказаніе о премудромъ Акирѣ и злочестивомъ сынѣ его Анаданѣ; 16) Повѣсть о царѣ Агеѣ; 17) Исторія о Барбосѣ разбойникѣ; 18) Повѣсть безъ заглавія; 19) Гисторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ; 20) Гисторія о французской королевнѣ Флорентѣ и 21) Гисторія зѣло полезна о королевичѣ гишпанскомъ Францѣ Иензолиусѣ.

Историческій интересъ этихъ произведеній заключается именно въ томъ, что они составляютъ переходное звено между московскою стариной и новымъ періодомъ нашей литературы. Въ другомъ мѣстѣ *) мы имѣли случай говорить, что Петровская реформа считалась у насъ обыкновенно рѣзкимъ перерывомъ какъ въ государственно-бытовомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи, но что въ дѣйствительности между этими двумя періодами не было такого рѣзкаго дѣленія и перерыва; что литература, вызванная Петровскою реформой складывается очень медленно; что нѣсколько послѣдовательныя проявленія ея начинаются лишь около половины столѣтія, а до тѣхъ поръ мы видимъ съ одной стороны прямое продолженіе тѣхъ книжныхъ преданій и обычаевъ, какіе жили въ XVII вѣкѣ, съ другой— новые, медленно возникающіе вкусы, полное развитіе которыхъ принадлежитъ ужъ болѣе позднему времени, именно второй половинѣ столѣтія. При Петрѣ и послѣ, литература продолжаетъ жить постаринному въ рукописяхъ; печать долго еще остается дѣломъ непривычнымъ, и достойными ея считаются только вещи церковныя и оффиціальныя. Довольно взглянуть на описанія нашихъ рукописныхъ библіотекъ, чтобы видѣть, до какой степени крѣпко продолжается въ XVIII вѣкѣ старое содержаніе нашей письменности; здѣсь все еще по прежнему ведутся въ рукописяхъ и старые церковныя книги, и лѣтописи, и хронографы, и историческія сказанія, и житія, и старинныя повѣсти—нравоучительныя, чудесныя, рыцарскія, богатырскія, смѣхотворныя и т. д. Для средняго, а тѣмъ болѣе народнаго читателя XVIII вѣка не прерывалась эта старая цѣпь популярной письменности: онъ не переставалъ питаться старою книгой, т. е. рукописью, и то, что являлось вновь, какъ будто только продолжало старую книжную традицію. Многое и въ самомъ дѣлѣ продолжало ее: новыя повѣсти, присоединявшіяся къ старому запасу, подбирались въ томъ же прежнемъ вкусѣ, писались тѣмъ же языкомъ—полународнымъ, съ церковною и приказною примѣсью, такъ что по внѣшней формѣ иногда трудно опредѣлить, принадлежитъ ли иная повѣсть и «гисторія» къ XVII вѣку или была новѣе. Къ этой старинѣ весьма постепенно присоединяются потомъ,

*) „До-Петровское преданіе въ XVIII вѣкѣ, ст. 2-я“, „Вѣстникъ Европы“, 1886, іюль.

не вытѣсняя ея, новыя переводныя произведенія съ ясною печатью Петровскаго времени: въ рядъ со старинными рыцарями являются болѣе новые рыцари и кавалеры; ихъ дѣянія состоятъ не только изъ одного прямого богатырства, но также изъ приключеній новаго рода, и наконецъ являются настоящіе романы съ любовными исторіями, съ запутанными похожденіями, съ правоучительною тенденціей и т. д., а новыя черты содержанія требуютъ новаго языка—съ множествомъ иностранныхъ словъ, какія расплодила Петровская эпоха. Но, какъ бывало встарину, такъ и теперь эти произведенія ходятъ только въ рукописяхъ и являются безъименными; очень рѣдко указывается, съ какого языка переведена исторія, но имена автора и переводчика и время перевода почти всегда остаются неизвѣстны.

Какъ мы замѣтили, эта литература даетъ произведенія разнаго рода. Во-первыхъ, продолжается старинный рыцарскій романъ, котораго родоначальникомъ служитъ знаменитый Бова Королевичъ, куда примыкаютъ болѣе поздніе, но также давно переведенныя исторіи «Королевича Брунцвика», «Рыцаря Петра Златыхъ Ключей», «Мелюзины» и друг. Теперь къ нимъ присоединяется болѣе новый запасъ «гисторій» съ такими же рыцарями, принцами, королевичами или кавалерами, запасъ, идущій изъ западно-европейскихъ народныхъ книгъ, не всегда яснаго происхожденія, какъ «Евдонъ и Берѳа», «Альфонсъ Рамиръ», «Король Ефродитъ и рыцарь Максіонъ», «Францилъ Венеціанъ», «Египетскій царевичъ Полиціонъ», «Гишпанскій шляхтичъ Долторнъ» и т. д.—съ разнаго рода чудесными и романтическими приключеніями, новѣйшаго и уже не народнаго происхожденія. Далѣе, романы сентиментально-правоучительные, въ родѣ «Гисторіи Жанеты» или «Добродѣтельной Сициліанки», или «Ипполита и Жуліи», или «Карла Орлеанскаго». Наконецъ, встрѣчаемъ въ этой литературѣ одинъ изъ популярнѣйшихъ романовъ XVIII вѣка—знаменитаго «Телемака», переведеннаго нѣсколько разъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка и ходившаго въ рукописяхъ задолго до перевода Тредьяковскаго. Здѣсь начинались уже болѣе серьезные литературные вкусы: неизвѣстные (почти всегда) переводчики руководятся уже болѣе высокими требованіями, и въ рукописяхъ являются знаменитыя произведенія европейской литературы, какъ «Погубленный Рай» Мильтона, какъ «Похвала Глупости» Эразма Роттердамскаго, какъ «Локонъ волосъ» Попа и проч., наконецъ «Иліада» и «Энеида», въ рукописяхъ задолго опередившія печатныя изданія.

На эти переводы полагалось не мало труда: многіе романы чрезвычайно длинны. Такъ, напр., «Исторія Жанеты», «Азіатская Баниза», «Гедвига»—представляютъ громадные фоліанты мелкаго письма, одна переписка которыхъ, не говоря о переводѣ, требовала долгой усидчивой работы.

Если неизвѣстно, кто были эти усердные переводчики, то трудно также съ точностью указать, какой былъ кругъ читателей этой рукописной литературы. Единственнымъ почти свидѣтельствомъ остались записи о принадлежности рукописи. Судя по нимъ, эта публика была очень разнообразна. «Гисторіи» списывались людьми всякихъ сословій; рукописи принадлежали людямъ по тогдашнему образованнымъ—гвардейскимъ и армейскимъ офицерамъ, мелкимъ военнымъ чинамъ (какіе проходили тогда и дворяне), чиновникамъ (между прочимъ иностранной коллегіи), книги переходили изъ рукъ въ руки, что и записывалось внутри переплетовъ, иногда съ выраженіемъ впечатлѣній отъ «зѣло полезнаго» или умилительнаго чтенія и съ заклятіями противъ покражи.

Сличая составъ этой письменной беллетристики съ тою печатною литературой, которая непосредственно слѣдуетъ за нею во второй половинѣ столѣтія, приходимъ къ довольно любопытному наблюденію: между ними нельзя не увидѣть тѣсной связи. Первые печатные романы продолжаютъ то направленіе вкуса, которое намѣчено было рукописными переводами. Многіе изъ романовъ, извѣстныхъ по рукописямъ, иногда въ тѣхъ же самыхъ текстахъ, иногда въ новыхъ переводахъ—попали теперь въ печать («Евдонъ и Берѳа», «Катендарь», «Исторія Карла Орлеанскаго», «Честный человѣкъ и плутъ»), какъ съ другой стороны, романы печатные списывались и ходили въ рукописи, по рѣдкости книгъ и старому обычаю *). Такимъ образомъ печатная литература романовъ прошлаго вѣка примыкаетъ къ той рукописной, которая господствовала въ первой половинѣ столѣтія.

*) Относительно нѣсколькихъ романовъ, находящихся въ нашемъ указателѣ, еще должно быть выяснено, были ли они копіями съ печатныхъ книгъ, или имъ предшествовали.

Такъ какъ эта письменность была главнымъ образомъ переводная, она, конечно, не имѣетъ самостоятельнаго литературнаго интереса, но остается очень любопытной для исторіи нравовъ и образованія. Это было по преимуществу чтеніе популярное, распространенное по всѣмъ слоямъ тогдашняго грамотнаго люда и послѣ книжности XVII вѣка было подготовленіемъ къ той болѣе серьезной литературѣ, которая возникла съ распространеніемъ правильной школы и образованія. Здѣсь, въ неумѣлыхъ самодѣльныхъ попыткахъ мы можемъ наблюдать зачатки различныхъ направленій нашей литературы прошлаго столѣтія—зачатки еще грубые, впослѣдствіи совсѣмъ забытые въ болѣе образованнымъ кругу, но успѣвшіе сдѣлать свое дѣло: они развивали любовь къ чтенію, вводили новые книжные вкусы, подготовляли къ новымъ нравственнымъ интересамъ и даже давали проблески самобытности среди подражанія. Писатели второй половины столѣтія подсмѣивались уже надъ этими «славными исторіями», которыя теперь для нѣсколько образованныхъ людей уже устарѣли, казались грубыми и площадными, но онѣ надолго, даже до нашихъ дней, остались въ обиходѣ народнаго чтенія. Отсюда ведутъ свое начало тѣ героическія исторіи, которыя въ огромныхъ массахъ расходились въ народной публикѣ—въ извѣстныхъ рыночныхъ, книжныхъ и лубочныхъ изданіяхъ—и долго оставались въ числѣ любимѣйшихъ народныхъ книгъ, какъ «Францыль Венеціанъ», «Англійскій милордъ Георгъ», «Египетскій царевичъ Полиціонъ» и т. д. Иныя изъ этихъ исторій забылись, вышли изъ употребленія: по свидѣтельствамъ XVIII вѣка, въ то время были напр. очень популярны «Евдонъ и Берѳа», «Петръ Золотые Ключи», «Арзасъ и Размира» и т. д.; но теперь онѣ уже отсутствуютъ въ народной литературѣ. Какъ видно по отмѣткамъ въ рукописяхъ, «гисторіи» прошлаго вѣка служили однако для чтенія еще до 30-хъ годовъ нашего столѣтія, вплоть до того времени, когда изъ этого живого обращенія попадали прямо въ археологическія коллекціи.

Далѣе, эта популярная литература, нерѣдко очень забавная теперь по своему складу, можетъ доставить любопытныя черты для исторіи языка. Очень многіе изъ этихъ переводовъ должны относиться къ Петровской эпохѣ; на это указываетъ, между прочимъ, обиліе иностранныхъ словъ, видимо еще не установившихся въ языкѣ, употребляемыхъ еще въ томъ сыромъ, угловатомъ видѣ, когда они не успѣли сгладиться и обрусѣть до той формы, въ какой извѣстны теперь; другія изъ нихъ не привились къ языку и совсѣмъ вышли изъ употребленія *). Изложеніе романовъ доставляетъ любопытныя указанія для исторіи литературнаго языка за первую половину столѣтія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даетъ не безъинтересныя черты рѣчи книжно-народной.

Что касается источниковъ, изъ которыхъ бралась эта литература, они опять были весьма разнообразны. Эти романы, гисторіи, сказки переводились съ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго, польскаго; но указанія на подлинникъ въ рукописяхъ вообще рѣдки; большею частью остается совершенно неизвѣстно, откуда берется исторія, когда, кѣмъ и съ какого языка она переведена. Многіе изъ подлинниковъ были нами отысканы; другія указанія были намъ сообщены Л. Н. Майковымъ; источникъ остальныхъ исторій остается пока неясенъ, и онъ, безъ сомнѣнія, раскроется при дальнѣйшихъ библіографическихъ поискахъ.

Наконецъ, эта переводная литература возбудила и русскія подражанія. Русская повѣсть XVII вѣка и первой половины XVIII-го вообще скудна. Извѣстно, что попытки русской бытовой повѣсти на тему приключеній дѣлались еще въ XVII столѣтіи: таковы извѣстныя повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ, о Фролѣ Скобѣевѣ; къ первой половинѣ прошлаго вѣка надо отнести нѣкоторыя исторіи, возникшія очевидно въ подражаніе новымъ иноземнымъ образцамъ. Таковы, напримѣръ, «Исторія о россійскомъ дворянинѣ Александрѣ»; «Исторія о россійскомъ матросѣ Василіи»; таковъ любопытный романъ въ стихахъ, находящійся въ рукописяхъ г. Тихонравова и извѣстный, къ сожалѣнію, только въ отрывкѣ. По сохранившемуся отрывку трудно судить о составѣ и цѣломъ складѣ этой повѣсти: она остается во всякомъ случаѣ интереснымъ

*) **Аппортаментъ, арія, ассамблея, притти въ алтерацію (измѣниться въ лицѣ), банкетъ, волунтеръ, десперація и дишператныя рѣчи, драбантъ, ковалеръ, ковалерія (орденъ) конфузія, куранты, либерія (ливрея), машкартъ, персона (портретъ, въ этомъ смыслѣ извѣстно еще въ XVII вѣкѣ), пороль (т. е. пароль, въ смыслѣ даннаго слова, обѣщанія), презентъ, сикурсъ, суптельство, статуй (муж. р.), шурмованіе; наконецъ, военная терминологія и т. д.**

указаніемъ на то литературное броженіе, которое начиналось подъ вліяніемъ иноземныхъ образцовъ. Что касается повѣсти о россійскомъ матросѣ Василіи, которой приданы бытовыя черты Петровскаго времени (поѣздка для ученія въ Голландію), ея вѣроятный первообразъ представляется намъ въ гисторіи о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ.

Собранный нами списокъ этихъ произведеній, безъ сомнѣнія, еще не полонъ. До послѣднихъ дней своей работы мы получили свѣдѣнія о новыхъ рукописяхъ, и между этими рукописями находились «гисторіи», которыя до тѣхъ поръ нами вовсе не были встрѣчены. Многія исторіи, отмѣченныя въ нашемъ обзорѣ, существуютъ пока только въ единственномъ экземплярѣ, многія не полны; нѣкоторыя, до сихъ поръ извѣстныя только по имени, встрѣчены были нами впервые въ рукописяхъ, какъ «исторія Эпаминонда и Целеріаны», упомянутая въ запискахъ Болотова.

Рукописи такого рода, конечно, особенно легко зачитывались, а затѣмъ, пренебрегаемыя прежними собирателями, совсѣмъ затеривались. Надо желать, чтобъ эта литература была по возможности возстановлена въ ея полномъ составѣ; упомянутыя мной обстоятельства позволяютъ думать, что найдется еще не мало новыхъ рукописей. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо желать, чтобы эта литература нашла и спеціальнаго изслѣдователя; передъ нимъ явились бы не только любопытные библіографическіе вопросы объ источникахъ этой литературы, связанной съ нашими народными книгами, но и вопросы о книжныхъ вкусахъ и нравахъ первой половины прошлаго вѣка *).

Мы расположили свой обзоръ въ алфавитномъ порядкѣ по именамъ героевъ этихъ «гисторій», и изрѣдка по заглавіямъ произведеній: такъ какъ все это почти исключительно исторіи приключеній, то это былъ, кажется, наиболѣе удобный пріемъ для облегченія справокъ. Расположить эти произведенія по родамъ было трудно, потому что иной разъ невозможно выдѣлить романъ, «гисторію» и сказку. Трудно было бы также распредѣлить ихъ по источникамъ, такъ какъ въ большинствѣ эти источники неясны. Еще менѣе можно было принять порядокъ хронологическій, потому что большею частію время появленія этихъ произведеній совершенно неизвѣстно *).

Условія составленія настоящаго труда не позволили намъ сдѣлать библіографическія указанія равномѣрно подробными; но больше такихъ подробностей мы старались дать именно о рукописяхъ менѣе доступныхъ, какъ рукописи закрытыхъ ученыхъ обществъ и рукописи частныхъ собраній. Считаемъ, наконецъ, долгомъ выразить свою благодарность ученымъ, которые содѣйствовали настоящему труду сообщеніемъ какъ рукописей, такъ и библіографическихъ указаній, а именно: Ѳ. И. Буслаеву, кн. П. И. Вяземскому, И. Е. Забѣлину, Л. Н. Майкову, И. В. Помяловскому, А. А. Титову, Н. С. Тихонравову, И. А. Шляпкину, Е. И. Якушкину. Проф. Помяловскій, кромѣ извѣстія объ его собственныхъ рукописяхъ, доставилъ намъ библіографическія свѣдѣнія о любопытномъ собраніи В. П. Мордвинова; г. Тихонравовъ—обширныя указанія о рукописяхъ своей богатой библіотеки.

Октябрь 1886—мартъ 1888.

300. Для немногихъ. (Für Wenige). Москва, въ типографіи Семена. 1818 г.— Въ 12 д. л.

Это рѣдчайшее сочиненіе въ переводѣ В. Жуковскаго, напечатанное въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ для царскаго семейства и друзей. (См. «Отчетъ Имп. Пуб. Библіотеки»).

---

*) Могли бы быть собраны любопытныя подробности о беллетристическомъ чтеніи прошлаго вѣка изъ мемуаровъ и воспоминаній прошлаго вѣка, какъ записки Болотова, И. И. Дмитріева, замѣтки Карамзина, воспоминанія С. Т. Аксакова и пр. Ср. „Черты изъ жизни русскихъ дворянъ въ концѣ XVIII вѣка“, въ „Моск. Наблюдателѣ“, 1837 г., ч. XI, стр. 133—147. Прекрасный опытъ подобной работы сдѣланъ въ статьѣ г-жи Щепкиной: „Популярная литература въ серединѣ XVIII вѣка (по запискамъ Болотова)“, въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1886, апрѣль.

*) Опредѣлить границу выбраннаго періода отъ XVII вѣка и отъ второй половины XVIII вѣка было бы довольно трудно. Мы избѣгали помѣщать въ своемъ спискѣ такіе памятники, которые завѣдомо принадлежатъ старому времени, хотя обращались въ рукописяхъ и въ XVIII столѣтіи, какъ, напр. „Александрія“, „Акиръ премудрый“, „Бова“, „Аполлонъ Тирскій“, „Семь мудрецовъ“ и проч., и сдѣлали исключеніе только для двухъ-трехъ исторій, которыя подходятъ къ общему складу повѣстей описываемой эпохи и были очень распространены въ рукописяхъ XVIII вѣка, какъ, напр., „Брунцвикъ“, или „Петръ — златые ключи“, или „Мелюзина“.

Чтобы дать понятіе о сей библіографической рѣдкости, прилагаю выписку содержанія послѣдней:

№ 1. Январь.—Рыцарь Тогенбургъ.—Утѣшенъ въ слезахъ. — Жалоба пастуха. — Пѣсня («Кольцо души дѣвицы»...)—Мина.—Рыбакъ.

№ 2. Февраль.—Овсяный кисель.— Новая любовь, новая жизнь.—Воспоминаніе. — Листокъ.— Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ.—Къ мѣсяцу.

№ 3. Мартъ.—Тлѣнность.—Утренняя звѣзда.— Вѣрность до гроба.—Юлія.—Голосъ съ того свѣта.

№ 4. Апрѣль. — Горная пѣснь. — Деревенскій сторожъ въ полночь. — Лѣсной царь (баллада).— Лѣтній вечеръ.

№ 5. Май. — Ея И. В. Г. Великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.— Графъ Габсбургскій (баллада).

№ 6. Іюнь.—Орлеанская дѣва.

См. у Геннади—за № 129.

301. Для немногихъ. Отрывки изъ школьнаго дневника, 1842—1845 г. С.-Петербургъ. Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке). 1885 года.—Въ 16 д. л., 11+118+9 стр.

Въ 1885 году Побѣдоносцевымъ была издана въ С.-Петербургѣ книжка, подъ заглавіемъ: для немногихъ, отрывки изъ школьнаго дневника за 1842—1845 г.

Въ своемъ вступленіи авторъ говоритъ, что «книжка эта печатается для немногихъ, которые могутъ узнать въ ней себя и почуять свою прошедшую молодость. Подойдемъ, посмотримся въ зеркало, улыбнемся сами себѣ и скажемъ со вздохомъ: о моя юность! О, моя свѣжесть! Увы, число и этихъ немногихъ, какъ уже сократилось, какъ уже съ каждымъ днемъ сокращается! Многія изъ именъ, которыя встрѣчаются на этихъ строкахъ, принадлежатъ людямъ, коихъ нѣтъ уже на свѣтѣ, коихъ мы схоронили — и оплакали. Да будетъ благословенна память ихъ, связанная съ лучшею частью нашей жизни. А кто еще живъ, тѣмъ, не сомнѣваюсь, пріятны будутъ и эти отрывочныя черты давнишней школьной жизни, мирно преходившей въ иное—для насъ состарѣвшихся,—конечно, лучшее время. Если-бы кому довелось увидать себя въ прошедшемъ, на школьной скамьѣ, въ неприглаженномъ видѣ школьника, со всѣми, иной разъ смѣшными чертами школьной жизни,—едва-ли можетъ случиться, чтобъ кто-либо изъ читателей подосадовалъ за то на издателя этихъ отрывковъ. Вѣдь все, что здѣсь описано подъ впечатлѣніемъ минуты, происходило 40 лѣтъ тому назадъ, и всѣ мы были дѣтьми, говоритъ авторъ, въ эту пору, при томъ эта книжка предназначается къ обращенію исключительно въ тѣсномъ кругу товарищей, знавшихъ другъ друга въ періодъ 1842 — 1845 года».

Крайне рѣдкое и чрезвычайно любопытное изданіе отпечатано въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, но не для продажи.

302. Для немногихъ, спеціальныя замѣтки по генеалогіи и геральдикѣ, исторіи, археологіи и искусству. Сочиненіе П. Н. Петрова. С.-Петербургъ, печатня В. И. Головина, Владимірская. 1871 г.— Въ 8 д. л., 28+230+56+16 и 12 стр.

Эта книга, подъ заглавіемъ — «Для немногихъ», заключаетъ въ себѣ статьи П. Петрова, напечатанныя въ отдѣльныхъ оттискахъ изъ «Всемірной Иллюстраціи» 1871 года. Въ ней помѣщены: 1) родословныя:—Лопухины—князья и дворяне, 2) Кочубей, 3) Кайсаровы, 4) Шепшинги, бароны, 5) Голицины — князья (и съ рисунками ихъ гербовъ), 6) Общеисторическій дневникъ, 7) Рождество и святки, 8) Второе бракосочетаніе царя Михаила Ѳеодоровича 5 февраля 1626 года, 9) Новгородскій каменный крестъ XIII — XIV вѣка, 10) Начало сценическихъ представленій въ XVII вѣкѣ, въ Москвѣ, 11) Греческій разный крестъ XV вѣка, въ Троицкомъ соборѣ, въ С.-Петербургѣ, 12) Образъ Благовѣщенія, поднесенный Е. И. В. Государю Наслѣднику Цесаревичу, 13) Древности, найденныя на Ю.-В. Россіи, 14) Михаилъ Петровичъ Погодинъ, 15) Сказка «о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ» А. С. Пушкина, 16) Профессоръ Левъ Феликсовичъ Лагоріо, 17) Антикварная картина барона М. П. Клодта, 18) Итальянская картина К. Ѳ. Гуна, 19) Александръ Павловичъ Брюловъ, профессоръ архитектуры, 20) Новый дворецъ въ Кіевѣ.—Этотъ рѣдкій сборникъ историческихъ и художественныхъ статей изданъ только въ числѣ 40 экземпляровъ, но не для продажи. Это небольшая, но довольно рѣдкая книжка, въ настоящее время совсѣмъ не находима въ книжной торговлѣ и потому рѣдка; цѣнится любителями до 10

руб. (по степени сохранности). См. Геннади — «Книж. рѣдкости» за № 218. Березинъ-Ширяевъ, стр. 347.

303. Для немногихъ. Пять мѣсяцевъ на Волыни. Острожская лѣтопись, 1867 г. С.-Петербургъ, въ типографіи второго отдѣленія Собствен. Е. И. В. Канцеляріи. 1868 года.—Въ 8 д. л., съ рисунками.

Авторъ этой весьма рѣдкой книжки (для немногихъ), пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, гдѣ онъ подробно описываетъ свою поѣздку изъ Петербурга въ Острогъ и обратно, которая продолжалась съ 25 мая по 19 октября; въ ней описывается о Св. Кирилловскомъ-Меѳодіевскомъ братствѣ въ Острогѣ и училищѣ при немъ графа Блудова *); описывая свои путевыя впечатлѣнія, авторъ касается и нѣкоторыхъ историческихъ событій этого края, а также и современныхъ происшествій, совершившихся въ царствованіе Императора Александра Втораго.

Книга напечатана была въ количествѣ 40 экземпляровъ и въ продажу не поступала. См. у Геннади «Кн. рѣдкости», стр. 9, у Якова Березина-Ширяева, стр. 151, 1897 года. Авторомъ книжки «Для немногихъ» показана графиня А. Д. Блудова.

Купленъ мною экземпляръ «Для немногихъ» за 20 рублей.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о сей рѣдкой книгѣ, прилагаю выписку. (См. стр. 2).

26-го мая 1867 г. Острогъ (Волынскій).

«Вчера утромъ въ Ковелѣ отправились мы въ церковь (бывшій монастырь) Вербки, гдѣ похороненъ князь Андрей Курбскій. Въ Ковелѣ, послѣ бѣгства своего изъ восточной Руси, онъ жилъ въ дрязгахъ семейныхъ и въ бурныхъ несогласіяхъ съ родственниками жены, нерѣдко переходившихъ въ разбой и грабительство; — въ Ковелѣ, старостіи, данной имъ польскимъ королемъ, писалъ онъ свои записки и точно по словамъ Пушкина:

Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады,
Но мирный трудъ его не утѣшалъ,
Онъ юности своей отчизну помнилъ,
И до конца по ней онъ тосковалъ *).

Но не мирно и не тихо жилъ онъ здѣсь; напротивъ, весь деспотизмъ, все необузданное своеволіе его характера нашли себѣ просторъ среди распущенности и неурядицы польской вольности. Много, кажется мнѣ, было сходства между нимъ и Іоанномъ. Тотъ же замѣчательный умъ, то же художественное чувство и охота къ полемикѣ и тотъ же неумолимый деспотизмъ. Будь онъ на мѣстѣ Іоанна, онъ былъ бы, можетъ быть, такой же тиранъ. Но онъ имѣлъ надъ Грознымъ одно преимущество — это блистательная великодушная храбрость и былъ онъ истиннымъ полководцемъ, между тѣмъ, какъ Грозный Царь не разъ даже въ лучшіе годы свои обнаруживалъ признаки малодушія и боязливости. Такъ размышляла я про себя на пути къ Вербкѣ, т. е. къ болоту, черезъ которое уже должно идти пѣшкомъ по мосткамъ. Поровнявшись съ ними,—я остановилась въ недоумѣніи; прошла сажени двѣ, но узнавъ отъ Братчика Шубы, что по мосткамъ нужно идти съ полверсты, ужасохомся бездны болотистѣй и возвратихомся вспять. Не по моимъ ногамъ такая прогулка и, отпустивъ Шубу съ Марьей Ивановной, я сѣла на стулѣ у мостковъ и ждала ихъ возвращенія. Издали виднѣлся островокъ, покрытый зелеными деревьями такъ густо, что между ними чуть выглядывала оконечность главки или спица съ крестомъ. Нѣсколько мужиковъ и бабъ въ бѣлыхъ свиткахъ и бѣлыхъ платкахъ шли назадъ отъ обѣдни по мосткамъ. Болото, упраздненный монастырь и молитва бѣдныхъ поселянъ—вотъ обстановка могилы гордаго, блистательнаго, могущественнаго Князя—русскаго Коріолана. И наши семейныя воспоминанія сливались съ этими грустными размышленіями. Слава Богу, нашъ предокъ, сотоварищъ Курбскаго подъ Казанью, не послѣдовалъ его примѣру, и нашъ родъ, покинувшій родину въ годину преслѣдованій русской народности и православной вѣры, остался вѣренъ Россіи среди всѣхъ невзгодъ и потрясеній Московскаго Царства. Какъ я люблю жить этой давно минувшей жизнію

*) Отецъ автора.

*) Въ Волыніи провелъ остатокъ жизни,
Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему
Баторіемъ. Уединенъ и тихъ
Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады
Но мирный трудъ его не утѣшалъ,
Онъ юности своей отчизну помнилъ,
И до конца по ней онъ тосковалъ.
Изъ „Бориса Годунова“ Пушкина.

и воображать себѣ предковъ нашихъ въ ихъ чувствахъ и дѣяніяхъ! Какая разница съ нашимъ положеніемъ, которое однако есть плодъ этихъ дѣлъ. Что дѣлается здѣсь? Кто преемники Курбскаго въ Ковелѣ и около Ковеля? Стала я спрашивать у служителя нашей хозяйки, молодого мальчика, сопровождавшаго меня, — кто тутъ кругомъ помѣщики? «Да ихъ совсѣмъ нѣтъ, кажись», отвѣчалъ онъ. — А что? развѣ все крестьянскія земли? «Нѣтъ, да помѣщиковъ перебрали и засадили, или сослали, почти всѣхъ. И все таки здѣсь меньше, а въ Луцкомъ и Дубенскомъ уѣздѣ, такъ тамъ всѣ были въ повстаніи. Кто и не ходилъ въ лѣсъ и не принималъ банды, все таки послѣ, по бумагамъ нашли, что они были виновны—такъ всѣ и пропали!»

— А что? они въ самомъ дѣлѣ были противъ царя?

«А Богъ ихъ знаетъ! должно быть знали про шайки», отвѣчалъ онъ съ какимъ то равнодушнымъ недоумѣніемъ. Вышло, что онъ изъ дворовыхъ, и такъ какъ римскій католикъ, то считается полякомъ.

Воротилась Марья Ивановна и разсказала про старую церковь, въ этой почти недоступной пустынѣ и про могилу славнаго воеводы и про чудотворный образъ Святителя Николая — и мы отправились обратно въ городъ къ обѣдни. Это было Вознесеніе, и слушали мы обѣдню въ тюрьмѣ, въ крошечной церкви, гдѣ служилъ молодой, какъ кажется, ревностный священникъ, родственникъ Преосвященнаго Іероѳея нашего. Шуба и онъ хлопочутъ о дозволеніи открыть хоть приходскую школу, въ Ковелѣ нѣтъ ни одной.

Выѣхавъ изъ Ковеля, мы думали остановиться на нѣсколько часовъ въ Луцкѣ, чтобы посмотрѣть развалины, но ночевать оказалось невозможнымъ. Въ такъ называемой русской гостинницѣ, содержимой полькой, только одна комната подлѣ кондитерской съ буфетомъ, куда безпрестанно ходятъ пить какіе то ликеры, а Марьѣ Ивановнѣ такъ нездоровилось, что она и обѣдать не могла, а о развалинахъ и думать было нечего. Только въѣзжая въ городъ, мы остановились передъ развалиной красивой, не весьма древней церкви объ одномъ большомъ куполѣ. Надписи и часть стѣнной живописи кое-гдѣ сохранились. Базиліанская церковь 16-го столѣтія, сгорѣвшая и возобновленная, какъ свидѣтельствуютъ надписи, въ 17-мъ. А потомъ? что было съ ней потомъ? Отчего она теперь обрушилась и облѣплена жидовскими шалашами? Въ оконечности бывшаго зданія, по расположенію судя, чуть-ли не въ горней части алтаря, выбралъ себѣ уцѣлѣвшій уголокъ еврей, который испачканный и оборванный стоялъ у дверей этой лачуги, какъ живое обличеніе нашего народнаго грѣха—нерадѣнія, безпечности и лѣни!—Ни жидъ не могъ мнѣ ничего сказать, ни выходящій изъ сосѣдняго дома молодой діаконъ, красивый, смуглый, съ южными глазами, такъ часто обманчивыми въ своей быстротѣ и своемъ оживленіи. Когда блѣдные, зеленоватые глаза сѣверные смѣются и искрятся веселымъ остроуміемъ, можно положиться, что тутъ отражается истинный умъ — а въ черной глубинѣ южныхъ или восточныхъ глазъ часто горитъ только пламя молодости и физической жизненности—оно кажется геніальностію, а въ сущности найдете совершенную, глубокую, даже бездонную пустоту. Не знаю, она ли лежала въ основаніи черныхъ глазъ діакона, но онъ, къ досадѣ моей, объявилъ, что онъ ничего не знаетъ про эти развалины; онъ недавно въ Луцкѣ — а вотъ спросите у стараго протоіерея, что живетъ тамъ-то около собора. — Отвѣтъ достойный нашего обычнаго равнодушія!— вѣрно, діаконъ черезъ десять лѣтъ безвыходнаго пребыванія въ Луцкѣ также мало будетъ знать о тамошней старинѣ. Отобѣдавъ часу въ пятомъ, оставивъ Марью Ивановну отдохнуть въ гостинницѣ, я отправилась одна пѣшкомъ къ протоіерею. Пошла я мимо собора, день вечерѣлъ, безоблачно горѣло небо блѣднѣющимъ свѣтомъ заходящаго солнца и новый мѣсяцъ тихо гнулся алою дугою у главы древней, простенькой, чисто выбѣленной церкви XV вѣка. которая служитъ соборомъ православнымъ Луцка. Я остановилась, и какое то глубокое умиленіе согрѣло мнѣ сердце и такъ ясно, въ умѣ моемъ, видѣлся мнѣ батюшка, молившійся въ свои послѣдніе дни за Государя и за Россію— и, казалось, благословлялъ онъ путь нашъ *). Чѣмъ ближе къ мѣсту, тѣмъ тревожнѣе чувствую я свою несостоятельность въ нашемъ дѣлѣ!

Съ трудомъ добралась я до входа къ протоіерею, такъ обстроенъ и окруженъ его домикъ ев-

*) Я послѣ узнала, что около этого самаго времени, здѣшній уроженецъ въ Парижѣ шелъ въ Bois de Boulogne выстрѣлить въ Государя.

рейскими лачугами и грязными жиденятами. А домикъ чисто выбѣленный, съ полисадникомъ и съ высокой кровлей гонтовой, смотритъ уютно и опрятно; постучалась я у дверей и, не получивъ отвѣта, подошла къ открытому окошку, изъ котораго доходилъ до меня говоръ нѣсколькихъ веселыхъ голосовъ и я спросила громко, дома-ли протоіерей? Отворили двери и въ узенькихъ сѣняхъ увидѣла я старичка въ свѣтломъ подрясникѣ, въ свѣтлыхъ сѣдинахъ съ желтоватымъ отливомъ, съ чистымъ, свѣтлымъ лицемъ, съ веселымъ выраженіемъ; онъ мнѣ показался олицетвореніемъ англійскаго sunday afternoon, не пастора, а самаго вечера воскреснаго дня. Онъ провелъ меня на лѣво въ большую чисто убранную комнату съ неуклюжимъ диваномъ неизмѣннаго фасона, который мнѣ хорошо знакомъ изъ Острога, и съ клавикордами роялинъ свѣтлаго дерева, какъ тѣ, которыя мы встрѣчаемъ всюду по дорогѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что видѣнная мною церковь, уже переданная въ руки православныхъ, опять потерпѣла отъ пожара въ 1845 году, и что въ пособіи отъ казны въ 500 руб. было отказано, какъ въ слишкомъ большой суммѣ; развалины же были произведены искусственно, по обыкновенію, т. е. стали разбирать зданіе, чтобы таскать кирпичи; продали было на своз жиду, который сначала устроилъ себѣ жилье въ алтарѣ, да теперь пріостановили продажу *), а врядъ ли перестроятъ; понадобится уже не 500 р., а 15 тысячъ рублей. Онъ говорилъ свободно и нѣсколько насмѣшливо объ этихъ обычныхъ промахахъ казенной бережливости. Нельзя не благодарить П. Н. Батюшкова, когда видишь сколько пріостановлено по крайней мѣрѣ дальнѣйшаго разрушенія и поруганія святыни его личной энергіей и любовію къ дѣлу. Многое, говорятъ, непрочно сдѣлано; есть и промахи, и маленькія междоусобія, и раздражительность самолюбія въ коммисіи о постройкахъ, но безъ личной иниціативы Батюшкова и его настойчивости всякій слѣдъ русской святыни въ этомъ краѣ исчезъ бы. Протоіерей говорилъ мнѣ и о Кохановской, и по остальному тракту вездѣ ея имя и память объ ея посѣщеніи встрѣчались намъ и радовали меня. О нашемъ Острожскомъ училищѣ и его настоящемъ открытіи, онъ относился почти также несмѣшливо, какъ о бережливости казны. Ему, кажется, не вѣрится, чтобъ частныя лица, особенно петербургскія дамы что нибудь серьезное завели такъ далеко. И онъ правъ. Когда же мы дали поводъ думать лучше о насъ, въ здѣшнемъ краѣ, и самое наше братское зданіе такъ неудачно строится, что имѣютъ полное право не довѣрять нашимъ словамъ и обѣщаніямъ. Простилась я съ протоіереемъ и пошла опять мимо собора съ молодымъ мѣсяцемъ на правой сторонѣ и крѣпко, крѣпко помолилась я на крестъ древняго собора, да подастъ Господь силъ и терпѣнья Марьѣ Ивановнѣ, и благословитъ ее посѣять доброе сѣмя въ молодыхъ сердцахъ здѣшняго народа и, буде можно, да благословитъ ее и плоды увидѣть, и первую жатву пожать! Мнѣ это не по силамъ, и не по лѣтамъ!

Насъ увѣрили, что доѣдемъ до Ровно къ ночи. Но здѣсь ночи такъ темны, что у меня не достало духу ѣхать дальше въ темнотѣ. Мѣсяцъ зашелъ и какъ ни ярки были звѣзды, какъ ни тепла майская ночь, доѣхавъ до Клевани, я рѣшилась переночевать на весьма дурной станціи, и на другой день мы были очень рады. День чудный, дорога живописная, липовыя и дубовыя рощи, лѣса, волнистая, почти гористая мѣстность и послѣдніе отпрыски Карпатовъ вдали (Обратынскія горы), все это пропало бы во мракѣ ночи, а раннимъ утромъ, на розовомъ небѣ и покрытое росою, какъ все это было хорошо»!

*) Благодаря предложенію П. Н. Батюшкова.

304. Дмитрій Самозванецъ, трагедія Александра Сумарокова. Представлена въ первый разъ въ 1771 году февраля 1 дня на Императорскомъ театрѣ, въ Санктпетербургѣ. Печатано при Императорской Академіи Наукъ, 74 нум. и 9 ненум. стр. Съ портретомъ самозванца, гравированнымъ на мѣди.

На оборотѣ заглавнаго листа при спискѣ дѣйствующихъ лицъ трагедіи означены имена актеровъ: Дмитрій Самозванецъ—Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревской; Шуйскій—Гавріилъ Григорьевичъ Волковъ; Георгій князь Галицкій—Иванъ Ѳедоровичъ Лапинъ; Ксенія—Татьяна Михайловна Троепольская; Парменъ, наперсникъ Дмитріевъ—Николай Семеновичъ Бахтуринъ; начальникъ стражи—Иванъ Яковлевичъ Соколовъ.—Приложенный къ трагедіи портретъ самозванца въ овалѣ, на рамкѣ кото-

раго слѣдующая надпись — на верхней сторонѣ. «Дмитрій Самозванецъ», на нижней: «царствовалъ въ 1606 г.» Подъ портретомъ слѣдующее четверостишіе:

«Сей мужъ отечества смертельная былъ рана,
Зримъ въ образѣ ево убійцу и тирана,
За варварство злодѣй утратилъ наконецъ
Безвременно и жизнь, и скипертъ, и вѣнецъ».

305. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, сооруженъ 1197 года. Москва, въ типографіи А. Семена, 1849 года.— Въ листъ 11+14+11+114 стр. текста и XXVII листовъ рисунковъ.

Описаніе древняго собора, составленное графомъ Сергѣемъ Строгоновымъ и посвященное Константину Андреевичу Тону, строителю храма во имя Спасителя и Кремлевскаго дворца въ Москвѣ.

Это роскошное и замѣчательное изданіе было напечатано въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу не поступало.

306. Дневникъ высочайшаго пребыванія Императора Александра II-го за Дунаемъ въ 1877 году, веденный графомъ Владиміромъ Сологубъ. С.-Петербургъ. Печатано съ разрѣшенія министра Императорскаго Двора, въ типографіи второго отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи. 1878 года.—8 д. л., 4+275 стр.

Означенное изданіе начинается предисловіемъ отъ автора, въ которомъ онъ говоритъ, что—«иностранная печать опредѣляетъ три источника войны, разгорѣвшейся въ 1877 году между имперіями русской и турецкой. 1) Честолюбіе Россіи. 2) Упорство чувства національности въ христіанскихъ народахъ, подвластныхъ Турціи. 3) Глубокій разврать турецкой администраціи, при отсутствіи человѣчныхъ общественныхъ основъ». Далѣе авторъ говоритъ, что—«два послѣдніе источника не подлежатъ сомнѣнію, объ этомъ и спора быть не можетъ, но упрекъ русскому честолюбію въ войнѣ заступничества—образуетъ историческую клевету, историческую ложь. Одно злоумышленное невѣжество можетъ еще ссылаться на мнимое завѣщаніе Петра Великаго. Такое завѣщаніе, какъ давно доказано, не только никогда не существовало, но противорѣчило-бы послѣднимъ дѣйствіямъ и завѣщательнымъ предначертаніямъ великаго преобразователя. Россія не нуждается въ чужихъ развалинахъ, а въ развитіи своей собственной громадной силы. Впрочемъ эта забота не исключительная, и въ русской народности встрѣчается свойство самобытное, для Европы диковинное, свидѣтельствующее, какъ далеко еще отсталъ русскій край въ обаяніи своихъ собственныхъ интересовъ и въ соображеніяхъ своего политическаго эгоизма. Гдѣ другія государства завидуютъ, тамъ Россія любитъ; гдѣ другія государства ищутъ выгодъ, — тамъ Россія жертвуетъ собою».

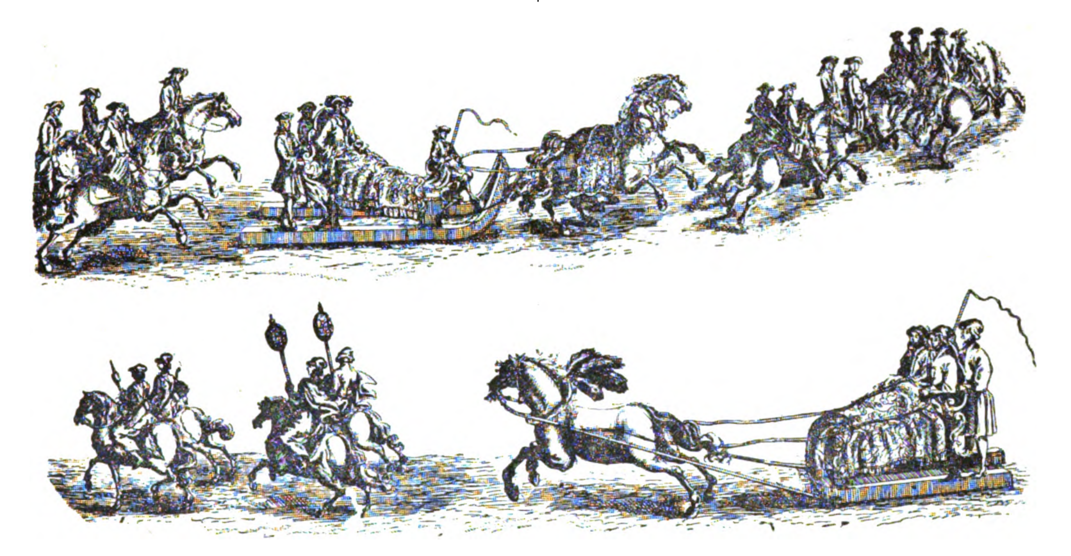
Эта рѣдкая книга напечатана на прекрасной бумагѣ, съ бордюромъ на страницахъ. Роскошное изданіе было напечатано въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу не поступило.— Купленъ мною экземпляръ у букиниста Семенова за 15 рублей.

307. Дневникъ Камеръ-Юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго, съ 1721 по 1725 г. Перевелъ съ нѣмецкаго И. А. Альмонъ. Москва, въ четырехъ частяхъ. 1-й и 2-я части напечатаны въ типографіи Киткова и К°, 1857 и 1858 г. 1 часть — 271 стр., 2 часть—358 стр., 3 часть—292 стр., 4 часть—242 стр.; 3 и 4 части напечатаны 1860 года въ типографіи Лазаревскаго.

Дневникъ Камеръ-Юнкера Берхгольца безъ сомнѣнія принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи послѣднихъ годовъ царствованія Петра Великаго. Напечатанный въ 1785—1788 гг. въ Сборникѣ Бюшина, нынѣ весьма рѣдкомъ и дорогомъ, онъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, оставался если не неизвѣстнымъ, то по крайней мѣрѣ—очень мало доступнымъ въ русскомъ переводѣ. Читатели знаютъ о немъ, только по тремъ небольшимъ отрывкамъ, помѣщеннымъ въ журналѣ «Отечественныя Записки» 1843 г. Поэтому болѣе близкое и полное знакомство съ нимъ, конечно доставитъ удовольствіе, не только занимающимся изученіемъ отечественной исторіи, но и всѣмъ сколько нибудь интересующимся нашей стариною. Книга теперь довольно рѣдкая. Купленъ мною экземпляръ за 12 рублей.

308. Дневникъ поѣздки въ Московское Государство Игнатія Христофора Гваріента, посла Императора Леопольда I, къ царю и великому князю Московскому Петру Первому въ 1698 г., веденный секретаремъ посольства Іоганомъ Георгомъ Карбомъ. Переводъ съ латинскаго Б. Женева. И. М. Семевскаго. Изданіе Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, при московскомъ университетѣ; Москва, въ университетской типографіи. 1867 года.—8 д. л., VI+336+XXIX стр. съ картинами.

Имя сочинителя этой рѣдкой книги довольно извѣстно русской читающей публикѣ. Г. Карбъ, секретарь цесарскаго посла Игнатія Христофора де Гваріента, отправленнаго императоромъ Леопольдомъ I въ Московское Государство къ царю Петру Алексѣевичу 10-го января 1698 года; съ 11-го числа сего-же мѣсяца по 27-е сентября слѣдующаго года велъ на латинскомъ языкѣ дневникъ, куда тщательно заносилъ всѣ свои впечатлѣнія и замѣтки о видѣнномъ и слышанномъ. Съ 1-го апрѣля Карбъ вмѣстѣ съ посломъ прибылъ въ Смоленскъ и съ этого дня замѣтки его, какъ относившіяся уже до Московскаго царства, дѣлаются особенно занимательными. 29-го числа того-же мѣсяца посольство въѣхало въ Москву, куда 4-го сентября 1698 года возвратился изъ своего перваго заграничнаго путешествія царь Петръ Алексѣевичъ. Въ виду Карба произведенъ былъ кровавый стрѣлецкій розыскъ. Въ виду Карба произведены были царемъ первые рѣшительные шаги на пути преобразованія внутренняго быта русскаго народа. Карбъ весьма часто пировалъ за однимъ столомъ съ царемъ; слышалъ его въ высшей степени занимательныя сужденія о разныхъ предметахъ; видѣлъ весьма характеристичныя сцены и въ то же время въ разныхъ слояхъ окружающаго его общества внимательно подмѣчалъ черты народныхъ нравовъ. Съ знаменитѣйшими сподвижниками первыхъ лѣтъ царствованія Петра, Карбъ имѣлъ случай близко познакомиться: такъ, онъ коротко зналъ Л. К. Нарышкина, кн. Б. А. Голицына, кн. А. Д. Меньшикова, семейство Монсъ, думскаго дьяка С. И. Украинцова, кн. Ѳ. Ю. Ромодановскаго, Ф. Я. Лефорта, генерала де-Гордона, Ѳ. М. Апраксина, А. С. Шеина и многихъ другихъ. Всѣ свои наблюденія Карбъ тщательно заносилъ въ дневникъ. 23-го іюля 1699 года посольство оставило Москву и 27-го сентября того-же года оканчивается дневникъ Карба. По возвращеніи своемъ въ Вѣну, Карбъ не замедлилъ напечатать свой трудъ; онъ появился въ свѣтъ въ концѣ 1700 или въ началѣ 1701 (года на изданіи не означено) на латинскомъ же языкѣ, въ листъ (252 стр.) съ чертежами, картинами и съ приложеніемъ нѣсколь-



Уменьшенный рисунокъ изъ книги «Дневникъ поѣздки въ Московское Государство».

кихъ отдѣльныхъ разсказовъ о Московскомъ государствѣ. Правдивость и безпристрастіе разсказа Карба и важность его сочиненія, какъ источника для исторіи Петра въ первые годы его царствованія и для знакомства вообще съ внутреннимъ бытомъ нашего отечества въ концѣ XVII-го столѣтія, вполнѣ признано лучшими историками преобразователя Россіи и многими другими изслѣдователями того времени.

Тѣмъ не менѣе сочиненіе это долго и долго было извѣстно только немногимъ библіографамъ и до пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія весьма рѣдко встрѣчались ссылки на дневникъ Карба не только у отечественныхъ, но и у иностранныхъ писателей. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что книга Карба въ самый годъ выхода ея въ свѣтъ сдѣлалась библіографической рѣдкостью. Продажа ея и печатаніе второго изданія по настоянію московскаго правительства, оскорбленнаго нѣкоторыми отзывами и разсказами Карба, были воспрещены, не проданные-же экземпляры сочиненія, какъ увѣряютъ, тогда-же въ 1701 году уничтожены австрійскимъ правительствомъ.

На русскомъ языкѣ дневникъ Карба изданъ вполнѣ точно съ приложеніемъ 6-ти фотолитографированныхъ снимковъ, исполненныхъ съ рисунковъ, находящихся въ «Дневникѣ Карба», изданномъ въ 1700 г. на латинскомъ языкѣ. Книга имѣла большой успѣхъ и вскорѣ по выходѣ въ продажу сдѣлалась библіографической рѣдкостью. См. «Дополнительные матеріалы» Як. Березина-Ширяева, стр. 18: «Книга рѣдкая». Купленъ мною экземпляръ у букиниста Семенова за 15 рублей.

309. Догматика или обличеніе на римлянъ, содержащая въ себѣ разсужденія о Троицѣ, о предвѣчности, вочеловѣченіи и божествѣ Іисуса Христа, о божествѣ Духа Святаго, и проч.—Изданіе безъ означенія года и мѣста печати.

Это крайне рѣдкое изданіе содержитъ въ себѣ догматическое обличеніе на римлянъ и разсужденіе о Троицѣ, предвѣчности, вочеловѣченіи и божествѣ Іисуса Христа, и о божествѣ Святаго Духа.—См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова, за № 264, гдѣ сказано: — «книга рѣдка».

310. Докладъ верховнаго уголовнаго суда. Санктпетербургъ. 1828 года.— Въ 8 д. л., 22 стр.

Означенное изданіе напечатано было въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу не поступало; въ настоящее время брошюрка эта довольно рѣдкая.

Купленъ мною экземпляръ за 3 рубля.

См. «Всеобщую библіотеку Россіи или каталогъ книгъ для изученія нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ, собранныхъ Чертковымъ», за № 212.

311. Докладъ Императору Александру I-му отъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія лифляндскихъ дѣлъ, и притомъ положеніе о крестьянахъ Лифляндской губерніи, на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, съ таблицами. Санктпетербургъ. 1804 года.—Въ 8 д. л.

Особы, помянутый комитетъ составлявшія, были слѣдующія: сенаторъ графъ Кочубей, сенаторъ Козодавлевъ, графъ Павелъ Строгановъ, Романъ Андротъ, Астафъ Буденброкъ и правитель дѣлъ — Яковъ Дружининъ. — См. «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ» Василія Сопикова за № 3240.—Означенное изданіе очень рѣдкое.

312. Докладъ комиссіи совѣта С.-Петербургскаго университета, по поводу записки ординарнаго профессора А. С. Фоминцина.—Безъ означенія года и мѣста печати.

Довольно любопытный докладъ С.-Петербургскаго университета по поводу записки профессора А. С. Фоминцина.

Хорошо сохранившіеся экземпляры «Доклада» почти не находимы въ книжной торговлѣ и принадлежатъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей.

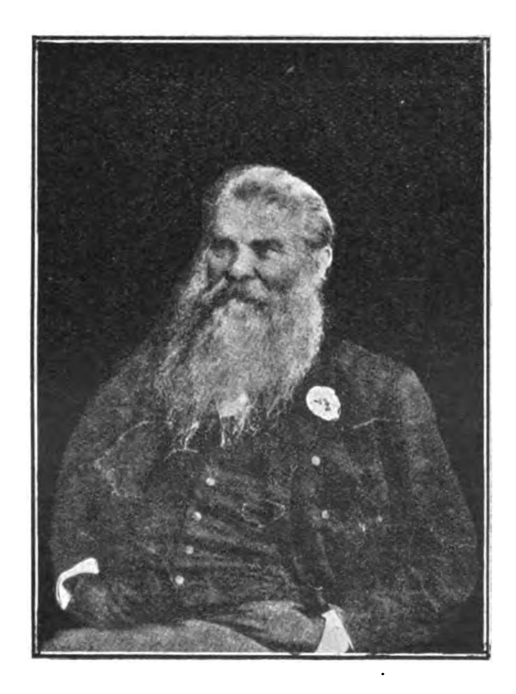
Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей.

313. Должности братьевъ З. Р. К. древнія системы, говоренныя Хризофироновымъ въ собраніяхъ Юніоротскихъ съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ рѣчей другихъ братьевъ. Москва, въ типогра-

фіи И. Лопухина; съ указаннаго дозволенія. 1784 года.—Въ 8 д. л., 128 стр.

Эта замѣчательная книга считается одною изъ рѣдчайшихъ масонскихъ книгъ. См. «Опытъ россійской библіографіи» Василія Сопикова за № 3254, сказано—«книга прерѣдкая».—Лѣтописи русской литературы и древностей, т. 5, стр. 24.—Сочиненія Ешенскаго—часть III, стр. 453.—Пыпинъ—«Русское масонство».—У Губерти—II, № 58.—Есть у Остроглазова—«Книжныя рѣдкости» за № 50.—«Вѣстникъ Европы»—1867 г. № 9.

Эта рѣдчайшая книга цѣнится въ настоящее время отъ 40 до 75 руб., смотря по степени сохранности.



И. Е. Забѣлинъ.

314. Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Сочиненіе И. Забѣлина. 2 части. Второе изданіе съ дополненіями. Москва. — Въ 8 д. л.; 1 часть 372 + 263 стр., часть 2—670+178 стр., съ рисунками.

Большая часть собранныхъ въ этой замѣчательной книгѣ матеріаловъ касается способовъ постройки, указанія мѣстности, разныхъ частей стараго Государева дворца и разнообразныхъ предметовъ внутренняго убранства или наряда старинныхъ царскихъ хоромъ. Особеннаго любопытства заслуживаютъ описи старинныхъ дворцовъ и записки подрядовъ на постройки, въ которыхъ знакомимся съ богатствомъ старинныхъ строительныхъ или плотничьихъ и разныхъ ремесленныхъ терминовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ подробностями устройства и расположенія древнихъ русскихъ жилищъ. Описаніе Коломенскаго дворца съ прилагаемыми планами и фасадами и вмѣстѣ съ описаніемъ дворца измайловскаго, даетъ довольно полное и отчетливое понятіе объ устройствѣ такого жилища, въ самомъ обширномъ и наиболѣе роскошномъ видѣ, жилища царскаго.

Книга замѣчательна, какъ по содержанію, такъ и по рѣдкости изданія. Рѣдка.

Купленъ мною экземпляръ за 20 руб. (въ хорошемъ видѣ).

315. Донесеніе варшавскаго слѣдственнаго комитета Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу о тайныхъ обществахъ.—Санктпетербургъ, въ типографіи Главнаго Штаба, 1827 года.—Въ 8 д. л., 74 стр.

Означенное изданіе напечатано было въ небольшомъ количествѣ эмземпляровъ и въ продажу не поступало.

Брошюрка въ настоящее время довольно рѣдкая.

Купленъ мною экземпляръ, хорошо сохранившійся, за 3 рубля.

См. «Всеобщую библіотеку Россіи или каталогъ книгъ Черткова», № 213.

У Березина-Ширяева—«Дополнительные матеріалы для библіографіи» 1876 года, стр. 32.

316. Донесеніе варшавскаго слѣдственнаго комитета. Составлено барономъ Моренгеймомъ по совѣщанію съ графомъ Блудовымъ. Варшава, 3-го Генваря 1827 года.—Въ 8 д. л., 74 стр.

Въ началѣ книги говорится: «Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу Главнокомандующему польскою арміею—донесеніе слѣдственнаго комитета объ открытіи тайныхъ обществъ.

Это изданіе въ настоящее время весьма рѣдко.

317. Донесеніе слѣдственной коммисіи Его Императорскому Величеству Высочайше учрежденной Коммисіи для взысканія о злоумышленныхъ обществахъ.

Печатано въ военной типографіи главнаго штаба Его Императорскаго Величества.—Въ 8 д. л., 95 стр.

Означенное изданіе печатано по Высочайшему повелѣнію Его Императорскаго Величества съ приложеніемъ списка лицъ, кои по дѣлу о тайныхъ злоумышленныхъ обществахъ: Сѣвернаго, Южнаго и соединенныхъ славянъ предаются по Высочайшему повелѣнію верховному уголовному суду въ силу Манифеста отъ 1-го числа іюня сего 1826 года.

Подписалъ начальникъ главнаго штаба баронъ Дибичъ.—Книга въ настоящее время очень рѣдка.

318. Донъ-Педро Прокодуранте, или наказанной бездѣльникъ. Комедія сочиненія Калдерона де-ла-Барка. Съ гишпанскаго на россійскій языкъ переведена въ Нижнемъ-Новѣгородѣ, съ указнаго дозволенія. Москва, въ университетской типографіи у Ридигера и Клаудія. 1794 г.— Въ 8 д. л., 126 стр.

Пьеса эта не переводъ съ испанскаго, а оригинальное сочиненіе Якова Петровича Чаадаева. Въ ней выведены злоупотребленія занимавшаго въ городѣ Нижнемъ-Новгородѣ должность экономіи директора и носившаго фамилію, имѣвшую нѣкоторое сходство съ именемъ Прокодуранте (Прокудинъ). Авторъ комедіи былъ изъ числа многихъ лицъ, негодовавшихъ на его поступки, и написалъ пьесу для его осмѣянія, сдѣлавъ указанія на мало извѣстнаго тогда Кальдерона, чѣмъ отклонялъ до нѣкоторой степени подозрѣніе въ личности.

Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что театръ Кальдерона не представлялъ ему даже канвы для его пьесы. Кто мало знакомъ съ этимъ театромъ, состоящимъ чуть ли не изъ ста-пятидесяти пьесъ, по крайней мѣрѣ, въ переводахъ его избранныхъ сочиненій, нѣсколько разъ напечатанныхъ на французскомъ языкѣ, не случалось найти пьесы, похожей на донъ-Педро. Когда «донъ-Педро» былъ напечатанъ, изображенный въ немъ экономіи-директоръ пришелъ въ ужасный гнѣвъ и отчаяніе и придумалъ рѣшительную мѣру для уничтоженія обличительной для него книги. Онъ скупилъ чрезъ своихъ агентовъ всѣ экземпляры комедіи, сколько было возможно, и истребилъ ихъ; потому комедія эта въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость.

Извѣстный покойный библіографъ М. Н. Лонгиновъ, въ своихъ библіографическихъ запискахъ, сообщаетъ весьма любопытныя свѣдѣнія о настоящей комедіи, составляющей одну изъ первостепенныхъ книжныхъ рѣдкостей, при чемъ излагаетъ ея содержаніе по экземпляру, находившемуся въ его библіотекѣ.

Приводимъ здѣсь, какъ помянутыя свѣдѣнія о книгѣ, основанныя на извѣстіяхъ, переданныхъ Лонгинову сыномъ автора комедіи, извѣстнымъ П. Я. Чаадаевымъ,—такъ и самое содержаніе ея.

Донъ-Педро, директоръ королевскихъ доходовъ въ Барцелонѣ, стакнувшись съ другими начальниками города, грабитъ и обманываетъ всѣхъ, при помощи друга своего Делирито, выгнаннаго изъ службы. Жена его, Дорфиза, мотаетъ, кокетничаетъ, своевольничаетъ и презираетъ мужа, преданнаго еще и развратной жизни. У дона-Педро есть дочь отъ перваго брака, Адель, которую ссылаютъ въ деревню, чтобы помѣшать ея свадьбѣ съ Гонзалецомъ. Донъ-Педро, противится этому браку, чтобы не быть вынужденнымъ выдать ей материнское имѣніе и потому, что Гонзалецъ другъ донъ-Жуана. Этотъ донъ-Жуанъ въ отставкѣ и живетъ въ Барцелонѣ. Онъ знатенъ, честенъ, но довольно грубъ и, обличивъ однажды донъ-Педро въ мошенничествѣ, навлекъ на себя его мщеніе. У дона-Педро въ служеніи Бурлеско, импровизаторъ (такъ называются въ Гишпаніи люди, которые не приготовясь говорятъ стихами, — наивно прибавляетъ авторъ, и дѣйствительно Бурлеско всѣмъ говоритъ экспромты). Донъ-Педро по скупости, мало платитъ ему, хотя на свои прихоти ничего не жалѣетъ и живетъ великолѣпно. Онъ подучаетъ Бурлеско подать на донъ-Жуана доносъ въ измѣнѣ королю и заготовляетъ фальшивые векселя, по которымъ надѣется присвоить себѣ его имѣніе, когда донъ-Жуана сошлютъ. Доносъ этотъ долженъ быть поданъ герцогу Дель-Прато, знатному вельможѣ, живущему въ Барцелонѣ, который по приказанію короля тайно присматриваетъ за поступками донъ-Педро. Донъ-Педро чуетъ что-то недоброе и думаетъ, что подкупилъ его, давъ ему десять тысячъ червонцевъ. Но герцогъ взялъ деньги только для того, чтобы

передать ихъ Адели и совѣтуетъ Гонзалецу увезти ее. Кромѣ того, герцогъ, сослуживецъ и искренній другъ донъ-Жуана, хотя скрываетъ это, и не оказываетъ неблаговоленія къ дону-Педро, чтобы запутать его еще болѣе.

Таково основаніе интриги. Кромѣ названныхъ выше, въ комедіи есть еще слѣдующія второстепенныя лица: старуха, мама Адели; Луцилла, благородная испанская госпожа; Марія, горничная Адели; Рамирецъ и Мондоръ, петиметры, влюбленные въ Дорфизу; Педрилло, лакей Гонзалеца; Коррежидоръ и шутъ, называющійся въ комедіи «Ивануткою» и говорящіи русскія прибаутки.—Затѣмъ слѣдуютъ: третье, четвертое и пятое дѣйствія; кончается словами:

Сколь долго вору ни плутовать,
Достойной казни не миновать.

Яковъ Петровичъ Чаадаевъ родился 1754 года умеръ 1798 года въ Москвѣ.

(См. «Библ. Зап.» Лонгинова, т. LVIII, № 7.—Некрологъ П. Я. Чаадаева). Объ этой рѣдчайшей книгѣ говорится у Н. В. Губерти—за № 131; у Геннади «Книжныя рѣдкости»—за № 85.—У Сопикова—за № 11595.—«Современникъ» 1856 г., т. LVIII, № 7.—Смирдинъ № 6818.—Плавельщиковъ—№ 5155.—Остроглазовъ—№ 51.—Бурцевъ—№ 112.

Купленъ мною экземпляръ за 180 рублей (въ хорошемъ видѣ).—Чтобы дать понятіе о сей величайшей библіографической рѣдкости, прилагаю комедію «Донъ-Педро» изъ слова въ слово къ читателю.

ДОНЪ ПЕДРО

ПРОКОДУРАНТЕ,

ИЛИ

НАКАЗАННОЙ БЕЗДѢЛЬНИКЪ,

КОМЕДІЯ,

СОЧИНЕНІЯ

Калдерона де ла Барка.

Съ Гишпанскаго на Россійской языкъ переведенъ

въ Нижнемъ Новѣгородѣ.

Съ Указнаго Дозволенія.

МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографіи

у Ридигера и Клаудія.

1794.

Заглавный листъ на книгѣ «Донъ-Педро Прокодуранте, или наказанной бездѣльникъ», комедія, соч. Калдерона де ла Барка.

По рѣдкому экз. изъ собранія А. Бурцева.

Дѣйствующія лица:

ДОНЪ-ПЕДРО ПРОКОДУРАНТЕ, Директоръ Королевскихъ доходовъ.
ДОРФИЗА, жена его, щеголиха.
АДЕЛЬ, дочь его отъ первой жены.
СТАРУХА, мама Адели.
ГОНЗАЛЕЦЪ, любовникъ Аделинъ.
ДЕЛФИТО, другъ Дона Педро, выгнанной изъ службы.
ДОНЪ ЖУАНЪ, знатной, честной, добродѣтельной, но слишкомъ чистосердечной и грубой человѣкъ.
ГЕРЦОГЪ ДЕЛЬ ПРАТО, другъ Донъ Жуановъ, присланной отъ Короля примѣчать за поступками Дона Педро Прокодуранте.
ЛУЦИЛЛА, благородная Гишпанская госпожа.
МАРЬЯ, горнишная Адели.
РАМИРЕЦЪ, МОНДОРЪ — петиметры, влюбленные въ Дорфизу.
ПЕДРИЛО, лакей Гонзалецовъ.
БУРЛЕСКО, Импровизаторъ (такъ называются въ Гишпаніи люди, которые, не приготовясь, говорятъ стихи).
КОРЕЖИДОРЪ, алгвазилы, пастухи и пастушки.

Дѣйствіе въ Гишпаніи въ городѣ Барцелонѣ.

КОМЕДІЯ

ДОНЪ ПЕДРО ПРОКОДУРАНТЕ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Театръ представляетъ комнату въ домѣ Донъ-Педро Прокодуранте).

Явленіе I.

БУРЛЕСКО

(входитъ и оглядя вокругъ говоритъ).

Здѣсь ничего нѣтъ—у нашего знатнаго боярина Дона-Педро Прокодуранте комнатъ, комнатъ, хоть не разбѣгайся; людей много, а простору довольно, то-то домикъ, умкомъ нажитъ! иль прямѣе сказать плутовствомъ. (Нѣсколько подумавъ). Чудное въ свѣтѣ твореніе! какъ природа могла соединить въ одномъ человѣкѣ доброе щастіе и худую душу? Донъ-Педро Прокодуранте всѣмъ изобиленъ: деревни имѣетъ, деньгами богатъ какъ жидъ, чинъ довольной, жена хороша, кирка на дворѣ, пасторъ свой, музыка своя.... Чего нѣтъ? Но при всемъ томъ душа у него подъ колѣномъ, а совѣсть и дыханія не имѣетъ; жаденъ до крайности; способовъ плутовскихъ къ обогащенію себя у него пропасть, и всѣ они удачно съ рукъ ему сходятъ. Только надолголь эта удача протянется? Я думаю, Герцогъ не попусту прогуливается по Гишпаніи. Здѣсь онъ нарочито позамѣшкался — и — кажется высматриваетъ очень зорко. У него уши и глаза Министерскіе; говоритъ протяжно. Смотри, Донъ-Педро! какъ бы тебѣ съ расторопностью своею не поспѣть на эшафотъ, которой готовишь Донъ-Жуану. Какую безстыдную ложь плететъ этотъ злодѣй на сего честнѣйшаго и заслужившаго всякое уваженіе мужа! хочетъ оклеветать Донъ-Жуана измѣнникомъ Королю и бунтовщикомъ народнымъ; поручилъ мнѣ должность подкупить донощиковъ. Но тутъ нужна осторожность; Донъ-Педро видно подбирается къ имѣнію Донъ-Жуана, а мнѣ нуженъ кошелекъ Прокодурантовъ. Тутъ-то я удалъ буду, когда спроворю обмануть лучшаго плута. Въ этомъ грѣха не будетъ. Онъ самъ лакомъ до денегъ, и дочь свою за тѣмъ не отдаетъ замужъ, чтобъ не лишиться деревень, ей послѣ матери принадлежащихъ. Однако чуть не вылетитъ ли изъ рукъ у него эта птичка. Гонзалецъ великой удалецъ; а любовь лукавѣе и Дона-Педро Прокодуранте... А да вотъ и самъ хозяинъ съ своимъ другомъ! Я уйду, чтобъ не помѣшать имъ въ важныхъ разговорахъ (уходитъ).

Явленіе II.

ДОНЪ-ПЕДРО и ДЕЛФИТО (входятъ).

ДОНЪ-ПЕДРО.

Я тебѣ давно говаривалъ, что ты совсѣмъ къ тому неспособенъ, чтобы отъ должности обогатиться.

ДЕЛФИТО.

Да для чего же?

ДОНЪ-ПЕДРО.

А вотъ для того, что ты слишкомъ выпяливаешь грудь, раздуваешься гордостію, и мѣры себѣ не ставишь, имѣешь въ общежитіи самой дурной тонъ и надмѣнностію своею приходишь у всѣхъ въ ненависть. Намъ ли, плутамъ, гордиться? намъ

должно быть тише воды и ниже травы. Ну разсуди самъ, пристойно ли съ твоею душею подымать голову и смотрѣть безпрестанно въ небеса; намъ должно наклоняться, чтобы достать что ни есть съ земли, а въ небѣ намъ надѣяться нечего.

ДЕЛФИТО.

Какъ нечего? развѣ ты такъ о себѣ увѣренъ? а я еще вить не такой плутъ, как ты.

ДОНЪ-ПЕДРО:

То-то и знакъ твоего слабоумія. Въ свѣтѣ живучи, должно быть или совершенно честнымъ человѣкомъ, или совершеннымъ плутомъ. Для умнаго человѣка нѣтъ средины. Самъ собою ни до чего не достигнешь; надобно подпору, или прилѣпиться къ честнымъ или къ мошенникамъ и ихъ кредитомъ достигать своихъ намѣреній. А съ твоимъ полуплутовствомъ и получестностію, кто тебѣ повѣритъ? кто на тебя понадѣется? честные люди тебя ненавидятъ, да и плуты на тебя не могутъ положиться, боясь, дабы посреди какого важнаго предпріятія и самаго тончайшаго мошенничества не напало на тебя глупое раскаяніе и не испортило бы всего. Ты не присталъ ни къ которому берегу, однимъ словомъ, ты ни рыба, ни мясо.

ДЕЛФИТО.

Да всею твоею подлостію, лестію, тонкостію, ласкою, развѣ менѣе тебя ненавидятъ?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Однако же всѣ ко мнѣ ѣздятъ, всѣ меня принимаютъ; я никого явно не обижу, со всѣми учтивъ, ласковъ, привѣтливъ: а сими средствами и самыхъ ненавистниковъ своихъ ежеминутно обманываю. Вспомни, какъ мы съ тобою давно уже тому назадъ разсуждали, какъ намъ жить на свѣтѣ; и видя великое множество мошенниковъ, и ихъ надъ честными людьми превозможеніе, наконецъ рѣшились мы быть плутами: то съ того времени проходя всѣ закоулки мошенническаго пути, извѣдалъ я всѣ состоянія сего хитрости, всѣ тонкости; сдѣлался главнымъ въ своей шайкѣ. Законы и честность для меня какъ слабая паутина. И видишь, до какой достигнулъ я славы: по всему царству я сталъ извѣстенъ, богатство течетъ ко мнѣ со всѣхъ сторонъ; я украшаюсь Кавалерскимъ Орденомъ, строю огромныя палаты, имѣю открытой столъ; домъ мой какъ полная чаша, а хотя я самъ и не имѣю времени молиться Богу, но сію должность отправляютъ у меня нарочно къ тому опредѣленные люди. Я имѣю кирку и пастора; что имъ больше дѣлать? Всѣ предосторожности для здѣшней и будущей жизни мною приняты. Здѣсь знатное покровительство, купленное уступкою части моего грабежа, отнимаетъ у меня весь страхъ и сумнѣніе; да и въ будущемъ мнѣ не будетъ худо, ибо я твердо намѣренъ передъ смертью покаяться. А ты мой другъ, Делфито, что сдѣлалъ достойнаго примѣчанія? Будучи таковымъ же, какъ и я, учредителемъ Королевскихъ доходовъ, ты такъ глупо вздумалъ грабить казну, что тебя съ безчестіемъ выгнали изъ службы.

ДЕЛФИТО.

Меня не выгнали, я самъ пошелъ въ отставку по слабости моего здоровья.

ДОНЪ-ПЕДРО.

О Делфито, Делфито! кого ты хочешь обмануть. Мнѣ все извѣстно, и я всегда былъ увѣренъ, что съ твоимъ нравомъ тебѣ не сдобровать; да на тебѣ есть и начетъ.

ДЕЛФИТО.

Бездѣлица! тысячь двадцать мнѣ наплевать.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Вотъ уже ты и опять нарядился въ глупую свою надмѣнность.

ДЕЛФИТО.

Оставь это, а скажи пожалуй, поможешь ты мнѣ, или нѣтъ?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Буду стараться. (Въ сторону). Кабы этого дурака чортъ взялъ! онъ глупостью своею всѣ общія наши плутни выведетъ наружу.

ДЕЛФИТО.

И такъ прости, другъ мой Прокодуранте: мнѣ есть нужда въ городѣ: но я скоро опять съ тобой увижусь (уходитъ).

ДОНЪ-ПЕДРО.

И то дѣло! побывай, гдѣ надобно.

Явленіе III.

ДОНЪ-ПЕДРО одинъ, и потомъ БУРЛЕСКО.

Ступай—глупецъ, ступай—дуракъ! вздумалъ безъ ума быть воромъ; нѣтъ вить тутъ надобна голова да и голова, и не такая, какъ у тебя. Напримѣръ: я чувствую, что и отъ природы къ тому склоненъ, хитростію наполненъ, проворенъ, стыда слава Богу во мнѣ нѣтъ; что такое совѣсть, слыхалъ я только отъ другихъ, но самъ ее никогда въ себѣ не ощущалъ, обмануть ли, провести ли, обольстить ли кого, кто можетъ лучше Донъ-Педро Прокодуранте, что можетъ быть славнѣе того, какъ я обольстилъ и обманулъ стараго и простаго сего князя, коего убѣдилъ отдать его имѣніе одному вельможѣ, которой меня покровительствуетъ, и чрезъ то чужимъ имѣніемъ досталъ себѣ случай, подпору и защиту, безъ чего нашему брату пробыть никакъ нельзя? Чрезъ сіе развязалъ я себѣ руки, доставилъ уму своему просторъ, и такія вымышляю хитрости, что и самому дьяволу бы того не выдумать. (Въ сіе время входитъ Бурлеско, и тихо подкравшись, становится за Дономъ-Педромъ, которой его не видитъ). Справедлива эта пословица, лишь бы зажить паномъ, а то все бери даромъ: по сему я и поступаю, и съ казенныхъ крестьянъ болѣе нежели съ своихъ доходовъ получаю.

БУРЛЕСКО (захохотавъ).

То-то и славно!

ДОНЪ-ПЕДРО (испугавшись).

Тебя откуда чортъ принесъ?

БУРЛЕСКО (кланяется съ жестами).

Гдѣ я, Донъ-Педро, ни бываю
Тебя, великой мужъ, отнюдь не забываю.
Тебя всѣмъ сердцемъ и душой люблю,
И ревностью стремлюсь къ твоему рублю.
Ты денежки нажить по мастерски умѣешь;
Лишь мало щедрости ко мнѣ имѣешь.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Мало ли я тебѣ передавалъ денегъ, а особливо на прошедшей ярмонкѣ?

БУРЛЕСКО.

Что минуло, о томъ не говори,
И хоть полтиною теперь подари.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Нѣтъ у меня серебряныхъ денегъ.

БУРЛЕСКО.

Такіе люди бѣдны,
Какъ я, берутъ и мѣдны.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Перестань вздорные свои стихи болтать, Бурлеско, а скажи лучше: исполнилъ ли ты препорученную тебѣ мною коммисію, и подговорилъ ли кого изъ Донъ-Жуановыхъ людей учинить на него доносъ въ измѣнѣ противу Короля?

БУРЛЕСКО.

Всѣ старанія мои были напрасны; я думаю, что во всей Гишпаніи нѣтъ другаго господина, коего бы люди его такъ искренно любили, какъ Донъ-Жуана, они называютъ его отцемъ и благодѣтелемъ; и признаться чистосердечно, что и мнѣ Донъ-Жуанъ показался совсѣмъ не таковъ, какъ вы мнѣ его описывали. Онъ хотя недавно пріѣхалъ въ здѣшній городъ, около котораго имѣетъ свои помѣстья, но уже успѣлъ многимъ сдѣлать важныя услуги, и не взирая на его грубость и чистосердечіе, всѣ честные люди его любятъ, лишь вы его одни ненавидите; не знаю тому причины.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Коли не знаешь, такъ я тебѣ скажу: его и мои правила совсѣмъ несогласны, и мы какъ день и нощь вмѣстѣ быть не можемъ. Онъ меня презираетъ, ненавидитъ и вездѣ злословитъ; еще грозитъ и дворъ увѣдомитъ о моихъ дѣлахъ.

БУРЛЕСКО.

Но ежели ваши дѣла хороши, то чего вамъ опасаться, что ихъ при дворѣ узнаютъ?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Можетъ быть по внушеніямъ моихъ непріятелей не въ пользу мою ихъ толковать будутъ. Напримѣръ: я отъ ревности моей къ отечеству, видя, что главной порокъ Гишпанцевъ состоитъ въ лѣности, стараюсь пресѣчь оной тѣмъ, что отъ казенныхъ крестьянъ отбираю излишнія деньги, дабы понудить ихъ къ трудолюбію. Видишь, какъ сіе полезно государству! Однакожъ злодѣи мои сію мою тончайшую политику называютъ грабежемъ, и самаго меня воромъ и грабителемъ. Къ томужъ и

взятыя мною деньги употребляю на услугу обществу, всегда имѣю открытый столъ, живу великолѣпно, угощаю всѣхъ какъ можно лучше, а болѣе еще иностранцевъ, дабы подать выгодныя о Гишпанцахъ мнѣнія. Я стараюсь о распространеніи вкуса въ Архитектурѣ, а все сіе служитъ къ чести государства.

БУРЛЕСКО.

О все конечно такъ!
И въ томъ не спорю я никакъ:
Прокодуранте не дуракъ;
И знаетъ о томъ всякъ,
Сколь много онъ трудится,
Скорѣй чтобы обогатиться.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Еще тебѣ скажу, что естьли бы не я и не мои пріятели, то бы всѣ наличныя деньги въ Гишпаніи исчезли; мѣщане и хлѣбопашцы зарывали ихъ въ землю. Но мы своимъ проворствомъ до того ихъ довели, что и не хотя опять ихъ вырыли и чрезъ наши руки пустили ихъ въ обращеніе.

БУРЛЕСКО.

Вижу, сколь велики ваши къ отечеству услуги.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Ну такъ какъ же меня можно сравнить съ Донъ Жуаномъ? А какъ то необходимо, чтобы онъ или я погибнулъ: то видишь, что нечего тутъ колебаться, пусть погибнетъ лучше онъ, нежели я. Да и что онъ сдѣлалъ для государства, какія услуги! только что былъ на войнѣ и дрался какъ бѣшеной, потомъ находился у двора, и вздумалъ быть въ милости у Короля, но его скоро прогнали.

БУРЛЕСКО.

Многіе говорятъ, что онъ до сего времени сохраняетъ къ себѣ милость Королевскую, и приписываютъ то къ чести Королю, что онъ полюбилъ такого чистосердечнаго и праводушнаго человѣка. Еще удивляются и тому, что Донъ Жуанъ, будучи при дворѣ, сохранилъ всѣ свои добродѣтельныя правила.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Но слышишь ли ты, что мнѣ необходимо нужно, чтобы онъ погибъ? да и тебѣ то будетъ выгодно.

БУРЛЕСКО.

Однако совѣсть—

ДОНЪ-ПЕДРО.

Вздоръ! какая у тебя совѣсть! она у меня въ карманѣ. (Вынимаетъ кошелекъ). Видишь ли ты этотъ золотомъ наполненной кошелекъ... Хочешь ли ты его имѣть... (держитъ передъ глазами его кошелекъ).

БУРЛЕСКО (съ восхищеніемъ).

О ключъ сердецъ! божественное злато!
Что въ мірѣ есть пріятно, нѣжно, свято,
Все то включаешь ты въ себѣ:
Возможно ли противиться тебѣ?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Что уже не тѣмъ запѣлъ ты голосомъ; вотъ возьми (даетъ ему кешелекъ) и непремѣнно сыщи мнѣ на Дона Жуана доносщика и двухъ свидѣтелей въ томъ, что онъ имѣетъ съ Королевскими непріятелями переписку (вынимаетъ бумаги и даетъ). Вотъ его письма; такъ точно подъ его руку подписано, что ему запереться не можно будетъ. Ступай и проворь. (Бурлеско поклонясь выходитъ).

Явленіе IV.

ДОНЪ-ПЕДРО (одинъ).

Нельзя лучше выдумать: написалъ я фальшивые на Дона Жуана векселя и закладныя; и когда по доносу на него въ измѣнѣ будетъ онъ казненъ, то по онымъ векселямъ все имѣніе его мнѣ достанется. Виватъ Донъ Педро Прокодуранте! виватъ проницательной и тонкой разумъ! Пускай дураки называютъ меня мошенникомъ, но я ихъ презираю. (Стоитъ задумавшись). Безпокоитъ меня нѣсколько этотъ Герцогъ Делль Прато, зачѣмъ онъ здѣсь живетъ уже болѣе мѣсяца. Ежели, какъ-то онъ говоритъ, путешествуетъ онъ токмо по Гишпаніи, то такъ долго здѣсь дѣлать нечего: ужъ не присланъ ли онъ отъ двора примѣчать за нами;— надобно думать, что такъ; но чего же мнѣ опасаться? Герцогъ этотъ знатной и придворной человѣкъ, по нынѣшнему обычаю — вѣрно весь въ долгахъ; со мною поступаетъ онъ ласково и учтиво: то я, сыскавъ способной случай, сдѣлаю ему предложеніе тысячъ десяти червонныхъ, для поправленія его дѣлъ весьма нужныхъ. Послѣ сего все пойдетъ по нашему. Думаю еще, что онъ мнѣ и противъ Донъ Жуана поможетъ. Еще примѣчаю я, что онъ

въ жену мою влюбленъ, то и съ той стороны будетъ онъ у меня въ опутинахъ; я жъ притворюсь, будто ничего не вижу; и такъ деньги, которыя ему я подарю, возвратятся къ моей женѣ, а можетъ быть и съ лихвою; я не изъ числа глупыхъ ревнивцевъ, вить жены моей отъ того не убудетъ. Я же для того и женился на красавицѣ, чтобъ чрезъ нее между знатныхъ людей достать случай. Первая моя жена была дура, любовь почитала смертнымъ грѣхомъ, и своею ко мнѣ привязанностію такъ мнѣ надоѣла, что иногда выходя изъ терпѣнія сѣкъ я ее плетьми, но ничто не помогло; наконецъ она умерла, и я женился на прекрасной Дорфизѣ, которая любитъ, чтобы за ней волочились. И правда, всякой день домъ мой полонъ ея обожателями; и мнѣ это пріятно. Вотъ этого я не люблю, что Гонзалецъ вздумалъ на дочери моей жениться; и по двумъ важнымъ причинамъ это мнѣ противно: вопервыхъ Гонзалецъ небогатъ, и я буду принужденъ отдать за дочерью все имѣніе ея матери, а того-то мнѣ и не хочется. Вовторыхъ онъ другъ Донъ Жуановъ.—Примѣтивъ его намѣренія, я тотчасъ отказалъ ему отъ дома моего; да и дочь моя Адель сего же дня поѣдетъ въ деревню. (Кричитъ: малой! Входитъ лакей). Поди, коли проснулась Адель, позови ее ко мнѣ. (Лакей уходитъ).

Явленіе V.

ДОНЪ ПЕДРО и МАРЬЯ.

МАРЬЯ.

Барышня, сударь, всю ночь не почивала, и сегодня очень не можетъ; а все это отъ вчерашней вашей жестокости. Развѣ виновата она, что Гонзалецъ въ нее влюбился, и можетъ ли она воспрепятствовать, чтобы не находили ее любви достойною?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Не тѣмъ она виновата, что Гонзалецъ въ нее влюбился, а тѣмъ что отвѣчаетъ на его страсть;но я знаю, что сдѣлать, чтобы прекратить всѣ сіи глупости.

Явленіе VI.

ПРЕЖНІЕ и АДЕЛЬ (въ печальномъ видѣ).

ДОНЪ-ПЕДРО.

Поди сюда, Адель! тебѣ надобно ѣхать въ ближнюю мою отъ города деревню и пробыть тамъ нѣсколько времени.

АДЕЛЬ.

Вы знаете, что я не противлюсь ни въ чемъ вашей волѣ, батюшка.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Будь же готова чрезъ часъ къ отъѣзду, а я теперь поѣду къ Герцогу и долго тамъ не замедлю (уходитъ).

Явленіе VII.

АДЕЛЬ и МАРЬЯ.

АДЕЛЬ.

Что мнѣ дѣлать, любезная Марья? всѣ наши намѣренія разстроились; въ несносномъ будучи житьѣ, ненавидима жестокою мачихою, которая думаетъ, что я лишаю ее части ея обожателей, вознамѣрилась я наконецъ прибѣгнуть къ послѣднему средству, и уйдя тайно съ Гонзалецомъ обвѣнчаться; но теперь.

МАРЬЯ.

А теперь еще лучше, изъ деревни уйти способнѣе; да и я съ вами вить тамъ буду; то уже надѣйтесь на мое проворство.

АДЕЛЬ.

Ахъ, любезная Марья, ты мнѣ возвращаешь жизнь.

МАРЬЯ.

Прежде всего должно постараться увѣдомить Гонзалеца, что вы сего дня ѣдете въ деревню: но вотъ онъ и самъ!

Явленіе VIII.

АДЕЛЬ, МАРЬЯ и ГОНЗАЛЕЦЪ.

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Любезная Адель! не смотря на запрещеніе твоего родителя, я осмѣлился, узнавъ, что его нѣтъ дома, притти сюда, чтобы имѣть щастіе хотя на минуту тебя увидѣть (цѣлуетъ съ восхищеніемъ ея руку).

АДЕЛЬ.

Вы меня вашимъ приходомъ очень тревожите; какой опасности вы подвергаетесь!

МАРЬЯ.

А мы, господинъ Гонзалецъ, сего дня отправляемся въ деревню, куда вы можете къ намъ

явиться и благополучно окончить наше предпріятіе (слышенъ звонъ колокольчика). Но вотъ ужъ барыня проснулась, подите отсюда скорѣе; куда мы годимся, ежели она васъ здѣсь застанетъ.

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Прекрасная Адель! вы не отказываетесь сдѣлать моего щастія—

МАРЬЯ.

Подите сударь скорѣе, подите отсюда (толкаетъ его; онъ цѣлуетъ руки у Адели и выходитъ съ одной стороны, а Марья съ другой).

Явленіе IX.

АДЕЛЬ (одна).

Нѣтъ нещастія болѣе на свѣтѣ, какъ имѣть отца, коего душевно почитать не можно. Вездѣ слышу я, какъ порицаютъ моего родителя наиужаснѣйшими преступленіями; однѣми просьбами могу я остановить нѣсколько сіи злословія, а противорѣчить имъ никакъ не можно: истина ихъ очевидна; лишившись нѣжной матери въ младенчествѣ, ежеминутно вижу я себя жертвою злой мачихи. Самъ отецъ мой кажется въ угодность ея меня не любитъ. Все доводитъ меня до крайности, и я принуждена уйти, чтобы избавиться погибели.

Явленіе X.

ДОРФИЗА (въ прекрасномъ спальномъ платьѣ), МАРЬЯ и АДЕЛЬ.

ДОРФИЗА (Аделѣ).

Что это ты, мать моя, такъ нарядилась какъ будто на балъ, развѣ ты не знаешь, что тебѣ сего дня ѣхать въ деревню, а тамъ кажется наряды ненужны, да тебѣ и никогда въ нихъ пользы нѣтъ; ты, мой свѣтъ, совсѣмъ не умѣешь къ лицу одѣться, и напрасно думаешь, что ты хороша.

АДЕЛЬ.

Я этого, сударыня, не думаю.

ДОРФИЗА.

Однако ты радуешься, когда тебя хвалятъ, и вѣришь всѣмъ вздорамъ, которые тебѣ щеголи болтаютъ.

АДЕЛЬ.

Я ни въ какіе не вхожу съ ними разговоры.

ДОРФИЗА.

Поди же и надѣнь простое платье, въ коемъ бы пристойнѣе было ѣхать въ деревню (Адель уходитъ). А ты, Марья, останься здѣсь.

Явленіе XI.

ПРЕЖНІЕ и ШУТЪ (входитъ играя шляпою).

ДОРФИЗА.

Какъ я тебѣ кажусь нынѣча, Марья?

МАРЬЯ.

Прекраснѣй свѣтлаго дня: на лицѣ вашемъ блистаютъ розы и лиліи.

ШУТЪ.

Экъ ты Марья бредишь! да развѣ барыня-то у насъ сдѣлалась парникомъ, что на ней выросли цвѣты?

ДОРФИЗА.

Не она, а ты дуракъ бредишь.

ШУТЪ.

Да вѣдь я не сплю, я ужъ давно проснулся; да какой-же страшный видѣлъ сонъ, всю ночь такая блажь въ голову лѣзла!

ДОРФИЗА.

Какая блажь?

ШУТЪ.

Да то баринъ, то ты, барыня.

ДОРФИЗА.

У дурака дурацкія и рѣчи. Да какъ-же ты это видѣлъ?

ШУТЪ.

Видѣлось мнѣ, будто у барина-то выросли рога, да такіе большіе и съ кудрявыми отраслями, и на всякой отрасли по бубенчику; а какъ онъ ступитъ а рога-то затрясутся, а бубенчики-та тень, тень, тень, донъ, донъ, донъ.

ДОРФИЗА.

Экой вздоръ мелишь!

МАРЬЯ (въ сторону).

Едва ли не правду онъ говоритъ.

ДОРФИЗА.

А меня какъ ты видѣлъ?

ШУТЪ.

Страшно: боюсь и сказать; видѣлъ, будто ты, барыня, оборотилась въ козу и бѣгаешь по двору, а козлы-та всѣ за тобою, а ты тоненько блеешь бя, бя, ба; они толще: бяа, бяа; а одинъ старой козелъ какъ тебя пырнетъ рогами, такъ я такъ и обмеръ со страху.

ДОРФИЗА:

Не бойся, дуракъ, вить это все вздоръ. (Марьѣ). Марья! Я здѣсь буду дѣлать свой туалетъ, вели принести все, что надобно. (Марья выходитъ).

ШУТЪ.

Барыня! помнишь, ты говорила, что сны-та сбываются; ну какъ ты исправду сдѣлаешься козою, я право боюсь, и намеднясь одинъ гость говорилъ съ другимъ, и говорилъ, что у барина-та нашего и вправду есть рога, и что будто ему ты ихъ пришила; правда-ли это, барыня?

ДОРФИЗА.

Ну да видѣлъ-ли ты у него рога-та?

ШУТЪ.

Нѣтъ, что пустое говорить, я не видалъ. (Входитъ Марья; перухмахеръ и два лакея несутъ большое зеркало, подстилку и множество пудры и помады; все сіе ставятъ около Дорфизы на табуретахъ; она сама садится противу зеркала и перухмахеръ принимается убирать ей волосы).

ДОРФИЗА.

Первое то щастіе въ свѣтѣ, когда человѣкъ хорошъ лицемъ, всѣ его ласкаютъ, и одинъ видъ прекраснаго лица уже плѣняетъ. (Беретъ и разсматриваетъ разныя пудры и помады).

ЛАКЕЙ.

Рамирецъ и Мондоръ, также и Бурлеско приказали доложить: могутъ ли видѣть васъ за вашимъ туалетомъ?

ДОРФИЗА.

Введи ихъ сюда; красавица за туалетомъ безъ кавалеровъ точно такъ, какъ Генералъ безъ Адъютанта.

Явленіе XII.

ДОРФИЗА, МАРЬЯ, РАМИРЕЦЪ, МОНДОРЪ и БУРЛЕСКО.

РАМИРЕЦЪ

(подошедъ цѣлуетъ руку у Дорфизы).

Мы, сударыня, непремѣнно хотѣли имѣть честь быть при вашемъ туалетѣ.

ДОРФИЗА.

Покорнѣйше благодарствую.

МОНДОРЪ

(также цѣлуетъ ея руку).

Я также торопился, сударыня, явиться къ должности; оная состоитъ въ томъ, чтобы быть всегда въ вашихъ услугахъ.

ДОРФИЗА.

Прошу садиться. (Лакей подаетъ стулья, Мондоръ и Рамирецъ садятся, Бурлеско стоитъ).

ДОРФИЗА.

Вы что не садитесь, господинъ Бурлеско?

РАМИРЕЦЪ (Дорфизѣ).

Онъ стоитъ задумавшись. (Бурлеску). Стоютъ ли твои мысли гривны?

БУРЛЕСКО (Рамирецу).

Не стоятъ и полушки; вить я объ тебѣ думалъ. (Къ Дорфизѣ). Прикажете ли сказать стихи?

ДОРФИЗА.

Съ превеличайшимъ удовольствіемъ желаю ихъ слышать.

БУРЛЕСКО.

Ты точно какъ звѣзда красой своей блистаешь,
И прелестью своей у всѣхъ сердца плѣняешь.

ШУТЪ (перерываетъ).

Такъ у нея видно во лбу звѣзда, а на затылкѣ свѣтелъ мѣсяцъ; руки по локоть въ золотѣ, а ноги по колѣно въ серебрѣ.

ДОРФИЗА (шуту).

Перестань врать, не мѣшай господину Бурлеско!

БУРЛЕСКО.

Дорфиза, ты мила, прекрасна и учтива,
Ещебъ милѣй была, коль болѣбъ была чива.

ДОРФИЗА.

Ужъ я тебя, любезный Бурлеско, знаю чѣмъ подарить, и ты будешь вѣрно мной доволенъ.

БУРЛЕСКО.

Доволенъ милостью твой всегда бываю,
И вѣчно вамъ служить всѣмъ сердцемъ я желаю;
На пользу вашу я съ усердіемъ стремлюсь,
И нынѣ и впередъ, всегда вамъ пригожусь.
Донъ-Педра и тебя природа съединила
И бракомъ таковымъ вселенну удивила;
Ты славна красотой; онъ славится умомъ;
И оба знаете скопить искусно домъ. (Кланяется).

РАМИРЕЦЪ.

А пропо, мадамъ; мы видѣли вашего супруга Дона-Педро Прокодуранте у Герцога Дель Прато, съ которымъ онъ для важныхъ дѣлъ взошелъ въ кабинетъ, и тамъ съ нимъ наединѣ кажется по дружески разговаривалъ.

МОНДОРЪ.

Тутъ же былъ также, сударыня, Гонзалецъ; и правду вамъ сказать, я смѣшнѣе человѣка отъ роду не видывалъ: какъ онъ причесанъ, какъ одѣтъ, какъ связанъ, какъ неловокъ!

ДОРФИЗА.

Правда, онъ ужасть какъ неавантаженъ; да развѣ нѣтъ у него пріятеля, которой бы могъ остеречь его отъ глупыхъ его привычекъ.

РАМИРЕЦЪ.

А господинъ Делфито какъ вамъ кажется, сударыня?

ДОРФИЗА.

О, скучная тварь! всегда представляетъ изъ себя знатнаго господина, безпрестанно говоритъ о хорошемъ своемъ воспитаніи, хотя скупые его родители кромѣ природнаго языка грамотѣ ничему его не обучили; все находитъ не по своему вкусу, и хочетъ имѣть повара Француза, хотя до пятнадцати лѣтъ оржаныя лепешки съ конoплянымъ масломъ составляли лучшее его кушанье; онъ до такого сумасбродства надмѣнъ, что старшаго сына своего называетъ Дофиномъ, на всѣхъ взираетъ съ презрѣніемъ; а естьли съ кѣмъ и промолвитъ слово, то даетъ чувствовать, что тѣмъ дѣлаетъ великую милость. Однимъ словомъ, это самое пространное, глупое и гордое животное.

Явленіе XIII.

ТѢЖЪ и ДЕЛФИТО
(подходитъ къ Дорфизѣ къ рукѣ).

ДОРФИЗА
(встаетъ съ веселымъ видомъ).

Какъ я рада, господинъ Делфито, что имѣю честь васъ видѣть! я сію только минуту про васъ говорила и другу моего мужа отдавала всевозможную справедливость.

ДЕЛФИТО.

Благодарю васъ, сударыня. Правда, я Дону-Педро во многомъ былъ полезенъ. Я, славу Богу, съ самыми знатными людьми на такой ногѣ, что мой голосъ — а вить голосъ-атъ, сударыня, тонъ музыки,—разумѣете вы меня—

ДОРФИЗА.

Это очень ясно.

ДЕЛФИТО.

А! здравствуй, Бурлеско! да что ты не скажешь никакихъ стишковъ?

БУРЛЕСКО.

Изволь я скажу, коли вамъ надобно.

ДЕЛФИТО.

Смотрижъ получше.

БУРЛЕСКО (иронически).

О славной и великой мужъ Делфито! много въ тебѣ—

ДЕЛФИТО.

Ну чтожъ остановился?

БУРЛЕСКО.

Не хочу вамъ этого въ глаза сказать.

ДЕЛФИТО.

Говори пожалуй, я этого не почту лестью.

БУРЛЕСКО.

О, славной и великой мужъ Делфито! много въ тебѣ дьявольскихъ козней скрыто; самъ чортъ—

ДЕЛФИТО.

Довольно и этого.

(Рамирецъ и Мондоръ смѣются).

ДОРФИЗА.

Извините меня, милостивые государи, я пойду одѣваться во внутренніе мои покои. (Кланяется; всѣ ей откланиваются и она уходитъ).

Явленіе XIV.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ ДОРФИЗЫ.

ДЕЛФИТО (Мондору).

Чему ты, государь мой, смѣешься? знаешь ли ты, что я никогда не уступлю дураку?

МОНДОРЪ.

Какъ я на тебя непохожъ; я ему всегда уступаю (уходитъ).

ДЕЛФИТО (Рамирецу).

Да и ты, сударь, что зубы-та скалишь?

РАМИРЕЦЪ.

То, что мнѣ такъ угодно.

ДЕЛФИТО.

Грубіянъ! ты не знаешь, съ кѣмъ ты говоришь.

РАМИРЕЦЪ.

Ежели ты думаешь, что зрѣніемъ однимъ тебя не распознаешь, то я постараюсь узнать тебя осязаніемъ (даетъ ему пощочину). Прощай знатной вельможа Делфито! вотъ тебѣ знакъ моего почтенія (уходитъ).

ДЕЛФИТО.

Марья! ужъ не ударилъ ли онъ меня въ щоку?

МАРЬЯ.

И сударь! какъ онъ смѣетъ это сдѣлать?

ДЕЛФИТО.

Онъ выходя сказалъ, что онъ очень много меня почитаетъ. Слышала ты?

МАРЬЯ.

И видѣла и слышала отмѣнное его къ вамъ уваженье.

ДЕЛФИТО.

Видишь ли ты, Бурлеско, и не тебѣ чета люди меня почитаютъ, а ты, невѣжа, такіе грубіянскіе сдѣлалъ мнѣ стихи.

БУРЛЕСКО.

Не знаю, кто болѣе изъ насъ невѣжа.

ДЕЛФИТО.

О, конечно ты, ты ни слова и по Французски не знаешь. Ну что это такое: же сви гранъ пуръ ла меритъ?

БУРЛЕСКО.

Какъ не знать! это то, что ты глупъ какъ бурой меринъ.

ДЕЛФИТО.

Дуракъ ты, я тебя тростью!

БУРЛЕСКО.

Сунся-ка Галанецъ, я тебѣ полуфранцузскія-то ребра перещупаю; да и чѣмъ ты чванишься? вит ты и самъ по Французски-та ничего не знаешь.

ДЕЛФИТО (Бурлеску).

А вотъ это что. (Шуту). Слушай шутъ!

ШУТЪ.

Изволь.

ДЕЛФИТО.

Монъ фреръ регарде а презанъ.

ШУТЪ.

Меня зовутъ не Фролъ Гардѣевъ, а требизону твоего я не боюся.

ДЕЛФИТО.

Прости же, Марья! (Уходитъ).

Явленіе XV.

МАРЬЯ, ШУТЪ и БУРЛЕСКО.

ШУТЪ.

Такъ и бояра-та, Марьюшка, иногда дерутся.

МАРЬЯ.

Да вить и они такіе же, какъ и мы, люди.

ШУТЪ.

Ну! какъ онъ его грянулъ, индо по всей комнатѣ раздалось.

БУРЛЕСКО.

Этакихъ невѣжъ, каковъ Делфито, вездѣ бить надобно; да полно и то не помогаетъ: бранятъ его, а онъ говоритъ, что ему льстятъ; бьютъ его, а онъ говоритъ, что почтеніе ему оказываютъ: то-то милой человѣкъ.

Явленiе VI.

ПРЕЖНIЕ и ДОНЪ-ПЕДРО.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Поди, Марья, и приведи сюда Адель, мы точчасъ поѣдемъ въ деревню (Марья уходитъ). А ты (говоритъ шуту) поди вонъ (шутъ уходитъ). Ну, Бурлеско, все идетъ по нашему. Я отвезъ къ Герцогу Дель-Прато десятъ тысячъ червонныхъ и сдѣлалъ себѣ его другомъ. Теперь твое дѣло, готовы ли у тебя доносщики и лжесвидѣтели?

БУРЛЕСКО.

Все готово.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Подите же скорѣе къ Герцогу и учините на Дона-Жуана доносъ.

БУРЛЕСКО.

Слышу! (Уходитъ).
(Входятъ Адель въ дорожномъ платьѣ, и за ней Марья несетъ коробку. Донъ-Педро беретъ Адель за руку).

ДОНЪ-ПЕДРО.

Пойдемъ поскорѣе; мнѣ къ обѣду надобно быть опять въ городѣ. (Всѣ уходятъ).

Конецъ перваго дѣйствiя.

ДѢЙСТВIЕ ВТОРОЕ.

Явленiе I.

(Театръ представляетъ улицу въ городѣ Барцелонѣ).

ГОНЗАЛЕЦЪ и ДОНЪ-ЖУАНЪ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

И такъ ты совсѣмъ рѣшился, другъ мой, увезти сего дня прекрасную Адель?

ГОНЗАЛЕЦЪ.

У меня все уже къ тому изготовлено, и я увѣренъ въ покровительствѣ Герцога Дель-Прато, которой обнадежилъ меня своею помощiю.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Желаю успѣха въ твоемъ предпрiятiи: Адель прекрасная и разумная дѣвица, и ты вѣрно ею будешь щастливъ, токмо будущiй тесть твой, между нами будь сказано, не заслуживаетъ имѣть такого, какъ ты, зятя.

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Къ сожалѣнiю моему, я знаю всѣ его дѣла; однако сiе не воспрепятствуетъ мнѣ почитать въ немъ отца Аделина, хотя внутренно не могу одобрить его поведенiя.

Явленiе II.

ТѢЖЕ и РАМИРЕЦЪ.

РАМИРЕЦЪ

(кланяется Донъ-Жуану, и подойдя говоритъ Гонзалецу).

Сдѣлайте мнѣ одолженiе, рекомендовать меня Донъ-Жуану.

ГОНЗАЛЕЦЪ

(подводитъ его къ Донъ-Жуану).

Это мой прiятель Рамирецъ, котораго я имѣю честь рекомендовать вамъ.

РАМИРЕЦЪ.

Я, милостивой государь, уже давно искалъ случая быть вамъ представленъ, и не могу довольно изобразить истиннаго моего къ вамъ высокопочитанiя; я увѣряю васъ, что главнымъ всегда будетъ моимъ старанiемъ заслужить вашу благосклонность.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вы много чести дѣлаете: я съ моей стороны радъ, что сдѣлалъ ваше знакомство.

РАМИРЕЦЪ.

Городъ нашъ щастливъ, что вашихъ достоинствъ мужъ избралъ его своимъ пребыванiемъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я имѣю здѣсь по близости свои деревни, въ коихъ большую часть времени препроводить намѣренъ; довольно въ вѣкъ мой участвуя въ суетахъ большаго свѣта, хочу остатокъ моей жизни препроводить въ уединенiи.

РАМИРЕЦЪ.

Мнѣ сказывали, что Король едва могъ согласиться на ваше отдаленiе.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Правда, я не могу довольно возблагодарить за отмѣнныя его ко мнѣ милости. Но на все бываетъ время, время служить отечеству и Государю, время стараться и о своей душѣ.

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Вы такъ исполняли долгъ вашъ къ отечеству, что самымъ тѣмъ и о душѣ своей наилучшія употребили попеченія.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Признаюсь вамъ чистосердечно, что здѣшніе начальники, Донъ-Педро ди-Лаго, Донъ-Жуанъ де-Симонетъ—и наконецъ Донъ-Педро Прокодуранте, составя тріумвиратъ, такія на небо вопіющія дѣлаютъ несправедливости, что честному человѣку нѣтъ возможности тамъ жить, гдѣ они владычествуютъ.

РАМИРЕЦЪ.

Вы, сударь, хотя недавно здѣсь, однако совершенно ихъ узнали.

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Извините меня, милостивые государи, что я для крайней надобности принужденъ на нѣкоторое время васъ оставить. (Откланившись уходитъ).

Явленіе III.

ДОНЪ-ЖУАНЪ и РАМИРЕЦЪ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что касается до Донъ-Педра Прокодуранте, я уже давно его знаю, и хотя онъ здѣсь и оказываетъ мнѣ наивозможную ласку и учтивость, но я вижу сквозь его лицемѣріе, что онъ горитъ ко мнѣ ненавистью и мщеніемъ, хотя я во всю мою жизнь не токмо его не обидѣлъ, но еще избавилъ его отъ бѣды.

РАМИРЕЦЪ.

Смѣю ли спросить: какимъ образомъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Разскажу вамъ охотно: отцу моему за мореходныя его службы пожалованы деревни. Будучи въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, большую часть оныхъ продалъ я этому честному человѣку Дону-Педру Прокодуранте, оставя себѣ одну токмо маленькую деревеньку. Но Прокодуранте, въ отсутствіе мое и оною завладѣвъ, продалъ ее какъ будто ему принадлежащую.

РАМИРЕЦЪ.

За этакія дѣла награждаютъ висѣлицею.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Хотя бы это было и справедливо, однако же я его до того не довелъ, а токмо по возвращеніи моемъ, узнавъ его плутовство, принудилъ его деревню мою выкупить и возвратить мнѣ. Въ этомъ случаѣ оказалъ онъ всю подлость своей души, и произвелъ во мнѣ неописанное къ нему презрѣніе. Страшась, дабы не предалъ я его всей строгости законовъ, извинялся и, на колѣняхъ стоя, просилъ у меня прощенія. Сколько я его ни называлъ плутомъ, бездѣльникомъ, воромъ, онъ все то принималъ съ благодарностію, лишь о томъ всеуниженно просилъ, чтобы я его не доводилъ до висѣлицы.

РАМИРЕЦЪ.

Онъ этого только и опасается; чести же своей ему беречи нечего, ибо всему государству извѣстно, что онъ, мошенникъ. Прекрасную было онъ сыгралъ піэсу съ старшимъ своимъ братомъ. Надобно вамъ доложить, братъ его подверженъ гипохондріи, котораго онъ заманя къ себѣ, разными наибезчестнѣйшими хитростями, чуть не сшелъ съ ума, стараяся завладѣть его имѣніемъ. Взялъ съ него вексель, и не знаю, какъ-то уже наконецъ удалось этому бѣдняжкѣ изъ когтей его вырваться.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Къ прочимъ своимъ неистовымъ порокамъ Донъ-Педро Прокодуранте присоединяетъ еще ложь и лицемѣріе въ вышнемъ градусѣ. Онъ во всю свою жизнь двухъ словъ правды не говаривалъ. Первая его ухватка, чтобы обольстить, обмануть, и надѣлавъ тьму обѣщаній, ничего не исполнить. Я уже не говорю о томъ, какъ онъ исполняетъ должность Директора Королевскихъ доходовъ. Это превосходитъ всякую вѣроятность. Онъ ввѣренную ему власть употребляетъ токмо на всякія мошенничества; и какъ скоро есть случай притѣснить кого, или ограбить, никогда его не пропускаетъ.

РАМИРЕЦЪ.

Все это совершенная правда: но то мнѣ кажется всего страннѣе, что не взирая на очевидное

его мошенничество и омерзѣніе къ нему всѣхъ честныхъ людей, Донъ-Педро Прокодуранте и до сего времени все еще умѣетъ поддержать на плутовствѣ основанное свое счастіе. Онъ богатъ, знатенъ, чиновенъ, жизнь ведетъ по крайней мѣрѣ по наружности въ веселіи и удовольствіи. Проворенъ вкрадываться въ милость знатныхъ бояръ, а особливо тѣхъ, которые корыстолюбивы. И хотя лицемѣрной его видъ токмо совершенно незнакомыхъ ему людей обманываетъ, и всѣ знаютъ, что онъ плутъ и мошенникъ: однако вездѣ онъ и въ знатнѣйшіе домы принятъ. Зови его плутомъ, злодѣемъ, воромъ, мздоимцомъ, грабителемъ; всѣ въ томъ согласны, и не токмо никто изъ его знакомыхъ, но и самъ онъ тому не попротивурѣчитъ. Со всѣмъ тѣмъ, какъ скоро курносая его харя куда покажется, съ радостію его принимаютъ, осыпаютъ учтивостями, съ снисхожденіемъ слушаютъ его подлыя шутки, смѣются его замысловатымъ словамъ; кажется, что уже о скверной его душѣ тутъ никто болѣе и не помнитъ, и естьли надобно дойти до чего чрезъ происки, чинъ ли получить или тяжбу выиграть, передъ наичестнѣйшимъ человѣкомъ беретъ онъ преимущество.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Таковы люди нынѣшняго вѣка, мой другъ! Они не смѣютъ возстать явно противъ порока и не имѣютъ довольной твердости души, чтобы презирать открытымъ образомъ такихъ людей, каковъ есть Донъ-Педро Прокодуранте, хотя такіе изверги и суть враги всего рода человѣческаго, и ихъ наподобіе змѣй истреблять должно. Въ то время, какъ участь его была въ моихъ рукахъ, и я ему простилъ, надѣялся я, что онъ научась симъ несчастнымъ случаемъ исправится; но вижу, что надежда моя была тщетная.

РАМИРЕЦЪ.

Онъ, сударь, превосходитъ всѣхъ разбойниковъ на свѣтѣ, и тѣ между собою наблюдаютъ вѣрность, а Донъ-Педро Прокодуранте обманываетъ и своихъ сообщниковъ. Ди-Лаго, де-Симонетъ и онъ положили вмѣстѣ довольно знатную сумму денегъ, дабы употребя оную кстати, утвердить за собою награбленное имѣніе и достать сильное покровительство. Какъ Прокодуранте всѣхъ ихъ пронырливѣе, то ему препоручена сія коммисія, и онъ всякой годъ ѣздитъ въ столицу. Но между тѣмъ, какъ сообщники его въ твердой на разумъ и проворство его были надеждѣ, употребилъ онъ всѣ деньги отъ своего лица, а о нихъ не учинилъ ни малѣйшаго упоминовенія. Съ того времени каждой изъ нихъ старается сыскать себѣ особливую подпору. Главная ихъ хитрость состоитъ въ томъ, что они притворяются разорившимися и занимаютъ нарочно деньги, чтобы всѣ думали, что они въ долгахъ. Но истина ихъ изобличаетъ и поведеніе ихъ тому противорѣчитъ. Ди-Лаго вошелъ въ великіе откупы и подряды, и тѣмъ показываетъ, что у него денегъ много. Симонетъ построилъ великолѣпнѣйшую церковь и украсилъ ее наибогатѣйшею утваріею. Прокодуранте строитъ въ маленькомъ своемъ селѣ огромныя палаты, и сказываютъ за вѣроятное, что Симонетова церковь и Прокодурантовъ домъ стоитъ каждому изъ нихъ болѣе ста тысячъ червонныхъ; а мнѣ кажутся сіи ихъ зданія вывѣсками хорошаго ихъ поведенія. Недавно одинъ знатной и весьма умной человѣкъ, проѣзжая мимо Прокодурантова села, и видя съ удивленіемъ столь не къ мѣсту построенныя огромныя палаты, сказалъ: не знаю разобрать, палаты ли въ селѣ, или село въ палатахъ. Прокодуранте также построилъ на счотъ казенныхъ крестьянъ и ихъ трудами прекрасную мельницу; одинъ только въ ней недостатокъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А какой?

РАМИРЕЦЪ.

То, что она за неимѣніемъ воды совсѣмъ не мелитъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

За то господинъ ея языкомъ своимъ молоть мастеръ.

ЯВЛЕНІЕ. IV.

ТѢЖЕ и БУРЛЕСКО (стоитъ одаль и говоритъ самъ съ собою).

Нѣтъ, господинъ Донъ-Педро Прокодуранте, такъ ты меня не обманешь, вмѣсто настоящихъ, далъ мнѣ всѣ фальшивые червонцы. Да правду сказать, какъ я одумался, такъ и увидѣлъ, въ какую было онъ меня завелъ пропасть беззаконія; это дьяволъ, сатана, а не человѣкъ: но я заглажу мой проступокъ. (Подходитъ къ Донъ-Жуану). Доз-

вольте мнѣ, милостивой государь, поговорить съ вами наединѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Кажется, это не нужно; я съ вами никакихъ досекретовъ не имѣю.

БУРЛЕСКО.

Что я вамъ намѣренъ сказать, очень важно и до васъ собственно касается.

РАМИРЕЦЪ.

Я удаляюсь въ надеждѣ, милостивой государь, имѣть вскорѣ опять честь васъ видѣть.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я всегда радъ вашему сообществу. (Рамирецъ уходитъ).

Явленіе V.

БУРЛЕСКО и ДОНЪ ЖУАНЪ.

БУРЛЕСКО.

Милостивой государь! Простите меня великодушно, что я по наущенію Дона Педро Прокодуранте вошелъ было въ великое противу васъ преступленіе.

ДОНЪ-ЖУАНЪ (съ удивленіемъ).

Какъ это, мой другъ?

БУРЛЕСКО.

Прокодуранте старался меня подкупить, чтобы я донесъ на васъ Герцогу въ измѣнѣ противу Короля; но совѣсть столь много меня мучила, я столь много ужасался сей мысли, что вооружаюсь злодѣйствомъ противъ честнѣйшаго въ Королевствѣ человѣка, что побѣждаемъ раскаяніемъ, рѣшился вамъ все открыть.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Это знакъ, что ты не похожъ на Прокодуранте.

БУРЛЕСКО (вынимаетъ и подаетъ ему бумаги).

Вотъ, милостивой государь, подложныя будто отъ васъ къ непріятелямъ Королевскимъ писанныя письма, которыя Донъ Педро Прокодуранте вручилъ мнѣ, для подтвержденія на васъ доноса къ Герцогу Дель-Прато.

ДОНЪ ЖУАНЪ (беретъ ихъ и разсматриваетъ).

Совсѣмъ не похоже на мою руку. (Бурлеску). Ежели ты хочешь не токмо загладить свой проступокъ и отдать справедливость честному человѣку, но и наивеличайшаго бездѣльника довести къ достойному наказанію, то поди и признайся во всемъ Герцогу Дель-Прато (отдаетъ ему письма).

БУРЛЕСКО.

Я готовъ все сдѣлать, чтобы заслужить ваше о себѣ доброе мнѣніе (уходитъ).

Явленіе VI.

ДОНЪ ЖУАНЪ (одинъ).

Кто бы могъ подозрѣвать человѣческой родъ въ толь мрачномъ злодѣяніи? Я вижу, что Донъ Педро Прокодуранте во всякое наиужаснѣйшее преступленіе съ неистовствомъ несется; и за то, что я его освободилъ, погубить меня хочетъ. (Ходитъ задумавшись). По нещастію въ нынѣшнемъ вѣкѣ много есть людей нохожихъ на Дона-Педро Прокодуранте. Древняя Гишпанская простота и честность постепенно исчезаютъ и даютъ мѣсто французскому развращенію. О скверной и негодной народъ Французской! для чего ты не погибнешь и съ окаянными твоими подражателями.—Но лучше желать, чтобы они исправились.—Да возможно-ль это дѣло? Вѣра поругана, подкопано со всѣхъ сторонъ зданіе добродѣтели; большая часть уже онаго пала, и развалившіеся остатки клонятся къ совершенному разрушенію.

Явленіе VII.

ДОНЪ-ЖУАНЪ и ГОНЗАЛЕЦЪ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что мой другъ? все-ли готово къ твоему предпріятію?

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Я эту минуту ѣду, и коли буду щастливъ, то скоро васъ опять увижу.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Пойдемъ-же напередъ и повидаемся съ Герцогомъ Дель-Прато (входятъ оба въ Герцоговъ домъ).

Явленіе VIII.

(Театръ перемѣняется и представляетъ комнату въ Герцоговомъ домѣ).

Входитъ ДОНЪ-ЖУАНЪ и ГОНЗАЛЕЦЪ.

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Швейцаръ сказалъ, что Герцогъ, запершись въ своемъ кабинетѣ, разговариваетъ съ Бурлескомъ; кажется, нечего-бы ему съ нимъ говорить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

По чему знать? иногда и чрезъ таковыхъ людей важныя открываются дѣла.

Явленіе IX.

ДОНЪ-ЖУАНЪ, ГОНЗАЛЕЦЪ, ДОНЪ-ПЕДРО ПРОКОДУРАНТЕ и ДЕЛФИТО.

ПРОКОДУРАНТЕ (подходитъ къ Донъ-Жуану).

Какъ я радъ, что имѣю случай васъ здѣсь видѣть! Я думаю, что вы увѣрены о совершенной моей къ вамъ преданности. Я былъ бы наинеблагороднѣйшій въ свѣтѣ человѣкъ, ежели бы не помнилъ вашихъ къ себѣ одолженій.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Это правда.

ДОНЪ-ПЕДРО ПРОКОДУРАНТЕ.

Но я могу васъ увѣрить, что вы всегда найдете во мнѣ вѣрнаго себѣ слугу и искренняго друга. (Говоритъ очень скоро). Дай Богъ тебѣ сквозь землю провалиться, ежели я говорю неправду!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вижу ваше чистосердечіе.

ДОНЪ-ПЕДРО ПРОКОДУРАНТЕ.

Я не токмо васъ, но и друзей вашихъ очень много почитаю; вотъ, господинъ Гонзалецъ, ясной тому примѣръ: я бы съ радостію за него отдалъ дочь свою, ибо я вижу всѣ его достоинства, но теща моя, родная Аделина бабка, и слышать того не хочетъ, и принудила меня отказать ему отъ дома; я однако же надѣюсь, г. Гонзалецъ, что не взирая на сіе, мы всегда останемся съ вами друзьями: не правда ли?

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Я никогда не выду изъ должнаго къ вамъ почтенія.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Дозвольте мнѣ, Донъ-Жуанъ, представить вамъ друга моего Делфито.

ДЕЛФИТО.

Рекомендую себя въ ваше знакомство.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Благодарствую; я знаю, сударь, всю цѣну знакомства друзей Донъ-Педро Прокодуранте.

Явленіе X.

ГЕРЦОГЪ ДЕЛЬ-ПРАТО, БУРЛЕСКО и ПРЕЖНІЕ.

ГЕРЦОГЪ ДЕЛЬ-ПРАТО.

Извините меня, милостивые государи, что вы принуждены были здѣсь меня дожидаться. Господинъ Бурлеско о весьма важныхъ дѣлахъ говорилъ со мною.

ДОНЪ-ПЕДРО ПРОКОДУРАНТЕ.

Я думаю, что и я въ подтвержденіе его словъ имѣю также нѣчто сказать Вашей Свѣтлости.

ГЕРЦОГЪ.

Съ удовольствіемъ всегда васъ слушаю (оборачивается къ Гонзалецу). А вы, государь мой, будьте увѣрены, что я всегда готовъ вамъ служить; теперь поспѣшите исполненіемъ того, о чемъ мы съ вами говорили прежде.

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Иду немедленно (откланявшись уходитъ).

ГЕРЦОГЪ.

А вы, Донъ-Жуанъ, сдѣлайте мнѣ одолженіе войдите на нѣсколько минутъ въ мой кабинетъ, куда я вскорѣ къ вамъ приду. (Донъ-Жуанъ входитъ въ кабинетъ).

ДОНЪ-ПЕДРО.

Доносъ, которой вамъ учинилъ Бурлеско, столько же справедливъ, сколько и важенъ; и мы съ господиномъ Делфитомъ готовы присягнуть, что все это справедливо.

ДЕЛФИТО.

Готовъ къ присягѣ.

ГЕРЦОГЪ.

Вижу вашу справедливость, и Бурлеско о томъ совершенно меня увѣрилъ.

БУРЛЕСКО.

Тебѣ, Донъ-Педро, я дружилъ;
Обоимъ вамъ съ Делфитомъ услужилъ.
Ужъ скоро воздана вамъ будетъ и награда;
Отечества вы истинные чада:
Вамъ съ Донъ-Жуановой различна будетъ часть.
(Въ сторону)
Престанете впередъ бездѣльничать и красть.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Ай Бурлеско! то-то другъ! то-то правдивой человѣкъ!

БУРЛЕСКО.

Вы хоть нечаянно, да правду сказали.

ДОНЪ-ПЕДРО (Герцогу).

Теперь осмѣлюсь, Вашей Свѣтлости, принести всенижайшую мою просьбу. Донъ-Жуанъ долженъ мнѣ знатною суммою денегъ; вотъ его и векселя. (Даетъ ему бумаги). И такъ когда онъ за преступленіе свое будетъ осужденъ, то постарайтесь, чтобы имѣніе его мнѣ отдано было. У него около здѣшняго города прекрасныя есть деревни; и какъ скоро я ихъ буду имѣть, то извольте любую у меня купить и за какую вамъ угодно цѣну.

ГЕРЦОГЪ.

Благодарствую, господинъ Прокодуранте; будьте увѣрены, что вы и Донъ-Жуанъ по заслугамъ будете судимы. Хотя я и простой путешественникъ, но будучи близокъ къ Королю, могу его о всемъ увѣдомить.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Мы знаемъ, сколь важно для насъ покровительство Вашей Свѣтлости. А для того, припадая къ стопамъ вашимъ (становится на колѣни), прошу помилованія другу моему Делфиту.

ГЕРЦОГЪ (подымаетъ его).

Въ чемъ ему нужна моя помощь?

ДЕЛФИТО.

Я оклеветанъ правительству, милостивой государь, будто бы я разграбилъ Государевы винные заводы и расхитилъ порученную мнѣ казну.

ГЕРЦОГЪ.

Все это бездѣлица, Прокодурантію и не то съ рукъ сходитъ.

ПРОКОДУРАНТЕ.

Такъ батюшка, Ваша Свѣтлость, подъ вашимъ покровительствомъ будучи я ничего не опасаюсь. Делфито имѣетъ цугъ прекрасныхъ лошадей, осмѣлиться ли ему ихъ подвести вамъ?

ГЕРЦОГЪ.

Для чего нѣтъ. (Прокодуранте и Делфито кланяются). Однако же пора мнѣ съ вами разстаться; впрочемъ будьте увѣрены, что я вамъ слуга. Вы, господинъ Прокодуранте, позовите къ себѣ какъ можно болѣе гостей на вечеринку и на ужинъ: тутъ я приноровлю, чтобы при всѣхъ, и къ вящшему вашему удовольствію, Донъ-Жуанъ претерпѣлъ заслуженную имъ участь. Увѣряю васъ, что мошенникъ будетъ наказанъ; я уже давно зналъ о его плутовствахъ, и по представленію моему надѣюсь получить отъ двора полномочіе къ его наказанію. Что же до васъ касается, господинъ Делфито, то вамъ не болѣе опасаться должно, какъ и Дону-Педро Прокодуранте. Прощайте, государи мои! (Донъ-Педро и Делфито откланявшись уходятъ).

Явленіе XI.

ГЕРЦОГЪ, БУРЛЕСКО, и потомъ ДОНЪ-ЖУАНЪ.

ГЕРЦОГЪ (отворя дверь въ кабинетъ).

Поди сюда, любезной другъ, уже мошенники удалились.

ДОНЪ-ЖУАНЪ (входитъ).

Каковы они вамъ кажутся?

ГЕРЦОГЪ.

Прокодуранте превосходитъ все, что бы сказать про него можно было; а Делфито хотя и не такой великой каналія, какъ Прокодуранте, однако заслуживаетъ висѣлицу. Бурлеско открылъ мнѣ Прокодурантово противъ тебя, мой другъ, канальство; но естьли бы онъ и не признался въ своей погрѣшности и устоялъ въ сдѣланномъ Дону-Педро обѣщаніи, то бы я и тогда ничему не повѣрилъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Вы меня и ихъ знаете.

ГЕРЦОГЪ.

Не могу тебѣ изобразить, съ какою подлостію, лестію и коварствомъ, сего дня поутру подъѣхалъ ко мнѣ Донъ Педро Прокодуранте; и думая, что

онъ меня обольстилъ, былъ столько безсовѣстенъ, что вздумалъ поднести мнѣ десять тысячь червонныхъ. Долго я колебался, и не зналъ что дѣлать; наконецъ взялъ ихъ, чтобы не открыть ему прежде времени жестокое мое къ нему презрѣніе, и чтобы оныя деньги отдать дочери его Аделѣ въ приданое, когда она выйдетъ за Гонзалеца, также какъ и Делфитовыхъ лошадей.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Это прекрасно, изъ наказанія плутовъ выводить награду честному человѣку.

БУРЛЕСКО.

Увѣряю васъ, что потеря денегъ пуще всякаго наказанія будетъ чувствительна Дону Педро Прокодуранте, и естьли бы вы знали, какъ онъ грабитъ купцовъ во время здѣшней большой ярмонки!

ГЕРЦОГЪ.

Разскажи пожалуй, любопытенъ я сего послушать.

БУРЛЕСКО.

Королевскіе доходы съ ярмонки поручено сбирать ему, и тутъ-то Прокодуранте оказываетъ разныя свои проворства. Какъ ярмонка держится на пескахъ на берегу морскомъ, которой иногда поднимается водою, то твердаго зданія для гостиннаго двора сдѣлать не можно, и на случай дѣлаются деревянныя лавки, которыя Прокодуранте, отдавая внаймы купцамъ, въ десятеро болѣе съ нихъ беретъ, нежели въ казну самъ вноситъ. Нѣтъ ни одного купца, который бы остался отъ него неограбленъ; ибо набравъ множество будто бы въ долгъ товаровъ, онъ никогда не платитъ. Бывали и такіе купцы, которые съ нимъ бранивались и въ глаза называли его мошенникомъ, но онъ лишь тому смѣется. Хорошо онъ выдумалъ способъ и мнѣ дѣлать награжденія, безъ убытка себѣ; стоя обыкновенно со мною возлѣ лавки какого либо богатаго купца, и обѣщая мнѣ что дать, вдругъ схватишся въ карманъ, и скажетъ, что кромѣ ассигнацій нѣтъ въ ономъ; потомъ, оборотясь къ купцу, проситъ, чтобы онъ далъ мнѣ нѣсколько червонцевъ, обѣщая черезъ часъ ему оные прислать. Купецъ тотчасъ исполняетъ его волю и отъ Прокодуранте денегъ никогда болѣе не получаетъ.

ГЕРЦОГЪ.

Изрядна и эта картинка, и достойна быть помѣщена въ галлерею изображеній славныхъ дѣяній Дона Педро Прокодуранте. Скажи пожалуй, какъ онъ живетъ съ своей женой?

БУРЛЕСКО.

А вотъ какъ, Ваша Свѣтлость! прошлой разъ былъ онъ одинъ на ярмонкѣ безъ Дорфизы, и хотя бы красота ея и могла его сдѣлать вѣрнымъ, ибо Прокодуранте въ сравненіи съ женою своею не что иное, какъ скверная курносая моська: однако онъ вздумалъ покуртизанить съ находящимися на ярмонкѣ француженками и италіанками, которыя и наградили его изряднымъ подаркомъ, а онъ поднесъ его своей женѣ. Какъ скоро Дорфиза примѣтила, въ какое Донъ-Педро Прокодуранте привелъ ее состояніе, въ бѣшенствѣ бросилась къ нему въ кабинетъ, и не говоря ни слова, вцѣпилась ему въ волосы, сорвала съ него парикъ, и изъ всѣхъ своихъ силъ била и царапала его гнусную рожу. Прокодуранте также сердитъ; вышла у нихъ жестокая баталія — и наконецъ все кончилось тѣмъ, что Дорфизу вылѣчили, а Прокодуранте обѣщался, что впередъ измѣнять ей не будетъ.

ЛАКЕЙ
(входя говоритъ Герцогу).

Курьеръ пріѣхалъ къ Вашей Свѣтлости. (Лакей уходитъ).

ГЕРЦОГЪ.

Извините, что я на нѣсколько времени отъ васъ удалюсь; думаю, что важныя привезены ко мнѣ извѣстія (уходитъ).

Явленіе XII.

ДОНЪ ЖУАНЪ, БУРЛЕСКО и РАМИРЕЦЪ.

РАМИРЕЦЪ (Донъ Жуану).

Я спѣшилъ къ вамъ, милостивой государь, дабы увѣдомить васъ, что нѣкто изъ здѣшнихъ чиновниковъ, старается тайно и наиковарнѣйшимъ образомъ вредить вамъ: прикажите ли мнѣ въ присутствіи Бурлеско говорить откровенно?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ежели это касается до Донъ-Педро Прокодуранте, то уже я все знаю, и Бурлеско, который былъ его въ томъ наперсникомъ, во всемъ мнѣ

открылся. Однако я не менѣе остаюсь обязанъ вамъ за вашу ко мнѣ благосклонность.

РАМИРЕЦЪ.

Очень радуюсь, что все заблаговременно открылось. А Бурлеско поздравляю, что онъ возвращается къ честности.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я васъ прошу, г. Рамирецъ, объ этомъ до времени ни съ кѣмъ не говорить. Донъ-Педро Прокодуранте доносилъ на меня Герцогу Дель-Прато, не знавши, что онъ мнѣ искренній другъ. И такъ нужно все это потаить до совершенной развязки всего этого дѣла.

БУРЛЕСКО.

Какъ же Прокодуранте ошибся? Онъ думалъ, что вы только знакомы Герцогу Дель-Прато; воздержался бы онъ отъ дьявольскихъ своихъ козней, естьлибъ вѣдалъ, что онъ другъ вамъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Мы съ Герцогомъ еще въ малолѣтствѣ соединены наитѣснѣйшимъ дружествомъ; когда еще онъ былъ простымъ дворяниномъ, были съ нимъ въ разныхъ походахъ, и въ послѣднемъ морскомъ сраженіи были вмѣстѣ на томъ кораблѣ, которой взорвало, и гдѣ мы спаслись чудеснымъ образомъ: сіе нещастіе лишило насъ всего нашего имѣнія, и мы доведены были до крайней бѣдности, изъ коей наконецъ Королевскою милостію обогащены и взяты ко двору, дослужились чиновъ, и Дель-Прато за отмѣнныя свои достоинства сдѣланъ Герцогомъ.

РАМИРЕЦЪ.

Во время вашей нужды неужели пріятели не сдѣлали вамъ денежной помощи?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нынѣ, мой другъ, люди одними токмо словами нещастнымъ помогаютъ, осыпаютъ учтивостями, обнимаютъ и увѣряютъ, что готовы намъ служить; а какъ скоро дѣло дойдетъ до денегъ, то все прочь. Во все время моей жизни старался я всѣмъ моимъ знакомымъ всевозможныя оказывать услуги, думая пріобрѣсти тѣмъ друзей; но все то было тщетно: видѣлъ много плутовъ всякаго чина и званія; да и самые тѣ, которые честными людьми слывутъ въ свѣтѣ, какъ далеко еще отстоятъ отъ истинной добродѣтели! Они, плавая въ изобиліи и роскоши, не имѣютъ времени подумать о нещастныхъ, заняты токмо собою, упражняясь въ одномъ веселіи. Они чѣмъ учтивѣе, тѣмъ жестокосердѣе.

РАМИРЕЦЪ.

Стало они таковы, какъ описываетъ пословица, мягко стелютъ, да жестко спать.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Правда. Впрочемъ рѣдко или совсѣмъ не находилъ я сихъ благородныхъ сердецъ, кои бы вспомоществовали другу въ нещастіи; куда ни оглянись, вездѣ господствуютъ пороки: вражда, ненависть, зависть; а корыстолюбіе заразило всѣ сердца; происки, подлость и хитрость составляютъ по большой части всѣ заслуги, а наличныя деньги всѣ достоинства.

РАМИРЕЦЪ.

Мнѣ кажется, милостивой государь, что вы слишкомъ строго о родѣ человѣческомъ судить изволите.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Онъ почти совершенно испортился; я повсюду нахожу дворянъ, лишенныхъ истиннаго чувства сего великаго званія, гражданъ неимѣющихъ никакихъ гражданскихъ добродѣтелей, и коимъ никогда въ голову не приходитъ, что будучи сыны отечества, первымъ предметомъ имѣть долженствуютъ, чтобы оказывать всевозможныя оному услуги, не щадя ни жизни, ни имѣнія; они не чувствуютъ важность сего долга, не человѣками, но Богомъ возложеннаго на насъ, и не знаютъ, что не тотъ великъ, кто огромнымъ родословіемъ хвастается, и имѣя великія вотчины, въ силахъ тысячи учинить нещастныхъ, но тотъ, кто имѣетъ добродѣтельную и великую душу, которой ежели можетъ своему отечеству сдѣлать болѣе добра въ званіи земледѣльца, то не проискиваетъ дороги быть полководцемъ.

РАМИРЕЦЪ.

Къ сожалѣнію, не всѣ такъ, какъ вы, о томъ думаютъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Къ щастію Гишпанія, владѣющій нами Государь совершенно сихъ мыслей, что добродѣтельной и трудолюбивой человѣкъ во всякомъ состояніи благороденъ, а пренебрегающій какое либо званіе

подлъ, низокъ и презрѣнъ; великой нашъ Государь находитъ болѣе удовольствія бесѣдовать съ неустрашимымъ солдатомъ, или съ отличившимся трудолюбіемъ пахаремъ, чѣмъ съ робкимъ Генераломъ или съ лѣнивымъ и несвѣдущимъ Министромъ; а тѣмъ показываетъ, что первые суть истинные друзья его и дѣти, а послѣдніе токмо раби, домогшіеся высокихъ титловъ чрезъ неправильное предстательство; что тѣ полезвы и нужны, а въ сихъ можетъ быть токмо услуги предковъ уважены. Но великой нашъ Монархъ, сколь много ни старается о благополучіи государства, и вся Европа прославляетъ его премудрость и человѣколюбіе: но всего самъ обозрѣть не можетъ; онъ ввѣряетъ свою власть людямъ, кои ее во зло употребляютъ; напримѣръ: Донъ-Педро Прокодуранте не былъ бы никогда Директоромъ Государевыхъ доходовъ, ежели бы извѣстны были Государю все его качества. Тьма есть такихъ людей, въ коихъ по наружности легко ошибиться можно; наполнены разумомъ, талантами, являютъ съ тончайшею хитростію во всѣхъ словахъ своихъ отмѣнное въ службѣ Государственной усердіе, а внутренно коварное и злое скрывая сердце и скверную душу, совершенно токмо собою занимаются, а не государствомъ; мыслятъ ежечасно о постыдной своей корысти, и никогда о подаваніи помощи угнетенному человѣчеству. Донъ Педро Прокодуранте и ему подобные думаютъ, что ихъ богатство, или яснѣе сказать, собранныя въ кладовую слезы, стонъ и отчаяніе соотчичей, можетъ ихъ защищать отъ достойнаго наказанія: но они сильно ошибаются. Ежели великой и правосудной Монархъ нашъ узнаетъ о ихъ поведеніи, не оставитъ дѣла ихъ безъ достойнаго наказанія.

РАМИРЕЦЪ.

Все здѣшнее намѣстничество чистосердечно того желаетъ. Впрочемъ дозвольте мнѣ, милостивой государь, доложить собственное мое примѣчаніе. Всему злу не столько мошенники виновны, какъ честные люди, которые терпятъ ихъ въ своемъ обществѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вы правду говорите; естьли-бы такого человѣка, каковъ есть Донъ-Педро Прокодуранте, по достоинству его ни въ одинъ честной домъ не пускали: то другіе, опасаясь сего-же, отъ плутовства бы своего воздерживались. Я недавно слышалъ сожалѣнія достойное разсужденіе одного впрочемъ очень порядочнаго человѣка; онъ говорилъ, что де мнѣ за нужда, что Донъ-Педро Прокодуранте воръ и мошенникъ? Я къ нему ѣзжу для того, что онъ живетъ роскошно и великолѣпно. Я знаю, что все, что ни вижу у него, есть грабленое; но сіе вить не портитъ вкуса нѣжныхъ на столѣ его ѣствъ и драгоцѣнныхъ винъ, коими онъ насъ потчиваетъ. Въ домѣ его находятся всѣ удовольствія веселья, и я, ими наслаждаясь, презираю искренно хозяина; бывая же часто у него, принужденъ я иногда его и къ себѣ принимать. Какое легкомысленное разсужденіе, ведущее ко всякому развращенію! Да развѣ соучаствовать въ грабленомъ похвально? Тотъ, кто раздѣляетъ грабежъ, достоинъ самъ назваться воромъ и грабителемъ. Честному человѣку совѣстно принять такую вещь, которая украдена. Но вить Прокодуранте представляетъ гостямъ своимъ краденыя ѣствы и напитки; ибо на краденыя деньги куплены: то не стыдно-ль отъ извѣстнаго мошенника принимать краденое и питаться чрезъ то кровью бѣдныхъ ограбленныхъ имъ людей? Признаюсь тебѣ, я не могу имѣть хорошаго мнѣнія ὁ тѣхъ, которые съ Дономъ-Педро Прокодуранте обходятся по пріятельски.

БУРЛЕСКО.

Но и всѣ ѣздящіе въ домъ его внутренно его презираютъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

То-то и есть непростительная подлость духа. Притворство всегда порочно, и честной человѣкъ долженъ о томъ стараться, чтобы всѣ его слова и всѣ взгляды согласны были съ сердцемъ. Сіе къ сожалѣнію моему открываетъ великое въ общежитіи развращеніе, произведенное роскошью и сластолюбіемъ. Всѣ къ тому стремятся, всю цѣль своихъ желаній въ томъ полагаютъ, чтобъ плавать въ нѣгѣ и забавахъ, окружену быть великолѣпіемъ. Все сіе доставляютъ деньги; ихъ-то всѣ наперерывъ и пріобрѣсти желаютъ, не заботясь о томъ, какими способами; видятъ, что даже и Дона-Педро Прокодуранте ради его богатства и роскоши, всѣ уважаютъ: а изъ сего заключаютъ, что нѣтъ нужды въ честности, нѣтъ нужды въ добродѣтели, чтобы доставить уваженіе, лишь надобно быть богату; деньги нынѣ владычествуютъ надъ большею частію

человѣческаго рода: онѣ застилаютъ знатнымъ людямъ уши, и не допускаютъ до слуха ихъ стенанія нещастныхъ—страждущихъ подъ игомъ несправедливости; они жесточатъ сердце ихъ и пріучаютъ глаза ихъ смотрѣть безъ сострада́нія и безъ жалости на горесть и отчаяніе вдовъ и сиротъ; они поощряютъ на всѣ неистовыя злодѣянія.

БУРЛЕСКО.

Какъ это справедливо! и вотъ что послужить еще можетъ въ подтвержденіе словъ вашихъ! Донъ-Педро Прокодуранте и другъ его Делфито нѣкогда попались на дорогѣ на разбойниковъ, но разбойники скрылись, а они, схвативъ людей невинныхъ, въ противность законовъ, человѣколюбивымъ нынѣшнимъ нашимъ Государемъ утвержденныхъ, пытали ихъ и терзали тирански, и нѣкоторыхъ замучили до смерти. Помѣщикъ сихъ нещастныхъ вступился за своихъ подданныхъ; увидѣлъ Делфито, что дѣло худо, и давъ сему корыстолюбивому помѣщику нѣсколько тысячъ червонныхъ, заставилъ его молчать.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Съ обѣихъ сторонъ вижу тутъ скверное скаредство и подлое канальство: одни неистово тиранствуютъ, а другой продалъ за деньги кровь невинную и тѣмъ оказалъ себя негоднѣйшимъ мерзавцемъ.

РАМИРЕЦЪ.

Скажу вамъ, какъ и со мною въ одномъ случаѣ поступилъ Донъ-Педро Прокодуранте. Я имѣлъ нужду перевести на важное дѣло въ Мадритъ нѣсколько тысячъ червонцевъ. Просилъ о томъ Дона-Педро, который взялъ у меня деньги и при мнѣ написалъ къ Корреспонденту своему письмо, что оныя деньги мои, и чтобы на мою нужду употреблены были; но какъ сталъ печатать письмо, то непримѣтнымъ образомъ вложилъ цидулочку, чтобы оныя деньги употреблены были на его надобности, и такъ меня мошеннически обворовалъ. Я скоро послѣ объ этомъ свѣдалъ, но не даю знать о томъ Дону-Педро, дожидаясь способнаго времени.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Правда, что повсюду токмо и видны бездѣльники и подлецы.

РАМИРЕЦЪ.

Есть, милостивой государь, и такіе люди, которые не участвуя въ происходящихъ безпорядкахъ, живутъ въ уединеніи; сихъ по крайней мѣрѣ къ честнымъ людямъ причесть можно.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сумнительно, много нынѣ молодыхъ людей въ отставкѣ, которые провождаютъ безполезно жизнь свою и суть пагубные обществу члены. Они для того токмо удаляются отъ корыстныхъ званій въ гражданствѣ, что ненавидятъ трудъ и преданы праздности, а отнюдь не изъ чести и добродѣтели; они, убѣгая стараній и трудовъ, хотя съ перваго взгляда и не столь вредны кажутся обществу, какъ корыстолюбивые мздоимцы: однако болѣе ускоряютъ общественную пагубу; ибо любящій праздность есть-ли не дѣлаетъ ближнему зла, то не по любви къ нему онаго не дѣлаетъ, но или боясь самъ мщенія, или ненавидя тщательности и заботы къ достиженію злой своей цѣли.

РАМИРЕЦЪ.

Я слыхалъ, сударь, отъ многихъ молодыхъ людей, что для того они не идутъ въ гражданскую службу, что оная загружена людьми недостойными, вышедшими въ чины изъ подьячихъ, которые перемѣня званіе все еще сохранили склонности, означающія подлое ихъ происхожденіе.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Для того-то честнымъ-то и благороднымъ людямъ и должно бы итти въ нее, дабы вытѣснить негодяевъ, или по крайней мѣрѣ прекратить злоупотребленіе, которое они изъ лучшихъ въ свѣтѣ законовъ дѣлаютъ. Но положимъ, что въ гражданскую службу не хотятъ: для чего же не идутъ въ военную? Но и тутъ ревность ихъ исчезаетъ; а все отъ нѣги и малодушія: развѣ не видѣлъ ты, какъ молодые люди, домогшись права геройски украшаться, не для безопасности отечества и ближнихъ, но ради благороднаго и величественнаго токмо вида, при открытіи войны и при звукѣ военной трубы, возвѣщающей брань со врагомъ отечества и призывающей вооруженнаго гражданина защищать оное, оставляютъ службу и благоденствіе всего государства мѣняютъ на нѣжныя объятія своихъ супругъ, не разсудя, что ежели бы всѣ

сыны отечества послѣдовали ихъ лѣности и малодушію, то предметъ нѣжной ихъ любви былъ бы при глазахъ ихъ поруганъ и растерзанъ, и они сами ввергнулися бы въ объятія тяжкихъ желѣзъ.

РАМИРЕЦЪ.

У насъ такъ много воиновъ, что и въ самой важной войнѣ всѣмъ имъ дѣлать нечего. Въ прошедшую войну, когда истиннымъ благородствомъ дышущіе герои отражали усильствія двухъ враждебныхъ и сильныхъ державъ, были такіе юноши, которые хотя и въ арміяхъ счислялись, но большую часть времени находясь въ отпуску, жили покойно въ домахъ своихъ, и въ то время, какъ храбрые ихъ товарищи проливали за отечество кровь свою, они гуляли въ рощахъ; при звучномъ рогѣ сопутствуемы псами гоняли робкихъ звѣрей, всегда однако же всѣми способами домогаясь носить тѣ же знаки отличія, которыми израненая геройская грудь должна лишь украшаться.

Явленіе XIII.

ТѢЖЕ и ГЕРЦОГЪ.

ГЕРЦОГЪ (Рамирецу).

Радуюсь очень, что васъ вижу; я сію минуту получилъ извѣстіе, что чинъ, которой вы искали, вамъ данъ: поздравляю васъ!

РАМИРЕЦЪ.

Всепокорнѣйше благодарствую.

ГЕРЦОГЪ (Бурлеску).

Вы теперь можете итти, дабы повидаться съ Доноиъ-Педро, и прошу васъ не давать ему чувствовать о томъ, что происходитъ. (Бурлеско откланявшись уходитъ).

ГЕРЦОГЪ.

Извините, государи мои, что я нѣсколько замѣшкался; дозвольте мнѣ спросить: о чемъ были ваши разговоры?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О томъ, что множество молодыхъ людей безполезно въ отставкѣ жизнь свою провождаютъ, которые по миролюбивой своей душѣ не любятъ воинскаго званія, а по благородству происхожденія гнушаются низкими степенями гражданской службы, и полагаяся на храбрость воиновъ и правосудіе судей, дремлютъ на мягкомъ одрѣ праздности; пользуясь стяжаніемъ своихъ предковъ, пріобрѣтеннымъ въ потѣ и трудахъ, обращаются токмо во всѣхъ возможныхъ вымыслу ихъ увеселеніяхъ. Кто бы сказалъ, видя великое множество молодыхъ людей, занимающихся токмо балами и маскерадами, что въ сіе самое время имѣли мы двѣ важныя войны?

ГЕРЦОГЪ.

Это-то и есть слѣдствіе премудраго правленія, которое блаженство наше утверждаетъ на непоколебимыхъ основаніяхъ. А отъ того происходитъ, что внутренняго нашего спокойствія никакія враждебныя усильствія завистливыхъ сосѣдей нарушить не могутъ; мы и среди войны наслаждаемся всѣми выгодами мира, тишины и спокойствія.

РАМИРЕЦЪ.

Точно такъ, Ваша Свѣтлость.

ГЕРЦОГЪ.

Впрочемъ и я согласенъ, что то очень вредно, когда множество молодыхъ людей, отставкѣ, остаются безполезны отечеству. Знаете ли, Донъ-Жуанъ, что бы я съ ними сдѣлалъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Всего бы лучше насильно принудить ихъ къ службѣ!

ГЕРЦОГЪ.

Таковаго средства нынѣшнее кроткое и милосердное правленіе никогда употребить не захочетъ; а кажется мнѣ, что лучше увѣщаніемъ побудить ихъ къ оному. Я бы, собравъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, сказалъ имъ: «Юные сыны «отечества! возбудитесь отъ тяжкаго сна праздно«сти, и свергните оковы сластолюбія, кое держитъ «васъ въ поносномъ рабствѣ; уподобитесь предкамъ «вашимъ, которые столь великое множество слав«ныхъ совершили подвиговъ; и хотя имѣли менѣе «насъ способовъ, но предпринимали и благополучно «къ концу приводили такія дѣла, коихъ единое «воображеніе васъ нынѣ устрашаетъ. Слава и лю«бовь къ отечеству были для нихъ двѣ непобѣди«мыя подпоры въ наивеличайшихъ бѣдствіяхъ и «опасностяхъ, помогающія имъ къ преобоExternal «всѣхъ препятствій; они побѣждали самое время, «и до послѣдней капли крови и до совершеннаго

«истощенія силъ своихъ отечеству служить не преставали. Но нынѣ, любезные соотчичи, являете «ли вы такую ревность къ службѣ? Я вижу многихъ изъ васъ, отъ природы одаренныхъ остротою разума, добротою сердца, великодушіемъ и «храбростію, стяжавшихъ подъ благословенною державою великаго нашего Монарха блистательныя «качества, провождающихъ жизнь свою безъ пользы «отечеству; вижу, что младые юноши оставляютъ «службу, едва вступая въ оную; умерщвляютъ свою «славу, кою бы пріобрѣли непремѣнно, и лишаютъ «отечество своихъ полезныхъ ему услугъ. Воззрите! «воззрите на великаго и премудраго Государя нашего! всякая минута драгоцѣнной его жизни занимается безпрестаннымъ попеченіемъ о вашемъ «блаженствѣ: въ наивеличайшихъ трудахъ неутомимъ, непреоборимыя по видимому препятствія «побѣждаетъ своимъ великодушіемъ. Господь благословилъ тьмочисленные его подвиги наиблистательнымъ успѣхомъ; слава его мещетъ лучи во всѣ «концы вселенныя. Вспомните, или спросите у «помнящихъ, что было отечество наше при возвышеніи его на престолъ, и что оно есть нынѣ? «Нельзя не возчувствовать наиревностнѣйшаго «благоговѣнія къ Виновнику толикихъ благъ! Но «за толикія благодѣянія чѣмъ оказать нашу благодарность? Жертвою жизни нашей, посвященіемъ «всѣхъ нашихъ силъ на службу Монарху и отечеству. Любезные сограждане! оставьте нѣгу и роскошь, бѣгите, праздности, источника всѣхъ золъ, «и благодарностію къ великому Монарху оживотворя сердце наше, и возжегши охладѣвать начинающуюся ревность, спѣшите вступить въ разные «подвиги, ведущіе къ славѣ. Армія, флотъ, Министерство, судилища, равными могутъ къ тому «служить стезями; вездѣ вы можете пріобрѣсть «благоволеніе Монарха, столь щедрою рукою заслуги награждающаго, и снискать почтеніе и уваженіе отъ согражданъ своихъ, даже и отъ позднѣйшаго потомства; имена ваши вѣчно жить въ исторіи будутъ, ежели вы тѣми же добродѣтелями «ознаменуетесь, чрезъ кои имена предковъ вашихъ «въ оной сдѣлались извѣстны».

(Къ Донъ-Жуану).

Я знаю Гишпанцовъ, и думаю, Донъ-Жуанъ, что таковая рѣчь произвела бы надъ ними чрезвычайное дѣйствіе.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Можетъ быть.

ГЕРЦОГЪ (Рамирецу).

Покорно васъ прошу ѣхать въ правленіе и объявить тамъ о Королевской къ вамъ милости, что и я подтвердить не замедлю.

РАМИРЕЦЪ.

Съ поспѣшностью исполню волю вашу. (Откланявшись уходитъ).

Явленіе XIV.

ГЕРЦОГЪ и ДОНЪ-ЖУАНЪ.

ГЕРЦОГЪ.

Наконецъ правосудіе восторжествуетъ, и Донъ-Педро Прокодуранте съ сообщниками своими достойную пріимутъ местъ за всѣ ихъ злодѣянія. Съ пріѣхавшимъ курьеромъ получилъ я отъ двора повелѣніе, что сюда назначенъ новой Генералъ-Губернаторъ, котораго сего же для велѣно мнѣ провозгласить; но ты вѣрно не отгадаешь, кто это такой?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

По чему мнѣ отгадать?

ГЕРЦОГЪ.

Ну такъ я тебѣ скажу: это ты, любезной другъ! Твои заслуги сею довѣренностію отъ Короля награждаются.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я ее не употреблю во зло; однако пора бы мнѣ уже успокоиться отъ дѣлъ.

ГЕРЦОГЪ.

По крайней мѣрѣ тому порадуешься, что тебѣ же дано полномочіе и наказать здѣшнихъ мошенниковъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слава Богу! чрезъ казнь ихъ отмстится человѣчество; сіи изверги не допускали до народа блистающіе отъ престола лучи милосердія, и тѣмъ производили ропотъ.

ГЕРЦОГЪ.

Не можно вообразить, какое множество плутовства, мошенничества, хитрости, обмановъ и наглаго грабительства надѣлалъ Донъ-Педро Прокодуранте по своей должности!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Жаль, что сіи плуты такъ хитро грабительства свои производятъ въ дѣйство, что нѣтъ почти способа изобличить ихъ законнымъ порядкомъ и письменными свидѣтельствами.

ГЕРЦОГЪ.

На все это я имѣю письменнныя, очевидныя и неоспоримыя доказательства, которыя мною были представлены ко двору; и по онымь то великой нашъ Государь, видя неистовое грабительство и вопіющія на небо несправедливости сихъ грабителей, рѣшился ихъ наказать и чрезъ то избавить лучшее свое намѣстничество отъ притѣсненія: а зная твою честность и справедливость, поручилъ оное тебѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

И такъ мнѣ нужно видѣть всѣ сіи записки.

ГЕРЦОГЪ.

Пойдемъ, любезной другъ, я тебѣ покажу всѣ ихъ. (Уходятъ).

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

(Театръ представляетъ комнату въ домѣ Дона-Педро Прокодуранте).

ДОРФИЗА

(одна, смотритъ на часы).

Ужъ первый часъ, а еще никто не бывалъ изъ гостей.—Какъ скучно быть одной!—(Смотрится въ зеркало). Эдакая красота создана не для уединенія, а для того, чтобы имѣть около себя тьму обожателей.—Правду сказать, у меня въ нихъ нѣтъ недостатка. Да гдѣжъ Рамирецъ? гдѣ Мондоръ? они страстно въ меня влюблены, и не спѣшатъ сюда.—Я удивляюсь дѣйствію моихъ прелестей! рѣдкаго вижу мущину, которой бы въ меня не влюбился, и я любаго могу выбрать себѣ въ фаворита. Добродѣтель, добродѣтель!... Правда, я старалась ее сохранять; но что мнѣ дѣлать, когда мужъ мой принуждаетъ меня, чтобъ я привлекла къ себѣ любовниковъ. «Ты-де ими играй, дурачь и дѣлай изъ нихъ шутовъ». Онъ хочетъ всѣмъ свѣтомъ шутить. Какая шутка отваживать молодость и красоту на нѣжныя слабости и не опасаться искушенія! Чего не дѣлаетъ привычка и ласковое обхожденіе? Щедро онъ цѣнитъ себя, будто въ замѣну его не сыскать уже не кого. Ужъ дѣтина! одно имя, Донъ-Педро Прокодуранте, отвратительно. Харя представляетъ его смѣшнымъ чучеломъ; умъ плутовской, ухватки подлыя, душа вѣтреная, а сердце какъ постоялой дворъ; какъ его сравнить со мною? Я передъ нимъ Королева, онъ передо мною, какъ самой послѣдній извощикъ. Да вить онъ и самъ признается, что фамилія его въ Герольдіи въ родословную дворянскую книгу не вписана.—

Явленіе II.

ДОРФИЗА и РАМИРЕЦЪ.

РАМИРЕЦЪ.

Какъ я щастливъ, прекрасная Дорфиза, что могу съ вами безъ свидѣтелей изъясниться! Такъ рѣдко можно васъ найти одное, что я не хочу упустить сего случая; вы знаете жестокость ощущаемой мною къ вамъ страсти; я васъ обожаю, вы одни составляете всѣ мои желанія; имѣлъ я щастіе отъ васъ слышать, что я вамъ не противенъ: однако же вы такъ немилосердны, что не хотите увѣнчать моего пламени (беретъ ея руку и съ восхищеніемъ цѣлуетъ). Ахъ Дорфиза! кабы вы знали, какъ мучусь я, видя толпу моихъ соперниковъ и ваше къ нимъ снисхожденіе!

ДОРФИЗА.

Они не дожны ни мало васъ тревожить; вы знаете, что я къ одному вамъ ощущаю склонность, прочимъ же одно токмо учтивство оказываю. Могу ли я имъ запретить, чтобы они въ меня не влюблялись? Вить не выколоть же имъ глаза—я не могу взашей выгнать ихъ изъ дома; они пріятели мужа моего.

РАМИРЕЦЪ.

Однако же они вездѣ отзываются, что для васъ токмо въ домъ вашъ ѣздятъ.

ДОРФИЗА.

Вольно имъ.

РАМИРЕЦЪ.

И въ самомъ дѣлѣ то такъ; извини меня, милая Дорфиза, что я чистосердечно скажу, что естьли бы не вы, то бы къ Дону Педро никто въ домъ не поѣхалъ; какъ щастіе играетъ всѣмъ, что ни

есть на свѣтѣ? и видалъ ли кто ни есть столь неравную чету, какъ вы и супругъ вашъ; вы заключаете въ себѣ всѣ прелести, всѣ достоинства; онъ всѣ пороки, всѣ недостатки. Вы имѣете двойную причину презирать его; онъ не чувствуетъ вашихъ достоинствъ и имѣетъ довольное число любовницъ, которыхъ держитъ на подворьѣ.

ДОРФИЗА (вспыльчиво).

Что вы говорите, и можетъ ли это статься?

РАМИРЕЦЪ.

Всѣмъ, что ни есть свято, клянусь вамъ, клянусь вамъ любовію, которую къ вамъ имѣю, что это совершенная правда, и естьли бы вы видѣли тѣхъ скверныхъ женщинъ, на коихъ негодяй сей мѣняетъ обожанія достойную Дорфизу.—

ДОРФИЗА.

Злодѣй! вѣроломство его не оставлю безъ мщенія.

РАМИРЕЦЪ.

Вы можете и ему отмстить и наградить пламень вѣрнаго любовника.

ДОРФИЗА.

Ежели вы вечеромъ придете нынѣ въ темную въ саду нашемъ бесѣдку, то я буду имѣть время о семъ подробнѣе поговорить съ вами.

РАМИРЕЦЪ (съ восхищеніемъ обнявъ ее цѣлуетъ).

Какъ я счастливъ!

ДОРФИЗА.

Сс-с-с—тише; кто-то идетъ.

Явленіе III.

ПРЕЖНІЕ и ШУТЪ.

ШУТЪ.

Ай барыня! ужъ ты никакъ съ нимъ цѣлуешься!

ДОРФИЗА.

Никакъ ты, муракъ, бѣлены объѣлся!

РАМИРЕЦЪ.

Какая у тебя, Иванушка, дурная шляпа, пора бы уже купить новую.

ШУТЪ.

Да вить мнѣ ничево въ рядахъ-то безъ денегъ не даютъ, не такъ, какъ нашему барину, онъ такъ все беретъ даромъ.

РАМИРЕЦЪ (вынимаетъ деньги и даетъ).

Вотъ тебѣ, другъ мой, купи себѣ шляпу.

ШУТЪ.

Спасибо тебѣ, баринъ; какой же ты доброй! ты похожъ на нашу барыню; такой же хорошенькой; а баринъ-атъ нашъ такой черной, такой дурной, и какъ сядетъ возлѣ барыни-то, такъ точно, какъ будто чортъ возлѣ Ангела.

РАМИРЕЦЪ.

Такъ ты думаешь, Иванушка, что лучше бы Дорфизѣ быть за мною, чѣмъ за Донъ-Педро Прокодуранте?

ШУТЪ.

И вѣдомо такъ; ты же даешь деньги, а баринъ-атъ намеднясь меня прибилъ.

РАМИРЕЦЪ.

За что же онъ такъ грубо съ тобою поступилъ?

ШУТЪ.

Послалъ со мною деньги на подворье, и сказалъ мнѣ: слушай Иванъ! отнеси эти деньги и эту цидулку, къ госпожѣ, которая живетъ тамъ. Слышу, сударь, сказалъ я, и побѣжалъ какъ можно скорѣе. А дорогой-то захотѣлось мнѣ яблокъ, черносливу, миндалю, пряниковъ; я взялъ одну серебряную денежку, да и купилъ всего этого: то-то вдоволь наѣлся! Я думалъ, по чему этой барынѣ узнать; вить никто не видалъ, что я сдѣлалъ; но она видно колдунья проклятая; лишь прочитала цидулку, то и узнала все, и спросила меня, куда я дѣвалъ полтину. И отъ нее я принесъ къ барину бумажку, такъ и онъ видно чародѣй, и онъ все узналъ; да и ну меня по щекамъ, и за волосы (дѣлаетъ примѣръ какъ его били) и приговаривалъ: не крадь полтины, не крадь полтины.

РАМИРЕЦЪ.

Жаль мнѣ тебя.

ШУТЪ.

Да развѣ это ворство, баринъ, когда чужое что возмешь?

ДОРФИЗА.

Конечно.

ШУТЪ.

Ну такъ и Донъ-Педро-то и самъ воръ; онъ ежедневно все беретъ чужія деньги.

ДОРФИЗА.

Да какова же эта барыня-та, что живетъ на подворьѣ?

ШУТЪ.

Такая дурная. А баринъ-атъ намеднясь ой говорилъ, что любитъ ее лучше тебя; видно она его околдовала.

РАМИРЕЦЪ.

Вотъ, сударыня, подтвержденіе моихъ словъ.

ДОРФИЗА.

Я ужъ рѣшилась отмстить этому негодяю.

ШУТЪ.

Какой же нынѣ поутру принесли къ барину большой мѣшокъ денегъ! и тутъ мнѣ не далъ ни полушки.

РАМИРЕЦЪ.

Да ктожъ это принесъ?

ШУТЪ.

Старичокъ изъ дворцовыхъ крестьянъ, да такой сердечной мой, скорбной, тихой, борода-та у него вся сѣдая, и на головѣ-то у него ни одного волоска нѣту; онъ, стоя въ передней, воздыхалъ и взглядывалъ часто на небо, и на глазахъ-та навертывались у него слезы—видно онъ полоумной.

РАМИРЕЦЪ.

Чтожъ далѣе?

ШУТЪ.

Камердинеръ бариновъ пришелъ, да какъ толкнетъ его, индо старинушка чуть съ ногъ не свалился; что ты, закричалъ онъ на него, безъ спросу входишь въ переднюю? развѣ не можно тебѣ въ подъѣздѣ дожидаться? Старичокъ насилу опамятовался, и вынувъ изъ за пазухи серебряную копѣйку, далъ камердинеру и просилъ, чтобы доложить о немъ барину. Тогда впустили его къ барину въ кабинетъ. Мнѣ такъ на этого старинушку жалко стало, что и я заплакалъ, и подошелъ къ дверямъ, смотрѣлъ въ замочную щелку, и видѣлъ и слышалъ все, что старичокъ съ бариномъ говорили.

РАМИРЕЦЪ.

Разскажи пожалуй, Иванушка, что между ими происходило?

ШУТЪ.

Изволь баринъ. Нашь-атъ сидѣлъ въ креслахъ, а старичокъ вошедши упалъ ему въ ноги и стоялъ на колѣняхъ; тутъ я подумалъ, вѣрно баринъ даетъ ему милостыню; я бы такъ и послѣднюю ему копѣйку отдалъ. Милостивой государь! говорилъ старичокъ, сжальтесь надъ дряхлымъ девяностолѣтнимъ старикомъ, умилосердитесь! Тутъ онъ залился слезами, и долго не могъ выговорить; — баринъ посмотрѣлъ на него сердито и сказалъ: говори поскорѣе.—Будь намъ отецъ родной! сказалъ тогда старичокъ. Уже пятнадцать лѣтъ, какъ сынъ мой взятъ въ солдаты, которой токмо и былъ одинъ у меня; я тогда хотя слабыми руками, но еще въ состояніи былъ самъ работать; безъ роптанія пожертвовалъ я сыномъ моимъ отечеству, и слышалъ потомъ, что онъ храбро сражаясь положилъ животъ свой за Государя и за вѣру православную—порадовался я его участи, и думаю, что онъ за то въ царствѣ небесномъ со Ангелами ликуетъ.—Баринъ прервалъ грозно: ну такъ чего ты хочешь? вить мнѣ его воскресить не можно. — Не того я отъ тебя требую, говорилъ старичокъ; оставшагося послѣ его малолѣтняго сына, а моего внука воспиталъ я, претерпѣвая бѣдность и всякую нужду; теперь онъ достигъ совершенныхъ лѣтъ, женатъ и имѣетъ дѣтей. Трудами своими питаетъ онъ меня и хворую мать свою, но твоимъ повелѣніемъ, государь, велѣно и его взять въ солдаты: умилосердись, государь, и не дай намъ умереть съ горести, не дай осиротѣть бѣднымъ младенцамъ, заставь за себя вѣчно Богу молить. Посланной твой велѣлъ, чтобы я тебѣ принесъ седмь сотъ рублей, ежели хочу внука своего избавить отъ солдатства. Продали мы, государь, все свое имущество, лошадей, скотину, платье и даже всю пахатную сбрую, и не могли болѣе пяти сотъ рублей выручить. Тутъ старичокъ вынулъ кошелекъ и подавалъ барину: возьми ихъ, говорилъ, это не деньги, а кровь наша.—Баринъ взялъ кошелекъ и закричалъ на старика, непремѣнно сего же дня сыщи остальные двѣсти рублей и принеси ко мнѣ, а то тотчасъ внука твоего отправлю въ походъ. Сколько старикъ ни плакалъ, сколько ни просилъ, однако Донъ Педро

Прокодуранте, ставъ, вытолкнулъ его изъ кнбинета, а я спрятался за дверь. Тутъ старичокъ поднялъ руки къ небу и залился слезами, ноги подъ нимъ затряслись, и онъ бы упалъ, ежели бы я, подскочивъ, не поддержалъ его.

РАМИРЕЦЪ.

Доброе ты дѣло сдѣлалъ, Иванушка.

ШУТЪ.

Я очень жалостливъ; взявъ его подъ руки, вывелъ я его на улицу, а шли не зная сами куда; бѣдной старичокъ почти былъ безъ памяти. Тутъ попался намъ Донъ Жуанъ и спрашивалъ старичка: о чемъ онъ такъ сокрушается? Даромъ что Донъ Жуанъ такой свирѣпой; въ сію минуту лицо его совсѣмъ измѣнилось, вмѣсто строгости, начерталось на немъ соболѣзнованіе, и изъ глазъ его капали слезы какъ горошины. Онъ услышавъ отъ старика о всемъ подробно, вынулъ двѣсти рублей, далъ ему и тотчасъ отъ насъ удалился.

РАМИРЕЦЪ.

Это онъ, это точно Донъ Жуанъ! добродѣтельной человѣкъ!

ШУТЪ.

Старичокъ былъ внѣ себя, и вскричалъ: возможно ли, чтобы были такіе еще люди на свѣтѣ? Нѣтъ это не человѣкъ, это Ангелъ Божій, посланной на избавленіе страждущей невинности. Воротились мы къ барину. Но онъ, увидя старичка, закричалъ съ превеликимъ сердцемъ: за чѣмъ ты, старой чортъ, воротился? вить ужъ я тебѣ сказалъ, что безъ денегъ ничего не сдѣлаю.—Я ихъ принесъ къ вамъ, милостивой государь, сказалъ онъ, подавая ему деньги. Баринъ деньги взялъ, а ему далъ бумагу; и какъ старичокъ вышелъ, то Донъ-Педро, ударивъ кулакомъ по стулу, сказалъ: муракъ я, видно этотъ старикъ богатъ; жаль, что я тысячи рублей съ него не взялъ. Потомъ разсыпалъ серебряныя деньги по столу и золотыя, которыя Донъ-Жуанъ старичку пожаловалъ, долго ими любовался.—Тогда я взошелъ въ кабинетъ, и баринъ сказалъ: видишь ли, дуракъ, сколько у меня денегъ? Однако мнѣ ничего не пожаловалъ.

РАМИРЕЦЪ.

Ты, Иванушка, очень примѣтливъ.

ШУТЪ.

О! я много знаю про нашего барина этакихъ исторій; намеднясь онъ научалъ какого-то начальника дворцовыхъ крестьянъ подать на сосѣдственнаго имъ помѣщика исковую просьбу; и сколько начальникъ ни представлялъ, что таковая просьба будетъ несправедлива, однако же онъ его къ тому принудилъ, и въ продолженіи тяжбы крестьянъ сихъ кругомъ обобралъ.

ДОРФИЗА.

А знаешь ли ты пословицу: будь привѣтливъ, да не будь извѣтливъ.

ШУТЪ.

Не бойся, барыня, я про тебя не скажу ни слова никому.

Явленіе IV.

ПРЕЖНІЕ, ДОНЪ-ПЕДРО, ДЕЛФИТО и МОНДОРЪ.

ДОРФИЗА.

Поди-ка сюда, Донъ-Педро, еще мнѣ надобно съ тобою изъясниться.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Что тебѣ сдѣлалось, Дорфиза, что ты такъ сердито смотришь? Опомнись пожалуй.

ДОРФИЗА.

Опомнись лучше ты, вѣроломной; я всѣ твои безпутныя шашни знаю; уже много я тебѣ спускала, но ты, не глядя ни на что, задумалъ держать подворье.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Такъ объ этомъ-то ты разворчалась, есть объ чемъ, лучше бы тебѣ молчать, вить и я тебѣ спускаю много; дай же мнѣ ручку (подходитъ къ ней).

ДОРФИЗА

(даетъ ему пощечину).

Врешь, каналья! (Бросается на Дона-Педро, вцѣпляется ему въ волосы; онъ защищается, и происходитъ сильная драка. Делфито стоитъ одаль и смотритъ съ удивленіемъ; Рамирецъ и Мондоръ, стараясь будто разнять, даютъ изрядные тузы Дону-Педро, который съ Дорфизою перебраниваются).

ДОНЪ-ПЕДРО.

Да вы, братцы, меня бьете.

ДОРФИЗА (запыхавшись садится въ кресло и плачетъ).

Вотъ какимъ муженькомъ надѣлило меня небо! Но я не хочу жить долѣе съ тобою вмѣстѣ, негодной скверна̀вецъ! Развѣ давно это было, что ты какихъ бѣдъ надѣлалъ на ярмонкѣ, да и опять бестія за то же принимаешься!

ДОНЪ-ПЕДРО (поправляетъ парикъ).

Какъ эта адская фурія все лицо мнѣ изцарапала!

ДОРФИЗА.

Жаль, что тебѣ глазъ не выдрала.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Слушай, Дорфиза! сего дня я весь почти городъ звалъ на вечеринку къ себѣ и на ужинъ: то надобно ихъ хорошенько угостить; и такъ хотя на нынѣшній день успокойся, а завтра какъ хочешь.

ДОРФИЗА.

Чортъ тебя возьми и со всѣмъ городомъ! (Вскочивъ уходитъ).

Явленіе V.

ТѢЖЕ, КРОМѢ ДОРФИЗЫ.

ДОНЪ-ПЕДРО (Рамирецу).

Сдѣлайте мнѣ милость, уговорите, господинъ Рамирецъ ее, чтобы она болѣе не вздорила.

РАМИРЕЦЪ.

Очень охотно. (Уходитъ туда же, куда Дорфиза).

ШУТЪ (въ сторону).

Пустилъ козла въ огородъ. (Въ слухъ). Баринъ! у тебя изъ носу-то кровь течетъ: не подать ли тебѣ умыться?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Я самъ пойду въ кабинетъ и оправлюсь; покорнѣйше прошу, милостивой государь, здѣсь меня подождать (уходитъ).

Явленіе VI.

ДЕЛФИТО, МОНДОРЪ и ШУТЪ.

ДЕЛФИТО (шуту).

Подай мнѣ кресла (садится въ кресла и вынувъ бумагу читаетъ).

МОНДОРЪ (возлѣ самаго оркестра).

Не видывалъ никогда эдакаго гордаго животнаго!

ШУТЪ.

Правда; то-то молодецъ, онъ голову держитъ всегда къ верху, какъ баринова манежная лошадь.

МОНДОРЪ.

У него шея такъ затвердѣла, что онъ потерялъ совсѣмъ привычку кланяться.

ДЕЛФИТО.

Что вы тамъ говорите?

ШУТЪ.

Господинъ Мондоръ васъ хвалитъ.

ДЕЛФИТО.

Вѣрю, Мондоръ не дуракъ и знаетъ, къ кому должно имѣть уваженіе (качается въ креслахъ).

ШУТЪ.

Не упади, баринъ!

Явленіе VII.

ТѢЖЕ и РАМИРЕЦЪ (подходитъ тихонько сзади къ Делфитовымъ кресламъ и роняетъ его съ креслами на полъ, а самъ уходитъ за кулисы).

ДЕЛФИТО (встаетъ).

Фу пропасть какая!

ШУТЪ.

Вить я говорилъ, что упадешь.

РАМИРЕЦЪ (входитъ).

Не ушиблись вы, господинъ Делфито? я очень о томъ жалѣю.

ДЕЛФИТО.

Я не имѣю нужды въ вашемъ сожалѣніи.

РАМИРЕЦЪ

Однако же имѣли нужду въ моей помощи.

ДЕЛФИТО.

Какъ!

РАМИРЕЦЪ.

Да естьли бы не я, такъ вы бы не упали.

ДЕЛФИТО.

Такъ развѣ ты меня уронилъ?

РАМИРЕЦЪ.

Я. —

ДЕЛФИТО.

Шутишь, ты этого не посмѣешь сдѣлать.

РАМИРЕЦЪ.

Точно правда, ссылаюсь на сихъ господъ.

МОНДОРЪ

Точно онъ васъ уронилъ.

ДЕЛФИТО.

А коли такъ, то я съ тобою перевѣдаюсь (кладетъ руку на шпагу). Слушай: шутя ли ты это сдѣлалъ, или заправду?

РАМИРЕЦЪ (также кладетъ руку на шпагу).

И въ правду всеконечно!

ДЕЛФИТО.

А и вправду — щастливъ же ты, что это сдѣлалъ и вправду, а то бы я не стерпѣлъ глупой шутки.

МОНДОРЪ.

Гдѣ стерпѣть эдакому храброму человѣку.

РАМИРЕЦЪ (щелкаетъ Делфито по носу).

Вотъ это такъ въ шутку.

ДЕЛФИТО.

Какой же ты забавникъ! право, я этого и не думалъ отъ тебя; я, братъ, радъ снести всякую пріятельскую шутку.

ШУТЪ.

Это видно, что вы по пріятельски поступаете.

МОНДОРЪ.

Дозвольте же и мнѣ оказать вамъ знакъ моей пріязни (толкаетъ Делфито ногою въ задницу).

Явленіе VIII.

ТѢЖЕ и ПРОКОДУРАНТЕ.

ПРОКОДУРАНТЕ.

Что это ты, Делфито, въ такомъ смущеніи?

ДЕЛФИТО.

Да вотъ съ молодежью-то разыгрался; кажется бы и не подъ лѣты, однако я люблю молодыхъ людей; я съ молоду и самъ былъ великой проказникъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Знаю, а особливо помнишь, какъ ты лазилъ въ чужой садъ красть яблоки, и какъ садовникъ тебя затравилъ дворною собакою.

ШУТЪ (Делфито).

Такъ не съ этого ли времени сдѣлались вы псовымъ охотникомъ?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Я былъ тогда постарѣе Делфито, и такъ на другой день подкравшись, застрѣлилъ ему собаку изъ ружья.

РАМИРЕЦЪ.

Я слышалъ, что вы мастерски изъ ружья стрѣляете.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Да вотъ каково, что будучи еще лѣтъ двадцати въ городѣ Бургѣ въ Кастеллійской провинціи, стрѣлялъ я около собора на лету ласточекъ. Прелатъ за то чрезвычайно на меня осердился, говоря, будто я перекололъ въ соборѣ образа; но я ему въ насмѣшку подстрѣлилъ его дьячка бекасинною дробью, и все благополучно мнѣ съ рукъ сошло.

Явленіе IX.

ТѢЖЕ и ДОРФИЗА (въ большомъ нарядѣ).

ДОРФИЗА (Дону-Педро).

По просьбѣ господина Рамиреца я готова забыть несносной вашъ со мною поступокъ; только обѣщайте, что у васъ впередъ подворья не будетъ, и дайте мнѣ пять тысячъ червонныхъ на наряды.

ПРОКОДУРАНТЕ.

Съ ума ты сошла! гдѣ мнѣ взять столько денегъ?

ДОРФИЗА.

А не-то я васъ оставлю и всѣ дѣла твои выведу наружу.

ПРОКОДУРАНТЕ (испугавшись).

Я, душа моя, тотчасъ въ угодность твою подворье уничтожу, а на наряды тебѣ довольно бу-

деть и двухъ тысячъ, ты и безъ дальнихъ нарядовъ прекрасна.

ДОРФИЗА.

Не убавлю ничего, давай всѣ пять тысячъ. (Тихо ему). Вить ты утрешнему-то старику ничего не сбавилъ.

ПРОКОДУРАНТЕ.

Что дѣлать, быть такъ, изволь.

ДОРФИЗА.

Ну такъ помиримся (даеть ему руку и потомъ поцѣловались).

Явленіе X.

ПРЕЖНІЕ, ЛУЦИЛЛА и БУРЛЕСКО.

ЛУЦИЛЛА (кланяется всѣмъ и подходитъ къ Дорфизѣ, цѣлуется съ нею).

Все ли въ добромъ здоровьѣ, сударыня?

ДОРФИЗА.

Все славу Богу: радуюсь очень, что имѣю удовольствіе васъ видѣть.

ПРОКОДУРАНТЕ.

Стульевъ! (Лакей приноситъ стульевъ). Милости прошу садиться. (Всѣ садятся).

ДОРФИЗА (Луциллѣ).

Вы довольно позамѣшкались въ деревнѣ. Правда, нынѣшнее весеннее время нигдѣ съ такимъ удовольствіемъ провести не можно; въ городѣ всѣ одинакіе представляются предметы, куча камней, нечистыя улицы и парами наполненный воздухъ; а тамъ вся природа возобновляется; чистота воздуха, пріятное зрѣлище нѣжной зелени, травы и листьемъ покрывающихся деревьевъ; гулянье по лугамъ, благовонными цвѣтами испещреннымъ, или по рощамъ, коихъ прохладная тѣнь отъ солнечнаго зноя скрываетъ.

ЛУЦИЛЛА.

Это правда, сударыня, нынѣшнее время очень пріятно въ деревнѣ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Я съ моей стороны очень люблю деревню, и почитаю то не послѣднею непріятностію моей должности, что по большей части принужденъ жить въ городѣ; будучи человѣкъ небогатый, я токмо проживаюсь, и долговъ на мнѣ великое множество.

РАМИРЕЦЪ.

Есть такіе злые люди, которые говорятъ, что вы не проживаетесь, а наживаетесь.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Клевета безстыдная, да откуда наживаться? Можетъ быть судятъ по тому, что я строю домъ въ деревнѣ; да вить я это все дѣлаю въ долгъ по маленьку, и на всѣ мои строенія болѣе двухъ тысячъ червонныхъ въ годъ не выдетъ. Признаться, разсуждая о всѣхъ силъ несправедливыхъ слухахъ, должность моя чрезвычайно мнѣ опостылѣла. Уже много разъ просился я и въ отставку, но меня не отпускаютъ.

ДОРФИЗА (Луциллѣ).

Правда ли это, сударыня, что говорятъ про господина Поркера?

ЛУЦИЛЛА.

Точно правда; онъ женился на своей родственницѣ, которая еще при томъ отъ живаго мужа за него вышла; мужъ ея недавно возвратился изъ столицы, и зачалась между ними важная тяжба; не знаю, чѣмъ это все кончится.

ДОРФИЗА.

Желаю, чтобы кончилось въ пользу господина Поркера; онъ человѣкъ любезный и разумной.

ДОНЪ-ПЕДРО (подходя къ дверямъ).

Подайте столъ и карты! (Лакей приноситъ столъ и карты; Дорфиза разбираетъ ихъ и подаетъ по карточкѣ Луциллѣ, Рамирецу и Мондору, и сама съ нимъ садится играть; въ глубинѣ театра происходитъ между ими разговоръ, свойственной вистовой игрѣ).

БУРЛЕСКО.

Пожалуйте сюда, Донъ Педро! (Отводитъ его на край театра).

ДОНЪ-ПЕДРО.

Ну! все ли идетъ по нашему?

БУРЛЕСКО.

Желанья всѣ твои ужъ скоро совершатся,
И люди добрые всѣ здѣсь возвеселятся:
Узнавъ, что по дѣламъ ты будешь награжденъ;

Тобою Донъ-Жуанъ на вѣки униженъ.
Его и твоя честь вездѣ извѣстны будутъ,
И поздные о томъ потомки не забудутъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Оставь стихи, говори пожалуй прозой!

БУРЛЕСКО.

Извините, я въ восхищенiи отъ радости о наступающемъ вашемъ благополучiи.

ДЕЛФИТО.

Обо мнѣ не было ли слова?

БУРЛЕСКО.

Герцогъ и васъ и дона-Педро отмѣнно полюбилъ, а особливо какъ привели къ нему вашихъ лошадей, и сегоднешнiй вечеръ откроетъ вамъ, сколько много онъ о щастiи вашемъ старается; нечего болѣе и говорить (подходитъ къ карточному столу и становится за Дорфизой).

ДОНЪ-ПЕДРО (Делфиту).

Одолжи меня, любезной Делфито, съѣзди послѣ обѣда въ мою ближнюю деревню отъ города, и посмотри, что дѣлаетъ Адель; мнѣ самому ѣхать не можно; ты знаешь, о какомъ множествѣ изъ твоихъ и моихъ дѣлъ я доженъ стараться.

ДЕЛФИТО.

Извольте, я съѣзжу (входитъ дворецкой и докладываетъ, что поставлено кушать).

ДОНЪ-ПЕДРО.

Милости прошу за столъ! (Всѣ встаютъ, Рамирецъ ведетъ Дорфизу, Мондоръ Луциллу, и всѣ уходятъ).

ДѢЙСТВIЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Театръ представляетъ деревню, съ одной стороны господской домъ, съ другой деревья и роща вдали).

Явленiе I.

ГОНЗАЛЕЦЪ и ПЕДРИЛЛО (входятъ).

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Наконецъ, любезной Педрилло, все уже приготовлено ко исполненiю нашего предпрiятiя, священникъ въ ближнемъ селѣ ожидаетъ токмо нашего прибытiя съ Аделью, чтобы увѣнчать любовь нашу вѣчнымъ союзомъ: какъ я буду щастливъ! понимаешь ли ты все мое благополучiе?

ПЕДРИЛЛО.

Да развѣ я влюбленъ, сударь?

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Ты не можешь себѣ вообразить, сколь много Адель любви достойна (смотритъ пристально на балконъ). Спрячемся скорѣе (прячутся за деревья)

Явленiе II.

АДЕЛЬ, МАРЬЯ и МАМА (выходятъ на балконъ).

АДЕЛЬ.

Дай мнѣ хоть на минуту постоять на балконѣ и попользоваться свѣжимъ воздухомъ.

МАМА (говоритъ пришепетываючи).

Что за охота тебѣ, барышня, въ эдакой жаръ выходить изъ комнатъ? теперь самые полдни. Да и батюшка не приказалъ тебя никуда выпускать и держать въ заперти, а болѣе всего приказалъ присматривать за Марьей.

ГОНЗАЛЕЦЪ (въ сторону).

Что я слышу!

МАМА.

Пойдемъ, пойдемъ, сударыня, нечего здѣсь дѣлать (вводитъ Адель въ комнату и запираетъ за собою двери).

Явленiе III.

ГОНЗАЛЕЦЪ и ПЕДРИЛЛО (выходятъ изъ за деревьевъ).

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Боже мой! какое нечаянное препятствiе. Слышно, что-то говорятъ, пойдемъ послушаемъ (подходятъ къ балкону).

МАМИНЪ голосъ внутри.

Теперь слава Богу вездѣ крѣпко заперто. Я пойду, да немножко засну.

АДЕЛИНЪ голосъ.

Поди, мамушка, успокойся.

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Старая хрычовка видно провалилась! ахъ Педрилло! что мнѣ дѣлать? По крайней мѣрѣ надобно дать знать Аделѣ, что я здѣсь. Запою что нибудь и заиграю на гитарѣ (беретъ гитару и строитъ).

Голосъ АДЕЛИ внутри.

Кто-то гитару строитъ; конечно это Гонзалецъ.

ГОНЗАЛЕЦЪ (поетъ и играетъ на гитарѣ).

Sur fair fandis que taut fommeille.
Какъ сердце мое таетъ
От страстныя любви!
Питая жаръ въ крови,
Какъ духъ во мнѣ страдаетъ.
Ты знаешь то:
Меня ничто
Толико не плѣняетъ,
Какъ разумъ твой, душа твоя.
Но сколь люта судьба моя!
Надежду давъ,
Потомъ отнявъ,
Всего меня лишаетъ.

* * *

Открыть сколь ни желаю
Тебѣ судьбу—мою,
Но то, что я пою,
Услышишь ли, не знаю.
Тебя любить,
И вѣчно быть
Хочу тебѣ подвластенъ.
Колико бы счастливъ былъ я,
Коль тыбъ на вѣкъ была моя.
Тебя любя,
Какъ самъ себя,
Былъ вѣчно бъ тобой страстенъ.

* * *

Голосъ АДЕЛИ внутри.

Это Гонзалецъ это онъ (поетъ).
Я пѣснь твою внимаю,
Спѣшу ей отвѣчать.
Могуль то умолчать,
Что въ сердцѣ ощущаю?
Я безъ тебя
Сама себя
И свѣтъ весь ненавижу.
Но какъ неволи избѣжать,
И какъ съ тобою убѣжать?
Спастися какъ?
Ктому никакъ
Я способа не вижу.

(Говоритъ съ торопливостью). Бѣгите! Старуха идетъ. (Гонзалецъ и Педрилло прячутся; дверь дома отворяется и выходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

СТАРУХА, МАМА и МАРЬЯ.

МАРЬЯ.

Что ты, матушка, такъ мало почивала?

МАМА.

Чего, мой свѣтъ, лишь стала засыпать, анъ въ саду кукушка закуковала; а вить это не бываетъ къ добру; передъ кончиной покойнаго мужа моего, дай Богъ ему царство небесное, кукушка-та цѣлые три дни безпрестанно куковала, и я тогда же увидѣла, что ему навѣрно умереть. Да и покойникъ-атъ самъ, какъ скоро ее услышалъ, то и послалъ за попомъ. Боюсь, чтобъ и мнѣ сего дня не умереть, да и прошедшей ночью возлѣ самаго моего окошка воронъ каркалъ. Какъ этого не бояться, Марьюшка, свѣтъ мой! что нибудь будетъ дурное. Пойдемъ-ка оглядимъ кругомъ, все ли крѣпко вездѣ заперто? Вить баринъ велѣлъ какъ глазу своего беречь барышню, а проклятая кукушка съ ума нейдетъ; охти мнѣ! какъ будто бы морозъ по кожѣ подираетъ.

МАРЬЯ (въ сторону).

Прекрасная мысль пришла мнѣ въ голову (въ слухъ). Да чего же, бабушка, опасаетесь? здѣсь есть славной ворожея, которой все отворожить можетъ.

МАМА.

Такъ, Марьюшка; да вить они проклятыя много берутъ денегъ.

МАРЬЯ.

Это совсѣмъ не таковъ, онъ ворожитъ токмо изъ славы, и не токмо денегъ не беретъ, но и самъ бѣдныхъ людей ссужаетъ; онъ великой волшебникъ и изъ свинцу умѣетъ злато дѣлать.

МАМА.

Ахъ Марьюшка, другъ мой! что ты это говоришь? Естьли бы онъ былъ тотчасъ здѣсь, онъ

бы тотчасъ увидѣлъ мою бѣдность и нужду, вотъ вить и внучку сватаютъ, а приданое еще не собрано.

МАРЬЯ.

Ежели вамъ надобно, то я могу его позвать.

МАМА.

Одолжи въ жизни, а я пойду къ барышнѣ (уходитъ въ домъ).

Явленіе V.

ГОНЗАЛЕЦЪ, ПЕДРИЛЛО и МАРЬЯ.

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Я едва отъ смѣха могъ воздержаться, любезная Марья, видя, какъ ты провела эту скаредную старуху! Да кого же ты изъ насъ намѣрена пожаловать въ волшебники?

МАРЬЯ.

Пусть Педрилло нарядится колдуномъ, но всего нужнѣе дать старухѣ денегъ. Весь домъ Дона-Педро Прокодуранте па деньгахъ съ ума сходитъ.

ГОНЗАЛЕЦЪ (Педриллу).

Вотъ тебѣ мой кошелекъ; поди же и нарядись страннымъ образомъ, и приходи сюда скорѣе. (Педрилло уходитъ). Я думаю, любезная Марья, дать этой старухѣ усыпляющій порошокъ; пусть ее спитъ, лишь бы намъ не мѣшала.

МАРЬЯ.

Это очень хорошо.

ГОНЗАЛЕЦЪ (смотритъ въ лѣсъ и говоритъ съ торопливостію).

Пропали мы, Марья, вонъ Делфито сюда ѣдетъ.

МАРЬЯ.

Ахъ! что дѣлать, вся хитрость наша безуспѣшна.

Явленіе. VI.

ПРЕЖНІЕ и ДЕЛФИТО.

ДЕЛФИТО.

А! а! такъ ты здѣсь господинъ подлипало? Экъ куда залетѣлъ, но я тебѣ подрѣжу крылья-та— люди, сюда-сюда—

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Любезной Делфито! не погуби меня, не противься моимъ намѣреніямъ.

ДЕЛФИТО.

Иванъ — Андрей—Илья—Фадей — всѣ сюда, сюда, хватай, вяжи его!

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Такъ видно не такъ съ тобой поступать должно? (Бросается на Делфито, и схвативъ кидаетъ на землю и вынувъ шпагу держитъ надъ его грудью). Лишь пикни, такъ заколю тебя.

ДЕЛФИТО.

Помилуй!

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Не станешь ли кликать людей?

ДЕЛФИТО.

Да вить со мной ни одного человѣка нѣтъ: я пріѣхалъ одинъ верхомъ изъ города, а кричалъ для того, чтобы тебя испугать и прогнать отсюда.

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Ты думалъ, что я такой же трусъ, какъ ты (поднимаетъ его). Смотри же, ежели хочешь быть живъ, то ни на шагъ отъ меня.

ДЕЛФИТО.

О проклятой Прокодуранте! твои просьбы всегда въ бѣды меня вводятъ. Ну зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Не бойтесь, господинъ Делфито, я вамъ никакого вреда не сдѣлаю, лишь вы не мѣшайте мнѣ.

Явленіе VII.

ТѢЖЕ и ПЕДРИЛЛО (наряженной волшебникомъ).

ДЕЛФИТО.

Это что за чучела, что за святошная харя?

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Стойте тихо и не мѣшайтесь не въ свое дѣло.

МАРЬЯ (отводитъ Педрилла въ сторону и говоритъ съ нимъ).

Старуха удивится, что ты все это знаешь и почтетъ тебя великимъ волшебникомъ; пойду позову ее (уходитъ въ домъ).

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Господинъ волшебникъ! вотъ питье, которое мамѣ непремѣнно надобно выпить (даетъ ему скля-

ночку, потомъ беретъ Делфита за руку и ведетъ его въ лѣсъ). Пойдемъ спрячемся.

Явленіе VIII.

ПЕДРИЛЛО (одинъ).

Ну Педрилло! оказывай ума своего проворство и обворожи совершенно глупую эту старуху. Я на моемъ вѣку и не эдакихъ простофиль обманывалъ; а чтобы еще болѣе посмѣяться, то и Делфита употреблю къ тому руководствомъ. Да вотъ и старуха! (Стоитъ одаль).

Явленіе IX.

ПЕДРИЛЛО, МАРЬЯ и МАМА.

МАМА.

Боюсь, Марьюшка, вить эдакіе люди всегда съ чертями знаются; ну какъ сохрани Богъ какой бѣсъ сюда появится: не уходи отъ меня пожалуй; мнѣ-таки при тебѣ гораздо лучше.

МАРЬЯ.

Не опасайтесь ничего, мамушка! (подходитъ къ Педриллѣ). Господинъ волшебникъ! вотъ эта госпожа хочетъ узнать отъ васъ о своей судьбинѣ (мама кланяется).

ПЕДРИЛЛО (подходя поближе важнымъ голосомъ).

Я все на свѣтѣ знаю, мнѣ все то явно, что не закрыто, я предсказываю прошедшее и угадываю настоящее; глядя на тебя узнаю я, что у тебя мужъ отъ того умеръ, что кукушка куковала.

МАМА.

Такъ, батюшка, точно такъ.

ПЕДРИЛЛО.

Да и надъ тобою смерть на волоску виситъ.

МАМА.

Отецъ родной! нельзя ли какъ помиловать?

ПЕДРИЛЛО.

Трудно; однакоже я постараюсь: ты также внучку сбираешь за мужъ, а приданаго еще мало.

МАМА.

Ничего нѣту, мой батюшка.

ПЕДРИЛЛО (вынимаетъ кошелекъ).

Я сего дня поутру для препровожденія времени изъ свинцовыхъ листочковъ надѣлалъ золотыхъ червонцевъ, вотъ тебѣ ихъ, возьми!

МАМА (хватаетъ съ радостью).

Ахъ! батюшка! ахъ отецъ родной, да мнѣ образъ твой, господинъ волшебникъ, надо вымѣнить.

ПЕДРИЛЛО.

Хочешь ли? я тебѣ покажу покойнаго твоего мужа?

МАМА.

Ахъ нѣтъ! нѣтъ батюшка, онъ и живой-то бивалъ меня безъ милосердія; боюсь, какъ съ того свѣта придетъ, то и совсѣмъ еще меня удавитъ бѣдную.

ПЕДРИЛЛО.

Ну! хочешь ли? я тебѣ покажу господина Делфито.

МАМА.

Да не будетъ ли мнѣ какого вреда?

ПЕДРИЛЛО.

Не бойся ничего (обводитъ палочкой около ея кругъ). Токмо изъ круга ни по ногу! (Говоритъ странныя слова и махаетъ палочкой по воздуху, кричитъ громко). Злой духъ, духъ гордости, лжи и коварства! пріими на себя образъ Делфита и явись сюда скорѣе!

(ГОНЗАЛЕЦЪ толкаетъ Делфита изъ лѣсу, которой идетъ чрезъ театръ тихими стопами, потомъ бросается въ противную сторону и уходитъ).

МАМА.

Съ нами крестная сила! наше мѣсто свято! зачурай меня батюшка, зачурай меня скорѣе; ахъ! теперь-то я вижу, что ты великой волшебникъ!

ПЕДРИЛЛО.

То-то же, вотъ тебѣ, бабушка, скляночку, которую ты коли выпьешь, то проживешь еще пятьдесятъ лѣтъ; да и завтра цѣлой часъ будетъ въ твоей волѣ каждую мѣдную денежку оборотить въ золотой червонецъ.

МАМА (вырываеть почти).

Дай батюшка! пожалуй поскорѣе, сію же минуту выпью (выпиваетъ скляночку). Да какъ же пріятно!

МАРЬЯ (беретъ старуху за руку).

Пойдемъ же, бабушка, въ покой.

МАМА (кланяется на сіе Педриллѣ).

Прости, мой батюшка! милости твоей по гробъ не забуду. Марья! сонъ меня что-то клонитъ, пойду я, да лягу, а ты посмотри за барышней (уходитъ).

Явленіе X.

ГОНЗАЛЕЦЪ и ПЕДРИЛЛО, потомъ АДЕЛЬ и МАРЬЯ.

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Что ты это, шалунъ, надѣлалъ! вить Делфито ушелъ, и вѣрно въ городѣ всѣхъ встревожитъ.

ПЕДРИЛЛО.

Надобно поскорѣе торопиться.

(Выходятъ Адель и Марья).

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Прекрасная Адель! не могу вамъ изобразить, въ какомъ я восхищеніи; не надобно отлагать времени: священникъ въ двухъ шагахъ отселѣ насъ ожидаетъ.

АДЕЛЬ.

Увѣрена будучи о благородствѣ вашей души, я совсѣмъ отдаюсь въ волю вашу, милой Гонзалецъ.

МАРЬЯ.

Старуха наша лишь дошла до постели, то и повалилась, и дрыхнетъ теперь изо всей мочи.

ПЕДРИЛЛО.

Она не опасна; но Делфито поскакалъ въ городъ.

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Пойдемъ, любезная Адель! (беретъ ее за руку). А вы останьтесь здѣсь и все приготовьте.

(Уходятъ Гонзалецъ и Адель).

Явленіе XI.

ПЕДРИЛЛО и МАРЬЯ.

ПЕДРИЛЛО.

Не странно ли тебѣ кажется, Марья, что имѣя въ глазахъ примѣръ пламенной любви господъ нашихъ, мы не вздумаемъ хоть немножко съ тобой полюбиться?

МАРЬЯ.

Такъ ты только для подражанія другихъ влюбляешься?

ПЕДРИЛЛО.

Ахъ, нѣтъ милая Марьюшка! даромъ что я теперь колдунъ; ты, моя дорогая, совсѣмъ меня обворожила (скидаетъ епанчу).

МАРЬЯ.

Давай лучше говорить объ дѣлѣ, что тебѣ велѣлъ господинъ-атъ здѣсь приготовить?

ПЕДРИЛЛО.

Приготовленъ у насъ маленькой балетъ; надобно до возвращенія его сдѣлать репетицію (Педрилло хлопаетъ въ ладоши). Подите сюда, ребята! (Изъ лѣсу выходятъ пастухи и пастушки; танцуютъ балетъ).

МАРЬЯ.

Это прекрасно все; да вотъ идутъ Гонзалецъ и Адель; какой же радостной блистаетъ на лицахъ ихъ видъ!

Явленіе XII.

Тѣже и Гонзалецъ съ Аделью; пастухи и пастушки танцуютъ кругомъ ихъ, и надѣваютъ на нихъ вѣнки изъ цвѣтовъ.

ГОНЗАЛЕЦЪ.

Теперь ужъ ты на вѣкъ моя, любезная Адель; ничто на свѣтѣ насъ болѣе разлучить не можетъ.

АДЕЛЬ.

Постараемся поскорѣе умилостивить батюшку. (Гонзалецъ и Адель садятся на дерновую скамейку, и пастухи и пастушки танцуютъ балетъ).

ПЕДРИЛЛО (испужавшись выбѣгаетъ изъ лѣсу).

Донъ Педро самъ сюда ѣдетъ.

(Всѣ уходятъ въ смятеніи).

Явленіе XIII.

ДОНЪ ПЕДРО и ДЕЛФИТО.

ДОНЪ ПЕДРО (вбѣгаетъ).

Гдѣ они? гдѣ они? изъ своихъ рукъ застрѣлю эту негодную!

ДЕЛФИТО

Всѣ они здѣсь были. (Увидѣвъ Марью въ лѣсу, бѣжитъ за ней, и поймавъ выводитъ на театръ) А вотъ одное поймалъ!

ДОНЪ ПЕДРО (прикладывается изъ пистолета).

Сказывай плутовка! гдѣ Адель? или сію же минуту застрѣлю тебя!

МАРЬЯ (на колѣняхъ).

Помилуйте, я право ничего не знаю.

ДОНЪ ПЕДРО.

Сію же минуту все скажи! (Взводитъ курокъ) Вотъ только тебѣ и жить.

МАРЬЯ.

Гонзалецъ съ Аделью обвѣнчались, и теперь не знаю, куда уѣхали.

ДОНЪ ПЕДРО (услышавъ съ одной стороны театра голосъ, бросается туда; потомъ услышавъ съ другой, и туда бросается, и такъ нѣсколько разъ поперемѣнно).

Проклятые! замучили меня.

ДЕЛЬФИТО.

Да когда они уже обвѣнчались, то пособить нечѣмъ.

ДОНЪ ПЕДРО.

Я радъ, что она вышла безъ спросу моего замужъ; не дамъ ей ни полушки приданаго; поѣдемъ въ городъ (всѣ уходятъ).

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

(Театръ представляетъ великолѣпную комнату въ городскомъ домѣ Дона-Педро Прокодуранте, въ коей стоятъ софы, стулья и кресла).

Явленіе I.

ДОРФИЗА, ГЕРЦОГЪ и ДОНЪ-ЖУАНЪ.

ДОРФИЗА.

Извините, Ваша Свѣтлость, что дона-Педро нѣтъ еще дома; видно, какая нибудь важная надобность удержала его долѣе, нежели онъ чаялъ. Однако думаю, что чрезъ нѣсколько минутъ онъ будетъ.

ГЕРЦОГЪ.

Съ такою, какъ вы, сударыня, хозяйкою непримѣтно отсутствіе хозяина.

ДОРФИЗА.

Милости прошу садиться (всѣ садятся).

ГЕРЦОГЪ.

Дозволите ли вы мнѣ, прекрасная Дорфиза, просить у васъ милости.

ДОРФИЗА (съ веселымъ видомъ).

Съ превеличайшимъ удовольствіемъ исполню волю вашу.

ГЕРЦОГЪ.

Падчерица ваша, Адель, вышла за Гонзалеца замужъ тайно; я имѣю вѣрное о томъ извѣстіе, и знаю, гдѣ они теперь находятся; помогите мнѣ у дона-Педро испросить имъ прощенія.

ДОРФИЗА (въ сторону).

Слава Богу! не станетъ она болѣе перехватывать у меня любовниковъ. (Герцогу). Я о томъ въ угодность вашу буду стараться; я объ Гонзалецѣ всегда была добраго мнѣнія, и болѣе потому, что вы удостоиваете его вашимъ покровительствомъ, и что онъ другъ Донъ-Жуану.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Много мнѣ чести изволите дѣлать, сударыня.

Явленіе II.

ТѢЖЕ и БУРЛЕСКО.

БУРЛЕСКО (со многими поклонами подходитъ къ Дорфизѣ).

Тебѣ, прекрасная Дорфиза, я желаю
Открыть весь блескъ твоихъ красотъ:
Но по достоинству хвалить тебя не знаю,
И долженъ для того зажать свой ротъ.

ГЕРЦОГЪ.

Нѣтъ, господинъ Бурлеско, пожалуйте не переставайте, и въ удовольствіе всѣхъ насъ продолжайте ваши импромтю.

БУРЛЕСКО.

Извольте, милостивой государь; но прежде долженъ я вамъ донести печальную вѣдомость.

ГЕРЦОГЪ.

А что такое?

БУРЛЕСКО.

Донъ-Педро ди Лаго умеръ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Великой грабитель былъ покойникъ, не тѣмъ будь помянутъ.

ДОРФИЗА.

Дай Богъ ему царство небесное!

БУРЛЕСКО.

Я ужъ сочинилъ для него и эпитафію: не прикажите ли прочитать?

ВСѢ.

Охотно послушаемъ.

БУРЛЕСКО.

Подъ камнемъ симъ гніетъ
Претолста мужа тѣло;
Чего теперь въ немъ нѣтъ,
Того оно и прежде не имѣло.

ГЕРЦОГЪ.

Вотъ это хорошо! да развѣ въ немъ и въ живомъ-то души не было. Нѣтъ, господинъ Бурлеско, это не эпитафія, а эпиграмматическая загадка.

БУРЛЕСКО.

Коли эта не угодна, такъ вотъ еще другая.
Донъ-Педро здѣсь ди-Лаго погребенъ,
Что среди щастія злымъ рокомъ пораженъ:
Не пощадила смерть претолстой его туши.
Онъ въ жизни веселился, пилъ и ѣлъ.
Все было у него: того лишь не имѣлъ,
Чѣмъ отличаются на свѣтѣ честны души.

ДОРФИЗА.

Оставимъ эту печальную матерію, а скажите намъ, г. Бурлеско, какіе ни есть веселенькіе стишки.

БУРЛЕСКО.

О прелесть всѣхъ сердецъ! что мнѣ повелѣваешь
Всегда мнѣ то законъ, чего ты пожелаешь.

ДОРФИЗА.

Стихотворство должно быть соединено съ музыкою; спойте намъ пѣсенку своего сочиненія; Его Свѣтлости конечно будетъ это угодно.

ГЕРЦОГЪ.

Что вамъ угодно, то и мнѣ пріятно.

БУРЛЕСКО.

Извольте, спою вамъ пѣсню про донъ Жуана де Симонета (поетъ на голосъ Масонской пѣсни).

Другого въ свѣтѣ нѣтъ
Такого человѣка,
Каковъ де Симонетъ
Средь просвѣщенна вѣка.
Онъ многихъ превзошелъ
Проворствомъ и умомъ,
И способы нашелъ
Обогатить свой домъ.

* * *

Хотя извѣстно намъ,
Что многихъ онъ ограбилъ;
За то огромный храмъ
Онъ Божеству поставилъ.
Сіяетъ тамъ вездѣ
Лишь злато и сребро.
Онъ судитъ хоть по мздѣ,
И то вить есть добро.

* * *

Отъ казни многихъ онъ
Виновныхъ избавляетъ,
И толковать законъ
По мастерски онъ знаетъ.
Указы у него
Почти всѣ наизусть
И токмо изъ его
Услышимъ это устъ,

* * *

Кто больше дастъ, тотъ правъ;
Не дастъ кто, тотъ виновенъ.
Признаться, такой нравъ
Судьѣ весьма удобенъ;
Себя онъ богатитъ,
Сбирая со всего,
И коль грабежъ дѣлитъ,
Поддержатъ и его.

* * *

На то надѣясь онъ,
Въ мздоимствѣ мѣръ не знаетъ,
И тамъ, гдѣ посаженъ,
Всѣхъ членовъ презираетъ.

Не только что онъ самъ
Воруетъ, и жена
По всѣмъ ѣздитъ мѣстамъ
И грабитъ всѣхъ она.
* * *
И дѣти всѣ его
Къ грабительству стремятся.
Не зная ничего,
Отцемъ своимъ гордятся.
Доколѣ небесамъ
Угодно то терпѣть!
На эшафотѣ бъ вамъ,
Злодѣи, умереть.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вотъ прекрасная пѣсня, вы превосходной живописецъ, господинъ Бурлеско, и сей портретъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на донъ Жуана де Симонетъ; ежели вы ему покажете эту пѣсню, онъ васъ поблагодаритъ.

ДОРФИЗА.

Недавно очень хорошо Симонетова жена хвалила своихъ дѣтей; одинъ сынъ, говорила она, у меня всѣхъ умнѣе; что попадается ему въ руки, ни за что никому не отдастъ, да и братьямъ ничего не удѣлитъ; а другой напротивъ такъ простъ, что все отдать радъ, и сколько я ни отучаю его отъ такого дурачества, не могу отвадить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Видно она изрядное о умѣ имѣетъ понятіе!

ГЕРЦОГЪ.

Она и сама великая умница; къ тому жъ совершенная хозяйка; какой у нея преславный коровій заводъ! Правда, что токмо она о коровахъ и думаетъ. Однажды у меня за ужиномъ во время всего стола она ни слова не говорила; а ужъ за дессертомъ вдругъ перервала довольно важной мой съ другими гостями разговоръ, и спросила меня, знаю ли я бѣлую корову?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Очень это было кстати.

БУРЛЕСКО.

Кабы изволили знать, какія съ нею проказы дѣлаетъ донъ-Педро Прокодуранте! Однажды увѣрилъ онъ ее, что будто мужъ ея Симонетъ влюбленъ въ Дорфизу; и эта взбалмошная дура мѣсяца два бѣсилась; и естьли бы было съ чего, то вѣрно бы сошла съ ума.

Явленіе III.

ТѢЖЕ, ДОНЪ-ПЕДРО и ДЕЛФИТО.

(При входѣ ихъ всѣ встаютъ).

ДОНЪ-ПЕДРО (Герцогу и донъ-Жуану).

Извините, милостивые государи, очень непріятной случай былъ причиною, что я до сего времени замедлилъ. Нещастіе мое такого рода, что его скрыть не можно. Дочь моя ушла изъ деревни съ Гонзалецомъ, и безъ дозволенія моего вышла замужъ; но я никогда не прощу этой негодяйкѣ, и будь она отъ меня проклята!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что вы это говорите, донъ-Педро? Знаете ли вы, что таковою безмѣрною строгостію можете вы себя обезславить?

ДОНЪ-ПЕДРО.

И такъ уже довольно мнѣ въ томъ безславія.

ГЕРЦОГЪ.

Признаться должно, Гонзалецъ поступилъ не очень хорошо, что воспользовался противъ вашей воли склонностью къ нему Адели; но когда уже сего поправить не можно, то не лучше ли, донъ-Педро, не пуская случая сего въ огласку, признать вамъ, что свадьба сдѣлана съ вашего согласія и нынѣшнюю вашу вечеринку превратить въ свадебной пиръ. Вы сами говорили, что Гонзалецъ молодецъ достойной, и я васъ могу увѣрить, что вы въ немъ будете имѣть болѣе сына, нежели зятя. (Дорфизѣ). Не правду ли я говорю, сударыня?

ДОРФИЗА.

Какъ быть, коли судьбѣ такъ угодно! я съ моей стороны охотно соглашусь видѣть Гонзалеца въ нашемъ семействѣ, и то же совѣтую дону-Педро.

ДЕЛФИТО.

Эдакъ и всѣ дочери будутъ отъ отцовъ бѣгать. Надобно строгость, чтобъ прекратить этотъ вкравшійся къ намъ отъ французовъ обычай.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Вотъ хорошо сказано, очень хорошо, надобно пресѣкать злоупотребленіе, а не потворничать непослушнымъ дѣтямъ.

ГЕРЦОГЪ.

Я васъ прошу, донъ-Педро, для вашей же болѣе пользы: какая вамъ прибыль безславить вашу дочь? Лучше оказать милость, чѣмъ жестокосердіе; пожалуйте простите ихъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Все радъ сдѣлать для Вашей свѣтлости; но этого никакъ не можно.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вспомните то, донъ-Педро, что мы всѣ люди грѣшные и всѣ имѣемъ нужду въ прощеніи.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Однако же таковое ослушаніе достойно наказанія, и извините меня, государь мой: кажется мнѣ, что я и самъ уже довольно долженъ знать, какъ мнѣ поступать съ своею дочерью.

ГЕРЦОГЪ (въ сторону).

Какой жестокосердой! но скоро перемѣнишь тонъ.

Явленіе IV.

ПРЕЖНІЕ, ЛУЦИЛЛА, РАМИРЕЦЪ, МОНДОРЪ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Добро пожаловать; радуюсь очень, что имѣю удовольствіе васъ видѣть.

ДОРФИЗА.

Милости прошу садиться (всѣ садятся).

РАМИРЕЦЪ.

Кто-то будетъ у насъ опредѣленъ на мѣсто дона-Педро ди Лаго; кажется вамъ, господинъ Прокодуранте, слѣдовало бы заступить оное.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Въ моихъ лѣтахъ, государь мой, не о новыхъ чинахъ, а болѣе о спокойствіи помышлять должно; я уже довольно послужилъ государству; пора теперь пожить и для себя.

ГЕРЦОГЪ.

Ваши услуги, донъ-Педро, должны быть награждены.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Я несумнѣнно надѣюсь на правосудіе нашего Государя: впрочемъ, Ваша Свѣтлость, дозвольте мнѣ сказать, что уже пора мнѣ и на покой.

БУРЛЕСКО (въ сторону).

Еще на покой! и на глаголѣ съ тебя довольно мѣста.

ГЕРЦОГЪ.

Нынѣшній день будетъ блистательнымъ знакомъ милосердія, человѣколюбія и правосудія нашего великаго Монарха; особливо вы, донъ-Педро, извѣдаете, что онъ знаетъ поступать съ каждымъ по его заслугамъ и достоинствамъ; тоже и вы, господинъ Делфито. (Всѣ слушаютъ съ удивленіемъ).

ДЕЛФИТО (ко всѣмъ).

Вотъ! видите ли, государи мои, что я имѣю подпору при дворѣ, и что я скоро опять знатной чинъ имѣть буду.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, всеконечно, очень знатной!

ДОНЪ-ПЕДРО.

И такъ, милостивые государи, постараемся нынѣшнюю вечеринку провести въ радости, весельѣ и удовольствіи, и побесѣдуемъ по пріятельски.

ДЕЛФИТО.

Я всегда былъ увѣренъ, что невинность моя, достоинства мои и заслуги возьмутъ наконецъ верхъ надъ моими непріятелями. Я проливалъ кровь за отечество.

ГЕРЦОГЪ.

Такъ вы, господинъ Делфито, были и въ военной службѣ?

ДЕЛФИТО.

Раны мои, Ваша Свѣтлость, свидѣтельствуютъ, что я никогда отъ непріятеля не уклонялся. Я былъ во многихъ морскихъ и сухопутныхъ сраженіяхъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ какихъ вы были морскихъ сраженіяхъ?

ДЕЛФИТО.

Я не мало храбростію своею способствовалъ къ выигрышу славной Лепантской викторіи.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ вы тутъ были?

ДЕЛФИТО.

Всеконечно; и естьли компанія не поскучаетъ, я разскажу подробно, какъ происходило великое и достопамятное сіе сраженіе.

ВСѢ.

Мы ради будемъ слушать.

ДЕЛФИТО (встаетъ и тростью разводитъ по полу).

Надобно вамъ знать, что у турковъ гораздо болѣе кораблей, чѣмъ у насъ. Нашъ флотъ вотъ напримѣръ стоялъ тутъ, а турецкой вотъ здѣсь; полумѣсяцомъ дали сигналъ къ сраженію; загремѣла пушечная пальба, и въ дыму ничего было невидно, кровь лилась ручьями; на лѣвомъ крылѣ зачали мы одолѣвать, но на правомъ наскакала турецкая конница.

РАМИРЕЦЪ.

Какая въ морскихъ сраженіяхъ конница? (Всѣ смѣются).

БУРЛЕСКО.

Это конница была приготовлена для дессанту; я самъ въ ней служилъ Прапорщикомъ. Вѣрьте, что г. Делфито пустаго не скажетъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что же далѣе, сударь?

ДЕЛФИТО.

Наконецъ корабль, на которомъ я былъ, сцѣпился съ адмиральскимъ турецкимъ кораблемъ; тутъ-то былъ страхъ и ужасъ! Рубились мы жестоко съ турками, вездѣ валились руки, ноги и головы; по нещастію оба наши корабля вдругъ загорѣлись отъ неосторожности нашего Капитана, которой въ семъ случаѣ такъ оробѣлъ, что не зналъ что и дѣлать.

ДОНЪ-ЖУАНЪ (въ сторону).

Лжецъ безстыдной!

ГЕРЦОГЪ.

Такъ этотъ Капитанъ былъ трусъ по видимому! (Даетъ знакъ донъ-Жуану, чтобы онъ молчалъ).

ДЕЛФИТО.

Съ самаго начала сраженія всѣмъ распоряжался я, а онъ былъ внѣ себя отъ робости.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не правда, сударь; этотъ Капитанъ честной человѣкъ, а не трусъ.

ДЕЛФИТО.

Вотъ это хорошо; да я его какъ самъ себя знаю; мы были прежде пріятели, но послѣ сраженія сего поссорились.

(Всѣ смѣются, и Делфито смѣется болѣе всѣхъ).

Надъ кѣмъ насмѣхаются! всѣ хохочутъ! дай же и я буду смѣяться.

РАМИРЕЦЪ (Делфиту).

Смѣются надъ тобой; вить Капитанъ-атъ этого корабля былъ донъ-Жуанъ самъ.

ДЕЛФИТО.

Экъ вы, братцы! да развѣ вы не понимаете, что я все это шутя говорилъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

То дѣло! однако совѣтую вамъ впредь остерегаться отъ такихъ шутокъ.

БУРЛЕСКО.

Однако же вы и прошлаго года то же разсказывали и божились, что все это правда.

ДЕЛФИТО.

Тогда была правда, а теперь нѣтъ (подходитъ къ Герцогу и говоритъ тихо). Ужъ не пора ль, Ваша Свѣтлость, объявить донъ-Жуану заслуженное имъ наказаніе?

ГЕРЦОГЪ (тихо).

Погодите еще немного (Делфито отходитъ и садится).

ДОНЪ-ПЕДРО ПРОКОДУРАНТЕ.

Полно-ти про сраженіе-то говорить, милостивые государи, поговоримъ про что нибудь веселое.

ЛУЦИЛЛА.

Чтобъ развеселить всю компанію, кто можетъ это удачливѣе васъ сдѣлать, господинъ донъ-Педро Прокодуранте? разскажите токмо намъ какое нибудь забавное приключеніе изъ вашей жизни.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Извольте, сударыня, слыхали ли вы, какую сдѣлалъ я шутку съ господиномъ Резанте въ Сарагосѣ?

ГЕРЦОГЪ.

Съ тѣмъ Резанте, что послѣ былъ Сенаторомъ?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Точно такъ, Ваша Свѣтлость.

ГЕРЦОГЪ.

Пречестной этотъ человѣкъ и мнѣ пріятель; однако же послушаемъ, какъ вы съ нимъ подшутили.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Я къ нему былъ рекомендованъ, и онъ принялъ меня какъ можно ласковѣе; удержалъ меня въ своемъ домѣ на все время моего въ Сарагосѣ пребыванія. Вы знаете, что Резанте постоянной и важной человѣкъ; однимъ словомъ, такого характера, которой моему во всемъ противенъ. Мнѣ скоро въ домѣ его стало скучно; просился я у него на квартиру: но онъ такъ меня полюбилъ, что не отпустилъ. Досадно было мнѣ это, и я вознамѣрился ему за то отмстить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Какъ? отмстить за его къ вамъ ласку и пріязнь?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Но эта пріязнь мѣшала мнѣ веселиться въ городѣ; и такъ притворился я ночью, что нашла на меня эпилепсія, зачалъ кричать разными и странными голосами, бился и коверкалъ всѣми своими членами. Резанте проснувшись прибѣжалъ ко мнѣ, и почти со слезами старался мнѣ помогать. Я же часъ отъ часу болѣе ломался и коверкался. Вы знаете, что Резанте набоженъ, и такъ велѣлъ онъ покрыть меня бѣлою простынею, и наложить на оную крестъ съ мощами, думая, что дьяволъ въ меня вселился. Тогда я не много утихнулъ; и какъ Резанте хотѣлъ итти спать, то я опять закричалъ, что ни есть мочи, и коверкался пуще прежняго, и такъ всю ночь не далъ ему уснуть ни на волосъ, и очень его утомилъ. На другой день примѣтилъ я, что и самъ онъ не имѣлъ большаго желанія держать меня въ своемъ домѣ, и такъ отъ него вырвался.

БУРЛЕСКО.

Скажите лучше, господинъ Прокодуранте, приключеніе ваше съ музыкантомъ Антоніемъ, что прошлой зимою съ вами случилось.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Что такой вздоръ сказывать? Тутъ ничего нѣтъ смѣшнаго.

БУРЛЕСКО (Герцогу).

Ежели Вашей Свѣтлости угодно, то я разскажу.

ГЕРЦОГЪ.

Радъ слушать.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Нечего и слушать.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Посмотримъ, лишь не мѣшайте ему.

БУРЛЕСКО.

Господинъ Прокодуранте прошлою зимою за надобностію своею былъ въ Мадритѣ. Препоручено ему было отъ одного его пріятеля привезти хорошаго капельмейстера. Антоніо, славной музыкантъ во всей Гишпаніи, токмо имѣетъ порокъ, что болѣе пьетъ вина, нежели трезвому человѣку то прилично. Его-то донъ-Педро вздумалъ уговорить ѣхать съ нимъ въ провинцію. (Дону-Педро). Правда ли, сударь?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Правда, я ему обѣщалъ двѣ тысячи червонцевъ въ годъ жалованья, и контрактъ уже былъ написанъ.

БУРЛЕСКО.

Антоніо утверждаетъ, что вы его поили, и контрактъ имъ подписанъ пьянымъ, и что онъ ничего не помнитъ; да и къ какой стати ему, польстясь на двѣ тысячи, оставить столицу, гдѣ онъ десять тысячъ получать можетъ? Но какъ бы то ни было, наканунѣ своего отъѣзда донъ-Педро, напоивъ Антонія мертвецки пьянымъ, положилъ его въ свой экипажъ и поскакалъ изъ Мадрита. Уже довольно далеко отъѣхали, какъ Антоніо проспавшись очнулся. И вправду сыгралъ онъ г. Прокодуранте еще лучше штуку, нежели донъ-Педро съ Резантіемъ. Видя, что его везутъ насильно, притворился онъ съ ума сшедшимъ, вцѣпился дону-Педро въ волосы, и будучи мужичина сильной, отпотчивалъ его кулачнымъ дуэтомъ, самымъ добрымъ мастерствомъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Такой проклятой! у меня и до сего времени бока несовершенно еще зажили, и я принужденъ

былъ этого пьяницу Антонія бросить на дорогѣ. Видите, что онъ во всемъ виноватъ; а слышу я, что онъ хочетъ на меня Короля просить.

РАМИРЕЦЪ.

Такъ не всѣ же ваши хитрости, господинъ донъ-Педро Прокодуранте, удачно вамъ съ рукъ сходятъ!

МОНДОРЪ.

Однако должно отдать дону-Педро справедливость, это этакого другаго проворнаго и хитраго человѣка въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ.

ЛУЦИЛЛА.

Кабы вы слышали, какъ донъ-Педро на первой своей женѣ женился: тутъ-то бы вы подивились.

ГЕРЦОГЪ.

Удостоите ли вы насъ, господинъ Прокодуранте, услышать эту любопытную повѣсть?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Съ превеличайшимъ удовольствіемъ. Надобно напередъ васъ увѣдомить, что тесть мой жилъ въ пограничномъ городѣ, гдѣ я будучи влюбился въ его дочь и сталъ свататься; я умѣлъ понравиться матери ея, ибо что до нея самой касается, мало я заботился узнать ея расположеніе; и правду вамъ сказать, и прежде и послѣ свадьбы, никогда въ ней не замѣтилъ къ себѣ ни склонности, ни отвращенія; она была человѣкъ совершенно безпристрастной. Былъ сдѣланъ сговоръ, и мы обручены; получилъ я бриліантовой перстень; но какъ я возвратился въ столицу, и сталъ у матери своей на свадьбу свою просить дозволенія, то она и слышать о томъ не хотѣла. Не дозволеніе ея было мнѣ очень нужно, но деньги на свадьбу. Въ такой крайности что дѣлать? Вздумалъ я игрою достать оныхъ; но къ нещастію проигралъ перстень моей невѣсты, о чемъ вскорѣ отецъ и мать ея узнали, и еще нѣкоторыя мои молодеческія хитрости и ловкія ухватки дошли до ихъ ушей, такъ что женитьба моя зачала становиться очень сумнительною.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Великія правду сказать, это препятствія, почти непреоборимыя честному человѣку.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Но я всѣ ихъ уничтожилъ проворствомъ своимъ и хитростію; употребилъ поддѣланныя карты, и въ биліардѣ поставилъ пустой шаръ, и не токмо возвратилъ свой перстень, но и выигралъ довольное число денегъ; а чтобы достать материно позволеніе, притворился я смертельно влюбленнымъ, казался, что будто я въ отчаяніи, что иногда отъ горести схожу съ ума, и разцарапавъ себѣ десны, харкалъ при ней кровью, чтобы она подумала, что зачинается у меня чахотка; всѣми этими ухватками побѣдилъ я наконецъ ея сопротивленіе; и она, дозволивъ мнѣ жениться, при чистомъ своемъ родительскомъ благословеніи, на всѣ издержки пожаловала мнѣ токмо пятьдесятъ червонныхъ. Сталъ я почти въ пень, ибо выигрышныя деньги давно промоталъ я. Не взирая на все сіе, въ надеждѣ на свое проворство, пустился я въ путь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Зачало благо, каковъ-то будетъ конецъ?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Ѣхалъ я на телѣгѣ; какъ догналъ меня французъ въ дорожной коляскѣ; вступили мы съ нимъ въ разговоръ, и я скоро изъ рѣчей его примѣтилъ, что онъ былъ какой нибудь шпіонъ, и вознамѣрился вывести изъ того свою выгоду.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

То есть сдѣлать на него доносъ, завладѣть его экипажемъ?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Нѣтъ, сударь, совсѣмъ не то. Я далъ ему чувствовать, что онъ безъ моей помощи за границу пробраться не можетъ. Потомъ открылся я ему чистосердечно въ моихъ предпріятіяхъ. Симпатія подѣйствовала, и онъ видя, какой я искусной человѣкъ, почувствовалъ ко мнѣ уваженіе. Я ему сдѣлалъ препозицію, чтобы онъ представлялъ ролю моего камердинера, и что я найду способъ благополучно выпроводить его за границу; на что онъ съ радостію согласился; бросилъ я свою телѣгу и переселился къ нему въ коляску. Прискакали мы къ нареченному моему тестю; всѣ приняли меня довольно холодно; я же имъ сказалъ, что карета моя на дорогѣ изломалась не подалеку отъ столицы, и что я всѣхъ людей своихъ оставилъ, и

пріѣхалъ токмо съ однимъ своимъ камердинеромъ французомъ. Тутъ уже зачали посматривать на меня поблагосклоннѣе; а какъ я на другой день нарядясь появился съ обручальнымъ перстнемъ на пальцѣ, то и всѣ сумнѣнія противъ меня исчезли. Теща моя тогда мнѣ открылась, сколь много на мой щетъ ей было насказано. И такъ чрезъ нѣсколько дней назначено быть свадьбѣ, и чтобы мнѣ не дожидаться оставленнаго на дорогѣ моего экипажа. Между тѣмъ французу нужно было ѣхать. Выдумалъ я тутъ слѣдующую хитрость: пришедъ къ нареченному моему тестю, говорилъ ему, что въ Мадритѣ не могъ я найти хорошихъ подарковъ для свадьбы; для того вознамѣрился послать камердинера своего за границу для покупки оныхъ, и такъ выпросилъ у него пропускъ, и французъ мой поскакалъ опрометью.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Правду сказать, хороши дѣла, есть чѣмъ похвалиться.

ЛУЦИЛЛА.

Толи еще будетъ! (Дону-Педро). Какъ же вы жида-та обманули?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Что про это, матушка, говорить? это самая бездѣлица! И такъ насталъ день свадьбы; и какъ насъ обвѣнчали, нечего мнѣ было дать священнику: но я, подошедъ къ тещѣ, сказалъ ей, что позабылъ свой кошелекъ въ горницѣ; и такъ взявъ у нея нѣсколько золотыхъ денегъ, расплатился. Нѣсколько времени спустя послѣ свадьбы узнали всѣ мои хитрости; но уже дѣло было сдѣлано.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

И вамъ не стыдно это разсказывать!

ДОНЪ-ПЕДРО.

Да чего тутъ стыдиться? развѣ стыдно быть умнымъ и проворнымъ человѣкомъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Этакой умъ называется плутовствомъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

О! такъ ты уже, братъ, зачалъ меня и безчестить; но я вскорѣ открою твои плутни (оборачивается ко всѣмъ, а особливо къ Герцогу). Милостивые государи! Донъ-Жуанъ есть самой негодной человѣкъ и измѣнникъ противъ Короля. Вашей Свѣтлости все уже извѣстно, и такъ нечего отлагать его наказаніе (всѣ находятся въ превеликомъ удивленіи).

ЛУЦИЛЛА.

Боже мой! что я слышу?

МОНДОРЪ.

Статочное ли дѣло!

РАМИРЕЦЪ.

Это не правда.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Что это точная правда, я побожиться радъ, хоть объ закладъ и не ударюсь (къ Герцогу). Прикажите ли войти Коррежидору и алгвазиламъ? Они по вашему приказу дожидаются въ моемъ кабинетѣ.

ГЕРЦОГЪ.

Прикажите, ежели вамъ угодно. (Донъ-Педро выходитъ, и немедленно входитъ опять съ Коррежидромъ и алгвазилами).

БУРЛЕСКО.

Не торопился бы такъ, о донъ-Педро, кабы зналъ всю правду!

ДОНЪ-ПЕДРО.

Теперь истина выдетъ вся наружу. (Донъ-Жуану). Экой ты злодѣй! ни мало не испугался.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Чего мнѣ пугаться?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Какъ чего? вить за твои мошенничества, по крайней мѣрѣ, пошлютъ тебя на каторгу.

ДЕЛФИТО.

Нѣтъ, этого мало за его преступленіе.

ГЕРЦОГЪ.

Господинъ Коррежидоръ! извольте исполнять вашу должность.

КОРРЕЖИДОРЪ (вынимаетъ бумагу, и надѣвъ очки читаетъ).

Имянной Указъ Его Королевскаго Величества.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Вотъ тутъ-то прошу послушать.

КОРРЕЖИДОРЪ (читаетъ).

Его Величество, уважая долговременную службу, оказанное усердіе, вѣрность, прилежаніе въ исполненіи поручаемыхъ ему должностей и великія достоинства...

ДОНЪ-ПЕДРО.

Вѣрно это обо мнѣ?

ДЕЛФИТО.

Неправда, обо мнѣ.

КОРРЕЖИДОРЪ.

И великія достоинства донъ-Жуана ди Палестра, жалуетъ его въ Барцелону Генералъ-Губернаторомъ.

ДЕЛФИТО.

Что я слышу!

ДОНЪ-ПЕДРО.

Громъ меня поразилъ!

РАМИРЕЦЪ.

Слава Богу.

МОНДОРЪ.

Какъ я радъ!

ГЕРЦОГЪ (Корражидору).

Извольте продолжать.

КОРРЕЖИДОРЪ.

Будучи же увѣдомленъ о худыхъ поступкахъ, грабительствѣ, всякихъ несправедливостяхъ, притѣсненіи вѣрныхъ его подданныхъ и плутовствѣ дона-Педро ди Лаго, дона-Педро Прокодуранте, Делфита и Симонета, препоручаетъ донъ-Жуану учинить имъ достойное наказаніе, давъ ему на то чрезъ присланные за подписаніемъ Его Величества бланкеты совершенное полномочіе.

ПРОКОДУРАНТЕ и ДЕЛФИТО.

Пропали мы, погибли!

ГЕРЦОГЪ (донъ-Жуану).

Поздравляю васъ, любезной другъ!

ПРОЧІЕ ВСѢ, КРОМѢ ПРОКОДУРАНТЕ и ДЕЛФИТА.

И мы всѣ васъ поздравляемъ и радуемся, что будемъ имѣть такого, какъ вы, начальника.

ПРОКОДУРАНТЕ и ДЕЛФИТО (становятся на колѣни предъ донъ-Жуаномъ).

Умилосердися надъ нами, милостивой государь, не помни нашей вражды, не дай намъ погибнуть.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я вамъ свою обиду прощаю; но учиненныя вами противъ Королевской службы злодѣянія и коварства строгаго заслуживаютъ наказанія, и вы въ примѣръ другимъ будете повѣшены.

ПРОКОДУРАНТЕ и ДЕЛФИТО (кланяются въ ноги).

Помилуй!

БУРЛЕСКО.

Счастливъ ди Лаго; онъ смертью своей избавился отъ висѣлицы.

ГЕРЦОГЪ (Дорфизѣ).

Не бойтесь, сударыня: я упрошу донъ-Жуана, чтобы онъ не такъ строго съ нимъ поступалъ. (Услышавъ сіе, Прокодуранте бросается къ Герцогу въ ноги). Ежели вы, господинъ Прокодуранте, простите вашу дочь, то я за васъ замолвлю слово.

ПРОКОДУРАНТЕ.

Прощаю, прощаю, и даю ей родительское благословеніе.

ГЕРЦОГЪ (Бурлеску).

Господинъ Бурлеско! приведите сюда Гонзалеца и Адель. (Бурлеско уходитъ; донъ-Жуану). Прошу васъ, донъ-Жуанъ, облегчить нѣсколько ихъ участь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я радъ все возможное для васъ сдѣлать; но ихъ преступленія такъ велики, такъ многочисленны, что я не знаю, какимъ образомъ въ семъ случаѣ согласить Королевское милосердіе съ его правосудіемъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Дайте, милостивой государь, перевѣсъ милосердію.

ДОРФИЗА.

Окажите и въ семъ случаѣ ваше великодушіе.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢЖЕ, АДЕЛЬ, ГОНЗАЛЕЦЪ и БУРЛЕСКО.

(Гонзалецъ и Адель становятся предъ Домомъ-Педро на колѣни).

Простите насъ, батюшка!

ДОНЪ-ПЕДРО.

Богъ васъ проститъ, любезныя дѣти! (подымаетъ ихъ).

ДОРФИЗА.

Я рада вашему счастію (цѣлуетъ ихъ).

ГЕРЦОГЪ (Гонзалецу).

Донъ-Педро Прокодуранте дастъ вамъ десять тысячъ червонныхъ, а господинъ Делфито цугъ лошадей; они у меня, и отъ меня вы ихъ получите. (Дону-Педро и Делфиту). Не правда-ли, государи мои, что вы на это согласны?

ПРОКОДУРАНТЕ.

Согласны на все, что вамъ угодно, токмо сдѣлайте съ нами отеческую милость.

РАМИРЕЦЪ (Герцогу).

Прикажите также, Ваша Свѣтлость, чтобы донъ-Педро Прокодуранте возвратилъ мнѣ пять тысячъ червонныхъ, которыя у меня укралъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Возвращу не умедливъ, только сжальтесь надъ моею участію, грѣшенъ во всѣмъ, признаюсь: а повинную голову и мечь не сѣчетъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я, слѣдуя всегдашнему Королевскому милосердію, облегчаю заслуженное вами наказаніе; вы, господинъ донъ-Педро Прокодуранте, отставлены отъ всѣхъ должностей и впредь никуда опредѣлены не будете. Симонету же и Делфиту сверхъ того еще должно просидѣть по шести мѣсяцевъ на хлѣбѣ и на водѣ. (Алгвазиламъ). Возьмите Делфита подъ стражу; также подите и къ Симонету. (Алгвазилы уводятъ Делфита).

ДОНЪ-ПЕДРО,

Слава Богу! какъ гора съ плечъ свалилась; боялся я, что лишусь съ такимъ трудомъ нажитаго мною имѣнія: но теперь все у меня осталось.

ГЕРЦОГЪ.

Подъ таковымъ премудрымъ правленіемъ, подъ каковымъ имѣемъ счастіе мы жить нынѣ, бездѣльники скоро или поздно бываютъ непремѣнно наказаны.

БУРЛЕСКО

Сколь долго вору ни плутовать,
Достойной казни не миновать.

КОНЕЦЪ.

Конецъ перваго тома.